

9(05)
Б95

ВЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

39211
Ил. № 7437
Одобрено
БИБЛИОТЕКА
Кузовского Дома
Красной Ручки

ПРОВЕРЕНО
1953 г.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ
№ 1 ЯНВАРЬ 1906

1950г

Проверено
1956

ПРОВЕРЕНО

ПЕТЕРБУРГЪ 7437

СБ-4300-97
2 6791

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Книгопечатня Шмидтъ, Звенигородская, 20.
1906.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
Отъ редакціи.	
1. Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка. (Очеркъ изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей). — <i>В. И. Семевскаго</i> . I—II.	1
2. Шлиссельбургская тюрьма за 20 лѣтъ, отъ 1884—1904 г. Воспоминанія <i>М. Ю. Ашгенбренера</i> .	54
3. «Узница» , — стихотвореніе (въ неизданной редакціи) <i>Я. П. Полонскаго</i>	94
4. Дѣло М. И. Михайлова, 1861 г. (По неизданнымъ матеріаламъ). <i>М. К. Лемке</i>	96
5. Петръ Григорьевичъ Каховскій. Историко-психологическій этюдъ. <i>П. Е. Шейолева</i> I.	129
6. Письма Н. Г. Чернышевскаго къ А. А. Браевскому	167
7. Сѣверно-русскій рабочій союзъ. Страница изъ исторіи рабочаго движенія въ Россіи. <i>В. Л. Буриева</i>	170
8. Засѣданіе Государственнаго совѣта 8 Марта 1881 года. Изъ дневника одного государственнаго дѣятеля	189
9. Народное движеніе въ Петербургѣ 9-го января 1905 г. <i>Л. Я. Гуревичъ</i>	195
10. За что арестовали Н. Г. Чернышевскаго? (письмо <i>А. И. Герцена</i> къ <i>Н. А. Серно-Соловьевичу</i>). Сообщ. <i>М. К. Лемке</i>	224

11. Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 г.	227
12. Воззвание группы русскихъ конституционалистовъ 1883 года.	301
13. Историческая библіографія. (Записки декабриста Д. П. Завалишина. В. Богуцарскаго; Путешествіе изъ Петербурга въ Москву А. Н. Радищева А. Б.; Тюремныя въ Россіи. Очеркъ Д. Кенана. Ник. Аш; 13 л. въ Шлиссельбургской крѣпости. Записки Людмилы Волкенштейнъ)	303
14. Отъ Шлиссельбургскаго Комитета	314
15. Къ читателямъ	315
Объявленія.	

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Намъ не для чего долго останавливаться на задачахъ, которыя ставятъ себѣ «Былое». Онѣ понятны сами собою. «Журналъ внѣпартийный и посвященный исторіи освободительнаго движенія»,—этими словами, какъ намъ кажется, исчерпывается все, что могли бы мы сказать о задачахъ нашего изданія.

Познаніе настоящаго немислимо безъ познанія прошлаго,—«былаго»,—а велики ли въ нашемъ обществѣ матеріалы для такого познанія? Развѣ самодержавно-полицейскій строй не напрягалъ всѣхъ своихъ силъ, чтобы лишить общество этого познанія, развѣ доступны и въ настоящее время даже для специалистовъ многочисленные правительственные тайники, въ которыхъ хранятся сокровища прошлаго нашего освободительнаго движенія¹⁾, и развѣ, благодаря все тѣмъ же условіямъ, все тому же отсутствію свободы и неприкосновенности личности, много у насъ найдется лицъ, которыя вели бы дневники и записки о тѣхъ событіяхъ, участниками или свидѣтелями которыхъ сдѣлала ихъ судьба?

Да, познаніе прошлаго нашего освободительнаго движенія—дѣло нелегкое. Нелегкое, но не невозможное. Коллективными усиліями можно и должно побѣдить препятствія,

¹⁾ Лишь въ самые послѣдніе годы стали доступны для историковъ-спеціалистовъ подлинное дѣло декабристовъ и др. дѣла, относящіеся къ царствованію Николая I. Дѣла болѣе поздняго времени (и то не позже начала царствованія Александра II) бывають доступными лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

и къ этой-то совмѣстной работѣ и зоветь «Былое» всѣхъ участниковъ движенія, всѣхъ владѣльцевъ цѣнныхъ документовъ, всѣ, посвященные этому дѣлу, научныя силы, всѣхъ, кому есть о чемъ повѣдать родной странѣ.

Этими строками мы могли бы и ограничиться, но просимъ позволенія читателя сказать еще два слова касательно настоящей книжки «Былого».

Январскій № появляется безъ отдѣла «Современная Лѣтопись». Сдѣлали это мы умышленно, дабы начать «регистрацію главнѣйшихъ фактовъ современнаго движенія» не съ декабря прошлаго, а съ января текущаго года, а для этого упомянутый отдѣлъ можетъ быть начать только съ февральской книжки.

Только на дняхъ телеграфъ принесъ скорбную вѣсть о послѣдовавшей кончинѣ **Людмилы Александровны Волкенштейнъ**, сраженной пулями во Владивостокѣ во время происходившей тамъ 10 января народной демонстраціи.

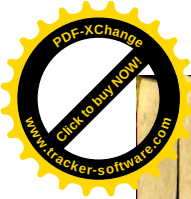
Пережившая приговоръ къ смертной казни, тринадцатилѣтнее заточеніе въ Шлиссельбургъ и многіе годы подпольной жизни на Сахалинѣ, Людмила Александровна окончила свое жизненное поприще, стоя на посту...

Помѣщая въ этой книжкѣ портретъ одной изъ героинь русскаго освободительнаго движенія, мы надѣемся дать читателямъ въ непродолжительномъ будущемъ біографію и характеристику покойной Людмилы Александровны.

Вѣчная ей память!

Л. А. Волкенштейнъ.

Михаилъ Юльевичъ
АШЕНБРЕННЕРЪ
(съ карточки, снятой около 1875 года)

Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка.

(Очеркъ изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей)¹⁾.

Самодержавная власть при Петрѣ В. чувствовала себя настолько сильною, что не считала нужнымъ обращаться къ содѣйствію народа созваніемъ земскихъ соборовъ, какъ это было прежде, для осуществленія своихъ предположеній; но среди болѣе развитыхъ людей даже изъ низшихъ классовъ проявлялось иногда сознание необходимости участія представителей народа въ законодательствѣ. Такъ, Посошковъ, который въ первые годы XVIII вѣка считалъ полезною диктатуру, въ концѣ царствованія Петра В. высказывалъ глубокое убѣжденіе, что безъ содѣйствія общенароднаго совѣта верховная власть не можетъ составить хорошаго новаго уложенія. На высшіе классы общества, вслѣдствіе сближенія съ просвѣщеннымъ западомъ, начинаютъ вліять и западно-европейская политическая литература, и западные примѣры. Даже изъ «Правды воли монаршей» Феофана Прокоповича, разосланной при Екатеринѣ I въ количествѣ около 20.000 экземпляровъ, русскіе читатели могли узнать объ ученіи представителей школы естественнаго права относительно того, что государство основывается на первоначальномъ договорѣ. Развитію политическихъ идеаловъ русскаго общества содѣйствовало и непосредственное знакомство болѣе развитыхъ его членовъ съ произведеніями знаменитыхъ иностранныхъ ученыхъ, переводы которыхъ начали появляться въ печати (какъ, напр., сочиненія Гуго

¹⁾ Совершающееся преобразование государственнаго строя Россіи вызываетъ потребность ознакомиться съ тѣмъ, какіе проекты преобразованій составлялись прежде въ правительственныхъ сферахъ, въ обществѣ и литературѣ, какія предположенія высказывались по этому предмету. Работая надъ болѣе обширнымъ трудомъ по этому вопросу, я предлагаю изъ него читателямъ «Былого» извлеченіе, обнимающее указанную въ заглавіи эпоху. Кромѣ печатныхъ источниковъ, этотъ очеркъ составленъ на основаніи документовъ Государственнаго Архива, Архива Государственнаго Совѣта и отдѣленія рукописей Публичной Библіотеки.

Гроция и Пуфендорфа), а также распространялись въ рукописяхъ. Кромѣ того пребываніе русскихъ за границею давало имъ возможность знакомиться съ различными формами государственнаго устройства. Такъ кн. Б. И. Куравинъ, будучи въ 1706 году въ Голландіи, собралъ свѣдѣнія объ англійскомъ государственномъ устройствѣ, о двухъ палатахъ парламента, или о двухъ «парламентахъ», какъ онъ выражается, и записалъ въ своемъ дневникѣ, что нижній парламентъ сильнѣе верхняго и что постановленное парламентами должно предложить королю «только ему *во свидѣтельство*, что то сдѣлано и приговорено быть такъ, а не для того, чтобъ королю передѣлать приговоръ парламентовъ, и не можетъ того сдѣлать». ¹⁾ Нѣсколько позднѣе узнали русскіе люди, что Ульрика Элеонора, провозгласившая себя шведскою королевою въ 1718 г., въ слѣдующемъ году была избрана сеймомъ и утверждена королевою, при чемъ отказалась отъ самодержавія, а когда въ 1720 году, по ея желанію, королемъ былъ провозглашенъ ея мужъ, то для достиженія этого пришлось сдѣлать новыя уступки: король былъ поставленъ въ совершенную зависимость отъ совѣта, который въ свою очередь былъ только исполнителемъ воли сословнаго сейма, гдѣ преобладало вліяніе мелкаго дворянства.

Послѣ смерти Петра В. немедленно обнаружилось въ высшихъ правительственныхъ сферахъ вліяніе шведскаго и англійскаго государственнаго устройства, и учрежденіе въ 1726 году верховнаго тайнаго совѣта было отмѣчено наблюдательнымъ иностранцемъ, какъ «первый шагъ къ перемѣнѣ формы правленія».

Смерть Петра II дала возможность верховному тайному совѣту поставить Аннѣ Іоанновнѣ извѣстныя условія, которыя были заимствованы изъ шведскихъ государственныхъ актовъ: «формы правленія» 1720 г. и «королевской присяги» Фридриха I того же года, но верховный совѣтъ выбралъ изъ шведскихъ установленій лишь то, что опредѣляло участіе совѣта въ верховной власти, участіе же государственныхъ сословій (которое проявлялось въ Швеции при посредствѣ риксдага) было совершенно устранено. Въ русскомъ шляхетствѣ также стали уже распространяться либеральныя идеи и слышались разсужденія о томъ, что не безопасно предоставлять одному человеку великую власть надъ всѣмъ народомъ; если даже онъ будетъ мудръ, кротокъ, справедливъ и трудолюбивъ, онъ не можетъ быть непогрѣшимымъ, и силъ его одного не можетъ хватить на все; если же онъ дастъ волю своимъ страстямъ, то произойдутъ всевозможныя насилія и гибель невинныхъ. Но ограниченію самодержавія въ пользу одного верховнаго тайнаго совѣта шляхетство вовсе не сочувствовало. Правда, наиболѣе образованный изъ верховниковъ, кн. Д. М. Голицынъ, знакомый съ трудами Макіавелли, Гуго Гроція, Локка, Пуфендорфа, Томазія и др., пред-

¹⁾ Однако въ 1707 г. королева Анна воспользовалась въ послѣдній разъ правомъ отказать въ своемъ согласіи на постановленіе, принятое обоими палатами парламента.

полагалъ, кромѣ верховнаго совѣта и сената, образовать еще двѣ палаты: 1) представителей дворянства—изъ 200 человекъ и 2) городскихъ депутатовъ, по два отъ cadaго города. Другой членъ совѣта, Вас. Лук. Долгорукой, соглашался на увеличеніе числа членовъ совѣта, причемъ выборъ ихъ предлагалъ произвести по соглашенію съ сенатомъ и генералитетомъ, а также на то, чтобы общественныя нужды разсматривались выборными отъ дворянства. Но въ дѣйствительности такихъ уступокъ верховный совѣтъ сдѣлать не успѣлъ.

Въ противовѣсъ притязаніямъ совѣта, составлено было 12 проектовъ и мнѣній шляхетства (подъ которыми подписались 1091 чел.), но во всѣхъ нихъ политическія права предоставлялись только дворянству.

Составитель одного изъ этихъ проектовъ, извѣстный историкъ Татищевъ, говоритъ, что «по закону естественному» избраніе государя должно было быть произведено не четырьмя или пятью людьми, а съ согласія всѣхъ подданныхъ, нѣкоторыхъ лично, «другихъ чрезъ повѣренныхъ, какъ такой порядокъ во многихъ государствахъ утвержденъ». Когда государя нѣтъ, то перемѣнить законъ или порядокъ можетъ только «общенародное соизволеніе», но въ примѣненіи къ Россіи Татищевъ подъ «народомъ» разумѣлъ только дворянство ¹⁾.

Имп. Екатерина II, рѣшивъ собрать депутатовъ отъ народа въ комиссію для составленія новаго уложенія, въ Наказѣ, для нея написанномъ, высказалась за необходимость самодержавія въ Россіи ²⁾. Заимствуя въ этомъ трудѣ очень многое изъ сочиненія Монтескье «О духѣ законовъ», она не согласилась, однако, съ его мыслью о томъ, что привилегіи аристократіи, дворянства, духовенства и городовъ должны составлять противовѣсъ власти государя и что только при соблюденіи этого условія монархія не превращается въ народное правленіе (демократію) или въ деспотію. Напротивъ, имп. Екатерина полагала, что отличительнымъ признакомъ монархіи отъ деспотіи является существованіе основныхъ законовъ, за соблюденіемъ которыхъ должны наблюдать сенатъ и другія чиновническія учрежденія, которыя могутъ дѣлать представленія о противозаконности и вредѣ новаго указа и даже отказываться заносить ихъ въ число принятыхъ, но нужно замѣтить, что такъ какъ члены этихъ учрежденій не выбирались народомъ, а вполне зависѣли отъ власти государя, то ихъ представленіе могло быть оставлено безъ вниманія, какъ это и случилось однажды съ протестомъ сената въ началѣ царствованія имп. Александра I.

Депутаты въ Екатерининскую законодательную комиссію вы-

¹⁾ Подробности объ этихъ любопытныхъ событіяхъ 1730 г. см. въ очеркѣ П. Н. Милокова «Верховники и шляхетство» (въ его книгѣ «Очерки русской интеллигенціи»); названъ также отдѣльно фирмой «Донская Рѣчь».

²⁾ Та же мысль еще ранѣе, въ 1764 г., была высказана ею въ секретномъ наставленіи кн. Вяземскому при назначеніи его генералъ-прокуроромъ.

бирались дворянствомъ (по одному отъ каждаго уѣзда), по одному депутату отъ жителей каждаго города, по одному депутату отъ государственныхъ крестьянъ, однодворцевъ, инородцевъ крещенныхъ и некрещенныхъ отъ каждой провинціи (состоящей изъ нѣсколькихъ уѣздовъ), и, наконецъ, отъ казацкихъ войскъ. Не посылали депутатовъ духовенство (кроме одного депутата отъ синода), крестьяне крѣпостные, дворцоваго вѣдомства и такъ называемые экономическіе (т.-е. отобранные въ 1764 г. отъ духовныхъ учреждений— синода, архіерейскихъ домовъ, монастырей и церквей). Выборы отъ дворянъ были прямые и тайные и производились баллотированіемъ шарами, при чемъ участвовать въ нихъ могъ каждый, владѣющій имѣніемъ въ уѣздѣ, а женщины-помѣщицы могли подавать свой голосъ письменно. Большимъ городамъ разрѣшалось устраивать двухстепенные выборы, избирая «повѣренныхъ» (выборщиковъ) отъ каждой части города для выбора депутата. Участвовать въ городскихъ выборахъ могъ всякій, имѣющій собственный домъ, кроме женщинъ. Выборы отъ крестьянъ были трехстепенные: каждый владѣющій въ волости домомъ и землею, могъ участвовать въ выборахъ повѣреннаго; волостные повѣренные, собравшись въ уѣздномъ городѣ, выбирали уѣзднаго повѣреннаго, а уѣздные въ провинціальномъ городѣ депутата отъ провинціи. Въ депутаты отъ дворянъ могли быть выбраны лица, владѣющія въ уѣздѣ деревнею; представители дворянъ и городовъ должны были имѣть не менѣе 25 лѣтъ. Повѣренными и депутатами отъ крестьянъ могли быть лишь женатые, имѣющіе дѣтей и въ возрастѣ не моложе 30 лѣтъ.

Всѣхъ депутатовъ въ комиссіи было 564, въ томъ числѣ: отъ правительственныхъ учреждений 28 (5%), отъ дворянъ 161 (менѣе 30%), представителей отъ городовъ 208 (менѣе 37%, почти все купцы), отъ государственныхъ крестьянъ, со включеніемъ новокрещенныхъ инородцевъ, 79 (14%), казаковъ 54 (9%), отъ «инодѣрцевъ», т.-е. инородцевъ,—34 (6%)¹⁾.

Выборъ депутатовъ въ Малороссіи и составленіе наказовъ подали поводъ для проявленія стремленій къ мѣстному самоуправленію посредствомъ возстановленія гетманскаго достоинства, которое было уничтожено въ 1764 г., но малороссійскій генералъ-губернаторъ Румянцовъ вмѣшивался въ выборы и составленіе наказовъ, приказалъ уничтожить нѣкоторые наказы, не соответствующіе намѣреніямъ правительства и замѣнить ихъ новыми и, наконецъ, по его представленію, отдавались подъ судъ тѣ выборщики, которые не оказывали ему повиновенія.

Когда комиссія собралась, она, по свидѣтельству сочувствовавшего созыву новгородскаго губернатора Сиверса, вызвала ревнивое отношеніе къ себѣ и интриги чиновниковъ, которые говорили, что «эти господа», т.-е. депутаты, «пожалуй, захотятъ послать насъ въ школу». Ширлей, управлявшій тогда англійскимъ посольствомъ,

¹⁾ Лавинъ. «Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII столѣтіи», т. I, СПб., 1887 г., стр. 250.

утверждаетъ, что, какъ только депутаты «затронуть вопросъ, не-пріятный для императрицы или несогласный съ ея видами, Вяземскій... просить ихъ не касаться этой струны». Стремленіе депутатовъ малороссійскихъ, эстляндскихъ, лифляндскихъ и др. къ сохраненію ихъ мѣстныхъ особенностей вызвало (9 сент. 1768 г.) слѣдующее заявленіе предсѣдателя комиссіи Бибикова: комиссія не должна ни въ чемъ иномъ упражняться, «кроме того, для чего она учреждена» и «не можетъ входить ни въ какое разбирательство, касающееся до правленія», а между тѣмъ депутаты отъ малороссійскаго и смоленскаго шляхетства и отъ эстляндскаго, лифляндскаго и финляндскаго дворянства заявили въ комиссіи желаніе сохранить ихъ особыя привилегіи; это должно зависѣть только отъ власти государыни, почему всѣ такія «предохраненія» и требованія дворянства не только не могутъ быть внесены въ проектъ будущаго законодательства о правахъ благородныхъ, но даже не могутъ быть приняты въ комиссію, и ему, Бибикову, ничего не остается, какъ возвратитъ ихъ депутатамъ. Мы не разсматриваемъ здѣсь вопроса о томъ, насколько желанія этихъ дворянскихъ депутатовъ соответствовали интересамъ народа, но указываемъ лишь на то, что дѣятельности комиссіи были поставлены извѣстныя границы: она не могла разсматривать то, что касалось до «правленія». Понятно, что англичанинъ Ширлей нашелъ права депутатовъ въ комиссіи, которой былъ предоставленъ лишь совѣщательный голосъ, очень ничтожными; по его словамъ, «этимъ людямъ даны лишь такія привилегіи, которыми не захотѣлъ бы воспользоваться ни одинъ гражданинъ благоустроеннаго государства».

Проусуеживавъ полтора года (съ 31 іюля 1767 г. по 12 января 1769 г.), комиссія была распущена въ виду войны съ турками и болѣе собираема не была, хотя она и не выполнила поставленной ей задачи¹⁾.

Въ 1767 г., въ томъ самомъ году, когда была собрана законодательная комиссія, возвратился въ Россію, послѣ ученія въ шотландскомъ университетѣ въ Глазго, талантливый молодой человѣкъ, Сем. Ефим. Десницкій, слушавшій тамъ лекціи Адама Смита о нравственной философіи. Десницкій скоро сдѣлался профессоромъ московскаго университета по юридическому факультету. Онъ былъ слишкомъ живой человѣкъ, чтобы ограничиться преподаваніемъ римскаго права (хотя бы и «съ примѣненіемъ его къ русскому»), и потому почувствовалъ потребность отозваться на обращеніе правительства къ содѣйствию народа въ дѣлѣ законодательства. Въ концѣ февраля 1768 г. онъ закончилъ составленіе проекта государственныхъ преобразованій и представилъ его императрицѣ.

¹⁾ Извѣстный историкъ, кн. М. М. Щербатовъ въ одномъ своемъ сочиненіи (1789 г.), въ свое время незадакомъ, говоритъ, что «собраніе депутатовъ для сочиненія уложенія... не съ тѣми мыслями было учинено, чтобы возность тутъ владычествовала и чтобы твердое намѣреніе было до конца сію комиссію довести».

Десницкій полагалъ, что законодательной власти въ Россіи «въ полномъ значеніи» никто, кромѣ государя, имѣть не можетъ, но такъ какъ и теперь сенатъ участвуетъ въ законодательствѣ, то онъ предлагалъ составить его изъ выборныхъ со всей имперіи и указывалъ широкую программу для его дѣятельности ¹⁾.

Десницкій полагалъ, что, въ виду обширности Россіи, сенатъ долженъ состоять по крайней мѣрѣ изъ 600—800 чел. Онъ предлагалъ выбирать ихъ изъ землевладѣльцевъ, изъ купцовъ и «художественныхъ» людей (ремесленниковъ) и, наконецъ, «изъ духовныхъ и училищныхъ мѣстъ, такъ чтобы всякая губернія, провинція и корпусы» (военно-учебныя заведенія) имѣли своего представителя «въ законодательной власти». По мнѣнію Десницкаго, слѣдуетъ предоставить право голоса при избраніи сенаторовъ помѣщикамъ, однодворцамъ и живущимъ въ губерніяхъ и провинціяхъ землевладѣльцамъ, но только тѣмъ, которые платятъ въ казну подушныя подати за свою землю и за крѣпостныхъ 50 руб. ²⁾. Подобно тому какъ въ Англіи посылали депутатовъ въ нижнюю палату парламента жители не только графствъ, но и городовъ, Десницкій предлагалъ предоставить право голоса купцамъ и «рукомышленнымъ людямъ», которые платятъ въ казну пошлины до 50 рублей. Изъ духовныхъ лицъ онъ считалъ полезнымъ дозволить быть сенаторами всѣмъ архіереямъ. Въ Англіи университеты имѣли право посылать въ палату общинъ по два депутата; подобно этому и Десницкій предлагалъ дозволить университетамъ, корпусамъ и училищамъ наукъ и художествъ выбирать членовъ сената.

Что касается права быть избираемымъ въ сенатъ, то такъ какъ Десницкій, по примѣру англійскаго парламента, не назначалъ сенаторамъ никакого жалованья, то онъ, кромѣ требованія указанного выше податного ценза, предлагалъ дозволить выставлѣть свою кандидатуру лишь тѣмъ, кто въ состояніи «жить при такой должности» на свой счетъ. По его мнѣнію, выбирать сенаторовъ слѣдуетъ на 5 лѣтъ, послѣ чего государь можетъ приказатъ произвести новые выборы. При этомъ разрѣшается избирать вновь и выбранныхъ прежде, но быть сенаторомъ три трехлѣтія сряду дозволить не слѣдуетъ, такъ какъ при такомъ ограниченіи большее количество людей будетъ имѣть случай оказать услуги отечеству, научиться искусству управлять и будетъ знать законы.

Всѣ выбранные должны имѣть въ сенатѣ равный, «свободный голосъ»; дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ, но всякое рѣшеніе утверждается государемъ, и безъ его согласія сенатъ не мо-

¹⁾ Обязанность сената, по мнѣнію Десницкаго, должна была состоять въ томъ, чтобы, съ согласія монарха, издавать указы, налагать пошлины, продолжать войну и наблюдать, чтобы договоры, заключаемые съ сосѣдними государствами, не были вредны для отечества, окончательно рѣшать всѣ дѣла, вносимыя по апелляціи изъ нижнихъ судовъ; наконецъ, сенату можетъ быть предоставлено государемъ право разсматривать отчеты «всѣхъ коллегій, корпусовъ и университетовъ» въ расходваніи государственной казны.

²⁾ Часть однодворцевъ также владѣла въ то время крѣпостными.

жетъ издавать никакихъ узаконеній. Ему можно дозволить ежегодно выбирать изъ своей среды президента, который обязанъ представлять дѣла на утвержденіе государя. Преобразование сената по предложенному имъ плану Десницкій считалъ полезнымъ, такъ какъ «одинъ пастырь, при такомъ множествѣ стада, не можетъ столь обстоятельно присмотрѣть» за всѣмъ, какъ 600 или 800 человекъ въ сенатѣ.

Относительно «судительной» власти въ проектѣ Десницкаго отмѣтимъ, что онъ считалъ необходимымъ введеніе суда присяжныхъ, которыхъ онъ называлъ «свидѣтелями», а также предлагалъ установить гласность судопроизводства посредствомъ печатанія и изданія «во всенародное извѣстіе» всѣхъ рѣшеній по уголовнымъ и тяжбымъ дѣламъ. Онъ считалъ необходимымъ введеніе состязательнаго процесса, такъ какъ съ учрежденіемъ адвокатовъ дѣла рѣшаются «съ великою осторожностью и справедливостью», и во многихъ государствахъ опытъ показалъ, что безъ споровъ въ судѣ нѣтъ средствъ достигнуть справедливости ¹⁾. Наконецъ, онъ предлагаетъ установить несмѣняемость судей съ отвѣтственностью за незаконное рѣшеніе по апелляціи въ сенатъ ²⁾.

Записка Десницкаго была навѣяна собраніемъ комиссіи для составленія новаго уложенія; ею же были вызваны и тѣ мысли о государственномъ преобразованіи Россіи, которыя высказалъ знаменитый французскій писатель Дидро во время своего пріѣзда въ Петербургъ и бесѣдъ съ имп. Екатериною II въ октябрѣ и ноябрѣ 1773 г.

Подобно тому, какъ Десницкій предлагалъ Екатеринѣ составить сенатъ изъ выборныхъ членовъ, Дидро совѣтовалъ ей обратитъ комиссію для составленія новаго уложенія въ постоянное учрежденіе, чтобы положить преграду деспотизму, отнять у своихъ преемниковъ право уничтожить эту комиссію и предоставить провинціямъ право оставлять въ ней своихъ представителей или отзыватъ ихъ ³⁾.

¹⁾ Въ рѣчѣ, произнесенной въ томъ же 1768 г., Десницкій говоритъ: «Дозволь ходатайствующимъ съ обѣихъ сторонъ имѣть свободный и публичный голосъ предъ судомъ за судимыхъ, дабы ничто втайнѣ, но откровенно и постороннимъ извѣстно судимо было и исходило бы въ свѣтъ для наученія народнаго».

²⁾ За сообщеніе незаданной записки Десницкаго, имѣть печатающей въ «Запискахъ I-го и III Олд. Акад. Наукъ», привнеси благодарность А. С. Лаппо-Данилевскому.

³⁾ «Всякое самовластное правительство», говоритъ Дидро, «дурно не исключая и самовластнаго правительства государя добраго, твердаго, справедливаго и просвѣщеннаго. Такой государь пріучаетъ почитать и любить государя, каковъ бы онъ ни былъ. Онъ отнимаетъ у народа право обсуждать, хотѣть или не хотѣть, сопротивляться, сопротивляться даже благу. Право сопротивленія кажется мнѣ», продолжаетъ Дидро, «правомъ естественнымъ, неотчуждаемымъ и священнымъ. Деспотъ, если бы онъ даже былъ наилучшимъ изъ людей, права по своему усмотрѣнію, совершаетъ преступленіе. Это—добрый пастырь, который доводитъ своихъ подданныхъ до состоянія животныхъ; заставляя ихъ забыть чувство свободы, чувство, которое столь трудно возстановить, когда оно потеряно, онъ даетъ имъ десятки лѣтъ счастья, за которыя они поплачутся двадцать столѣтіями бѣдствія. Однимъ изъ самыхъ большихъ несчастій для свободной націи были бы два или три

Чтобы легче достигнуть осуществления своей мысли, Дидро готовъ согласиться на установление весьма тѣсныхъ рамокъ для дѣятельности проектируемаго имъ представительнаго учрежденія. «Оно не должно будетъ вмѣшиваться ни въ военныя дѣла, ни во внѣшнюю политику, ни въ дѣла финансовыя. Его задача будетъ состоять исключительно въ томъ, чтобы охранять существующіе законы и обсуждать то, какіе законы нужно издать, какіе отмѣнить, какія учрежденія ввести». Нужно опредѣлить время и продолжительность засѣданія этого собранія съ тѣмъ, чтобы власть не могла ее сокращать. Если бы даже случилось, что это собраніе очень усилилось, то оно «почти ни въ какомъ случаѣ не могло бы повредить имперіи; не тѣ государства несчастны, въ которыхъ власть народа возрастаетъ, а, напротивъ, тѣ, гдѣ власть государя дѣлается неограниченною». Дидро предлагалъ также Екатерину, чтобы собраніе представителей установило порядокъ престолонаслѣдія и въ случаѣ прекращенія династіи могло бы распорядиться престоломъ.

Пребываніе Дидро въ Петербургѣ продолжалось до 5 марта 1774 г. Изъ Россіи онъ проѣхалъ въ Гаагу, чтобы прожить нѣсколько мѣсяцевъ у своего пріятеля, тамошняго русскаго посланника, кн. Дм. Алексѣев. Голицына. Въ одномъ изъ писемъ оттуда къ императрицѣ Дидро упоминаетъ, что перечиталъ ея Наказъ «съ перомъ въ рукѣ». Екатерина не обратила вниманія на эти слова и, только получивъ въ 1785 г. бібліотеку Дидро, которую приобрѣла еще при жизни философа (Дидро умеръ въ 1784 г.), она нашла въ ней его «Замѣчанія на Наказъ комиссіи для составленія новаго уложенія», написанныя въ болѣе рѣшительномъ тонѣ, чѣмъ его замѣтки, оставленныя императрицѣ въ Петербургѣ.

«Нѣтъ истиннаго монарха, не можетъ быть истиннаго законодателя, кромѣ народа», писалъ Дидро... «Народъ будетъ любить, почитать законы, повиноваться имъ и защищать ихъ» лишь въ томъ случаѣ, если самъ будетъ ихъ составителемъ. «Первая строка хорошо составленнаго кодекса должна связать монарха» постановленіемъ, что присягу долженъ приносить не только народъ, но и государь, и что если государь нарушитъ ее, то народъ освобождается отъ клятвы вѣрности и можетъ не только низложить государя, но даже осудить его на смерть. «Второй законъ состоитъ въ томъ, что представители народа должны собираться каждыя пять лѣтъ, чтобы обсуждать, соблюдалъ ли государь законъ согласно своей присягѣ, постановить наказаніе, которое онъ заслужилъ, если нарушилъ ее, рѣшить, оставить ли государя въ прежнемъ званіи или низложить его, и вновь принести присягу законамъ...

«Русская императрица», продолжаетъ Дидро, «конечно государыня деспотическая. Намѣрена ли она сохранить деспотизмъ, передать его наслѣдникамъ или отречься отъ него? Если она его сохра-

павшій, одно за другимъ, справедливыхъ и просвѣщенныхъ деспотовъ... Несчастливъ народъ, у котораго не остается и тѣни свободы, хотя бы и дурно обоснованной».

нить, пусть составляетъ свое уложеніе, какъ хочетъ: она не нуждается въ согласіи націй. Если она отрывается отъ него, пусть это отреченіе будетъ оформлено. Если это отреченіе искренно, пусть она позаботится вмѣстѣ со всѣмъ народомъ о принятіи самыхъ вѣрныхъ средствъ, чтобы помѣшать возрожденію деспотизма, и чтобы въ первой главѣ уложенія было сказано о неминуемой гибели того, кто впоследствии будетъ стремиться къ самовластію, отъ котораго она отказывается. Вотъ первый шагъ при составленіи Наказа, предложеннаго народу государынею искреннею»...

Въ концѣ записки Дидро говоритъ: «Почему Россія хуже управляется, чѣмъ Франція? Потому, что личная свобода сведена въ ней къ нулю, а власть государя еще слишкомъ велика, естественная свобода еще слишкомъ въ ней ограничена». Екатерина, по словамъ Дидро, вывела изъ его замѣчаній заключеніе, что, по его мнѣнію, ей «слѣдовало бы имѣть парламентъ по образцу Англіи».

Понятно, что это произведеніе Дидро весьма не понравилось Екатерину, и она такъ отзывалась о немъ въ письмѣ къ Гримму: «Эта статья просто болтовня, въ которой не видно ни знанія дѣла, ни благоразумія, ни предусмотрительности; если бы мой Наказъ былъ составленъ во вкусѣ Дидро, онъ могъ бы опрокинуть все вверхъ дномъ». Съ этихъ поръ императрица стала рѣже упоминать имя Дидро въ своей перепискѣ.

Высказано было предположеніе, что, подъ вліяніемъ совѣта Дидро, императрица хотѣла сдѣлать комиссію для составленія новаго уложенія постояннымъ учрежденіемъ при сенатѣ¹⁾. Предположеніе это основывается на слѣдующемъ мѣстѣ письма Екатерины II къ московскому главнокомандующему (генералъ-губернатору) кн. Волконскому во время составленія проекта губернскихъ учрежденій, обнародованныхъ въ 1775 г.: «Сенатъ останется. При немъ будетъ палата, дабы сенатъ имѣлъ гдѣ отослать тѣхъ людей и дѣла, кои разбора требуютъ. Въ палату обратитъ я намѣрена комиссію уложенія, а ея частныя комиссіи по матеріямъ служить будутъ для разбора ненужныхъ». Что понимать тутъ подъ «комиссіею уложенія»? Общее собраніе всѣхъ депутатовъ было распущено еще въ 1769 г., но отъ времени до времени собиралось общее собраніе частныхъ комиссій, выбранныхъ большою законодательною комиссіею²⁾. Вотъ это-то общее собраніе частныхъ комиссій императрица, повидимому, предполагала сдѣлать постояннымъ учрежденіемъ. Нужно замѣтить, что и самъ Дидро готовъ былъ допустить «уменьшеніе числа представителей». Вѣроятно въ отвѣтъ на замѣчаніе императрицы, что депутаты не могли дожидаться распущенія комиссій, Дидро предлагалъ при обращеніи ея въ постоянное учрежденіе, устроить такъ, чтобы всѣ представители, входящіе въ ея составъ, были бы изъ числа

¹⁾ Миллюковъ. «Очерки по ист. рус. культуры», ч. III, вып. 2, 1903 г., стр. 150.

²⁾ Послѣ того, какъ большое собраніе комиссій было распущено, при малыхъ комиссіяхъ оставалась еще канцелярія въ 153 чел.

столичных жителей и служащих въ разныхъ комиссіяхъ, съ тѣмъ, чтобы они являлись представителями провинцій, голоса которыхъ были бы равномерно распредѣлены между ними. Но только Дидро предлагалъ, чтобы каждой провинціи было предоставлено право лишать голоса своего представителя, обязывать его спрашивать мнѣніе провинціи, предоставить ей право присылать въ столицу избраннаго на мѣстѣ депутата, въ присутствіи котораго служащій въ столицѣ представитель ея лишается своего голоса, наконецъ, предоставить всѣмъ провинціямъ право одновременно присылать своихъ депутатовъ. Предположеніе Екатерины объ устройствѣ «палаты» при сенатѣ не было осуществлено, и даже члены частныхъ комиссій были распущены 4 декабря 1774 года ¹⁾.

О государственныхъ преобразованіяхъ, соединенныхъ съ введеніемъ дворянскаго представительства, мечталъ Н. И. Панинъ. Занимая 12 лѣтъ мѣсто посланника въ Швецію (съ 1748 по 1760 г.), при чемъ его главная задача состояла въ томъ, чтобы препятствовать шведамъ возстановить самодержавіе, онъ былъ хорошо знакомъ съ ихъ государственнымъ устройствомъ. Въ царствованіе Петра III, въ бесѣдахъ съ его племянницею, Екатериною Романовною Дашковой онъ высказалъ мысль, что его воспитанникъ, великій князь Павелъ Петровичъ, будетъ царствовать согласно законамъ и формамъ шведской монархіи ²⁾. Въ 1762 г. Панинъ представилъ Екатеринѣ проектъ учрежденія императорскаго совѣта, посредствомъ котораго видимо стремились ограничить произволъ верховной власти въ Россіи и вліяніе фаворитовъ, или, какъ выражались въ XVIII вѣкѣ, «случайныхъ» людей. Императрица уже подписала докладъ Панина, но, ознакомившись съ мнѣніями нѣкоторыхъ сановниковъ, что осуществленіе проекта можетъ повести къ умаленію самодержавной власти, она надорвала свою подпись на докладѣ Панина, и проектъ остался неосуществленнымъ ³⁾.

Подобныхъ же взглядовъ Панинъ держался и позднѣе, въ началѣ 1780-хъ гг. Декабристъ М. А. Фонъ-Визинъ такъ излагаетъ

¹⁾ Послѣ этого подъ управленіемъ генералъ-прокурора продолжала существовать до смерти государыни лишь канцелярія комиссій, но мало по малу она пришла въ совершенное бездѣйствіе. Есть указаніе Сиверса, что осенью 1775 г. Екатерина составила проектъ преобразованія сената.

²⁾ Въ первомъ разговорѣ съ нею о государственныхъ переворотахъ онъ высказалъ желаніе, чтобы государемъ былъ провозглашенъ Павелъ Петровичъ, а императрица была бы только регентшею. Въ замѣчаніяхъ на книгу Рюльера кн. Дашкова свидѣтельствуетъ, что также желала для Екатерины лишь званія регентши до совершеннолѣтія ея сына.

³⁾ Въ секретномъ наставленіи кн. Вяземскому въ 1764 г., при назначеніи его на должность генералъ-прокурора, императрица, характеризуя партіи въ сенатѣ, говоритъ: «въ другой (партіи) думали, что виды даже простираются, но не ясно, всегда ли оны полезны. Иной думаетъ» (по всей вѣроятности намекъ на Н. И. Панина) «для того, что онъ долго былъ въ той или другой землѣ, то вездѣ по политикѣ той его любимой земли ея учреждать должно, а все другое безъ изыатія заслуживаетъ его критики, несмотря на то, что вездѣ внутренніе распоряженія на правахъ нашихъ основываются».

основныя черты проекта государственнаго преобразованія, который былъ составленъ его дядею, знаменитымъ писателемъ Д. И. Фонъ-Визиннымъ, подъ руководствомъ гр. Н. И. Панина. Въ немъ предполагалось установить: «политическую свободу *сначала* для одного дворянства», учредивъ верховный сенатъ, часть несмѣняемыхъ членовъ котораго назначалась бы отъ короны, а большинство состояло бы изъ лицъ, избранныхъ дворянствомъ изъ своего сословія. Синодъ долженъ былъ входить въ составъ общаго собранія сената. Дворянскимъ собраніямъ, губернскимъ, областнымъ и уѣзднымъ предполагалось дать право совѣщаться объ общественныхъ дѣлахъ и мѣстныхъ нуждахъ, представлять о нихъ сенату и предлагать ему новыя законы. Выборъ, какъ сенаторовъ, такъ и всѣхъ мѣстныхъ чиновниковъ, долженъ былъ производиться въ этихъ же собраніяхъ. Сенатъ былъ бы облеченъ полною законодательною властью, но императору предоставлялось право утверждать принятые сенатомъ законы и обнародовать ихъ; ему же принадлежала власть исполнительная. Предположеніе относительно предоставленія на первое время политическихъ правъ одному дворянству могло быть внушено Панину наблюденіемъ того властнаго положенія, какое оно занимало въ шведскомъ сеймѣ, и большею образованностью дворянства сравнительно съ другими сословіями въ Россіи. Какъ видно изъ свидѣтельства М. А. Фонъ-Визина, Панинъ предполагалъ со временемъ предоставить политическія права и другимъ сословіямъ.

Сохранилось «разсужденіе», составленное Д. И. Фонъ-Визиннымъ и служившее какъ бы введеніемъ къ проекту основныхъ законовъ, въ которомъ авторъ доказываетъ опасность неограниченной верховной власти и необходимость установленія «непремѣнныхъ государственныхъ законовъ», безъ которыхъ «непрочно ни состояніе государства, ни состояніе государя». Признавая договорное начало происхожденія государства, авторъ находитъ, что подданные имѣютъ право низвергнуть власть, дурно исполняющую свое назначеніе ¹⁾.

Изъ біографическаго очерка Н. И. Панина (составленнаго Д. И. Фонъ-Визиннымъ) видно, что онъ стоялъ за гласность въ государственныхъ финансовыхъ дѣлахъ и былъ противъ какихъ-либо исключительныхъ судовъ, учреждаемыхъ съ отступленіемъ отъ общаго порядка.

Д. И. Фонъ-Визинъ въ одной статьѣ, назначенной къ помѣщенію въ журналѣ, который онъ предполагалъ издавать въ 1788 г., по возвращеніи изъ своей второй заграничной поѣздки, выражалъ желаніе, чтобы и у насъ было «народное собраніе», въ которомъ обсуждались бы законы и устанавлились налоги, и которое судило бы о поведеніи министровъ. Но изданіе журнала не было дозволено Фонъ-Визину.

¹⁾ См. мою статью о М. А. Фонъ-Визинѣ въ сборникѣ «Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка», т. I, Декабристы, СПб. 1905 г., изд. Цирожкова, стр. 6—13.

Кн. М. М. Щербатовъ, историкъ и дѣятельный участникъ въ комисіи для составленія новаго уложенія, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, составившій себѣ библіотеку, въ которой было до 15.000 томовъ, при своихъ аристократическихъ воззрѣніяхъ, естественно оказался въ числѣ лицъ, сочувствовавшихъ ограниченію самодержавной власти. Воззрѣнія свои онъ высказалъ въ цѣломъ рядѣ публицистическихъ работъ, которыя въ свое время не были, а частью и не могли быть (по причинамъ цензурнымъ) напечатаны.

Въ вопросѣ о происхожденіи человѣческихъ обществъ Щербатовъ стоитъ на точкѣ зрѣнія естественнаго права и ученія о первоначальномъ договорѣ. Однако онъ несогласенъ съ Гоббсомъ и Теофаномъ Прокоповичемъ, сочиненіе котораго «Правда воли монаршей» онъ называетъ «памятникомъ лести и подобию монашескаго изволенія государскому». Онъ думаетъ, напротивъ, что «народы, избирая себѣ начальниковъ, не иной имѣли предметъ, какъ пожертвовать часть вольности своей, дабы другую... сохранить». Онъ ненавидитъ «самовластное правленіе», существующее, по его словамъ, въ Россіи. Онъ утверждаетъ, что «деспотичество» не можетъ быть въ просвѣщенномъ народѣ, если же оно и появится, то «не можетъ быть продолжительно». Если какія-либо постороннія обстоятельства и обусловливаютъ болѣе длительное его существованіе, то это только готовится ему «жесточайшій конецъ», такъ какъ «долгъ и благосостояніе» каждаго влекутъ «его низвергнуть сего кумира, никогда твердыхъ ногъ не имѣющаго». Такимъ образомъ Щербатовъ выражаетъ сочувствіе даже насильственному низверженію деспотической власти.

Изъ существовавшихъ въ Западной Европѣ, въ половинѣ 1780-хъ гг., формъ правленія наибольшимъ сочувствіемъ Щербатова пользовалось англійское государственное устройство. «Нигдѣ толь не цвѣтетъ народная вольность подъ тѣнью монаршеска власти», говоритъ онъ въ своихъ «Размышленіяхъ о законодательствѣ вообще», «какъ въ Англіи; тамъ высшую власть, ограниченную законами, имѣетъ король, верхняя камора парламента вѣлможную власть представляетъ, а нижняя камора, единая могущая накладывать налоги, представляетъ власть народную, и всѣ сии три власти, въ безпрестанныхъ препіяхъ между собою по раздѣльнымъ ихъ приватнымъ пользамъ, связаны непреоборимыми узами, равными стопами къ благу общему шествуютъ». Но въ другомъ сочиненіи («Размышленія о дворянствѣ») авторъ указываетъ на существованіе въ Англіи подкуповъ при выборахъ и на крайнее обремененіе народа налогами.

Щербатовъ порицалъ наши законы, такъ какъ они составляются не только не «съ согласія народного», но даже не «съ согласія главнаго правительства». Главнымъ же правительствомъ онъ считалъ сенатъ, но сенатъ преобразованный, который, по мнѣнію Щербатова, нужно не только «снабдить довольно основательными государственными правами о его могуществѣ, но также и напол-

нить такими людьми въ силу же основательныхъ» (т.-е. основныхъ) «правъ, чтобъ онъ порученный ему залогъ въ силахъ былъ сохранять».

Свои мнѣнія о томъ, какое желательно государственное устройство, Щербатовъ высказалъ въ сочиненіи «Путешествіе въ землю Офирскую» (написанномъ въ 1783—84 гг.), представляющемъ частью обличеніе, посредствомъ различныхъ намековъ, недостатковъ современной Россіи, частью изображеніе, въ формѣ описанія выдуманной страны, симпатичнаго для автора государственнаго устройства.

Во главѣ государства Офирскаго стоитъ наследственный императоръ, которому принадлежитъ власть исполнительная, но который имѣетъ возможность вліять на законодательство, хотя сами цари «неудобны» для сочиненія законовъ. Однако, наследственность верховной власти не помѣшала тому, что два императора земли Офирской были свергнуты съ престола и окончили свою жизнь въ темницѣ. Для того, чтобы начать наступательную войну, государь долженъ собрать совѣтъ, въ составъ котораго входятъ не только члены хранилища законовъ, но и всѣ находящіеся въ столицѣ люди первыхъ четырехъ степеней.

«Вышнее правительство» земли Офирской вѣдало и законодательство, и дѣла судебныя, и высшую администрацію, и раздѣлялось на шесть департаментовъ; кромѣ 6 членовъ «вышняго правительства» и имѣющихъ право присутствовать членовъ государственнаго совѣта, въ каждомъ департаментѣ засѣдали еще по 9 депутатовъ, избранныхъ въ губерніяхъ дворянами (всего было 75 дворянскихъ депутатовъ), а въ департаментѣ, вѣдающемъ «домостроительство», государственные доходы и торговлю, присутствовало еще 15 депутатовъ отъ купечества и, кромѣ того, столько же депутатовъ этого сословія засѣдали въ «государственномъ купеческомъ правленіи». Дозволялось въ депутаты отъ купечества выбирать не только купцовъ, но и мѣщанъ и ученыхъ. Вакансіи въ «вышнемъ правительствѣ» должны были замѣщаться слѣдующимъ образомъ. Дворянскіе и купеческіе депутаты, собравшись отдѣльно, кладутъ въ запечатанный сосудъ записки съ именами достойнѣйшихъ кандидатовъ, и на основаніи этихъ записокъ общее собраніе «вышняго правительства» отмѣчаетъ трехъ кандидатовъ, получившихъ наибольшее число голосовъ; затѣмъ оно, съ своей стороны, выбираетъ трехъ депутатовъ и, наконецъ, выбираетъ изъ этихъ 6 троихъ, представляетъ ихъ имена императору, который и назначаетъ изъ нихъ одного въ вышнее правительство.

Проекты новыхъ законовъ составляются комиссіею, избранною общимъ собраніемъ вышняго правительства. Проектъ обнародуется, и каждый можетъ высказать о немъ свое мнѣніе. Если проектъ не будетъ принятъ въ общемъ собраніи вышняго правительства, то онъ передѣлывается до трехъ разъ, при чемъ всегда, насколько возможно, принимаются во вниманіе «народныя мнѣнія». Если и въ четвертый разъ проектъ не будетъ принятъ, то онъ отлагается.

до выборныхъ собраний, которыя бывають одинъ разъ въ три года, и тогда подвергается баллотировкѣ во всѣхъ губерніяхъ, послѣ чего высшее правительство утверждаетъ рѣшеніе, принятое большинствомъ; но случаи подобнаго обращенія къ выборнымъ собраніямъ крайне рѣдки.

Такимъ образомъ, политическія права Щербатовъ представляетъ дворянству и купечеству. Отмѣтимъ еще, что онъ высказывается за публичность и гласность судопроизводства.

«Путешествіе въ землю Офирскую» было написано въ 1783—84 гг. Въ другомъ, болѣе позднемъ сочиненіи, «О поврежденіи правовъ въ Россіи», написанномъ въ 1786—89 гг., Щербатовъ уже не довольствуется тѣмъ государственнымъ строемъ, который онъ изобразилъ въ землѣ Офирской. Описывая событіе 1730 г., нашъ историкъ-публицистъ говоритъ: «Собравшіеся вельможи предопредѣлили великое намереніе, ежели бы самолюбіе и честолюбіе оное не помрачило, т.-е. учинить основательныя» (основныя) «законы государству и власть государеву сенатомъ или парламентомъ ограничить. Но засѣданіе въ сенатѣ» (т.-е. въ верховномъ совѣтѣ) «только нѣсколькимъ родамъ предоставили; тако, уменьшая излишнюю власть монарха, предавали ея... вельможамъ, со огорченіемъ множества знатныхъ родовъ и, вмѣсто одного, толпу государей сочиняли». Слѣдовательно, осуждая олигархическія стремленія верховниковъ, Щербатовъ вполне сочувствовалъ дѣйствительному ограниченію власти государя сенатомъ или парламентомъ.

Такимъ образомъ, Десницкій и Панинъ считали необходимымъ преобразование сената въ учрежденіе, составленное частью изъ выборныхъ лицъ, при чемъ Панинъ предлагалъ на первое время допустить въ него депутатовъ только отъ дворянъ, а Десницкій, на основаніи податнаго ценза, отъ помѣщиковъ, однодворцевъ и вообще землевладѣльцевъ въ провинціяхъ и отъ купцовъ, ремесленниковъ и нѣкоторыхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній въ городахъ. Кн. Щербатовъ желалъ видѣть въ сенатѣ депутатовъ отъ дворянства и купечества. Было указано, что у имп. Екатерины II также мелькнула, въ половинѣ 1770-хъ гг., мысль обратить въ палату при сенатѣ общее собраніе членовъ частныхъ комиссій, выбранныхъ комиссіею для составленія новаго уложенія.

Когда Екатерина II работала надъ Наказомъ, она просила достать ей чрезъ англійскаго посла Букингама хорошій французскій переводъ англійской «великой хартіи». Во время составленія учрежденій о губерніяхъ она изучала известную книгу Блэкстона «Комментаріи на англійскіе законы». Послѣдствіемъ этого изученія является то, что въ главѣ о совѣстномъ судѣ учреждений для управленія губерніями (1775 г.) есть такое постановленіе: если кто пришлетъ прошеніе въ совѣстный судъ, что онъ содержится въ тюрьмѣ болѣе трехъ дней, и въ это время ему не объявлено, за что онъ содержится, или онъ не былъ допрошенъ, то совѣстный судъ, по полученіи прошенія, долженъ, не выходя изъ присутствія, послать повелѣніе, чтобы этотъ заключенный, если онъ обвиняется

не въ оскорбленіи Величества, не въ измѣнѣ, не въ убійствѣ, не въ воровствѣ или разбоѣ, былъ присланъ и представленъ въ совѣстный судъ¹⁾ вмѣстѣ съ объясненіемъ причинъ, почему онъ содержится подъ стражею и не допрошенъ. Повелѣнія совѣстнаго суда должны были немедленно исполняться подъ угрозою большого штрафа. По представленіи содержащагося въ тюрьмѣ, если совѣстный судъ найдетъ, что онъ обвиняется не въ перечисленныхъ выше преступленіяхъ, то, не выходя изъ присутствія, онъ долженъ приказывать освободить его на поруки и отослать дѣло его въ судъ той губерніи, которую онъ самъ изберетъ. До рѣшенія дѣла никто не можетъ посадить освобожденнаго въ тюрьму въ другой разъ по тому же дѣлу. Изъ этого видно, что англійскій законъ Habeas corpus (о приводѣ обвиняемаго въ судъ) произвелъ на Екатерину впечатлѣніе, но у насъ изложенное постановленіе осталось мертвою буквою.

Съ конца 1786 г. Екатерина вновь принимается за выписки изъ Блэкстона для работы о сенатѣ, которой она придавала очень большое значеніе: «тутъ всѣ интересованы», сказала она своему секретарю, Храповицкому, «и законъ останется навѣки». При этомъ она говорила объ «утвержденіи самодержавства, о расправной палатѣ» (быть можетъ возобновленіе мысли о палатѣ при сенатѣ) и «генеральномъ судѣ».

Въ 1787 г. была, повидимому, уже готова первая, болѣе краткая редакція проекта сената (въ 97 статей), судя по тому, что въ этомъ году былъ заготовленъ проектъ манифеста по этому поводу. Перечисливъ правила, которыя императрица, по ея словамъ, положила «въ основаніе» своего царствованія и которыя заключались въ охраненіи православной вѣры, законовъ и безопасности жизни и имѣнія подданныхъ, утвержденіи правосудія, покровительствѣ торговлѣ и ремесламъ, возможно меньшемъ отягощеніи народа поборами и охраненіи безопасности имперіи, она съ гордостью говоритъ объ учрежденіяхъ для управленія губерній 1775 г., объ отдѣленіи въ нихъ «мѣстъ правленія и исполненія» отъ судовъ гражданскихъ и уголовныхъ и о томъ, что не смѣшаны съ ними и «дѣла казенныя».

Въ проектѣ 1788 г. сенатъ названъ «хранилищемъ» законовъ. Предсѣдательствуетъ въ немъ государь. Сенатъ раздѣляется на 4 департамента²⁾; ему позволялось «единогласно дѣлать представленія» о неудобствѣ закона, но въ случаѣ подтвержденія его самодержавною властью, законъ долженъ быть безпрекословно исполненъ.

¹⁾ Въ этомъ судѣ, подъ предсѣдательствомъ совѣстнаго судьи наместничества, засѣдали по дворянскимъ дѣламъ два члена, выбранные на три года дворянами, по городскимъ дѣламъ два члена, выбранные городами по очереди, и по «расправнымъ дѣламъ» два члена, выбранные селениями.

²⁾ Первый долженъ былъ вѣдать дѣла государственныя и исполнительныя и скорая приказанія требующія, второй—уголовныя и слѣдственныя въ преступленіяхъ по должности, третій—по апелляциямъ на коллегіи или палаты относительно гражданского суда, четвертый—«домостроительныя» и казенныя.

Однако въ 1788 г. проектъ остался необнародованнымъ, вѣроятно потому, что, въ виду начавшейся войны съ Турціею и Швеціею, Екатерина нашла, что «не время теперь дѣлать реформы». Въ 1794—95 гг. она вновь возвратилась къ проекту о сенатѣ, который, значительно разросшись, не измѣнилъ своего бюрократическаго характера. Въ этой второй редакціи, въ параграфѣ, опредѣляющемъ назначеніе второго департамента, императрица собственноручно напомнила о необходимости упомянуть и о состоящей при этомъ департаментѣ «тайной экспедиціи». Это та знаменитая экспедиція, служба въ которой «кнутобойничалъ» извѣстный слѣдователь Шешковский, съ которою имѣли дѣло Радищевъ и Новиковъ. Одно сохраненіе этого учрежденія достаточно, чтобы показать истинный характеръ предполагаемой реформы ¹⁾.

Между тѣмъ, какъ императрица не только сохраняла прежнюю позицію самодержавія и даже стала успокаиваться на мысли, что «не время дѣлать реформы», русское общество постепенно росло подъ вліяніемъ науки, литературы и западно-европейскаго при-
мѣра. Вліяніе Монтеスキе и Вольтера смѣняется среди болѣе молодого поколѣнія радикальными вліяніями Руссо, Маблі, Райналя. Русская молодежь, учащаяся въ западно-европейскихъ университетахъ, съ жадностью поглощаетъ произведенія передовыхъ западныхъ писателей; переводная литература, не исключая и серьезныхъ произведеній политической мысли, сильно разрастается; кромѣ того, западъ въ числѣ домашнихъ наставниковъ поставляетъ намъ иногда лицъ съ весьма опредѣленнымъ міросозерцаніемъ. ²⁾ Наконецъ, очень сильное впечатлѣніе на наше общество производитъ французская революція.

Въ виду совокупности всѣхъ этихъ вліяній, нечего удивляться довольно значительному распространенію въ русскомъ обществѣ радикальныхъ идей въ послѣдніе годы царствованія имп. Екатерины II. Въ началѣ 1790 г. наставникъ вел. кн. Александра Павловича, священникъ Самборскій, писалъ гр. Н. П. Салтыкову: «Вольноглаголаніе о власти самодержавной почти всеобщее, и чувство, устремляющееся къ необузданной вольности, воспалив-

¹⁾ Въ проектѣ 1795 г. подробно разработаны постановленія о генеральномъ судѣ, который составлялся изъ сената, синода, чиновъ первыхъ четырехъ классовъ и изъ предсѣдателей государственныхъ и прочихъ судебныхъ палатъ или коллегій, находившихся въ мѣстѣ засѣданія суда, при чемъ подсудимымъ дозволялось «отрѣшить» $\frac{2}{3}$ засѣдающихъ членовъ. По дѣлу дворянина въ генеральный судъ предполагалось призывать сверхъ палаты уголовного суда суды дворянскіе—верхній земскій судъ, уѣздный судъ, по дѣлу мѣщанина—мѣщанскіе суды,—губернскій и городской магистраты, по дѣлу подданныхъ суду расправы—расправы верхнюю и нижнюю. Генеральный судъ избиралъ въ судьи $\frac{1}{3}$ своего состава.

²⁾ Таковы Ж. Роммъ, воспитатель гр. П. А. Строганова, впоследствии одинъ изъ видныхъ дѣателей французской революціи, Сеже въ домѣ гр. П. А. Толстого, позднѣе секретарь женеваго революціоннаго комитета, пруссаки Брюкнеръ, «истый вольтеріанецъ», содѣйствовавшій въ домѣ кн. Куракина развитію либеральныхъ взглядовъ Сперанскаго и др.

шееся примѣромъ Франціи, предвѣщаетъ нашему любезнѣйшему отечеству наужаснѣйшее кровопролитіе». До этого дѣло пока не дошло, но все же весьма характерно, что два князя Голицына, съ ружьями въ рукахъ, принимаютъ участіе во взятіи Бастиліи, что Роммъ не только ведетъ своего питомца въ засѣданія національнаго собранія, но и побуждаетъ его записаться въ число членовъ двухъ радикальныхъ парижскихъ клубовъ. Сегодѣнь свидѣтельствуемъ о большомъ энтузіазмѣ въ Петербургѣ при вѣсти о взятіи Бастиліи среди негоціантовъ, купцовъ, горожанъ и нѣкоторыхъ молодыхъ людей болѣе высокаго общественнаго положенія: французы, русскіе, датчане, нѣмцы, англичане обнимались и поздравляли другъ друга на улицѣ. Приподнятое общественное настроеніе сказывается и въ томъ, что семилѣтняя дочь Соймонова (вышедшая впоследствии замужъ за Свѣчина) осенью 1789 г. иллюминировала въ Петербургѣ галлерею въ домѣ отца, чтобы отпраздновать 14 іюля, когда была взята Бастилія, и освобожденіе ея узниковъ. Нѣкоторые русскіе плакали отъ радости, узнавъ, что французскій король принялъ въ 1791 г. конституцію, и за тѣмъ многіе сдѣлали визитъ представителю Франціи для выраженія горячей симпатіи его возродившейся родинѣ. Быстрый ходъ событій вызвалъ сильный интересъ къ чтенію газетъ и журналовъ; директоръ корпуса гр. Ангальтъ нашелъ даже нужнымъ, для ознакомленія кадетъ съ текущими событіями, загести особый столъ съ заграничными повременными изданіями. Въ 1794 г., со смертію гр. Ангальта, они были убраны, но въ это время мѣсто учителя французскаго языка въ корпусѣ занялъ одинъ швейцарецъ, который и сталъ передавать вѣсти о французской революціи. Кадетъ Сергій Николаевичъ Гинка получилъ отъ него марсельезу, которую тогда же и перевелъ. Если такимъ образомъ воспитанники корпуса могли узнавать изъ иностранныхъ журналовъ и газетъ о ходѣ революціи, то не удивительно, что зимою 1791—92 гг. офицеры аплодировали въ театрѣ тому мѣсту въ «Свадьбѣ Фигаро» Бомарше, гдѣ есть намекъ на глупость солдатъ, позволяющихъ себя убивать, неизвестно за что. В. П. Кутубей, будущій министръ при Александрѣ I, впоследствии признавался, что въ началѣ революціи былъ ея ревностнымъ сторонникомъ. М. А. Салтыковъ превозносилъ во время революціи жирондистовъ. Сынъ французскаго эмигранта Эстергази пѣвалъ въ эрмитажѣ революціонныя пѣсни: «Ca ira» и др. Интересъ къ событіямъ во Франціи былъ такъ великъ и въ провинціи, что извѣстный агрономъ Болотовъ, жившій въ г. Богородицкѣ (Тульской губ.), перевелъ изъ иностранныхъ газетъ статьи, относящіяся къ казни Людовика XVI, такъ что изъ нихъ составила рукописная книжка, которую брали у него многіе. Тульскій на-
мѣстникъ Кашкинъ давалъ въ 1794 г. Болотову читать «Революціонный Альманахъ». Изъ Москвы доносились слухи о броженіи въ дворянскихъ сферахъ въ аристократическомъ смыслѣ и меч-

БИБЛИОТЕКА

2004

Библ. № 7434

тахъ о государственномъ устройствѣ по образцу Польши ¹⁾. Наконецъ, по свидѣтельству В. Н. Каразина, вліяніе французской революціи на молодые умы обнаружилось не только въ отдаленныхъ отъ столицъ губерніяхъ Европейской Россіи, но даже и въ глубинахъ Сибири.

Весьма замѣчательнымъ представителемъ радикальных теченій въ русскомъ обществѣ, мало отразившихся въ литературѣ вслѣдствіе неблагоприятныхъ внѣшнихъ условій, является А. И. Радищевъ (1742—1802) ²⁾. Воспитывавшійся въ Москвѣ подъ надзоромъ француза, бывшаго совѣтника руанскаго парламента, который покинулъ отечество по политическимъ причинамъ, Радищевъ, послѣ обученія въ паческомъ корпусѣ, закончилъ свое образованіе въ лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ лекціи 5 лѣтъ. Черезъ два года по возвращеніи въ Россію, онъ перевелъ сочиненіе Мабли, «Размышленія о греческой исторіи». Передавъ здѣсь слово «деспотизмъ» терминомъ «самодержавство», онъ пояснилъ, что «самодержавство есть наипротивнѣйшее чело-вѣческому естеству состояніе. Мы не только не можемъ дать надъ собою неограниченной власти, но ниже законъ, извѣтъ общія воли, не имѣетъ другаго права наказывать преступниковъ, опричь права собственныя сохранности... Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ и нашей природной власти, то дабы она употребляема была въ нашу пользу: о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ *безмолвный договоръ*. Если онъ нарушенъ, то и мы освобождаемся отъ нашей *обязанности*. Неправосудіе государя даетъ народу, его судя, то же и болѣе надъ нимъ право, какое ему даетъ законъ надъ преступниками. *Государь есть первый гражданинъ народнаго общества*». ³⁾ Здѣсь въ сжатомъ видѣ Радищевъ намѣтилъ идеи, которыя онъ развилъ въ своихъ оригинальныхъ произведеніяхъ.

Въ 1789 г. Радищевъ напечаталъ книжку «Житіе Θ. В. Ушакова», своего товарища по лейпцигскому университету, въ которой, между прочимъ, высказываетъ такое наблюденіе: «всѣ, чувствоватъ начинающіе, придерживаются правилъ, народнымъ правленіямъ приличныхъ». Самодержавное правленіе неудобно, по мнѣнію Радищева, даже въ томъ случаѣ, если самодержецъ отличается большими достоинствами; хотя бы онъ былъ совершенно безпристрастенъ, другіе начальствующие его именемъ не будутъ таковыми. Кромѣ того, самодержавный государь знаетъ истинныя

¹⁾ Гр. А. Р. Воронцовъ рассказывалъ впоследствии, что, проѣзжая въ молодости черезъ Варшаву при Августѣ III, онъ думалъ, что для него было бы высшимъ счастьемъ быть польскимъ вельможею съ такими же правами и привилегіями.

²⁾ См. о немъ статью В. А. Мякотина (въ его книгѣ: «Изъ исторіи русскаго общества»⁴⁾), которая издава и отдѣльно фирмою «Донская Рѣчь».

³⁾ Курсивы принадлежатъ Радищеву. Нужно замѣтить, что имя его, какъ переводчика, упомянуто въ книгѣ не было, какъ не упоминалось при изданіи имъ и оригинальныхъ произведеній.

заслуги лишь малаго числа служащихъ ему или отечеству, другихъ же «судить по слуху», награждаетъ по указанію вельможъ, наказываетъ нерѣдко того, кто имъ не нравится. Радищевъ обвиняетъ государей въ крайней близорукости и упрекаетъ ихъ въ томъ, что, нерѣдко подавляя одушевленіе на пользу родины, волнуящее сердца молодежи, они вредятъ тѣмъ пользѣ общественной, а самихъ юношей «нерѣдко навѣки» дѣлаютъ калѣками. Радищевъ указываетъ на то, какъ мало считаются государи съ мнѣніемъ о нихъ современниковъ и потомства. «Не бояся правители народовъ прослыть грабителями, налагая на согражданъ своихъ отяготительныя подати, ни прослыть убійцами своей собратіи и разбойниками въ отношеніи тѣхъ, которыхъ неприятели именуютъ, вчиняя войну и предавая смерти тысячи воиновъ». Такимъ образомъ, уже въ этой небольшой книжкѣ Радищева, мы встрѣчаемъ протестъ противъ войны, который въ главномъ его очиненіи такъ раздражилъ имп. Екатерину. Самовластные государи слишкомъ разсчитываютъ на выносливость народа, и это ослабленіе представителей власти Радищевъ считаетъ залогомъ будущей политической свободы. Онъ высказываетъ горячее сочувствіе англичанамъ за то, что они умѣютъ стойко вести легальную борьбу, но не отступаютъ въ извѣстныхъ случаяхъ и предъ такими крайними мѣрами, какъ казнь своего государя. Здѣсь мы видимъ уже зародышъ нѣкоторыхъ строфъ оды «Вольность» ¹⁾.

Въ 1790 г. Радищевъ издалъ маленькую книжку: «Письмо къ другу, живущему въ Tobolskѣ по долгу званія своего», которая была написана еще въ 1782 г. по поводу открытія памятника Петру великому въ Петербургѣ. При сочувственномъ вообще отношеніи къ этому государю, авторъ дѣлаетъ, однако, слѣдующее замѣчаніе: «Могъ бы Петръ славнѣе быть..., утверждая вольность частную; но если имѣемъ примѣры, что цари оставляли санъ свой, дабы жить въ покоѣ, что происходило не отъ великодушія, но отъ сытости своего сана», то «нѣтъ и до скончанія міра примѣра, можетъ быть, не будетъ, чтобы царь упустилъ добровольно что ли(бо) изъ своей власти, сѣдай на престолѣ». Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Радищевъ оговаривается, что «если бы сіе было писано въ 1790 г., то примѣръ Лудвига XVI далъ бы сочинителю другія мысли». Обвиненіе Петра Великаго въ томъ, что онъ не утверждалъ «вольность частную», вѣроятно навѣяно сочиненіемъ Мабли «Объ изученіи исторіи». Во время слѣдствія по дѣлу Радищева императрица прочитала его «Письмо къ другу» и сдѣлала по поводу его слѣдующее замѣчаніе: «видно..., что давно мысль его готовилась ко взятому пути, а французская революція его рѣшила себя опредѣлить въ Россіи первымъ подвизателемъ».

Но всего полнѣе раскрываются взгляды Радищева въ его зна-

⁴⁾ Въ приложенныхъ къ этой книжкѣ наброскахъ Θ. В. Ушакова оти-тѣтъ подробное доказательство ненужности смертной казни.

менитомъ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву»¹⁾. Въ противоположность тогдашнему состоянію Россіи вотъ что онъ желалъ бы видѣть въ ней: процвѣтаніе наукъ, искусствъ и ремеселъ, свободу разума и его господство въ дѣлѣ общественнаго устроения, религиозную свободу, «равновѣсіе властей», «равенство имуществъ», признаніе права собственности гражданъ на землю, умѣренность наказаній, воспитаніе народа, «внутреннюю тишину», отсутствіе внѣшнихъ враговъ. Подъ вліяніемъ Руссо, Радищевъ собственно полагалъ, что признаніе права собственности на землю привело въ извѣстномъ отношеніи къ вреднымъ послѣдствіямъ. Это видно изъ того, что въ своемъ позднѣйшемъ философскомъ трудѣ «О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи» онъ, подражая словамъ Руссо, говоритъ: «Какъ скоро сказалъ человѣкъ: «сія падень земли моя!» онъ пригвоздилъ себя къ землѣ и отверзъ путь зѣброобразному самовластію, когда человѣкъ повелѣваетъ человѣкомъ». Но, считаясь съ существующими общественными условіями, онъ высказываетъ убѣжденіе, что крестьяне, при своемъ освобожденіи отъ крѣпостного права, «удѣль въ землѣ, ими обрабатываемой, должны имѣть собственностью, ибо платятъ сами подушную подать». Въ этомъ случаѣ онъ, быть можетъ, отчасти слѣдовалъ примѣру Маблі, который, будучи защитникомъ общности имуществъ, высказался, когда ему пришлось говорить о крестьянскомъ вопросѣ въ Польшѣ, хотя и недостаточно рѣзко и опредѣленно, за надѣленіе крестьянъ землею. Райналь, сочиненіе котораго ²⁾ хорошо зналъ Радищевъ, признаетъ собственность источникомъ и добра, и зла, но все же считаетъ необходимыми законы, охраняющіе земельную собственность.

Освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ Радищевъ ждетъ отъ ихъ собственного активнаго протеста.

Какъ извѣстно, Радищевъ посвящаетъ въ своей книгѣ большое разсужденіе доказательству вреда цензуры, которая, по его словамъ, «сдѣлана нянькою разсудка, остроумія, воображенія, всего великаго и изящнаго...; чѣмъ она строже, тѣмъ слѣдствіе ея пагубнѣе». Далѣе онъ приводитъ мнѣніе Гердера, которое, какъ оказывается, заимствовано Радищевымъ изъ его сочиненія «О вліяніи правительства на науки и наукъ на правительство» (1779), но подобно тому, какъ въ вопросѣ объ уничтоженіи рабства, Радищевъ представляетъ гораздо болѣе радикальныя требованія, чѣмъ отчасти вліявшій на него Райналь, ³⁾ такъ и въ вопросѣ о цензурѣ авторъ «Путешествія» гораздо послѣдовательнѣе Гердера. Гердеръ полагаетъ, что на государствѣ лежитъ обязанность не допускать нѣкоторыя науки (gewisse Wissenschaften), онъ требуетъ безусловнаго запрещенія богохульныхъ и безнравственныхъ сочиненій, онъ настаиваетъ на томъ,

¹⁾ Оно теперь вышло въ свѣтъ въ двухъ изданіяхъ подъ редакціей: 1) Н. П. Сильванскаго и П. Е. Шеголева, и 2) П. А. Ефремова. Спб. 1905 г.
²⁾ «Histoire philosophique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes».

³⁾ Объ отношеніи Радищева къ крестьянскому вопросу см. въ моей книгѣ: «Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка», т. I.

чтобы издатели, если отъ нихъ этого потребуютъ, были обязаны называть имена писателей, и даже желаетъ, чтобы было запрещено печатаніе критическихъ статей безъ подписи автора. Радищевъ думаетъ иначе: онъ говоритъ, что «одинъ несмысленный урядникъ благочинія можетъ величайшій въ просвѣщеніи сдѣлать вредъ». По его мнѣнію, «пускай печатаютъ все, кому что на умъ взойдетъ. Кто себя въ печати найдетъ обиженнымъ, тому да дастся судъ по формѣ». Вопреки Гердеру, Радищевъ настаиваетъ на полной свободѣ печати въ дѣлѣ религіи. Считаая невозможнымъ оскорбленіе Бога, онъ прибавляетъ: «но если думаешь, что хуленіемъ Всевышній оскорбится, урядникъ ли благочинія можетъ быть за него истецъ?.. Для чего не дозволить всякому заблужденію быть явнымъ. Явите оно будетъ, скорѣе сокрушится». Защищая полную свободу обсужденія религиозныхъ вопросовъ въ печати, Радищевъ замѣчаетъ: «запрещая вольное книгопечатаніе, робкія правительства не богохуленія боятся, но боятся сами имѣть порицателей». Общій выводъ его состоитъ въ томъ, что «цензура печатаемаго принадлежитъ обществу, оно даетъ сочинителю вѣнецъ, или употребитъ листы на обертки». Признавая бесполезность цензуры «или паче ея вредъ въ царствѣ науки», Радищевъ считаетъ ненужными доказательства необходимости «обширной и безпредѣльной вольности печатанія».

Для полнаго пониманія политическихъ воззрѣній Радищева необходимо внимательное изученіе въ полномъ видѣ его оды «Вольность», изъ которой онъ напечаталъ нѣкоторые отрывки въ своемъ «Путешествіи», кратко изложивъ другія мѣста ¹⁾.

Авторъ обращается къ вольности, которую онъ называетъ благословеннымъ, безцѣннымъ даромъ небесъ, источникомъ всѣхъ великихъ дѣлъ, и проситъ дать ему силу воспыть ее такъ, чтобы проснулись Брутъ и Телль, и чтобы отъ ея гласа пришли въ смятеніе цари. Человѣкъ рождается совершенно свободнымъ, но его свобода ограничена общею властью народа, частью которой является власть отдѣльнаго лица, такъ что каждый, творя волю всѣхъ, творитъ свою волю. Далѣе, авторъ изображаетъ въ видѣ ужаснаго, стоголоваго чудовища «священіе» (т.-е. религиозное) суевѣріе, которое всѣмъ велитъ вѣрить слѣпо, велитъ бояться истины, говорить о божественномъ происхожденіи власти. По словамъ царя, это «Законъ Божій», а мудрецъ, изобрѣвшій народное угнетеніе, утверждаетъ, что это «свѣтой обманъ». Такое суевѣріе было, есть и будетъ источникомъ оковъ рабства. Возможно ли всеильному Богу унизиться до того, чтобы вѣщать намъ при посредствѣ чужого голоса.

Вотъ среди обширныхъ областей стоитъ тронъ рабства. Градскія власти видятъ тамъ въ царѣ образъ Божества. Царская власть охраняетъ вѣру, вѣра утверждаетъ царскую власть. Такъ «священное и политическое суевѣріе», подкрѣпляя другъ друга, угнетаютъ

¹⁾ Выражаемъ глубочайшую признательность П. А. Ефремову за сообщеніе полнаго текста оды «Вольность».

общество: одно старается сковать разсудокъ, другое стремится стереть волю, увѣряя, что дѣлаетъ это ради общей пользы. Подъ сѣнью рабскаго покоя не возрастутъ золотые плоды; тамъ, гдѣ все противоѣствуетъ стремленію ума, тамъ невозможно величіе, тамъ является лѣнь, безпечность, голодъ, коварство, тамъ храмъ Минервы приходитъ въ ветхость. Тамъ царь, вознесъ надменное чело, схвативъ желѣзный скипетръ, властно сѣвъ на огромный тронъ, видитъ въ народѣ лишь подлую тварь и, располагая жизнью и смертью, говоритъ: по своей волѣ я шажу злодѣя, я могу надѣлать властью; пользуется жизнью лишь тотъ, кому я велю жить. И мы спокойно слушаемъ, какъ алчный змѣй, надругаясь надъ всѣми, отравляетъ дни веселья. Но хотя вокругъ твоего престола всѣ стоятъ, преклонивъ колѣни, трепещи, такъ какъ идешь мститель; онъ объявитъ вольность, и вѣсть о томъ распространится отъ края до края, провозглашая свободу. Начнется возстаніе, надежда вооружить всѣхъ, всѣ спѣшатъ «омыть свой стыдъ» въ крови вѣнчаннаго мучителя. Вездѣ сверкаетъ острый мечъ, летаетъ смерть, паритъ надъ гордой головой. Ликуйте, скованные народы: это природное право мести возвело царя на плаху; оно, мощно раздравъ завѣсу лживой ночи, поправъ огромный пестунокъ кичливой и строптивой власти, сковавъ сторукаго исполина, влечетъ его, какъ простаго гражданина, къ престолу, на которомъ возсѣлъ народъ. Онъ сказалъ ему:

«Преступникъ власти мною данной!

Вѣщай, злодѣй, мной увѣнчанный»,

какъ смѣлъ возстать противъ меня? И облекъ тебя въ порфиру, чтобы блюсти «равенство въ обществѣ», быть непримиримымъ мстителемъ пороку, лжи и клеветѣ, предупреждать зло, хранить въ чистотѣ правы, желалъ, чтобы земледѣлецъ не былъ плѣнникомъ на своей нивѣ и благословилъ бы тебя. Не щадя своей крови, я воздвигнулъ грозную рать, чтобы карать вѣнчаннаго враговъ, я велѣлъ повиноваться тебѣ и устремляться съ тобою къ славѣ, — «для пользы всѣхъ мнѣ можно все». Но ты, забывъ, данную мнѣ клятву, забывъ, что я избралъ тебя, возмнилъ, что ты — господинъ, а не я, расторгъ мечемъ мои «уставы», лишилъ силы всѣ права, расчленилъ дорогу мерзостямъ, сталъ взывать «не ко мнѣ, а къ Богу», а мною сталъ гнушаться. Доставая кровавымъ потомъ плоды, посаженные для пропитанія, я раздѣлялъ съ тобою крохи и не шадилъ своего труда. Но тебѣ мало всѣхъ сокровищъ. Скажи, для чего тебѣ не достало ихъ, что ты сорвалъ съ меня рубище? Чтобы одарить лѣстиваго любимца? Мечъ, изощренный противъ злодѣя, ты сталъ сулить невинности. Полки, собранные для защиты, ведешь ли ты на войну за человечество? Злодѣй, болѣе лютый, чѣмъ всѣ злодѣи, преступникъ первый изъ всѣхъ, я зову тебя на судъ, — пусть не минуетъ тебя ни одна изъ казней. Ты устремилъ противъ меня свое жало, «умри, умри же ты стократно!» Обращаясь затѣмъ къ Кромвелю, авторъ называетъ его злодѣемъ за то, что, имѣя въ

своихъ рукахъ власть, онъ сокрушилъ твердыню свободы, но въ то же время считаетъ его великимъ мужемъ, такъ какъ онъ показалъ народамъ, какъ они могутъ мстить за себя: «ты Карла на судъ казнилъ». Гремятъ голоса свободы, народъ собирается на вѣче и разрушаетъ чугунный престолъ. «Великъ, великъ ты, духъ свободы, зиждителемъ», какъ самъ Богъ.

Далѣе, слѣдуетъ описаніе царства свободы и ея послѣдствій: тутъ поле, не поливаемое слезами, становится плодороднѣе, всякій сѣетъ и жнетъ для себя. Свободный человѣкъ, исполнивъ дневную работу, спѣшитъ домой и беззаботно спитъ въ объятіяхъ жены, выбранной имъ самимъ по любви, а не данной ему въ наказаніе надменною рукою господина для размноженія «невинныхъ жертвъ». Тутъ войско — не скотъ, согнанный поневолѣ, тутъ каждый имѣетъ видъ вождя, ничѣмъ славной смерти. О, Вашингтонъ, непобѣдимый воинъ, твой вождь — свобода! Не видно грознаго владыки, тутъ царство свободы: «награда ей одна слава, во храмъ безсмертія что ведетъ». Опять господствуетъ «естественный уставъ». Возвысить, «восхитить вѣнецъ» могутъ только личныя заслуги. Духъ, взлетающій на крыльяхъ разума, «возможетъ» все.

Но страсти возбуждаютъ междоусобія и вызываютъ всѣ послѣдствія безмѣрнаго желанія властвовать. Марій, Сулла возмущаютъ шаткое спокойствіе римлянъ. Наконецъ Августъ,

«Тревожну вольность усынивъ,
Чугунный скипетръ обвилъ пѣвтами;
Народы мнили — правятъ сами,
Но Августъ выю ихъ давилъ».

Таковъ законъ природы: изъ мучительства рождается вольность, изъ вольности рабство.

О вы! счастливые народы,
Гдѣ случай вольность даровалъ!
Блюдите даръ благой природы,
Въ сердцахъ что Вѣчный начерталъ.

Затѣмъ авторъ обращается къ знаменитой странѣ (Франціи), гдѣ собенная вольность лежала попорченная гнетомъ,

«Ликуешь ты! а мы здѣсь страждемъ!
Того жъ, того жъ и мы всѣ жаждемъ».

Къ этой странѣ стремится душа поэта, у него мелькаетъ желаніе быть похороненнымъ на ея берегу, но онъ предпочитаетъ умереть на родинѣ, чтобы юноша, жаждущій славы, сказалъ у его гроба: онъ первый предсказалъ намъ вольность. Поэтъ предвидитъ распространеніе предѣловъ родины, ослабленіе связи ея частей и даже ея распаденіе, тѣмъ болѣе скорое, чѣмъ она будетъ обширнѣе, но это не пугаетъ его; онъ вѣритъ, что изъ нѣдръ этой огромной развалины, среди рѣкъ крови, возникнуть малыя свѣтила;

они украсят «свои кормила» вѣнцомъ «дружества» и направятъ ладью на пользу всѣхъ. Часть еще не настала, судьбы не совершились, еще далеко окончаніе всѣхъ бѣдъ. Власть «при послѣднемъ издыханіи приставитъ стражу къ слову и соберетъ всѣ свои силы», чтобы раздавить возникающую вольность. Но человѣчество, руководимое надеждою на освобожденіе и «неистребимымъ правомъ природы», возстанетъ, и власть будетъ «приведена въ трепетъ» и развѣется въ одно мгновеніе. Уже трясутся своды вѣчнаго мрака и появляется «яркій свѣтъ» свободы.

Сочувствіе федеративному строю, выраженное Радишевымъ въ концѣ его оды, объясняется, вѣроятно, влияніемъ Мабли, который, въ своемъ сочиненіи «О законодательствѣ или основныя начала законовъ», называетъ федеративную республику «высшею степенью совершенства, до которой можетъ возвыситься политика».

Несмотря на истребленіе книги Радишева, нѣсколько десятковъ экземпляровъ ея уцѣлѣло, а на возвратномъ пути изъ ссылки въ Восточную Сибирь авторъ имѣлъ удовольствіе увидѣть и рукописную копію своей книги. Юный С. Н. Глинка, вступая въ жизнь въ 1795 г., единственнымъ своимъ сокровищемъ считалъ три книги, одною изъ которыхъ было «Путешествіе» Радишева.

II.

Въ то самое время, когда Радишевъ пострадалъ за свои радикальныя убѣжденія, Лагарпъ, воспитатель вел. кн. Александра Павловича, внушалъ своему питомцу взгляды, во многомъ сходные съ тѣмъ, что высказывалъ авторъ «Путешествія».

«Читая исторію,» говорилъ Лагарпъ своему ученику, «вы увидите, что вездѣ, гдѣ тронъ покоился на основныя законы, свято соблюдаемыхъ, онъ сохранилъ прочность, что вездѣ, гдѣ государь считалъ себя лишь первымъ должностнымъ лицомъ націи, первымъ слугою государства и отцомъ своего народа, онъ былъ охраняемъ законами и любовью своихъ подданныхъ гораздо лучше, чѣмъ крѣпостными и солдатами». Лагарпъ приводитъ изъ исторіи Англіи два примѣра того, къ чему ведетъ нарушеніе правъ народа: казнь Карла I истребила единство монархіи и низложеніе Іакова II.

Можно думать, что, подъ влияніемъ сильнаго протеста Лагарпа противъ самовласти и произвола, вел. кн. Александръ Павловичъ, 13-лѣтнимъ мальчикомъ, слѣдовательно въ 1790 г., какъ разъ въ годъ ссылки и осужденія Радишева, далъ обѣтъ «утвердить благо Россіи на основаніяхъ непоколебимыхъ», о чемъ Лагарпъ письменно напомнилъ ему за нѣсколько дней до коронованія. Этотъ обѣтъ былъ тогда извѣстенъ, вѣроятно, только Лагарпу. Но взгляды, привитые старшему внуку Екатерины II, не могли не высказываться имъ и въ присутствіи другихъ. Протасовъ, помощникъ гр. Салтыкова по воспитанію Александра Павловича, сообщаетъ, что однажды,

въ 1791 г., его питомецъ, разговаривая о французскихъ дѣлахъ, по поводу чтенія газетъ, выражалъ сочувствіе «объявленію равенства людей» (вѣроятно деклараціи правъ). Французскій повѣренный въ дѣлахъ, Жене, въ своемъ донесеніи отъ 3 Января 1792 г., сообщалъ, что великіе князья разсуждали о злоупотребленіяхъ при феодальномъ режимѣ или напѣвали во дворцѣ революціонныя пѣсни и, въ присутствіи испуганныхъ или озадаченныхъ придворныхъ, вытаскивали изъ кармановъ трехцвѣтныя кокарды. Въ другой депешѣ, отъ 8 Іюня 1792 г., тотъ же Жене сообщаетъ, что «нѣсколько дней тому назадъ вел. князь началъ споръ о правахъ человѣка и другихъ частяхъ нашего національнаго договора» и на вопросы удивленныхъ придворныхъ о томъ, кто могъ столь хорошо освѣдомить о немъ вел. князя, отвѣчалъ, «что бабушка заставила его прочесть французскую конституцію, что она объяснила ему всѣ ея статьи, объяснила причины французской революціи 1789 г. и дала по этому поводу совѣты съ тѣмъ, чтобы онъ запечатлѣлъ ихъ въ своей памяти, но никому не сообщалъ ихъ».

Въ послѣдній годъ жизни Екатерины II Александръ Павловичъ, подъ влияніемъ презрѣнія, которое возбуждала въ немъ придворная грязь, и чувства ответственности за управленіе огромною имперіею, которое выше силъ одного человѣка, выражалъ въ письмахъ къ Лагарпу и Кочубею намѣреніе со временемъ отказаться отъ престола и поселиться съ женою на берегахъ Рейна. Гораздо важнѣе этихъ мечтаній были тѣ задумчивыя мысли, которыя высказалъ вел. князь Александръ весною 1796 г. въ откровенной бесѣдѣ съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ. Онъ сказалъ, что «нѣсколько не раздѣляетъ воззрѣній и правилъ кабинета и двора, что онъ порицаетъ основныя начала политики своей бабки, что все его сочувствіе было на сторонѣ Польши, столь славно борющейся, что онъ оплакивалъ ея паденіе, что Костюшко въ его глазахъ человѣкъ великій по своимъ добродѣтелямъ и потому, что онъ защищалъ дѣло человѣчества и справедливости». Александръ Павловичъ сказалъ, что «ненавидитъ деспотизмъ повсюду, во всѣхъ его проявленіяхъ, что онъ любитъ свободу, на которую имѣютъ одинаковое право всѣ люди, что онъ съ живымъ участіемъ слѣдитъ за французскою революціею, что, осуждая ея ужасныя крайности, онъ желаетъ успѣховъ республикѣ и радуется имъ». Въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ со своимъ другомъ вел. князь заявилъ, что «желалъ бы всюду видѣть республику и признаетъ эту форму правленія единственно сообразною съ правами человѣчества... Между прочимъ онъ утверждалъ, что наследственность престола — установленіе несправедливое и негѣлое, что верховную власть должна даровать не случайность рожденія, а голосованіе народа, который сумѣетъ избрать наиболѣе способнаго къ управленію государствомъ».

Князь Чарторыйскій старался внушить Александру Павловичу мужество, необходимое для предстоящихъ ему обязанностей, и его убѣжденія, повидимому, производили нѣкоторое дѣйствіе. По крайней мѣрѣ, сдѣлавшись, съ началомъ новаго царствованія, наследникомъ

престола, Александръ Павловичъ сталъ задумываться надъ вопросами о государственныхъ реформахъ, хотя еще не покидалъ мысли объ отреченіи отъ престола, откладывая только это отреченіе до окончанія преобразованій, которыя онъ полагалъ со временемъ произвести. Въ этомъ духѣ кн. Чарторыйскій даже составилъ, по просьбѣ великаго князя, во время коронаціи императора Павла (совершившейся въ Москвѣ 5 апрѣля 1797 г.), проектъ манифеста, въ которомъ указывалось на неудобства существовавшей до того времени въ Россіи формы правленія, на выгоды той, которую Александръ предполагалъ ей даровать, на благодѣянія будущей свободы и введенія правосудія, и заявлялось о его рѣшеніи, исполнивъ эту священную для него обязанность, отказаться отъ власти для того, чтобы признанный наиболѣе достойнымъ ее носить могъ упрочить и усовершенствовать дѣло, основаніе котораго онъ положилъ.

Великій князь исполнилъ оцѣнить всю прелесть порядка, установившагося со вступленіемъ на престолъ его отца. Въ письмѣ къ Лагарпу отъ 27 сентября 1797 г. онъ, между прочимъ, писалъ: «Благосостояніе государства не играетъ никакой роли въ управленіи дѣлами: существуетъ только неограниченная власть, которая все творитъ шиворотъ наиворотъ. Невозможно перечислить всѣ безразсудства, которыя совершались здѣсь; прибавьте къ этому строгость, лишенную малѣйшей справедливости, немалую долю пристрастія и политѣйшую неопытность въ дѣлахъ. Выборъ исполнителей основанъ на фаворитизмѣ; заслуги здѣсь ни при чемъ. Однимъ словомъ, мое несчастное отечество находится въ положеніи, не поддающемуся описанію. Хлѣбопашецъ измученъ, торговля стѣснена, свобода и личное благосостояніе уничтожены... Несчастное положеніе моего отечества заставляетъ меня придать своимъ мыслямъ иное направленіе. Мнѣ думалось, что если когда-либо придетъ и мой чередъ царствовать, то вмѣсто оставленія родины, я сдѣлаю несравненно лучше, поработаю надъ дарованіемъ странѣ свободы... Мнѣ кажется, что это было бы лучшимъ видомъ революціи, такъ какъ она была бы произведена законною властью, которая перестала бы существовать, какъ только конституція была бы закончена и нація избрала бы своихъ *представителей*... Когда придетъ мой чередъ, нужно будетъ стараться образовать, само собою разумѣется постепенно, народное представительство, которое, надлежащимъ образомъ руководимое, составило бы конституцію, послѣ чего моя власть совершенно прекратилась бы».

Сознавая всю невозможность существующаго порядка и задумываясь надъ необходимостью иного, лучшаго государственнаго строя, молодой великій князь естественно дѣлился своими мыслями съ людьми, ему близкими. Такъ какъ онъ перѣдко выражалъ Кочубею желаніе, чтобы «правительство было устроено согласно съ принципами здраваго разума», то Кочубей попробовалъ узнать относительно этого мнѣніе его дяди, кн. Безбородко. Въ первый разъ князь уклонился отъ обсужденія этого вопроса, но черезъ нѣсколько дней сказалъ, что набросалъ нѣкоторыя мысли по этому предмету.

Не удивительно, что Безбородко, надѣленный въ теченіе двухъ царствованій самодержавныхъ государей громадными богатствами, высказался за необходимость самодержавія, но порядки, существовавшіе при Павлѣ, оказывались столь невыносимыми, что даже этотъ гибкій царедворецъ считалъ нужнымъ сдѣлать слѣдующую оговорку: «безпредѣльная власть» дается самодержавному государю «не для того, чтобы управлять дѣлами по прихотямъ, но чтобы содержать въ почтеніи и исполненіи законы» и самому прежде всѣхъ имъ повиноваться. Безбородко предлагаетъ установить, чтобы государь, при его коронованіи, присягалъ «царствовать во славу имперіи и во благо общественное». Придавая большое значеніе сенату, онъ дѣлилъ его на 4 департамента такъ же, какъ это предполагалось въ екатерининскихъ проектахъ 1788 и 1795 гг. Кромѣ того, онъ считалъ полезнымъ учредить два департамента сената въ Москвѣ и два въ Кіевѣ. «Для вершенія дѣлъ», выходящихъ изъ общаго порядка, и гдѣ «уваженіе по челоуѣчеству требуетъ смягченія законовъ», Безбородко предлагалъ учредить высшій совѣстный судъ, въ которомъ, подъ предѣтельствомъ высшаго совѣстнаго судьи, должны были присутствовать два депутата отъ дворянъ, два отъ «мѣщанъ» (т.-е. отъ городовъ) и два отъ поселенъ. Вмѣсто сенаторскихъ ревизій, онъ считалъ полезнымъ установить такой порядокъ, чтобы каждая губернія была разъ въ три года подробно осматрѣна лицами, уполномоченными на то государемъ (черезъ «доувѣренныхъ его особъ»), а именно, однимъ сенаторомъ и депутатами — двумя отъ дворянъ, двумя отъ «мѣщанъ» и двумя отъ крестьянъ. Подъ вѣдѣніемъ сената учреждается генеральный уголовный судъ, но составъ его иной, чѣмъ въ екатерининскомъ проектѣ реформы сената 1795 г., а именно, кромѣ трехъ лицъ, состоявшихъ на коронной службѣ, присутствуютъ по два депутата отъ дворянъ, мѣщанъ и поселенъ; въ немъ судятся тѣ дѣла и лица, которыя не подлежатъ судамъ губернскимъ. Далѣе сказано слѣдующее: «*все собраніе депутатовъ*, подъ предѣтельствомъ канцлера юстиціи, составляетъ надзираніе правъ государственныхъ»; въ немъ кромѣ того присутствуютъ 4 лица, состоящія на государственной службѣ. «Когда издается новый законъ, то проектъ оного посылается на разсмотрѣніе въ сіе собраніе, потомъ на ревизію въ общее сената собраніе и, наконецъ, утверждается самодержавною властью». Какъ понимать слова «*все собраніе депутатовъ*»? Передъ этимъ «*депутаты*» упоминались, какъ члены высшаго совѣстнаго суда, какъ участники въ ревизіи губерній и какъ члены генеральнаго уголовного суда. Члены губернскихъ совѣстныхъ судовъ выбирались по учрежденіямъ о губерніяхъ дворянами, городами и крестьянами, но кто долженъ былъ выбирать по проекту Безбородко трехъ сословныхъ представителей высшаго совѣстнаго и генеральнаго уголовного судовъ? Для ревизіи губерній могли выбираться депутаты на мѣстѣ, которые ревизовали бы вмѣстѣ съ «доувѣренными особами» государя. Депутатовъ въ верхній совѣстный и генеральный уголовный суды Безбородко вѣроятно предполагалъ избирать, по примѣру екатерининскаго

проекта 1795 г., также въ томъ мѣстѣ, гдѣ будутъ засѣдать эти суды. Какъ бы то ни было, записка Безбородко въ извѣстной степени связана съ предположеніями Екатерины, что подтверждается и свидѣтельствомъ Кочубея: по его словамъ, вручая ему свою записку, кн. Безбородко сказалъ, что у имп. Екатерины II была постоянно эта идея до тѣхъ поръ, пока французская революція не заставила ее перемѣнить принципы. Упомянувъ о ея грамотахъ дворянству и городамъ, кн. Безбородко прибавилъ, что она оставила связку собственноручныхъ бумагъ о сенатѣ, но нужно замѣтить, что Безбородко дѣластъ новыя предложенія относительно участія представителей сословій въ дѣлѣ законодательства и надзора надъ мѣстными судами и администраціею, которыхъ нѣтъ въ екатерининскихъ проектахъ 1788 и 1795 гг. Подобно этимъ проектамъ, онъ предлагалъ дать сенату право представленія о «вредѣ» отъ даннаго указа и также требовалъ исполненія его въ случаѣ подтвержденія указа государемъ. Но въ екатерининскомъ проектѣ не только нѣтъ требованія уничтожить «всѣ способы потаенные и гдѣ кровь человека и гражданина угнетается вопреки законовъ, изданныхъ на прочія дѣла уголовныя»¹⁾, но, какъ мы видѣли, напротивъ, собственноручно написала на проектѣ, что нужно упомянуть въ немъ о существованіи при второмъ департаментѣ сената тайной экспедиціи. Въ его запискѣ были и другія предположенія, о которыхъ она и не думала въ послѣдніе годы жизни, какъ напримѣръ рядъ мѣръ для ограниченія крѣпостного права, повидимому, навѣянныхъ книгою Радищева. Нѣкоторыя же другія идеи, вѣроятно, были внушены Безбородку изученіемъ классическаго произведенія Монтескье, которое, по словамъ Кочубея, онъ зналъ наизусть. По восторженію на престолѣ Александра I, гр. П. А. Строгановъ не разъ напоминалъ ему о запискѣ кн. Безбородко, но государь не былъ, видимо, ею удовлетворенъ.

Уже въ первой бесѣдѣ о предстоящихъ реформахъ съ гр. Строгановымъ (23 апрѣля 1801 г.) государь сказалъ, что необходимо «опредѣленіе столь знаменитыхъ правъ человека»: мысль объ этомъ очевидно была навѣяна французскою деклараціею правъ и англійскими основными законами. Затѣмъ онъ выразилъ желаніе, чтобы внимательно ознакомились «со всеми конституціями». Составленъ былъ Трошинскимъ, при нѣкоторомъ участіи Сперанскаго, проектъ «всемилоуивѣйшей грамоты российскому народу». Въ ней, между прочимъ, обвиняемому въ преступленіи или находящемуся подъ судомъ предлагалось избрать защитника. Затѣмъ, дозволялось каждому, посаженному въ заключеніе или насильственно задержанному, если ему не объявлено о причинѣ задержанія и въ теченіе трехъ дней онъ не былъ представленъ въ судъ къ допросу, требовать своего освобожденія, при чемъ онъ долженъ немедленно получить свободу съ правомъ начать искъ противъ задержавшаго его лица «въ

¹⁾ Въ царствованіе Павла тайная экспедиція была заважена дѣлами подворгала допрашиваемыхъ истязаніямъ.

оскорбленіи личной безопасности и убыткахъ». Взятый подъ стражу и представившій установленное закономъ поручительство въ томъ, что явится на судъ, долженъ быть освобожденъ, кромѣ случаевъ наиболѣе тяжкихъ преступленій, притомъ вполне доказанныхъ и совершенныхъ умышленно. Предполагалось также постановить, что, согласно XX-ой главѣ Наказа, можно считать оскорбленіемъ величества только извѣстныя дѣйствія¹⁾, а отнюдь не слова и сочиненія. «Каждый російскій гражданинъ», сказано было также въ грамотѣ, «да пользуется неограниченно свободою мыслей, вѣры, или исповѣданія, богослуженія, слова или рѣчи, письма и дѣланія, покуда они законамъ государственнымъ не противны и никому не оскорбительны». Предполагалось обнародовать эту грамоту во время коронаціи въ Москвѣ, но намѣреніе это исполнено не было²⁾.

5 июня 1801 г. данъ былъ сенату именной указъ о томъ, чтобы онъ составилъ доклады о своихъ правахъ и обязанностяхъ, при чемъ государь выражалъ намѣреніе поставить права и преимущества сената на незыблемомъ основаніи, какъ государственный законъ. Государю приходило въ голову, чтобы въ губерніяхъ (вѣроятно въ дворянскихъ собраніяхъ) избиралось по два кандидата, изъ числа которыхъ назначались бы сенаторы, но одинъ изъ членовъ неофіціального комитета, въ которомъ государь обсуждалъ проекты преобразованій, возразилъ, что назначаемыя такимъ образомъ лица могутъ не имѣть познаній, необходимыхъ для занятія столь важнаго мѣста.

Не останавливаясь на различныхъ проектахъ преобразованія сената, отмѣтимъ только мнѣніе по этому предмету Н. С. Мордвинова, прочитанное имъ въ засѣданіи Совѣта 1-го мая 1802 г. «Желательно», писалъ Мордвиновъ, «чтобы сенатъ содѣлался тѣломъ политическимъ... Права политическія должны быть основаны на знаніи сословіи, весьма уважаемомъ». Мордвиновъ предлагаетъ, чтобы каждая губернія присылала въ сенатъ по два депутата, выбираемыхъ на томъ же основаніи, какъ губернскіе предводители, т. е. однимъ дворянствомъ, и также на три года. Выбранные не полу-

¹⁾ А именно заговоръ для испроверженія высшей власти, произведеніе явнаго и умышленнаго бунта въ народѣ, которымъ будетъ нарушено спокойствіе государства, и измѣна.

²⁾ Была еще попытка опредѣлить общія политическія права въ неизданномъ проектѣ Новосильцова, но онъ не имѣлъ практическихъ послѣдствій. Любопытно сопоставить эти блужданія окружающихъ государя лицъ въ вопросахъ объ общихъ правахъ русскихъ гражданъ съ весьма опредѣленною программою Радищева, служившаго въ то время въ комиссіи составленія законовъ. По его мнѣнію, необходимо постановить, что 1) всѣ состоянія равны передъ закономъ, и потому тѣлесное наказаніе должно отиѣнить; 2) табель о рангахъ уничтожить; 3) въ уголовныхъ дѣлахъ отиѣнить пристрастные допросы, ввести публичное судопроизводство и судъ присяжныхъ; 4) вѣротерпимость должна быть совершенная и устранено все то, что стѣсняетъ свободу совѣсти; 5) ввести свободу книгопечатанія съ ограниченіями и точными постановленіями о степени отвѣтственности; 6) освободить крѣпостныхъ крестьянъ и нѣкоторыхъ другихъ.

чают жалованья, но пользуются всеми преимуществами наравнѣ съ назначенными государемъ и также называются сенаторами. «Ущественная» ихъ обязанность должна была состоять въ попеченіи о благѣ той губерніи, отъ которой они избраны. Мнѣніе Мордвинова имѣетъ нѣкоторое сходство съ предположеніями кн. Шерба-това въ его «Путешествіи въ землю Офирскую», но только Шерба-товъ давалъ право представительства не одному дворянству, а также и купечеству, по крайней мѣрѣ, по дѣламъ, затрагивающимъ его интересы. Когда, въ концѣ того же мѣсяца, на совѣщаніи съ нашимъ посланникомъ въ Англій, гр. С. Р. Воронцовымъ, гр. Строгановъ, сближая сенатъ съ верхнею палатою англійскаго парла-мента, возбудилъ вопросъ о наследственности сенаторскаго званія и высказался за нее, то Воронцовъ возражалъ противъ этого, считая у насъ такое учрежденіе опаснымъ.

Указомъ 8 сентября 1802 г. о сенатѣ за нимъ не сохранилась уже прежняя власть, такъ какъ органами активнаго управленія и непосредственными докладчиками верховной власти, на основаніи изданнаго въ тотъ же день указа, являлись министры. Но они обя-заны были ежегодно представлять чрезъ сенатъ письменные отчеты государю; разсматривъ ихъ и выслушавъ объясненія министровъ, сенатъ докладывалъ императору свое мнѣніе. Однако, это правило не создало дѣйствительной отвѣтственности министровъ. Сенату дозволялось также дѣлать представленія государю о неудобноиспол-нимыхъ указахъ по общимъ государственнымъ дѣламъ или не-согласныхъ съ законами и неясныхъ по дѣламъ суднымъ; но когда сенатъ попробовалъ въ слѣдующемъ году воспользоваться этимъ правомъ по поводу одного указа, ограничивающаго права дворян-ства, то было разъяснено, что сенатъ можетъ дѣлать представленія лишь о тѣхъ законахъ и указахъ, которые были изданы до 8 сен-тября 1802 г. С. Р. Воронцовъ находилъ, что, по новымъ законамъ, сенатъ униженъ, а министры получили слишкомъ большую власть; сравнивая министровъ-фаворитовъ XVIII вѣка съ новыми министра-ми, онъ находилъ, что то было зло незаконное, а теперь оно основывается на законѣ.

Въ 1803 г. имп. Александръ, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея, поручилъ Сперанскому составить планъ устройства судеб-ныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ имперіи. Наиболее важный пунктъ этой записки состоитъ въ выясненіи истиннаго значенія отвѣтственности исполнительной власти предъ законодательною. Уста-новленіе такой отвѣтственности, говоритъ Сперанскій, «есть первый шагъ рѣшительнаго приближенія, какой можно сдѣлать въ государ-ствѣ деспотическомъ къ правильной монархіи, ибо, устанавливая ее, государь самодержавный отступаетъ отъ безотчетнаго управленія, и въ лицѣ министровъ покоряетъ собственную свою власть закону». Сперанскій считаетъ нужнымъ при этомъ пояснить, что «отвѣтствен-ность сія не учреждается однимъ словомъ или велѣніемъ; она пере-мѣняетъ конституцію государства и слѣдовательно не можетъ быть нигдѣ безъ важныхъ превращеній» (революцій). «Она предполагаетъ

законъ, утвержденный печатью общаго принятія, и извѣстную га-рантію сего закона въ вещественныхъ установленіяхъ государства или въ твердомъ и общемъ мнѣніи народномъ. *Безъ сего все будетъ состоять только въ словахъ*». Тутъ ясно критическое отношеніе Сперанскаго къ тѣмъ разговорамъ объ ограниченіи самовласти, ко-торыми имп. Александръ и его приближенные усердно занимались въ первые годы его царствованія и которые ни на шагъ не подви-гали дѣла впередъ.

Въ «правильномъ монархическомъ государствѣ» (въ отличіе отъ Россіи, правленіе которой Сперанскій считалъ деспотическимъ) «госу-дарственный законъ» рисовался Сперанскому въ слѣдующихъ чертахъ: 1) Всѣ «состоянія» государства свободны и участвуютъ въ извѣст-ной мѣрѣ въ законодательной власти. 2) Власть исполнительная принадлежитъ одному лицу, участвующему въ законодательномъ дѣйствіи и утверждающему его. 3) Есть общественное мнѣніе, обере-гающее законъ въ его исполненіи. 4) Есть «независимое сословіе народа» (т.-е. законодательное учрежденіе, основанное на народномъ избраніи), предъ которымъ «исполнители» отвѣтственны. 5) Суще-ствуетъ система гражданскихъ и уголовныхъ законовъ принятая народомъ. 6) Судъ производится не отъ лица государя, но лицами, избранными народомъ и имъ утвержденными, которые сами могутъ быть преданы суду. 7) Судопроизводство публично, исключая нѣ-которыхъ опредѣленныхъ случаевъ. 8) Существуетъ свобода печати въ извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ границахъ.

Къ сожалѣнію, записка Сперанскаго 1803 г. найдена до сихъ поръ лишь въ черновомъ оригиналѣ, и въ немъ только что изложен-ное мѣсто зачеркнуто. Правда, многія характерныя черты государ-ственного закона указаны Сперанскимъ отдѣльно въ другихъ мѣ-стахъ, но, во-первыхъ далеко не всѣ, а, во-вторыхъ, здѣсь онѣ были собраны воедино, и исключеніе вышеизложеннаго мѣста не-сомнѣнно уменьшало значеніе записки. Можно предполагать, что это исключеніе было сдѣлано по требованію тогдашняго началь-ника Сперанскаго, Кочубея, который, вѣроятно, нашелъ нужнымъ охладить либеральный пылъ своего подчиненнаго. Недаромъ Сперанскій сказалъ другу и популяризатору Бентама, Дюмону, посѣ-тившему въ это время Петербургъ, что «не вѣрить въ возможность установленія политической свободы въ Россіи». Упомянемъ еще, что Сперанскій, какъ видно изъ другого зачеркнутаго мѣста за-писки, колебался еще тогда, слѣдуетъ ли основать законодательное учрежденіе на «системѣ представленія» ¹⁾, т.-е. представительства, или на системѣ первородства. Во всякомъ случаѣ, въ этой запискѣ онъ вынужденъ былъ составлять планъ устройства правительственныхъ и судебныхъ учреждений при сохраненіи самодержавія ²⁾.

¹⁾ Въ проектѣ 1809 г. (см. ниже) Сперанскій употребляетъ выраженіе: «народное представительство».

²⁾ Записка 1803 г. была впервые напечатана Н. А. Бычковымъ въ «Исто-рическомъ Обзорѣ», т. XI.

Этот труд Сперанского практических послѣдствій не имѣлъ, но такъ какъ онъ, повидимому, былъ представленъ имп. Александру, то могъ обратить вниманіе государя на его составителя. Александръ I въ дѣлѣ преобразованія государственнаго строя Россіи, какъ и въ крестьянскомъ дѣлѣ, очевидно, желалъ накопить различные проекты, чтобы выбрать изъ нихъ лучший. Въ іюнѣ 1804 г., министръ юстиціи, кн. Лопухинъ, управлявшій и комиссіею составленія законовъ, призвалъ къ себѣ секретаря и перваго докладчика этой комиссіи, бар. Розенкампа, не знавшаго тогда русскаго языка, и объявилъ ему повелѣніе государя заняться составленіемъ проекта конституціи для Россіи. Правда, ранѣе этого, по порученію русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, онъ составилъ проектъ конституціи для Ионическихъ острововъ, которые состояли съ 1799 по 1807 г. подъ покровительствомъ Россіи, но даже самъ Розенкампъ признавалъ эту работу неудачною. Поэтому онъ былъ крайне пораженъ, услышавъ повелѣніе государя. Розенкампъ указалъ Лопухину на то, что «комиссія не успѣла еще ознакомиться съ основными началами государственнаго строя Россіи, а отъ нея желаютъ имѣть окончательный выводъ изъ нихъ, конституцію»; онъ напомнилъ, что еще не собраны многіе законы о сословіяхъ, не рассмотрѣны національныя и мѣстныя особенности. Однако, онъ долженъ былъ повиноваться и составилъ общій очеркъ конституціи, который, по его собственнымъ словамъ, имѣлъ множество пробѣловъ, такъ какъ вовсе не касался крестьянскаго сословія. Трудъ этотъ пока не найденъ, и мы не знаемъ, были ли въ этомъ проектѣ постановленія, действительно ограничивающія самодержавную власть¹⁾. Онъ былъ переданъ Новосильцову и кн. Чарторыйскому, которые выработали полный проектъ, но онъ остался безъ движенія, вслѣдствіе внѣшнихъ усложненій, вызвавшихъ кровопролитныя войны 1805—7 гг. и паденія вліянія Строганова, кн. Чарторыйскаго и Новосильцова. По возвращеніи изъ Эрфурта въ 1808 г. государь передалъ этотъ проектъ Сперанскому, который его не одобрилъ.

Въ 1808 г. Сперанскій находился въ свѣтѣ государя во время его свиданія съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ. Наполеонъ обратилъ особенное вниманіе на Сперанскаго и говорилъ о немъ, что это «единственная свѣтлая голова въ Россіи». По возвращеніи въ Петербургъ, государь проводилъ съ нимъ цѣлые вечера въ чтеніи разныхъ сочиненій относившихся къ вопросу о государственныхъ преобразованіяхъ. Работою надъ общимъ планомъ реформъ Сперанскій былъ занятъ большую часть 1809 г.²⁾ Октябрь и ноябрь мѣсяцы

¹⁾ Въ 1803—4 гг. Каразинъ, носившій съ такою мыслью, что государь долженъ дѣйствовать неограниченно (?), но «охранительный сенатъ» по постановленію, принятому 2/3 голосовъ, можетъ послать ему свои замѣчанія, большинствомъ же 3/4 голосовъ *остановить его дѣйствія* обнародованіемъ своихъ замѣчаній. Присяга вполнѣ должна быть безусловная, а въ нее слѣдуетъ внести обязательство, полагающее предѣлы повиновенію.

²⁾ При этомъ онъ изучалъ «всѣ извѣстныя конституціи».

прошли въ томъ, что почти ежедневно государь разсматривалъ проектъ Сперанскаго, дѣлалъ перемѣны, дополненія и поправки и, наконецъ, рѣшилъ приводить его въ дѣйствіе¹⁾.

Приступая къ ознакомленію съ проектомъ Сперанскаго 1809 г. носящемъ въ черновомъ оригиналѣ заглавіе «Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ», отмѣтимъ изъ того, что онъ говоритъ о прошломъ Россіи, рѣшительное осужденіе имъ закона Петра Великаго о правѣ первородства: «сіе установленіе, совершенно феодальное, могло бы», по мнѣнію Сперанскаго, «уклонить Россію на нѣсколько вѣковъ отъ настоящаго ея пути». Такимъ образомъ въ эту болѣе демократическую эпоху своего міросозерцанія Сперанскій высказался противъ права первородства; позднѣе же, онъ круто измѣнилъ свой взглядъ. Современная ему Россія находится, по его мнѣнію, «въ эпохѣ самодержавія», но «безъ сомнѣнія имѣетъ прямое (*forte, mais régulière*)²⁾ направленіе къ свободѣ». Въ доказательство того, что «настоящая система (*la forme*) правленія не свойственна уже болѣе состоянію общественнаго духа и что настало время перемѣнить ее и основать новый вѣшей порядокъ», Сперанскій указываетъ нѣсколько признаковъ. Онъ отмѣчаетъ, между прочимъ, ослабленіе власти: «Если физическая власть», говоритъ онъ, «осталась въ прежнемъ положеніи, то моральная, безъ сомнѣнія, весьма ослабла. Какаѣ мѣры правительства не подвержена нынѣ осужденію?.. Съ достовѣрностью можно сказать, что всѣ мѣры правительства, требующія не физическаго, но моральнаго повиновенія, не могутъ имѣть дѣйствія... Одна есть истинная сему причина:

¹⁾ Слѣдуетъ упомянуть, что Финляндія, присоединенная къ Россіи въ 1809 г., сохранила свое государственное устройство. 15 марта было подписано государемъ «обнадеживаніе всѣмъ жителямъ Финляндіи» въ которомъ сказано: «Призвали мы въ благо... утвердить и удостовѣрить религію, коренныя законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимости и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи». Сперанскій сопровождалъ государя на сеймъ въ Боро, и имъ были написаны рѣчи императора при открытіи и закрытіи сейма. Взглядъ имп. Александра на юридическое положеніе Финляндіи всего опредѣленнѣе выраженъ въ манифестѣ отъ 15 марта 1810 г. «Съ той минуты, когда providѣніе отдало въ наши руки судьбу Финляндіи, мы рѣшили управлять этою страной, какъ націею свободою и пользующеюся правами, которыя гарантировала ей ея конституція... Всѣ акты издаваемые до сихъ поръ для внутренняго управленія этою страной, составляющія слѣдствіе и приложеніе этого основнаго начала; сохраненію религіи и законовъ, созваніе сейма, образованіе правительственнаго совѣта среди націй, неприкосновенное сохраненіе судебнаго и административнаго порядка служить тому доказательствами, которыя должны обезпечить финскому народу (*nation*) права его политическаго существованія». Въ отчетѣ за 1810 г. Сперанскій указалъ на то, что «Финляндія есть государство, а не губернія». Несмотря, однако, на либеральное настроеніе имп. Александра I относительно Финляндіи, финляндскій сеймъ при немъ, послѣ 1809 г., ни разу не былъ созванъ.

²⁾ Для поясненія мысли Сперанскаго мы сопоставляемъ нѣкоторыя выраженія русскаго его проекта съ соответственными мѣстами сокращеннаго и иногда нѣсколько смягченнаго французскаго перевода.

образъ мыслей настоящаго времени въ совершенной противоположности съ образомъ правленія». Далѣе авторъ указываетъ на невозможность частныхъ исправленій и, наконецъ, на всеобщее неудовольствіе: «Духъ народный страждетъ въ безпокойствіи. Какъ можно объяснить еіе безпокойствіе иначе, какъ совершеннымъ измѣненіемъ мыслей, глухимъ, но самымъ сильнымъ желаніемъ другого вещей порядка.»

Доказавъ необходимость коренныхъ реформъ, Сперанскій утверждаетъ, что преобразование должно состоять въ томъ, чтобы «правленіе, доселѣ самодержавное, постановить и учредить на непрѣмѣнномъ законѣ». Но онъ желалъ не облеченія самодержавнаго правленія только «внѣшними формами закона» (*formes constitutionnelles apparentes*), причѣмъ оставались бы въ сущности «та же сила и то же пространство самодержавія», какъ это было въ тогдашней наполеоновской Франціи и какъ это ему самому приходилось проектировать въ запискѣ 1803 г., а дѣйствительнаго ограниченія самодержавія¹⁾, при которомъ: 1) законодательное «сословіе»²⁾ было бы такъ устроено, чтобы его постановленія нуждались въ утвержденіи державной власти, «но чтобы мнѣнія его были свободны и выражали бы собою мнѣніе народное» (*vœux de la nation*). 2) Сословіе судебное должно составляться по свободному выбору (*choix libre de la nation*), и только надзоръ за судебными формами принадлежалъ бы правительству. 3) Власть исполнительная должна быть ввѣрена правительству, но такъ какъ она могла бы своими распоряженіями, подъ видомъ исполненія законовъ, совсѣмъ уничтожить ихъ, то необходимо сдѣлать ее отвѣтственною предъ властью законодательною.

Предложеніе закона должно быть предоставлено правительству. Изъ этого правила Сперанскій допускаетъ только два исключенія: 1) когда правительство какою-либо мѣрою явно нарушаетъ законъ и 2) когда оно въ установленное время не представитъ требуемыхъ закономъ отчетовъ. Тогда законодательное «сословіе» можетъ возбудить слѣдствіе противъ министра, подписавшаго эту мѣру³⁾, и вѣстѣ съ тѣмъ «просить ея отмены». «Уваженіе» закона⁴⁾, т.-е. обсужденіе его, должно принадлежать законодательному сословию

¹⁾ «Ограничить его» (самодержавіе) «внутреннею и существенною силою установленій» (*par des institutions, investies d'une force intérieure et réelle*) «и учредить державную власть на законѣ» (*loi fondamentale*), «не словами, но самымъ дѣломъ».

²⁾ Такъ переводитъ Сперанскій слово «*corps*», «законодательное сословіе» — «*corps législatif*».

³⁾ Однако, такое постановленіе законодательнаго «сословія» должно быть утверждено державною властью. Въ Англіи, когда нижняя палата предавала министровъ суду верхней палаты, король ни въ какомъ случаѣ не могъ ихъ помиловать. Дозволяя возбужденіе слѣдствія противъ министра только съ утвержденія государя, Сперанскій подрывалъ значеніе министерской отвѣтственности, такъ какъ при такомъ порядкѣ министры могли ссылаться на повелѣніе государя, и слова проекта, что «подписаніе актовъ» (министрами) «всегда предполагается совершенно свободнымъ», могли бы утратить всякое значеніе.

⁴⁾ *Délibération de la loi, formation de la loi.*

при участіи министровъ¹⁾. Наконецъ, утвержденіе закона принадлежитъ державной власти.

Политическія права, по проекту Сперанскаго, основываются на обладаніи собственностью, имущественнымъ цензомъ, при чемъ теоретически обсуждая этотъ вопросъ, онъ допускаетъ для ценза не только недвижимую собственность, но и «капиталы промышленности въ извѣстномъ количествѣ». Однако, далѣе сказано, что «волостная дума», производящая выборы въ первой степени, составляется «изъ всѣхъ представителей *недвижимой собственности*» съ присоединеніемъ къ нимъ представителей отъ казенныхъ крестьянъ. И дворяне могутъ участвовать въ выборахъ и быть избираемыми «не иначе, какъ на основаніи собственности». Лица «средняго состоянія» имѣютъ также права политическія по ихъ собственности. «Среднее состояніе составляется изъ купцовъ, мѣщанъ» (во французскомъ переводѣ прибавлено: ремесленниковъ), «однородцевъ и всѣхъ» (некрѣпостныхъ) «поселянъ, имѣющихъ недвижимую собственность» («*certaine quantité de terrain*») въ извѣстномъ количествѣ (однако размѣръ не указанъ)²⁾. Такъ какъ возрастъ, необходимый для обладанія политическими правами, не опредѣленъ, то, вѣроятно, ими пользовались совершеннолѣтніе. Наконецъ, третье «состояніе», «рабочій народъ», имѣетъ общія гражданскія права, но не имѣетъ правъ политическихъ. Переходъ изъ этого класса въ среднее состояніе былъ открытъ всѣмъ, кто приобрѣлъ недвижимую собственность (*propriété foncière*) въ извѣстномъ количествѣ и исполнилъ повинности, которыми былъ обязанъ по прежнему состоянію. Къ этому классу причисляются всѣ помѣщики крестьяне, мастеровые, ихъ работники и домашніе слуги.

Сперанскій устанавливаетъ четыре степени порядка законодательнаго, суднаго и исполнительнаго: 1) въ волостныхъ городахъ, а гдѣ нѣтъ города, къ которому съ удобствомъ могли бы быть приписаны волости, то въ селеніи; 2) въ окружномъ городѣ; 3) въ губернскомъ и 4) въ столицѣ.

«Въ каждомъ волостномъ городѣ или въ главномъ волостномъ селеніи каждые три года изъ всѣхъ владѣльцевъ *недвижимой собственности* составляется собраніе подъ названіемъ *волостной думы*. Казенныя селенія отъ cadaго пятисотеннаго участка посылаютъ въ думу одного старшину». Волостная дума выбираетъ членовъ волостнаго правленія, депутатовъ въ окружную думу (число ихъ не можетъ превышать $\frac{2}{3}$ всего числа владѣльцевъ) и составляетъ списокъ 20 отличѣйшихъ обывателей, населяющихъ волость, и представленіе окружной думѣ объ общественныхъ волостныхъ нуждахъ.

Въ собраніяхъ волостной думы участвовали имѣющіе собствен-

¹⁾ При этомъ Сперанскій различаетъ законъ и уставы, или учрежденія; послѣдніе «относятся къ дѣйствию власти исполнительной», причѣмъ она можетъ сложить съ себя отвѣтственность, внося уставы и учрежденія въ законодательное сословіе.

²⁾ Духовенству, очевидно, не предоставлялось политическихъ правъ, такъ какъ о немъ вовсе не упоминается въ проектѣ Сперанскаго.

ность дворяне купцы и мѣщане (по французскому переводу—и ремесленники), однодворцы и некрѣпостные крестьяне, имѣющие недвижимую собственность въ извѣстномъ количествѣ; кромѣ того, въ волостной думѣ участвовали старшины отъ казенныхъ крестьянъ по одному отъ 500 душъ. Нельзя сдѣлать даже приблизительный подсчетъ тѣхъ, кто могъ участвовать въ этихъ собраніяхъ въ виду того, что размѣръ имущественнаго ценза не установленъ, но если допускались мѣщане и крестьяне, имѣющие недвижимую собственность, и представители казенныхъ крестьянъ, то нужно думать, что этотъ цензъ предполагалось установить въ небольшомъ размѣрѣ. Несомнѣнно, что для своего времени политическія права были предоставлены Сперанскимъ значительному числу лицъ; но это достоинство проекта значительно ослабляется многостепенностью выборовъ (которые для казенныхъ крестьянъ—четырехстепенные, а для членовъ среднего сословія и для дворянства—трехстепенные).

Изъ депутатовъ волостныхъ думъ каждые три года въ окружномъ городѣ составляется собраніе подъ именемъ *окружной думы*. Она выбираетъ членовъ окружнаго совѣта и окружнаго суда и депутатовъ въ губернскую думу, изъ представленныхъ отъ волостныхъ думъ списковъ, составляетъ списокъ 20 «отличнѣйшихъ» обывателей округа, беретъ отчетъ съ окружнаго начальства въ суммахъ, собираемыхъ на общественные расходы, и составляетъ представленіе губернской думѣ объ общественныхъ нуждахъ на основаніи представленийъ волостныхъ думъ.

Изъ депутатовъ окружныхъ думъ каждые три года составляется въ губернской думѣ собраніе подъ именемъ *губернской думы*. Она выбираетъ членовъ губернскаго совѣта, губернскаго суда и членовъ государственной думы (изъ обоихъ состояній, имѣющихъ политическія права), число которыхъ опредѣляется въ каждой губерніи закономъ. При этомъ въ проектѣ не сказано, какъ великъ долженъ быть цензъ для того, чтобы быть выбраннымъ депутатомъ въ государственную думу. Хотя ранѣе Сперанскій утверждаетъ, что цензъ для того, чтобы быть выбраннымъ въ депутаты, «во всѣхъ государствахъ» выше, чѣмъ для того, чтобы участвовать въ выборахъ, но упоминаніе объ этомъ здѣсь заставляетъ думать, что для права быть избираемымъ Сперанскій не предполагалъ требовать большаго ценза, чѣмъ для активнаго. Далѣе, губернская дума, подобно волостной и окружной, выбираетъ 20 «отличнѣйшихъ» въ губерніи обывателей, разсматриваетъ отчетъ губернскаго правленія въ деньгахъ, собираемыхъ на общественные расходы, составляетъ представленіе объ общественныхъ нуждахъ сообразно ходатайствамъ окружныхъ думъ и, подобно губернской думѣ, устраиваетъ изъ своихъ членовъ особую комиссію для разсмотрѣнія отчетовъ и представленій о нуждахъ.

По окончаніи этихъ занятій, предсѣдатель препровождаетъ въ государственный совѣтъ, на имя канцлера юстиціи, списки всѣхъ членовъ, избранныхъ въ волостныя правленія и суды окружныя и губернскія; на имя канцлера государственной думы списки: 1) членовъ,

избранныхъ въ совѣты окружныя и губернскія, 2) членовъ, избранныхъ въ законодательное «сословіе», 3) отличнѣйшихъ обывателей губерніи и 4) представленіе о нуждахъ губерніи. Такимъ образомъ Сперанскій не упоминаетъ о правѣ петиціи для отдельныхъ гражданъ, а устанавливаетъ лишь коллективныя ходатайства чрезъ волостныя, окружныя и губернскія думы.

Губерніи для производства выборовъ раздѣляются на 5 классовъ, и ежегодно выборы производятся въ 10 несмежныхъ одна съ другою губерніяхъ. Выборы должны производиться каждые три года. Такъ какъ губерній европейской Россіи, на которыя Сперанскій предполагалъ распространить дѣйствія своего проекта, было 39,¹⁾ то, слѣдовательно, въ каждой губерніи выборы производились бы рѣже, чѣмъ разъ въ три года, и нельзя было бы раздѣлить губерніи на 5 классовъ, если ежегодно производить выборы въ 10, а не въ меньшемъ числѣ губерній.

Относительно государственной думы въ проектѣ Сперанскаго заключаются слѣдующія постановленія. «Изъ депутатовъ, представленныхъ отъ губернской думы, составляется законодательное сословіе подъ именемъ *государственной думы*». Сперанскій не даромъ употребляетъ выраженіе «представленныхъ отъ губернской думы», а не говоритъ, что депутаты, выбранные губернской думою, составляютъ государственную думу; мы сейчасъ увидимъ, чѣмъ это объясняется. Очень важно то, что дума собирается не по повелѣнію императора, а «по коренному закону и безъ всякаго созыва ежегодно, въ сентябрѣ мѣсяцѣ». Срокъ дѣйствія ея опредѣляется количествомъ предлагаемыхъ ей дѣлъ. Дѣйствіе государственной думы прекращается двоякимъ образомъ: 1) отсрочкою до будущаго года и 2) совершеннымъ увольненіемъ всѣхъ ея членовъ. Отсрочка производится актомъ державной власти въ государственномъ совѣтѣ. Увольненіе производится такимъ же актомъ, но съ обозначеніемъ въ немъ новыхъ членовъ, назначенныхъ послѣдними выборами губернскихъ думъ. Отсюда слѣдуетъ, что, хотя выборы членовъ государственной думы предполагалось производить каждые три года, но не всегда выбранные попадали въ государственную думу. Если бы Государь не распускалъ всѣхъ членовъ думы и пожелалъ бы сохранить ея прежній составъ долѣе 4 лѣтъ²⁾, то выбранные губернскими думами въ члены государственной думы въ теченіе этихъ лѣтъ не вошли бы въ нее въ полномъ составѣ, а членами ея сдѣлались бы только тѣ, которые поступаютъ въ нее для замѣненія открывшихся вакансій (см. ниже). Съ другой

¹⁾ Сравни: *Арсеньевъ*, «Очерки Европ. Россіи», СПб., 1848 г. стр. 138—142 и «Историч. Обзорніе», т. X, 28.

²⁾ Предположеніе проф. Шмаана («Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I», Bd. I, 359), что этими комиссіями должна была и ограничиться дѣятельность государственной думы и что общія собранія ея вовсе не должно было быть, ни на чемъ не основано. Это ясно изъ сравненія съ постановленіями объ окружныхъ и губернскихъ думахъ, которыя также устраиваютъ комиссіи изъ своихъ членовъ.

стороны, если бы Государь пожелалъ распускать государственную думу чаще, чѣмъ одинъ разъ въ 4 года, то пришлось бы и выборы производить въ большемъ количествѣ губерній, чѣмъ устанавливалось проектомъ; а если бы онъ вовсе не сталъ распускать всѣхъ членовъ государственной думы, то они оставались бы въ ней пожизненно. «Кромѣ общаго увольненія», сказано далѣе въ проектѣ, «члены государственной думы не могутъ оставить свое мѣсто» иначе, какъ по постановленію верховнаго суда (а въ окончательной редакціи прибавлено: «или опредѣленіемъ въ совѣтъ, сенатъ и министерство»). «Въ сихъ двухъ послѣднихъ случаяхъ мѣста членовъ занимаютъ непосредственно однимъ изъ кандидатовъ, въ списокъ послѣдняго выбора означенныхъ». Тутъ уже выбранные въ члены государственной думы называются лишь «кандидатами», что и соответствовало вышеприведеннымъ правиламъ проекта, такъ какъ выбранные губернскими думами въ государственную думу могли и вовсе не попасть въ нее въ томъ случаѣ, если бы Государь долго не пользовался своимъ правомъ распускать думу. «Предсѣдатель государственной думы», сказано въ черновомъ собственноручномъ оригиналѣ проекта, «есть ея канцлеръ по самому своему званію». Въ окончательной же редакціи это измѣнено такъ: «Предсѣдатель государственной думы избирается изъ членовъ ея и утверждается державною властію». Въ первыхъ засѣданіяхъ дума образуетъ 6 законодательныхъ комиссій¹⁾.

Для предлагаются государственной думѣ отъ имени державной власти однимъ изъ министровъ или членовъ государственнаго совѣта. Но государственная дума можетъ сама вносить представленія: 1) о государственныхъ нуждахъ, 2) объ уклоненіи отъ ответственности и 3) о мѣрахъ, нарушающихъ государственные законы. Болѣе подробныя постановленія относительно государственной думы предполагалось внести въ коренные законы, а въ проектѣ Сперанскаго сказано, что ни одинъ законъ не можетъ имѣть силы, если «не будетъ составленъ въ законодательномъ сословіи», и что въ нее должны быть вносимы судебный уставъ, общія правительственныя «учрежденія», постановленія о налогахъ и общенародныхъ повинностяхъ, о продажѣ и залогѣ государственныхъ имуществъ и объ исключительныхъ на нихъ привилегіяхъ, и о вознагражденіи частныхъ людей за отчужденіе имуществъ, необходимыхъ для общей пользы.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ этомъ проектѣ Сперанскій явился защитникомъ, по примѣру французскихъ конституцій 1791 и 1793 гг., однопалатной системы. Позднѣе, онъ измѣнилъ свои взгляды въ этомъ отношеніи.

Сравнительно съ законодательнымъ корпусомъ наполеоновской Франціи государственная дума, по проекту Сперанскаго, конечно, должна была имѣть большое значеніе. Но мы указывали уже на то, что ответственность министровъ могла бы быть сведена къ нулю,

¹⁾ Губерній 39, ежегодно производится выборы въ 10 губерніяхъ.

если бы того пожелала верховная власть; государь могъ также не обновлять состава государственной думы, если бы онъ оказался соответственнымъ видамъ правительства. ¹⁾ Такимъ образомъ многое зависѣло бы отъ настроенія Государя, и если бы оно оказалось нелиберальнымъ, то значеніе государственной думы могло бы сильно уменьшиться. Нужно, однако, не забывать, что если государь могъ не утвердить проекта закона, одобреннаго государственною думою, то, съ другой стороны, ни одинъ законъ, и въ томъ числѣ объ установленіи новыхъ налоговъ, не могъ быть изданъ безъ согласія думы, которая, слѣдовательно, является законодательнымъ, а не совѣщательнымъ только учрежденіемъ. Каковы бы ни были недостатки проекта Сперанскаго, нельзя не признать, что онъ сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, и если сравнить тѣ уступки, которыя ему, хотя на бумагѣ, удалось вырвать отъ имп. Александра, съ движеніемъ вопроса о государственныхъ преобразованіяхъ въ неофициальныхъ совѣщаніяхъ государя съ его друзьями, гр. Строгановымъ, Новосилцовымъ и кн. Чарторыйскимъ, то нельзя не удивляться тому, какъ велико было вліяніе Сперанскаго. Чтобы еще болѣе оцѣнить положительныя стороны его проекта, стоитъ только сравнить его съ либеральными планами Мордвинова, о которыхъ мы будемъ говорить ниже. Проектъ Сперанскаго имѣетъ большое значеніе уже потому, что онъ порвалъ, наконецъ, съ преданіемъ нѣсколькихъ десятилѣтій, связывавшимъ съ сенатомъ всѣ проекты государственныхъ преобразованій, основанные на выборахъ депутатовъ отъ одного дворянства, а иногда и купечества, и установилъ выборы отъ весьма значительной части населенія не по сословіямъ, а территориально, впрочемъ, не прямые и основанные на имущественномъ цензѣ.

Что касается сената, то Сперанскій оставлялъ за нимъ лишь значеніе высшаго суда для всей имперіи. «По смерти или увольненіи его членовъ²⁾ мѣста ихъ, съ утвержденія державной власти, замѣщаются лицами, избранными въ губернскихъ думахъ и внесенными въ государственный избирательный списокъ»³⁾. Президенты департаментовъ сената утверждаются державною властію изъ числа 3 кандидатовъ, выбираемыхъ департаментами изъ среды своихъ членовъ. Сенатъ рѣшаетъ дѣла «при открытыхъ дверяхъ, публично», рѣшенія его печатаются съ изложеніемъ дѣла, выдаются обѣимъ сторонамъ и посылаются въ надлежащіе мѣста для исполненія.

¹⁾ По французской конституціи 1791 г. законодательное собраніе не могло быть распушено королемъ (гл. I, п. 5), и обновленіе собранія совершается каждыя два года посредствомъ новыхъ выборовъ (гл. I, п. 2, 4). Но эта конституція была результатомъ революціи, а Сперанскій опирался лишь на соизволеніе верховной власти. Жизнь показала ему, какъ шатка была эта опора.

²⁾ Во французской редакціи объ увольненіи не упоминается и сказано, что сенаторы занимаютъ свое мѣсто пожизненно.

³⁾ Въ одномъ краткомъ наброскѣ государственныхъ преобразованій Сперанскій предоставлялъ назначеніе сенаторовъ государственной думѣ.

При разсмотрѣніи порядка исполнительнаго, Сперанскій подвергаетъ строгой критикѣ учрежденія министерствъ 1802 г. и, прежде всего, недостатокъ ответственности министровъ. Указавъ на то, что сенатъ не сумѣлъ поддержать своихъ правъ контроля надъ министрами, онъ говоритъ, что «жалѣть о семъ нельзя», такъ какъ, въ случаѣ усиленія значенія сената, образовалось бы «сословіе аристократическое, истиннымъ пользамъ Россіи, самому духу правительства нашего совершенно противное». Въ этомъ отношеніи взгляды Сперанскаго впоследствии рѣзко измѣнились.

Проектъ завершается постановленіями о государственномъ совѣтѣ ¹⁾.

Сперанскій свидѣтельствуетъ, что составленный имъ общій планъ преобразованій, «обсужденный и одобренный людьми съ умомъ самымъ здравымъ, самымъ холоднымъ ²⁾, былъ, наконецъ, принятъ, какъ руководящее начало дѣйствія и какъ неизмѣнная норма всѣхъ предстоящихъ и желательныхъ преобразованій». Составитель его надѣялся, что къ 1811 г. преобразования будутъ закончены. 1 января 1810 г. былъ открытъ въ новомъ видѣ государственный совѣтъ, но, къ концу этого года, Сперанскій уже почувствовалъ, что исполненіе принятаго Государемъ плана реформъ откладывается въ дальній ящикъ.

Въ виду этого Сперанскій измѣнилъ предположенія относительно преобразованія сената, включенныя имъ въ проектъ 1809 г., и въ обширномъ проектѣ, оконченномъ въ 1811 г., предлагалъ образовать правительствующій сенатъ одинъ для всей имперіи (изъ министровъ, ихъ товарищей и главныхъ начальниковъ разныхъ частей управленія) и сенатъ судебный изъ сенаторовъ, частью назначаемыхъ государемъ, совершенно по его усмотрѣнію, частью утверждаемыхъ имъ изъ кандидатовъ по выбору отъ дворянства. Судебный сенатъ долженъ былъ размѣститься по 4 судебнымъ округамъ (въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани и Кіевѣ). При разсмотрѣніи этого проекта въ государственномъ совѣтѣ, кн. А. Н. Голицынъ высказалъ мнѣніе, что опредѣленіе сенаторовъ по выборамъ умаляетъ преимущества самодержавной власти. Напротивъ, Мордвиновъ, Саблуковъ и Алексѣевъ допускали опредѣленіе по выборамъ ³⁾. Проектъ былъ разсмотрѣнъ въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, въ засѣданіяхъ 17, 24, 31 іюля и 7 августа, и утвержденъ имп. Александромъ, но осуществленъ не былъ. Въ 1812 г. Сперанскій, какъ извѣстно, былъ отправленъ въ ссылку. Въ письмѣ къ императору, написанномъ изъ Нижняго-Новгорода въ тотъ же день, когда его привезли туда, Сперанскій высказалъ увѣренность, что рано или поздно Государь вернется къ основнымъ началамъ проекта 1809 г.

¹⁾ Проектъ Сперанскаго былъ впервые напечатанъ въ «Историч. обозрѣніи», т. X.

²⁾ Можно предполагать, что въ ихъ числѣ былъ Кочубей.

³⁾ При окончательномъ голосованіи по этому вопросу 15 членовъ полагали допустить опредѣленіе сенаторовъ по выборамъ, согласно проекту, а 7 были противъ этого. Государь утвердилъ мнѣніе большинства.

Ссылка имѣла то вліяніе на политическое міросозерцаніе Сперанскаго, что вмѣсто отвращенія къ преобладанію аристократіи, которое онъ такъ рѣшительно высказалъ въ своемъ трудѣ 1809 г., онъ сталъ искать орудія для ограниченія произвола именно въ ея усиленіи. Съ этою цѣлью онъ предлагаетъ раздѣлить населеніе Россіи на два класса. Въ составъ высшаго должны войти 3 или 4 первыхъ класса дворянской іерархіи, которымъ слѣдуетъ предоставить право первородства и которые, при созваніи національнаго конгресса, образуютъ верхнюю палату, а остальное дворянство будетъ засѣдать съ депутатами отъ народа. Сперанскій выражаетъ надежду, что, съ открытіемъ конгресса, верхняя палата сама установитъ законъ Петра В. о первородствѣ только для высшихъ классовъ дворянства, но надежда эта могла бы и не оправдаться, такъ какъ законъ Петра В. былъ отмѣненъ въ 1730 г., согласно желанію самого дворянства. Такимъ образомъ, то грубое насилие, которому Сперанскій совершенно незаслуженно подвергся, и предательское поведеніе относительно него Александра I, вмѣсто благодарности за неустанные труды, привели нашего талантливаго государственнаго дѣятеля къ ошибочной мысли о необходимости искать въ искусственномъ созданіи аристократіи опору для ограниченія самовласти, которое такъ легко могло взять назадъ то, что было обѣщано. Но если въ своемъ новомъ проектѣ, не представленномъ, впрочемъ, государю, но не оставшемся неизвѣстнымъ нѣкоторымъ членамъ образованнаго общества, Сперанскій пытался вновь ввести чуждое русской жизни начало первородства, то, по крайней мѣрѣ, онъ требовалъ постепеннаго уничтоженія крѣпостного права, въ отличіе въ этомъ отношеніи отъ другого защитника ограниченія самодержавія, Н. С. Мордвинова, соглашавшагося только на дозволеніе крѣпостнымъ выкупаться на свободу за очень большія суммы.

Сохранился набросокъ Мордвинова съ проектомъ учрежденія двухъ государственныхъ палатъ, по которому, для составленія верхней палаты, дворяне каждой губерніи выбираютъ одного или двухъ представителей. Избранные въ это званіе сохраняютъ его пожизненно и лишаются его не иначе, какъ по судебному приговору. Избранные члены верхней палаты получаютъ ежегодно содержаніе по 50.000 рублей. Освободившіяся вакансіи пополняются посредствомъ новыхъ выборовъ. Нижняя государственная палата составляется изъ народныхъ представителей, избираемыхъ дворянствомъ, купечествомъ, фабрикантами и заводчиками, получающими *чистаго дохода* болѣе 10.000 руб., и вольными владѣльцами, имѣющими не менѣе 1000 дес. земли ¹⁾. Они избираются на 3 года

¹⁾ Для того, чтобы яснѣе понять всю чреватость ценза, предложеннаго Мордвиновымъ упомянемъ, что по польской конституціи 1815 года участвовать въ выборахъ депутата въ сеймъ могъ всякій фабрикантъ и хозяинъ мастерской, всякій купецъ, имѣющій лавку или магазинъ, цѣнность котораго равнялась 10.000 злотыхъ (1500 р. сер.), и всякій собственникъ земли не изъ дворянъ, платящій съ нея какой-нибудь налогъ.

или на 5 лѣтъ. Члены нижней палаты жалованья не получаютъ. Губернскіе города, главные торговые центры и университеты ¹⁾ избираютъ отъ себя особо по одному представителю или по два, смотря по своей величинѣ, а Петербургъ и Москва по три представителя. Такъ какъ въ Россіи считалось тогда до 40 милліоновъ душъ обоюбого пола, то, полагая по одному представителю на 100.000 душъ, число членовъ нижней палаты будетъ 400. Обѣ палаты засѣдаютъ съ 1 октября по 1 марта и на остальные семь мѣсяцевъ въ году распускаются, чтобы каждый членъ ихъ, возвратившись въ свою губернію, могъ узнавать о народныхъ нуждахъ, о томъ, какіе новыя законы необходимы, какіе старые непригодны.

Сравнивая этотъ проектъ Мордвинова съ проектомъ Сперанскаго 1809 г., мы видимъ, что они не имѣютъ никакихъ точекъ соприкосновенія. По проекту Сперанскаго, государственная дума состоитъ изъ одной палаты, Мордвиновъ предлагаетъ учредить ихъ двѣ. Что касается состава нижней палаты, соответствующей государственной думѣ Сперанскаго, то выгодное отличие проекта Мордвинова состоитъ въ системѣ прямыхъ выборовъ, а не трехстепенныхъ, какъ у Сперанскаго. Но зато, хотя въ основу тѣхъ и другихъ выборовъ положенъ имущественный цензъ, по мысли Сперанскаго цензъ этотъ, очевидно, долженъ быть гораздо ниже, чѣмъ въ проектѣ Мордвинова. Мордвиновъ не назначаетъ депутатамъ нижней палаты никакого содержанія, между тѣмъ какъ членовъ верхней палаты надѣляетъ огромнымъ жалованьемъ. Онъ вѣроятно желаетъ, чтобы, вмѣстѣ съ пожизненностью, званіе это сдѣлало болѣе независимыми отъ вліянія правительства членовъ верхней палаты, въ которой онъ видѣлъ главный оплотъ противъ самодержавія. Депутаты нижней палаты избираются по проекту Мордвинова на определенное время (3—5 лѣтъ), Сперанскій также колеблется между этими сроками выборовъ, но, какъ уже было указано, при желаніи государя, члены государственной думы могли, по проекту Сперанскаго, сдѣлаться въ дѣйствительности пожизненными, и тогда огромное большинство выбранныхъ губернскими думами депутатовъ вовсе не попадало бы въ государственную думу. Такимъ образомъ, и вслѣдствіе принятой Мордвиновымъ двухпалатной системы, причемъ выборы въ верхнюю палату производятся одними дворянами, и вслѣдствіе предложеннаго имъ крайне высокаго имущественнаго ценза для выбора въ нижнюю палату, его проектъ отличается гораздо болѣе аристократическимъ характеромъ, чѣмъ проектъ Сперанскаго 1809 г.

Что касается второго, позднѣйшаго, какъ мы думаемъ, проекта Сперанскаго, то онъ имѣетъ сходство съ изложеннымъ проектомъ Мордвинова въ томъ отношеніи, что также принимаетъ двухпалатную систему, но верхняя палата по этому проекту Мордвинова составляется не изъ первыхъ четырехъ классовъ дворян-

¹⁾ Представительство университетовъ было, очевидно, заимствовано Мордвиновымъ изъ англійской конституціи.

ства, какъ во второмъ проектѣ Сперанскаго, а также, какъ и нижняя, основывается на выборахъ, производимыхъ однимъ дворянствомъ, съ тѣмъ отличіемъ, что Мордвиновъ, несмотря на всѣ свои англomanскія симпатіи, не предлагаетъ еще на этотъ разъ установить наследственность званія членовъ верхней палаты по праву первородства. Мы видѣли, что въ 1802 г. даже такой англomanъ, какъ гр. С. Р. Воронцовъ, находилъ принципъ наследственности званія сенаторовъ несоотвѣтствующимъ условіямъ русской жизни. Весьма вѣроятно, что Мордвиновъ набросалъ изложенный проектъ до паденія Сперанскаго, а послѣ его ссылки составилъ второй проектъ устройства верхней палаты, которая, какъ и во второмъ проектѣ Сперанскаго, основана уже на наследственности званія по праву первородства. Этотъ второй проектъ Мордвинова состоитъ въ слѣдующемъ.

Государь жалуетъ въ званіе члена «государственной думы» (или «думы вельможъ», «верховой палаты», какъ первоначально хотѣлъ назвать ее Мордвиновъ), а потомъ это званіе дѣлается наследственнымъ и переходитъ всегда къ старшему сыну. Каждый «вельможа», при пожалованіи его въ это званіе, получаетъ изъ казенныхъ имуществъ не менѣе 10.000 душъ (м. п.); ихъ наследуетъ старшій сынъ, который по смерти отца занимаетъ его мѣсто, если достигъ совершеннолѣтія; но получить голосъ въ думѣ можно только въ возрастѣ 24 лѣтъ. Имѣнія составляющія принадлежность достоинства вельможи, не могутъ быть ни проданы, ни подарены, ни заложены, доходы съ нихъ также не могутъ быть «упрочены» ни за кѣмъ другимъ: они всегда переходятъ по наследству къ старшему сыну, а если сына нѣтъ, то возвращаются въ казну.

Государственная дума, по этому плану Мордвинова, должна была состоять изъ 50 членовъ, слѣдовательно для ихъ надѣленія потребовалось бы 500.000 душъ крестьянъ (м. п.). Проектъ этотъ составленъ не ранѣе 1814 г. ¹⁾ Повидимому онъ являлся замѣною постановленій о верхней палатѣ въ изложенномъ выше проектѣ Мордвинова о двухъ государственныхъ палатахъ, въ которомъ верхняя основывалась на другомъ началѣ, — избраніи дворянствомъ своихъ представителей. Вѣроятно послѣ паденія Сперанскаго, Мордвиновъ возвратился къ мысли, бывша высказанной имъ еще въ 1802 г. по поводу преобразованія сената, о необходимости созданія „знат-

¹⁾ Въ такъ называемой сенатской конституціи, данной во Франціи 6—9 Апрѣля 1814 г. (п. 6), было сказано: «Сенаторы несмѣнны, и ихъ званіе передается по наследству въ мужскомъ потомствѣ по праву первородства. Они назначаются королемъ. Нынешнія имущества, предназначенныя для сената и сенатскихъ должностей, принадлежатъ имъ. Доходы дѣлятся между ними поровну, и это право переходитъ къ ихъ наследникамъ. Если случится, что умретъ кто-либо изъ сенаторовъ безъ прямого мужского потомства, его доля возвращается въ казну». Ясно, что основная мысль проекта Мордвинова заимствована отсюда, нѣкоторыя же черты, а именно установленіе различнаго возраста для вступленія въ думу и для полученія въ ней права голоса могло быть заимствовано изъ хартии 1814 г. Людовика XVIII (постановленіе о палатѣ паровъ, п. 28).

наго сословія", въ которомъ онъ теперь видѣлъ единственное средство для ограниченія самодержавія. Мысль Мордвинова несимпатична уже потому, что онъ посягалъ на передачу во владѣніе „вельможъ" огромнаго количества казенныхъ крестьянъ. Это напоминаетъ намъ, что при Екатеринѣ II кн. М. М. Шербатовъ, другой представитель аристократическихъ воззрѣній, также мечтавшій объ ограниченіи политическаго произвола, сначала находилъ полезнымъ отобранныя отъ духовенства населенныя имѣнія отдавать дворянамъ въ аренду, а позднѣе предлагалъ и эти имѣнія и государственныхъ крестьянъ продавать по невысокой цѣнѣ, и при этомъ даже не требовать отъ покупателей денегъ, а только взыскивать проценты, взявъ въ залогъ эти самыя деревни.

Но если въ социально-политическихъ взглядахъ Мордвинова много несимпатичнаго, то все же за свой политическій либерализмъ онъ пользовался сочувствіемъ декабристовъ Сѣвернаго Общества, и Н. П. Тургеневъ передаетъ его полный глубокаго убѣжденія вопросъ: „кто мететъ лѣстницу снизу?" Извѣстно, что декабристы намѣчали Мордвинова вмѣстѣ со Сперанскимъ и Ермоловымъ въ члены временнаго правительства. Любопытно и то, что Н. П. Тургеневу были извѣстны оба проекта Сперанскаго.

Въ исторіи политическихъ идей въ Россіи нельзя обойти польскую конституціонную хартію 1815 г., такъ какъ она послужила главнымъ источникомъ при составленіи Новосильцовымъ проекта предназначенной для Россіи конституціи. Говоря о роли императора Александра относительно Польши, не нужно забывать, что какъ бы ни былъ неудовлетворителенъ конституціонный статутъ герцога Варшавскаго 1807 г., все же поляки, при присоединеніи къ Россіи земель, вошедшихъ въ составъ царства польскаго, уже имѣли свою конституцію, и потому, желая привлечь ихъ на свою сторону, нельзя было соблазнить ихъ прелестями русскаго самодержавія, а нужно было предложить что-нибудь лучшее.

Но польской конституціонной хартіи, „свобода печати гарантирована", но законъ долженъ былъ установить мѣры, чтобы «обуздыть злоупотребленія ею». Никто не могъ быть арестованъ иначе, какъ согласно формамъ и въ случаяхъ, установленныхъ закономъ. Арестованному должно немедленно письменно объявить о причинахъ его ареста. Всякій арестованный, не позже 3 дней, долженъ быть представленъ въ соответственный трибуналъ для производства допроса или суда, согласно установленнымъ формамъ. Если послѣ первыхъ допросовъ онъ будетъ признанъ виновнымъ, то тотчасъ освобождается. Никто не можетъ быть высланъ за предѣлы королевства, за исключеніемъ случаевъ изгнанія (это постановленіе было направлено противъ ссылки въ Сибирь и различныя губерніи европейской Россіи). Конфискація имущества уничтожается и не можетъ быть восстановлена. Важнымъ ограниченіемъ политическихъ правъ населенія является то, что мѣста пословъ, депутатовъ и сенаторовъ, а также и служащихъ въ нѣкоторыхъ судебныхъ и административ-

ныхъ учрежденіяхъ могли занимать только *поземельные собственники* (ст. 29).

Национальнымъ представительствомъ Царства Польскаго служить сеймъ, составленный изъ короля и двухъ палатъ: сената и палаты пословъ и депутатовъ отъ городовъ.

Исполнительная власть исходитъ отъ короля, всѣ указы и декреты котораго скрѣпляются соответственными министрами.

Обыкновенный сеймъ собирается въ Варшавѣ разъ въ два года и созывается королемъ; онъ засѣдаетъ 30 дней. Только король можетъ продлить или отсрочить засѣданія сейма и распустить его. Въ продолженіе дѣятельности сейма члены его могутъ быть арестованы и судимы уголовнымъ судомъ только съ согласія той палаты, къ которой они принадлежатъ. Сеймъ обсуждаетъ всѣ проекты гражданскихъ, уголовныхъ и административныхъ законовъ, которые король передаетъ ему чрезъ государственный совѣтъ, а также всѣ внесенные по приказанію короля проекты измѣненія конституціонныхъ властей, т.-е. сейма, государственнаго совѣта, судебныхъ учреждений и правительственныхъ комиссій. Разсмотрѣнію сейма подлежатъ также, на основаніи сообщеній государя, увеличеніе или уменьшеніе налоговъ, податей и повинностей, составленіе бюджета, монетная система, наборъ рекрутъ. Наконецъ, сеймъ принимаетъ сообщенія, представленія и ходатайства, предъявленные послами и депутатами общинъ въ пользу ихъ довѣрителей. Онъ передаетъ ихъ государственному совѣту для представленія государю, и если король прикажетъ отослать ихъ въ сеймъ, то послѣдній обсуждаетъ проекты законовъ, вызванные этими ходатайствами. Если сеймъ не утвердитъ новаго бюджета, прежній сохраняетъ силу до будущей сессіи. Однако бюджетъ считается дѣйствительнымъ лишь до истеченія 4 лѣтъ, если сеймъ не будетъ созванъ въ это время. Засѣданія обѣихъ палатъ публичны. Проекты законовъ, составленные въ государственномъ совѣтѣ, вносятся въ сеймъ по приказанію короля членами этого совѣта, причемъ отъ короля зависитъ внести проектъ въ сенатъ или въ палату пословъ и депутатовъ, кромѣ финансовыхъ проектовъ, которые должны быть представлены сначала непременно въ палату пословъ и депутатовъ. Проектъ, принятый одною палатою, переходитъ въ другую, которая не можетъ его измѣнить, а только принять или отвергнуть. Проектъ, принятый обѣими палатами, представляется на утвержденіе короля, который можетъ въ немъ и отказать. Сенатъ состоитъ изъ принцевъ крови, епископовъ (извѣстнаго числа католическихъ и одного униатскаго), воеводъ и кастеляновъ. Сенаторы назначаются королемъ пожизненно изъ двухъ кандидатовъ, представляемыхъ ему сенатомъ.

Палата пословъ составляется изъ: 1) 77 пословъ, избранныхъ въ уѣздныхъ собраніяхъ дворянъ и 2) изъ 51 депутата отъ городскихъ обществъ ¹⁾. Такимъ образомъ, представители дворянства

¹⁾ На сеймѣ 1818 г. было всего 126 пословъ и депутатовъ. Siarczynski. Diète du royaume de Pologne 1818. Varsovie, p. 273—279.

составляли въ сеймѣ большинство, и, слѣдовательно, законодательство было отдано въ сущности въ руки дворянства. Члены палаты пословъ исполняютъ свои обязанности въ теченіе 6 лѣтъ, причемъ въ каждые два года палата обновляется по жребію на $\frac{1}{3}$. Чтобы быть выбраннымъ въ члены палаты пословъ, надо имѣть 30-лѣтній возрастъ и платить подать въ 100 злотыхъ (15 руб. сер.). Если король распустилъ палату, то въ теченіе двухъ мѣсяцевъ производятся новые выборы пословъ и депутатовъ. Дворяне-землевладельцы каждаго уѣзда, собравшись на сеймикъ, избираютъ одного посла; собраніе каждаго городского округа избираетъ также одного депутата. На городскія собранія допускаются: 1) всякій собственникъ не изъ дворянъ, платящій съ своей земельной собственности какой-нибудь налогъ; 2) всякій фабрикантъ и хозяинъ мастерской, всякій купецъ, имѣющій лавку или магазинъ, цѣнность котораго равняется 10.000 злотыхъ; 3) всѣ священники и викаріи; 4) профессора, наставники и др. лица, занимающіяся народнымъ просвѣщеніемъ; 5) всякій художникъ, отличившійся своими талантами, познаніями или услугами, оказанными торговлѣ и ремесламъ.

Если мы сравнимъ польскую хартію 1815 г. съ проектомъ Сперанскаго 1809 г., то найдемъ, что положительную ея сторону прежде всего составляетъ установленіе извѣстныхъ общихъ «гарантій»: свободы печати, охраненія личныхъ правъ въ случаѣ ареста и отдачи подъ судъ, — обо всемъ этомъ въ проектѣ Сперанскаго 1809 г., не упоминается, хотя въ запискѣ 1803 г. онъ говоритъ о необходимости свободы печати «въ извѣстныхъ, съ точностью опредѣленныхъ границахъ». Польская хартія устанавливаетъ присягу конституціи со стороны государя; Сперанскій объ этомъ не упоминаетъ. Отрицательную сторону польской хартіи составляетъ принятіе двухпалатной системы, при которой къ тому же верхняя палата (сенатъ) составляется изъ членовъ не по выбору, а по назначенію, и только изъ лицъ (если они свѣтскаго званія), владѣющихъ землею и уплачивающихъ значительное количество налоговъ. Напротивъ, Сперанскій въ проектѣ 1809 г. является защитникомъ однопалатной системы. Государственная дума на основахъ, предложенныхъ Сперанскимъ, имѣла бы тѣ преимущества предъ польскимъ сеймомъ, что она должна была собираться ежегодно по коренному закону въ опредѣленное время и что продолжительность ея сессіи обуславливалась количествомъ предлагаемыхъ ей дѣлъ, а не извѣстнымъ числомъ дней; но въ проектѣ Сперанскаго нѣтъ установленной польскою хартіею обязательной сѣмны состава собранія по третямъ, и если бы государь не распускалъ всей думы, на что онъ имѣлъ право, то дума могла бы обновляться только путемъ смерти ея членовъ, занятіемъ ими другой должности или опредѣленіемъ верховнаго суда относительно того или другого изъ ея членовъ. У Сперанскаго не упоминается о публичности засѣданій государственной думы, между тѣмъ какъ на основаніи польской хартіи засѣданія обоихъ палатъ сейма публичны; впрочемъ, относительно государственной думы Сперанскій считалъ необходи-

мымъ изданіе болѣе подробнаго закона. Къ числу недостатковъ польской хартіи принадлежитъ то, что правительство въ теченіе 4 лѣтъ можетъ пользоваться старымъ бюджетомъ; Сперанскій возлагаетъ разсмотрѣніе бюджета на государственный совѣтъ, но для всѣхъ постановленій о налогахъ и повинностяхъ необходимо согласіе государственной думы. По польской хартіи, представленныя въ сеймъ ходатайства могутъ быть имъ разсматриваемы, если того пожелаетъ государь, между тѣмъ какъ по проекту Сперанскаго «представленія о государственныхъ нуждахъ» принадлежать къ числу тѣхъ, которыя разсматриваются душою не по инициативѣ державной власти, а по собственному желанію думы. Что касается выборнаго права, то трудно произвести точное сравненіе между проектомъ Сперанскаго и польскою хартіею, такъ какъ Сперанскій не даетъ точныхъ цифръ имущественнаго ценза. Напомнимъ только, что въ то время какъ въ русскомъ проектѣ 1809 г. лица «средняго состоянія» имѣютъ политическія права лишь на основаніи владѣнія недвижимою собственностью, въ польской хартіи основанія участвовать въ выборахъ для депутатовъ отъ городовъ были шире: и уплата «какого-нибудь налога» съ земельной собственности, и обладаніе фабрикою и мастерскою, а также магазиномъ извѣстной цѣнности, и званіе священника или викарія, и занятіе просвѣщеніемъ народа, и отличіе въ области художествъ; но зато Сперанскій привлекалъ всѣхъ казенныхъ крестьянъ чрезъ ихъ уполномоченныхъ къ участию въ выборахъ. По польской хартіи выборы были прямые, по проекту же Сперанскаго — трехстепенные, а для казенныхъ крестьянъ даже четырехстепенные. И польская хартія, и проектъ Сперанскаго устанавливаютъ отвѣтственность министровъ, но первая предоставляетъ министру право рѣшать дѣла въ административномъ отдѣленіи государственнаго совѣта по своему усмотрѣнію, лишь посовѣтовавшись съ министрами.

Н. С. Мордвиновъ очень сочувственно отнесся къ дарованію Польшѣ конституціи. Въ замѣткѣ, написанной въ 1816 г. по-французски, онъ говоритъ: «Россія съ своимъ самодержавіемъ долго останется бѣдною и слабою, и ея просвѣщеніе не будетъ дѣлать такихъ успѣховъ, какъ въ конституціонныхъ странахъ. Польша — маленькая страна, но будучи представительной монархіею, можетъ стать даже болѣе могущественною, чѣмъ рабская Россія».

Быть можетъ, въ виду дарованія конституціи Польшѣ, Мордвиновъ составилъ въ 1816 г. проектъ привлеченія областныхъ представителей къ участию въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта и сената, но съ сохраненіемъ, однако, самодержавія; они «могли быть» призываемы (какъ по дѣламъ своей области, такъ и по общимъ государственнымъ дѣламъ) въ засѣданія департаментовъ совѣта и сената и въ общія ихъ собранія. Проектъ этотъ, написанный въ 1816 г., былъ оставленъ Мордвиновымъ (при его отъѣздѣ въ 1818 г. на два года за границу) для представленія имп. Александру. Въ первоначальной редакціи и при восстановленіи по памяти для сообщенія въ Лондонѣ Бентаму, этотъ проектъ имѣлъ нѣсколько болѣе

определенный характер, но мы не можемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе разныхъ его редакцій, довольствуясь тою, которую авторъ предназначалъ для представленія имп. Александру I.

15/27 марта польскій сеймъ былъ открытъ рѣчью, произнесенною государемъ на французскомъ языкѣ, въ которой онъ, между прочимъ, сказалъ, что надѣется распространить вліяніе «законно-свободныхъ учреждений» на всѣ страны, ввѣренныя провидѣніемъ его попеченію. «Вы мнѣ подали средство», заявилъ имп. Александръ, «явить моему отечеству то, что я уже съ давнихъ лѣтъ ему приготавливаю, и чѣмъ оно воспользуется, когда начала столь важнаго дѣла достигнуть надлежащей зрѣлости». Варшавская рѣчь имп. Александра произвела въ Россіи очень сильное впечатлѣніе.

Нужно замѣтить, однако, что имп. Александръ I нарушилъ присягу соблюдать польскую конституціонную хартію. Вопреки ей постановленію, провозглашающему свободу печати, 22 мая 1819 г., вмѣсто изданія закона, устанавливающаго отвѣтственность печати въ извѣстныхъ случаяхъ, были подчинены предварительной цензурѣ всѣ повременныя изданія, а 16 июля того же года эта мѣра распространена и на книги. Въ 1820 г. сеймъ былъ созванъ, но затѣмъ онъ не собирався 5 лѣтъ, хотя долженъ былъ засѣдать каждые два года. На сеймѣ 1820 г. депутатъ калишскаго воеводства Нѣмцовскій былъ не только лишентъ за рѣзкость рѣчи возможности участвовать въ засѣданіяхъ, но ему запрещено было даже пребываніе въ Варшавѣ, во время присутствія тамъ государя. Когда, несмотря на это, въ Калишѣ были избраны послы братья Нѣмцовскіе, то выборы были признаны незаконными, и сеймикъ былъ распущенъ. Наконецъ, указомъ имп. Александра I, 3 февраля 1825 г., обычныя засѣданія сейма были объявлены закрытыми, публичными же были оставлены лишь засѣданія при открытіи и закрытіи сейма и для обнародованія королевскаго утвержденія принятыхъ проектовъ законовъ. Въ этомъ же году государь приказалъ, при печатаніи протоколовъ сейма, сообщать только результаты обсужденія и число поданныхъ голосовъ при принятіи или отверженіи проекта закона, не сообщая именъ ораторовъ. Братья Нѣмцовскіе не были допущены на сеймъ 1825 г. Все это показываетъ, что имп. Александръ не стѣснялся нарушать утвержденную имъ конституцію.

Въ 1818 г. государь поручилъ составить проектъ «уставной грамоты» для Россіи Новосильцову, который будучи русскимъ комиссаромъ въ Польшѣ, игралъ тамъ роль самую реакціонную. Въ октябрѣ 1819 г. прусскій консулъ въ Варшавѣ, Шмидтъ, сообщилъ своему министру, что имп. Александръ только что передъ отъѣздомъ изъ Варшавы, послѣ совѣщанія съ Новосильцовымъ, принялъ основныя начала конституціи Россіи.

На этой основѣ должно было разработать весь проектъ и представить государю не позже, какъ черезъ 2 мѣсяца. Австрійскій посланникъ въ Петербургѣ въ февралѣ 1820 г. извѣстилъ свое правительство, что проектъ конституціонной хартіи существуетъ, но что

государь скрываетъ его даже отъ своихъ министровъ; посланникъ высказывалъ мнѣніе, что никакой конституціи не дадутъ. Дѣйствительно, хотя проектъ государственной грамоты былъ окончательно составленъ, но обнародованъ не былъ.

Изъ 191 статьи проекта «Уставной грамоты» 122, какъ указано въ рукописи, заимствованы изъ польской конституціонной хартіи, а относительно 47 отмѣчено, что это новыя статьи.

Въ «Уставной Грамотѣ» постановлено, что «законодательной власти государя содѣйствуетъ государственный сеймъ»¹⁾; между тѣмъ, въ польской хартіи, сказано, что «законодательная власть заключается (réside) въ лицѣ короля и въ двухъ палатахъ сейма» (ст. 86). Мѣстные законы постановляются государемъ при содѣйствіи сеймовъ намістничествъ, учрежденіе которыхъ (т.-е. этихъ сеймовъ) составляетъ особенность Уставной Грамоты. Какъ законы, такъ и указы, учреждения, указы, повелѣнія, рескрипты и постановленія скрѣпляютъ тѣмъ или другимъ министромъ, который и отвѣчаетъ за все, противное въ нихъ «правиламъ уставной грамоты» (principes constitutifs de l'Empire)²⁾ и законамъ (ст. 34).

Въ «Уставной Грамотѣ», какъ и въ польской хартіи, устанавливаются общія гарантіи: «ручательства державной власти» (dispositions générales, garanties par la souveraineté)³⁾. Почти всѣ они соотвѣствуютъ постановленіямъ польской хартіи съ нѣкоторыми отмѣнами. Такъ представленіе задержаннаго въ допросу или суду должно также производиться въ теченіе 3 сутокъ, но прибавлено «въ рѣдкихъ же токмо случаяхъ, въ которыхъ розысканіе требовало бы отсрочки, не позже 6 сутокъ» (ст. 85, польск. харт. ст. 21). Прибавлена слѣдующая новая статья: «Всякое самоуправное задержаніе вѣняется въ преступленіе, подвергающее наказанію, означенному въ уголовномъ правѣ» (ст. 83). О свободѣ печати говорится въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и въ польской хартіи (ст. 89, польск. харт. ст. 16).

Государственный сеймъ, или государственная дума, созывается каждыя 5 лѣтъ, а частныя сеймы намістническихъ областей—каждые 3 года⁴⁾.

Сеймы намістническихъ областей состоятъ изъ государя и двухъ палатъ: высшая палата образуется изъ одного департамента сената, присутствующаго въ главномъ городѣ намістничества; земская посольская палата составляется изъ $\frac{2}{3}$ избраннаго въ намістничествѣ числа пословъ и депутатовъ, утвержденныхъ государемъ (ст. 102).

Въ отличіе отъ посольской хартіи выборы по «Уставной Грамотѣ» двухстепенныя. При закрытіи сейма палата земскихъ пословъ

¹⁾ Во французской редакціи «Уставной Грамоты»: «le pouvoir législatif s'exerce par le souverain conjointement avec la diète de l'Empire» (ст. 13).

²⁾ Въ польской хартіи: «à la constitution».

³⁾ Въ польской хартіи: «garanties générales».

⁴⁾ Въ обычіяхъ столицъ, Петербургъ и Москвѣ, созываются столичные сеймы, дѣйствующие на тѣхъ же основаніяхъ, какъ намістническіе сеймы.

и депутатовъ каждого намѣстничества приступаетъ къ выбору изъ своей среды земскихъ пословъ и депутатовъ, изъ которыхъ составляется вторая палата общаго государственнаго сейма. Число избранныхъ должно составлять четверть состоящихъ на лицо пословъ и депутатовъ намѣстническаго сейма.

Высшую палату общаго государственнаго сейма образуетъ сенатскій департаментъ, присутствующій въ одной изъ двухъ столицъ, съ прибавленіемъ къ нему, по назначенію государя, на время засѣданій сейма, извѣстнаго числа сенаторовъ изъ другихъ департаментовъ. Палата земскихъ пословъ составляется по назначенію государя изъ половиннаго числа пословъ и депутатовъ каждой намѣстнической области, избранныхъ посольскою палатою. Какъ и въ польской хартіи, никто изъ членовъ сейма, во время его засѣданій, не можетъ быть задержанъ и судимъ уголовнымъ судомъ безъ вѣдома той палаты, къ которой онъ принадлежитъ; какъ и въ польской хартіи, проекты финансовыхъ законовъ сначала должны быть вносимы въ палату земскихъ пословъ. Проекты, вносимые на сеймъ, по волѣ государя, не считаются ни одобренными ни утвержденными, почему сеймамъ предоставляется полная свобода высказывать относительно ихъ свое мнѣніе ¹⁾. Какъ и въ польской хартіи, засѣданія обѣихъ палатъ публичны, но по предложенію ^{1/10} части наличныхъ членовъ, засѣданіе можетъ быть сдѣлано закрытымъ. Какъ и въ польской хартіи, проектъ, принятый одною палатою, или принимается или отвергается другою, принятый же обѣими, утверждается или отвергается государемъ.

Въ сенатѣ, въ отличіе отъ польской конституціи, духовныя лица не присутствуютъ; сенаторы назначаются государемъ, но не изъ кандидатовъ, представляемыхъ сенатомъ (ст. 136, ср. польск. харт. ст. 110). Одно изъ условий, необходимыхъ для того, чтобы быть сенаторомъ, составляетъ получение ежегоднаго дохода, съ принадлежащаго ему недвижимаго имѣнія не менѣе 1000 руб. сер. ²⁾

Половинное число членовъ польской палаты возобновляется при каждомъ новомъ сеймѣ. Въ числѣ условий для того, чтобы быть избраннымъ въ эту палату, были 30-лѣтній возрастъ и уплата поземельной и всякой другой подати не менѣе той суммы, которая будетъ опредѣлена во всякой намѣстнической области, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ.

Дворяне каждого уѣзда, владѣющіе недвижимымъ имѣніемъ и достигшіе 25-лѣтняго возраста, избираютъ на уѣздныхъ дворянскихъ собраніяхъ 3 земскихъ пословъ, изъ которыхъ ^{2/3}, какъ уже было упомянуто, назначаются государемъ въ посольскую палату намѣстническаго сейма.

Городскія общества собираются каждыя три года для производства выборовъ. «Къ выбору депутатовъ отъ окружнаго градскаго общества допускаются: 1) настоящіе обыватели города, имѣющіе въ немъ

дома или иные строенія, мѣста или земли, равно какъ и обыватели не изъ дворянъ, жительствующие внѣ города, но въ томъ же уѣздѣ, къ которому городъ принадлежитъ, и имѣющіе въ семь уѣздѣ домъ или другую недвижимую собственность. 2) Всѣ состоянія, извѣстныя подъ именемъ именитыхъ гражданъ, какъ-то: ученые, имѣющіе академическіе или университетскіе аттестаты, художники 3-хъ главныхъ художествъ—архитектуры, живописи и скульптуры, банкиры, капиталисты и кораблехозяева. 3) Купцы первыхъ двухъ гильдій, и 4) пеховые мастера» (ст. 166). «Всѣ евреи, не исключая и тѣхъ, кои записаны въ гильдіи или имѣютъ недвижимую собственность, участіа въ собраніяхъ окружныхъ градскихъ обществъ не имѣютъ» (ст. 167). Этой статьи въ польской конституціи нѣтъ, но въ ней сказано, что «различіе христіанскихъ исповѣданій не обуславливаетъ никакого различія въ пользованіи гражданскими и политическими правами» (ст. 11), слѣдовательно евреямъ не было дано и въ Польшѣ политическаго равноправія съ христіанскимъ населеніемъ ¹⁾. Въ городахъ съ населеніемъ болѣе 8,000 жителей, исключая столицъ, выборы въ намѣстническій сеймъ двухстепенные: избирательныя собранія устриваются въ каждой части города; въ каждомъ изъ нихъ выбираютъ 3 гласныхъ въ общее гражданское собраніе, а это послѣднее выбираетъ 3 депутатовъ въ намѣстническій сеймъ (ст. 168); но такъ какъ депутаты въ общій государственный сеймъ выбираются намѣстническими сеймами, то выборы въ такихъ городахъ будутъ, слѣдовательно, трехстепенными. Въ столицахъ же, Петербургѣ и Москвѣ, каждая городская часть избираетъ одного депутата (или, собственно говоря, кандидата въ депутаты) въ столичный сеймъ (ст. 170), который соответствуетъ намѣстническимъ сеймамъ (ст. 125). Чтобы участвовать въ собраніи городского общества, нужно имѣть 25 лѣтъ (ст. 171) ²⁾.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что проектъ, составленный Новосильцовымъ, является сколкомъ съ польской конституціонной хартіи, но только въ значительно ухудшенномъ видѣ: весьма серьезными ухудшеніями были введеніе двухстепенныхъ выборовъ вмѣсто прямыхъ и назначеніе государемъ пословъ и депутатовъ изъ числа выбранныхъ въ намѣстническіе сеймы, а также выбранныхъ намѣстническими и столичными сеймами въ общую государственную думу. Если бы проектъ Новосильцова былъ осуществленъ, то такая конституція еще менѣе оградила бы Россію отъ правительственной произвола, чѣмъ была ограждена Польша конституціонною хартіею 1815 г.

Конституціонныя теченія проявились не только въ высшихъ сферахъ, но и въ обществѣ, литературѣ и наукѣ, при чемъ боль-

¹⁾ Напротивъ, въ хартіи Людовика XVIII 1814 г. (4—10 июня), многими статьями которой воспользовались составители польской конституціи, нѣтъ лишениа лицъ, принадлежащихъ къ нехристіанскимъ исповѣданіямъ, политическаго и гражданскаго равноправія.

²⁾ Статей 125, 168, 170 и 171 нѣтъ въ польской хартіи.

¹⁾ Новая статья.

²⁾ По польской конституціи уплата ежегодно налога въ 300 р. с.

шую роль сыграла западно-европейская политическая литература. Въ 1806 г. былъ напечатанъ, по повелѣнію государя, переводъ вышедшаго въ 1771 г. по-французски сочиненія Де-Тольма объ англійской конституціи. Переводъ книги Монтескье «О духѣ законовъ» вышелъ въ 2 изданіяхъ. Появился также переводъ сочиненій Бентама. Книги эти проникали въ самые глухіе провинціальныя города. Такъ, въ одномъ уѣздномъ городѣ Воронежской губ., въ половинѣ десятихъ годовъ, у многихъ жителей, даже купцовъ и мѣщанъ, были коллекціи книгъ серьезнаго содержанія, въ томъ числѣ сочиненія Де-Тольма, Монтескье, Беккариа и др. на русскомъ языкѣ. Въ обществѣ этого маленькаго городка живо обсуждались вопросы вѣншей и внутренней политики; иные восхищались представительными формами правленія. Послѣ этого нисколько не удивительно, что кунцы гостиннаго двора въ Петербургѣ открыто собирались (въ началѣ 1820-хъ гг.) группами и разсуждали о необходимости конституціи.

Новыя либеральныя теченія охватили и нѣкоторыхъ университетскихъ профессоровъ. Таковы: профессоръ царскосельскаго лицея, а затѣмъ и петербургскаго университета, Куницынъ (авторъ изданнаго въ 1818—20 гг. сочиненія «Право естественное», признаннаго главнымъ правленіемъ училищъ «клонящимся къ испроверженію всѣхъ связей семейственныхъ и государственныхъ»), который былъ удаленъ изъ университета и лицея, и профессора Германъ и Арсеньевъ, обвинявшіеся въ 1821 г. въ непризнаніи законности верховной власти, вѣдѣтвіе того, что въ своихъ лекціяхъ они обнаружили нѣкоторое сочувствіе конституціонному образу правленія; они лишились мѣста, и ихъ сочиненія было недозволено употреблять въ качествѣ руководствъ въ учебныхъ заведеніяхъ¹⁾.

Вольнолюбивыя идеи, бродившія въ обществѣ, и особенно среди молодежи, нашли выраженіе въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Пушкина, каковы, напр., посланіе «Къ Чаадаеву» (1818 г.), «Сказки» (1818 г.), гдѣ авторъ скептически относится къ предположенію, высказанному имп. Александромъ въ Варшавѣ относительно дарованія Россіи конституціи, «Вольность» (1820 г.), которая была одною изъ причинъ его ссылки, «Книжаль» (1821 г.), «Андрей Шенье» (1825 г.) и нѣкоторыя др. Произведенія Пушкина настолько извѣстны, что мы приведемъ лишь немногія мѣста изъ «Вольности», которая бытъ можетъ была навѣяна соответственнымъ произведеніемъ Радищева.

¹⁾ Въ 1818 г. въ «Сынѣ Отечества» появилась статья Куницына «О конституціи», гдѣ онъ въ своемъ сочувствіи къ представительному образу правленія опирался на рѣчь государя, произнесенную въ томъ же году на варшавскомъ сеймѣ. Вслѣдъ затѣмъ, обо всемъ, касающемся правительства, было дозволено писать только по волѣ самого правительства, частнымъ же лицамъ не разрѣшалось говорить въ печати о политическихъ предметахъ ни за ни противъ.

.....Гдѣ ты, гдѣ ты, гроза царей,
Свободы грозная пѣвица?
Приди, сорви съ меня вѣнокъ,
Разбей избѣженную лиру:
Хочу воспѣть я вольность міру,
На тронѣ поразить порокъ.

Владыки! вамъ вѣнецъ и тронъ
Даетъ законъ, а не порода;
Стойте выше вы народа,
Но вѣчный выше васъ законъ.
И горе, горе племенамъ,
Гдѣ дремлетъ онъ неосторожно“...

Стихотвореніе оканчивается описаніемъ того, что пѣвецъ въ полупочный часъ, глядя на заброшенный дворецъ, «пустынный памятникъ тирана», Михайловскій замокъ, видитъ, какъ въ него идутъ убійцы имп. Павла. Въ заключеніе поэтъ говоритъ:

.....Погибъ увѣнчанный злодѣй.
Внемлите истинѣ, цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни мракъ темницъ, ни алтари
Не вѣрны для васъ ограды!
Склонитесь первые главой
Подъ сѣнь надежную закона—
И стануть стражею у трона
Народовъ вольность и покой“.

Отмѣчу еще четверостишіе, посвященное декабристу Пестелю (1821 г.), съ которымъ Пушкинъ сблизился въ Кипшинѣ и котораго онъ считалъ «однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ»:

..Снесемъ иль нѣтъ главу свою,
Изъ полноѣснаго стакана
Твое здоровье, Пестель, пью
И рвусь и злюся на тирана“...

Гражданскіе мотивы были, какъ извѣстно, неотъемлемою принадлежностью поэзіи Рылѣева. Таковы, напр., его стихотвореніе «Къ временщику», напечатанное въ 1820 г., «Гражданинъ» (1825 г.), написанное незадолго до 14 декабря, «Исповѣдь Наливайки» (напечатанное въ «Полярной Звѣздѣ» 1825 г.). Въ двухъ послѣднихъ произведеніяхъ высказывается преобладающее настроеніе поэта за послѣднее время его жизни—готовность пасть въ борьбѣ за свободу родины.

В. Семевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Шлиссельбургская тюрьма

за 20 лѣтъ, отъ 1884 по 1904 ¹⁾.

(Воспоминанія).

ГЛАВА I.

Вотъ главные моменты тюремной жизни. Жизнь наша была полна контрастовъ. Притока живыхъ, вѣшнихъ впечатлѣній не существовало и матеріала для нормальной душевной жизни извне не поступало. Проходили годы, не принося съ собою ничего новаго со стороны, потому что мы жили въ общей могилѣ, отдѣленные отъ міра живыхъ непроходимой пропастью. Ни книгъ, ни свиданій, ни вѣсти о родныхъ, о томъ, что дѣлается на свѣтѣ. Библія, соч. Дмитрія Ростовскаго, 2—3 церковныхъ журнала за старые годы и десятка три старинныхъ книгъ на лубочной бумагѣ, написанныхъ до-Пушкинскимъ языкомъ—вотъ и вся наша бібліотека. Сношенія черезъ стѣнку стукомъ не удовлетворяли, а только раздражали, потому что невозможно было не только обмѣниваться возраженіями, но и высказаться. Повидимому, наша жизнь была безцвѣтна, пуста, безсодержательна; но недостатокъ вѣшнихъ впечатлѣній съ избыткомъ пополнялся испытаніями и переживаниями того матеріала, который давала тюрьма. Мы жили интенсивно, находясь въ состояніи кипѣнія, прерываемаго только изнеможеніемъ. Въ этомъ и состоялъ трагизмъ нашего положенія. Въ минуту же отдыха оставалось жить воспоминаніями, чисто созерцательной жизнью, одурманиваться мечтаніями, или, спасая свою душу отъ безумія, взять на себя большую работу и погрузиться въ нее; создать себѣ особый идеальный, теоретически построенный міръ—выдѣлить изъ себя защитительную оболочку—и переживать умозрѣнія, теоріи, гипотезы, какъ единственное содержаніе жизни. Но уйти въ этотъ міръ было невозможно. Каждый день страшная дѣйствительность разрушала эту иллюзію. Постоянныя столкновенія, непріятныя объясненія, неизбежное участіе всѣхъ въ схваткѣ, гдѣ бы она ни возникла, такъ какъ насъ связывало товарищество, общій врагъ и

¹⁾ Статья эта принадлежитъ Михаилу Юльевичу Ашенбреннеру, приговоренному къ смерти черезъ повѣшеніе по процессу В. Н. Фигнеръ въ 1884 году и послѣ «смягченія» приговора проведенному въ застѣнкахъ Шлиссельбурга двадцать лѣтъ.
Ред.

общая доля, вѣчное тревожное состояніе, невыносимыя стѣсненія и невозможность помириться съ порядками—вотъ какой матеріалъ для жизни давала тюрьма. Послѣ напряженнаго состоянія слѣдовала усталость, хотѣлось отдохнуть и позабыться; но взволнованная душа приходила въ равновѣсіе медленно. Являлось невольное желаніе не растрачивать по мелочамъ свои слабѣющія силы и терпѣть молча, отвѣчая презрѣніемъ. Это удавалось иногда 10, 15 разъ, но негодованіе нарастало и взрывъ становился все неизбежнѣе. Такъ что подобный планъ едва ли приводилъ къ лучшему; столкновенія и волненія случались рѣже, но гораздо яростнѣе, да и отвѣтное дѣйствіе при этомъ не всегда было эквивалентно поводу; а успокоеніе наступало медленно и бессонница мучительнѣе. У многихъ стала выясняться мысль, что въ такой мелочной и жестокой борьбѣ и самъ мельчаешь и что влечить такое существованіе не стоитъ. Можетъ быть такое настроеніе и послужило однимъ изъ поводовъ къ самоубійству. А ежедневная борьба, подавленное негодованіе, сознаніе своего безсилія и безвыходности положенія, невозможность успокоенія для разстроеннаго, измученнаго человѣка, напряженное состояніе даже тогда, когда уклоняешься отъ столкновений, и особенно смѣна возбужденія и прострати—все это вело къ помѣшательству. Долго тянулась отчаянная борьба за жизнь, за спокойствіе, за болѣе разумное существованіе, и уступки мы добились цѣною великихъ жертвъ. Прошло 10 лѣтъ. Въ первые годы погибло около 50%, въ томъ числѣ двое были разстрѣляны за оскорбленіе дѣйствіемъ. Потомъ началось почти повальное сумасшествіе ¹⁾. Мышкинъ и Минаковъ стучали соседямъ, что жить далѣе они не желаютъ, но хотять умереть не бесполезно для товарищей и будутъ требовать книгъ, журналовъ, свиданій съ товарищами, переписки съ родными, мастеровскихъ. Какими-то неведомыми путями проникали въ заграничную печать кой-какія вѣсти о Шлиссельбургѣ, напр. объ ужасной смерти Грачевскаго, который съжегъ себя, обливъ керосиномъ. Въ расчеты начальства не входило превращеніе политической тюрьмы въ сумасшедшій домъ, а между тѣмъ дѣло къ тому клонилось; да и сумасшедшіе были для нихъ лично слишкомъ опасны и страшно увеличивали работу надзора и обузданія. Быстрое же вымирание являлось вопиющимъ скандаломъ: безъ сомнѣнія протестъ въ такой формѣ портилъ ихъ планы. Вотъ почему начальство мало-по-малу склонилось къ уступкамъ, и всѣ эти уступки и льготы были куплены цѣною крови. Главныя льготы, которыя имѣли спасительное значеніе были: книги и журналы, общеніе и прогулка. Всѣ эти льготы стали обозначаться въ минимальной степени въ концѣ царствованія Александра III-го, и, наконецъ, въ 95—97 гг. наступилъ для насъ «золотой вѣкъ», который тянулся нѣсколько лѣтъ (до осени 1901 года). Уже при Сипягинѣ начались стѣсненія и насту-

¹⁾ Игнацій Ивановъ, Похитоновъ—умерли. Шебалинъ, Ювачевъ—поправались. Самоубійства: Тихановичъ, Грачевскій, Софья Гнѣсбургъ и нѣсколько попытокъ. Мышкинъ и Минаковъ разстрѣляны.

нилъ возвратъ къ старымъ порядкамъ, а при Плеве, когда насъ оставалось только 13 чел. изъ 51, когда мы потеряли молодость, силы, здоровье, выносливость, насъ вернули къ старому режиму. Таково было наше душевное состояніе отъ начала до самаго конца пребыванія въ тюрьмѣ, съ незначительными отклоненіями къ лучшему въ лучшія времена.

ГЛАВА II.

Вскорѣ послѣ смерти Мышкина и Минакова ¹⁾ намъ выдали небольшія грифельныя доски (изъ картона) и по тетради въ 3 листа въ четвертушку, съ пронумерованными страницами и скрѣпленныя подписью смотрителя; дали по карандашу и спросили, какіе учебники желалъ бы имѣть каждый для занятій. Подавая мнѣ карандашъ, Соколовъ—Продъ сказалъ: «Если карандашъ спорится, сказать: починимъ; когда тетрадка спешится: сдать; дадимъ чистую». Одни пожелали заниматься математикой, другіе изученіемъ языковъ, естествознанія, прикладными знаніями, для чего и были указаны книги, учебники словари. Когда роздали купленные книги, мы были очень разочарованы; кто желалъ изучать высшую математику, получилъ арифметику и краткую геометрію для начальныхъ училищъ. Для изученія иностранныхъ языковъ выдали руководства для младшаго возраста въ 40, 50 страницекъ съ глупѣйшими вопросами и отвѣтами. Вѣроятно такъ было сдѣлано по невѣжеству или по экономическимъ расчетамъ. На наше заявленіе о негодности подобныхъ учебниковъ и послѣ неоднократныхъ заявленій ближайшему начальству и ревизорамъ, мы получили, наконецъ, учебники по своему желанію, а также и словари, отобранные при арестѣ. Я просилъ министра Дурново, при посѣщеніи имъ тюрьмы, продать отобранные у меня вмѣстѣ съ другими вещами мой орденъ ²⁾ и купить на вырученные деньги 3 словаря. Министръ отвѣтилъ: «словари будутъ». На другой день комендантъ мнѣ сказалъ, что министръ былъ обиженъ моимъ заявленіемъ, считая его демонстративно выраженнымъ пренебреженіемъ къ наградамъ за отличіе. Какъ бы то ни было, мнѣ выдали 3 словаря и объявили, что ордена будутъ отправлены къ роднымъ; однако, по возвращеніи на родину, оказалось, что родные этихъ орденовъ не получили. Черезъ нѣсколько лѣтъ генералъ Петровъ выслалъ намъ, по нашему заявленію, полное собраніе сочиненій Спенсера на русскомъ языкѣ и собраніе сочиненій Маколея на англійскомъ языкѣ, а потомъ Исторію Россіи Соловьева и собраніе сочиненій Костомарова. А вскорѣ, по нашей просьбѣ, были выданы отобранныя при арестѣ книги, за нѣкоторымъ, впрочемъ, исключеніемъ (мнѣ не выдали сбор-

¹⁾ По разсказу Л. А. Волкенштейнъ, Минаковъ разстрѣлянъ 6 сентября 1884 г., а Мышкинъ въ началѣ января 1885 г. (13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Спб. 1905 г. стр. 8).

²⁾ М. Ю. Ашенбреннеръ осужденъ въ чинѣ подполковника.

Ред.

Ред.

никъ статей проф. Зиберы объ экономической теоріи Маркса, а Лопатину, кажется, 1-ый томъ «Капитала»). Но вскорѣ эти книги были отобраны потому, что у кого-то ревизоръ увидѣлъ на столѣ Исторію революціи, Кинъ или Минъ. За конфискаціей книгъ послѣдовало сначала прекращеніе гулянья, а потомъ голодовка. Для переговоровъ тогда «впервые» воспользовались ватерклозетомъ и его трубами, для чего параша тщательно мылась, а потомъ вычерпывалась изъ нея вода и так. обр. ватерклозетъ превращался въ «телефонъ». Въ этихъ телефонныхъ клубахъ обмѣнивались мнѣніями о вѣрнѣйшихъ способахъ самоубійства. Голодовка была достаточно продолжительна и разстроила здоровье многихъ. Начальство могло считать себя побѣдителемъ, но обидна потерпѣла не полное пораженіе, такъ какъ большая часть книгъ была возвращена ¹⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ пристроили подъ прямымъ угломъ къ старымъ миниатюрнымъ клѣткамъ для прогулки еще 8 болѣе обширныхъ клѣтокъ; привезли туда земли, и так. обр. возникли наши будущіе пѣтлники и огороды, и стали сводить насъ парами на прогулкѣ. Мнѣ назначили М. П. Шебакина ²⁾, съ которымъ я видѣлся сначала черезъ день, а потомъ каждый день. Черезъ 1½ года начальство, по своимъ соображеніямъ, дало мнѣ вмѣсто Шебакина Ф. Н. Юрковского ³⁾, съ которымъ свиданія продолжались тоже больше года. Третьимъ былъ назначенъ М. Ф. Фроленко ⁴⁾. Затѣмъ намъ предоставили самимъ выбирать товарищей по прогулкѣ и мѣнять ихъ черезъ краткіе промежутки времени и, наконецъ, установился такой порядокъ назначенія на прогулки: мы выбрали товарища «променадемейстера», который по нашему назначенію расписывалъ насъ ежедневно попарно и подавалъ утромъ расписание вахмистру. Въ концѣ же концовъ, когда прогулки были продолжены до обѣда, т.-е. отъ 8 до 12 часовъ, перемѣна партнеровъ по прогулкѣ совершалась по нашимъ личнымъ заявленіямъ дежурному на вышѣ унтеръ-офицеру, такъ что можно было повидаться со всѣми по очереди. При этомъ жандармы наблюдали только, чтобы въ одной клѣткѣ не было болѣе двухъ человекъ. Тогда должность променадемейстера, какъ лишняя, была упразднена.

Кажется въ 1890 г., намъ сказали, что проектированы уже мастерскія, а пока предложили заняться желающимъ ажурными

¹⁾ Возвращено: Всемирн. Исторія Шюссера; Рибо: Наслѣдственность, Бодлани воли, Бодлани памяти; Физиологія ума Карпентера; Тэнъ—Объ умѣ и познаніи; Логика Милля, Маудсли The Will and Body; Уоллеса Islands Life.

²⁾ Находится нынѣ въ Якутской области.

Ред.

³⁾ Умеръ въ Шлиссельбургѣ.

Ред.

⁴⁾ Амнистированъ въ 1905 году.

Ред.

работами. Желание изъявили многие. Потомъ въ старой тюрьмѣ, которая находилась въ цитадели, т.-е. на ближайшемъ соседнемъ дворѣ, устроены были въ камерахъ, которыя прежде служили карперами, столярная, токарная, переплетная и сапожная мастерскія. Вместе съ тѣмъ намъ стали отпускать, вѣдется, 180 руб. въ годъ на садовые, огородные инструменты, на сѣмена, удобрение и на матеріалы для мастерства. Мастерствомъ пожелали заниматься все; но знающихъ мастерство было очень немного, а начальство не хотѣло сводить насъ парами въ мастерскихъ и предлагало начинающимъ въ наставники жандармскихъ унтеровъ. Отъ такихъ менторовъ мы отказались. Выходила такая нелѣпость: мастерскія были разбѣшены, устроены и цутовали при нашемъ общемъ желаніи учиться и работать. Мало-по-малу начальство уступило, и насъ стали водить туда парами. Такъ многие изъ насъ научились мастерствамъ, но хорошихъ мастеровъ вышло немного. Мы производили изящныя, художественныя вещи, но работали надъ ними такъ долго, что при обычной рыночной расцѣнкѣ не могли бы заработать болѣе 20 коп. въ день. Вообще, и въ мастерствахъ и въ книжныхъ занятіяхъ мы не достигли большого успѣха: въ неволѣ трудъ не продуктивенъ, да и сбыта наши произведенія не имѣли. Правда, многие изъ насъ достигли значительныхъ успѣховъ, но на это потрачено было такъ много труда и времени, что успѣхи наши при иныхъ обстоятельствахъ были бы во много разъ больше. Когда построили огородные заборы и поставили вышку для дежурныхъ, насъ распредѣлили по огородамъ. По наличному составу приходилось въ малыхъ огородахъ по 2, въ большихъ по 3 и 4 хозяина. Выдали сѣмена овощей, провели въ каждый изъ 8 огородиковъ воду, выдали огородные инструменты. Каждому приходилось по грядкѣ. Наши жилия камеры были очень невелики: можно было сдѣлать 5—6 шаговъ отъ двери до окна; углы были заняты и ходить по діагонали не приходилось. Мы страдали отъ недостатка движенія и пассивная гимнастика не вознаграждала этого недостатка, да и приводила, по крайней мѣрѣ въ первые годы, къ недоразумѣніямъ, вызывая недоумѣніе и безпокойство дежурныхъ по коридору; поэтому въ каждомъ огородѣ мы сдѣлали по широкой дорожкѣ для движенія вдвоемъ, вымостивъ ее старымъ поломаннымъ плитнякомъ. По этой дорожкѣ мы прохаживались, ведя бесѣды; а когда случалось оставаться въ огородѣ одному, то ходили съ книгой: читали и ходили въ одно время, соединяя motionъ съ интереснымъ чтеніемъ. Ходили мы на прогулкѣ очень много: это было необходимо и спасительно для здоровья. Одинъ изъ товарищей вычислилъ, что за 20 лѣтъ пребыванія въ тюрьмѣ онъ 12 разъ обошелъ землю по экватору. Оставляя мѣсто для прогулки, приходилось съузнить грядки: каждый вершокъ земли былъ дорогъ, а потому нужно было выгадать мѣсто между грядками, и мы рѣшили бока грядокъ обложить досками. На дворѣ у старой тюрьмы былъ складъ дровъ и тамъ мы видѣли длинныя и толстыя полѣнья. Мы просили отдать эти полѣнья намъ и изъ нихъ, дѣйствуя топоромъ,

клиньямы и шерхебелемъ, подбѣлали доски. Это была первая большая работа. Посѣяли редиску, рѣдьку, брюкву, рѣпу, морковь, свеклу, лукъ, укропъ, петрушку, горохъ, чеснокъ, капусту и цвѣтную капусту—всего понемногу. Лучшее всего вышла брюква, хуже рѣпа и цвѣтная капуста: слишкомъ было тѣсно. Крѣпостныя стѣны, тюрьма и высокіе заборы огородиковъ закрывали большую часть дня солнце. На хорошо освѣщенномъ мѣстѣ посѣяли цвѣты, а вдоль заборовъ кусты малины, черной и красной смородины и крыжовника. Затѣмъ посадили нѣсколько яблонь. Въ 8-мъ огородѣ теперь есть небольшая яблоня, выращенная изъ сѣмечка и привитая М. Ф. Фроленко, и вишневое дерево, выращенное изъ косточки.

Когда открылись мастерскія и возникли дѣловые разговоры съ смотрителемъ, комендантомъ и офицеромъ, завѣдующимъ мастерскими, явилась необходимость въ выборномъ, говорившемъ отъ лица всехъ. Этотъ выборный назывался старостой и служилъ сначала, вѣдется, годъ, а потомъ полгода. Мѣстное начальство на это охотно согласилось, потому что ему было выгодно вести переговоры съ уполномоченнымъ отъ всей общины, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые товарищи прямо таки не могли равнодушно говорить съ тюремщиками. Староста обязанъ былъ слѣдить за исправностью инструментовъ, выпиской и расходомъ матеріаловъ и сводить счета по расходу суммы, отпущенной на мастерскія и огороды. Эта сумма дѣлилась на 2 части: одна на общія надобности, другая дѣлилась на равные пай по наличному числу и расходовалась каждымъ на покупку матеріаловъ по личному усмотрѣнію. Не слѣдуетъ думать, что деньги выдавались на руки. Все расчеты велись на бумагѣ.

Въ теченіе первыхъ 6 лѣтъ намъ на довольствіе отпускалось по 11 коп. въ день, въ томъ числѣ и черный хлѣбъ. Хлѣба давали по 2½ фунта. Хлѣбъ всегда былъ дурного качества, сырой и съ закаломъ. На обѣдъ полагалось 2 блюда: супъ, щи, борщъ или жидкая гороховая похлебка; на второе каша гречневая, пшенная, или размазня. На ужинъ давали подогрѣтое жидкое блюдо, оставшееся отъ обѣда. Въ посты и по средамъ и пятницамъ давалась постная пища. Это дѣлалось конечно не изъ благочестія, а для укрощенія, потому что по средамъ и пятницамъ давали постное даже на Святой недѣлѣ и на Рождествѣ. Пища была недоброкачественная: горячее безъ навара, со слѣдами мяса; каши и масла чуть-чуть, постная похлебка изъ гнилыхъ снятковъ, грибные щи на минимальномъ количествѣ капусты и грибовъ, жидкій горохъ съ плавающими червями. По воскресеньямъ давали на второе нѣсколько наръзанныхъ маленькихъ кусочковъ жареной говядины съ картофелемъ и фасолью и на третье пироги съ брусничнымъ вареньемъ. На пасху выдавали небольшую булку въ видѣ кулича и маленькую, глотка на три, пасху изъ подслащенного творогу и нѣсколько крашеныхъ яицъ. Въ 1889 году нашу лазаретную порцію обратили въ ординарную: на довольствіе полагалось 23 к. въ день

съ хлебомъ и разрѣшили замѣнять черный хлѣбъ бѣлымъ и ситнымъ въ половинномъ количествѣ, т.-е. вмѣсто $2\frac{1}{2}$ фун. черного — $1\frac{1}{4}$ бѣлаго. Съ этихъ поръ пища была удовлетворительна и разнообразна, чѣмъ прежде. Кромѣ того, намъ было предоставлено самимъ составлять меню, на условіи не выходить за предѣлы 23 коп. Для составления меню мы стали выбирать «менюмейстера», которому выпадала неблагодарная и трудная роль угодить всѣмъ и каждому, не выходя изъ раскладки. Для такого безнадѣжнаго дѣла понадобилось нашимъ менюмейстерамъ много остроумія и усердія и наконецъ они стали дѣлать время отъ времени оригинальные плебисциты: каждое кушанье повторялось за 2, 3, 4 недѣли пропорціонально поданнымъ голосамъ. Мы получали 2, 3 раза въ недѣлю молочные супы, котлеты, рисовую кашу, макароны, сырники, вареники, тѣ же праздничные пироги съ брусничкой, или пироги съ капустой и мясомъ; по субботамъ на ужинъ селедку съ картофелемъ, а въ воскресенье на ужинъ около $\frac{1}{4}$ ф. сыру. Эта пища была бы хороша, но на жаркое мы получали всегда вываренное мясо, потому что при нашихъ средствахъ дѣлать жаркое изъ хорошаго мягкаго мяса было невозможно. Масла отпускалось очень мало, а между тѣмъ въ тѣхъ широтахъ, гдѣ мы проживали, потребность въ жирахъ и углеводахъ была настоятельная, чѣмъ гдѣ-нибудь. Нашему горю пришелъ на помощь докторъ Николай Сергѣевичъ Безродновъ, который сдѣлалъ намъ много добра. Онъ сталъ выдавать намъ на всю братію изъ лазаретныхъ суммъ по 10 фун. въ мѣсяцъ подсолнечнаго масла. Сначала мы примѣшивали это масло къ канѣ, картофелю и т. д. съ неудовольствіемъ, но потомъ привыкли къ нему, и оно намъ стало пріятно. Сначала намъ выдавали 2 раза въ день по кружкѣ чаю и по куску пиленаго сахару. Много лѣтъ спустя, при комендантѣ Гангартѣ, выдали каждому по 2 чайника: одинъ для кипятку, другой для заварки чая, и стали отпускать по $\frac{1}{2}$ ф. чаю и 3 фун. сахару на мѣсяцъ. Чай былъ удовлетворительнаго качества по 90 к. за $\frac{1}{2}$ фун., а сахаръ оцѣнивался очень дорого, по 18 коп. фунтъ. При гуртовой покупкѣ и съ уступкою постоянному покупателю $\frac{1}{2}$ фун. чаю обходилось по 77 коп., такъ что чайное довольствіе 1 человѣка обходилось въ мѣсяцъ 1 р. 31 к. Впослѣдствіи было разрѣшено на эти деньги выписывать не только чай, но кофе, какао, лимоны, монпансье, клюкву. Многіе брали только $\frac{1}{4}$ ф. чаю, а на остальные деньги покупали чего-нибудь другого; нѣкоторые не брали вовсе чаю, а пили ячменный кофе.

Сначала мы стучали очень нескусно и плохо понимали другъ друга, такъ что разговоръ стукомъ насъ не удовлетворялъ, а скорѣе раздражалъ за невозможностью высказаться. Потомъ мало-по-малу мы стали стучать очень быстро и отчетливо, и понимали другъ друга настолько хорошо, что не приходилось достучивать слово до конца; часто употребительныя слова замѣнялись одной буквой, или условнымъ знакомъ. Сначала перестукивались только съ сосѣдями и сту-

чали безъ всякой надобности слишкомъ громко, но, познакомившись съ тюремной акустикой, стали стучать очень тихо для того, чтобы не беспокоить другихъ товарищей и не вводить въ бѣсѣду нежелательнаго свидѣтеля, дежурнаго жандарма. Громкій же стукъ былъ слышенъ черезъ 2 камеры и наверху и внизу — и потому у насъ бывали общія бѣсѣды по разнымъ угламъ. Начальство преслѣдовало за стукъ, наказывало, перебывало стукъ всячески, между прочимъ, пуская въ незанятую камеру струю воды изъ крана: журчаніе воды заглушало стукъ, да и страшно раздражало нервы. Но потребность въ сношеніяхъ съ другими была такъ велика, что начальству пришлось уступить. Потомъ для сношенія съ противоположной стороной стучали въ желѣзный калориферъ (паровое отопленіе), или въ дверь. Такой стукъ былъ слышенъ всѣми и невольно привлекалъ къ себѣ общее вниманіе, поэтому въ дверь и калориферъ стучали только въ экстренныхъ случаяхъ, когда нужно было обмѣняться мыслію или вѣстью со всѣми, стараясь не беспокоить занятыхъ или отдыхающихъ товарищей безъ нужды. Когда же мы стали видѣться часто другъ съ другомъ, то стукотня мало-по-малу вывелась изъ обихода, а начальство само приглашало старосту въ нѣкоторыхъ случаяхъ постучать въ дверь для оповѣщенія публики, напр. такъ: „Простучите, пожалуйста, что сегодня прогулка начнется въ 9 час., потому что на дворѣ будутъ производиться работы“. Общій неистовый стукъ въ двери и нечи, причемъ стучали чѣмъ попало, поднялся въ видъ протеста.

Кромѣ обычныхъ наказаній, въ родѣ лишенія чая, книгъ, прогулки, работы въ мастерскихъ, темнаго карцера безъ постели, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ, примѣнялись еще: продолжительное заключеніе въ карцеръ съ наложеніемъ оковъ и смиренная рубашка. Заключеніе съ наложеніемъ оковъ было примѣнено только разъ къ К. Ф. Мартынову ¹⁾ за то, что плюнуть смотрителю Федорову въ физиономію. Перемѣненіе въ карцеръ сопровождалось иногда побоями. На протесты противъ насилія грубой бурбонъ Соколовъ, по прозванію Продъ, онъ же Церберъ, отвѣчалъ съ видимымъ сокрушеніемъ: «Эхъ! да развѣ такъ бы слѣдовало по инструкціи», намекая на § инструкціи, гдѣ говорилось о 50 ударахъ розгами. Общіе же протесты, принимавшіе видъ маленькаго погрома, оставались безъ наказанія: начальство было слишкомъ озабочено тѣмъ, чтобы инцидентъ не разрѣшился громкимъ скандаломъ, и прибѣгаю къ увѣщаніямъ и обѣщаніямъ для успокоенія. Второе десятилѣтіе наказанія примѣнялись рѣже, хотя поводовъ было не меньше, такъ какъ мы стали очень раздражительны: каждый изъ насъ походилъ на бомбу, начиненную пироксилиномъ, и мы нерѣдко отъ обороны переходили въ наступленіе. Наши тяжеловѣсныя желѣзныя кровати

¹⁾ По выходѣ изъ Шлиссельбурга застрѣлился въ Якутской области.
Ред.

вместѣ съ постелью утромъ при раздачѣ кипятка подымались, прислонялись къ стѣнѣ и запирались на замокъ, а вечеромъ въ 7 час. опускались; такой порядокъ существовалъ долго; потомъ кровати уже не подымались.

Первый смотритель Соколовъ сначала пытался обращаться къ намъ на ты и, когда ему отвѣчали тѣмъ же, онъ очень обижался: «Да вѣдь ты лишенъ всехъ правъ; такъ по инструкции, а мнѣ что: прикажутъ говорить вамъ ваше сіятельство, и буду говорить!» Потомъ къ намъ обращались въ третьемъ лицѣ, напр.: первый комендантъ Покрошинскій на 4-мъ годѣ заключенія спросилъ меня: «Здоровье заключеннаго?»—Хорошо, отвѣтилъ я—«И все это время заключенный ни разу не болѣлъ?»—Ни разу.—«И здоровье заключеннаго нисколько не пошатнулось?»— Не пошатнулось.—«Удивительно!» заключилъ онъ.

Высокое расположеніе окна въ камерѣ, густая желѣзная рѣшетка, двойныя рамы и лѣтомъ и зимой отнимали много свѣта, а матовыя стекла создавали вѣчныя сумерки въ камерахъ. Это тянулось долго, достаточно долго, чтобы испортить зрѣніе у всѣхъ, кому удалось остаться въ живыхъ. Наши настоятельныя заявленія оставались безъ отвѣта, или намъ предлагали замѣнить матовыя стекла струйчатыми, не менѣе зловредными. Лѣтъ черезъ 10 или 12, когда у насъ началось острое страданіе глазъ, намъ вставили прозрачныя стекла, и мы увидѣли, наконецъ, дуну и звѣздное небо. Когда было позволено имѣть въ камерахъ самодѣльные табуретки, нѣкоторые читали стоя на табуреткѣ у окна. Начальство, неспособное войти въ наше положеніе, признавало это за нарушение порядка, тогда какъ подобный способъ чтенія у окна былъ единственнымъ возможнымъ для людей съ разстроеннымъ зрѣніемъ. Читали мы очень много, не жалѣя своихъ больныхъ глазъ: иначе было невозможно, потому что намъ ставилась альтернатива: или береги глаза, не читай и сходи съ ума отъ тоски, или слѣпни, спасая себя отъ безумія. Поэтому и на прогулкѣ мы читали много. Для освѣщенія же глазъ, приходилось ежедневно, цѣлые годы, примачивать ихъ утромъ и вечеромъ борной примочкой.

20 лѣтъ мы жили какъ бы подъ стекляннымъ колпакомъ. Когда вели на прогулку, въ мастерскія и обратно въ камеру, заключеннаго провожали два унтеръ-офицера, а со стороны наблюдали еще смотритель или вахмистръ. При этомъ передній жандармъ поворачивалъ голову то направо, то налево. Вдоль клѣтокъ и огородовъ была построена галлерея съ навѣсомъ, откуда неотступно слѣдили за гуляющими дежурные унтера, прислушиваясь къ нашимъ разговорамъ. На этой-то вышкѣ безсмысленно дежурилъ и первый смотритель, который самъ затворялъ и открывалъ камеры. Въ камерахъ и мастерскихъ слѣдили черезъ стеклышко въ двери, которое закрывалось снаружи желѣзной занавѣской. Вдоль камеръ лежалъ полковикъ и дежурные ходили въ мягкихъ башмакахъ лѣтомъ и въ

валенкахъ зимою. Къ этому стеклышку они подкрадывались каждыя 5 или 10 минутъ. Маневры дежурныхъ, чтобы приблизиться неслышно и поднять занавѣску неожиданно, были нелѣпы потому, что они подглядывали черезъ правильные промежутки и ясно, что ихъ предосторожности были напрасны. Шорохъ, когда жандармъ крадется вдоль стѣны, вытирая еѣ спиною, мѣшалъ занятіямъ, заставляя слѣдить за этими продѣлками и поджидать ихъ. Эти продѣлки возмущали, какъ бессмысленное дѣло, за которымъ приходится невольно слѣдить, бессмысленное потому, что безчисленныя попытки поймать заключеннаго на мѣстѣ воображаемаго преступленія ни къ чему не приводили. Дѣлая cadaго изъ насъ объектомъ многочисленныхъ ежедневныхъ наблюденій, они отлично впередъ знали, кто и въ какую минуту чѣмъ занятъ, потому что и у насъ за годы сложились свои привычки и свой неизмѣнный домашній обиходъ. А между тѣмъ, при всемъ сознаніи бесполезности, нелѣпости и неумѣстности наблюденій дежурнаго, заключенный, вмѣсто того, чтобы спокойно продолжать свои занятія, застываетъ въ напряженномъ ожиданіи, иногда опасаясь перемѣнить положеніе тѣла подъ этими подозрительными взглядами. И когда приходится такимъ образомъ проходить многіе годы сквозь строй «недреманнаго ока», которое тебя точить какъ червь неумирающій, спрашиваешь себя, къ чему имъ понадобилась такая утонченная пытка надъ людьми занятыми, или больными?.. Да и накрыть насъ на мѣстѣ преступленія было трудно: мы всегда были насторожѣ, когда это было нужно, и умѣли дѣлать свои выводы изъ безчисленныхъ наблюденій; а нашъ слухъ до того обострился тюрма, что мы, по повадкѣ дежурнаго, по множеству мелкихъ признаковъ, отлично знали, кто дежуритъ и что дѣлается за дверью въ коридорѣ. Вообще мы дѣйствовали и говорили прямо и открыто, прибѣгая къ конспираціи въ рѣдкихъ случаяхъ, и это всего лучше сбивало ихъ съ толку. И не только говорили открыто, но умышленно подымали, напр., для того, чтобы отвратить любопытныхъ, такіе разговоры, которые слушать жандармамъ было неудобно, и это помогало. Весьма понятно, что это проклятое стеклышко возмущало многихъ, и унтеровъ гнали отъ дверей грубой бранью. Это помогало на время, а потомъ опять начиналась та же исторія снова, словно мы имѣли дѣло съ неумолимой стихіей, противъ которой бесполезны заклинанія. Однако, этотъ неусыпный надзоръ былъ совсѣмъ недействителенъ въ видахъ предупрежденія и пресѣненія: онъ, напр., не мѣшалъ самоубійству, но онъ былъ очень чувствителенъ какъ средство истязанія (Тихоновичъ повѣсилъ, Грачевскій съжегъ себя, Софья Гинсбургъ зарѣзалась, Похитоновъ былъ захваченъ и спасенъ не жандармами, а Л. А. Волкенштейнъ).

Долго мы не могли допроситься лучшей вентиляціи камеръ, въ которыхъ отравляла воздухъ параша. Оконная форточка откидывалась внизъ и давала слишкомъ мало свѣжаго воздуха, потому что была связана желѣзными полосами съ другою форточкой въ наружной рамѣ и открывалась на небольшую щелку; и эта форточка сначала открывалась только 2 раза въ день на $\frac{1}{4}$ часа. Лѣтъ черезъ

10—12 окно передѣлали такъ, чтобы откидывалась внизъ верхняя часть рамы. Теперь мы сами могли открывать и закрывать форточку по своему усмотрѣнію, приспособивши для этого двѣ веревки.

Широко примѣняя къ дѣлу инструкцію, въ которой говорилось о кандалахъ, сумасшедшихъ рубашкахъ и разстрѣливаніи, начальство вывѣшивало въ камерахъ эту инструкцію очевидно потому, что тамъ былъ § о позорномъ наказаніи, чтобы добиться покорности и смиренія. Слишкомъ опасно было примѣнить этотъ § потому, что это повело бы къ покушеніямъ на жизнь исполнителей и къ поголовному самоубійству, а унизить и уязвить насъ все же хотѣлось. Эти писанныя, или печатанныя инструкціи такъ или иначе заключенные устраняли. Вывѣшивали новые экземпляры, которые опять устранялись, и кончилось тѣмъ, что онѣ исчезли. Кромѣ инструкцій комендантъ несомнѣнно получалъ и негласныя наставленія о примѣненіи ея съ обширными полномочіями въ крайнихъ случаяхъ; а такая крайность опредѣлялась его усмотрѣніемъ. Лучшій изъ комендантовъ говорилъ намъ: «Повѣрьте, еслибъ я примѣнялъ инструкцію со всею строгостію, ни одного изъ насъ не было бы въ живыхъ черезъ 1/2 года!» Тюремная администрація состояла изъ людей опытныхъ, преданныхъ, рѣшительныхъ, а даже думаю неподкупныхъ и, пожалуй, служившихъ по призванію. Какъ же спрашивается, дѣйствовала на ихъ душу эта вѣчная малая, но жестокая война съ заключенными? На это отвѣчаетъ исторія нашихъ комендантовъ и смотрителей за 20 лѣтъ: 1-ый комендантъ, Покрошинскій, помѣшался и вскорѣ умеръ; 1-го смотрителя, знаменитаго Прода-Соколова, разбилъ параличъ послѣ смерти Грачевскаго. 2-ой комендантъ, Добродѣевъ, сошелъ съ ума; 2-ой смотритель, Федоровъ, пилъ горькую, строчилъ доносы на всѣхъ и, въ заключеніе, по ошибкѣ написалъ доносъ на себя и былъ уволенъ въ отставку, но съ большимъ пенсіономъ. 3-ій комендантъ, Кореневъ, добрый, совершенно неудачно попавшій на мѣсто, пробылъ у насъ мѣсяца четыре, или около того, и переведенъ въ Архангельскъ; 3-ій смотритель, Дубровинъ, неглупый, строгій, по тактичный и самостоятельный и 4-ый смотритель, интеллигентный офицеръ Провоторовъ, попавшіе къ намъ въ лучшія времена, не долго пробыли: первый ушелъ потому, что не хотѣлъ служить на этомъ мѣстѣ, а второй ушелъ, по его словамъ, опасаясь помѣшательства. Лучшій комендантъ, Гангартъ—реформаторъ, человекъ умный, деликатный и съ большимъ тактомъ, ладилъ съ нами довольно удачно. При немъ введены были наиболѣе существенныя реформы. Сипягинъ нашелъ его слабымъ, и онъ былъ переведенъ, а вскорѣ вышелъ въ отставку. 5-ый смотритель Гузь и 5-ый комендантъ Обуховъ, при Сипягинѣ были уступчивы и, хотя при нихъ уже сталъ обозначаться поворотъ къ старому режиму, они сначала старались смирить его; но съ назначеніемъ Пизева, они круто повернули курсъ, открывъ кампанію противъ насъ безмысленнымъ, жестокимъ и ничѣмъ не вызваннымъ насиліемъ надъ больнымъ то-

варищемъ, за что младшій изъ нихъ получилъ оскорбленіе дѣйствіемъ, а старшій избѣжалъ того же возмездія потому, что спрятался. Обуховъ былъ уволенъ въ отставку за то, что распустилъ тюрьму; а Гузь тоже, но выпросилъ потомъ себѣ какое-то мѣсто на Кавказѣ. Не ясно ли, что варварская система гоненія была губительна и по меньшей мѣрѣ безвредна для самихъ тюремщиковъ. Тутъ осуществлялось не только длившееся безъ срока возмездіе за содѣянное, по мнѣнію властей, преступленіе, а на заключенныхъ смотрѣли какъ на заложниковъ, которымъ мстила безсилая злоба за всякую свою неудачу.

Разговоры съ начальствомъ были очень непріятны, а для нѣкоторыхъ просто невыносимы, и мирное настроеніе измѣняло рѣзкій тонъ ихъ обычнаго обращенія въ сатирическій или проницательскій. Другіе же, напротивъ, находились, такъ сказать, въ состояніи непрерывнаго единоборства съ ближайшимъ начальствомъ, не пропускавая ни единого случая безъ контрольных разъясненій, заявленій и протестовъ. А между тѣмъ намъ нужны были должностныя лица, которымъ приходилось имѣть ежедневныя дѣловыя объясненія съ тюремной администраціей. Учрежденіе должностей отчасти мотивировалось предположеніемъ, что голосъ старосты или бібліотекаря отъ лица всей общины будетъ имѣть больше вѣса и въ то же время избавитъ товарищей отъ непріятныхъ и тягостныхъ разговоровъ съ тюремщиками. Тѣмъ выше была заслуга тѣхъ товарищей, которые всегда безъ отказа соглашались на служеніе обществу. Одинъ изъ товарищей С. А. Ивановъ былъ почти безсмѣннымъ старостой (отдыхая 6 мѣсяцевъ въ году). На смѣну ему охотно выходилъ М. Р. Поповъ¹⁾, хотя начальству очень не нравились эти наши избранныки. Должность старосты, какъ болѣе сложная, была особенно тягостна потому, что наши личныя сношенія были стѣснены; отсюда вытекало много лишней работы. Наказы, которые можно было, при нормальныхъ условіяхъ, сдѣлать очень скоро и просто на словахъ, приходилось выстукивать въ дверь, или передавать запиской черезъ вахмистра съ неизбежными въ этомъ случаѣ недомолвками, умолчаніями, иносказаніями; а бумажныя сношенія создавали недоразумѣнія. Такъ полицейская бюрократія, своимъ соприсношеніемъ, заражала и насъ бюрократизмомъ. Понятно, что на эти должности соглашались неохотно, и у насъ подымался не разъ вопросъ объ ихъ упраздненіи. Однако, эти должности все же облегчали общинѣ дѣловыя сношенія, да и начальство относилось къ выборному съ большимъ вниманіемъ, зная, что община единодушно и энергично его поддерживаетъ; поэтому эти должности уцѣляли, только служба перестала быть обязательной и обуславливалась согласіемъ избранныхъ.

¹⁾ С. А. Ивановъ и М. Р. Поповъ—оба амнистированы въ 1905 году.

ГЛАВА III.

Мрачные тучи, давившія на тюрьму, не разрѣшались освѣжительнымъ дождемъ при появленіи громовержцевъ: совсѣмъ наоборотъ. Посѣщеніе властей приносило намъ новое безпокойство. Желая показать посѣтителю тюрьму во всемъ блескѣ ея совершенства, ближайшее начальство дѣйствовало такъ, какъ будто бы стыдилось явиться въ глазахъ высокаго гостя слишкомъ либеральнымъ или боялось оскорбить его взоры тѣми маленькими отступленіями отъ инструкціи, которыя у насъ назывались «льготами». Книги притались: оставалась только одна, съ наиболѣе невиннымъ заглавіемъ. Столовый приборъ, перочинные ножи (это все явилось у насъ очень не скоро), инструменты для работы въ камерахъ—отбирались. Замѣчательно, что заплатанное, дырявое, истертое рубище, которое мы носили (куртки, штаны, бѣлье) оставалось какъ бы на показъ.

Сановники были очень вѣжливы, за исключеніемъ генерала Шебеко, который кричалъ, правда, въ коридорѣ, такъ что не многіе его поняли, что насъ «слѣдуетъ бить плетью»..., да генерала Оржевскаго, державшаго себя вѣжливо, но странно. Одинъ изъ товарищей заявилъ ему, что матовыя стекла разстроили наше зрѣніе и если не будутъ замѣнены прозрачными, то мы ослѣпнемъ. На это Оржевскій объявилъ, что замѣна стеколъ зависитъ вполне отъ его воли, и не замѣнилъ эти матовыя стекла; правда, онъ и не общалъ это сдѣлать. Въ тюрьмѣ тогда находился штабсъ-капитанъ М. Ф. Лаговскій, посаженный туда безъ суда, административно, и положеніе котораго отличалось отъ нашего не въ его пользу, хотя мы были осуждены на каторгу, а онъ оставался все же офицеромъ. Присланъ онъ былъ на 5 лѣтъ, и 5 лѣтъ уже прошло. Лаговскій спросилъ Оржевскаго: «Почему меня не увозятъ?» Оржевскій отвѣтилъ:—«Откуда не увозить, а выносить!» Затѣмъ черезъ нѣсколько дней Лаговскому прочитали бумагу изъ департамента полиціи о продолженіи срока его наказанія еще на 5 лѣтъ. Изъ высокопоставленныхъ посѣтителей у насъ бывали аккуратно и ежегодно только начальники корпуса жандармовъ. Директора департамента полиціи Дурново и Зволянскій были по 2 раза; министры Дурново и Горемыкинъ по разу; да еще пріѣзжали изъ деп. полиц. ревизоры, или слѣдователи по разнымъ случаямъ для дознанія. Мы же неизмѣнно и почти безуспѣшно заявляли о книгахъ, журналахъ, газетахъ, свиданіяхъ съ товарищами, мастерскихъ, перепискѣ съ родными, и эти льготы, черезъ годъ по чайной ложкѣ, намъ прописывались, при чемъ насъ всегда предупреждали, что льготы даются на время и могутъ быть отмѣнены по усмотрѣнію безъ всякаго повода съ нашей стороны.

Самое явленіе заключеннымъ высшаго начальства совершалось такимъ образомъ: смотритель открывалъ двери; входили 2 жандармскихъ унтеръ-офицера и становились по сторонамъ и бокомъ къ заключенному. Они не спускали съ него глазъ и на-

ходились въ совершенной готовности схватить его за горло или за руки при малѣйшемъ подозрительномъ движеніи. Затѣмъ входили смотритель и комендантъ и становились между посѣтителемъ и узникомъ. Домашнее начальство видалось съ нами съ тѣми же предосторожностями въ первые годы; потомъ, когда и у насъ наступила эпоха «довѣрія», они входили въ камеру или съ вахмистромъ, или съ однимъ дежурнымъ. Для неважныхъ же объясненій просто откидывалась форточка въ двери. Докторъ безъ смотрителя ни къ здоровымъ ни къ больнымъ не допускался. Одинъ только докторъ Безродновъ настоятельно потребовалъ, чтобы ему не сопутствовали жандармы. Крѣпостной священникъ посѣщалъ насъ сначала также вмѣстѣ съ смотрителемъ; но священникъ скоро прекратилъ свои визиты, такъ какъ мы не понравились другъ другу. Въ первое свое посѣщеніе Юрковскаго, онъ, усмотрѣвъ на столѣ нѣсколько свѣтскихъ книгъ, сталъ ихъ швырять съ пренебреженіемъ: «Зачѣмъ вы читаете это? Читайте библию: книгъ слишкомъ много, всѣхъ не прочтаетесь!» На это послѣдовалъ отвѣтъ: «Да вѣдь и хлѣба много: всего хлѣба не съѣшь, а безъ хлѣба умрешь!»

Жгучій вопросъ о расширеніи нашихъ сношеній нужно было разрѣшить во что бы то ни стало. Прогулка вдвоемъ насъ не удовлетворяла даже тогда, когда мы сходились не по назначенію, а по своему выбору: она походила скорѣе на бракъ по расчету, на принудительную связь, а не на союзъ по склонности. Монологи и діалоги были пріятны до поры до времени; а жажда болѣе широкаго обращенія у тюремнаго обитателя такая естественная потребность, которую не искоренить никакое гоненіе. Долго и напрасно мы просили о прогулкѣ втроемъ. Начальство признало всю силу нашихъ доводовъ, но категорически отказалось подымать этотъ бесполезный вопросъ, считая наше желаніе утопичнымъ; и всѣ дальнѣйшіе переговоры и попытки показали, что департаментъ полиціи въ этомъ пунктѣ, на основаніи неизвѣстныхъ соображеній, не сдѣлаетъ послабленія. Долго такъ мы томились и, наконецъ, обходными путями нашъ выходъ. Заборы, раздѣлявшіе кѣтки и огороды, упирались въ крѣпостную стѣну и мѣсто встрѣчи забора со стѣной было забито вертикально поставленной доской. Одинъ изъ товарищей сообразилъ, что такое положеніе доски указываетъ на щель въ этомъ мѣстѣ. Исслѣдованіе подтвердило догадку. Эти доски были оторваны съ помощью заступовъ и колыевъ. Конечно, вышелъ большой переполохъ. Доски опять были прибиты въ наше отсутствіе на мѣсто; но ихъ снова оторвали и такъ намъ удавалось черезъ щелку въ вершокъ ширины отчасти видѣться и переговариваться съ сосѣдними парами. Но такая игра не стоила свѣчь: слишкомъ мало было видно и не особенно удобно было говорить. Однако, мы попали на вѣрную дорогу и мысль продолжала работать въ этомъ же на-
пра-

вленіи. Наша тюремная общественная жизнь на каждом шагу подтверждала социологические взгляды Тарда на исключительное значение факторов: изобрѣтенія и подражанія. Усложненіе нашей общественности обозначалось всегда такъ: являлся изобрѣтатель, который впрочемъ не всегда былъ вожакомъ: изобрѣтателями были часто болѣе пылкіе и даже импульсивные люди, а даровитые являлись подражателями, и это можетъ быть зависѣло оттого, что наши изобрѣтенія имѣли чисто практическій характеръ. Исполнительное же приспособленіе было дѣломъ наиболѣе даровитыхъ, подхватывавшихъ и разрабатывавшихъ сырую идею изобрѣтателя.

И тутъ не было «безсознательнаго и мимовольнаго подражанія» (Н. К. Михайловскій). Затѣмъ уже наступало повальное подражаніе, въ данномъ случаѣ принявшее форму объединеннаго дѣйствія. Въ другихъ случаяхъ, о которыхъ будетъ сказано, подражаніе принимало характеръ «психическаго зараженія» (Михайловскій) и объяснялось, можетъ быть, нашей психической разстроенностью. Въ данномъ же случаѣ было такъ: одна и та же мысль заботила всѣхъ. Однажды, Богъ вѣсть по какому наитію, одинъ изъ товарищей бросился изъ огорода въ мастерскую и возвратился оттуда съ коловоротомъ и ножовкой (ручная маленькая пила). Въ нѣсколькихъ словахъ онъ объяснилъ своему партнеру что нужно дѣлать. Одинъ вертѣлъ коловоротомъ сквозныя дырки въ заборѣ, другой пропиливалъ ножовкой доску между дырками. Они выбрали такое время, когда дежурный жандармъ начиналъ прохаживаться, и въ заборѣ очень скоро была продѣлана форточка въ сосѣдній огородъ приблизительно въ 6 вершковъ по обѣимъ измѣреніямъ, и сосѣднія пары обмѣнялись рукопожатіемъ. Тогда только набѣжали жандармы во главѣ со смотрителемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вездѣ распространилась вѣсть о томъ, что между двумя огородами NN «прорубилъ окно» и въ ту минуту, когда тамъ происходило разбирательство и препирательство, другіе бѣжали въ мастерскія, и по всей линіи закипѣла работа. Когда стали разводить по камерамъ такихъ форточекъ оказалось уже нѣсколько. На другой день эти форточки были заколочены; но отломать доски, ихъ закрывавшія, было очень не трудно. Однако, такіе про и contra продолжались не долго и форточки были завоеваны. Въ каждой тюрьмѣ порядокъ нарушается неизбежно, но также неизбежно онъ восстанавливается. Но то, что теперь случилось, можно назвать потрясеніемъ основъ тюрьмы: это было завоеваніемъ новаго права. Какъ же объяснить такую уступчивость властей? Командантъ своей властію не могъ узаконить такой переворотъ. Очевидно, онъ настойчиво ходатайствовалъ за насъ потому, что были на лицо слишкомъ уважительныя причины. Въ тюрьмѣ только что приостановилась повальная смертность; но ни одинъ пророкъ не могъ бы предсказать, что будетъ далѣе. Чахотка и чума перестали косить, но гибель приняла болѣе ужасную форму—форму помѣшательства. Помѣшанные жили съ нами, превращая наше

обиталище въ преисподнюю. Глядя на сумасшедшихъ, здоровые видѣли воочію свою страшную судьбу и оцѣнили вполне, какой это коварный даръ: безсрочное пребываніе въ тюрьмѣ взамѣнъ смертной казни. Въ такомъ положеніи добровольная смерть будетъ лучшимъ выходомъ. Какія же мѣры могло принять начальство для восстановленія порядка? Отобрать инструменты? Закрыть мастерскія? Но мы могли бы по образу и подобию пещерныхъ людей дѣйствовать и первобытными способами, безъ коловорота и ножовки. Мы стали бы, наконецъ, прыгать другъ къ другу черезъ заборъ. Слѣдовательно, нужно было запереть насъ всѣхъ въ камерахъ и лишить прогулки навсегда, другими словами, уморить; а на это власти не рѣшались и предложили намъ компромиссъ: насъ просили сдѣлать къ форточкамъ подвижныя занавѣски изъ доски, чтобы эти четырехугольныя отверстія не зияли въ наше отсутствіе, и просили не пользоваться форточками при высокихъ посѣтителяхъ.

Другая сторона нашей дѣятельности, т.-е. наши занятія, развлеченія и увлеченія, тоже складывалась своеобразно. Иначе и быть не могло, такъ какъ наша жизнь протекала при необычайныхъ обстоятельствахъ. Въ этихъ именно случаяхъ очевидное сказалося «безсознательное подражаніе», которое и объясняется отчасти бѣдностью и безсодержательностью существованія, а отчасти нервной разстроенностью. Можетъ быть, случайное обстоятельство или особенное настроеніе натолкнуло изобрѣтателя на его затѣю; но стоило ему сдѣлать первый шагъ, или показать примѣръ, какъ начиналось повальное увлеченіе, и такое увлеченіе продолжалось иногда очень долго, а потомъ неожиданно смѣнялось новымъ увлеченіемъ, которому предавались съ не меньшей страстностью.

Посторонній наблюдатель не предсказалъ бы, какой видъ приметъ наше новое увлеченіе: но ему было бы виднѣе со стороны, что этотъ жаръ, съ которымъ предавались люди модному занятію или развлеченію—жаръ напускной, искусственный; что эти люди себя обманываютъ для того, чтобы забыться или чтобы наполнить чѣмъ-нибудь свое существованіе. Рано или поздно охлажденіе къ излюбленному занятію наступало; но при этомъ происходилъ интересный отборъ. Одни отставали безповоротно, другіе же оставались при этихъ занятіяхъ до конца, такъ какъ они отвѣчали ихъ дѣйствительной, а не фиктивной склонности, т.-е. они находили свое любимое занятіе.

Шахматное повѣтріе одолѣло насъ въ самую глухую пору, когда не было порядочныхъ книгъ; мастерскія и огороды только проектировались, а прогулки были коротенькія. До сихъ поръ никто, за исключеніемъ Будинскаго ¹⁾ и Шебалина, не зналъ этой игры и ни мало не интересовался ею. И вотъ Будинскій и Шебалинъ объяснили черезъ стѣнку своимъ сосѣдямъ правила игры, а вскорѣ повсюду открылись шахматные турниры. Трудъ обученія черезъ стѣнку былъ, конечно, нешуточный; но этому не слѣдуетъ

¹⁾ Умеръ въ Шлиссельбургѣ.

удивляться! и самыя маленькія задачи въ тюрьмѣ не легко поддаются разрѣшенію. И можетъ быть упорная энергія, для достиженія какой бы то ни было цѣли, оживляла насъ и спасала отъ гибели. М. П. Шебалинъ, математикъ и отличный преподаватель, прочиталъ въ оконную форточку своему сосѣду, рабочему К. Ф. Мартынову, курсъ геометріи, при чемъ онъ какъ стрижъ цѣплялся за оконную стѣнку, стоя на крутомъ подоконникѣ, а пальцами изображалъ чертежи. Шахматныя фигуры лѣпили изъ хлѣба, доску чертили на столѣ, или на бумагѣ; и по всей тюрьмѣ раздавался стукъ въ такомъ родѣ: е 2 на е 4., в 1 на е 3 и т. д. Когда открылись мастерскія, у всѣхъ явились точеныя фигуры и шахматныя доски, а когда стали давать въ переплетъ «Литературное прибавленіе» къ Нивѣ за истекшій годъ, то стали рѣшать задачи и слѣдить за партіями знаменитыхъ игроковъ и выписали Руководство къ шахматной игрѣ. Затѣмъ, мало-по-малу игра эта потеряла свою привлекательность для большинства. Зато два товарища сдѣлались записными игроками и состязались, вѣроятно, до своего выпуска. Когда я уѣзжалъ, они сыграли уже другъ съ другомъ болѣе 10 тысячъ партій.

Однако, шахматное наважденіе оставляло достаточно простора и для другихъ увлеченій, напр.: для увлеченія стихотворствомъ. Первое стихотвореніе, если не ошибаюсь, было опубликовано Юріемъ Богдановичемъ, а затѣмъ каждый день приносилъ новое стихотвореніе и новаго поэта, пока вся тюрьма не превратилась въ Парнасъ, на который не по своей волѣ попалъ и авторъ этихъ записокъ, у котораго не оказалось ни малѣйшей способности не только къ поэтическому творчеству, но даже и къ версификаціи. Однажды появились въ свѣтъ, совершенно для меня неожиданно, стихотворенія за моей подписью. Оказалось, что мой сосѣдъ Г. А. Лопатинъ писалъ à la Чаттертонъ поддѣльныя стихотворенія. Больше всего у насъ процвѣтала лирика и, въ этомъ родѣ, по общему признанію, встрѣчалось нѣсколько дѣйствительно поэтическихъ стихотвореній В. Н. Фигнеръ, Н. А. Морозова и П. С. Поливанова¹⁾. Писали элегіи, думы, пѣсни, посланія, эпиграммы, поэмы и даже большіе романы въ стихахъ. Въ 900-хъ годахъ, когда опять начались притѣсненія, я разбиралъ съ М. Ф. Фроленко его бумаги, предназначенныя имъ къ истребленію, и нашелъ тамъ прекрасное стихотвореніе и по своей музыкальной формѣ, и по силѣ просто и трогательно выраженнаго чувства. Фроленко, по своей феноменальной скромности, не рѣшался его показать товарищамъ. Онъ остался вѣренъ себѣ и въ этомъ случаѣ: дѣлать молча больше другихъ—такимъ онъ былъ всегда: молчалъ и работалъ за десятерыхъ. Стихотворная горячка, однако, тянулася не долго. Публика отъ поэзіи перешла къ прозаическому творчеству, и остался только одинъ пѣ-

¹⁾ Богдановичъ умеръ въ Шлиссельбургѣ; Г. А. Лопатинъ и Н. А. Морозовъ амнистированы въ 1905 г., В. Н. Фигнеръ вышелъ изъ Шлиссельбурга осенью 1904 года, П. С. Поливановъ былъ сосланъ на поселеніе въ Сибирь, откуда бѣжалъ, и въ 1905 году застрѣлился за границей. —Ред.

вецъ, котораго можно назвать нашимъ лауреатомъ, хотя онъ и писалъ въ особомъ родѣ. Г. А. Лопатинъ отзывался на каждое малое и большое событіе въ нашемъ мірѣ эпиграммой или сатирой, такъ что по его поэтической лѣтописи можно было бы возстановить всю нашу жизнь. Всегда блестящія и остроумныя, его стихотворенія напоминали нѣсколько стиховъ Гейне. Они бывали часто очень злы и бичъ его сатиры хлесталъ немилосердно и по своимъ и по чужимъ. Наши прозаическія писанія были очень разнообразны. Въ нихъ мы нашли разумное и любимое дѣло, которое отвѣчало настоятельной потребности въ осмысленномъ трудѣ, въ обмѣлѣ мыслями и свободномъ выраженіи убѣжденія. Каждый изъ заключенныхъ задумывалъ вести дневникъ, но это, къ сожалѣнію, было невозможно, такъ какъ насъ тщательно обыскивали приблизительно до 96 года, да и потомъ шарили въ бумагахъ; а изливать свою душу на глазахъ у гонителей мы не хотѣли. Дневники показали бы живую картину трагической жизни, въ которой погибло такъ много персонажей, или, по меньшей мѣрѣ, дали бы фотографическіе снимки съ этой жизни. Настоящіе записки есть только блѣдная схема, лишенная яркости, живости и патетизма. Но если каждый изъ освобожденныхъ напишетъ свои записки о тюрьмѣ, то нашъ коллективный трудъ дастъ, можетъ быть, нѣчто значительное¹⁾.

Съ самаго начала мы занимались много переводами и для практики, и для того, чтобы познакомить товарищей, не читавшихъ на иностранныхъ языкахъ, съ интересными книгами или статьями. Въ концѣ концовъ мы почти всѣ стали читать свободно на двухъ или трехъ иностранныхъ языкахъ, а нѣкоторые кромѣ того изучали, напр.: Вѣра Николаевна Фигнеръ еще итальянскій; Поливановъ—итальянскій, испанскій и польскій; а Лопатинъ—латинскій и греческій. Очень хорошіе переводы на прекрасный русскій языкъ, съ нѣмецкаго и англійскаго, сдѣланы Вѣрой Николаевной. Она отлично переводила труднѣйшіе остъ-индскіе рассказы Киплинга. Послѣднимъ ея трудомъ въ тюрьмѣ былъ переводъ романа Киплинга «Кимъ». Сочиненіе Маудсли «The Will and Body» было переведено дважды—Похионовымъ и Шебалинымъ, и кромѣ того эта книга была переведена въ сокращенномъ изложеніи. Затѣмъ переведены три тома исторіи Англи Маколея, 1-ый томъ романа Текерея «The vanity fair» и три драматическихъ хроники Шекспира: Генрихъ IV и Генрихъ V. Послѣдніе три автора далѣе не переводились, такъ какъ мы получили полное собраніе ихъ сочиненій на русскомъ языкѣ. Съ французскаго переведена Панкратовымъ книга Тэна «Происхожденіе современной Франціи». Поливановъ перевелъ нѣсколько стихотвореній своего любимаго поэта Аккермана. Затѣмъ переводились интересныя статьи изъ журналовъ: Review of Reviews и Times Weekly. Наша оригинальная прозаическая литература была довольно обширна: было написано нѣсколько романовъ. Въ неоконченномъ романѣ Юрков-

¹⁾ Редакція „Былого“ горячо присоединяется къ этимъ словамъ глубокаго уважаемаго Михаила Юльевича.

скаго изображены картинно и увлекательно сцены из жизни революционеров; его рассказы о побѣтѣ изъ Карійской тюрьмы очень интересны. Романы изъ фабричнаго міра другого очень наблюдательнаго автора правдиво рисуютъ типы и черты рабочей жизни. Несомнѣнно талантливыми, хотя и очень неплодовитыми беллетристами, по моему мнѣнію, были В. Н. Фигнеръ, Поливановъ (рассказъ «Какъ кончился») и С. А. Ивановъ. В. Н. Фигнеръ писала прелестныя сказочки и поэтическія воспоминанія изъ своей ранней жизни; С. А. Ивановъ талантливо изображалъ жизнь политическихъ ссыльныхъ въ Западной Сибири и на сѣверѣ Россіи, а бѣгство отсюда ссыльнаго и его мытарства, пока бѣглець не нашелъ успокоеніе и пристанище въ нелегальномъ кружкѣ, описаны были съ немалымъ юморомъ. О беллетристикѣ другихъ авторовъ я писать не стану, потому что говорю о томъ, что мнѣ кажется выдающимся и наиболее характернымъ. Упомяну только объ остроумныхъ фантазіяхъ Н. А. Морозова, написанныхъ для популяризаціи нѣкоторыхъ естественно-научныхъ положеній. Своимъ остроуміемъ и наглядностью онъ напоминаетъ нѣсколько тѣ страницы Дюринга, гдѣ онъ говоритъ объ абсолютномъ различіи между понятіями о безконечномъ и безконечномъ¹⁾. Кроме того писали очень зазорные и бойкіе памфлеты о представительномъ правленіи, о правахъ меньшинства и большинства, о пропорціональномъ представительствѣ. Писались рефераты, монографіи и трактаты объ общинѣ, капитализмѣ, народничествѣ, о марксизмѣ. Здѣсь составлялся главнымъ образомъ Н. П. Стародворскій на одной сторонѣ и І. Д. Лукашевичъ на другой. Почти всѣ дѣлали выписки, извлечения, компіляціи изъ книгъ, а Морозовъ и Лукашевичъ написали обширныя изслѣдованія: первый «о строеніи вещества», а второй создалъ цѣлую систему философіи. Подъ философій онъ разумѣлъ не теорію самой науки, не теорію познанія, а общій сводъ частныхъ научныхъ обобщеній, т. е. энциклопедію знанія. Введеніемъ въ систему служить ученіе объ абсолютныхъ единицахъ. Затѣмъ слѣдовало изложеніе данныхъ и обобщеній физики, химіи, минералогіи, геологіи, біологіи, психологіи, какъ отдѣла біологіи, социологіи и послѣдніе выводы. Социологія и послѣдніе выводы были еще не окончены. Интересны его психологическія воззрѣнія. Рѣшительно отрицавъ психофизическій параллелизмъ, онъ говоритъ, однако, о функциональныхъ отношеніяхъ между явленіями сознанія и протяженными. Явленія сознанія онъ называетъ «психической энергіей», которая является въ организованныхъ тѣлахъ, какъ новая форма превращенной физической энергіи, причѣмъ, конечно, превращеніе одной формы въ другую совершается на основаніи эквивалентности. Разъясненія и возраженія на подобныя теоріи Паульсона и Вундта онъ не признаетъ доказательными и считаетъ ихъ метафизиками. Я слушалъ лекціи Лукашевича: онъ блестящій лекторъ съ очень большими знаніями и

¹⁾ Прыжокъ въ бездну при переходѣ отъ понятія количественнаго къ качественному.

владѣющій даромъ прекраснаго, яснаго и точнаго изложенія. Его лекціи возбуждали (т. е. только психологія, теорія познанія и социологія) большія состязанія. Многоотное изслѣдованіе Морозова «О строеніи вещества» не совсѣмъ доступно неспеціалисту: слишкомъ много тамъ математики. Зная его способность популяризовать самыя запутанныя вопросы, мы, профаны, просили его изложить для насъ свою книгу въ болѣе доступной формѣ, и онъ мастерски справился съ такой нелегкой задачей. Судьба его сочиненія такова: онъ просилъ одного изъ высокопоставленныхъ почитателей передать на разсмотрѣніе свою книгу проф. Менделѣву. Разрѣшеніе долго не выходило; наконецъ, послѣ неоднократныхъ его заявленій, ему разрѣшили отдать свое сочиненіе на разсмотрѣніе не Менделѣву, а проф. Коновалову. Коноваловъ возвратилъ рукопись съ весьма лестной рецензіей. Онъ признавалъ за авторомъ большую эрудицію, большое остроуміе, но нашелъ, что гипотезы Морозова при настоящемъ состояніи знанія не всегда допускаютъ экспериментальную повѣрку. Послѣ этого Морозовъ просилъ объ отсылкѣ своей книги къ матеріи для напечатанія, но въ этомъ ему отказали наотрѣзъ.

Журналы, или, лучше сказать, періодически выпускаемые сборники разнообразныхъ статей у насъ не принялись. Въ первомъ сборникѣ «Винигреть» съ иллюстраціями и карикатурами, поставленными Лукашевичемъ, участвовало большинство. Ежемѣсячную хронику составлялъ Лопатинъ. Другая, меньшая группа выпускала журналъ «Разсвѣтъ» подъ редакціей Лаговскаго. «Винигреть» и «Разсвѣтъ» немедленно вступили въ ожесточенную полемику. Опытный и ядовитый полемистъ «Винигрета» слишкомъ допекалъ противниковъ своими сарказмами, а другой сотрудникъ злыми карикатурами. Противная сторона, люди боевые, отвѣчали рѣзкостями. Нѣкоторая часть сотрудниковъ «Винигрета», считая такое положеніе нежелательнымъ, вышла изъ состава редакціи и стала выпускать третій журналъ «Паутика» — сборникъ безъ полемики. Вскорѣ всѣ три журнала прекратили свое существованіе.

Рядомъ съ занятіемъ поэзіей и писательствомъ многіе увлекались прирученіемъ птицъ, сначала голубей и воробьевъ, потомъ ласточекъ и даже синичекъ. Это увлеченіе явилось прямо такъ съ вѣтру, или со двора. Поливановъ сначала кормилъ птицъ на дворѣ; потомъ надумалъ заманить ихъ черезъ форточку въ камеру и это удалось, но голуби были довърчивѣе воробьевъ. Въ камерахъ, выше дверей были двѣ огдушины, которыя почему-то назывались вентиляторами; тамъ голуби и стали плодиться. Родоначальникомъ обширной стаи былъ общій любимецъ «Жарь», который вскорѣ послѣ отбѣзда Поливанова умеръ въ глубокой старости. Глядя на Поливанова стали подражать и другіе; но скоро это стало невыносимо: во всѣ открытыя форточки налетали незваные голуби и располагались въ камерахъ какъ дома: пришлось поставить передъ форточкой сѣтку. Такъ и окончилась эта затѣя, только Поливановъ

разводил голубей до своего отъезда, да еще одинъ товарищъ подбиралъ выброшенныхъ бурей изъ гнѣзда молодыхъ ласточекъ и выкармливалъ ихъ насѣкомыми до осенняго отлета.

Любовь къ цвѣтамъ была какая-то неровная, порывистая: то исчезала, то являлась. Глазъ, утомленный мрачнымъ фономъ нашей жизни, на которомъ мелькали сѣрыя шинели да синіе мундиры, отдыхалъ въ яркихъ и душистыхъ цвѣтникахъ. Цвѣтники были у всѣхъ. Тамъ были розы, душистый горошекъ, ландышъ, сирень, воздушный жасминъ, незабудки и многія однолѣтнія и многолѣтнія растенія. Полюбились намъ никтеринія, а такъ какъ она благоухаетъ по вечерамъ, то мы сажали ее въ горшки и брали вечеромъ съ собою въ камеру. Настоящими же цвѣтоводами были С. А. Ивановъ и особенно І. Д. Лукашевичъ. У С. А. Иванова клумбы были всегда красивы: когда одни цвѣты отцвѣтали, другіе распускались: фіалки, превосходный левкой, душистая вербена, красивая цинія и пышный ароматный плющъ; а потомъ флоксы многолѣтній, роскошныя астры, дельфиніумъ, шпажникъ и барская спесь. Лукашевичъ превратилъ весь свой огородъ въ цвѣтникъ. Онъ разводилъ луковичныя и оранжерейныя растенія, для чего устроилъ двѣ теплички. Кромѣ гіацинтовъ, лакъ-фіола, нарцисовъ, лилій, тюльпановъ, присовъ у него бывали: бегонія, азалея, китайская роза, глоссинія, пеларгоніумъ и много рѣдкихъ цвѣтовъ. Цвѣтовъ было такъ много у насъ, что въ наши праздники вся клѣтка, гдѣ гуляли В. Н. Фигнеръ и Л. А. Волкенштейнъ была украшена вѣнками, гирляндами и букетами, а ихъ камеры утопали въ цвѣтахъ. Оригинальная пестрая цвѣточная грядка была у Поливанова; онъ посѣялъ густо только одинъ махровый макъ. Въ каждомъ огородѣ и клѣткѣ были бесѣдки, по которымъ вились хмѣль, или вьюнокъ, или ипомея.

Огородное дѣло не только укрѣпилось, но и постоянно совершенствовалось отчасти потому, что у насъ были опытные руководители: бывший петровецъ М. Ф. Фроленко и М. Р. Поповъ, которые огородничали съ великимъ увлеченіемъ, отчасти потому, что огородничество, поставленное на большую ногу, требовало общаго труда, а также потому, что приносило намъ видимую пользу, улучшая наше питаніе и внося въ него такую зелень, которая была нужна для страдавшихъ цынгою. Когда у насъ завелись парники, еще зимою начиналась подготовительная работа въ мастерскихъ: дѣлались вновь или ремонтировались подрамники и рамы, шиты для закрыванія парниковъ, вязались соломенные маты. Осенью занимались посадкой молодыхъ ягодныхъ кустовъ и выкорчевываніемъ старыхъ, посадкой фруктовыхъ деревьевъ, для чего рыли глубокія ямы. Земля съ грядокъ сбрасывалась въ одну кучу и простивалась, для чего мы сдѣлали нѣсколько грохотовъ. На мѣстѣ бывшей грядки копали глубокія, иногда аршина въ $1\frac{1}{2}$, ямы до подпочвы и выно-

сили на носилкахъ камни и плитнякъ; затѣмъ переносили изъ парниковъ перегной и смѣшивали его съ огородной землей. Въ началѣ весны таскали на носилкахъ навозъ въ парники и въ ямы для будущихъ грядокъ. Отъ такой работы упарился, и по возвращеніи въ камеру приходилось мѣнять рубашку, у кого былъ второй экземпляръ; а у кого не было, тотъ надѣвалъ вмѣсто мокрой рубашки лѣтнюю холщевую куртку. Когда у насъ явилось много парниковъ, то приходилось помогать огороднику снимать рамы и накрывать парники, а также поливать. Огороды давали намъ достаточно всякихъ овощей. Брюкву и колыраби мы пекли или варили и ѣли съ постнымъ масломъ. Рѣдкую, лукъ, салатъ ѣли все лѣто. Лукъ, чесноку, огурцовъ хватало до новаго года въ урожайные годы. Огурцы солили. Рѣдкую ѣли зимою въ тертомъ видѣ съ постнымъ масломъ. Лукъ-порей фаршировался въ осенній нашъ праздникъ. Цвѣтную капусту получалъ каждый раза 4 въ лѣто. Свеклу мариновали. Зеленый укропъ сушили на солнцѣ и сохраняли въ видѣ порошка. Въ удачные годы парники давали много помидоровъ, такъ что раза 2, 3 въ недѣлю одинъ товарищъ по очереди варилъ въ кухнѣ при мастерскихъ изъ помидоръ съ постнымъ масломъ и стручковымъ перцемъ соусъ. Этотъ соусъ примѣшивался къ шамъ и кашамъ. Выращивали еще немного картофелю и кочанной капусты. С. А. Ивановъ и М. Р. Поповъ выращивали еще 2, 3 дыни и 2, 3 тыквы. С. А. Ивановъ пробовалъ разводить японскіе огурцы, жидовскую вишню, алданскій (якутскій) виноградъ, шампиньоны и кукурузу. Онъ и Фроленко кормили всю братію отличной клубникой (Лакстонъ, Кохъ). Малины, смородины было очень много, крыжовнику мало. Яблони долго ничего не давали. Потомъ даже въ лучшіе годы вѣтеръ обивалъ цвѣтъ и сбивалъ плоды; вырѣвала иногда боровника настолько, что можно было ѣсть; антоновка, апортъ и др. не дозрѣвали и мы ѣли ихъ въ печеномъ видѣ, или въ пирогахъ.

Послѣ смерти Грачевскаго ¹⁾, керосиновыя лампы, освѣщавшія камеры вставлялись въ кольцо, на нихъ накладывалось нѣчто въ родѣ намордника, который вахмистръ затворялъ замкомъ; на лампы были наложены оковы. На стекло лампы мы надѣвали легкій таганчикъ изъ жести, на который можно было поставить эмалированную кружку и даже небольшой эмалированный чайникъ. Такъ мы варили варенье изъ клюквы и дѣлали конфеты изъ молока съ сахаромъ. При полковникѣ Гангартъ купили три небольшія керосиновыя печи въ сапожную, столярную и переплетную мастерскія для варенья клея, приготоуленья клейстера и т. д. Эти керосинки не возбранялось уносить когда это было нужно, въ камеры. Мы подѣлали себѣ жестяныя сковородки, формочки и духовыя печи. Нашъ духовой шкафъ видомъ и размѣрами былъ похожъ на гарнецъ. Такой шкафъ ставился на керосинку, въ него вкладывалась фор-

¹⁾ Грачевскій покончилъ съ собою въ Шлиссельбургѣ посредствомъ самосожженія, облившись для этого керосиномъ. Ред.

мочка, наполненная тѣстомъ на взбитыхъ бѣлкахъ и желткахъ съ сахаромъ. Все это покрывалось крышкой, и въ $\frac{1}{4}$ часа маленькій тортикъ былъ готовъ. Нѣсколько такихъ тортиковъ, поставленныхъ одинъ на другой, переложенныхъ клюквеннымъ вареньемъ посылали имениннику. Именинникъ получавшій со всѣхъ сторонъ такіа подношенія, дѣлилъ ихъ и разсылалъ, такъ что и въ пиршествѣ принимали равное участіе всѣ. Такъ зародилось пирожное и кондитерское искусство; но оно получило широкое развитіе впоследствии, когда для насъ открыта была кухня съ плитой и настоящимъ духовымъ шкафомъ при мастерскихъ въ старой тюрьмѣ. Варенье изъ своихъ ягодъ варили на плитѣ въ эмалированной посудѣ. Въ духовомъ шкафу выпекались разнообразныя большіе торты, пирожныя, пряники, пироги, сдобныя и простыя булки, калачи, баранки, а на Пасху куличи. Въ масленицу пеклись блины. Настоящими кондитерами и булочниками были С. А. Ивановъ и П. Л. Антоновъ. Не обходимый для тортовъ матеріалъ получался такъ: мука для тортовъ часто замѣнялась толчеными сухарями изъ бѣлаго хлѣба; молоко оставалось отъ обѣда; масло давали къ кашѣ и селедкѣ и его можно было накопить, а пара сырыхъ яицъ выдавалась, по желанію, взамѣнъ ужина. Корицу, гвоздику, миндаль, какао, ваниль можно было получить вѣсего чаю.

ГЛАВА IV.

Цвѣты, птицы, шахматы, торты, огороды въ сущности намъ не были нужны. Намъ нужна была свобода; мы боролись за поправное человѣческое достоинство, за разумную жизнь, за естественныя права. Конечно огороды были полезны намъ; но они были не менѣе полезны нашему начальству. Начальство дѣлало изъ нихъ эффектную смотровую выставку. Вельможамъ, посѣщавшимъ тюрьму, показывали наши цвѣтники, парники, столярныя издѣлія, музей, когда онъ былъ устроенъ. Посѣтители любовались и благодарили коменданта. Намъ хотѣли изолировать, чтобы молодая Россія забыла наши имена; хотѣли нашего безшумнаго удаленія со сцены; но мы удалялись изъ жизни и удалялись со скандальной быстротой и оглаской. Эти люди, читавшіе вѣчно въ сердцахъ, не знали вовсе психологіи заключеннаго. Сначала они хотѣли насъ сломить; но насъ можно было убить, а не согнуть. Тогда они задумали довести насъ до покорности и смиренія ласкою, т.-е. задумали купить нашу душу за двугривенный; самъ дьяволъ цѣнилъ человѣческую душу несравненно дороже: онъ платилъ за нее всемогуществомъ. Когда уже рѣшено было реформировать тюремные порядки, лучший и разумный комендантъ говорилъ, что «дѣлать намъ облегченія нужно съ большой осторожностью потому, что если намъ протанутъ палецъ, то мы сидимъ на шею!» Тутъ какъ бы сказывалась общая тенденція нашей внутренней политики: одной рукой насаждать, а другой искоренять. И дѣйствительно, каждый новый комендантъ

считалъ своимъ долгомъ выдумать какое нибудь новое стѣсненіе. Даже въ либеральныя времена насъ лишили $\frac{1}{2}$ кубической сажени воздуха въ камерахъ: углы камеры, прилежащія къ двери, положили такъ, что четырехугольная маленькая камера стала шестиугольной. При объясненіяхъ съ комендантомъ оказалось, что это сдѣлано для нашей пользы: «Видите ли въ чемъ дѣло? Когда вы заходите въ эти углы, дежурные теряютъ васъ изъ вида, а потому беспокоятся, нервничаютъ и васъ же раздражаютъ!» Затѣмъ наши ватерклозеты, для того чтобы дежурные не нервничали, вынесли чуть ли не на середину камеры, такъ что куда ни пойдешь, ватерклозетъ оказывался на носу. Такъ какъ большихъ облегченій намъ сдѣлать не хотѣли, или не могли, то принята была по истинѣ адская система: давали льготу, потомъ начинались стѣсненія, отмѣнявшія эту льготу, а затѣмъ она же намъ даровалась послѣ какого-нибудь высокочественнаго дня какъ новая льгота. Такимъ образомъ единая льгота размножалась, какъ неразбѣнный рубль; а намъ приходилось испытывать муки танта и раздраженіе, дохотившее до бѣшенства. «Видите ли, объяснялъ одинъ смотритель, мы хотимъ довести нашу систему до идеальнаго совершенства!» Слѣдовательно они такъ дѣйствовали не случайно, а по расчету. Затѣмъ, давая льготы, начальство не предусматривало тѣхъ послѣдствій, которыя необходимо вытекали изъ нихъ. Эти послѣдствія были тѣсно связаны съ самими льготами, а для начальства они являлись по видимому неожиданнымъ сюрпризомъ, который приходилось признать или не признавать.

Непризнание лишало льготу всякаго смысла и значенія, превращая ее въ звукъ пустой; слѣдовательно признаніе всѣхъ послѣдствій льготы было неизбежно. Начальство же томительно его оттягивало, какъ бы дразнило насъ, наводило на мысли о томъ, что насъ обманываютъ, насъ нами издѣваются, что насъ хотятъ извести мелочами. А при этомъ насъ увѣряли, что льготы страшно усложняютъ трудъ наблюденія и всю службу надзирателей, что они обилиемъ съ ногъ, что приходится ходатайствовать объ увеличеніи состава надзирателей—все это было неосновательно потому, что теперь составъ надзирателей оставался тотъ же, а насъ стало вдвое менѣе, слѣдовательно служба жандармовъ стала легче. Немного ниже я покажу по сколько человѣкъ стражи приходилось на каждаго изъ насъ; теперь же сдѣлаю нѣкоторыя объясненія къ предъдущему. Намъ разрѣшили пользоваться въ камерахъ 3-мя керосинками для варки клея и клейстера, потому что ажурныя работы производились въ камерахъ и тамъ же склеивались. Керосинки также допускались въ переплетныхъ и другихъ мастерскихъ, находившихся въ жилой тюрьмѣ, гдѣ не было кухни. Изъ этого вышло кондитерское и пирожное производство—осложненіе, на которое не рассчитывало начальство. Въ старой тюрьмѣ было 10 камеръ и кухня съ плитой. Клей разогрѣвался въ кухнѣ. Одну камеру занималъ унтеръ-офицеръ завѣдующій мастерскими, другая была слишкомъ сыра и мы изъ нея сдѣлали кладовую для овощей на

зиму и для наших соленій, вареній и т. д. Изъ 8 мастерскихъ, двѣ камеры, № 1 и № 10, выходили на дворъ съ парниками и цвѣтниками, и туда чаще заглядывало солнце, поэтому мы отвели эти мастерскія для В. Н. Фигнеръ и Л. А. Волкенштейнъ. Въ остальныхъ 6-ти мастерскихъ, обращенныхъ въ другую сторону, гдѣ солнца никогда не бывало (окна выходили на дворъ при тюрьмѣ Іоанна Антоновича), было 5 столярныхъ и 1 токарня. Такъ какъ столяровъ было больше, чѣмъ столяренъ, то приходилось въ старой тюрьмѣ на одну столярню по 2 хозяина. Каждый изъ нихъ сдѣлалъ себѣ верстакъ. Камеры были очень малы и тамъ трудно было повертнуться. Изъ этого выходило, что много необходимыхъ для работы предметовъ пришлось держать внѣ камеры, не говоря уже о томъ, что зѣвъ для работы можно было сложить только въ коридорѣ передъ мастерскими. Тамъ же помѣщалось и точило для точенія топоровъ, рѣзцовъ, стамесокъ и пр. Кругляки для токарной работы тоже невозможно было держать въ рабочей камерѣ, а возлы для большой пилы стояли внѣ тюрьмы на дворѣ. Какъ только начиналась работа (отъ 10 до 3-хъ час.), дежурному поминутно приходилось открывать камеры: одному нужно было выбрать себѣ доску и отпилить кусокъ ея; другому выбрать круглякъ и распилить его на части на козлахъ; третьему нуженъ былъ клей, или тиски для склеиванія досокъ (тиски лежали около кухни); четвертому нужно было заточить топоръ или другой инструментъ, и т. д. И такъ этотъ круговоротъ совершался непрерывно въ теченіе 5 часовъ. Такой порядокъ дѣйствительно былъ неудобенъ для жандармовъ, и кончилось тѣмъ, что насъ перестали запирали въ мастерскихъ, предоставивъ каждому выходить куда ему нужно по дѣламъ. И установился такой порядокъ: офицеры и дежурные наблюдали только затѣмъ, чтобы не находилось одновременно болѣе 2-хъ человекъ въ коридорѣ, 2-хъ въ кухнѣ и 2-хъ на дворѣ; да еще чтобы наши дамы не встрѣчались съ нами ни въ коридорѣ, ни на дворѣ, ни въ кухнѣ. Зато въ мастерскихъ у дамъ была всегда открыта форточка и около нея, по приглашенію В. Н. Фигнеръ и Л. А. Волкенштейнъ стояли 2 человека, занимаясь бесѣдою, чаепитіемъ, чтеніемъ. А въ 1895 г. перестали запирали и самую тюрьму, гдѣ были мастерскія, и установилось болѣе широкое общеніе: въ коридорѣ, кухнѣ и мастерскихъ собирались безъ счету, и только при посѣщеніи коменданта насъ просили разойтись по камерамъ. При этомъ и дежурнымъ стало несравненно легче; они перестали себя изводить ненужнымъ надзоромъ. Какъ несостоятельны были увѣренія властей, что льготы увеличиваютъ трудъ надзора, видно изъ слѣдующаго расчета, не говоря уже о логической нелѣпости такого утвержденія, потому что льгота есть освобожденіе отъ надзора. За нами надзирало: комендантъ, два его старшихъ помощника (одинъ изъ нихъ смотритель), младшій помощникъ или завѣдующій мастерскими и кухней, начальникъ строевой команды и его помощникъ. Итого 2 штабъ-офицера, 4 оберъ-офицера, 30 унтеръ-офицеровъ съ вахмистромъ и завѣдующимъ кухней, строевая команда въ 75 рядовыхъ при несколькихъ унтеръ-

офицерахъ и 30 человекъ нестроевыхъ. Итого 105 рядовыхъ; т.-е. на каждого изъ насъ приходилось по 5 рядовыхъ по 1½ унтеръ-офицера и 1 офицеръ на 3-хъ заключенныхъ. Такой надзоръ обошелся государству 80,000 руб. въ годъ; такъ что въ 1904 году, когда въ крѣпости оставалось 12 человекъ, содержаніе каждого стоило по 6666 рублей въ годъ. При этомъ конечно на заключенныхъ собственно выходило очень немного. Когда насъ было 20 человекъ, то наше довольствіе стоило 1656 руб.; чай 212 руб.; на мастерскія около 200 руб.; потомъ стали давать на книги 140 руб. и по 10 руб. на рождество и пасху на всю тюрьму. Итого 2228 руб. на всю братію. Отопленія на нашу долю приходилось немного: всегда было холодно. Освѣщенія слишкомъ много потому, что не позволяли тушить лампы ночью¹⁾; одежда, бѣлье и обувь стоили весьма недорого.

Изъ сказаннаго о льготахъ, данныхъ начальствомъ, и о расширеніи ихъ нашими личными силами не слѣдуетъ заключать объ устойчивости этихъ облегченій. По моему мнѣнію въ послѣднемъ счетѣ все тутъ зависѣло отъ вѣяній, которыя существовали въ высшихъ російскихъ сферахъ. И намъ казалось, что по отношенію къ намъ и нашимъ дѣламъ ближайшаго начальства мы могли составить представленіе, конечно довольно туманное, о существовавшихъ настроеніяхъ правительства. Въ зависимости отъ этихъ настроеній и вѣяній успѣхи развитія нашего общенія въ тюрьмѣ походили на шествіе правотѣрнаго мусульманина въ Мекку: въ болѣе счастливыя времена мы дѣлали 2 шага впередъ и шагъ назадъ, въ менѣе счастливыя времена 2 шага назадъ и шагъ впередъ.

Послѣ опубликованія коронаціоннаго манифеста насъ посѣтилъ министръ Горемыкинъ. Это было важнымъ для насъ событіемъ по своимъ послѣдствіямъ. До этого времени шлисельбургскихъ заключенныхъ обходили не только всѣ манифесты, но на нихъ не распространялись и общія льготныя постановленія для каторжанъ уголовныхъ и политическихъ. Годъ нашего каторжнаго пребыванія состоялъ полностью изъ 12 мѣсяцевъ; раздѣленія на разряды испытуемыхъ и исправляющихся не существовало: всѣ были испытуемыми; перевода въ вольныя команды не полагалось. Насъ неоднократно оповѣщали, что шлисельбургская тюрьма особая тюрьма, что она внѣ закона, что безсрочные останутся въ заключеніи до смерти, а срочные по окончаніи срока, день въ день, будутъ высланы на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста. Мы просили министра о дозволеніи получать русскіе и иностранные журналы и газеты, о перепискѣ съ родными и о разрѣшеніи получать отъ родныхъ книги и деньги, и свиданія съ товарищами въ камерахъ, о прогулкѣ втроемъ, о замѣнѣ трехъ верхнихъ досокъ въ заборахъ, что вокругъ нашихъ огородовъ, деревянными рѣшетками, чтобы на

¹⁾ Потомъ у насъ было электрическое освѣщеніе, и лампочки можно было тушить.

дѣлѣ было возможно огородничество и садоводство и чтобы видѣться съ сосѣдями хоть черезъ рѣшетку, и объ увозѣ душевно-больныхъ въ психіатрическія лечебницы. Наши просьбы были уважены отчасти: было разрѣшено обмѣниваться письмами съ родными (мать, отецъ, братъ, сестра, мужъ, жена, сынъ, дочь) два раза въ годъ, но съ подчиненіемъ переписки тюремной и департаментской цензурѣ, съ обязательствомъ ничего не писать о тюрьмѣ и тюремныхъ порядкахъ. Денегъ, книгъ или какихъ-нибудь посылокъ отъ родныхъ получать не разрѣшалось, на книги и журналы дано было кажется 140 или 130 руб. въ годъ. Русскія газеты не допускались къ выпискѣ, иностранныя же даже за текущій годъ были дозволены. Русскіе журналы можно было получать только за прошлый годъ, иностранные за текущій. Свиданія втроемъ воспрещались. Рѣшетки въ огородахъ были сдѣланы, и, наконецъ, постепенно стали переводить больныхъ въ психіатрическія лечебницы. Еще раньше изъ департамента прислали старую «Ниву» за 83, 84, 85 и кажется за 86 г.г. Желаніе знать о томъ, что дѣлается въ Россіи, что переживаетъ теперь родина было такъ велико, что мы дорожили всякой печатной бумагой. Мы дорожили каждымъ замараннымъ клочкомъ газеты, занесеннымъ вѣтромъ на нашъ дворъ. Жандармы давали намъ въ переплетъ свои книги и мы ихъ подвергали тщательному изслѣдованію, въ надеждѣ встрѣтить тамъ если не прямое указаніе на событія, то хоть какую-нибудь опору для заключенія о событіяхъ. Но всѣ наши поиски были напрасны: не таковы были эти книги, а мы занимались этимъ безнадежнымъ дѣломъ съ упорствомъ маниака. Слово «новости» для насъ имѣло очень большое значеніе. Это было первое слово, которымъ мы обмѣнивались утромъ при встрѣчѣ другъ съ другомъ.

За неимѣніемъ лучшаго, мы жадно подхватывали и передавали далѣе наши домашнія новости. Отсюда видно, какимъ событіемъ для нашей личной и общей жизни было полученіе журналовъ даже за прошлый годъ. Деньги были ассигнованы, и мы выписали «Русское Богатство», «Міръ Божій», Review of Reviews, Times Weekly, Revue des Revues. Съ какимъ мучительнымъ и радостнымъ чувствомъ мы переживали послѣдніе дни, послѣдніе часы ожиданія! Для чтенія русскихъ журналовъ мы раздѣлились на двѣ равныя группы. Книжка давалась на четыре дня, и къ ней прилагался маршрутъ, по которому слѣдовали отъ одного къ другому книжки въ группѣ. По прочтеніи 12-го № послѣднимъ, происходилъ обмѣнъ журналовъ между группами. Потомъ, чтобы дать возможность каждому поскорѣе познакомиться съ особенно интересными отдѣлами журнала, этотъ порядокъ былъ реформированъ: книги выдавались не на 4 дня, а иногда на день, или на 2, а потомъ каждая книжка съ тою же послѣдовательностію выдавалась второй разъ еще на 2 дня. Потомъ мы выписали «Научное Обозрѣніе» и «Хозяинъ». Иностранные журналы читались безъ срока, но не задерживались. Иллюстрированный журналъ Стада Review of Reviews намъ нравился потому, что за 7 шиллинговъ давалъ много интереснаго матеріала, конечно, въ сокра-

щенномъ изложеніи, изъ англійскихъ, американскихъ, австралійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ журналовъ. Кромѣ передовыхъ статей съ обзоромъ событій за мѣсяцъ въ каждомъ № помѣщалась биографія какой-нибудь знаменитости, напримѣръ: Гладстона, Гавелока, (другъ и ученикъ Роберта Оуэна; интервью по поводу 100-лѣтней годовщины его жизни) Бернса, Рескина, Викторіи, Макъ-Киндlea и т. д., и, въ концѣ книги романъ какого-нибудь знаменитаго автора въ сокращенной передачѣ. Въ Times Weekly помѣщались всѣ передовыя и важнѣйшія статьи за недѣлю изъ ежедневнаго Times'a парламентскія засѣданія и пр. Одинъ годъ, по недоразумѣнію мы получили The Idler, иллюстрированное ежемѣсячное изданіе, оказавшееся сборникомъ разсказовъ, гдѣ самыми интересными являлись похождения сыщика Шерлока Гольмса, Конанъ-Дойла, и французскую націоналистическую газету Echo de Paris—мы были наказаны за то, что польстились на дешевку. Морозовъ выписывалъ для себя журналъ Крукса The Chemical News.

Наконецъ, дружнымъ натискомъ на коменданта Обухова мы добились разрѣшенія получать «Сынъ Отечества» Шеллера за текущій годъ и дешевую газету Молчанова «Петербургъ». «Сынъ Отечества» получали меньше года, а «Петербургъ» кажется, два года. Но это завоеваніе принесло намъ много огорченія. «Сынъ Отечества» выдавался очень неаккуратно: одни №№ задерживались, другіе попадали къ намъ съ вырѣзками. Въ этомъ же году «Сынъ Отечества» прекратилъ свое существованіе. Начальство этимъ поспѣшило воспользоваться и другой газеты выписать не позволило. Люди каются въ дурнымъ дѣлахъ, наши опекуны каются въ добромъ дѣлѣ: газеты были запрещены и запрещены «для нашего блага»: «Васъ газеты слишкомъ волнуютъ!» Департаментъ безповоротно запретилъ газеты. А вскорѣ изъѣли съ тою же благотѣльной цѣлью «Хозяина» и «Книжныя Извѣстія» Вольфа. Я думаю, что издатель Книжныхъ Извѣстій будетъ очень изумленъ, узнавши, что есть такіе люди, которыхъ волнуютъ его каталоги.

Полковникъ Гангартъ давалъ намъ «Русскую Мысль», «Историческій Вѣстникъ» за прошлый годъ и «Ниву» съ приложеніями за текущій годъ. Слѣдующій комендантъ давалъ только «Вѣстникъ Иностранной Литературы». Всѣ покупаемые журналы отъ тюремнаго начальства мы возвращали въ переплетахъ, или сброшюрованными и, хотя намъ предлагали за это плату, но мы отъ нея отказались. Такъ что переплетной работы у насъ было очень много и потому она стала обязательной. Каждый долженъ былъ въ годъ переплестъ 12 средней величины книгъ, или сброшюровать 24 книги. Одна большая книга, напримѣръ «Нива», считалась за двѣ. За выпиской журналовъ и газетъ, на книги оставалось около 50 рублей въ годъ; да еще М. Н. Тригони ¹⁾ отдалъ на книги уцѣлѣвшіе какимъ-то чудомъ и высланные ему департаментомъ 100 рублей, отобранные при арестѣ. Нашъ докторъ Н. С. Безродновъ, который, къ

¹⁾ Послѣ двадцатилѣтняго заключенія былъ сосланъ на Сахалинъ.

сожалѣнію, пробылъ у насъ не долго, оказалъ намъ большую услугу: онъ сталъ намъ доставлять изъ Музея при солянномъ городкѣ коллекціи, новыя книги и новыя журналы: «Русское Богатство», «Миръ Божій», «Вѣстникъ Европы», «Жизнь», «Новое Слово», *Revue de deux Mondes*. Въ уплату за разсмотрѣніе коллекцій мы переплачивали музейскія книги и журналы и отправляли въ Музей свои коллекціи, очень изящныя работы по органотрафії на стеклянныхъ пластинкахъ (В. Н. Фигнеръ, М. В. Новорусскій, І. Д. Лукашевичъ, В. Г. Ивановъ), гербаріи и исполняли по заказу другія работы для школы, напримѣръ: вычерчивали и раскрашивали въ увеличенномъ масштабѣ таблицы и діаграммы изъ иностранныхъ статистическихъ временниковъ. Вторые экземпляры всего этого оставались для нашего Музея. Кромѣ этого мы получили отъ своего начальства два большихъ заказа: сдѣлать ограду изъ точеныхъ колоновъ къ памятнику павшихъ на штурмъ Шлиссельбурга воиновъ и парты со школьными досками для школы, которая открылась въ крѣпости для жандармскихъ дѣтей. Деньги за эти работы пошли на покупку книгъ. Такимъ образомъ до 1904 г. у насъ составила порядочная бібліотека въ 2000 съ лишнимъ томовъ. Если исключить оттуда совсѣмъ негодныя и ненужныя книги прежней бібліотеки, затѣмъ обширный отдѣлъ изящной словесности, все же останется нѣсколько сотъ хорошихъ книгъ.

Мы жадно глотали книги, особенно журналы, читая и днемъ и ночью. Нѣкоторые поглощали по 300 страницъ въ день и нельзя сказать, что такое чтеніе было бесполезно. Мы очень отстали отъ текущей жизни; въ журналистикѣ мы встрѣчали новыя имена, «новыя слова», новыя мысли, новую постановку вопроса, новыя формулы, и сначала должны были узнать эти незнакомыя явленія лично, недоувѣряя пересказу товарищей; поэтому нужно было читать все сплошь, сначала «начерно», чтобы охватить сразу всю картину, а потомъ уже остановиться на деталяхъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія, т.-е. читали «на-чисто», вторично все замѣчательное. Всѣ мы были трудолюбивы. Въ первое время, когда не было порядочныхъ книгъ и когда насъ охватила филологическая и огородная горячка, одинъ заключенный переписалъ для себя словарь Александрова, а другой Руководство Ботаники. Но такое трудолюбіе, можетъ быть объясняется пустотой и безсодержательностью тюремной жизни. Но трудоспособность иныхъ товарищей удивительна потому, что вмѣстѣ съ нею проявлялась благотворная, цѣлебная сила труда. С. А. Ивановъ и Н. А. Морозовъ видимо таяли и умирали на нашихъ глазахъ, но никогда не валялись на кровати, а переносили страданія на ногахъ и въ трудахъ, выхаживались. Напримѣръ С. А. Ивановъ: у него кровотеченіе, онъ еле дышетъ, а бѣжить не выспавшись въ огородъ и тамъ копаетъ, таскаетъ носилки, дѣлаетъ нелегкую, но привычную ему работу, оттуда несетъ въ столярную, рубить, стругаетъ; затѣмъ спѣшитъ на кухню, варить, маринуетъ или печетъ пирожки, которые посылаетъ къ обѣду товарищамъ. Послѣ обѣда онъ ужъ въ сапожной шьетъ башмаки для

В. Н. Фигнеръ или Л. А. Волкенштейнъ. На вечерней прогулкѣ слушаетъ лекцію, или принимаетъ живѣйшее участіе въ дебатахъ. А если среди этого водоворота интересующихъ его занятій, кто-нибудь изъ товарищей призоветъ его на помощь, онъ бросаетъ свое дѣло и съ тѣмъ же увлеченіемъ помогаетъ. При всемъ этомъ несетъ общественную службу старосты, или бібліотекаря и находитъ время читать и дѣлать обширныя выписки, компіляции и писать оригинальные и прекрасныя разсказы. Такъ забывая въ трудахъ онъ о себѣ и о своихъ недугахъ и недуги тоже его забывали. Совершенно то же слѣдуетъ сказать о М. Ф. Фроленко, прибывшемъ къ намъ изъ Алексѣевского равелина еле живымъ: его могло спасти только чудо и этимъ чудомъ являлся неустанный трудъ. Фроленко принадлежалъ къ симпатичнѣйшему типу вѣчнаго искателя правды, забывавшаго о себѣ и на крестѣ. Рѣчи этого человѣка, искавшаго чистую и свѣтлую правду, имѣя всегда передъ собою одну кривду, были очень трогательны. Также Н. А. Морозовъ до того былъ поглощенъ своими идеями и научными трудами, что ему некогда было думать о своей болѣзни, и это его спасало. А между тѣмъ въ тюрьмѣ легко развивается мнительность и наклонность давать слишкомъ много мѣста самонаблюденію.

Рѣшетки были сдѣланы и огороды стали освѣщаться лучше; но намъ нужны были свиданія. 1-й, самый обширный огородъ имѣлъ съ одной стороны общій заборъ съ V и VI клѣтками, и въ этомъ мѣстѣ могли видѣться три пары; но такъ какъ заборы были очень высоки, то для свиданія черезъ рѣшетку нужно было сдѣлать платформы со ступеньками. Закипѣла дружная работа, и не успѣло начальство опомниться, какъ вездѣ возникли крытыя бесѣдки и открылись свиданія. Начальство, повидимому, искало приличнаго предлога, чтобы уступить, а приличный предлогъ былъ подъ рукою: намъ нужно было гдѣ-нибудь укрываться отъ постоянного лѣтняго дождя. При 1-мъ огородѣ, гдѣ сходились три пары, при чемъ въ V клѣткѣ обыкновенно бывали дамы, открылись аудитория, клубъ и собирались митинги. Тамъ Лукашевичъ читалъ нѣсколько лѣтъ свои лекціи, тамъ демонстрировались чужія и свои коллекціи, читались рефераты, происходило общее чтеніе нѣкоторыхъ журнальныхъ статей и книгъ, велись дебаты по нѣкоторымъ жгучимъ вопросамъ, которые волновали Россію; тамъ происходило общее пиршество въ наши праздники: одни уходили, другіе приходили на ихъ мѣсто, такъ что всѣ успѣвали принять участіе въ общемъ веселіи, или высказать свое мнѣніе на митингѣ. Тутъ велись пренія съ книгами въ рукахъ. Эти пренія протекали чисто по-русски: плохо выслушивали другъ друга, говорили вмѣстѣ, разъясняли вопросъ не по существу, прибѣгали къ утонченному схоластическому толкованію мелочей, вносили слишкомъ много жару и нетерпимости въ возраженія. Зато возраженія и замѣчанія

на лекции и рефераты подавались съ парламентской правильностью. Горячность въ преніяхъ нужно скорѣе отнести къ нашей болѣзненной раздражительности; чѣмъ къ теоретическому разногласію, а въ практическихъ дѣлахъ мы всегда были единодушны. Вспомните, какъ наши великіе дѣды расходились на многія недѣли изъ-за феноменологіи Гегеля (см. Былое и Думы), или изъ-за различнаго постиженія таинственнаго процесса «проброизованія и проступленія духа»! И тогда станетъ понятно, что различное пониманіе даже несущественныхъ вопросовъ можетъ послужить поводомъ для ссоры обитателей за рѣшеткой. Наша практика насъ мирила и соединяла; наши же ссоры, пожалуй, служили показателемъ, что со стороны вѣшняго на насъ давленія было благополучно. Мы ссорились и умѣли мириться; но по мѣрѣ того, какъ нашъ кружокъ рѣдѣлъ, мы сходились тѣснѣе и дружнѣе и, когда насъ осталось 13, всякія ссоры отошли въ область преданій. Замѣчательно, что въ первыя свиданія черезъ рѣшетку мы не соразмѣряли силу голоса съ разстояніемъ, раздѣлявшимъ пары: мы кричали словно переговаривались черезъ рѣку, а между тѣмъ тюрьма обострила нашъ слухъ. Потомъ это мало-по-малу прошло.

При содѣйствіи Н. С. Безроднова мы приобрѣли недорогою микроскопъ и подъ руководствомъ Лукашевича дѣлали несложныя наблюденія, а Морозовъ устроилъ небольшую химическую лабораторію, гдѣ и читалъ лекціи по химіи.

Всѣ наши льготы, въ сущности, состояли въ позволеніи снимать пѣнки со снятаго и разбавленнаго молока, такъ напр.: намъ разрѣшили сѣдѣть только одну часть своего хлѣбнаго пайка, а за другую долю покупать сласти, молоко, масло, муку, изюмъ, кофе, какао и т. д. Я бралъ ежедневно $\frac{1}{4}$ фунта чернаго хлѣба, такъ обр. у меня въ мѣсяцъ составлялась экономія отъ 1 р. 50 до 1 р. 55 к. Не могу сказать, кто подалъ сигналъ къ новому почти всеобщему увлеченію: мы занялись винокурениемъ. Наши рабочіе, искусные мастера, сдѣлали изъ жести нѣсколько кубовъ съ змѣевиками. Сахарный сиропъ съ изюмомъ въ суповой чашкѣ ставился около калорифера. Когда броженіе достигало извѣстной силы, забродившая жидкость сливалась въ кубъ; кубъ замазывался по швамъ и ставился на керосинку; а змѣвикъ укладывался въ умывальную раковину подъ кранъ, изъ котораго пускалась вода, охлаждавшая спиртовые пары. Зимой охлаждали снѣгомъ, который таскали со двора въ наволочкѣ. Затѣмъ перегоняли вторично черезъ толченый уголь, и получалась крѣпкая и чистая водка, но обходилась страшно дорого. Изъ водки дѣлали ликеры, подбавляя ягоднаго сока. Замѣчательно, что дежурные видѣли все это и молчали. Такое потворство было непостижимо. Во время броженія и перегонки около камеры носился тяжелый кабацкій духъ, а они и вида не подавали. Кромѣ того, готовая водка хранилась въ камерѣ, и въ

наше отсутствіе они ее видѣли. Комендантъ о винокурении ничего не зналъ; смотритель же Федоровъ молчалъ до поры до времени, чтобы подсесть коменданта. Потомъ, съ цѣлью ссадить коменданта, онъ написалъ доносъ, не сообразивши, что онъ доноситъ и на себя. Пріѣхалъ ревизоръ. Насъ успѣли предупредить, и все было спрятано: ревизоръ нашелъ только шлемъ къ кубу. Смотритель былъ уволенъ, а насъ просили ликвидировать винокурение, а чтобы не было соблазну, запретили покупать изюмъ.

Одинъ изъ товарищей курилъ капустные листья; а въ цвѣтникахъ между другими цвѣтами попадалась никоціана. Таково было, повидимому, начало нашихъ табачныхъ плантацій. Кому-то пришло въ голову выписать табачныя сѣмена и руководство къ разведенію и приготовленію табака. По нашей написанной хартіи списокъ книгъ, которыя мы желали купить подвергался строгой, многостепенной цензурѣ; выписка же огородныхъ и цвѣточныхъ сѣмянъ была свободна отъ цензуры. Такъ обр. мы получили и послали Гаванну, Огайо, Гунди Виргинскій, выносливый сортъ и Амерсфортъ, т.-е. голландскую махорку. Въ первый разъ урожай вышелъ хорошій, особенно Виргинскаго и махорки. Гаванна не удалась, но и Виргинскій приходилось для куренья сѣвшивать съ махоркой. На 2-й годъ лѣто удалось сухое и солнечное. Сборъ былъ большой и приготовленіе табака было удачнѣе. Табачныя грядки очень украшали огороды и начальство любовалось ими, ничего не подозревая. Дежурные недоумѣвали, когда мы складывали въ камерахъ листья въ папуши, заворачивая кучу простынею и халатомъ, разбирали и сортировали папушу, а потомъ, нанизавъ листья на шпагатъ, развѣшивали въ мастерскихъ и огородахъ для просушки. Староста добылъ кремни, мастера сдѣлали стальные кресала, а трутъ каждый дѣлалъ изъ старыхъ портянокъ. Наши загадочныя манипуляціи стали понятны, когда мы закурили свои папирсы и сигаретки. Унтера пришли въ восхищеніе отъ огненной махорки, а старшее начальство дивилось нашей изобрѣтательности. Кажется на третій годъ д-ръ Безродновъ сталъ убѣждать насъ бросить куренье доморощеннаго табаку, признавая его вреднымъ и отравляющимъ воздухъ, особенно во время броженія въ папушкахъ, и общалъ хлопотать о снабженіи насъ настоящимъ табакомъ, въ виду того, что въ тюрьмѣ цыганъ никогда не прекращалась. Дѣйствительно, послѣдовало разрѣшеніе и была ассигнована небольшая сумма, и каждый курящій могъ получить 1 фунтъ табаку въ 1 руб., папирсную бумагу и нѣсколько коробокъ спичекъ. Тогда мы ликвидировали разведеніе табаку.

Въ ноябрѣ 1896 года комендантъ прочиталъ бумагу тѣмъ, до кого это касалось, о примѣненіи къ нимъ коронаціоннаго манифес-

та. Срочнымъ сбавляли отъ 1 до 3-хъ лѣтъ и, они отправлялись на поселеніе. А. А. Волкенштейнъ и Манучаровъ на Сахалинъ, Шибалинъ и Мартыновъ — въ Вилюйскъ; Суровцевъ и Яновичъ — въ Средне-Колымскъ. Панкратову былъ сокращенъ срокъ, но онъ долженъ былъ сидѣть до 1898 года. Три безсрочныхъ, Поливановъ, Стародворскій и я, переводились въ 20-тилѣтній разрядъ. Остальныхъ манифестъ не коснулся.

ГЛАВА V.

Дорогіе товарищи уѣхали; наша жизнь стала еще бѣднѣе, и мы углубились въ книги. Наступила пора специализаціи по разнымъ научнымъ областямъ. Въ этомъ періодѣ процвѣтали лекціи. Кромѣ правильныхъ курсовъ Лукашевича и чтеній Морозова были и случайныя лекціи. Одинъ товарищъ, по желанію В. Н. Фигнеръ, которое для него, какъ и для многихъ другихъ, было закономъ — иначе онъ бы не дерзнулъ выступать лекторомъ, — читалъ, или, скорѣе передавалъ своими словами превосходное сочиненіе Рилъ: «Теорія науки и метафизики», которое у насъ имѣлось въ невозможномъ переводѣ, изобилывавшемъ дикими терминами; напр., «Затребъ», «Помѣта», «Видозводъ», «Винословныя отношенія», «Манъ» и т. д. Соціологіей интересовались всѣ. Наиболѣе популярными авторами были: Гиддинсъ, Арнольди, Штамлеръ; Энгельсъ и Каутскій имѣли у насъ своихъ сторонниковъ. Выѣсть съ русскимъ обществомъ и мы заинтересовались философійю, или собственно теоріей познанія. Популярными авторами были: Рилъ, Авенариусъ, Гефдингъ, Махъ. Оствальдтъ. Читали съ большимъ вниманіемъ книги и статьи — Михайловскаго, Чернова, Струве, Белътова, Пялина, Туганъ-Барановскаго, С. Булгакова, Бердяева. Беллетристы: Короленко, Чеховъ, Горькій, Вересаевъ имѣли для насъ особенное значеніе. Кто-то сказалъ, что писатель — это пророкъ новаго времени. Намъ нуженъ былъ пророкъ-обличитель, указующій выходъ изъ безплодной, безводной, безмолвной пустыни. Струя свѣжей поэзіи, если и не напоила насъ, то оживила нашу надежду и оживила вѣру въ грядущее новое. То же, по-моему слѣдуетъ сказать о публицистикѣ послѣдняго времени. Книжки, которыя мы выписывали, подвергались необъяснимой цензурѣ, словно рукою цензора водила прихоть. Комендантъ намъ объяснялъ: «Я знаю, что васъ не испортитъ никакая книга (читай: «горбатого могила исправитъ»); но департаментъ руководитъ своими соображеніями...» Департаментъ же позволялъ къ чтенію 2-й и 3-й т. т. «Капитала», а «Свободу торговли» Янжула запрещалъ, сочиненія Достоевскаго находилъ опасными для нервно-разстроенныхъ заключенныхъ, а несравненно болѣе опасное пребываніе между нами помѣшанныхъ игнорировалъ, пока они не стали разбивать головы жандармамъ.

Въ это время мы стали разводить кроликовъ. Они слишкомъ плодились и портили огороды и кустарники, поэтому было рѣшено

распродать ихъ. Но покупателей не находилось, а сами вѣсть свои выводы мы не хотѣли, и пришлось раздать ихъ жандармамъ.

Всякій разъ, когда подобныя увлеченія проходили, мы спрашивали себя, какое же новое увлеченіе явится на смѣну. Кто-то въ данномъ случаѣ предложилъ премію за предсказаніе, и предсказателя не нашлось, а черезъ нѣсколько дней въ одной кѣткѣ явились пѣтухъ съ курицею и возникло куроводство. Увлеченіе было такъ серьезно, что построили въ двухъ кѣткахъ по избушкѣ для куръ. Куроводство намъ приносило существенную пользу; мы бѣли цыплятъ и свѣжія яйца. Куроводство было запрещено во время погрома, о которомъ будетъ сказано.

Въ 1898 г. вывели В. С. Панкратова въ Вилюйскъ; въ 1901 г. М. Н. Тригони, отбывшаго полностью свои 20 лѣтъ, отправили на Сахалинъ; а въ 1902 г. Поливанова въ Степной край. Насъ осталось 12 чел. старыхъ и 1 вновь прибывшій: П. В. Карповичъ. Съ 1887 г. до 1901 г. къ намъ не прибывало новыхъ товарищей. О прибытіи и трагической смерти Софьи Гинесбургъ мы ничего не подозрѣвали. Много времени спустя одинъ жандармъ рассказывалъ, что она провела въ старой тюрьмѣ нѣсколько дней, что по ея заявленію ей дали швейную работу, иглоки, ножницы. Ночью она вскрыла себѣ артерію, и утромъ дежурные нашли ее мертвой. Карповичъ прибылъ въ Юнѣ, когда у насъ цвѣли розы, и мы привѣтствовали его цвѣтами и дарами, т.-е. послали ему все то, чего онъ не могъ получить отъ жандармовъ, а долженъ былъ заводить постепенно: полотенце, платки, гребенку, зеркало, стулъ, кофейникъ, варенье, кофе, масло, яйца, торты, бумагу, карандашъ, перочинный ножъ. Познакомились съ нимъ въ тотъ же день. Перестукиваться съ нимъ было невозможно: онъ не зналъ нашей системы, да и потомъ не научился: но мы прямо подходили къ двери его камеры и разговаривали съ нимъ минутой-другой. Онъ принесъ намъ добрыя вѣсти о пробужденіи Россіи. Первыми его словами были: «Гр.! черезъ 3-4 года въ Россіи будетъ революція и падутъ русскія Бастиліи!» Для гулянья ему назначили крайнюю 1-ю кѣтку, которая отдѣлялась отъ сосѣдней 2-й кѣтки заборомъ безъ рѣшетокъ. Разговаривали съ нимъ около двери, ведущей въ его 1-ю кѣтку.

Можно сказать, что въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ у насъ издавалась свободная политическая газета, дававшая обстоятельный отчетъ о недавнихъ событіяхъ. Карповичъ, одаренный удивительною памятью, передавалъ программы партій, резолюціи съѣздовъ, воспроизводилъ содержаніе нелегальныхъ изданій и знакомилъ съ интересными литературными произведеніями, напр., съ романомъ Степняка «Андрей Кожуховъ», въ сокращенномъ изложеніи. Мы, съ своей стороны, познакомили его съ нашей жизнью и порядками, и съ нашей прошлой дѣятельностью.

Начальство стало стѣснять наши сношенія съ нимъ, тогда одинъ изъ товарищей прыгнулъ къ Карповичу черезъ заборъ. На другой день, когда мы собрались на дворъ у парниковъ, Карповичъ тѣмъ же путемъ отдалъ намъ визитъ. Комендантъ вступилъ въ перегово-

воры. Мы потребовали, чтобы Карповичу дали свидания. Комендант клялся, что это вне его власти. Разговоры у дверей продолжались. Через 3 месяца Карпович потребовал, чтобы ему дали работу под руководством товарища в столярной. Мы поддерживали его требования. Начальство уверяло, что раньше года на это рассчитывать невозможно. Карпович стал голодать, а мы перестали выходить на прогулку и работу. Карпович голодал 9 дней. В тюрьме ежедневно происходили бурные объяснения с начальством, которые при нашей раздражительности могли ежеминутно завершиться рукопашной. Из Петербурга приехал доктор для дипломатических переговоров. Карповичу объявили, что ему разрешат работу в мастерских в скором времени, если он перестанет голодать. Он не шел ни на какие компромиссы и объявил, что до сих пор он пил воду, а теперь для ускорения развязки не будет пить. Так прошло еще два дня. На 11-ый день ему объявили, что его желание будет исполнено немедленно. В непродолжительном времени его стали сводить с нами на прогулку. Первая встреча с ним лицом к лицу в нашем клубе были замечательным моментом в тюремной жизни. Он нас словно омолодил, заразил нас своей бодростью, энергией, неистощимой веселостью и твердой уверенностью. Около него один товарищ смеялся другому и там не умолкали шумные разговоры, оживленные рчи, общие возгласы.

У нас было присвоено каждому какое-нибудь прозвище. Запла рчи, как окрестить Карповича? Кто-то предложил назвать его: «Счастье ревунаго стана!» (см. рассказ Бретъ-Гарта за таким же заглавием). Это было очень удачное, но длинное название, и его назвали «Веняминомъ». Карпович очень даровитый человек: руки у него поистине золотые. Менее чем через год он стал прекрасным столяром, хорошим переплетчиком, пил товарищам башмаки, стал слесарем и кузнецом, огородником, цветоводом и прекрасным рисовальщиком. Он срисовал с небольших рисунков взятых из Всеобщей Энциклопедии ¹⁾ и из учебников 25 или более ботанических таблиц большого размера, изящно отделив их красками. По случаю моего отъезда, он взял 2 или 3 урока у В. Н. Фигнеръ и связал мне плотную шерстяную фуфайку. Не научился он только перестукиваться.

Один мыслитель говорить, что опасно все то, что случается неожиданно или приходит с неизвестной стороны. Сущность нашего заключения состояла в том, что мы были оглушены ослеплены и разъединены для того, чтобы парализовать самооборону, чтобы соединиться. Понятно, что неизвестная опасность есть главная стихия тюремной жизни, и обитатели тюрьмы всякую минуту пребывают как бы на вулкане.

¹⁾ У нас не хватало денег на покупку Энциклопедии. Н. В. отдал возвращенный ему 60 руб. и тогда Энциклопедия была выписана.

Мы воображали, что наши вольности укоренились в то время, когда надвигалась гроза, которая унесла их. Сначала отобрали старую тюрьму, с кухней, которая для нас была так необходима. Это было равносильно упразднению 8 мастерских. Мастерские предложили перенести в общую тюрьму, но это было невозможно, даже если бы там и нашлось достаточно места, так как шумная работа в жилой тюрьме раздражала больных и мешала здоровым отдыхать и заниматься. Старую тюрьму на наших глазах передвигали для помещения там новых заключенных. Две камеры № 2 и № 6 были спешно отданы и ежедневно отапливались: отсюда мы справедливо заключили, что наднях привезут новых пленников. Вместе с тем мы лишились и большого двора при старой тюрьме. Таким образом упразднилось наше парниковое хозяйство, цветники, теплички: пропадали для нас ягодные кусты и 15 или 20 яблонь и груш, которые только что стали приносить плоды. Мы лишились ледника, устроенного нами на этом дворе, и потеряли возможность пользоваться круглой пилой, потому что куда было перенести длинный сарай для этой пилы. Кузницу пришлось перенести в один из огородов. Затем стали стеснять переписку с родными. Запрещено было писать о своих занятиях и о своем здоровье, так, что оставалось писать только о погоде, и, наконец, нам объявили, что получение журналов русских и иностранных запрещено, и перестали выдавать для переплета жандармскую Ниву и единственную русскую газету, которую мы получали: «Хозяинъ». Запретили даже Книжные Известия Вольфа и календарь Гатцука. Все это указывало на какие, то важные события в России. В этот момент к нам в огород занесло ветром отрывок газеты, в котором сообщалось о смерти Сипягина. Мы насторожились. Из крайней камеры № 40-ой в верхнем этаже видна была та часть крепостного двора, где расположены офицерские флигеля, канцелярия, дом коменданта и крепостные ворота. В нашу и старую тюрьму с жандармского двора проходили через караульный дом, который стоял шагах в 15 против общей тюрьмы. В ворота около караульного дома проносили только наших покойников, да провозили дрова, песок, навоз и громоздкие предметы. Однажды в сумерки квартирант № 40-го заметил на крепостном дворе особенное движение. Пронесли в канцелярию тюфяк и подушку. Потом комендант, офицеры и вооруженная команда прошли через крепостные ворота на пристань. Скоро оттуда возвратилась толпа; остановилась на минуту около канцелярии и разошлась по домам. П. Л. Антонов говорил, что видел в толпе высокого блондина—больше ничего не было видно, так как стало темно. Поздно вечером закричали желтые ворота возят караулки, и солдаты пронесли несколько бревен к старой тюрьме, за которой находился двор (у башни Иоанна Антоновича), где казнили. А глубокой ночью через дверь караулки проследовала большая толпа к старой тюрьме. Когда развело, оттуда прошли назад группами: комендант с офицерами,

священникъ, за нимъ солдатъ съ сложенной ризой подъ рукой, докторъ, команда; а потомъ уже днемъ обратно пронесли бревна, рабочіе инструменты и пустое ведро, въ которомъ очевидно была извѣсть. Эти наблюденія указывали, что тамъ совершилась въ это утро казнь. Впоследствии я узналъ, что тогда казнили Балмашева. Но какъ и когда провели въ старую тюрьму Сазонова (№ 2?) и Качуру (№ 6), мы не замѣтили. И узнали то, что тамъ есть новички, когда туда стали носить въ судахъ обѣдъ и ужинъ.

Наконецъ, чтобы завершить поворотъ къ старому порядку, комендантъ Обуховъ и смотритель Гузь учинили, безъ всякаго вызова съ нашей стороны, насилие надъ больнымъ товарищемъ. Дѣло было такъ: въ нестроевой командѣ, которая убирала коридоры, выметала стружки изъ мастерскихъ, носила обѣдъ и кипятокъ и пр., былъ одинъ очень услужливый, добродушный и словоохотливый солдатикъ. Сообщить намъ что нибудь интересное онъ не могъ, потому что не интересовался тѣмъ, что для насъ важно. М. Р. Поповъ, возмущенный послѣдними стѣсненіями въ перепискѣ съ родными, склонилъ этого солдатика бросить написанное Поповымъ письмо къ матери въ почтовый ящикъ въ городѣ. Такъ Поповъ думалъ избѣжать жестокой цензуры. Солдатикъ взялся за это дѣло. Адреса нашихъ родныхъ и нашъ почеркъ были извѣстны начальству, и Поповъ изъ предосторожности просилъ солдатика написать адресъ своею рукою. Солдатикъ писать не умѣлъ и обратился за помощью къ своему товарищу, а потомъ бросилъ письмо въ почтовый ящикъ, прибывшій у дверей коменданта. Поповъ не подозрѣвалъ существованія такого почтового ящика въ крѣпости, а солдатикъ по наивности не догадался, что вся крѣпостная корреспонденція, даже идущая, отъ офицеровъ, просматривается комендантомъ. На другой день Обуховъ, разбирая письма къ отправленію въ швейцарскую почтовую контору, замѣтилъ письмо съ адресомъ матери Попова. Къ дознанію былъ привлеченъ надписавшій адресъ на конвертѣ солдатикъ и оговорилъ своего товарища, а тотъ признался. Обуховъ объявилъ Попову, что донесетъ о его поступкѣ. Въ тотъ же вечеръ Обуховъ, Гузь и толпа надзирателей внезапно ворвались въ камеру С. А. Иванова, повалили его, надѣли на него смиренную рубашку и завязали ему ротъ. Съ нимъ сдѣлался истерическій припадокъ; послышались заглушенные звуки и возня. Въ тюрьмѣ поднялся адскій шумъ; раздавались бранныя выраженія, требованія объясненія. На успокоительныя заявленія Обухова и Гузя, протестовали оскорбительными словами и требованіемъ открыть камеры и показать намъ С. А. Иванова. Одного товарища отвели къ С. А. Иванову, на которомъ смиренной рубашки уже не было. Насилие надъ больнымъ въ объясненіи Обухова приняло видъ совершенно вѣроятнаго у насъ наказанія за перестукиваніе съ сосѣдомъ. Такая крутая мѣра никогда и прежде не примѣнялась за стукъ; да и по инструкціи наказанія за маловажные поступки назначались въ извѣстной постепенности. Но коменданту нуженъ былъ первый подвернувшійся предлогъ, чтобы открыть новую эру. На другой день В. Н. Фиг-

неръ потребовала къ себѣ коменданта; тотъ не пошелъ, а послалъ Гузя. Вѣра Николаевна, со словами: «за насилие отвѣчаю насиліемъ» сорвала съ него оба погона и прокричала намъ объ этомъ. Черезъ 1/4 часа къ ней вошелъ вахмистръ и вѣжливо проговорилъ: «Извините пожалуйста, можетъ быть я васъ обезпокоилъ? Но смотритель просить не можете ли вы дать ему черныхъ нитокъ пришить погоны: у насъ есть только бѣлыя!..» В. Н. просила насъ изъ уваженія и любви къ ней, не мстить за предстоящее ей наказаніе, не подходить къ ея двери, не разспрашивать ее и, если ее уведутъ, чтобы изолировать, то отнестись къ этому съ возможной сдержанностью. Лучшій, любимый, самоотверженный товарищъ, нравственное вліяніе котораго было такъ спасительно для изнемогающихъ, попалъ въ когти къ злому врагу—это было пораженіе; а между тѣмъ, имѣя въ рукахъ такую заложницу и не ожидая отпора съ нашей стороны, власти продолжали опичивать наши вольности: намъ объявили, что рѣшетки въ заборахъ будутъ задѣланы досками, и предложили сдать всѣ книги якобы для ревизіи. Моментъ былъ выбранъ удачно; теперь было не до борьбы изъ-за рѣшетокъ, когда въ ихъ власти оставалась такая драгоценная заложница. Мы исполнили желаніе В. Н. и не беспокоили ее, но каждый рѣшился, безъ всякаго соглашенія съ другими, отвѣчать на насилие надъ Вѣрой Николаевной насиліями до конца. Это и было выражено однимъ товарищемъ коменданту. Послѣ такого заявленія докторъ, присланный изъ Петербурга замѣнить Н. Е. Безроднова впредь до назначенія штатнаго доктора, обратился къ намъ съ успокоительными увѣреніями, что «все окончится благополучно!» Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ изъ департамента полиціи полковникъ для разслѣдованія, а вскорѣ вышла резолюція: Поповъ за недозволенную переписку, кажется, лишился на двѣ недѣли прогулки; а В. Н., кажется, лишилась переписки съ родными и оставалась, если не ошибаюсь, мѣсяцъ безъ прогулки.

По дѣламъ видно было мастера: такъ возвратилъ насъ Плеве въ первобытное состояніе. Вскорѣ явился къ намъ фоятъ-Валь и завершилъ погромъ, отобравъ керосинки, на которыхъ мы варили себѣ кофе. Теперь намъ, какъ Сизифу, приходилось снова подымать скатившійся внизъ камень. Изъ всѣхъ льготъ удалось удержать за собой книги, да между 5-мъ и 6-мъ огородами временно была оставлена рѣшетка (6-й огородакъ В. Н.), такъ что тамъ продолжались свиданія съ В. Н. и лекціи. Намъ разрѣшили получать только одинъ ежемѣсячный англійскій естественно-научный журналъ The Knowledge. Приблизительно черезъ 1/2 года послѣ описанныхъ событій, В. Н. получила бумагу о переводѣ ея въ разрядъ 20-тилѣтнихъ.

Въ этотъ глухой періодъ мы поглотили страшное множество романовъ. Мы купили, кажется, 12 томовъ in folio Dicks Edition; тамъ за 10 руб. давалось 60 полныхъ романовъ: Теккерея, Диккенса, Смолетта, Фильдинга, Купера, Стерна, Томаса Гуда, Ежена Сю, Дюма отца и сына, наконецъ Поль де-Кока. Интересно, что намъ прихо-

дилось читать французских авторов на английском языке, а Вальтер-Скотта, напр., на французском.

В 1904 году, по разным неудовимым признакам, по отношению к нашим заявлениям, по готовности выслушивать нас и сравнительной предупредительности, мы убедились, что наступили новые вѣянія. Тогда мы заявили о выпискѣ журналовъ русскихъ и иностранныхъ за прошлый годъ. Новый комендантъ, полковникъ Яковлевъ, отвѣтилъ: «что же, времена мѣняются: можетъ быть, и дамъ русскіе журналы; но только впередъ говорю: обкараю!» И дѣйствительно намъ выдали «Русское Богатство» и «Миръ Божій» за 1903 годъ безъ хроники, политики, научнаго отдѣла и безъ библиографіи; не пощадили даже беллетристики: въ повѣсти Вересаева «На поворотѣ» была вырвана середина, а Горькаго совѣтъ не дали, причемъ комендантъ пояснилъ: видите-ли, г.г.! Горькаго не любятъ въ департаментъ!»

Наконецъ наступилъ день нашего отъѣзда. Мы простились: товарищи радовались нашему освобожденію; отъѣзжающимъ было тяжело и совѣстно покидать ихъ... Я и В. Г. Ивановъ были перевезены въ домъ предварительнаго заключенія, а В. Н. Фигнеръ въ Петропавловку. Первые ночи мы провели безъ сна: насъ мучили галлюцинаціи: едва закроешь глаза, въ полѣ зрѣнія начинали двигаться оживленные лица покинутыхъ товарищей, слышались ихъ голоса, голоса сливались въ общій шумъ, и шумъ возрасталъ до грохота, подобнаго морскому прибою. Бромистый натрій успокоилъ нервное раздраженіе и прогналъ галлюцинаціи.

Первые вѣсти, полученные нами по освобожденію, были очень печальны: мы узнали о гибели многихъ, вышедшихъ раньше изъ крѣпости, товарищей: Яновичъ, Мартыновъ, Поливановъ застрѣлились; Тригони слѣпнетъ! И я скоро на себѣ замѣтилъ, какъ трудно переживается послѣ долгой неволи такая благодѣтельная перемена, какъ освобожденіе. Сначала я былъ ошеломленъ, испытывалъ боязнь широкаго пространства, открытаго мѣста, уличнаго движенія и шума. Я избѣгалъ людей потому, что чувствовалъ себя одичавшимъ, избѣгалъ большого собранія потому, что не потерялъ еще, какъ говоритъ В. Н. Фигнеръ, «вкуса къ одиночеству». Затѣмъ я замѣтилъ, что я неправильно реагирую на воспринятое. Крупные событія и факты меня не удивляли, а мелкіе оцѣнивались непропорціонально своей маловажности. Это указывало на разстройство координаціи. На меня сразу нахлынула такая масса живыхъ, свѣжихъ, яркихъ впечатлѣній, что подавленный этимъ мозгъ не могъ правильно ассоціировать, и такая ненормальность проходила очень медленно. Я не знаю, какъ переживаютъ крутую перемену отъ тяжелой неволи къ вольной жизни мои высокоодаренные и надѣленные исключительными силами товарищи. Болѣе совершенная и утонченная нервная организація ихъ отличается и большей устойчивостью; но высокое развитіе и дарованія не спасаютъ человѣка отъ цынги или иныхъ нажитыхъ въ

тюрьмѣ болѣзней. Кромѣ того, исключительные люди и занимаютъ въ жизни исключительное положеніе, со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями. Напримѣръ: Г. А. Лопатинъ, блестящій, страстный, въ высшей степени общительный человѣкъ, всегда чувствовалъ себя одинокимъ—вѣдь такова грустная привилегія высокаго развитія. Или В. Н. Фигнеръ, душа которой, душа апостола, прикованнаго къ скалѣ, томилась жестоко. Ей недоставало широкой арены, а она, подавляя страданія, забывая себя и болѣя за другихъ, великодушно снимала долю тяжелой ноши съ нихъ и несла ее на себѣ. Энергичная, отважная, самоотверженная, она всегда была впереди; и неудивительно, что въ большихъ и малыхъ дѣлахъ всѣ взоры невольно обращались къ ней, ожидая отъ нея слова, знака или примѣра. Я думаю, что такая интенсивная и щедрая жизнь не оскудѣетъ въ силу своего богатства, своей глубины и полноты.

Заключительныя слова въ дневникѣ коммунара Мейера, (кажется) бѣжавшаго изъ Касины: «во всякомъ случаѣ я вышелъ на волю больше человѣкомъ, меньше моллюскомъ», я могу повторить только съ оговоркой: да! и послѣ 22-лѣтняго плѣна мы остались людьми, но вышли изъ плѣна людьми израненными.

М. Ашенбреннеръ.

„Узница“, — стихотворение Я. П. Полонского.

Общезвѣстно прекрасное стихотворение Я. П. Полонского:

Что мнѣ она! — не жена, не любовница
И не родная мнѣ дочь!
Такъ отчего жъ ея доля проклятая
Спать не даетъ мнѣ всю ночь!
Спать не даетъ оттого, что мнѣ грезится
Молодость въ душной тюрьмѣ;
Вижу я своды... окно за рѣшеткою,
Койку въ сырой полутьмѣ...
Съ койки глядятъ лихорадочно-знойныя
Очи безъ мысли и слезъ,
Съ койки висятъ чуть не до полу темныя
Космы тяжелыхъ волосъ.
Не шевелятся ни губы, ни блѣдныя
Руки на блѣдной груди.
Слабо прижатая къ сердцу безъ трепета
И безъ надеждъ впереди...
Что мнѣ она! — не жена, не любовница
И не родная мнѣ дочь!
Такъ отчего-жъ ея образъ страдальческій
Спать не даетъ мнѣ всю ночь!

Существуетъ иная редакція этого стихотворения, сохранившаяся въ рукописи написанной рукою самого Я. П. Полонского и нынѣ любезно предоставленной въ распоряженіе редакціи «Былого» Л. Ф. Пантелѣевымъ. Рукопись датирована 1877 годомъ. Воспроизводя съ буквальной точностью текстъ стихотворения по рукописи, отмѣтимъ, что оно значительно отличается отъ только что приведеннаго. Въ послѣднемъ не хватаетъ цѣлой половины, которая подчеркиваетъ радикальное настроеніе поэта. Въ первой же половинѣ, соответствующей печатному тексту, находимъ не мало измѣненій, вызванныхъ требованіями формы.

Что мнѣ она — не жена, не любовница
И не родная мнѣ дочь,
Такъ отчего жъ ея доля проклятая
Ходить за мной день и ночь?
Словно зоветъ меня, въ злѣ неповиннаго,

Въ судъ отвѣчать за нее —
Словно страданьемъ ея заколдовано
Бѣдное сердце мое.
Вотъ и теперь, мнѣ какъ будто мерещится
Жесткая койка тюрьмы,
Двери съ засовами, окна подъ сводами,
Мертвая тишь полутьмы,
Изъ полутьмы этой смотрять два знойные
Глаза безъ мысли и слезъ,
Не шевелятся ни губы, ни смятыя
Космы тяжелыхъ волосъ,
Не шевелится ни локоть, ни тощія
Руки на тощей груди,
Слабо прижатая къ сердцу безъ трепета
И безъ надеждъ впереди. —
Сколько же лѣтъ ей? Семнадцать неужели?
Правда ли, — мнѣ говорятъ, —
Что эта дѣвушка, въ счастья не жившая,
Что ей не вѣрять и мстять, —
Мстять ей за бѣдность ея безъ смиренія,
Мстять за свободу рѣчей,
Мстять ей за страстный порывъ нетерпѣнія
Мстять за любовь безъ цѣпей.
Можетъ ли быть? Мнѣ какъ будто не вѣрится,
Что такъ тяжелъ приговоръ
Свѣта, въ которомъ кипитъ лицемерное
Плуты — развратникъ иль воръ.
Скоро ли жъ будетъ бѣдняжка оправдана
Снова любить и желать?
Или ужъ скоро ли въ саванѣ вынесутъ
Тѣло ея отпѣвать?
О, что нибудь! или жизни придавленной
Дайте вздохнуть и расцвѣсть,
Иль до суда поспѣшите добить ее,
Чтобъ утолить вашу месть.

1877 г.

Я. П. Полонскій.

Дѣло М. И. Михайлова.

(По неизданнымъ матеріаламъ).

Михайлъ Илларионовичъ Михайловъ, извѣстный въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія русскій писатель, — одинъ изъ тѣхъ, которые, по странной случайности и не безъ вліянія цензуры ¹⁾, почти совершенно незнакомы нашему времени. Бѣдность литературы о немъ поразительна ²⁾; его беллетристическія произведенія теперь уже не читаются, переводы изъ Гейне, Лонгфелло, Гуда и другихъ довольно общеизвѣстны, но мы, вообще, не помнимъ именъ переводчиковъ; наконецъ, публицистическія статьи Михайлова, преимущественно по женскому вопросу, тоже основательно забыты за массою позднѣйшей литературы по этому поводу ³⁾.

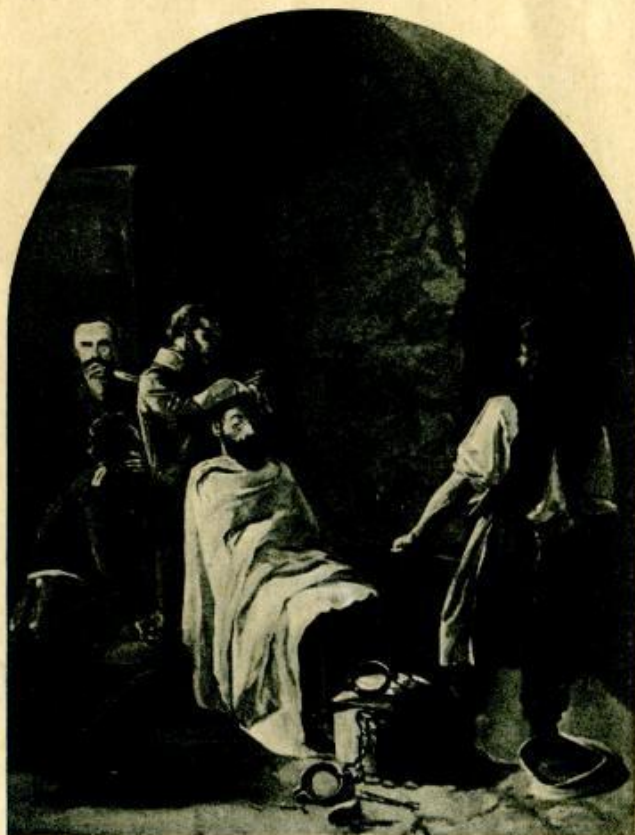
Между тѣмъ, Михайловъ вполне заслуживаетъ реставраціи его въ нашей памяти еще и потому, что онъ, будучи однимъ изъ первыхъ авторовъ русской прокламаціонной литературы, былъ первымъ политическимъ ссыльнымъ въ царствованіе Александра II, когда, казалось, началась заря новой политической жизни... Въ ней такъ скоро разочаровались...

Въ моемъ распоряженіи имѣется копія съ дѣла о Михайловѣ,

¹⁾ Она такъ тщательно хранила его имя въ своихъ темныхъ инквизиціонныхъ подвалахъ, что, напримѣръ, въ числѣ мѣстъ, подлежащихъ исключенію въ моей книгѣ — «эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ», напечатанной въ концѣ 1903 года безъ предварительной цензуры и, по постановленію главнаго управленія по дѣламъ печати, перепечатанной въ 1904 г. со многими сокращеніями и измѣненіями, — была такая строка, помѣщенная въ концѣ обзора русской общественной жизни за 1861 годъ (стр. 41): «14 декабря Михайловъ сосланъ въ каторгу». Всѣ мои доказательства противъ ея исключенія самими начальникомъ управленія, сенаторомъ и бывшими профессоромъ, Захаревымъ, были отвергнуты.

²⁾ Лучшее всего фигура этого выдающагося шестидесятника очерчена въ тѣхъ мѣстахъ воспоминаній Шелгунова, которые были вырваны цензурой изъ павленковского изданія его сочиненій въ 1891 году. Только специалисты имѣютъ возможность ознакомиться съ ними по нѣсколькимъ удѣвшимся экземплярамъ. Затѣмъ надо указать на статью г. Бѣлозерскаго (Порошина) — «Отъ Петербурга до Нерчинска» въ декабрьской книгѣ «Русской Мысли» 1902 г., записку г. Мельникова (Якубовича) въ № 54 «Степного Края» 1896 г., на выпускъ XXV «Международной библіотеки», №№ 80 и 81 «Голоса» 1866 г. и на отрывки изъ записокъ самого Михайлова, напечатанные во второмъ приложеніи къ сборнику «Государственные преступленія въ Россіи» подъ ред. Б. Василевскаго (г. Богучарскаго). Если сюда прибавить маленькую записку въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Ефрона, то получится, кажется, все.

³⁾ Вотъ главнѣйшія изданія работъ Михайлова. «Пѣсни Гейне въ переводѣ М. И. Михайлова», Сиб., 1858 г.; «Въ провинціи», Сиб. ч. I—1859 г. ч. II—1860 г.; «Собраніе стихотвореній М. Михайлова», Сиб. 1890 г.; «Женщины, ихъ воспитаніе и значеніе въ семьѣ и обществѣ», Сиб., 1903 г.

М. И. МИХАЙЛОВЪ
передъ отправленіемъ на каторгу.

хранящагося въ сенатскомъ архивѣ. Въ немъ заключается все, что можетъ служить матеріаломъ для основательнаго ознакомленія съ самымъ процессомъ Михайлова, въ свое время достаточно на- шумѣвшимъ.

I.

Въ концѣ 1860 года въ Петербургъ пріѣхалъ изъ Москвы корнетъ Всеволодъ Дмитріевичъ Костомаровъ, племянникъ известнаго историка, вскорѣ «прославившійся» нѣсколькими «исторіями» на почвѣ до сихъ поръ еще не вполне выясненной близости къ III-му Отдѣленію... Имѣя письмо отъ А. Н. Плещеева, онъ явился къ Михайлову просить содѣйствія въ своихъ литературныхъ работахъ по части самостоятельной и переводной поэзіи. Разговорившись съ Михайломъ Илларионовичемъ, жившимъ съ супругами Шелгуновыми, онъ настолько разоткровенничался, что показалъ имъ напечатанное на отдѣльныхъ листкахъ свое стихотвореніе, поражающее нецензурностью и подписанное полною его фамиліей. Знакомство такимъ образомъ завязалось.

Лѣтомъ слѣдующаго, 1861-го года, Л. П. Шелгуновой надо было ѣхать за границу лѣчить параличъ своихъ ногъ; ее сопровождали мужъ и Михайловъ. Сначала они прожили въ Наугеймѣ, на водахъ, затѣмъ Шелгуновы поѣхали въ Парижъ, а Михайловъ — въ Лондонъ, къ хорошо знакомымъ Герцену и Огареву, съ которыми онъ видѣлся уже въ первую свою поѣздку, въ 1857 году. Тамъ Михайловъ составилъ, а Герценъ напечаталъ прокламацію «Къ молодому поколѣнію», которая въ срединѣ іюля и была привезена первымъ въ Петербургъ.

Здѣсь Михайловъ въ теченіе августа нѣсколько разъ видѣлся съ Костомаровымъ, зачѣмъ-то пріѣзжавшимъ изъ Москвы, показалъ ему прокламацію и даже просилъ распространить ее въ Москвѣ, на что получилъ отказъ.

Проходитъ немного времени, и Костомаровъ арестовывается по доносу якобы своего тоже арестованнаго брата...

1-го сентября раннимъ утромъ къ незнавшему объ этомъ Михайлову являются полицеймейстеръ Золотницкій, жандармскій полковникъ Ракѣвъ и квартальный, и производятъ обыскъ. Послѣ очень тщательныхъ поисковъ, найдено было: портретъ Герцена съ его автографомъ, изданная имъ въ 1854 г. брошюра «27 февраля 1854 г. Народный сходъ въ память переворота 1848 г. St. Martin Halle Long Aire, въ Лондонѣ» и напечатанныя за границей

стихотворения Пушкина, не вошедшие в русские издания. Михайлов не растерялся и почти владѣлъ за удаленіемъ обыскивавшихъ отправился за объясненіемъ въ III Отдѣленіе. Гр. Шуваловъ объяснилъ, что онъ подозрѣвается въ участіи въ дѣлѣ о тайной типографіи московскихъ студентовъ, и что ориентировать его могутъ въ близкомъ будущемъ, но уже не въ III Отдѣленіи, а въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, куда передано это дѣло. Только на слѣдующій день Михайловъ узналъ объ арестѣ Костомарова..

Вернувшись изъ III отдѣленія, онъ рѣшилъ спѣшить съ распространеніемъ лежавшей на квартирѣ прокламаціи и случайно не найденной при обыскѣ: она лежала въ печкѣ, задвинутой кресломъ.

4-го сентября самъ Шуваловъ получилъ одинъ экземпляръ «Къ молодому поколѣнію». Началась суматоха и розыски. Тутъ какъ разъ попало въ руки перлюстрированное письмо Костомарова къ молодому графу Ростовцеву, сыну извѣстнаго Якова Ивановича, въ которомъ Костомаровъ извѣщалъ, что на него сдѣланъ доносъ его братомъ, и просилъ разыскать адресъ «М. Мих.» и предупредить его, чтобы принялъ всѣ мѣры къ уничтоженію «М. П.» Этого было достаточно, чтобы догадаться, что подъ первымъ сокращеніемъ скрывался Михайловъ, а подъ вторымъ — «Къ молодому поколѣнію».

14 сентября, ночью, у Михайлова былъ сдѣланъ вторичный обыскъ, который, кромѣ двухъ жандармскихъ штабъ-офицеровъ, Щербатцаго и Житкова, производилъ извѣстный тогда сыщикъ Путилинъ, взявшій на помощь еще около десятка жандармовъ и полицейскихъ, «бабу Аграфену», четырехъ сыщиковъ и двухъ помянутыхъ. Вотъ какую важность придавали возможности обнаружить автора и распространителя одной изъ первыхъ прокламацій. Но, кромѣ альбома, въ которомъ были автографы Герцена и Огарева, ничего не нашли. Тогда Путилинъ послалъ куда-то записку; прошло съ полчаса общаго ожиданія, прерваннаго явившимся жандармомъ... Михайловъ былъ одѣтъ и увезенъ въ домъ III Отдѣленія, что и нынѣ занятъ департаментомъ полиціи, на Фонтанкѣ, у Лѣтнаго сада.

Въ тотъ же день, когда былъ арестованъ Михайловъ, объ этомъ стало извѣстно въ литературномъ мірѣ и обществѣ: налицо былъ рассказчикъ-очевидецъ, Н. В. Шелгуновъ, комнаты котораго тоже были подвергнуты внимательному обыску. Впечатленіе этого, тогда очень рѣдкаго, случая было велико. Многие, не подозрѣвая въ Михайловѣ автора и распространителя прокламаціи «Къ молодому поколѣнію», искренно удивлялись, нѣкоторые недоумѣвали, но всѣ такъ или иначе возмущались. Уже слишкомъ арестъ не вязался съ атмо-

сферой того времени... По словамъ Шелгунова, дня черезъ два или три у издателя «Русскаго Слова», гр. Кушелева-Безбородко собрались почти всѣ петербургскіе литераторы, чтобы обсудить это дѣло, посоветоваться и предпринять что-нибудь въ пользу арестованнаго товарища. Было человекъ до ста. Послѣ довольно продолжительныхъ дебатовъ, рѣшено было подать петицію министру народнаго просвѣщенія, вѣдавшему цензурой, а, слѣдовательно, болѣе другихъ прикосновенному къ литературѣ, — въ которой просить его принять участіе въ судьбѣ Михайлова, а если въ дѣйствіяхъ его есть что-нибудь несомнѣнно подвергающее его ответственности, то допустить къ слѣдствію депутата отъ литераторовъ. По любопытной для того времени дружности всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ, еще не дифференцировавшихся въ партіи, составленіе петиціи было поручено... отставному жандармскому подполковнику, С. С. Громеку, уже заявившему себя въ широкомъ кругу статьями въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ», а въ болѣе интимномъ — корреспонденціями въ «Колоколѣ»... Представленіе петиціи было поручено депутациі изъ гр. Кушелева, Краевскаго и Громеки.

Путилинъ, разумѣется, не соизволилъ принять депутацію въ полномъ составѣ, допустивъ лишь передъ свои свѣтлыя очи Кушелева. Когда послѣдній заявилъ, что онъ пришелъ отъ сословія литераторовъ не одинъ, то филаретовскій ставленникъ отвѣтилъ, что такого сословія въ Россіи не знаетъ, но петицію принялъ. Разумѣется, она была препровождена въ III Отдѣленіе — и дерзкихъ смѣльчаковъ приказано было посадить на гауптвахту; потомъ государь отмѣнилъ свое рѣшеніе.

Такимъ образомъ это по тогдашнимъ временамъ смѣлое заступничество за товарища не имѣло никакихъ практическихъ для Михайлова результатовъ ¹⁾.

Ему было предъявлено указанное письмо Костомарова и послѣ нѣкоторыхъ заперательствъ и очной ставки съ Костомаровымъ, на которой послѣдній съ наглостью сказалъ, что, разумѣется, Михайловъ привезъ прокламацію не для того, чтобы оклеить ею стѣны своего кабинета, — Михайловъ написалъ очень пространное сознание.

Привожу его полностью.

«Понятное чувство самосохраненія заставляло меня сначала ста-

¹⁾ Въ виду того, что, по другой версии, литераторы просили допустить къ слѣдствію дворянина, такъ какъ дворяниномъ былъ Михайловъ, а обратился за разъясненіемъ къ М. А. Антоновичу. Уважаемый писатель категорически опровергъ подобнаго рода сказанія и заявилъ, что хорошо знаетъ и помнитъ, что дѣло проходило именно такъ, какъ рассказываетъ Шелгуновъ.

ратся по возможности отклонить отъ себя хоть часть падавшихъ на меня обвиненій въ привозѣ изъ-за границы и распространеніи здѣсь печатнаго воззванія «Къ молодому поколѣнію»; но, видя тяжкое нравственное состояніе г. Всеволода Костомарова, перехваченное письмо котораго выдало меня, видя, какъ его мучить невозможность выгородить меня изъ этого несчастнаго дѣла, я считаю противнымъ совѣсти скрывать долѣе истину.

«Вотъ какъ было дѣло.

«Весною нынѣшняго года я отправился за границу, съ единственною цѣлью—отдохнуть хоть немного отъ постоянныхъ усиленныхъ литературныхъ занятій. Я поѣхалъ съ семействомъ Шелгуновыхъ, съ которыми жилъ въ Петербургѣ вмѣстѣ; но въ Германіи простился съ ними, и посѣтилъ уже одинъ сначала Голландію, потомъ Англію. Здѣсь, въ Лондонѣ, я видѣлся довольно часто съ Герценомъ и Огаревымъ, съ которыми давно уже знакомъ¹⁾.

«Однажды, въ разговорѣ съ ними по поводу цензурныхъ стѣсненій, я выразилъ мысль, что смѣщенію ихъ содѣйствовало бы усиленіе тайной прессы въ самой Россіи. Разговоръ невольно перешелъ къ возможности печатать за границей изданія, съ обозначеніемъ на нихъ, что они печатаны въ Петербургѣ. Тогда Герценъ предложилъ мнѣ написать для опыта статью съ этою цѣлью.

«Такъ какъ въ теченіе всей моей почти пятнадцатилѣтней литературной дѣятельности это былъ первый опытъ написать что-либо политическаго содержанія, то опытъ вышелъ крайне неудаченъ, и изъ нѣсколькихъ страницъ, набросанныхъ мною, не осталось и половины въ воззваніи «Къ молодому поколѣнію»,—такъ что я не могъ бы по совѣсти никакъ выставить подъ нимъ своего имени, если бы оно, по содержанію своему, могло быть напечатано въ Россіи явно.

«Листъ «Къ молодому поколѣнію» тогда же былъ напечатанъ—сколько мнѣ извѣстно, въ очень незначительномъ количествѣ экземпляровъ, но въ какомъ именно—не знаю. Знаю лишь то, что я не могъ и этого количества взять съ собою вполнѣ, какъ потому,

¹⁾ 31 октября, отвѣчая на вопросъ сенаторовъ: „объясните, когда именно вы прибыли въ Лондонъ, долго ли тамъ пробыли, когда приступили къ соизнанію съ Герценомъ насчетъ сочиненія воззванія „Къ молодому поколѣнію“, когда написали черновой проектъ воззванія, когда получили отпечатанные листы и когда выѣхали изъ Лондона?“—Михайловъ написалъ: „Въ Лондонѣ прибылъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, пробылъ тамъ двѣ недѣли съ небольшимъ. Съ Герценомъ я говорилъ вскорѣ по пріѣздѣ, но разговора этого, такъ какъ онъ не имѣлъ главной цѣлью печатанія сочиненія „Къ молодому поколѣнію“, соизнаніемъ я начать не могу. Черновой проектъ написанъ мною вскорѣ по пріѣздѣ въ Лондонъ, а отпечатанные листы я получалъ наканунѣ отъѣзда“.

что мнѣ нельзя бы было провезти его на себѣ, не возбуждая подозрѣнія въ таможенѣ, такъ—еще болѣе—потому, что мнѣ не было бы возможности распространить его безъ чьей-либо помощи; а я твердо рѣшился не втягивать никого въ это опасное дѣло. Такимъ образомъ я взялъ съ собою двѣсти пятьдесятъ экземпляровъ.

«Срочныя работы по изданію «Энциклопедическаго словаря», въ коемъ я участвую какъ одинъ изъ редакторовъ, заставили меня вернуться въ Россію ранѣе, чѣмъ я думалъ,—и изъ Лондона я, почти не останавливаясь, проѣхалъ, чрезъ Парижъ и Штетинъ, въ Петербургъ¹⁾.

«Тотчасъ же по пріѣздѣ сюда занялся я приготовленіемъ къ распространенію листа «Къ молодому поколѣнію», не говоря о томъ никому ни слова. Лучшимъ средствомъ казалось мнѣ сначала отправить все по городской почтѣ; но, такъ какъ я боялся обратить вниманіе необычнымъ количествомъ писемъ, и не могъ бы разнести всего самъ, не возбуждая подозрѣнія, то этою мѣрой и рѣшился воспользоваться только въ самой незначительной степени.

«Будучи совершенно одинъ въ домѣ, я могъ очень удобно приготовить все къ сентябрю, какъ было мною рѣшено²⁾. Небольшую долю экземпляровъ—сколько помню, никакъ не болѣе тридцати пяти—шести, я разложилъ по одному въ пакеты, и сдѣлалъ адреса, на удачу, по адресъ-календарю, помѣняя по возможности свой почеркъ и разнообразя его. Затѣмъ около двухсотъ экземпляровъ разложилъ въ двадцать пакетовъ большаго размѣра—по три, по пяти, по десяти и по пятнадцати на пакетъ (ихъ лишь впоследствии надписалъ я карандашемъ), съ тѣмъ, чтобы разнести ихъ по редакціямъ разныхъ журналовъ и по нѣкоторымъ болѣе или менѣе извѣстнымъ мнѣ лицамъ, коихъ квартиры я зналъ.

¹⁾ 23 октября, на вопросъ сенаторовъ: „въ своей запискѣ Вы упоминаете, что изъ Лондона, гдѣ напечатано было воззваніе, Вы возвратились въ Петербургъ чрезъ Парижъ и Штетинъ. Объясните, на какихъ именно таможенныхъ Вы подвергались досмотру, гдѣ Вы скрывали, какъ во время путешествія за границей, такъ и по прибытіи въ Россію, такъ съ 250 экземплярами воззванія, и какимъ образомъ досмотрщики пропустили безпретѣсно означенный тѣмъ, а также, когда именно Вы возвратились въ Петербургъ?“—Михайловъ отвѣчалъ: „По возвращеніи изъ-за границы я былъ осматривъ на петербургской таможенѣ; за границей я весь свертокъ съ листомъ „Къ молодому поколѣнію“ просто въ чемоданѣ, а отправляясь изъ Штетина моремъ, надѣлъ на себя тѣмъ, въ которомъ были зашиты экземпляры, а незначительная часть ихъ была у меня разложена по карманамъ. Закрытъ на мнѣ ничего было нельзя, потому что одѣтъ я былъ съ ловкостью; при томъ же осматривали только мои чемоданы, а меня не осматривали. Возвратился я въ Петербургъ въ среднюю числахъ іюля мѣсяца“.

²⁾ Рѣшено это было еще въ Лондонѣ, потому что Михайловъ не рассчитывалъ вернуться въ Петербургъ раньше конца августа. Поэтому и въ прокламаціи, послѣ заглавія, значилось: «напечатано безъ цензуры въ Петербургѣ, въ сентябрѣ 1861 года». Между тѣмъ, онъ пріѣхалъ сюда на мѣсяцъ раньше.

«Мнѣ хотѣлось сначала послать часть въ Москву; но я не зналъ, какъ это сдѣлать, не отправляя по почтѣ. Случайный прїѣздъ въ Петербургъ г. Костомарова далъ мнѣ мысль, что онъ могъ бы отвезти туда какую-нибудь долю экземпляровъ. Я, вполне полагаясь на его скромность, рѣшился предложить ему это. Онъ, однако, не согласился, и ни одного экземпляра отъ меня не взялъ.

«1-го сентября былъ у меня произведенъ полицейскій обыскъ, во время котораго свертокъ съ воззваніемъ лежалъ въ печи въ моемъ кабинетѣ, подъ золой и ненужными рванными бумагами. Такъ какъ воззваніе напечатано на весьма тонкой бумагѣ и было хорошо спрессовано, то спрятать его было не трудно. Къ печкѣ было придвинуто кресло. Послѣ обыска я думалъ было шепотомъ все, и вѣроятно сдѣлалъ бы это, если бы зналъ, что арестованъ Костомаровъ, единственный человѣкъ, слышавшій отъ меня, что у меня есть экземпляры листа «Къ молодому поколѣнію».

«На другой же день вечеромъ я отправилъ по городской почтѣ пакеты, ходя большую частью пѣшкомъ, и отдавая по два и по три въ мелочныхъ лавочкахъ, гдѣ принимается городская корреспонденція. Это взяло у меня не особенно много времени».

«Такъ же немного понадобилось мнѣ времени и въ два слѣдующіе вечера для развозки большихъ пакетовъ по разнымъ редакціямъ и другимъ лицамъ. Такъ какъ адреса были у меня для разныхъ частей города, то я соображался съ мѣстностью, чтобы не разбѣжжать много. Гдѣ было можно, проходилъ пѣшкомъ; но вообще ѣздилъ на извозчикахъ, всякій разъ ихъ мѣняя. Я громко звонилъ у дверей, клалъ пакетъ рядомъ на полъ (или опускалъ въ ящикъ для писемъ, гдѣ такіе были) и быстро сходилъ съ лѣстницы. Такъ какъ у меня за раскладкою въ пакеты оставалось экземпляровъ двадцать или нѣсколько болѣе, то я, имѣя ихъ при себѣ въ карманѣ, разбросалъ ихъ по два и по три на лѣстницахъ, уже не звоня. Я бралъ съ собою по десяти пакетовъ въ вечеръ. Чтобы отвлечь подозрѣніе дома, я точно также подкинулъ пакетъ съ нѣсколькими экземплярами у своей квартиры, общей съ квартирою г. Шелгунова».

Въ провинцію не посылалъ я ни одного экземпляра; но по окончаніи распространенія отправилъ послѣдніе четыре экземпляра въ штемпельныхъ кувертахъ по городской почтѣ къ нѣкоторымъ изъ высшихъ правительственныхъ лицъ ¹⁾.

¹⁾ На допросѣ сенаторами 23 октября Михайловъ показывалъ: «Четыре экземпляра были посланы мною къ слѣдующимъ правительственнымъ лицамъ: начальнику III Отдѣленія

«Такимъ образомъ все было кончено мною въ первые четыре дня сентября: такъ именно совѣтовалъ мнѣ сдѣлать Герценъ, и такъ я общалъ ему ¹⁾.

«14-го сентября былъ у меня произведенъ новый обыскъ и меня арестовали.

«Вотъ полное и чистосердечное признаніе мое во всемъ, касающемся привоза и распространенія листовъ «Къ молодому поколѣнію». Что сдѣлано въ Лондонѣ съ остальными экземплярами, которыхъ я не могъ съ собою взять: уничтожены ли они тамъ, или послѣ меня даны еще кому-нибудь для распространенія, я не знаю.

«Мнѣ остается теперь объяснить побужденія, которыя заставили меня такъ дѣйствовать.

«При распространеніи листовъ «Къ молодому поколѣнію» мною руководила, какъ я уже упоминалъ выше, мысль, что усиленіе тайнаго книгопечатанія въ Россіи должно непремѣнно имѣть вліяніе на ослабленіе цензуры. «Такимъ путемъ», думалъ я: «начиналась свобода слова вездѣ; а эта свобода составляетъ теперь всеобщее желаніе. Та горечь, то ожесточеніе, которыя неволью проявляются въ вѣщахъ, печатаемыхъ тайно, которыя проявились и въ листѣ «Къ молодому поколѣнію» (хотя — повторяю — въ большей части независимо отъ меня), становятся уже невозможны, когда допущено свободное гласное обсужденіе всѣхъ вопросовъ; но пока его нѣтъ, они нужны, какъ болѣе сильное средство». Въ этомъ убѣжденіи я думалъ, что распространеніе листа «Къ молодому поколѣнію», даже и въ такомъ маломъ количествѣ экземпляровъ, приблизить хотя немного возможность говорить въ печати съ болѣею свободой, чего, какъ писатель, я не могу не желать пламенно.

«Не скрою, что выйти изъ сферы моей обычной скромной дѣятельности заставила меня горькая боль сердца при вѣсти о печальныхъ случаяхъ усмиренія крестьянъ военною силой, и опасенія, что

С. Е. И. В. Канцлеръ, графу Шувалову, и министрамъ: Муравьеву, Ваулову и Путятину. Послѣднему съ надписью на верху листа: «Плоды цензуры». — Муравьевъ былъ министромъ государственныхъ имуществъ, Вауловъ — внутреннихъ дѣлъ, а Путятинъ — народнаго просвѣщенія.

¹⁾ На допросѣ сенаторами 23 октября Михайловъ пояснилъ такъ это изъ своей записки: «Я употреблялъ неточное выраженіе: „общая“. Дѣло было просто въ разговорѣ, а не въ договорѣ, какъ, повидимому, истолковываются мои слова. Не въ первые четыре дня сентября рассчитывалъ я распространить листы «Къ молодому поколѣнію», а вообще въ началѣ сентября, такъ какъ только къ этому времени думалъ прїѣхать въ Петербургъ. Кто именно поправлялъ написанный мною проектъ сочиненія «Къ молодому поколѣнію», я не знаю, ибо поправки и дополненія въ рукописи не выдалъ; свою же рукопись я отдалъ Герцену, а напечатанные листы получалъ изъ типографіи, отъ одного изъ находящихся при ней лицъ, фамиліи котораго не знаю».

эти случаи могут долго еще повторяться въ будущемъ. Невозможность прочнаго примиренія враждебныхъ партій и интересовъ безъ печатной гласности поддерживаетъ во мнѣ и теперь эти печальныя опасенія. Они тѣмъ сильнѣе, что въ нихъ участвуетъ не одна моя мысль, но и самое сердце. Покойный отецъ мой происходилъ изъ крѣпостнаго состоянія, и семейное преданіе глубоко запечатлѣло въ моей памяти кровавыя событія, мѣстомъ которыхъ была его родина. По безпримѣрной несправедливости, село гдѣ онъ родился, было въ началѣ нынѣшняго столѣтія подвержено всѣмъ ужасамъ военнаго умирненія. Разказы о нихъ пугали меня еще въ дѣтствѣ. Гроза прошла не даромъ и надъ моими родными. Дѣдъ мой былъ тоже жертвою несправедливости: онъ умеръ, не вынесъ позора отъ назначеннаго ему незаслуженнаго тѣлеснаго наказанія. Такія воспоминанія не истребляются изъ сердца.

«Я высказалъ все.

«Глубоко чувствуя всю свою виновность, вполнѣ сознавая преступность моего образа дѣйствій передъ лицомъ закона, я не могу ни надѣяться ни ждать отъ него пощады, или даже смягченія заслуженнаго мною наказанія. Но милосердію Государя не поставлено предѣловъ, взывать къ нему не воспрещено и законными преступникамъ. Ему вѣрю я свою участь, съ твердымъ упованіемъ, что, какое бы тяжкое наказаніе ни постигло меня, незлобивое и кроткое сердце Государя не допуститъ, чтобы тѣмъ моихъ поступковъ отразилась на счастіи и спокойствіи не причастнаго къ нимъ семейства, съ которымъ я жилъ подъ одною кровлей¹⁾»

Отставной губернскій секретарь Михаилъ Михайловъ».

Въ извлеченіяхъ изъ записокъ Михайлова, напечатанныхъ, какъ уже указывалось, въ приложеніи къ изданію г. Богучарскаго, приведены, по позднѣйшимъ воспоминаніямъ самого Михайлова, тѣ его показанія, которыя онъ дѣлалъ сначала. Изъ нихъ видно, какъ будто не все написанное въ только что приведенной запискѣ есть безусловная истина. Тамъ даже находимъ такое замѣчаніе: «онъ сожалѣлъ о томъ, что слишкомъ поддался минутному настроенію,

¹⁾ На допросѣ 31 октября, на вопросъ сенаторовъ, что это за семейство и не получало ли оно отъ Михайлова содержанія и прожитія, онъ отвѣчалъ: «Семейство, о которомъ я говорилъ, состоитъ со мною только въ отношеніяхъ хозяина квартиры къ постояльцу, хотя я пользовался отъ него очень дорогимъ для меня вниманіемъ. Это подполковникъ корпуса кавалеріи Шелгуновъ и жена его, у нихъ есть маленький сынъ. Содержанія и прожитія оно отъ меня не получало, а только платило за квартиру, которую занимало у нихъ».

принявъ на себя много лишняго». За незнакомствомъ съ дѣломъ Ш Отдѣленія, конечно, очень трудно судить, насколько все это справедливо, но мнѣ кажется, что врядъ ли Михайловъ взялъ на себя больше, чѣмъ слѣдовало: ужъ слишкомъ довѣрчиво и ясно все его показаніе и дальнѣйшее поведеніе, чтобы можно было съ этимъ согласиться. Шелгуновъ, по крайней мѣрѣ, нигдѣ не указываетъ, что Михайловъ не былъ авторомъ и распространителемъ прокламаціи, наоборотъ, онъ только склоненъ обвинять Костомарова въ излишней откровенности.

Мнѣ кажется, что выраженіе: «принялъ на себя много лишняго» — было просто по невниманію написано вмѣсто: «показалъ много лишняго» или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Дѣло въ томъ, что Костомаровъ, повидимому, зналъ о прокламаціи къ солдатамъ, приписываемой Шелгунову. Дорожа покоемъ послѣдняго и его жены, Михайловъ ужасно боялся, чтобы Костомаровъ на очныхъ ставкахъ не наболталъ чего-нибудь лишняго, и, чтобы сдѣлать эти ставки совершенно больше ненужными, взялъ на себя больше того, что могъ бы взять, если бы исключительно думалъ о самомъ себѣ. На такое толкованіе сомнительныхъ словъ есть указаніе и въ запискахъ Михайлова.

Съ другой стороны, г. Пантелѣевъ категорически утверждаетъ, что «Къ молодому поколѣнію» написано Шелгуновымъ¹⁾. За отсутствіемъ ясныхъ и неопровержимыхъ доказательствъ противнаго, трудно спорить съ такимъ утвержденіемъ. Но мнѣ кажется, что ужъ если Михайловъ рѣшился не вѣшивать въ дѣло своего друга, то зачѣмъ было принимать на себя хоть часть прокламаціи, отчего было не сказать, что авторъ неизвѣстенъ ему, желавшему быть лишь распространителемъ; зачѣмъ было сочинять передѣлку кѣмъ-то своей рукописи; почему, наконецъ, Шелгунову не написать было въ воспоминаніяхъ, что авторомъ прокламаціи былъ не его другъ. Не говорю уже о томъ, что при этомъ г. Пантелѣевъ сообщаетъ подробности перевозки прокламаціи изъ Лондона въ Россію, говоря, что Михайловъ провезъ 600 экземпляровъ заклеенными Шелгуновымъ въ дно чемодана. Невѣрность этого свѣдѣнія подвергаетъ сомнѣнію и первое.

Впрочемъ, повторяю, все это, все-таки, предположенія, болѣе или менѣе основательныя догадки.

Первая ночь, проведенная имъ въ казематѣ Ш Отдѣленія, разу-

¹⁾ «Изъ воспоминаній прошлаго». Сиб. 1905 г., 330.

мѣется, прошла безъ сна. Затѣмъ потянулись скучные, однообразные, тяжелые дни... Въ запискахъ Михайлова есть разсказъ о томъ, какъ у него обманомъ было взято какое-то письмо къ государю, для того, якобы, чтобъ документально закрѣпить его показанія; но мнѣ кажется, что здѣсь, какъ и еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тѣхъ же записокъ, какая-то неточность. Зачѣмъ было закрѣплять уже достаточно закрѣпленное только что приведеннымъ пространнымъ сознаниемъ?.. Архивъ III Отдѣленія, можетъ быть, помогъ бы выяснитъ эту деталь.

7 октября у великаго князя Михаила Николаевича, бывшаго тогда главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, происходило особое совѣщаніе, на которомъ гр. Шуваловъ подробно ознакомилъ присутствовавшихъ со всѣми матеріалами по дѣлу Михайлова. Послѣ непродолжительнаго обсужденія было постановлено: испросить высочайшее разрѣшеніе немедленно предать его суду, по указанію министра юстиціи, какую именно форму послѣдняго онъ считалъ бы наиболѣе цѣлесообразной. Государь одобрилъ это рѣшеніе и приказалъ сообщить министру юстиціи, Замятнину, чтобы тотъ сдѣлалъ распоряженіе о «самоскорѣйшемъ производствѣ сего дѣла, такъ какъ преступленіе Михайлова выходитъ изъ разряда обыкновенныхъ преступленій».

11 октября Замятнинъ былъ увѣдомленъ объ этомъ Шуваловымъ, сообщавшимъ, что, кромѣ дѣла по прокламаціи «Къ молодому поколѣнію», Михайловъ прикосновененъ и къ дѣлу о распространеніи запрещенныхъ сочиненій, по которому Валуевымъ учреждена особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ состояннаго при немъ д. ст. сов. Собѣщанскаго ¹⁾.

II.

Замятнинъ призналъ за лучшее судить Михайлова въ сенатѣ по I отдѣленію 5 департамента, получилъ на это высочайшее согласіе

¹⁾ Членами ея были Стороженко, Фонъ-Вазинъ и Любимовъ. На допросѣ сенаторами 23 октября Михайловъ показалъ по этому поводу: «Прикосновенность моя къ указанному дѣлу заключается въ томъ, что при арестѣ въ Москвѣ г. Всеволода Костомарова найдены у него два рукописныя сочиненія: «Къ крестьянамъ» и «Къ солдатамъ». Какъ то, такъ и другое были у меня въ рукахъ и оба получены Костомаровымъ отъ меня, одно (послѣднее) лично, а другое черезъ студента Сороку. Въ сочиненіи ихъ я не принималъ участія и получилъ ихъ, не помню отъ кого, какъ хранили будто бы въ рукописи по рукамъ. Одна изъ этихъ статей, написанная неразборчиво и съ пропусками, повидному, была мною переписана нѣсколькими измѣненными почеркомъ, и при перенесеніи я только прибавилъ съ часто литературной точки зрѣнія нѣсколько строкъ, самаго содержанія которыхъ не помню. Даны мною были упомянутыя сочиненія Костомарову лишь для его личнаго прочтенія и затѣмъ уничтоженія. Другихъ запрещенныхъ сочиненій я не распространялъ. Когда именно даны мною Костомарову и Сороку упомянутыя рукописи, я въ точности не помню, но около весны нынѣшняго года или въ концѣ зимы. Потому дѣло это было выдѣлено и Михайловъ специально за него не пострадалъ.

и предписалъ сенату немедленно выполнить волю государя. Общее собраніе петербургскихъ департаментовъ сдѣлало соответствующее сообщеніе въ отдѣленіе. Последнее состояло изъ сенаторовъ: Г. П. Митусова, Н. М. Корняева, К. Б. фонъ-Венцеля, А. П. Бутурлина, А. А. Волоцкого, М. М. Корніюлинъ-Пинскаго, оберъ-прокурора Н. А. Буцковского и оберъ-секретаря Кузнецова.

Въ это время, 14 октября, Михайловъ былъ переведенъ уже въ Петропавловскую крѣпость. По дорогѣ отъ провожавшаго жандарма онъ узналъ, что туда посажена масса студентовъ за только что разыгравшіеся безпорядки въ петербургскомъ университетѣ. По словамъ Шелгунова, «Михайловъ во всю жизнь не ѣлъ столько рябчиковъ и всякихъ родовъ варенья, сколько ему теперь посылалось». Разрѣшалось посылать книги, съѣстное, папиросы...

Какъ только молодежь прослышала, что въ нескую куртину перевезенъ ея любимый поэтъ, такъ ему очень скоро былъ присланъ слѣдующій привѣтъ, по словамъ г. Пантелѣева, принадлежащій перу Н. И. Утѣва:

У з н и к у.

Изъ стѣнъ тюрьмы, изъ стѣнъ неволи
Мы братскій шлемъ тебѣ привѣтъ.
Пусть облегчитъ въ часъ злобной доли
Тебя онъ, нашъ родной поэтъ!

Проклятымъ гнетомъ самовластія
Намъ не дано тебя обнять
И данъ любви и данъ участія
Тебѣ, учитель нашъ, воздать.

Но день придетъ, и на свободѣ
Мы про тебя расскажемъ все.
Расскажемъ въ русскомъ мы народѣ,
Какъ ты страдалъ изъ-за него.

Да, сѣялъ доброе ты сѣмя,
Вѣщай ты слово правды намъ,
Вѣрь—плодъ взойдетъ, и наше время
Отмытитъ сторицею врагамъ.

И разорветъ позора цѣпи,
Сорветъ съ чела ярмо раба,
И призоветъ изъ сѣнной степи
Сыновъ народа и тебя.

Этотъ теплый и энергичный привѣтъ очень тронулъ Михайлова. Онъ успѣшилъ отвѣтить своимъ сосѣдямъ:

«Крѣпко, дружно вѣсь въ объятія
Всѣхъ бы, братья, заключилъ,
И надежды и проклятія
Съ вами, братья, раздѣлилъ.

Но тупая сила злобы
Вонь изъ братскаго кружка
Гонить въ сѣтныя сугробы,
Въ тьму и холодъ рудника

Но и тамъ на зло гоненью
Вѣру лучшую мою
Въ молодое поколѣнье
Свято въ сердцѣ сохраняю.

Въ безотрадной мглѣ изгнанья
Твердо буду свѣта ждать
И въ душѣ одно желанье,
Какъ молитву, повторять:

Будь борьба успѣшной ваша,
Встрѣть въ бою побѣда васъ,
И минуй васъ эта чаща,
Отравляющая насъ!...

«Спасибо вамъ за тѣ слезы, которыя вызвалъ у меня вашъ братскій привѣтъ. Съ кровью приходится мнѣ отрывать отъ сердца все, что дорого, чѣмъ свѣтла жизнь. Дай Богъ лучшаго времени, хотя, можетъ, мнѣ и не суждено воротиться»...

Михайловъ оказался правъ въ своихъ предчувствіяхъ; его, дѣйствительно, сослали въ Сибирь, и онъ умеръ тамъ черезъ четыре года...

17 октября I отдѣленіе 5 департамента сената имѣло первое свое собраніе. Заслушавъ всѣ бывшіе къ тому дню документы, оно опредѣлило: вытребовать Михайлова изъ крѣпости въ зданіе сената на слѣдующій день къ 1 часу дня, подъ надлежащимъ карауломъ; собрать свѣдѣнія о роли его въ дѣлѣ, переданномъ комисіи Собѣщанскаго, а также о прежней службѣ и поведеніи и навести справку о судимости.

На слѣдующій день Михайловъ, подъ конвоемъ плацъ-адъютанта и двухъ жандармовъ, былъ доставленъ въ сенатъ.

Прежде всего ему были прочитаны высочайшее повелѣніе и опредѣленіе общаго собранія сената, затѣмъ сдѣлано обычное въ тѣ времена «духовное увѣщаніе», потомъ взята подписка, что ни противъ сенаторовъ ни противъ оберъ-прокурора и оберъ-секретаря онъ не имѣетъ подозрѣній, и наконецъ, прочтено его собственное подробное признаніе, уже извѣстное читателю.

Когда Михайловъ вполне подтвердилъ все раньше имъ написанное, ему были предъявлены допросные пункты, на которые слѣдовало тогда же дать письменные отвѣты.

Вотъ они.

«Вопр. Ваше имя, отчество, фамилію, дѣта, жительство, какой

вѣры, бывали ли на исповѣди и гдѣ именно, если находились на службѣ, то не имѣли ли на оной какихъ-либо отличныхъ заслугъ или пороковъ?

«Отв. Михаилъ Ларіоновъ Михайловъ, 32-хъ лѣтъ, въ Петербургѣ, по Екатерингофскому проспекту, въ домѣ Валуева, вѣроисповѣданія православнаго, на исповѣди былъ въ послѣднее время въ Петербургѣ, въ церкви Вознесенія; по службѣ не имѣлъ никакихъ отличныхъ заслугъ, ни пороковъ.

«Вопр. Признаете ли Вы предъявленную вамъ при семъ записку, съ изложеніемъ объясненій по вышеозначенному дѣлу, за собственноручно вами написанную и подписанную?

«Отв. Признаю.

«Вопр. Въ запискѣ сей Вы пишете, между прочимъ, что изъ нѣсколькихъ страницъ, набросанныхъ Вами, не осталось и половины въ воззваніи «Къ молодому поколѣнію». — Посему имѣете объяснить: что именно признаете Вы въ воззваніи «Къ молодому поколѣнію» принадлежащимъ собственно Вамъ, и что участникамъ вашимъ — Герцену и Огареву? и если можете, то означьте это на предъявленномъ Вамъ экземплярѣ воззванія «Къ молодому поколѣнію»?

«Отв. Отчеркнутое въ предъявленномъ мнѣ экземплярѣ признаю за писанное мною. Остальнаго я не признаю, такъ какъ оно не согласно съ рукописью, которая была дана мною для напечатанія, и я получилъ воззваніе уже напечатаннымъ.

«Вопр. Въ запискѣ сей Вы пишете, что при распространеніи листовъ «Къ молодому поколѣнію» Вами руководила мысль, будто бы усиленіе тайнаго книгопечатанія въ Россіи должно имѣть вліяніе на ослабленіе цензуры, и такимъ путемъ, думали Вы, начнется свобода слова, тогда какъ по естественному порядку вещей, въ случаѣ усиленія тайнаго книгопечатанія, должны были усиливаться и мѣры цензуры и правительства противъ тайнаго книгопечатанія. Не можете ли точнѣе объяснить видимое противорѣчіе такого мнѣнія съ существомъ дѣла?

«Отв. Мнѣ казалось именно на основаніи историческихъ примѣровъ, что попытки тайной печати, выказывая недовольство, заставляютъ для смягченія его постепенно уменьшать строгость цензуры и тѣмъ позволять высказываться болѣе спокойно и умѣренно.

«Вопр. Высказанная Вами цѣль распространенія воззванія «Къ молодому поколѣнію» совершенно не согласна и съ содержаніемъ этого сочиненія, которое очевидно было направлено къ возбужденію неуваженія къ Верховной власти, личнымъ качествамъ

Государя и управленію его государствомъ, къ возбужденію явнаго неповиновенія Верховной власти, къ оспариванію неприкосновенности правъ ея, къ порицанію установленнаго государственными законами образа правленія, а также къ возбужденію неуваженія и противодѣйствія властямъ, отъ правительства установленнымъ, съ разрушеніемъ всякаго порядка, и внушенію взаимовраждебныхъ чувствъ между сословіями, съ угрозою прибѣгнуть къ кровопролитію. — Объясните откровенно и чистосердечно цѣль распространенія Вами воззванія «Къ молодому поколѣнію»?

«*Отв.* Цѣли, кромѣ вышеупомянутой о вліяніи на ослабленіе цензуры, у меня не было. Съ этимъ именно и означено было въ заглавіи: «печатано безъ цензуры». Что касается до выраженій, особенно возмутительныхъ, мнѣ въ воззваніи не принадлежавшихъ, я думалъ, что рѣзкость ихъ будетъ именно служить поводомъ къ принятію законныхъ мѣръ для уменьшенія строгости цензуры.

«*Вопр.* Не можете ли Вы указать какія-либо обстоятельства, уменьшающія виновность Вашу въ столь тяжкомъ преступленіи кромѣ впечатлѣнія, произведеннаго на Васъ въ дѣтствѣ усмиреніемъ крестьянъ, въ числѣ коихъ находились Ваши отецъ и дѣдъ, такъ какъ побужденіе это слишкомъ отдалено отъ настоящаго событія?»

«*Отв.* Кромѣ причинъ, объясненныхъ въ моей запискѣ, другихъ не нахожу.

«*Вопр.* Когда именно Вы познакомились съ Герденомъ и Огаревымъ, поддерживали ли Вы съ ними связи, по выѣзду ихъ изъ Россіи, и какимъ образомъ; не было ли другихъ участниковъ въ вашемъ преступленіи и не сдѣлали ли Вы сами какихъ-либо другихъ преступленій?»

«*Отв.* Въ 1856 или 57 году; связей съ ними никакихъ не имѣлъ, кромѣ посѣщенія ихъ во время поѣздокъ (двухъ) за границу; въ преступленіи моемъ другихъ участниковъ не было, и другихъ преступленій я никакихъ не дѣлалъ».

Отобравъ эти всѣ отвѣты, первоприсутствовавшій, Митусовъ, распорядился объ удаленіи обвиняемаго въ крѣпость. Послѣ ознакомленія съ допросомъ рѣшено было сдѣлать повторный 23-го октября.

III.

Теперь намъ необходимо ознакомиться съ самой прокламаціей «Къ молодому поколѣнію» и особенно съ той ея частью, которую Михайловъ призналъ за свое сочиненіе.

Насколько мнѣ извѣстно, это самая длинная прокламація изъ всѣхъ, печатавшихся въ шестидесятыхъ годахъ. Рѣзкость ея не была, однако, ея отличительнымъ свойствомъ. Напротивъ, сдѣлавъ характеристику тогдашняго правительства, указавъ на полное и всеобщее къ нему недовѣріе и частью презрѣніе, авторы призывали молодое, единственно жизнеспособное, поколѣніе объяснить все это народу и солдатамъ. Затѣмъ шла часть нѣсколько теоретическая, начинавшаяся такъ:

«Въ послѣднее время расплодилось у насъ много преждевременныхъ старцевъ, жалкихъ экономистовъ, взявшихъ свой теоретическій опытъ изъ пѣвекскихъ книжекъ. Эти господа не понимаютъ, что экономизмъ нищаетъ насъ въ духовномъ отношеніи, что онъ пріучаетъ насъ только считать гроши, что разъединяетъ насъ, толкая въ тѣсный индивидуализмъ. Они не понимаютъ, что не идеи идутъ за выгодами, а выгоды за идеями. Начиная матеріальными стремленіями, еще придеши ли къ благосостоянію? — односторонняя экономическая наука насъ не выручитъ изъ бѣды. Напротивъ, откинувъ копеечные расчеты и стремясь къ свободѣ, къ восстановленію своихъ правъ, мы завоюемъ благоденствіе, а съ нимъ, разумеется, и благосостояніе, т.-е. то, чего намъ такъ хочется — деньги».

Непосредственно послѣ этого идетъ продолженіе только что высказанной мысли, которое Михайловъ отчеркнулъ въ подлинникѣ, написавъ въ началѣ его: «Съ сихъ поръ признаю за свое», а въ концѣ: «до сихъ поръ признаю за свое». Приведу все это мѣсто полностью, замѣтивъ лишь, что, повидимому, Михайловъ, принимая на себя наименѣе преступную часть прокламаціи, просто ошибся однимъ абзацомъ, потому что, какъ увидимъ сейчасъ, его часть начинается именно такъ, какъ начаться, разумеется, не могла. Вѣроятно, онъ хотѣлъ приписать себѣ и только что приведенную выдержку.

«А эти, къ несчастію, плодящіеся у насъ конституціонныя и экономическія тенденціи ведутъ къ консерватизму; они черствятъ человѣка, они ведутъ къ сословному разъединенію, къ привилегированнымъ классамъ. Хотятъ сдѣлать изъ Россіи Англію и напугать насъ англійскою зрѣлостью. Но развѣ Россія по своему географическому положенію, по своимъ естественнымъ богатствамъ, по почвеннымъ условіямъ, по количеству и качеству земель имѣетъ что-нибудь общаго съ Англіей? Развѣ англичане на русской землѣ

вышли бы тѣмъ, чѣмъ они вышли на своемъ островѣ? Мы ужъ довольно были обезьянами французовъ и пѣмцевъ, неужели намъ нужно сдѣлаться еще и обезьянами англичанъ? Нѣтъ мы не хотимъ англійской экономической зрѣлости, она не можетъ вариться русскимъ желудкомъ.

Нѣтъ, вѣтъ, нашъ путь иной,
И крестъ не намъ нести...

«Пусть несетъ его Европа. Да и кто можетъ утверждать, что мы должны идти путемъ Европы, путемъ какой — нибудь Саксоніи или Англіи, или Франціи? Кто беретъ на себя ответственность за будущее Россіи? Кто можетъ сказать, что онъ умнѣе 60-ти милліоновъ, умнѣе всего населенія страны, что онъ знаетъ, что ей нужно, что онъ приведетъ ее къ счастью? Гдѣ та наука, которая научила его этому, которая сказала ему, что его взглядъ безошибоченъ? По крайней мѣрѣ, мы не знаемъ такой науки, мы знаемъ только, что Гнейсты, Бастиа, Моли, Рау, Рошеры раскапываютъ навозныя кучи и гниль прошедшихъ вѣковъ хотятъ сдѣлать закономъ для будущаго. Пусть этотъ законъ будетъ ихнимъ закономъ; а мы для себя попытаемся поискать другой.

«Для невѣрующихъ мы дѣлаемъ слѣдующій примѣръ. Существуетъ Китай; ближайшіе сосѣди не знаютъ другой страны болѣе цивилизованной. Рошеры и Моли Китая утверждаютъ, что законъ, по которому развивалась жизнь въ Китаѣ и слагалась тамошняя цивилизація, есть именно тотъ законъ, по которому должны развиваться всѣ народы. Сосѣди вѣрятъ глубокомысленнымъ ученымъ и, не вида жизни и цивилизаціи выше китайской, лѣзутъ сами изъ всѣхъ силъ въ Китаѣ. Но вдругъ оказывается, что есть другія страны, что у другихъ народовъ существуютъ стремленія, неизвѣстныя китайцамъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что стремленія эти вздоръ, что только китайская цивилизація и политическія убѣжденія китайцевъ одни истинны? Человекъ, видѣвшій только Европу, сотни нѣмецкихъ королевствъ съ ихъ кенигами, герцогами и принцами или Францію съ ея Наполеономъ, разумѣется, удивится, узнавъ, что въ Америкѣ порядки совсѣмъ другіе. Почему же Россіи не придти къ еще новымъ порядкамъ, неизвѣстнымъ даже и Америкѣ? Мы не только можемъ, мы должны придти къ другому. Въ нашей жизни лежатъ начала, вовсе неизвѣстныя европейцамъ. Нѣмцы увѣряютъ, что мы придемъ къ тому же, къ чему пришла Европа. Это ложь. Мы можемъ точно придти, если надѣнемъ на себя петлю европейскихъ учреждений и ея экономическихъ поряд-

ковъ; но мы можемъ придти и къ другому, если разовьемъ тѣ начала, какія живутъ въ народѣ. Европа сложилась изъ остатковъ древняго міра; тысячу лѣтъ назадъ въ Европѣ была монархія; ужъ тогда Европа разбилась на могучихъ собственниковъ и на безсильныхъ рабовъ, не имѣвшихъ земельной собственности; ужъ тогда было положено въ ней начало того экономического и политическаго неравенства, которое привело и къ пролетаріату и вызвало социализмъ.

«Европа попыталась было выйти изъ своего крайняго положенія, но партія привилегированныхъ людей была слишкомъ сильна; вѣковыя традиціи были слишкомъ крѣпки и въ народѣ и въ тамошнемъ мѣщанствѣ, а социальныя теоріи настолько смутны и слабы своей организаціонной стороною, что 1848 годъ долженъ былъ привести къ неудачѣ. А этой-то неудачи струсилъ и наши западники и наши доморощенные политико-экономы.

«Припомните, какъ легко Рошерь рѣшилъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. И съ нѣмецкой точки зрѣнія дѣло не могло быть рѣшено иначе. Отчего же нашъ народъ недоволенъ царской милостью, недоволенъ тѣмъ, отъ чего нѣмцы пришли бы въ восторгъ? А недоволенъ народъ потому, что онъ не можетъ представить себя безъ земельной собственности, онъ не можетъ представить себя внѣ земледѣльской общины. Ему нужно равенство правъ и владѣнія, онъ не вѣритъ и не хочетъ вѣрить въ законность такого порядка, по которому у 30 милліоновъ крестьянъ есть своя земельная собственность, а у остальныхъ 23 милліоновъ земля чужая, принадлежащая какой-нибудь сотнѣ тысячъ владѣльцевъ. Въ Европѣ сидятъ еще до сихъ поръ остатки феодальнаго права, а мы его не знали и не знаемъ; наши дворянство, наши помещики — не европейская аристократія; наши — просто незаконнорожденная власть, вышедшая изъ того же народа, искусственно созданная императорскою властью и особенно расплодившаяся со времени Екатерины II; она должна осѣсть въ народѣ и осѣсть съ паденіемъ власти императорской.

«Неудача 1848 года, если что-нибудь и доказываетъ, такъ доказываетъ только одно — неудачу попытки для Европы; но не говоритъ ничего противъ невозможности другихъ порядковъ у насъ въ Россіи. Развѣ экономическія, земельныя условія Европы тѣ же самыя, что и у насъ? Развѣ у нихъ существуетъ и возможна земледѣльская община? Развѣ у нихъ каждый крестьянинъ и каждый гражданинъ можетъ быть земельнымъ собственникомъ? Нѣтъ. А у

насъ можетъ. У насъ земли столько, что достанетъ ей намъ на десятки тысячъ лѣтъ.

«Мы народъ запоздалый и въ этомъ наше спасеніе. Мы должны благословить судьбу, что не жили жизнью Европы. Ея несчастья, ея безвыходное положеніе — урокъ для насъ. Мы не хотимъ ея пролетаріата, ея аристократизма, ея государственнаго начала и ея императорской власти.

«До сихъ поръ народъ нашъ жилъ своею жизнью, не мѣшаясь въ дѣла правительства и не понимая ихъ, и онъ былъ правъ. Правительство тоже не знало народа, да ему и было некогда за политическими бирюльками. А между тѣмъ, русская мысль зрѣла, мы изучали экономическое и политическое устройство Европы; мы увидѣли, что у нихъ неладно, и тутъ-то мы поняли, что имѣемъ полнѣйшую возможность избѣгнуть жалкой участи Европы настоящаго времени.

«Мы похожи на новыхъ поселенцевъ; намъ ломать нечего. Оставимъ наше народное поле въ покоѣ, какъ оно есть; но намъ нужно выдолоть ту негодную траву, которая выросла изъ сѣмянъ, налетѣвшихъ къ намъ съ нѣмецкими идеями объ экономизмѣ и государствѣ. Намъ не нужно ни того ни другого въ той формѣ, какъ это проповѣдывали и проповѣдуютъ намъ наши профессоры-правительство и разные послѣдователи Рюкера и Гнейста¹⁾.

«Европа не понимаетъ, да и не можетъ понять нашихъ социальныхъ стремленій; значить, она намъ не учитель въ экономическихъ вопросахъ. Никто не идетъ такъ далеко въ отрицаніи, какъ мы русскіе. А отчего это? Оттого, что у насъ нѣтъ политическаго прошлаго, мы не связаны никакими традиціями, мы стоимъ на новинѣ и, нисколько не плѣняясь нѣмецкими садиками и рощами, хотимъ раздѣлять свое поле не по нѣмецкой методѣ, не въ заграничномъ вкусѣ, а какъ дѣлалась земля встарь, когда еще людямъ не было тѣсно — и мы можемъ сдѣлать это. Вотъ отчего у насъ нѣтъ страха передъ будущимъ, какъ у западной Европы; вотъ отчего мы смѣло идемъ навстрѣчу революціи; мы даже желаемъ ея. Мы вѣримъ въ свои свѣжія силы; мы вѣримъ, что призваны внести въ исторію новое начало, сказать свое слово, а не повторять зады Европы. Безъ вѣры нѣтъ спасенія; а вѣра наша въ наши силы велика».

¹⁾ Говоря о Гнейстѣ, Михайловъ имѣлъ въ виду «Русскій Вѣстникъ», гдѣ Катковъ, прописывая Россіи рецепты конституціоннаго дѣленія, часто цитировалъ этого ученаго. Тогда, въ срединѣ 1861 года, Катковъ былъ еще прличенъ, и «Рус. Вѣстникъ» пользовался хорошей репутацией.

Далѣе шло развитіе мысли, что если бы для осуществленія всѣхъ этихъ стремленій понадобилось вырѣзать 100,000 помѣщиковъ, то останавливаться передъ такимъ рѣшеніемъ нечего: ихъ смерть явилась бы зарей новой, справедливой жизни. Наконецъ, прокламація точно отвѣчала на вопросъ, который предвидѣла со стороны читателя: «чего мы хотимъ?» Мы хотимъ, говоритъ авторъ, выборной и ограниченной власти, свободы слова, всеобщаго самоуправления, равенства всѣхъ передъ закономъ и въ государственныхъ податяхъ и повинностяхъ, точнаго отчета въ расходованіи народныхъ денегъ, открытаго и устнаго суда, уничтоженія всякой полиціи и тѣлеснаго наказанія, общиннаго владѣнія землей, представленія оброчныхъ статей дворовымъ, пущеннымъ, по манифесту 19 февраля, по міру, немедленнаго выкупа всей личной земельной собственности, уничтоженія мѣщанства и надѣленія его землей, сокращенія расходовъ на армію, перевоспитанія кровожадной императорской арміи, сокращенія срока военной службы до 3 — 5 лѣтъ, сокращенія расходовъ на государственное управленіе и дворъ, амнистіи всѣхъ политическихъ преступниковъ и совершеннаго измѣненія всѣхъ основныхъ законовъ. Всѣ эти требованія изложены гораздо пространнѣе и довольно ярко. Въ заключеніе прокламація повторяетъ свой призывъ къ молодежи, твердо вѣруя въ ея громадную созидательную и преобразовательную силу¹⁾.

Такимъ образомъ, ясно, что «Къ молодому поколѣнію» было исполнѣ законченной прокламаціей. Теперь она произведетъ впечатлѣніе несомнѣннаго эклектизма, но сорокъ пять лѣтъ тому назадъ, когда политическое мышленіе еще не приняло современныхъ формъ, она была замѣтнымъ явленіемъ въ общественной жизни. О ней много говорили...

Конечно, возможно, что дѣло обстоило именно такъ, какъ показалъ Михайловъ: ему принадлежитъ въ прокламаціи едва ли пятая часть, а все остальное есть или значительно измѣненное кѣмъ-то его же сочиненіе, или просто прибавленіе. Разумѣется, если и были сдѣланы измѣненія или прибавки, то не иначе, какъ Герценомъ или Огаревымъ, вѣрите — даже обоими одновременно, но и то при непремѣнномъ согласіи Михайлова. Но тѣмъ не менѣе возможно, что Михайловъ просто поберегъ себя, что онъ написалъ все, а взялъ

¹⁾ Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ прокламаціей отсылаю ко 2-му приложенію къ сборнику «Государств. преступленія въ Россіи», Paris, 1905 г. Тамъ она приведена полностью, съ очень незначительными ошибками.

на себя лишь самую скромную часть. Странно было бы и ожидать, чтобы, кроме сознания во всем остальном, онъ назвалъ бы Герцена и Огарева, или принялъ бы на себя всю прокламацію...

IV.

23 октября происходилъ второй допросъ. Къ этому собранію стало извѣстно высочайшее повелѣніе: разсматривать дѣло о прокламаціи «Къ молодому поколѣнію» отдѣльно отъ дѣла распространения другихъ преступныхъ сочиненій, къ которому, какъ мы знаемъ, былъ прикосновенъ Михайловъ.

Кромѣ тѣхъ вопросовъ и отвѣтовъ, которые были мною приведены выше, въ выноскахъ къ сознанию Михайлова, ему были предложены еще и другіе.

Вопр. «Въ отвѣтахъ, отобранныхъ отъ Васъ 18 октября, Вы повторили первоначальное Ваше показаніе, что при составленіи воззванія «Къ молодому поколѣнію» Вы имѣли единственною цѣлю понудить правительство къ смягченію строгости цензуры и руководились при этомъ историческими примѣрами прекращенія тайной печати посредствомъ дарованія большей свободы печати гласной. Но если такова была цѣль Ваша, то для достиженія ея казалось бы достаточнымъ, чтобы нѣсколько экземпляровъ дошло до правительства, для чего они и могли быть препровождены къ правительственнымъ лицамъ; а между тѣмъ изъ объясненія Вашего видно, что Вы старались распространить воззваніе между жителями всѣхъ частей г. С.-Петербурга и намѣревались даже сдѣлать то же самое и въ Москвѣ, а по окончаніи уже распространенія воззванія, отправили послѣдніе 4 экземпляра къ высшимъ правительственнымъ лицамъ. Развѣ Вы не предвидѣли, что съ распространеніемъ воззванія оно можетъ произвести на народъ то возмутительное дѣйствіе, къ которому было направлено; развѣ, принимая на себя распространеніе воззванія, имѣвшего преступную цѣль, Вы не желали достигнуть этой цѣли; развѣ можно употреблять возмутительныя средства безъ цѣли произвести возмущеніе? Подумайте, что только откровенное признаніе и раскаяніе можетъ облегчить мѣру наказанія виновному, и, не уклоняясь отъ вопроса, откройте чистосердечно Ваши намѣренія».

Отв. «Единственною цѣлью моей была именно та, которая указана мною въ первоначальномъ показаніи. Отправить лишь нѣсколько экземпляровъ къ правительственнымъ лицамъ казалось мнѣ для этой

цѣли недостаточнымъ; я думалъ, что при большемъ распространеніи листа «Къ молодому поколѣнію» правительство скорѣе обратитъ вниманіе на преобразование цензуры. Незначительное количество экземпляровъ сравнительно съ числомъ жителей Петербурга казалось мнѣ достаточнымъ обезпеченіемъ, что оно (т.-е. сочиненіе «Къ молодому поколѣнію») не будетъ имѣть того дурного вліянія, которое можно бы отъ него ожидать. Цѣли, кромѣ указанной мною, повторяю, у меня не было. Что листъ «Къ молодому поколѣнію» можетъ произвести дурное дѣйствіе на народъ—я это упустилъ изъ виду, думая только о своей исключительной цѣли—смягченіи цензуры, да притомъ количество экземпляровъ, какъ я уже упоминалъ, было слишкомъ для того ничтожно. Преступности содержанія я не имѣлъ, повторяю, въ виду».

Вопр. «Гдѣ Вы воспитывались и когда окончили воспитаніе, когда поступили на службу и куда именно, откуда уволены отъ службы и гдѣ находится аттестатъ о Вашей службѣ?»

Отв. «Воспитывался дома и потомъ слушалъ privately лекціи въ Петербургскомъ университетѣ очень непродолжительное время. На службу поступилъ приблизительно въ 1848 г. въ Нижегородское солѣное правленіе, гдѣ, прослуживъ четыре года, вышелъ въ отставку. Аттестатъ о моей службѣ, по которому я и проживалъ въ Петербургѣ, находится, вѣроятно, или въ III Отдѣленіи Канцеляріи Его Императорскаго Величества, или по бывшему мѣсту моего жительства, въ соответствующемъ кварталѣ¹⁾».

На слѣдующій день, 24 октября, сенатъ былъ извѣщенъ генераль-губернаторомъ, гр. Игнатьевымъ, что требуемаго «повального обыска о поведеніи» Михайлова сдѣлать нельзя, потому что въ данное время въ Петербургѣ нѣтъ ни одного лица, которое бы знало его; всѣ, какъ нарочно, уѣхали кто за границу, кто въ другіе города.

¹⁾ Изъ аттестата Михайлова, потомъ доставленнаго въ сенатъ, видно, что, происходи изъ дворянъ (отецъ его, получивъ волю отъ своихъ господъ — Аскаковыхъ, поступилъ на службу и умеръ въ чинѣ надворнаго совѣтника, а уже чинъ коллежскаго ассесора давалъ потомственное дворянство), родился въ 1829 году, православный, холостъ. Въ службу вступилъ послѣ домашняго образованія 18 февраля 1848 г. въ Нижегородское солѣное правленіе инспекторъ I-го разряда, въ коллежскіе регистраторы произведенъ ровно черезъ два года: за болязнь столоначальника исправлялъ эту должность съ 25 сентября по 15 ноября 1851 г.; имѣнія никакого не имѣлъ, аттестовывался въ продолженіе всей службы «способнымъ и въ повышеніи чинѣмъ достойнымъ», въ штрафахъ и подъ судомъ не былъ. Въ отпуску былъ дважды: въ 1850 г. на 23 дней и въ 1852 г. на 4 мѣсяца съ 4 февраля, но, пробывъ въ немъ только 2 мѣсяца и 18 дней, вошелъ въ правленіе 22 апрѣля съ прошеніемъ объ увольненіи въ отставку, которую и получилъ 26 іюня 1852 г. съ награжденіемъ чиномъ губернскаго секретаря.

Палата же уголовного суда представила, что Михайловъ нигдѣ не судился и не судится.

Сенаторы считали, вѣроятно, что на этотъ допросъ можно уже обосновать точное опредѣленіе, и взяли съ Михайлова подписку въ томъ, что «во время производства допроса и суда, пристрастія ему дѣлаемо не было»¹⁾.

Однако, оказалось, что нужно было еще кое-что выяснить, и потому было приказано прислать Михайлова въ сенатъ къ 11 часамъ утра 31 октября. На этотъ разъ допросъ состоялъ изъ мелочей, уже приведенныхъ мною раньше въ выноскахъ къ сознанию. Отвѣчая на послѣдній изъ заданныхъ вопросовъ, о семействѣ Шелгуновыхъ, Михайловъ прибавилъ въ самомъ концѣ: «Покорнѣе прошу Правительствующій Сенатъ при сужденіи обо мнѣ обратить вниманіе на крайне слабое и болѣзненное мое состояніе». Дѣйствительно, онъ страдалъ сердечными болями и, вообще, былъ болѣзненъ.

Когда Михайловъ и на этотъ разъ былъ возвращенъ въ крѣпость, первоприсутствующій, Митусовъ, составилъ «вопросы по дѣлу объ отставномъ губернскомъ секретарѣ Михайловѣ, судимомъ за государственное преступленіе».

Изъ его отвѣтовъ на нихъ слѣдовало:

1. Воззваніе «Къ молодому поколѣнію», не направленное прямо противъ особы Государя Императора, имѣло цѣлью возбудить бунтъ противъ верховной власти (ст. 283—286 Улож. о наказ.).

2. Оно оказывается слѣдствіемъ предумышленнаго умысла для потрясенія коренныхъ, основныхъ учрежденій государства (ст. 283).

3. Преступленіе Михайлова слѣдуетъ подвести подъ законъ, смягчающій наказаніе, во вниманіе къ тому, что злоумышленіе, своевременно открытое, не имѣло вредныхъ послѣдствій (ст. 284).

4. Сознаніе Михайлова и указаніе на то, что въ «Къ молодому поколѣнію» онъ не все признаетъ за свое, не можетъ уменьшать мѣру наказанія.

5. Нельзя принять въ уваженіе показаніе Михайлова, что при составленіи прокламаціи онъ имѣлъ единственною цѣлью ослабленіе цензуры.

6. Слѣдуетъ назначить 12½ лѣтъ каторжныхъ работъ.

¹⁾ Въ № 131 «Благода» (1862 г.) Герценъ помѣстилъ свою статью: «Отвѣтъ М. П. Михайлова», въ которой рассказалъ свой разговоръ съ однимъ изъ путешествовавшихъ за границу сенаторовъ. Послѣдній рассказывалъ, какіе отвѣты сенату давалъ Михайловъ... Теперь можно категорически утверждать, что сенаторъ рассказывалъ неправду.

7. Сообщить кому слѣдуетъ о передачѣ Михайловымъ Костомарову двухъ рукописей.

Это было одобрено и въ тотъ же день составлено подробное опредѣленіе. Привожу его полностью.

V.

«Отставной губернской секретарь, изъ дворянъ, Михаилъ Илларионовъ Михайловъ, преданъ суду правительствующаго сената, по высочайшему повелѣнію, за распространеніе въ Петербургѣ преступнаго сочиненія подъ названіемъ «Къ молодому поколѣнію». Въ этомъ сочиненіи обращаютъ на себя вниманіе особенною дерзостью и важностью злоумышленія слѣдующіе предметы:

1) превратное истолкованіе и порицаніе дѣйствій правительства въ выраженіяхъ, составляющихъ оскорбленія Величества, съ намѣненіемъ возбудить неуваженіе къ верховной власти, къ личнымъ качествамъ государя и къ управленію его государствомъ, и съ намеками или угрозами ниспровергнуть правительство и императорскую власть, если государь не сдѣлаетъ добровольно уступокъ народу;

2) возбужденіе свойственныхъ будто бы Россіи социальныхъ стремленій, для осуществленія которыхъ народная партія, по словамъ воззванія, не желаетъ аристократизма Европы, ея государственнаго начала и ея императорской власти и не только смѣло идетъ навстрѣчу революціи, но даже желаетъ ея;

3) внушеніе презрѣнія и ненависти къ служебной и природной аристократіи и ко всему дворянскому сословію и къ такъ называемой дворянской партіи, представленной скудоумною, своекорыстною и враждебною народу, съ намеками, что жалѣть эту партію нечего, какъ не жалѣютъ вредныя растенія при расчисткѣ огорода; что страна ничего не потеряла бы, если бы погибла вся аристократія, если бы для раздѣла земли между народомъ пришлось бы вырѣзать 100,000 помѣщиковъ;

4) наставленіе, какъ надлежитъ обольщать народъ и войско объясненіемъ имъ, что русская императорская власть происходитъ не отъ Бога, а отъ духа тьмы; что у народа и войска есть доброжелатели, которые желали бы улучшить ихъ бытъ, но что помѣхой всему царь и его министры; что войско должно быть не царскою, а народною стражей и потому не должно идти противъ народа; что у военныхъ офицеровъ не достаетъ любви къ отечеству и гражданскаго мужества и что если у нихъ нѣтъ столько силы, чтобы

не идти противъ народа, то пусть первый шагъ, который имъ велятъ сдѣлать въ своихъ, сдѣлаютъ они въ тѣхъ, кто имъ велитъ его сдѣлать;

5) изъявленіе желанія совершеннаго измѣненія законовъ русской имперіи съ тѣмъ, чтобы верховная власть была выборная и ограниченная, чтобы дано было развитіе началу самоуправленія народа, чтобы не существовало привилегированныхъ сословій, а были бы все уравнены предъ закономъ, и чтобы земля принадлежала не лицамъ, а странѣ;

6) заключительное обращеніе къ молодому поколѣнію съ увѣщаніемъ, что довольно корчить либераловъ, что наступила пора дѣйствовать, что надо говорить чаще съ народомъ и съ солдатами; что если каждый убѣдитъ только 10 человекъ, то дѣло въ одинъ годъ подвинется далеко; что надо составлять кружки единомыслищихъ людей, увеличивать число кружковъ и искать вожаковъ, способныхъ и готовыхъ на все, дабы они могли повести на великое дѣло, а если нужно, то на славную смерть за спасеніе отчизны.

«Въ распространеніи этого преступнаго воззванія отставной губ. секретарь Михайловъ сознался еще до преданія его суду, не желая, какъ онъ объяснилъ, затруднять то лицо, по письму котораго пало подозрѣніе на него, Михайлова, и считая противнымъ совѣсти скрывать далѣе истину. На допросахъ въ III Отдѣленіи С. Е. И. В. Канцеляріи и въ правительствующемъ сенатѣ подсудимый Михайловъ показалъ, что воззваніе «Къ молодому поколѣнію» было первоначально сочинено имъ, по совѣту изгнанника Герцена, которому былъ врученъ и черновой воззванію проектъ, но затѣмъ въ напечатанныхъ въ Лондонѣ листкахъ остались только тѣ мысли его, Михайлова, которыя относятся къ социальнымъ стремленіямъ Россіи, а все прочее было измѣнено, кѣмъ именно, ему, Михайлову, неизвѣстно. При этомъ Михайловъ объяснилъ, что при распространеніи воззванія «Къ молодому поколѣнію» онъ дѣйствовалъ, какъ литераторъ, единственно въ видахъ побужденія правительства къ смягченію строгости цензуры, руководствуясь историческими примѣрами, показывающими, что тайная печать вездѣ была устраняема посредствомъ дарованія большей свободы печати гласной, съ какою цѣлью имъ и отправлено было нѣсколько экземпляровъ воззванія къ высшимъ правительственнымъ лицамъ, но онъ вовсе не представлялъ себѣ вредныхъ послѣдствій своего проступка, тѣмъ болѣе, что число экземпляровъ, имъ распространенныхъ, весьма незначительно въ сравненіи съ народонаселеніемъ С.-Петербурга. Въ заключеніе

своихъ отвѣтовъ Михайловъ проситъ при сужденіи о немъ обратить вниманіе на крайне слабое и болѣзненное его состояніе.

«Разматривая настоящее дѣло въ такомъ видѣ, правительствующій сенатъ признаетъ необходимымъ для опредѣленія по законамъ какъ рода и степени преступленія подсудимаго Михайлова, такъ и значеніе сдѣланныхъ имъ показаній, обратиться къ постановленіямъ нашего законодательства о государственныхъ преступленіяхъ.

«Вникая въ смыслъ этихъ постановленій, правительствующій сенатъ находитъ, что въ посягательствахъ на права верховной власти есть два вида преступленій, имѣющіе много общаго, но остающіеся тѣмъ не менѣе различными по цѣли злого умысла. Эти два вида государственныхъ преступленій суть слѣдующія: 1. Злоумышленіе противъ жизни, здравія или чести государя императора и всякій умыселъ свергнуть его съ престола, лишить свободы и власти верховной, или же ограничить права оной, или учинить священной особѣ его какое-либо насиліе (св. 1857 г. т. XV Улож. о наказ. ст. 275). 2. Злоумышленіе на быть противъ власти верховной, т.-е. на возстаніе скопомъ и заговоромъ противъ государя и государства, а равно на ниспроверженіе правительства, перемѣну образа правленія или установленнаго законами порядка наслѣдія престола (Улож. о наказ. ст. 283). Хотя эти два вида государственныхъ преступленій сходятся между собою тамъ, гдѣ злоумышленіе направлено въ одномъ изъ нихъ къ лишенію государя верховной власти или къ ограниченію правъ ея, а въ другомъ къ ниспроверженію правительства или къ перемѣнѣ образа правленія, но и въ этихъ точкахъ соприкосновенія посягательство на права верховной власти въ обоихъ видахъ различно, а различіе это явствуетъ изъ самаго названія главъ, изъ коихъ состоитъ раздѣлъ о преступленіяхъ государственныхъ: въ главѣ первой, *о преступленіяхъ противъ священной особы государя императора и членовъ императорскаго дома*, злоумышленіе направлено прямо и непосредственно противъ верховныхъ правъ государя императора, съ посягательствомъ или безъ посягательства на личную безопасность или свободу его священной свободы, а въ главѣ второй, отдѣленіи первомъ, *о быть противъ власти верховной*, злоумышленіе направлено преимущественно къ ниспроверженію государственнаго устройства и правительства вообще. Такъ какъ въ государствѣ самодержавномъ императоръ есть полный представитель государства и въ лицѣ его сосредоточивается всецѣло верховная власть, то всякое прямое посяга-

тельство на личную безопасность, свободу или права его священной особы есть высшее изъ государственныхъ преступленийъ, подвергающее виновнаго лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни, независимо отъ степени развитія злого умысла, хотя бы о преступномъ предположеніи этого рода было сдѣлано только словесное или письменное изъясненіе мыслей (Ул. о наказ. ст. 276). Но въ посягательствахъ на бунтъ противъ верховной власти, съ цѣлью ниспровергнуть государственное устройство и правительство вообще, законъ принимаетъ въ соображеніе и степень развитія злого умысла и, опредѣляя лишеніе всѣхъ правъ состоянія и смертную казнь за преступленіе этого рода, уже приведенное въ исполненіе, или за непосредственное покушеніе къ совершенію его, смягчаетъ наказаніе въ тѣхъ случаяхъ, когда приготовленія къ преступленію были за-благовременно остановлены правительствомъ и, вслѣдствіе этого, ни покушеній, ни смятеній, и никакихъ иныхъ вредныхъ послѣдствій не произошло. Въ сихъ случаяхъ виновные наказываются лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкой въ каторжную работу или въ рудникахъ на время отъ 12 до 15 лѣтъ, или въ крѣпостяхъ на время отъ 10 до 12 лѣтъ, смотря по большей или меньшей важности преступнаго ихъ умысла, большому или меньшему въ ономъ участию и по другимъ увеличивающимъ или уменьшающимъ вину ихъ обстоятельствамъ (Улож. о наказ. ст. 283 и 284). Равномѣрно и въ низшихъ степеняхъ виновности въ томъ и другомъ изъ означенныхъ двухъ видовъ государственныхъ преступленийъ злоумышленіе противъ государя подвергается болѣе строгому наказанію, чѣмъ соответствующее злоумышленіе противъ установленнаго въ государствѣ порядка. Такимъ образомъ изобличенные въ составленіи и распространеніи письменныхъ или печатныхъ сочиненій или изображеній, съ цѣлью возбудить неуваженіе къ верховной власти или же къ личнымъ качествамъ государя, или къ управленію его государствомъ, приговариваются, какъ оскорбители Величества, къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на время отъ 10 до 12 лѣтъ (Улож. о наказ. ст. 279). Между тѣмъ, соответствующая степень по второму видѣ государственныхъ преступленій, а именно составленіе и распространеніе письменныхъ или печатныхъ объявленій, воззваній или же сочиненій и изображеній, съ цѣлью возбудить къ бунту или явному неповиновенію власти верховной, подвергаетъ менѣе строгому наказанію: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкой въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на время отъ 8 до 10 лѣтъ (Улож. о наказ. ст. 285).

Руководствуясь этими узаконеніями, правительствующій сенатъ не можетъ не принять во вниманіе, что, хотя въ преступномъ воззваніи «Къ молодому поколѣнію» превратное толкованіе и порицаніе дѣйствій правительства и дерзкія оскорбленія Величества клонились къ тому, чтобы возбудить неуваженіе къ верховной власти, къ личнымъ качествамъ государя и къ управленію его государствомъ и хотя въ воззваніи этомъ есть намеки или угрозы низложить правительство, если государь не сдѣлаетъ добровольно уступокъ народу, но при этомъ не обнаруживается положительнаго умысла насчетъ личной безопасности и свободы государя императора, ни какой-либо установившейся мысли, прямо и непосредственно направленной къ лишенію его величества верховной власти или ограниченію оной, а видны преимущественно революціонныя стремленія достигнуть какимъ бы то ни было путемъ, не исключая и кровопролитнаго пути бунта, преобразованій въ государственномъ устройствѣ. Поэтому дѣйствія распространителя преступнаго воззванія ближе подходятъ подъ законъ о бунтѣ противъ верховной власти, объемлюшій и умыселъ ниспровергнуть правительство или перемѣнить образъ правленія, при чемъ, однако, должно быть принято въ соображеніе и усугубляющее вину преступника употребленіе въ воззваніи сужденій и выраженій, оскорбляющихъ Величество. Въ такомъ мѣстѣ правительствующій сенатъ убѣдился еще и тѣмъ соображеніемъ, что, какъ по общему правилу уголовного судопроизводства, гласящему: чѣмъ болѣе тяжко обвиненіе, тѣмъ сильнѣе должны быть и доказательства (зак. угол. судопр. ст. 310), такъ и по исключительному положенію настоящаго дѣла, въ которомъ многія обстоятельства не приведены въ ясность за невозможностью изслѣдованія на мѣстѣ, гдѣ преступленіе было умышленно между Михайловымъ и его сообщниками и гдѣ преступное воззваніе было сочинено и напечатано, неосторожно было бы признать Михайлова виновнымъ въ тягчайшемъ изъ государственныхъ преступленій, подвергающемъ во всякомъ случаѣ смертной казни— въ прямомъ посягательствѣ на священную особу государя императора— безъ сознанія подсудимаго въ умыслѣ на такое злодѣяніе, по одному распространенному имъ воззванію, въ которомъ онъ не признаетъ своимъ сочиненіемъ намековъ и угрозъ, относящихся къ лицу государя императора. Но за тѣмъ виновность Михайлова въ злоумышленіи на бунтъ противъ верховной власти не подлежитъ сомнѣнію, и злоумышленіе это представляется преступленіемъ первостепенной важности. Дѣйствительно, распространеніе воззванія «Къ молодому

поколѣнію» не было внезапнымъ революціоннымъ стремленіемъ. По показанію Михайлова, воззваніе это сочинено въ бытность его въ іюнѣ сего года въ Лондонѣ, откуда онъ возвратился въ Петербургъ въ половинѣ іюля мѣсяца, а къ распространенію воззванія, напечатаннаго въ Лондонѣ и привезеннаго имъ скрытно чрезъ таможенную, приступилъ онъ въ началѣ сентября, изъ собственнаго его же показанія видно, что еще въ началѣ весны нынѣшняго года въ рукахъ его, Михайлова, были проекты воззванія къ крестьянамъ и солдатамъ, переданные имъ отставному корнету Костомарову. Обстоятельства эти представляютъ распространеніе воззванія «Къ молодому поколѣнію» преступленіемъ заранее обдуманномъ, а самое содержаніе этого преступнаго сочиненія показываетъ, что оно было не какимъ-либо случайнымъ подстрекательствомъ къ неповиновенію верховной власти, но слѣдствіемъ злоумышленія, направленнаго къ потрясенію коренныхъ или основныхъ учреждений государства, для чего средствами должны были служить, съ одной стороны, обольщеніе народа и солдатъ, а съ другой — возбужденіе неуваженія къ верховной власти, ко всѣмъ правительственнымъ властямъ и къ высшему сословію въ государствѣ, со внушеніемъ при томъ, что страна не потеряла бы ничего, если бы пришлось вырѣзать 100,000 помѣщиковъ. Поэтому очевидно, что злоумышленіе въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ можетъ обнять только тотъ законъ, который заключаетъ въ себѣ опредѣленіе бунта первостепенной важности (Улож. о наказ. ст. 283). Но такъ какъ распространеніе воззванія «Къ молодому поколѣнію» не сопровождалось какимъ-либо другимъ болѣе непосредственнымъ покушеніемъ на бунтъ и не произвело ни народныхъ смутеній, ни иныхъ безпорядковъ, то настоящій случай долженъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ посягательствъ на бунтъ, въ коихъ злоумышленіе, заблаговременно открытое правительствомъ, не имѣло вредныхъ послѣдствій (Улож. о наказ. ст. 284).

«Обращаясь засимъ къ обсужденію объясненій Михайлова, правительствующій сенатъ находитъ, что за собственнымъ сознаніемъ подсудимаго въ привитіи участія въ составленіи воззванія «Къ молодому поколѣнію» и въ распространеніи однимъ его лицомъ сего преступнаго сочиненія въ напечатанныхъ листахъ, выказываемое имъ обстоятельство, что черновой проектъ воззванія, врученный имъ изгнаннику Герцену, былъ къ-то измѣненъ, съ оставленіемъ только тѣхъ его, Михайлова, мыслей, которыя относятся къ социальнымъ стремленіямъ Россіи; не можетъ имѣть никакого вліянія на опре-

дѣленіе виновности его, Михайлова, въ томъ, въ чемъ направленіе и цѣль воззванія очевидны. Если бы даже все воззваніе было составлено другимъ лицомъ, то и въ такомъ случаѣ Михайловъ, какъ принявшій на себя распространеніе сего преступнаго сочиненія, въ чемъ и заключалось главное зло, представлялся бы главнымъ виновнымъ. Нельзя также принять въ уваженіе показаніе Михайлова, что при распространеніи воззванія «Къ молодому поколѣнію» онъ имѣлъ единственною цѣлью побудить правительство къ смягченію строгости цензуры, для устраненія тайной печати посредствомъ дарованія большей свободы печати гласной, и не представлялъ будто бы себѣ, какое вліяніе можетъ имѣть преступное воззваніе на умы читателей. Дѣйствія Михайлова въ этомъ отношеніи говорятъ сами за себя. Очень можетъ быть, что самыя дерзкія сужденія, намѣренія и желанія не принадлежать лично Михайлову, признающему своимъ сочиненіемъ только одну часть воззванія, относящуюся къ социальнымъ стремленіямъ Россіи, но ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить, чтобы онъ, пользуясь здравымъ разсудкомъ и свободною волею, могъ употреблять возмутительныя средства безъ цѣли произвести возмущеніе, почему одно распространеніе имъ возмутительнаго сочиненія обнаруживаетъ въ дѣйствіяхъ его революціонную цѣль, которая выражается и въ сочиненной имъ части воззванія, гдѣ также призывается революція, какъ желанное событіе. При томъ, по закону, если по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ дѣяніе подсудимаго, онъ могъ и долженъ былъ предвидѣть, что послѣдствіемъ онаго должно быть не одно, а нѣсколько преступленій разной важности, то хотя бы онъ и не имѣлъ положительнаго намѣренія совершить именно важнѣйшее изъ сихъ преступленій, мѣра его наказанія опредѣляется всегда по сему важнѣйшему изъ преступленій, долженствовавшихъ быть послѣдствіемъ его дѣянія (Улож. о наказ. ст. 120).

«Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что подсудимый Михайловъ оказывается виновнымъ въ злоумышленномъ распространеніи, а отчасти и въ самомъ составленіи сочиненія, направленнаго къ возбужденію бунта противъ верховной власти, для потрясенія основныхъ учреждений государства, но что отвѣтственность его въ этомъ злоумышленіи облегчается тѣмъ, что оно было открыто заблаговременно, при самомъ онаго началѣ и потому не имѣло вредныхъ послѣдствій. По закону, въ подобныхъ случаяхъ, виновные, вмѣсто смертной казни, опредѣленной за преступленія этого рода, сопровождавшіяся вредными послѣдствіями, приговариваются къ лишенію всѣхъ правъ

состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу или въ рудникахъ на время отъ 12 до 15 лѣтъ, или въ крѣпости на время отъ 10 лѣтъ до 12, смотря по большей или меньшей важности преступнаго ихъ умысла, большому или меньшему въ ономъ участію и по другимъ увеличивающимъ или уменьшающимъ вину ихъ обстоятельствамъ (Улож. о наказ. ст. 284). Какъ по важности злоумышленія, имѣвшаго обширные размѣры, такъ и потому, что преступное воззваніе заключаетъ въ себѣ явные оскорбленія Величества и другія самыя злостныя средства къ возбужденію бунта, подсудимому Михайлову должно быть опредѣлено строжайшее изъ вышеозначенныхъ наказаній; но во вниманіе къ добровольному сознанію Михайлова прежде преданія его суду, наказаніе это можетъ быть назначено въ мѣрѣ, близкой къ низшей.

«На сихъ основаніяхъ прасительствующій сенатъ полагаетъ: отставнаго губ. секретаря изъ дворянъ Михаила Илларионовъ Михайлова, 32 лѣтъ, за распространеніе злоумышленнаго сочиненія, въ составленіи коего онъ принималъ участіе и которое имѣло цѣлью возбудить бунтъ противъ верховной власти, для потрясенія основныхъ учрежденій государства, но оставшее безъ послѣдствій, не подвергая смертной казни, опредѣленной за преступленіе этого рода, сопровождавшаго вредными послѣдствіями, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 12 лѣтъ и шесть мѣсяцевъ, а по прекращеніи сихъ работъ, за истеченіемъ срока или по другимъ причинамъ, поселить въ Сибири навсегда; но предварительно исполненія сего приговора внести оный на Высочайшее усмотрѣніе чрезъ государственный совѣтъ, на каковой конецъ и передать подлинное опредѣленіе сената въ министерство юстиціи установленнымъ порядкомъ (зак. суд. угол., ст. ст. 452, 457 458 и 617). Выѣстъ съ сими предоставить тому же министерству передать къ производящемуся о распространеніи запрещенныхъ сочиненій слѣдствію показаніе Михайлова о бывшихъ въ рукахъ его рукописныхъ сочиненіяхъ «къ солдатамъ» и «къ крестьянамъ», переданныхъ имъ отставному корнету Всеволоду Костомарову: одно лично, а другое чрезъ студента Сороко».

VI.

12 ноября министръ юстиціи, гр. Панинъ, далъ разрѣшеніе оберъ-прокурору, Буцковскому, на пропускъ этого опредѣленія; на

слѣдующій день оно было скрѣплено всеми слушавшими дѣло сенаторами и послано по назначенію.

21 ноября департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ государственнаго совѣта, рассмотрѣвъ сенатское опредѣленіе и всеподданнѣйшую просьбу Михайлова о помилованіи (о которой въ сенатскомъ дѣлѣ нѣтъ больше никакихъ свѣдѣній), нашелъ, что опредѣленіе сената вполне правильно, а просьба подсудимаго не заключаетъ въ себѣ никакихъ обстоятельствъ, которыя могли бы служить основаніемъ къ ходатайству о смягченіи слѣдующаго ему по закону наказанія, и мнѣніемъ положилъ: «утвердить по настоящему дѣлу заключеніе правит. сената и вслѣдствіе сего отставнаго губ. секретаря Михаила Михайлова, на основаніи приведенныхъ въ томъ заключеніи законовъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 12 лѣтъ и шесть мѣсяцевъ». 23 ноября государь положилъ резолюцію: «Срокъ каторжной работы ограничиваю шестью годами, а въ прочемъ быть по сему».

5 декабря общее собраніе петербургскихъ департаментовъ сената слушало списокъ высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта и приказало передать его въ I отдѣленіе 5 департамента. Последнее въ тотъ же день предислало генераль-губернатору доставить Михайлова въ сенатъ къ 1 часу дня 7 декабря для объявленія ему приговора.

Михайловъ какъ-то тогда же узналъ о содержаніи послѣдняго и потому 7-го не былъ удивленъ всѣмъ услышаннымъ. Достойно замѣчанія, что собраніе сената въ этотъ день происходило публично, при открытыхъ дверяхъ; въ самую залу допускались, конечно, по билетамъ и бюрократическій beau monde сѣвши поглядѣть на интересное зрѣлище: невиданный преступникъ, авторъ той прокламаціи, которая ничего не имѣла противъ смерти всего русскаго высшаго чиновничества... Молодежь, студенты и обыкновенная публика удовольствовались Галерной улицей и площадью и тамъ ждали привоза и отвоза подсудимаго.

Но отравленіе въ Сибирь не было совершено быстро. Ровно черезъ недѣлю Михайлову предстояло еще испытать всю жалкую комедію краткаго публичнаго объявленія его преступленія и постигшаго за то наказанія. Раннимъ утромъ 14 декабря въ казематъ вошли палачъ съ ножницами и бритвой, кузнецъ съ кандалами и два крѣпостныхъ офицера. Михаила Илларионовича обрили по-арестантски, заковали въ кандалы и повезли на площадь передъ

Сытнымъ рынкомъ (на Петербургской сторонѣ ¹⁾). Тамъ на специально для этого построенномъ эшафотѣ была разыграна позорная комедія, и только тогда Михайловъ, посаженный въ сани съ надежнымъ конвоемъ жандармовъ, проѣхалъ улицы города, выѣхалъ за городъ и... отправился въ Сибирь, принявшую его вскорѣ въ свои нѣдра ²⁾.

Огаревъ напутствовалъ его изъ своего Лондонскаго далека сипатичнымъ стихотвореніемъ:

Закованъ въ желѣзы съ тяжелою цѣпью,
Идешь ты, изгнанникъ, въ холодную даль,
Идешь безконечною, снѣжною стѣною,
Идешь въ рудокопы, въ трудъ и печаль.
Иди безъ унынья, иди безъ роптанья:
Твой подвигъ прекрасенъ и святы страданья.

И вѣрь неослабно, мой мученикъ смѣлый,
Иной рудокопъ не исчезъ, не потухъ—
Незримый, поспѣшный, повсюдный, всемогущий
Народной свободы таинственный духъ.
Иди безъ унынья, иди безъ роптанья.
Твой подвигъ прекрасенъ и святы страданья.

Мих. Лемке.

¹⁾ Кн. Суворовъ-Рыминскій заявилъ, что получилъ приказаніе заковать Михайлова, несмотря на его дворянское званіе. Всѣ старанія друзей М. И. освободить его отъ этой муки не привели ни къ чему. Моментъ заковки и стрижки изображенъ художникомъ, имени котораго мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, очень вѣрно; Михайловъ поразительно похожъ. Офицеръ, сидѣвшій справа—планъ-адъютантъ, штабсъ-капитанъ П. О. Пинкорнелли, а стоящій—подпоручикъ Ф. О. Руссовъ. За предоставленіе этой иллюстраціи приношу благодарность П. А. Ефремову.

²⁾ О дѣлѣ Михайлова правительство не опубликовало рѣшительно никакихъ свѣдѣній. Только въ «Вѣдомостяхъ С.-Петербургской Городской Полиціи» отъ 14 декабря 1861 г. за № 275 было помѣщено сообщеніе, что въ этотъ день «въ 8 ч. утра назначено публичное объявленіе на площади передъ Сытнымъ рынкомъ, что въ Петербургской части, отставному губ. секр. Мих. Михайлову Высочайше утвержденнаго мнѣнія госуд. совѣта». Даже приводится еще 6—7 строкъ о томъ, въ чемъ именно обвиненъ Михайловъ и какое наказаніе ему за это назначено. Сообщеніе «Полиц. Вѣдом.» перепечатано въ I томѣ сборника Базилевскаго «Госуд. преступленія въ Россіи», стр. 199—200. *Ред.*

Петръ Григорьевичъ Каховскій.

Историко-психологическій этюдъ.

1. Личность.—Міросозерцаніе.—Русскій Брутъ.—Въ тайномъ обществѣ.

Когда думаешь о декабристахъ, вниманіе мучительно и настойчиво тянется къ тѣмъ пяти, «кон, по жесткому выраженію протокола Верховнаго Уголовнаго Суда, по тяжести ихъ злодѣяній поставлены внѣ разрядовъ, внѣ сравненія съ другими»: къ тѣмъ пяти, чья жизнь оборвалась 13 іюля 1826 года на вѣсѣлищахъ Петропавловской крѣпости. Павелъ Пестель, Кондратій Рылѣевъ, Сергій Муравьевъ-Апостолъ, Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ и Петръ Каховскій—вотъ кого смертный жребій отдѣляетъ изъ массы декабристовъ, но и до сихъ поръ мы не можемъ сказать, что мы знаемъ ихъ, умѣемъ нарисовать ихъ нравственный образъ, понимаемъ всю сложность психологическихъ мотивовъ ихъ жизни и дѣятельности. Правда, у насъ есть до извѣстной степени опредѣленное представленіе о крупнейшей личности политика и революціонера Пестеля, о поэтѣ и энтузіастѣ гражданина Рылѣевѣ, о вождѣ военнаго возстанія Муравьевѣ, о его другѣ и помощникѣ, находящемся въ непрерывномъ нервномъ возбужденіи, Бестужевѣ-Рюминѣ; но одно имя изъ этихъ пяти не вызываетъ въ насъ никакихъ ассоціацій, никакого опредѣленнаго представленія. Это—Каховскій. И когда мы смотримъ на его портретъ, какимъ-то чудомъ дошедшій до насъ, мы видимъ чужое намъ лицо, и черты портрета не согрѣваются огнемъ интимнаго знакомства, не воскресаютъ. Къ Каховскому примѣнимы тѣ французскіе стихи, которые написалъ о себѣ Сергій Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ:

Je passerai sur cette terre
Toujours rêveur et solitaire
Sans que personne m'ait connu.

Странная судьба, странное молчаніе! О немъ, повѣшенномъ, декабристѣ, оставившемъ свои воспоминанія, говорятъ одну, двѣ незначительныхъ фразы, а вспоминая о Рылѣевѣ, С. Муравьевѣ, Пестелѣ, они возвышаются иногда до настоящаго пафоса. Каховскій—какой-то чужой, неизвѣстный имъ человекъ! Онъ чуждъ имъ и физически—до смѣшнаго. Они не знаютъ его настоящаго имени. Даже добросовѣстный Розенъ въ своихъ запискахъ послѣдовательно называетъ

его Петромъ Андреевичемъ Каховскимъ, а онъ былъ Петръ Григорьевичъ.

Но у насъ есть драгоценные материалы для характеристики П. Г. Каховскаго—его собственноручныя признанія въ слѣдственной комиссіи, его замѣчательныя письма изъ крѣпости къ имп. Николаю I и, наконецъ, многочисленнѣйшія показанія о немъ, сдѣланныя его товарищами. На основаніи этихъ данныхъ мы попытаемся набросать обликъ революціонера-романтика и рассказать его судьбу ¹⁾.

1.

Скудны данныя о вѣшной жизни Петра Григорьевича Каховскаго.

По формулярному списку, составленному въ 1821 году, онъ «изъ дворянъ Московской губерніи, въ коей за нимъ состоитъ 230 душъ крестьянъ». Но самъ Каховскій сообщалъ комиссіи въ 1826 году о томъ, что «послѣ смерти родителей его ему съ братомъ досталось 30 душъ крестьянъ въ Смоленскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи; это имѣніе въ казнѣ не заложено, а лежитъ на немъ партикулярный долгъ» ²⁾. Послѣ осужденія, правительство собрало всѣ свѣдѣнія о родственникахъ, имѣніяхъ и капиталахъ осужденныхъ декабристовъ. О Каховскомъ въ его распоряженіи оказались слѣдующія данныя. «Родной братъ его отставной капитанъ-лейтенантъ Никаноръ Каховскій проживаетъ Велижскаго повѣта въ имѣніи генералши Марковой и находится въ болѣзненномъ положеніи и хотя имѣетъ во владѣніи своемъ Смоленской губерніи и уѣзда въ селѣ Тифиневскомъ имѣніе, состоящее въ 15 душахъ, но оно послѣ нашествія непріятеля и по случаю неурожаа хлѣбновъ въ совершенномъ разстройствѣ, черезъ что онъ задолжалъ разнымъ людямъ значительнымъ для него капиталомъ. Послѣ смерти брата Петра Каховскаго осталось имѣніе, заключающееся въ 13 душахъ крестьянъ, но оно подвержено залогу малоромъ Гернгроссомъ въ 6000 руб.; и сверхъ того съ онаго имѣнія взыскивается по заемному обязательству смоленскаго купца Дементія Нольчина 2300 руб.» ³⁾.

¹⁾ Настоящій очеркъ основанъ главнымъ образомъ на матеріалахъ, до сихъ поръ неизданныхъ и находящихся въ Государственномъ Архивѣ. Дѣлая вообще ссылки на архивныя дѣла, мы не дѣлаемъ детальныя ссылки на дѣло Каховскаго (Г. А. I. В. № 354) и на письма его (Г. А. I. В. № 11 и 470).

²⁾ Г. А. I. В. № 304, л. 124.

³⁾ Г. А. I. В. № 315, л. 140—141, 170, 174—175. Любопытно, что, получивъ отъ ген.-губ. Хованскаго эти свѣдѣнія, военный министръ предложилъ генералъ-губернатору развѣдать подъ рукой, не женился ли братъ Каховскаго, такъ какъ до по бумагамъ казеннаго Каховскаго (этихъ бумагъ въ Государственномъ Архивѣ въ дѣлахъ декабристовъ не сохранилось) видно, что братъ собирался выгодной женитьбой поправить свои дѣла. Но собран-

Немудрено, что, обладая такимъ незначительнымъ состояніемъ и не состоя на службѣ, Каховскій нуждался въ деньгахъ и одолжался у Рыльева. Въ 1825 году онъ не могъ даже заплатить портному за сшитое платье 295 рублей, и Рыльевъ за него поручился ¹⁾.

Каховскій родился, по собственному своему показанію, въ 1797 году. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній ни о семейной обстановкѣ, его окружавшей, ни о его родителяхъ. Въ роковомъ для него году Каховскій уже не имѣлъ родителей. Изъ родственниковъ его мы знаемъ только объ одномъ его братѣ. Судя по тому, что за все время производства слѣдствія до самой казни Каховскій не получилъ ни одного письма отъ родныхъ, ни самъ не написалъ и не имѣлъ ни одного свиданія, можно думать, что его отношенія къ родственникамъ были совсѣмъ не родственны: въ то время, какъ чуть не за всѣхъ остальныхъ заключенныхъ хлопотали ближніе и дальніе родственники, родные Каховскаго не проявляли никакой заботливости. По крайней мѣрѣ въ официальныхъ документахъ мы не нашли доказательствъ противнаго, а вѣдомости разрѣшеннымъ свиданіямъ и пропущеннымъ письмамъ велись весьма тщательно. Каховскій не имѣлъ никакихъ родственныхъ связей; онъ былъ совершенно одинокъ. Эта подробность имѣетъ важное біографическое значеніе, и для того, чтобы понять психологію Каховскаго, нужно помнить о его полнѣйшемъ одиночествѣ, о какой-то заброшенности.

Онъ учился въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ. Быть можетъ, онъ былъ здѣсь одновременно съ Владиміромъ Федосееви-

нымъ подъ рукою свѣдѣніямъ оказалось, действительно, что Никаноръ Каховскій женился на дочери генерала Маркова и получилъ въ приданое 170 душъ крестьянъ.

Не являются ли результатомъ недоразумѣнія непріязненные строки автора, приписавшаго богатую невѣсту самому Каховскому? «Смоленскій помѣщикъ, проигравшійся и разорившійся въ игръ, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ надеждѣ жениться на богатой невѣстѣ; дѣло это ему не далось. Сойдѣсь съ Рыльевымъ, онъ предался ему и обществу безусловно. Рыльевъ и другіе товарищи содержали его въ Петербургѣ на свой счетъ». Изъ приведенныхъ нами данныхъ видно, что процессъ разоренія могъ быть лишь весьма непродолжительнымъ. Строки эти взяты изъ статьи «14 декабря», напечатанной Герценомъ въ «Запискахъ декабристовъ» (Вып. 2 и 3. Лонд. 1863 г. Стр. 134—162; перепечатана съ сокращеніями въ «Всемирномъ Вѣстникѣ» 1904 г. № 6—7) и приписанной имъ И. И. Пущину. На самомъ дѣлѣ статья эта, какъ сообщалъ намъ покойный Е. И. Якушкинъ, написана И. Д. Якушкинымъ по разсказамъ Е. П. Оболенскаго, И. И. Пущина и нѣкоторыхъ другихъ его товарищей ссылки, принимавшихъ непосредственное участіе въ дѣлѣ 14 декабря. И. Д. Якушкинъ записывалъ эти разсказы спустя нѣкоторое время послѣ того, какъ ихъ слышалъ. Этимъ объясняются нѣкоторыя неточности.

¹⁾ Въ іюнѣ 1826 года портной Яухинъ черезъ комитетъ потребовалъ съ Каховскаго уплаты денегъ. Жена Рыльева, уплативъ долгъ своего мужа, выразила готовность заплатить и за Каховскаго. Комитетъ сдѣлалъ запросъ Каховскому, можетъ ли онъ заплатить. Это было послѣ 18 іюня. Каховскій просилъ позволенія написать брату о высылкѣ денегъ для уплаты. Не отвѣтивъ на эту просьбу, военный министръ, председатель комитета, сообщилъ черезъ Слѣд. ген.-губернатора, что Каховскій не имѣетъ средствъ для уплаты долга. Г. А. I. В. № 301, л. 47—48.

чемъ Раевскимъ: послѣдній родился въ 1795 году, Каховскій въ 1797 году. Н. И. Гречъ передаетъ слѣдующій интересный разсказъ самого Каховскаго о приключеніяхъ дѣтства. «Онъ былъ въ какомъ-то пансіонѣ (должно быть, университетскомъ) въ Москвѣ, въ 1812 году, когда вступили туда французы. Пансіонъ разбѣжался, и Каховскій остался гдѣ-то на квартирѣ. Въ этомъ домѣ поселились французскіе офицеры и съ мальчикомъ ходили на добычу. Однажды приобрѣли они нѣсколько сткланокъ разнаго варенья. Должно было откупорить. За это взялся Каховскій, но какъ-то неосторожно засунулъ палецъ въ горлышко сткланки и не могъ его вытащить. Французы смѣялись и спрашивали, какъ онъ освободитъ свой палецъ. «А вотъ какъ!» сказалъ мальчикъ и, размахнувшись, разбилъ сткланку объ голову одного француза. Его приколотили за эту дерзость и выгнали». Къ этому разсказу Гречъ присоединяетъ свою сентенцію: «Это начало обѣщало многое, и онъ сдержалъ обѣщанное» ¹⁾. Эпизодъ съ французами, во всякомъ случаѣ, ярко иллюстрируетъ одну черту въ характерѣ Каховскаго—*безпредѣльную дерзость*. Онъ былъ не только дерзокъ въ бытовомъ, житейскомъ смыслѣ, но и дерзновененъ. Мы увидимъ дальше, что въ намѣреніяхъ онъ зашелъ гораздо дальше всѣхъ декабристовъ и, кромѣ того, онъ былъ и искреннѣе, и рѣшительнѣе ихъ. Вообще, о немъ можно сказать, что онъ дѣйствовалъ безъ оглядки и удержу. И когда онъ переживалъ всю тоску тюремнаго заключенія, пытку допросовъ и признаній, забывая о предѣлахъ осторожности, онъ оставался вѣренъ своему характеру.

Итоги его образованія казенный языкъ формуляра опредѣляетъ такъ: «по-русски, по-нѣмецки и французски читать, писать и говорить умѣетъ, исторіи, географіи и арифметикѣ знаетъ». Приходится думать, что образованіе Каховскій приобрѣлъ не на школьной скамьѣ, а позже. Онъ побывалъ и за границей и внимательно приглядѣлся къ тамошнимъ порядкамъ. Въ письмахъ изъ крѣпости о недостаткахъ русской жизни и мѣрахъ ихъ исправленія Каховскій показывалъ себя образованнѣйшимъ человекомъ, вполне на уровнѣ своего вѣка. Бросается въ глаза хорошее знакомство съ экономическими науками, государственнымъ правомъ и политической исторіей. Но самыя сильныя доказательства своихъ положеній онъ беретъ изъ матеріаловъ своего нагляднаго знакомства съ западно-европейскимъ бытомъ. На вопросъ комиссіи, какими науками онъ больше всего занимался, онъ отвѣчалъ: „политическими“, а на вопросъ откуда появился у него вольный образъ мыслей, Каховскій написалъ: „Мысли формируются съ лѣтами; опредѣлительно я не могу сказать, когда понятія мои развернулись. Съ дѣтства изучая исторію грековъ и римлянъ, я былъ воспламененъ героями древности. Недавніе перевороты въ правленіяхъ Европы сильно на меня дѣйствовали.—Наконецъ, чтеніе всего того, что было извѣстнымъ въ свѣтѣ по части политической, дало наклонность мыслямъ моимъ. Будучи въ 1823 и 1824 годахъ за

¹⁾ Н. И. Гречъ. „Записки о моей жизни“. Спб. 1886, стр. 382—383.

границею, я имѣлъ много способовъ читать и учиться: уединеніе, наблюденія и книги были мои учителя“.

Для пониманія психологіи Каховскаго необходимо отмѣтить въ этомъ показаніи свидѣтельство о вліяніяхъ изученія древности. «*Воспламененъ героями древности*»—черта, свойственная не одному декабристу. «Въ это время,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ И. Д. Якушкинъ—мы страстно любили древнихъ: Плутархъ, Титъ Ливій, Цицеронъ, Тацитъ и другіе—были у каждого изъ насъ почти настольными книгами» ¹⁾. Возрожденіе античности характеризуетъ романтическую эпоху и идетъ на встрѣчу свободолобному настроенію. Въ античности искали бодрящихъ мотивовъ, подъема революціонной энергіи.

Возвращаясь къ внѣшней исторіи Каховскаго, мы должны ограничиться данными формуляра. 24 марта 1816 года онъ вступилъ въ военную службу, въ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ юнкеромъ. Изъ временъ его службы въ л.-г. егерскомъ полку его товарищъ, Новицкій, сообщаетъ слѣдующій эпизодъ, который необходимо находится въ біографіяхъ всѣхъ роковыхъ лицъ. «По просьбѣ родныхъ Каховскаго, командиръ 1-го баталіона л.-гв. егерскаго полка, полк. Свѣчинъ, пригласилъ Каховскаго у себя на квартирѣ, въ одномъ изъ номеровъ дома Гарновскаго. Я помѣщался въ одной комнатѣ, скромно меблированной. Это было въ Великомъ посту. Тогда, къ Свѣтлому празднику, гвардейскіе офицеры, имѣвшіе, по большей части, собственные экипажи, заказывали новые, покупали лошадей, сбруи... И къ полковнику Свѣчину пришелъ каретникъ, высокій мужчина, брюнетъ, съ живыми черными глазами. Помню, какъ теперь, когда онъ, не заставъ полковника дома, вошелъ въ нашу комнату, мы съ Каховскимъ лежали на своихъ кроватяхъ: онъ читалъ книгу, я былъ тогда юнкеръ, готовилъ урокъ къ завтрашнему дню; было тутъ еще два-три человека постороннихъ. Каретникъ стоялъ нѣсколько времени недвижно, всматриваясь попеременно, то въ меня, то въ Каховскаго, и вдругъ произнесъ: «Вотъ что я вамъ скажу: одинъ изъ васъ будетъ повѣшенъ, другой—пойдетъ своею дорогою» ²⁾.

Но уже въ декабрѣ 1816 года Каховскій былъ разжалованъ въ рядовые и переведенъ изъ гвардіи въ армію; по сообщенію того же Новицкаго, былъ сосланъ на Кавказъ въ линейные баталіоны за какую-то шалость. Мы не могли документально установить причины разжалованія, но можно предполагать именно «дерзость» Каховскаго. По предписанію командира дивизіи, ген.-маіора Жемчужникова, 7 февраля 1817 года опредѣленъ на службу въ 7-ой егерскій полкъ и за отличіе по службѣ по высочайшему повелѣнію, въ ноябрѣ этого же года, вновь произведенъ юнкеромъ, а въ январѣ слѣдующаго года повышенъ въ портупей-юнкеры. Въ октябрѣ онъ былъ переведенъ въ Астраханскій кирасирскій полкъ и въ

¹⁾ Записки И. Д. Якушкина. М. 1905. Стр. 19.

²⁾ См. «Русская Старина» 1874 г., т. XI (февр.), стр. 177—178.

этомъ полку получилъ чинъ: въ маѣ 1819 года—корнета и въ ноябрѣ того же года—поручика. Въ походахъ Каховскому быть не пришлось, а въ штрафахъ онъ бывалъ «за разныя шалости въ арміи, по повелѣнію великаго князя Константина Павловича». Эти штрафы отличаютъ Каховскаго отъ другихъ декабристовъ, формуляры которыхъ безукоризненны.

24 апрѣля 1821 года Каховскій по болѣзни получилъ отставку. Изъ показанія его передъ генераломъ Левашовымъ мы знаемъ, что онъ дѣйствительно былъ боленъ и ѣздилъ лечиться на Кавказъ вмѣстѣ съ ген.-маіоромъ Свѣчиннымъ; по возвращеніи жилъ нѣкоторое время въ Смоленской губерніи, въ своемъ имѣніи. Въ 1823—1824 годахъ Каховскій путешествовалъ за границей и въ 1825 году онъ появился въ Петербургѣ. Въ это время онъ собирался ѣхать въ Грецію и принять участіе въ борьбѣ за освобожденіе грековъ.

2.

Каховскій былъ сыномъ своего вѣка. Если бы вдругъ исчезли тѣ немногія свидѣтельства современниковъ, тѣ показанія въ официальном дѣлѣ, по которымъ только мы и можемъ возсоздать образъ Каховскаго, то мы не потеряли бы Каховскаго. Стоило бы только обратиться къ литературѣ и поэзіи, вдохновлявшей декабристовъ, къ западно-европейскому романтизму, социальному и протестующему, къ античности, возродившейся въ романтическихъ формахъ, и мы могли бы нарисовать образъ героя, революціонера-романтика двадцатыхъ годовъ. Чтобы отчетливѣе представить себѣ духовную личность Каховскаго, необходимо исходить изъ гражданской поэзіи того времени, изъ романтизма 20 хъ годовъ.

Остановимся на произведеніяхъ Рылѣева и Пушкина. Пламенная любовь къ отечеству, благо родины, священнѣйшія права человека, святая воля, свобода, гнетъ власти, борьба съ самовластьемъ и тиранами—вотъ общія мѣста гражданской поэзіи и Рылѣева и Пушкина, термины, которыми пестритъ чуть не каждая строка ихъ политическихъ стихотвореній.

«Подъ гнетомъ власти роковой
Нерушимою душой
Отказы внемлемъ призыванья;
Мы ждемъ съ томленьемъ упованья
Минутой вольности святой» и т. д.

Для блага родины должны жертвовать не только родными и близкими, но и честью.

«Любя страну своихъ отцовъ,
Женой, дѣтами и собою
Ты ей пожертвовать готовъ...
Но я, но я, пылая местию,
Ее спасаю отъ оковъ,
Я жертвовать готовъ ей честью».

Намъ трудно теперь понять всю *дѣйственность* этой пламенной любви къ родинѣ, которой пылали декабристы. И слова «пылали», «пламенный» отдають для насъ какимъ-то риторизмомъ, а въ то время они точно выражали переживанія декабристовъ. Чувство любви къ родинѣ, обостренное вѣнными войнами, было реальной движущей силой, оно переживалось интимно и необыкновенно сильно. Оно проникало и обнимало всю психику человека и было такимъ же мощно дѣйственнымъ, какъ у народниковъ—любовь къ народу, у искренно вѣрующихъ людей—любовь къ Богу. Сейчасъ мы готовы употребить прозаическій терминъ, говорить объ *экзальтированности* декабристовъ теперь, когда понятія любви къ Богу и любви къ родинѣ какъ-то опустѣли, выцвѣли, стали безжизненно вялыми.

Но благо родины требуетъ и высшаго самоотверженія: родина ждетъ своего Брута, своего Ріаго. Оживаютъ классическіе образы, и имя Брута становится почти нарицательнымъ. И въ политической поэзіи раздаются пламенные призывы къ убійству тирана, работодателя свободы.

«Чтить Брута съ дѣтства я привыкъ:
Защитникъ Рима благородный,
Душою истинно свободный».

Или:

«Они (юноши) раскаются, когда народъ, возставъ,
Заставитъ ихъ въ объятыхъ праздной нѣги,
И въ бурномъ мятѣжѣ ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріаго».

Русскій Брутъ или Ріаго долженъ былъ свергнуть тирана, уничтожить самовластительнаго злодѣя. Всѣмъ былъ вѣдомъ этотъ самовластительный злодѣй, и сверженіе его казалось подвигомъ высшей нравственности, необыкновеннымъ. Ненависть къ тирану вызывала стихи, полные какой-то кровожадности и въ то же время силы.

«И въ Цинеронѣ мной не консулъ, самъ онъ чтилъ,
За то, что имъ спасенъ отъ Катилины Римъ...
О мужъ! достойный мужъ! Почто не можешь снова,
Родившись, согражданинъ снасти отъ рока злова?
Тиранъ, вострепещи! Родиться можешь онъ!
Иль Кассій, или Брутъ, иль врагъ царей Катонъ!
О, какъ на лирѣ я потнусь того прославить,
Отечество мое кто отъ тебя избавитъ!»

Еще ярче—у Пушкина:

«Самовластительный злодѣй!
Тебя, твой родъ я ненавижу.
Твою гибель, смерть дѣтей
Съ свѣрхой радостью я вижу!
Читаютъ на твоимъ челѣ
Печать проклятій народы;
Ты—ужасъ міра, срамъ природы,
Упрекъ ты Богу на землѣ!»

И, наконецъ,—«Кинжалъ», это поразительное по силѣ изображенія, яркости и прозрачности настроенія стихотвореніе Пушкина.

«Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ, послѣдній судя по- зора и обиды! Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона, свершитель ты проклятій и надеждъ... Вышній судъ тебя послалъ». Кинжалъ, какъ орудіе вышняго суда, возстановленія поправнаго права личности,—идея, родившаяся еще въ античномъ мірѣ и во- скресшая въ концѣ 18 вѣка въ Европѣ. Къ намъ она перешла тогда же, и у Радищева мы находимъ патетическія страницы о правѣ возстанія.

И Брутъ, и Ріаго, и Зандъ были героями, волновавшими людей двадцатыхъ годовъ. Пушкинъ воспѣвалъ Занда, убійцу Коцебу, въ увлекательной и дразнящей строфѣ:

«О юный праведникъ, избранникъ роковой,
О Зандъ! Твой вѣкъ угасъ на плахѣ;
Но добродѣтели святой
Остался слѣдъ въ казенномъ прахѣ».

Рылѣевъ формулировалъ этическую оцѣнку:

«Но тотъ, кто съ сильными въ борьбѣ,
За край родной иль за свободу,
Забывши вовсе о себѣ,
Готовъ всѣмъ жертвовать народу,
Противъ тирановъ лютыхъ твердъ,
Онъ будетъ и въ цѣляхъ свободенъ,
Въ часъ казни правотою гордъ,
И вѣчно въ чувствахъ благороденъ».

Литература и поэзія питала пылкій патріотизмъ, будила мечты о благѣ родины, о святой вольности, о сладкой свободѣ. Чудилась борьба съ тиранами и поработителями, открывалась возможность подвига, безпредѣльно дерзновеннаго. Когда друзья отговаривали Якушкина отъ цареубійства, онъ говорилъ: «если въ самомъ дѣлѣ ничто не можетъ быть счастливѣе Россіи, какъ прекращеніе цар- ствованія императора Александра, то вы отнимаете у меня воз- можность совершать самое прекрасное дѣло» ¹⁾. Чувствовалось ка- кое-то безумное влеченіе въ дерзновенной безпредѣльности. Якубо- вичъ, вызывавшійся на цареубійство, впоследствии указывалъ на то, что побуждало его къ этому акту «желаніе казаться необыкно- веннымъ», а самый актъ представлялся «необыкновеннымъ, романи- ческимъ» ²⁾.

Русская литература и поэзія не успѣла воплотить всѣхъ этихъ чертъ въ одномъ героѣ, но пыталась создать его, воспользовав- шись старой темой о Вадимѣ. Въ то время, какъ, по изображенію Екатерины II, Вадимъ является дерзкимъ бунтовщикомъ противъ верховной власти Рюрика, представителя просвѣщеннаго абсолю- тизма,—Княжичинъ въ своей трагедіи выводитъ Вадима, новгород- скаго гражданина, борца за свободу своихъ гражданъ, русскаго

¹⁾ Записки декабристовъ, вып. 1-й. Записки П. Д. Якушкина. Лодж. 1862 г., стр. 19. Въ русскомъ изданіи 1935 г., эти строки цензурой не были пропу- щены.

²⁾ Г. А. I. В. № 362.

Брута. Въ изображеніи Муравьева и Жуковского Вадимъ является сентиментально-романтическимъ ревнителемъ національной свободы. Для Рылѣева и его товарищей, Вадимъ является желаннымъ ге- роємъ, русскимъ Брутомъ. Этотъ типъ удовлетворялъ и ихъ стрем- леніямъ къ самобытности и чувству, требовавшему героя. Вадимъ сталъ своего рода паролемъ для радикаловъ Александровской эпохи, подобно тому, какъ Псковъ и Новгородъ были синонимами *древне- славянской свободы* ¹⁾. Тему о Вадимѣ пытались обработать Ры- лѣевъ, Пушкинъ и В. Ф. Раевскій. Въ «Думѣ» Рылѣева Вадимъ былъ мощнымъ и сильнымъ борцомъ за свободу, съ крѣпкой вѣрой въ успѣхъ своего дѣла. Любопытенъ вѣншій обликъ героя:

«Страсти пылкія рисуются
На челѣ его младомъ;
Перси юныя волнуются
И глаза блестятъ огнемъ».

Вадимъ думаетъ о борьбѣ съ поработителями родины, и конеч- ный эффектъ борьбы—все тотъ же, сверженіе тирана:

«Прозень князь самовластный!
Но наступить мракъ ночной;
И настанетъ часъ рѣшительный,
Часъ для гражданъ роковой!..»

И по этимъ краткимъ литературнымъ свидѣтельствамъ можно представить себѣ образъ революціонера романтика 20-хъ годовъ. Обратимся къ характеристикѣ Каховскаго на основаніи доступныхъ намъ матеріаловъ, и романтическія черты проступятъ яснѣе и кра- сочнѣе.

Когда Каховскій въ своихъ письмахъ и признаніяхъ начинаетъ говорить о любви къ родинѣ и о свободѣ, рѣчь его становится жгучей и возбуждающей, трогательной и красивой, и въ то же время романтически эффектной. «Не о себѣ хочу говорить я, но о моемъ отечествѣ, которое, пока не остановится біеніе моего сердца, будетъ мнѣ дороже всѣхъ благъ міра и самаго неба... Я за первое благо считалъ не только жизнью—честью жертвовать пользѣ моего оте- чества. Умереть на плахѣ, быть растерзану и умереть въ самую минуту наслажденія, не все ли равно. Но что можетъ быть слаше, какъ умереть принеся пользу. Человѣкъ, исполненный чистотой, жертвуетъ собой не съ тѣмъ, чтобы заслужить славу, строчку въ исторіи, но творить добро для добра безъ возмездія. Такъ думалъ я, такъ и поступалъ. Увлеченный пламенной любовью къ родинѣ, страстью къ свободѣ, я не видалъ преступленія для блага общаго. Для блага отечества я готовъ бы былъ и отца моего принести въ жертву. Согрѣтъ пламенной любовью къ отечеству: одна мысль о пользѣ онаго питаетъ душу мою. Я прихожу въ раздраженіе, когда воображаю себѣ всѣ бѣды, терзающія мое отечество».

Полны истиннаго пафоса восклицанія Каховскаго о свободѣ.

¹⁾ См. П. Щеголевъ. «Первый декабристъ Владиміръ Раевскій». Спб. 1905 г. Стр. 60.

Чувство свободы—изначально. Человѣкъ рожденъ для свободы. „Народы, почувствовать сладость свободы и просвѣщенія, стремятся къ ней. Правительства же, огражденные милліонами штыковъ, силѣтся оттолкнуть народы въ тѣмъ невѣжествѣ. Но тѣсны ихъ всѣ усилія: впечатлѣнія, разъ полученныя, никогда не изглаживаются. Свобода, сей свѣточъ ума, теплотворъ жизни, была всегда и вездѣ достояніемъ народовъ, вышедшихъ изъ грубаго невѣжества. И мы не можемъ жить, подобно предкамъ нашимъ, ни варварами, ни рабами. Пока будутъ люди, будетъ и желаніе свободы. Свобода обольстительна: я, распаленный ею, увлечу другихъ». Во имя чего звать къ возстанію? Во имя свободы; вѣдь чувство свободы прирождено человѣку. За свободу—вотъ лозунгъ, который съ восторгомъ подхватятъ всѣ. «Несправедливо говорили, будто бы при возстаніи 14 декабря кричали: «да здравствуетъ конституція» и будто народъ спрашивалъ: «что такое конституція? Не жена ли его осячевна?» Это забавная выдумка. Мы очень знали бы замѣнить конституцію закономъ и имѣли слово, потрясающее сердца равно всѣхъ сословій въ народѣ: Свобода! Но нами ничто не было провозглашаемо, кромѣ имени Константина».

Страстная любовь къ родинѣ, воодушевленіе свободы, естественно вызывали въ Каховскомъ ненависть къ поработителямъ родины и переходили въ жажду отмщенія, жажду самоотверженнаго подвига. Въ показаніяхъ и письмахъ Каховскій не договаривается до конца, но мы можемъ между строкъ читать о призваніи Каховскаго и знаемъ о немъ со словъ современниковъ. По общему признанію, онъ хотѣлъ и долженъ былъ быть Брутомъ, Зандомъ, кинжаломъ, орудіемъ пораженія тирана. Но на этомъ призваніи мы остановимся подробнѣе, когда будемъ говорить о роли Каховскаго въ тайномъ обществѣ.

Если собрать эпитеты, присвоенные Каховскому, то со стороны слѣдователей они исчерпываются словами „дерзкій, отчаянный, неистовый“¹⁾, а со стороны товарищей по дѣлу—„пылкій и рѣшительный“, „пылкая душа, второй Зандъ“ (Оболенскій); „пылкій характеръ, готовый на самоотверженіе“ (Рылѣевъ); „готовый на обреченіе“ (Штейнфельдъ). Нечего говорить, что къ этимъ чертамъ духовной личности Каховскаго нужно присоединить и ту, которая въ то время называлась „истиннымъ благородствомъ духа“.

Всѣ эти душевныя особенности Каховскаго были на виду у всѣхъ, но есть еще и интимныя. При огромномъ самолюбіи, онъ былъ нѣсколько чувствителенъ, сентименталенъ; романтику 20-хъ годовъ нельзя было и быть безъ этого свойства. „И, приговоренный къ ваторгѣ, лишусь немногаго; если тягостна, то одна разлука съ милыми моему сердцу“. У Каховскаго неудачно сложилась жизнь; онъ былъ одинокъ, заброшенъ; съ извѣстной долей пренебреженія относился къ жизни, а разочарованіе, модное въ то время и вполне

¹⁾ Выраженія Боровкова въ его „Автобіогр. воспоминанійхъ“. „Рус. Ст.“ 1898, т. XCVI, ноябрь, стр. 339.

понятное у Каховскаго, вызывало его и на рисовку: „жить и умереть, для меня одно и то же. Мы всѣ на землѣ невѣчны; на престолѣ и въ цѣпяхъ смерть равно беретъ свои жертвы. Человѣкъ съ возвышенной душой живетъ не роскошью, а мыслями—ихъ отнять никто не въ силахъ“... „Мнѣ ненужна и свобода; я и въ цѣпяхъ буду вѣчно свободенъ: тотъ силенъ, кто позналъ въ себѣ силу человечества“¹⁾.

И этотъ человѣкъ съ возвышенной душой, мечтавшій жить въ памяти потомства, какъ русскій Брутъ или Зандъ, былъ необыкновенно чутокъ ко всякому знаку вниманія. Разбивались цѣпи одиночества, и его замкнутая, гордая и самолюбивая душа вдругъ растворялась; онъ становился доверчивымъ и искреннимъ и платилъ взрывами благодарности. Эту черту подмѣтили Рылѣевъ и Николай Павловичъ. Въ свое время мы узнаемъ, какъ воспользовался ею послѣдній.

Таковъ былъ духовный человѣкъ въ Каховскомъ, но мы были бы неправы, если бы забыли въ немъ гражданина. При нашемъ трезвомъ отношеніи къ романтизму, мы, пожалуй, не прочь обвинить Каховскаго въ придуманности настроеній, поверхностности, но эти обвиненія были бы величайшей ошибкой. Каховскій оставилъ письма, адресованныя имъ изъ крѣпости къ царю и генералу Левашову, члену комиссіи. Въ этихъ письмахъ онъ излагаетъ свое политическое міросозерцаніе. Познакомившись съ ними, мы должны будемъ поставить его наряду съ самыми выдающимися декабристами; вдумчивость, наблюдательность и правильная оцѣнка положенія—вотъ отличительныя черты его взглядовъ. Для полноты характеристики Каховскаго необходимо очертить и его міросозерцаніе, хотя бы кратко изложивъ его. Выясненіе его имѣетъ и общее значеніе для исторіи идейной стороны въ движеніи декабристовъ.

3.

Основной пунктъ воззрѣній Каховскаго, конечно,—уничтоженіе самодержавной власти и введеніе народнаго правленія, введеніе конституціи, постановительныхъ законовъ. Ниже мы еще будемъ питировать его горячія и страстныя мольбы передъ Николаемъ I о необходимости дать Россіи конституцію, а сейчасъ перейдемъ къ частностямъ въ міросозерцаніи Каховскаго. Нужно отмѣтить, что въ письмахъ Каховскаго къ царю и къ Левашову мы не найдемъ систематическаго изложенія общественныхъ и политическихъ взглядовъ Каховскаго: это—бессистемный рядъ мыслей и замѣчаній, касающихся, правда, весьма многихъ сторонъ нашей общественной жизни. Наблюденія, проекты и мысли Каховскаго по общественнымъ вопросамъ являются результатомъ не только теоретическаго, книжнаго изученія, но и непосредственнаго знакомства съ жизнью рус-

¹⁾ Цитаты взяты изъ писемъ Каховскаго, писанныхъ въ крѣпости.

скаго народа и съ жизнью Европы. Съ положеніемъ Россіи Каховскій имѣлъ возможность ознакомиться во время путешествія изъ Петербурга на Кавказъ. Всюду онъ слышалъ народный стонъ и ропотъ. Это—не стереотипная фраза, потому что Каховскій узнавалъ жизнь народа не изъ окна кибитки, а изъ живыхъ сближеній съ представителями народа. Вопросъ непосредственнаго соприкосновенія съ народомъ ставился и въ обществѣ декабристовъ. Такъ, Митковъ пробовалъ вести политическіе разговоры съ крестьянами и „замѣтилъ въ нихъ столько здравыхъ мыслей и истины въ сужденіяхъ, что если только сообразоваться съ ихъ языкомъ, то они скоро и легко поймутъ какъ права, такъ и обязанности свободнаго крестьянина“¹⁾. Каховскій оставилъ любопытное свидѣтельство о своихъ сближеніяхъ съ русскимъ народомъ. Его впечатлѣнія проникнуты восторженнымъ сентиментализмомъ, предвзвѣщающимъ позднѣйшее увлеченіе народомъ. «Хитрость и обманъ—свойства рабовъ; самое тяжкое бремя, гнетущее земледѣльцевъ нашихъ, образовало ихъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ, чтобы сохранить для себя что-нибудь отъ насилия помѣщиковъ, нужно прибѣгать къ изобрѣтеніямъ вымысла и хитрости. Во внутреннихъ губерніяхъ государства имѣнія, принадлежащія богатымъ помѣщикамъ, пользуются довольно свободою, хотя и зависятъ совершенно отъ владѣльцевъ своихъ, но образованное дворянство не гнететъ себя подобными и земледѣльцы управляются мірскими сходами. Я былъ на многихъ изъ сихъ совѣщаній маленькихъ республикъ. Сердце дѣло во мнѣ, видя умъ и простое, убѣдительно краснорѣчіе добраго народа русскаго».

„О, какъ хорошо они понимаютъ и обсуживаютъ нужды свои! На сихъ сходахъ я въ первый разъ слышалъ изреченіе изъ Наказа Великой Екатерины. Пусть обитые своекорыстіемъ, враги родной страны, враги добра смѣются съ неправильнаго выговора или съ недовѣрныхъ оборотовъ въ обращеніи нашихъ добрыхъ землепашцевъ; но я, безъ пристрастія говорю, зная народъ Франціи и народъ Россіи, отдаю преимущество и во нравахъ и въ образованіи нашимъ. Пусть кто поспоритъ со мной: я уличу и готовъ доказать правду словъ на самомъ опытѣ. Не лепечутъ наши краснорѣчиваго вздора; но въ разсужденіяхъ умъ русскій ясенъ, глубокъ и твердъ“.

Съ наибольшимъ вниманіемъ Каховскій останавливается на положеніи судебной части въ Россіи. Отсутствие точнаго и яснаго законодательства, вопіющіе недостатки судопроизводства его просто разстраивали. Постановительные непрѣмные законы прекращаютъ всѣ злоупотребленія въ судопроизводствѣ. Ясность и краткость оныхъ не допускаетъ запутывать дѣла; они легко запечатлѣваются въ памяти и дѣлаются извѣстными всѣмъ; чрезъ нихъ каждый знаетъ свою обязанность, свои права, — и чему подвергается, не соблюдая предписанныхъ ими правилъ. Мы симъ похвалиться не можемъ; у насъ указъ на указъ, одно разрушаетъ, другое возобно-

¹⁾ Г. А. I. В. № 387.

вляеть, и къ каждому случаю и предмету найдутся нѣсколько узаконеній, одни съ другими несогласныя. Сильные и сутяги торжествуютъ, бѣдность и невинность страдаетъ“. Каховскій умоляетъ Николая улучшить законодательство: „Милосердый Государь! займитесь внутреннимъ устройствомъ государства. Отсутствие закона—ужасный вредъ для насъ; вредъ физическій и моральный. Служба замѣнилась прислугой, общая польза забыта, своекорыстіе грызетъ сердца и любовь къ отечеству уже для иныхъ стала смѣшнымъ чувствомъ“.

Образцомъ законодательства Каховскому казался кодексъ Наполеона. По мнѣнію Каховскаго, съ небольшими измѣненіями этотъ кодексъ годился бы для всѣхъ народовъ. Но въ немъ былъ существеннѣйшій недостатокъ, который Каховскій находилъ крайне вреднымъ: примѣненіе смертной казни. Любопытны мотивы, по которымъ онъ считалъ недопустимой смертную казнь. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, содѣйствуетъ ли эта мѣра наказанія прекращенію преступленій, онъ обращалъ вниманіе на самую природу смертной казни, какъ наказанія. «Можетъ ли смерть быть наказаніемъ, когда она есть необходимое условіе человѣческаго бытія, и не каждый ли изъ насъ при самомъ еще рожденіи приготовленъ къ оной?»—говорилъ Каховскій и подчеркивалъ то, что смертная казнь не удовлетворяетъ цѣлямъ исправленія, которыя преслѣдуетъ наказаніе. «Законы должны наказывать виновныхъ, но не убивать, и въ самомъ наказаніи стараться не заграждать пути преступнику къ исправленію». Въ этомъ смыслѣ Каховскій считалъ достигающей своихъ цѣлей американскую пенитенціарную систему и предлагалъ примѣнить ее въ Россіи: «Благодѣтельное устройство тюремное въ Соединенныхъ Штатахъ Америки можетъ служить и для насъ, и для всѣхъ народовъ Европы образцомъ. Въ нашихъ тюремныхъ острогахъ, гдѣ всѣ преступленія смѣшаны вмѣстѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ занятій, ни трудовъ, ни порядка, ни чистоты; гдѣ обитаетъ развратъ, гдѣ самый воздухъ душной зараженъ сирадомъ; гдѣ содержащіеся, истлѣвая душой и тѣломъ, питаются мірскимъ лишь подавнымъ, гдѣ часто надзирающіе за преступниками—преступники еще большіе; въ таковыхъ заведеніяхъ, конечно, не исправится заключенный, но лишь ожесточится или развратится совершенно. Для образованія тюремъ, подобно какъ существуютъ они въ Соединенныхъ Штатахъ, нужна значительная сумма денегъ; можно ли ихъ жалѣть въ такомъ случаѣ; и тѣмъ болѣе это единовременная издержка и зато на всегда содержаніе тюремное правительству ничего не будетъ стоить; да и самая истратенная сумма для образованія временемъ изъ трудовъ содержащихся уплачена быть можетъ».

Процессъ судебный, по мнѣнію Каховскаго, долженъ быть гласнымъ и устнымъ, съ допущеніемъ присяжныхъ и адвокатовъ. Онъ предлагалъ уменьшить число судебныхъ инстанцій и ввести раздѣленіе суда, кассационнаго и апелляціоннаго. Въ уѣздныхъ городахъ должны бы были учреждены два мѣста: слѣдственное и судебное; въ губернскихъ—уголовныя палаты по образцу палатъ француз-

свихъ и англійскихъ, съ присяжными засѣдателями; и, наконецъ, главный судъ, кассационный, или, какъ выражался Каховскій, палата разбирающая. «Палатѣ разбирающей—допустить право не рѣшать и не пересуживать дѣла, а лишь разбирать, законно ли производились оныя (при постановительныхъ законахъ отъ производства зависить дѣло, опредѣленіе законное каждому извѣстно, ибо оно неперемѣнно); найдя упущенія, возвращать дѣла по предмету ихъ въ уѣздный судъ или уголовную палату, оштрафовавъ оныя и предписавъ имъ пополнить, изслѣдовать и перерѣшить». Въ случаѣ несправедливыхъ жалобъ Каховскій предлагалъ взыскивать съ просителей установленную пеню. Предвидя уменьшеніе гербоваго сбора при устномъ процессѣ, Каховскій проектировалъ введеніе судебныхъ издержекъ.

По вопросу о личной неприкосновенности взгляды Каховскаго не были подробно разработаны. Онъ пытался реставрировать и утвердить явно не отмѣненный законъ: «безъ суда никто да не накажется», возставалъ противъ нарушенія правъ гражданъ освѣщенныхъ вѣками. Съ особеннымъ краснорѣчіемъ онъ говорилъ о нарушеніи правъ личности генераль-губернаторами и гражданскими губернаторами. Онъ приводилъ въ примѣръ аресты дворянъ, производимые смоленскимъ генераль-губернаторомъ Хованскимъ. Генераль-губернаторскій институтъ вообще казался ему безцѣльнымъ и нецѣльнымъ. Его соображенія остаются вѣрными и для нашего времени. Пользы отъ генераль-губернаторовъ нигдѣ не видно, они тяготятъ лишь населеніе лично собой, какъ лишней, бесполезной властью: «Если же генераль-губернаторы учреждены для новаго образованія присутственныхъ мѣстъ въ губерніяхъ, то выборъ сдѣланъ весьма неудачно: и отличный дивизионный начальникъ можетъ быть весьма плохимъ генераль-губернаторомъ».

Юридическіе взгляды Каховскаго, лишь вкратцѣ нами изложенные, показываютъ, что онъ въ вопросахъ права далеко опередилъ своихъ современниковъ и во многомъ предвосхитилъ идеи судебной реформы шестидесятихъ годовъ.

Въ своихъ экономическихъ взглядахъ Каховскій былъ сыномъ времени. Онъ вѣрно оцѣнивалъ финансовое и экономическое положеніе Россіи: указывалъ на истощеніе страны, вызываемое непосильными налогами, прямыми и косвенными, къ тому же взыскиваемыми иногда вдвойнѣ. Каховскій находилъ, что «балансъ потерянъ». Запретительная система, обиліе казенныхъ монополій являются причиной отсутствія торговли, вѣншей и внутренней. Считаюсь съ задачами фиска, правительство совершенно забываетъ о пользѣ народа. «Выгоды казны совершенно несогласны съ выгодами народа. Для казны можетъ быть полезна запретительная система, но для народа убійственна; ею онъ лишенъ столь необходимой ему вѣншей торговли. Всѣ откупы прибыльны казнѣ и очень видимо вредны народу. Всѣ налоги, возложенные казною, ей прибыльны и изсушаютъ источникъ богатства народнаго. Займы, казною сдѣланные въ иностранныхъ государствахъ, для нея выгодны; она не несетъ тя-

гости долга; но для народа, уплачивающаго оныя—отяготительны. Скупъ въ портахъ нашихъ звонкой иностранной монеты для нея выгоденъ, но отнюдь не народу. Наконецъ, всѣ тарифы, таможи, гильдіи, цехи полезны казнѣ и обременительны народу. Казна все отымастъ у гражданъ, не оставляя имъ ничего, кромѣ тигости и нищеты. Жадная, ненасытная, всѣ выгоды присваиваетъ себѣ и ничѣмъ не хочетъ подѣлиться. Можетъ ли такимъ образомъ существовать правительство и могутъ ли подъ его тяжкимъ бременемъ народы благоденствовать? Правительство, удерживающее власть свою страхомъ, а не любовью подвластныхъ ему народовъ, не можетъ быть ни сильно, ни счастливо».

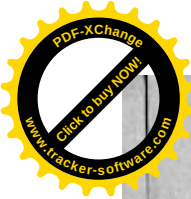
Не будемъ останавливаться на мнѣніяхъ Каховскаго по крестьянскому вопросу. Онъ очень хорошо зналъ экономическое положеніе крестьянъ и оставилъ по этому предмету въ наставленіе генералу Левашову подробныя записки, но въ взглядахъ по крестьянскому вопросу онъ не былъ оригиналенъ и раздѣлялъ убѣжденія, принятые всѣми декабристами. Обстоятельное изложеніе ихъ взглядовъ читатель найдетъ въ статьѣ В. П. Семевского ¹⁾.

Политическіе взгляды Каховскаго покоятся на слѣдующемъ положеніи. Самодержавная власть враждебна истинной свободѣ и истинному просвѣщенію. «Народы, почувствовавъ сладость просвѣщенія и свободы, стремятся къ нимъ, а правительства, огражденные штыками, силятся оттолкнуть народы въ тьму невѣжества». Вотъ смыслъ совершающагося историческаго процесса. Но вѣдь не народы существуютъ для правительства, а правительства для народовъ. Отсюда—непримиримая борьба, тѣмъ болѣе непримиримая, что при всѣхъ соглашенияхъ народъ всякій разъ неукошительно былъ обманываемъ царями. Нѣтъ договора съ царями. Такова схема политическихъ воззрѣній Каховскаго. Она создана ходомъ событій въ Западной Европѣ, совершившихся передъ взорами Каховскаго и его современниковъ. Такіе взгляды свойственны и другимъ декабристамъ, но никто изъ нихъ—ни въ показаніяхъ, ни позднѣе—въ воспоминаніяхъ не выразилъ такъ ярко процесса отторженія власти отъ народа, какъ Каховскій, и не подчеркнул съ такой силой вліянія западно-европейской исторіи на міросозерцаніе декабристовъ. Не нужно забывать и того, что Каховскій разсыпалъ свое краснорѣчіе передъ Николаемъ Павловичемъ и генераломъ Левашовымъ.

Не имѣя возможности приложить здѣсь цѣликомъ письма Каховскаго, позволимъ себѣ привести наиболѣе яркую выдержку. Она дастъ представленіе о литературныхъ талантахъ Каховскаго и познакомитъ насъ съ тѣми впечатлѣніями, которыя вызывалъ въ декабристахъ ходъ событій западно-европейской исторіи. Надѣмся, что читатель не посѣтуетъ на насъ за длинноту цитаты.

«Предки наши, менѣе насъ просвѣщенные, пользовались болѣе-шей свободой гражданственности. При царѣ Алексѣ Михайловичѣ

¹⁾ «Крестьянскій вопросъ въ Россіи во второй половинѣ XVIII-го и первой половинѣ XIX вѣка» въ книгѣ «Крестьянскій строй». Т. I. СПб. 1905.

еще существовали въ важныхъ дѣлахъ государственныхъ великіе Соборы, въ которыхъ участвовали различныя сословія государства. Въ царствованіе его ихъ было пять. Петромъ I, убившимъ въ отечествѣ все національное, убита и слабая свобода наша. Она сокрылась наружно, а жива внутри сердецъ гражданъ добрыхъ; медленны были успѣхи ея въ государствѣ нашемъ. Мудрая Екатерина II нѣсколько ее распространила. Ея величествомъ уже былъ заданъ вопросъ Петербургскому вольному экономическому обществу: о пользѣ и слѣдствіяхъ свободы крестьянъ въ Россіи. Великая, благотворительная мысль обитала во сердцѣ любимой народомъ государыни. И кто изъ русскихъ безъ умиленія прочтетъ наказъ, ею данный; онъ одинъ собой искупаетъ всѣ недостатки того времени и вѣку тому свойственные. Императоръ Александръ многое обѣщалъ намъ; онъ, можно сказать, исполински двинулъ умы народа въ священнымъ правамъ, принадлежащимъ человечеству. Впослѣдствіи онъ перемѣнилъ свои правила и настрѣнія. Народы ужаснулись, но уже смена проросла и глубоко пустила корни. Послѣдняя половина прошлаго столѣтія и событія нашего вѣка столь богаты различными переворотами въ правленіяхъ, что мы не имѣемъ нужды ссылаться въ вѣка отдаленные. Мы свидѣтели великихъ происшествій. Образование новаго свѣта, сѣверо-американскіе Штаты своимъ устройствомъ подвигнули Европу къ соревнованію. Они будутъ слять въ примѣръ и отдаленному потомству. Имя Вашингтона, друга, благодѣтеля народнаго, пройдетъ изъ рода въ родъ; при воспоминаніи его закипитъ въ груди гражданъ любовь къ благу отечества.

«Революція Франціи, столь благотворительно начатая, къ несчастію, наконецъ превратилась изъ законной въ преступную. Но не народъ былъ сему виною, а пронырства дворовъ и политики. Революція Франціи сильно потрясла троны Европы и имѣла на правленіе и на народъ оный еще большее вліяніе, чѣмъ самое образованіе Соединенныхъ Штатовъ. Владычество Наполеона, война 1813 и 1814 годовъ, въ которую соединились всѣ народы Европы, призванные монархами, воспламененные воззваніемъ къ свободѣ и гражданскому бытію. Посредствомъ чего собраны несчетныя суммы съ гражданъ, чѣмъ руководились войска? Свободу проповѣдывали намъ и манифесты, и воззванія, и приказы! Намъ манили—и мы, добрые сердцемъ, повѣрили, не щадили ни крови своей, ни имущества.—Наполеонъ низринуть! Бурбоны, призванные на престолъ Франціи, покоряясь обстоятельствамъ, дали конституцію народу храброму, великодушному! И присягнули ему забыть все прошлое. Монархи соединились въ священный союзъ; составились конгрессы, возвѣстили народамъ, что они сѣзжаются для совѣщанія о уравниваніи классовъ и водворенія политической свободы. Но скоро цѣль конгрессовъ открылась; скоро увидѣли народы, сколь много они обмануты. Монархи лишь думали объ удержаніи власти неограниченной, о поддержаніи расшатавшихся троновъ своихъ, о погубленіи и послѣдней искры свободы и просвѣщенія. Оскорбленные на-

Петръ Григорьевичъ

КАХОВСКІЙ

(съ портрета изъ альбома Ниниты Муравьева)

роды потребовали обща́ннаго, имъ принадлежащаго—и цѣли и темницы стали ихъ достояніемъ!—Цари преступили клятвы свои; конституція Франціи нарушена въ самомъ своемъ основаніи: Мануэль, представитель народа, изъ палаты депутатовъ извлеченъ жандармами! Свобода книгопечатанія утѣснена; войска Франціи противъ желанія ея рѣзали законную вольность Испаніи. Карлъ X, забывъ присягу, данную Людовикомъ XVIII, вознаграждаетъ эмигрантовъ и обременяетъ для того народъ новыми налогами. Въ выборы депутатовъ вмѣшивается правительство, и въ последнемъ выборѣ, въ числѣ депутатовъ только тридцать три человѣка не состоятъ на службѣ и жалованьи короля; всѣ прочіе принадлежатъ министрамъ. Мужественный, твердый народъ Испаніи, отстоявшій кровью своей независимость и свободу отечества, спасъ королю и тронъ, и честь, имъ потерянную; всѣмъ самому себѣ обязанный, принялъ на престолъ свой Фердинанда. Король присягнулъ хранить права народныя. Императоръ Александръ I-й еще въ 1812 году призналъ конституцію Испаніи; впоследствии она была утверждена всѣми монархами Европы. Фердинандъ скоро забылъ благодаренія народныя, нарушилъ клятву, нарушилъ права гражданъ, своихъ благодѣтелей. Возсталъ народъ на клятвопреступника; и Священный союзъ забылъ, что Испанія первая стала противъ насилій Наполеона, и императоръ Александръ презрѣлъ признанное имъ правленіе, сказалъ, что въ 1812 году обстоятельства требовали, чтобы онъ призналъ конституцію Испаніи. И союзъ содѣйствовалъ, что войска Франціи обезславили себя вторженіемъ въ Испанію. Арестованный Фердинандъ въ Кадиксѣ былъ приговоренъ къ смерти. Онъ призываетъ Ріего, клянется вновь быть вѣрнымъ конституціи, выслать войска Франціи изъ предѣловъ отечества и проситъ о сохраненіи себѣ жизни. Честные люди бывають доверчивы. Ріего ручается кортесамъ за короля; его освобождаютъ. И что же? Какой первый шагъ Фердинанда? Ріего приказаніемъ его схваченъ, арестованъ, отравленъ и полумертвый, святой мученикъ, герой, отрекшійся отъ престола, ему предлагаемаго, другъ народа, спаситель жизни короля, по его приказанію, на позорной телегѣ, осломъ запряженной, везенъ былъ черезъ Мадридъ и повѣшенъ, какъ преступникъ! Какой поступокъ Фердинанда! Чье сердце отъ него не содрогнется? Народы Европы вмѣсто обща́нной свободы увидали себя утѣсненными, просвѣщеніе сжатымъ. Тюрьмы Пьемонта, Сардиніи, Неаполя, вообще всей Италіи, Германіи наполнились окровавленными гражданами. И судьба народовъ стала столь тягостной, что они пожалѣли время прошлое и благословляютъ память завоевателя Наполеона!—Вотъ случаи, въ которыхъ образовались умы и познали, что съ царями народамъ дѣлать договоръ невозможно, Прогивно разсудку винить націю предъ правительствомъ. *Правительство, не согласное съ желаніемъ народа, всегда виновно; ибо въ здоровомъ смыслѣ законъ есть воля народная.* Цари не признають сей воли, считаютъ ее буйствомъ, народы—своей вотчиной; стараются разорвать самыя священныя связи природы. Давно ли мы, русскіе,

смѣли написать и произнести слово «отечество»? Въ царствованіе императора Павла I-го оно было запрещено; слово «государство» замѣняло его, и полковникъ Тарасовъ, не вѣдая запрещенія, упомянувъ въ одномъ письмѣ къ императору отечество, сидѣлъ за то въ крѣпости. Я не думаю, чтобы и самые цари въ глубинѣ сердца своего не сознали себя виновными! отъ кого же зависить примириться имъ съ народами: пусть дадутъ свободу законную, чтобы народы не стремились буйно къ ней. Кровь братій драгоцѣнна для гражданъ добрыхъ; цари могутъ удержать потокъ ея, и народы благословлять ихъ.

«Мы, русскіе, внутри своего государства кичимся, величая себя спасителями Европы! Иноземцы не такъ видятъ насъ; они видятъ, что силы наши есть резервъ деспотизму Священнаго союза. Пруссія нами возвеличена; но пруссаки не любятъ насъ. Они говорятъ: «Штыки ваши мѣшаютъ взять намъ обѣщанное, принадлежащее. Ваши военныя формы, ваши приемы, ваши маневры душатъ насъ». Въ послѣднемъ они не правы: Пруссія обязана мы и прочія государства Европы страстію монарховъ къ разводамъ и ученію солдатъ. Фридрихъ Великій, будучи великимъ государемъ, былъ и страстнымъ капраломъ. Отъ него перешла страсть сія и распространилась.

«Силезія и часть Саксоніи, отторгнутая отъ добраго правленія короля Саксонскаго, роишутъ и на насъ и на правительство прусское. Ограбленное королевство Саксонское можетъ ли быть довольно союзниками? Зарейскія области Пруссіи ждуть лишь удобной минуты свергнуть иго, ихъ утѣшяющее. Дряхлая глыба Австріи столь ненадежна, что малѣйшій вѣтеръ способенъ разнести ее. Держава, составленная изъ клочковъ разноплеменныхъ народовъ, ненавидящихъ правленіе свое и нелюбящихъ другъ друга, можетъ ли быть прочной? Вѣнцы, варвары среди просвѣщенной Европы, гордятся своимъ мнимымъ преимуществомъ и старшинствомъ, равно ненавидисты какъ нѣмцамъ, такъ и иноплеменикамъ. Бѣдная, раздробленная, обнищавшая Італія оплакиваетъ горе свое и жаждетъ соединенія. Франція еще нѣсколько богата и счастлива, но честолюбіе ея обижено и тайное желаніе мщенія гнететъ ее. Несчастлива Испанія! въ ней опять водворяются права святой, благотворительной инквизиціи; и изнеможенный народъ согбенно тащитъ бревна соорудить костеръ для своего сожженія.

«Гдѣ-же, кого спасли мы, кому принесли пользу? За что кровь наша упитала поля Европы? Можетъ быть, мы принесли пользу самовластію—но не благу народному. Націю ненавидѣть невозможно, и народы Европы не русскихъ не любятъ—но ихъ правительство, которое вытѣпывается во всѣ ихъ дѣла и для пользы царей утѣшаетъ народы.

«Университеты Германіи довольно чувствуютъ и помнятъ Коцебу и Стурзу. Коцебу постигло достойное возмездіе. Стурза ушелъ отъ онаго; онъ былъ вызываемъ къ оправданію университетовъ въ Германію и не устыдился объявить, что все, имъ писанное, было не отъ него, но по повелѣнію правительства нашего.

«Нѣкоторое время Императоръ Александръ казался народамъ Европы ихъ миротворцемъ и благодѣтелемъ; но дѣйствія открыли намѣренія и очарованіе исчезло! Сняты золотыя цѣпи, увитыя лаврами, и тяжкія, ржавыя, желѣзныя давятъ человечество.

«Обманутая Англія, истощившая свои гиней для уничтоженія запретительной системы, умильно смотритъ на святой союзъ!

«Единоутѣрные намъ греки, нѣсколько разъ нашимъ правительствомъ возбуждаемые противъ тиранства магометанскаго, тонуть въ крови своей; цѣлая нація истребляется и человеколюбивый союзъ равнодушно смотритъ на гибель человечества! Сербы, вѣрные наши союзники, стонутъ подъ игомъ безчеловѣчія турецкаго. Черногорцы, не дающіе никому войскъ своихъ, столь усердно намъ служившіе во время кампаніи флота нашего, въ Средиземномъ морѣ, подъ начальствомъ адмирала Сениавина, забыты, покинуты на произволъ судьбы. Одинакое чувство одушевляетъ всѣ народы Европы, и сколь ни утѣшено оно, но убить его невозможно. Сжатый порохъ сильнѣе дѣйствуетъ! и пока будутъ люди, будетъ и желаніе свободы. Нѣкая тишина лежитъ теперь на пространствѣ твердой земли просвѣщенной Европы; но кто знаетъ, чему она предвозвѣстница? Не гремитъ оружіе, но умы дѣйствуютъ! Народы не пошатнулись, твердо идутъ впередъ къ просвѣщенію; не смотря на всѣ закланы, жажда свѣдѣній распространяется и находитъ источники къ утоленію. Строгая цензура со всѣми способами полиціи и таможи никакъ и нигдѣ не можетъ остановить ни ввоза книгъ, ни внутреннихъ сочиненій. И стоитъ только какое сочиненіе запретить, то оно сдѣлается для всѣхъ интереснымъ и даже писанное разоидется по рукамъ. Во Франціи запретится книга—и въ самомъ скоромъ времени въ Россіи она явится. Разумноженное шпіонство доказываетъ лишь слабость правительствъ и что они сами чувствуютъ, сколь они неправы предъ народами. Посредствомъ шпіонства прекращаются ли толки и сужденія? Мѣры берутся противъ мѣръ и уточняются способы скрывать желанія, дѣйствія и надежды».

Можно только удивляться поразительно вѣрной оцѣнкѣ событий историческихъ, первой четверти XIX вѣка. Вѣрность общихъ соображеній не подлежитъ сомнѣнію и по сіе время.

4.

Міросозерпаніе Каховскаго сложилось раньше, чѣмъ онъ узналъ объ обществѣ. Но развѣ нужно принадлежать къ обществу, чтобы исповѣдывать его міросозерпаніе? «Мы не составлялись въ общество, но совершенно готовые въ него лишь соединились, писалъ генералу Левашову Каховскій 24 февр. 1826.—Начало и корень общества должно искать въ духѣ времени и положеніи, въ которомъ мы находимся. Я съ немногими членами тайнаго общества былъ знакомъ, и вообще, думаю, число ихъ невелико. Но изъ большого числа моихъ знакомыхъ, не принадлежащихъ никакимъ

тайнымъ обществамъ, очень немногіе были противнаго со мной мнѣнія. Смѣло говорю, что изъ тысячи молодыхъ людей не найдется ста человѣкъ, которые бы не пылали страстью къ свободѣ. И юноши, пламенѣя чистой, сильной любовью къ благу отечества, къ истинному просвѣщенію, дѣлаются мужами»¹⁾.

Съ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, съ опредѣленнымъ настроеніемъ появился Каховскій въ столицѣ. Онъ жаждалъ принести жертву за дѣло свободы. Изъ Петербурга онъ рассчитывалъ отправиться въ Грецію и, подобно Байрону, принять участіе въ борьбѣ за греческое освобожденіе. Появленіе его было замѣчено декабристами. «Незамѣтно протекалъ 1825 годъ,—пишетъ Е. П. Оболенскій въ своихъ запискахъ.—Помню изъ этого времени появленіе Каховскаго, бывшаго офицера лейбъ-гренадерскаго полка, прѣхавшаго въ Петербургъ по какимъ-то семейнымъ дѣламъ. Рылѣевъ былъ съ нимъ знакомъ, узналъ его короче, и, находя въ немъ душу пылкую, принявъ его въ члены общества. Лично я его мало зналъ, но, по отзыву Рылѣева, мнѣ извѣстно, что онъ высоко цѣнилъ его душевныя качества. Онъ видѣлъ въ немъ второго Занда. Знаю также, что Рылѣевъ ему много помогалъ въ средствахъ къ жизни и не щадилъ для него своего кошелька»¹⁾.

Дѣйствительно, съ Рылѣевымъ Каховскій былъ знакомъ уже давно. Еще въ 1820 году между ними происходили разговоры объ общественномъ служеніи. Сохранились датированные 1820 годомъ стихи Рылѣева, посвященные Каховскому и написанные въ отвѣтъ на стихи послѣдняго, въ которыхъ онъ совѣтовалъ ему навсегда остаться въ Украинѣ. Рылѣевъ отвѣчалъ:

«Чтобъ я младые годы
Дѣявнымъ своимъ убилъ!
Чтобъ я не поспѣшилъ
Подъ знамена свободы!
Нѣтъ, вѣтъ, тому во вѣкъ
Со мною не случится...
Тотъ жалкій человѣкъ,
Кто славою не пѣвнелъ!
Кумиръ молодой души,

¹⁾ Излагая дѣятельность Каховскаго по тайному обществу, мы руководимся немногочисленными указаніями, сдѣланными въ воспоминающихъ декабристовъ, но главнымъ образомъ основываемся на официальныхъ данныхъ слѣдствія. Слѣдственный матеріалъ всегда сомнителенъ, и опираться на него можно только послѣ тщательнаго критическаго анализа всѣхъ данныхъ—за и противъ. Въ дѣлѣ Каховскаго нужно исходить изъ послѣдняго признанія, и противъ. Въ дѣлѣ Каховскаго нужно исходить изъ послѣдняго признанія, сдѣланнаго имъ послѣ продолжительнаго заперательства 11 и 14 мая. Исто- рическаго процесса Каховскаго будетъ изложена ниже, но теперь слѣдуетъ указать, что въ этомъ послѣднемъ признаніи Каховскій сжигалъ корабли, объявлялъ о своемъ заперствѣ и дѣлалъ сознаніе. Это признаніе должно быть со- поставлено съ свидѣтельствами мемуаровъ и, только послѣ этого, съ пока- заніями участниковъ въ дѣлѣ. При анализѣ всякихъ показаній нужно уста- навливать основную тенденцію поведения во время слѣдствія.

²⁾ «Общ. движ. въ первую половину XIX в.», т. I, стр. 243. Оболенскій ошибается, утверждая, что онъ служилъ въ лейбъ-гренадерскомъ полку.

Она меня, трубою
Будя въ вѣмной глуши,
Волѣтъ кличетъ за собою
На берега Невы»¹⁾.

Въ первыхъ своихъ показаніяхъ Каховскій отрицался отъ про- должительнаго знакомства съ Рылѣевымъ, настаивая на томъ, что онъ познакомился съ нимъ въ послѣдній прѣздъ въ Петербургъ въ домѣ Глинки; но въ послѣднемъ признаніи онъ заявилъ рѣши- тельно: «я не познакомился съ Рылѣевымъ у Глинки». Завязанныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ отношенія упрочились на почвѣ поли- тическихъ разговоровъ и предпріятій. «Скоро я съ нимъ—писалъ въ этомъ признаніи Каховскій—сошелся довольно коротко, бывалъ часто у него, онъ у меня, и всегда при свиданіяхъ разговоръ нашъ большею частью былъ о правительствѣ. Согласіе въ мнѣніяхъ нашъ подружило. Онъ открылъ мнѣ о тайномъ обществѣ, принявъ меня въ оное и при самомъ принятіи открылъ мнѣ и цѣль оного: истре- бленіе царствующей фамилии и водвореніе правленія народнаго. Я съ нимъ во всемъ былъ согласенъ. Онъ просилъ меня распростра- нять свѣдѣнія, стараться усиливать общество надежными и полез- ными людьми, сказавъ: «особливо старайся принимать офицеровъ гвардіи, но будь остороженъ въ выборѣ и не отрывай цѣль на- стоящую, а лишь возбуждай ненависть къ правительству и стрем- леніе къ свободѣ; до прочаго каждый самъ дойдетъ. Рисковать намъ много не надо. Мнѣ съ тобой скрываться не нужно, ты самъ столько же готовъ, какъ и я; ты многое узнаешь, но пожалуйста при пріемѣ не открывай членовъ и береги общество». Я нимало не скрываюсь. Рылѣевъ мнѣ не сказалъ ничего новаго. Точно я давно былъ готовъ. Онъ меня не составилъ—черезъ него я лишь соединился съ обще- ствомъ. На счетъ распространенія свѣдѣній, я ихъ и безъ него дѣлалъ».

Рылѣевъ о знакомствѣ съ Каховскимъ далъ 24 апрѣля нѣсколько различающееся показаніе. «Каховскій прѣхалъ въ Петербургъ, съ намѣреніемъ отправиться отсюда въ Грецію, и совершенно случайно познакомился со мной»²⁾. Примѣтивъ въ немъ образъ мыслей со- вершенно республиканскій и готовность на всякое самоотверженіе, я послѣ нѣкотораго колебанія рѣшился его принять, что и испол- нилъ, сказавъ, что цѣль общества есть введеніе самой свободной монархической конституціи. Болѣе я ему не сказалъ ничего: ни силъ, ни средствъ, ни плана общества къ достиженію преднамѣренія она- го. Пылкій характеръ его не могъ тѣмъ удовлетвориться, и онъ при каждомъ свиданіи докучалъ мнѣ своими нескромными вопросами; но это самое было причиною, что я рѣшился навсегда оставить его въ невѣдѣніи»³⁾.

¹⁾ Сочиненія К. О. Рылѣева, изд. М. Н. Мазаевымъ, Спб. 1893 г., стр. 82.

²⁾ Это показаніе Рылѣева опровергается приведеннымъ выше свидѣтель- ствомъ Оболенскаго и словами Каховскаго.

³⁾ Г. А. И. В. № 334. Въ дальнѣйшемъ смысловъ на это дѣло Рылѣева не дѣлалъ.

Каховскій утверждаетъ, что Рылѣвъ съ самаго начала открылъ ему двѣ цѣли общества: водвореніе правленія народнаго и истребленіе царствующей фамилии. Рылѣвъ отрицалъ это и стоялъ на томъ, что Каховскій самъ вызвался быть царубійцей.

Различіе въ показаніяхъ Каховскаго и Рылѣва объясняется тѣмъ, что ни тотъ, ни другой не посмѣли сказать всей правды до конца.

Каховскій долженъ былъ бы сказать, что онъ, дѣйствительно, обрекалъ себя въ жертву родинѣ, бралъ на себя крайній эффектъ революціонной энергіи, общалъ поразить тирана. А онъ до конца жизни не сказалъ этого: быть можетъ потому, что сказать это значило бы обнажить свою душу, открыть сокровеннѣйшіе замыслы. Быть можетъ также, ему было чрезчуръ тяжело разсказать царю, отъ котораго онъ скрылъ это и расположеніе котораго (такъ казалось ему) онъ завоевалъ. Въ своихъ признаніяхъ онъ доходилъ до утвержденій, что онъ непременно выстрѣлилъ бы «по Государю», если бы тотъ подѣхалъ къ каре. Онъ даже иногда проговаривался: говоря о томъ, какъ наканунѣ 14 декабря заговорщики умоляли его рѣшиться на царубійство, онъ высказывалъ удивленіе: «зачѣмъ было меня уговаривать, когда я самъ вызвался?» Онъ сознавался въ томъ, что когда ему открыли цѣль общества—истребленіе фамилии, онъ былъ согласенъ; и все-же онъ не рѣшался открыть своей инициативы, оригинальности своего замысла.

Въ своихъ отвѣтахъ Каховскій не одинъ разъ повторяетъ о своемъ самоотверженіи, о своей готовности пожертвовать жизнью, ради блага отечества поразить родного отца, принести на алтарь любви къ родинѣ не только жизнь, а даже честь. «Для блага общаго я не видалъ преступленія». И во всѣхъ этихъ фразахъ есть недоговоренное: онъ умалчиваетъ о крайней цѣли, о конечномъ эффектѣ своего самоотреченія: истребленіи тирана. «Человѣкъ, чѣмъ-то огорченный, одинокій, мрачный, готовый на обреченіе; однимъ словомъ Каховскій. Онъ самъ предложилъ себя на случай надобности въ режиссиды»—какъ характеризуетъ его наблюдательный Штейнгель. Такъ онъ и остался въ памяти всѣхъ декабристовъ, какъ режиссида, какъ обреченный самъ себя на жертву.

Не сказалъ всей правды и Рылѣвъ. Онъ не посмѣлъ сказать того, что Каховскому съ самаго начала была открыта цѣль общества—истребленіе фамилии и водвореніе народнаго правленія. Впрочемъ, эта градація, пущенная въ ходъ Каховскимъ, не соответствуетъ дѣйствительности: это не двѣ равнозначущія цѣли—истребленіе и водвореніе новаго строя; это соподчиненныя одна другой—переворотъ, необходимо связанный съ истребленіемъ. Каховскій не случайно употребилъ эту градацію: она то и могла заинтересовать его и привлечь его вниманіе къ обществу. И нѣтъ сомнѣнія, что, открывая ему о тайномъ обществѣ и зная его за человѣка, распаленнаго любовью къ отечеству, Рылѣвъ указалъ, что его «способности» найдутъ приложеніе въ обществѣ, а мечты воплотятся. А обществу были необходимы такіе люди, какъ Каховскій. Самъ Ры-

лѣвъ, гражданскій поэтъ, звавшій къ борьбѣ съ самовластительнымъ тираномъ и воспѣвавшій Брута, понималъ необыкновенность самоотреченія; и его отношеніе къ подвигу, какъ поэта, шло на встрѣчу желаніямъ вождя и организатора тайнаго общества. Но онъ былъ слишкомъ мягкій и добрый человѣкъ, и при малѣйшей попыткѣ мысленно представить воплощеніе идеи онъ сейчасъ же отказывался отъ фактическаго осуществленія. Давая во время слѣдствія отчетъ въ своихъ отношеніяхъ къ царубійству, Рылѣвъ по временамъ отказывался даже вѣрить, что въ его головѣ роились мысли о царубійствѣ. Онъ все время провѣрялъ себя и мѣнялъ свои показанія. Его послѣднее признаніе: «дабы совершенно успокоить себя, я долженъ сознаться, что послѣ того, какъ я узналъ о намѣреніяхъ Якубовича и Каховскаго, мнѣ самому часто приходило на умъ, что для прочнаго введенія новаго порядка вещей необходимо истребленіе всей царствующей фамилии. Я полагалъ, что убіеніе одного императора не только не произведетъ никакой пользы, но, напротивъ, можетъ быть пагубно для самой цѣли общества, что оно раздѣлитъ умы, составитъ партіи, взволнуетъ приверженцевъ августѣйшей фамилии и что все это совокупно неминуемо породитъ междоусобіе и и всѣ ужасы народной революціи. Съ истребленіемъ же всей императорской фамилии я думалъ, что поневолѣ всѣ партіи должны будутъ соединиться или, по крайней мѣрѣ, ихъ легче можно будетъ успокоить. Но сего преступнаго мнѣнія, сколько могу припомнить, я никому не отрывалъ»... У Рылѣва хватило силъ сознаться въ томъ, что онъ думалъ и соображалъ о царубійствѣ, но не хватало смѣлости признать, что онъ высказывался по этому поводу въ разговорахъ съ другими. И тутъ же объ этихъ разговорахъ онъ самъ сообщаетъ!

Каховскій понималъ умерщвленіе тирана, какъ актъ высшей нравственности; Рылѣвъ, совершенно согласный съ такой точкой зрѣнія въ своей поэзіи, въ жизни не могъ даже представить себѣ убійства и, вынужденный своей ролью вождя тайнаго общества, смотрѣлъ на умерщвленіе тирана, какъ на актъ крайней необходимости. Актъ высшей нравственности и актъ крайней необходимости—вотъ двѣ точки зрѣнія, исчерпывающія взгляды декабристовъ въ моментъ царубійства. На первой стоятъ индивидуалисты (Якушкинъ, Якубовичъ, Каховскій), на второй—партійные люди, организаторы общества. Но послѣдніе не разработали своей точки зрѣнія въ приложеніи къ партійной организаціи: они много говорили по этому поводу, но въ программу своихъ дѣйствій не ввели. Поэтому—то съ положеніями «Донесенія Слѣдственной Комиссіи» объ отношеніи общества къ царубійству никомъ образомъ нельзя не согласиться.

Идея умерщвленія тирана отвѣчала романтическому строю души Каховскаго, ибо это обреченіе на смерть другого человѣка и самого себя представлялось высшимъ подвигомъ жизни. Этотъ подвигъ поднималъ на необыкновенную высоту свершителя въ его собствен-

номъ сознаниі и въ мнѣніяхъ другихъ. Манило и въ то же время оправдывало безкорыстіе подвига, полнѣйшее отсутствіе личныхъ мотивовъ. Однимъ лишь благомъ родины мотивировался этотъ подвигъ, и возникало ревнивое отношеніе ко всякой возможности истолковать, использовать это дѣло какъ-нибудь иначе. Ревность была даже по отношенію къ обществу: «для отечества, но не для общества.» Появилось чувство враждебнаго противоположенія себя обществу, и самая мысль, что общество, входя въ сношенія съ обреченнымъ, сознательно въ своихъ цѣляхъ воспользуется этимъ актомъ, сознательно готовить себя *орудіе*, казалась неизмѣримо обидой и тяжелой. Вѣдь идея самопожертвованія была украшеніемъ жизни Каховскаго. Онъ, такой «невзрачный съ виду, съ обыкновеннымъ лицомъ и оттопырившейся губой, придававшей ему видъ дерзости»; человекъ съ неудавшейся жизнью, пролетарій, не имѣвшій средствъ къ существованію, одинокій безъ родственныхъ и дружескихъ связей, таитъ въ себѣ необыкновенныя богатства духа: онъ принесетъ себя въ жертву родинѣ, обнаружитъ неизмѣримую щедрость души, заходя въ своемъ дерзновеніи безпредѣльно далеко, дальше всѣхъ. Эти мечтанія создавали мистическое отношеніе къ идеѣ умерщвленія тѣла и наполняли жизнь мистическими переживаниями. Не представлялось возможности совершить сейчасъ же сокровенный замыселъ, приходилось ждать, и длительность только обостряла эти переживанія.

Всѣ эти соображенія нужно имѣть въ виду для того, чтобы понять самый процессъ взаимодействія между Каховскимъ и Рылѣвымъ на почвѣ царевубійства.

Мысль о царевубійствѣ, объ истребленіи фамилии страннымъ образомъ связывала Рылѣва и Каховскаго. Членъ тайнаго общества былъ нуженъ Каховскому, потому что при его содѣйствіи онъ легче могъ реализовать сокровенную мечту; русскій Зандъ былъ необходимъ Рылѣву, потому что въ распоряженіи общества оказывался человекъ, который сбѣгаетъ въ концѣ концовъ то, что такъ идетъ на встрѣчу цѣлямъ общества и о чемъ среднему члену страшно подумать. Къ мысли объ устраненіи фамилии чаще всего направлялось ихъ соединенное вниманіе. Вокругъ ихъ разговоровъ о царевубійствѣ создавалась душная атмосфера. Ихъ нервы находились въ напряженномъ состояніи, и отношенія были порывисты: то улучшались, то ухудшались. Они сближались и расходились: то Каховскій начиналъ подозрѣвать Рылѣва въ нечистотѣ намѣреній и заявлялъ о своемъ выходѣ изъ общества, то Рылѣвъ, вдругъ уставая отъ его неистовства, начиналъ бояться, что несвоевременнымъ покушеніемъ онъ испортитъ дѣло общества, и удалялъ Каховскаго изъ числа членовъ. А потомъ они опять сходились и разсуждали все о томъ же. До Каховскаго доходили льстившіе ему, быть можетъ, слухи о томъ, что Рылѣвъ указываетъ на него, какъ на Занда, но онъ горѣлъ отъ негодованія, когда чувствовалъ, что на него смотрятъ, какъ на орудіе Рылѣва. Его нѣсколько обижало отношеніе къ нему Ры-

лѣва. Последній — не прочь былъ разгласить о немъ, какъ объ обреченномъ, но не спѣшилъ сблизить его съ другими членами общества и посвящать въ тайны организаціи. Кажется, Рылѣвъ немного мистифицировалъ молодыхъ членовъ «думой»: въ сущности «дума» была въ немъ самомъ, а онъ выдавалъ ее за необыкновенно авторитетное учрежденіе, въ которомъ будто бы находились самые важные люди государства. Такая же игра была и съ диктаторомъ Трубецкимъ. Трубецкой только показывался, мало или совсѣмъ почти не разговаривалъ съ недавними членами, и для нихъ онъ дѣйствительно былъ диктаторомъ, держащимъ въ своихъ рукахъ судьбу общества и въ нужный моментъ диктующимъ дѣйствія. Каховскій очень тонко подмѣчалъ подкладку дѣйствій Рылѣва: «Рылѣвъ все и отъ всѣхъ скрывалъ, всѣмъ распоряжался, все бралъ на себя и, сколько я знаю, то по его отрасли совѣщаній никакихъ не было... И члены собирались лишь спорить; но онъ дѣлалъ все по своему; имъ выбранъ въ диктаторы князь Трубецкой; насъ всѣхъ и въ частныхъ разговорахъ заставлялъ молчать, объявлялъ свои мнѣнія волею диктатора; а диктаторъ, я не знаю, едва ли не былъ игрушкой тщеславія Рылѣва». «Трубецкого—говоритъ Каховскій въ другомъ своемъ отвѣтѣ—я даже никогда не слышалъ говорящимъ. Онъ, кн. Оболенскій, кн. Одоевскій, Николай Бестужевъ, Пущинъ всегда запирались. Сие мнѣ разъ даже замѣтилъ Сутгофъ, сказавъ: «Насъ, братъ, баранами считаютъ». И правда его. О чемъ они толковали, это имъ извѣстно; намъ не сбѣдали никакихъ распоряженій; согнали на площадь, какъ барановъ, а сами спрятались». Какъ сильно въ этихъ отзывахъ, данныхъ много спустя послѣ роковыхъ событій (май 1826 г.), чувство обиды на незаслуженное имъ недовѣріе, невниманіе! Онъ—обреченный, а отъ него имѣютъ тайны. Все это настраивало крайне возбужденно.

Въ показаніяхъ декабристовъ переданы многочисленнѣйшіе разговоры ихъ о царевубійствѣ, отдѣльныя фразы. Противорѣчіе между ними очень значительно, каждый изъ нихъ утверждалъ, что онъ не сказалъ тѣхъ словъ, которые ему приписаны другимъ; одинъ ссылается на другого. Одинъ говоритъ, что этотъ де говорилъ о царевубійствѣ и изобрѣлъ такой-то методъ истребленія фамилии, а тотъ сваливалъ на перваго. Всѣ эти разговоры, разсѣянные въ различныхъ показаніяхъ, конечно, не имѣютъ никакого значенія для выясненія тактики декабристовъ въ вопросѣ о царевубійствѣ: вѣдь въ програму дѣйствій общества этотъ актъ введенъ не былъ. Самое большое—передъ 14 декабря предоставляли разрѣшеніе этого вопроса случаю или ждали дѣйствій отъ «обреченныхъ», какъ это было съ Каховскимъ. Но всѣ эти разговоры, не имѣющие никакой юридической цѣны, важны для выясненія психологіи декабристовъ: они вскрываютъ ихъ душевное отношеніе къ этому акту. И ихъ нужно взять въ цѣлкомъ, во всей ихъ полнотѣ со всеми противорѣчіями и взаимными отрицаніями. Вотъ эти-то противорѣчія именно и характерны.

Пользуясь этими показаніями, мы нарисуемъ нѣсколько мо-

ментовъ изъ исторіи отношеній Каховскаго и Рыльева на почвѣ главной идеи, ихъ соединявшей. Воображеніе воскресить нѣсколько спенъ, разыгравшихся въ Петербургѣ въ достопамятный годъ. Вотъ разсказъ Рыльева (24-го апрѣля 1826).

«Въ началѣ прошлаго года Каховскій входитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Послушай, Рыльевъ! я пришелъ тебѣ сказать, что я рѣшилъ убить царя. Объяви объ этомъ Думѣ. Пусть она назначить мнѣ срокъ.

«Я, въ смятеніи вскочивъ съ софы, на которой лежалъ, сказалъ ему:

— Что ты, сумасшедшій! Ты вѣрно хочешь погубить общество! И кто тебѣ сказалъ, что Дума одобритъ такое злодѣяніе? — За симъ старался я отклонить его отъ его намѣренія, доказывая, сколь оно можетъ быть пагубно для цѣли общества, но Каховскій никакими моими доводами не убѣждался и говорилъ, чтобы я на счетъ общества не беспокоился, что онъ никого не выдастъ, что онъ рѣшился, и намѣреніе свое исполнить непременно. Опасаясь, дабы въ самомъ дѣлѣ того не совершилъ, я наконецъ рѣшился прибѣгнуть къ чувствамъ его. Мнѣ нѣсколько разъ удалось помочь ему въ его нуждахъ. Я замѣтилъ, что онъ всегда тѣмъ сильно трогался и искренно любилъ меня, почему я и сказалъ ему:

— Любезный Каховскій! подумай хорошенько о своемъ намѣреніи. Схватятъ тебя, схватятъ и меня, потому что ты у меня часто бывалъ. Я общества не открою, но вспомни, что я отецъ семейства. За что ты хочешь погубить мою бѣдную жену и дочь?

«Каховскій прослезился и сказалъ:

— Ну, дѣлай что хочешь. Ты убѣдилъ меня!

— Дай же мнѣ честное слово—продолжалъ я—что ты не исполнишь своего намѣренія.—Онъ мнѣ далъ оно. Но послѣ сего разговора онъ часто сталъ задумываться; я охладѣлъ къ нему; мы часто стали спорить другъ съ другомъ и, наконецъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ онъ снова обратился къ своему намѣренію и постоянно требовалъ, чтобы я его представилъ членамъ Думы. Я рѣшительно отказалъ ему въ томъ и сказалъ, что я жестоко ошибся въ немъ и разскаиваюсь, принявъ его въ общество. Послѣ сего мы разстались въ сильномъ неудовольствіи другъ на друга. За симъ узналъ я, что его нѣсколько дней не было въ городѣ. Я спѣшилъ съ нимъ увидѣться, чтобы узнать, не ѣздитъ ли онъ въ Царское Село, боясь, что не тамъ ли онъ хочетъ исполнить свое предпріятіе, но подозрѣнія мои оказались ложными. Онъ ѣздитъ въ деревню, въ которой была расположена рота Сутофа. Съ самаго того дня, какъ я узналъ о намѣреніи Каховскаго, я сталъ стараться о удаленіи его изъ Петербурга, и наконецъ совѣтовалъ ему опять вступить въ военную службу, представляя, что онъ въ мундирѣ полезнѣе будетъ обществу, нежели во фракѣ. Онъ согласился и подалъ прошеніе объ опредѣленіи его въ какой-то пѣхотный полкъ, но ему отказали, потому что онъ служилъ

въ кавалеріи. Я склонялъ его вступить въ прежній полкъ, но какъ уже онъ совершенно обмундировался въ пѣхоту, то и сталъ снова домогаться объ опредѣленіи въ оную. Между тѣмъ при свиданіяхъ мы продолжали спорить и даже ссориться. И, наконецъ, видя его непреклонность, я сказалъ однажды ему, чтобы онъ успокоился, что я извѣщу Думу о его намѣреніи и что если общество рѣшится начать дѣйствія свои покушеніемъ на жизнь государя, то никого, кромѣ его, не употребить къ тому. Онъ этимъ удовлетворился. Это происходило за мѣсяцъ до кончины покойнаго государя императора».

Зная пылкость и рѣшимость Каховскаго, его нетерпѣливое желаніе пожертвовать жизнью дѣлу свободы, мы можемъ не сомнѣваться, что разсказъ Рыльева соответствуетъ дѣйствительности, но въ то же время и кое-что замалчиваетъ. Мы понимаемъ положеніе Рыльева, застигнутаго врасплохъ вызовомъ Каховскаго: какъ, покушеніе въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда общество было бы просто не въ состояніи использовать это покушеніе. Рыльевъ то вѣдь зналъ, что представляло то таинственное общество, которое Каховскому казалось могучимъ и властнымъ! Но Рыльевъ умолчалъ о томъ, что, удерживая Каховскаго въ обществѣ, онъ непременно долженъ былъ выставить истребленіе фамилии, какъ цѣль общества. Онъ и обнадежилъ Каховскаго, сообщивъ ему, что на маскарадѣ въ новый годъ или на петергофскомъ праздникѣ можно будетъ привести въ исполненіе ихъ взаимный замыселъ, истребить фамилію. Когда Каховскому были предъявлены показанія Рыльева, онъ былъ крайне возмущенъ ими и, должно быть, въ особенности, отрицаніемъ своей собственной роли въ процессѣ обдумыванія царевубійства. Выходило такъ, что онъ напращивался съ своимъ замысломъ, а общество собиралось только поумнѣе воспользоваться актомъ Каховскаго! Въ своихъ отвѣтахъ онъ не пощадилъ Рыльева.

«Обстоятельства мои не позволили мнѣ надолго оставаться въ Петербургѣ; братъ мой уѣхалъ, и я вслѣдъ за нимъ хотѣлъ выѣхать. Переѣхавъ изъ трактира «Лондонъ», гдѣ я жилъ, въ домъ Энгельгардта, въ Коломну, и въ продолженіе двухъ или болѣе недѣль не видался съ Рылевымъ. За день передъ отъѣздомъ моимъ я пошелъ къ нему проститься и онъ о отъѣздѣ моемъ не зналъ; со мной вмѣстѣ изъ дому вышелъ и Энгельгардтъ, сколько я помню, кажется, онъ пошелъ къ графу обѣдать. Въ переулкѣ отъ Мойки въ Офицерскую улицу намъ встрѣтился Рыльевъ съ Сомовымъ; я остановился съ нимъ и Энгельгардтъ тоже. Рыльевъ сталъ мнѣ выговаривать, что мы давно не видались, и сказалъ:

— А мнѣ есть до тебя дѣло.—Я отвѣчалъ ему, что былъ у него нѣсколько разъ, но не заставлялъ его и теперь шелъ къ нему.

— Да, хорошо ко мнѣ.

— Спроси Энгельгардта, что къ тебѣ шелъ.—Энгельгардтъ при семъ сказалъ: «точно, онъ шелъ къ вамъ проститься: онъ завтра

«Идетъ» и съ симъ поклонился и ушелъ. Рыльевъ сталъ спрашивать, куда я ѣду и зачѣмъ? Я сказалъ ему, что ѣду домой, въ Смоленскъ. Онъ сталъ меня уговаривать остаться, но я сказалъ ему откровенно, что не могу остаться, не имѣю денегъ, чтобы жить въ Петербургѣ. Онъ возразилъ на сіе:

— Э, братецъ! какъ же тебѣ не стыдно, зачѣмъ ты мнѣ не сказалъ? Возьми денегъ у меня, сколько тебѣ надо.—Пригласилъ меня идти вмѣстѣ къ нему обѣдать. Ввечеру просилъ меня зайти къ нему, говоря, что ему нужно со мной переговорить: «и я думаю я успѣю уломать тебя остаться здѣсь». Ввечеру пришелъ къ нему; онъ сталъ мнѣ говорить, что я необходимо нуженъ, что общество скоро начнетъ свое дѣйствіе и упрасивалъ меня остаться, говоря, что черезъ меня соединяется лейбъ-гренадерскій полкъ. На слова мои, зачѣмъ я останусь; когда вы еще начнете дѣйствовать? онъ поклонился мнѣ, взглянувъ на образъ, что неизмѣнно въ 1826 году; что все почти готово. Членовъ достаточно, что лишь остается приготовить солдатъ. Тутъ онъ мнѣ сказалъ, что положено истребить царствующую фамилію или въ маскарадѣ, на новый годъ, или на праздникъ въ Петергофѣ. Онъ совѣтовалъ мнѣ вступить въ службу въ новгородское поселеніе, говоря, что обществу нужно тамъ имѣть людей надежныхъ и что я въ нѣсколько мѣсяцевъ успѣю тамъ приготовить нѣсколько къ возстанію и что мнѣ въ томъ тамъ будутъ помощники. Я согласился съ нимъ остаться въ Петербургѣ, но въ новгородское поселеніе идти служить не рѣшился. Онъ совѣтовалъ мнѣ подать въ какойнибудь полкъ, говоря, что въ мундирѣ я буду видѣнъ и болѣе буду въ силахъ дѣйствовать на солдатъ при возстаніи и что при опредѣленіи найдутъ средства оставить меня въ Петербургѣ. Совѣтовалъ мнѣ опредѣлиться въ учебный карабинерный полкъ; но я и на сіе не согласился. Подать просьбу въ елецкій пѣхотный полкъ, куда я и прежде сего думалъ опредѣлиться. Я занялъ у Рыльева денегъ и онъ поручился за меня портному (все сіе было въ началѣ прошлаго года). Въ принятіи меня въ пѣхоту мнѣ отказали. Я остался въ Петербургѣ ждать предполагаемаго возстанія.
Рыльевъ, видя во мнѣ страстную любовь къ родинѣ и свободѣ, пылкость и рѣшительность характера, сталъ дѣйствовать такъ, чтобы приготовить меня быть кинжаломъ въ рукахъ его. Но онъ не умѣлъ себя хорошо вести и очень во мнѣ ошибся. Я не буду говорить всего, какъ онъ мнѣ представлялъ въ примѣры Брута, даже Соловьева, который убилъ Батурина. Просто скажу вашему превосходительству, что Рыльевъ потерялъ разсудокъ, склоняя меня. Онъ думалъ, что онъ очень тонокъ, но былъ такъ грубъ, что я не знаю, какой бы невѣжа его не понялъ. По пріѣздѣ Якубовича изъ Москвы (Рыльевъ рассказывалъ мнѣ, что будто Якубовичъ рѣшился убить императора въ парадѣ на Царицыномъ Лугу. Вы изволили слышать, какъ онъ себя оправдывалъ; я расскажу вамъ весь о семъ разговоръ мой съ нимъ, чтобы вы могли судить, какъ онъ изворачивался. Онъ говорилъ:

— Не правда ли, Каховскій, славный бы поступокъ былъ Якубовича?

— Ничего, братъ Рыльевъ, нѣтъ здѣсь славнаго: просто мщеніе оскорбленнаго безумца; я разумѣю славнымъ то, что полезно.

— Да, я съ тобой согласенъ, потому и удержалъ Якубовича до времени; но я говорю, что какой бы урокъ царямъ. Тиранинъ палъ среди тысячи опричниковъ.

— Что же такое, что палъ, завтра будетъ другой. Хорошо если можно поразить тиранство; а уроковъ—разверни исторію и найдешь ихъ много.

— Я тебя знаю, ты только чтобы спорить, а самъ защищаешь Занда.

— Да, Рыльевъ, противъ безмысленныхъ невѣждъ.

— Ты такъ завистливъ, что вѣчно все то осуждаешь, чего самъ не можешь сдѣлать. Ну, а не говорилъ ли ты, что и Соловьевъ сдѣлалъ дѣло.

— Да, говорилъ, потому что Соловьевъ ничего не могъ болѣе сдѣлать; но намъ руководствоваться личнымъ мнѣніемъ гадко и жертвовать собой надо знать для чего. Идти убить царя—мудренаго ничего нѣтъ—и всѣхъ зарѣзать не штука; но, низвергнувъ правленіе, надо имѣть возможность возстановить другое; а иначе, братъ, безумно приступать. Завидовать, право, мнѣ нечему: я готовъ сейчасъ собой пожертвовать, но хочу, чтобы изъ того была польза.

— Однако скажи, что можетъ ли положеніе Россіи, при какомъ бы то ни было переворотѣ, быть хуже, чѣмъ теперь?

— Потому я много не разсуждаю и соглашаюсь съ тобой».

Оцѣнивая этотъ разговоръ, мы должны принять во вниманіе, что это былъ, очевидно, одинъ изъ многихъ, душевныхъ разговоровъ о царевубійствѣ, происходившій—надо полагать—сейчасъ же по возобновленіи ихъ сношеній, когда Рыльевъ испытывалъ «чистоту» Каховскаго и нащупывалъ почву. Быть можетъ, раздраженный Каховскій обострилъ тутъ роль Рыльева и искажалъ дѣйствительность, но мы останавливаемся лишь на мелькающихъ тутъ аргументахъ царевубійства, несомнѣнно высказанныхъ по тому или иному поводу: тутъ и восхваленіе самоотверженія Якубовича, и выясненіе чистоты его намѣреній, и осторожная (высказанная въ маѣ 1826) похвала Занда—какъ разъ вся характерная современная обстановка.

Приведемъ еще одинъ разговоръ, переданный Бестужеву, нашедъ его собирающимся идти ходить. Онъ пригласилъ меня идти съ нимъ; дорогой говорили о дѣлахъ общества, и между прочимъ онъ сказалъ мнѣ:

— Представь, Рыльевъ воображаетъ, что найдутся люди, которые не только рѣшятся собою пожертвовать для дѣла общества, но и самую честь принести для нея въ жертву.—И просилъ его истолковать мнѣ слова сіи. Онъ рассказалъ мнѣ предложеніе Рыльева. Тѣмъ, которые рѣшятся истребить царствующую фамилію, дадутъ всѣ средства бѣжать изъ Россіи, но если они попадутся, то

должны показать, что не были въ обществѣ, потому что общество чрезъ то можетъ пострадать. Цареубійство для какой бы то цѣли ни было, всегда народу кажется преступленіемъ. Но сіе я говорилъ, и Бестужевъ былъ того же со мной мнѣнія, что если убить царя есть преступленіе и теперь, и во время свободы также будетъ видѣться (считаться), то лучше къ сему не приступать, и что вѣрно не найдутся на сіе люди. Бестужевъ сказалъ мнѣ:

— А Рылѣевъ все толкуетъ о тебѣ, что ты на все рѣшишься. — Я отвѣчалъ:

— Напрасно сіе говорить Рылѣевъ; если онъ разумѣетъ меня кинжаломъ, то пожалуйста скажи ему, чтобы онъ не укололся; я давно замѣчаю Рылѣева: онъ только меня склоняетъ, но обманется. Я готовъ собою жертвовать отечеству, но ступенькой ему, или кому другому, къ возвышенію не лягу. — На другой день я занемогъ, просилъ Рылѣева ко мнѣ придти, и когда пришелъ онъ, я ему рассказалъ мой разговоръ съ Александромъ Бестужевымъ. Онъ ужасно разсердился, наговорилъ мнѣ, что *я весь въ фразалахъ и что онъ въ чистоту моей обманулся*, и что Бестужевъ лгалъ обо мнѣ и что и безъ меня есть много желающихъ, и чище меня. Скоро потомъ пришелъ Бестужевъ, сказалъ мнѣ, что Рылѣевъ на меня сердится, затѣмъ онъ мнѣ сказалъ:

— Я не хочу обманывать и иду прямо.

«Послѣ всего мной узнаннаго я требовалъ настоятельно, чтобы было представлено Думѣ написанное къ членамъ оной письмо, но Рылѣевъ сжегъ его и отказалъ мнѣ представить меня въ оную, за что я съ нимъ поссорился и отказался отъ общества».

Александръ Бестужевъ даетъ слѣдующій комментарий къ этому разговору.

«Я уже и прежде сказалъ, что Рылѣевъ назначалъ Каховскаго для нанесенія удара, и говорилъ не однажды, что онъ чистъ, и что если тѣ, которые нанесутъ ударъ, не уйдутъ, то должно будетъ ихъ наказать. Желая какъ-нибудь удалить Каховскаго, ибо думалъ, что онъ могъ бы на сіе рѣшиться, я старался подстрекать его любопытство, и, наконецъ, мнѣль точно разговоръ, показанный Каховскимъ, гдѣ тонко показалъ ему, что его хотятъ употребить низкимъ орудіемъ убійства. Это средство подѣйствовало, Каховскій разсердился, и просилъ меня сказать Рылѣеву, что онъ не ступенька для ихъ умниковъ. Когда я рассказалъ Рылѣеву, онъ взбѣлся на меня, говоря, что я для того только, чтобы показать силу своего убѣжденія, порчу членовъ, и что я могъ бы беречь такіа мнѣнія про себя. На что я и сказалъ, что я не обманщикъ и людей въ западню ловить не хочу; надо, чтобы всякій вполне видѣлъ, что онъ дѣлаетъ... Что же касается до ссоры нашей съ Рылѣевымъ, а его съ Каховскимъ, она дѣйствительно была и мнѣ казалось за то, что я (говорилъ) Б. не такъ рѣзко. («Ты считаешь К. чистымъ», — говорилъ я Рылѣеву — а онъ честолюбецъ, и когда я сказалъ ему, что ждетъ цареубійца — онъ твердитъ, что не ступенька для другихъ. Право, кажется, онъ мѣтитъ въ воеводы». Тутъ-то Рылѣевъ

возразилъ, что «вѣрно я вселилъ въ него такіа мысли, что порчу человѣка и проч. и вѣрно онъ забылъ этотъ случай, если противурѣчить»). Но статья можетъ, къ тому присоединялись и другія причины, и Рылѣевъ, точно сердясь на Каховскаго, мнѣ говорилъ, что онъ любопытствомъ своимъ нарушаетъ законы общества. (Я говорилъ Каховскому: «Странно, право, что Рылѣевъ съ вами тается, такому человѣку можно бы открыть и Думу» и проч. Вслѣдствіе чего онъ и надѣлъ Рылѣеву). Послѣ сего не разъ Каховскій говаривалъ шутя, что Якубовичъ у него отбиваетъ первое мѣсто».

Конечно, нѣкоторые изъ этихъ фразъ и не были сказаны, но онъ хорошо передаютъ нервную, напряженную атмосферу, окружавшую всѣ такіе разговоры, и какъ бы хранить еще слѣды тончайшихъ переживаній... Нельзя не остановить вниманія на единогласно подтверждаемомъ фактѣ непрерывныхъ ссоръ и споровъ, сходженій и расхождений. И на дому у Рылѣева, и въ залахъ трактира «Лондона» и гостиницы «Неаполь», идуть нескончаемые, возбужденные разговоры все о томъ же. Приведемъ еще одинъ рассказъ Каховскаго, иллюстрирующій сомнѣнія, обуревающія декабристовъ: «Рылѣевъ прежде разговора моего съ Бестужевымъ былъ со мной искрененъ и въ одно время сказалъ мнѣ, что Дума на нѣкоторое время должна будетъ удерживать правленіе за собой, въ чемъ я съ нимъ не согласился и, напротивъ, представлялъ ему, что общество все должно сдѣлать для блага отечества, но ничего не брать на себя и по успѣху въ предпріятіи; стараться избрать людей, извѣстныхъ въ государствѣ, которые бы составляли временное правленіе, пока изберутся депутаты, и имъ представить конституцію, которую они въ правѣ принять или что въ ней перемѣнить, или совершенно отвергнуть. Рылѣевъ съ этого смѣлся, говоря:

— Ты хочешь отъ аристократовъ чего добраго? Что, Мордвинова что ли сдѣлать правителемъ? Пожалуйста не мѣшайся, ты ничего болѣе, какъ рядовой въ обществѣ, да и отъ меня немного зависишь; какъ опредѣлитъ Дума, такъ и будетъ. — Много сему подобнаго, что дало мнѣ подозрѣвать Рылѣева, и я того не скрывалъ отъ него. Никогда я не вызывался убить покойнаго императора, но въ разговорѣ и самоотверженіи сказалъ Рылѣеву: «Для блага моего отечества я готовъ бы былъ и отцомъ моимъ пожертвовать». Я помню очень сей разговоръ былъ лѣтомъ. Мимо окна шелъ князь Одоевскій, я зазвалъ его и при немъ говорили, что необходимо нужно, кто рѣшится собою жертвовать, знать, для чего онъ жертвуетъ, чтобы не пасть для тщеславія другихъ. Рылѣевъ и въ семь меня оспаривалъ и прозвалъ: «ходячая оппозиція». Онъ всегда ставилъ въ примѣръ мнѣ Якубовича, что онъ безъ дальнихъ разсужденій вѣрить чести людей и готовъ всячески собою жертвовать, и что будто Якубовичъ рѣшался убить покойнаго императора при бывшемъ парадѣ на Царицыномъ Лугу».

сандра и смѣнились разнообразѣйшими проектами дѣйствій. «По кончинѣ покойнаго императора общество стало сильнѣе дѣйствовать, и опять соединился съ нимъ, не будучи въ силахъ удержаться не участвовать въ дѣлѣ отечества».

Каховскій принималъ участіе и въ организационной работѣ: онъ долженъ былъ приготовить лейбъ-гренадерскій полкъ. Пропагандой идей тайнаго общества онъ занимался уже давно: по его объясненіямъ, еще лѣтомъ или ранней осенью 1825 года онъ принялъ поручика л.-гренадерскаго полка Сутгофа ¹⁾ и прапорщика Палицына ²⁾. Позднѣе осенью, быть можетъ, въ ноябрѣ онъ принялъ офицеровъ лейбъ-гренадерскаго полка поручика Панова ³⁾, подпоручика Кожевникова ⁴⁾ и прапорщика Жеребцова ⁵⁾. Наконецъ, наканунѣ 14 декабря онъ посвятилъ въ замыслы общества и подпоручика Измайловскаго полка Фока, а немного раньше Глѣбова ⁶⁾. Можно повѣ-

¹⁾ Сутгофъ на вопросъ о происхожденіи вольнаго образа мыслей отвѣчалъ: «Въ 1825 году въ февралѣ мѣсяцъ г. Каховскій ежедневно посѣщалъ меня, во время моей болѣзни, стараясь передавать мнѣ свои мысли и приглашая вступить въ тайное общество, о существованіи коего онъ открылъ мнѣ въ мартѣ мѣсяцѣ». Въ другомъ показаніи Сутгофъ писалъ: «я поступилъ въ тайное общество въ сентябрѣ 1825 года. Принять былъ Каховскимъ, который увѣрилъ меня, что цѣль общества есть благо общее. Вѣря словамъ Каховскаго, я также началъ содѣйствовать къ благу общему». Г. А. І. В. № 344. Дѣло Сутгофа.

²⁾ О принадлежности Палицына къ обществу Каховскій 17 февраля показалъ: «когда именно прапорщикъ Палицынъ принятъ мной въ члены тайнаго общества, я не помню; знаю, что за нѣсколько мѣсяцевъ до 14 декабря. О дѣлѣ общества и о намѣреніяхъ оного, онъ зналъ все то, что знали и всѣ прочіе члены. Обязанности особенной на него никакой не было возложено; общаніе далѣе оного, какъ и каждый изъ членовъ, способствовать къ успѣху цѣли общества». (Г. А. І. В. № 86, л. 11). Палицынъ настаивалъ на томъ, что онъ былъ принятъ въ общество въ началѣ ноябрю, хотя не отрицалъ того, что въ апрѣлѣ или мартѣ онъ слышалъ отъ Каховскаго фразу: «есть люди, которые на тебя обращаютъ вниманіе». Но Палицынъ тогда не придавалъ значенія этой фразѣ. (Въ томъ же дѣлѣ).

³⁾ Пановъ показывалъ: «я былъ принятъ въ тайное общество въ моей квартирѣ, состоящей въ л.-гренад. казармахъ, г. Каховскимъ, около мѣсяца до 14 декабря... Цѣль, извѣстная мнѣ, благо общее». Г. А. І. В. № 343.

⁴⁾ Въ чистосердечномъ признаніи Кожевниковъ рассказывалъ слѣдующее: «я сдѣлался сообщникомъ матежниковъ въ началѣ прошедшаго ноябрю мѣсяца; бывъ однажды вмѣстѣ съ поручикомъ Сутгофомъ и отст. поруч. Каховскимъ, долго разсуждали о нашемъ правительствѣ; и сей послѣдній, исполненный краснорѣчія, убѣдительно доказывалъ, сколь велико благо народа вольнаго, сколь пріятно быть виновникомъ общаго счастья и сколь унижительно не стремиться къ пользѣ отечества! Послѣ такихъ рѣчей Кожевниковъ былъ принятъ въ общество. Г. А. І. В. № 53.

⁵⁾ Жеребцову удалось избѣгнуть всякаго наказанія. Онъ показалъ, что вмѣстѣ съ государственной ротой л.-гренадерскаго полка пришелъ на Дворцовую площадь и что Сутгофъ, дѣйствительно, открылъ ему о своихъ намѣреніяхъ, но онъ, не входя въ его виды, обозвалъ все пустой затѣей. По прочтеніи допроса Жеребцова, Николай Павловичъ «изволилъ простить» его. Г. А. І. В. № 214.

⁶⁾ 23 февраля Каховскій показывалъ о принадлежности Глѣбова къ обществу: «отъ Глѣбова я никогда и ничего не скрывалъ: отъ меня узналъ объ тайномъ обществѣ, о возстаніи 14 декабря, но членомъ онъ не былъ. И вотъ

речь увѣреніямъ Каховскаго, что онъ открылъ имъ, какъ цѣль общества, введеніе конституціи, и совершенно умолчалъ объ истребленіи фамилии. «Никому изъ нихъ не открылъ о убійствѣ царствующей фамилии, но возбуждалъ ихъ сильно—признавался Каховскій генералу Левашову.—Ваше превосходительство, вамъ извѣстно, много ли надобно разгорячить воображеніе молодыхъ людей? Свобода сладка, и въ сердцѣ молодомъ любовь къ отечеству, какъ и всѣ чувства, живетъ сильнѣе. Мы въ молодости болѣе управляемся сердцемъ, чѣмъ разсудкомъ. Истинно говорю, я одинъ причиною возстанія лейбъ-гренадерскаго полка». Любопытно отмѣтить совпаденіе показаній увлеченныхъ Каховскимъ въ вопросѣ о способахъ «обольщенія». Къ общему благу побуждалъ ихъ Каховскій. И всѣ они, за исключеніемъ Жеребцова, честно выполнили задачи, возложенныя на нихъ тайнымъ обществомъ. Сначала всѣ сношенія тайнаго общества съ офицерами лейбъ-гренадерскаго полка шли черезъ Каховскаго, и онъ правъ, считая себя причиною возстанія лейбъ-гренадерскаго полка. Потомъ къ концу движенія Рылѣевъ велъ сношенія непосредственно черезъ Сутгофа.

Каховскій присутствовалъ при многочисленнѣйшихъ совѣщаніяхъ у Рылѣева. «При мнѣ—показывалъ Трубецкой—Каховскій никогда ничего не говорилъ, и я съ нимъ никогда не разговаривалъ; болѣею частью, когда я бывалъ у Рылѣева, то онъ выходилъ въ другую комнату, но во время нѣкоторыхъ совѣщаній я примѣтилъ, что онъ сиживалъ въ той комнатѣ, гдѣ они происходили, въ окошкѣ, въ углу; къ этому же, у котораго совѣщанія бывали, не подходилъ и въ разговоры не вмѣшивался» ¹⁾. Но когда Каховскій высказывался, то онъ говорилъ весьма рѣшительно. Сохранившіеся обрывки рѣчей опять касаются главнаго предмета — истребленія фамилии. Правда, среди возбужденныхъ и нервныхъ фразъ другихъ, слова Каховскаго не самыя жестокія. Штейнгель нарисовалъ въ своихъ показаніяхъ слѣдующую жизненную картинку: «Я замѣтилъ, что А. Бестужевъ и Каховскій, котораго я въ это время узналъ, были пламенными террористами. Помнится мнѣ, что именно 12 числа, пришедъ къ Рылѣеву, я засталъ Каховскаго съ Николаемъ Бестужевымъ говорящими у окошка, и первый сказалъ: «съ этими филантропами ничего не сдѣлаешь; тутъ просто надобно рѣзать, да и только; иначе, если не согласится, то я первый пойду и самъ на себя объявлю». Я въ тотъ же вечеръ сказалъ о семъ Рылѣеву, съ укоризною, и онъ мнѣ отвѣчалъ: «не безпокойся, онъ такъ только

всегдашнія слова его ко мнѣ: «я люблю отечество, счастіемъ почту умереть для блага его; но игрушкой таинственной быть не могу; не могу войти въ общество, хорошо не зная ни намѣреній, ни силъ его». Глѣбовъ, сначала отпиравшійся отъ всего, не допуская до очной ставки, сознался, что Каховскій открылъ ему объ обществѣ, цѣль котораго конституція, и что за недѣлю до 14 декабря онъ слышалъ отъ Каховскаго, что войска не будутъ присягать и нужно идти на площадь. Глѣбовъ жилъ вмѣстѣ съ Палицынымъ. Г. А. І. В. № 388.

¹⁾ Г. А. І. В. № 335.

«Я совершенно не отказывался, возражалъ ему, что сего сдѣлать невозможно, какія я найду къ сему средства; онъ представлялъ, чтобы я вошелъ во дворецъ рано поутру, прежде возстанія, въ офицерскомъ мундирѣ; или на площади, если выйдетъ императоръ, убилъ его».

Объ этой сценѣ нѣсколько иначе рассказываетъ кн. Оболенскій въ своемъ показаніи отъ 14 марта: «При пріѣздѣ моемъ я засталъ Пушину, Каховскаго и, кажется, Александра Бестужева. Я спросилъ у Рылѣва, какой же планъ дѣйствій? Онъ объявилъ мнѣ, что Трубецкой намъ сообщить, но что собраться должно на площади всѣмъ съ тою ротой, которая выйдетъ первая. Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора онъ и Пушинъ надѣли шинели, чтобы ѣхать. Я самъ уже простался съ нимъ, когда Рылѣвъ при самомъ разставаніи нашимъ подошелъ къ Каховскому и, объявъ его, сказалъ:

— Любезный другъ, ты сирѣ на сей землѣ; ты долженъ собою жертвовать для общества; убей завтра императора.

«Послѣ сего обняли Каховскаго Бестужева, Пушину и я. На сіе Каховскій спросилъ насъ, какимъ образомъ сіе сдѣлать ему. Тогда я подалъ мысль ¹⁾ надѣть ему л.-гренадерскій мундиръ и во дворцѣ сіе исполнить, но онъ нашелъ сіе невозможнымъ, ибо его въ то же мгновеніе узнаютъ. Послѣ сего предложилъ, не помню кто изъ предстоящихъ, на крыльцѣ дожидаться проѣзда Государя, но и сіе было отринуто, какъ невозможное ²⁾».

Восторгъ преклоненія предъ подвигомъ, послѣднія обѣщанія, прощальные поцѣлуи, данные обреченному—впослѣдствіи казались декабристамъ какимъ-то видѣніемъ, отъ котораго нужно открещиваться, сномъ, который такъ нужно было бы забыть. Но несомнѣнно, если идея царевѣйства была когда-нибудь близка къ реализаціи за все время жизни общества, такъ именно въ этотъ моментъ; и если когда-либо декабристы задумывались надъ фактическимъ осуществленіемъ своихъ замысловъ и предпринимали переходъ отъ словъ къ дѣлу, такъ именно теперь. Правда, кн. Оболенскій постарался ослабить впечатлѣніе этого порыва. «Мы всѣ опомнились отъ минутнаго энтузіазма и, сказавъ: „нельзя, и такъ нечего дѣлать“. Вотъ един-

¹⁾ Каховскій приписалъ эту мысль Рылѣву.

²⁾ Рылѣвъ призналъ, что онъ дѣйствительно предлагалъ Каховскому вечеромъ 13 декабря убить государя, и говорилъ, что можно исполнить это на площади. «По утру того дня—добавилъ Рылѣвъ—долго обдумывая планъ нашего предпріятія, я находилъ множество неудобствъ, къ счастливому окончанію оного. Больше всего страшился я, если государь не будетъ схваченъ нами, думалъ, что въ такомъ случаѣ непремѣнно послѣдуетъ междоусобная война. Тутъ пришло мнѣ на умъ, что для избѣжанія междоусобія должно его привести на жертву, и эта мысль была причиной моего злодѣйскаго предложенія». Пушинъ далъ уклончивое показаніе: «но если показанныя лица показываютъ извѣстное въ семъ пунктѣ обстоятельство, котораго я истинно не припомню, то и оное утверждаю; только не могу достоверно сказать, далъ ли Каховскій рѣшительное обѣщаніе»... А. Бестужевъ призналъ, что, входя къ Рылѣву, онъ встрѣтилъ нѣсколько членовъ, которые простались съ Каховскимъ, и Рылѣвъ сообщилъ ему, что Каховскій назначается для нанесенія удара.

ственная минута, въ которую я помню, чтобы упомянуто было нами объ августѣйшей особѣ государя. Я сознаю, что единая мысль о семъ есть уже преступленіе, но прошу комитетъ милостиво воззрѣть на людей, которые, разставаясь наканунѣ того дня, который долженъ рѣшить судьбу отечества или повергнуть ихъ самихъ на послѣднюю степень бѣдствія, въ изступленіи чувства обращаютъ мысль къ поступку ужасному, но, опомнясь, оставляютъ оный»... Но никто другой не показываетъ, что мысль эта была оставлена заговорщиками. Можно считать достовернымъ, что заговорщики, давъ послѣднимъ поцѣлуемъ благословеніе Каховскому, разошлись съ твердою увѣренностью въ томъ, что судьба царя отнынѣ въ рукахъ Каховскаго. Что онъ сдѣлаетъ, то и будетъ. И Каховскій на допросъ, какъ бы испугавшись нарисованной имъ картины послѣдняго прощанія, не имѣетъ смѣлости, давъ сознаніе, не съуживать его и старается оправдать себя въ глазахъ Комитета: «Признаюсь откровенно, увлеченный бѣдствіями отечества и, можетъ быть, заблуждаясь въ дѣли и намѣреніяхъ, я для общей пользы не видалъ преступления. Но соглашеніе Рылѣва на убійство мнѣ показалось гадкимъ, и притомъ я, давно его подозрѣвалъ въ нечистотѣ правилъ. Дружба его съ Александромъ Бестужевымъ, хотя и вовлеченнымъ въ преступленіе по некорыстности, не алчущимъ своей прибыли, и принятые мною люди въ члены общества удерживали меня въ ономъ». Опять та же двойственность: признавая себя принципиально не только способнымъ, но и желавшимъ выполнить актъ царевѣйства, онъ не имѣлъ силы сознаться въ реальности своего намѣренія. Каховскій въ свое оправданіе показывалъ, что ночью на 14-е онъ заходилъ къ А. Бестужеву и, заявилъ ему, будто онъ не рѣшается на предложеніе Рылѣва, и искавши случая нанести ударъ императору, онъ можетъ остаться празднымъ, а не раздѣлить общей опасности онъ считаетъ преступленіемъ. А. Бестужевъ совсѣмъ иначе рассказываетъ объ этомъ пощщеніи Каховскаго. По его объясненію, «оно было сдѣлано не поздно ночью, а рано утромъ, по его приглашенію сейчасъ же послѣ сцены у Рылѣва. «Васъ Рылѣвъ посылаетъ на площадь дворцовскую?» сказалъ я. Онъ отвѣчалъ: «Да, но мнѣ что-то не хочется». «И не ходите возразилъ я, это вовсе не нужно». «Но что скажетъ Рылѣвъ?» „Я беру это на себя; будьте со всѣми на Петровской площади“. Каховскій попросилъ еще разъ извинить его передъ Рылѣвымъ и ушелъ». Фальшь этого показанія чувствуется само собою. Бестужевъ рассказываетъ такъ, какъ будто рѣчь идетъ о неисполненіи ничтожнаго порученія: «Каховскій имѣетъ честь просить Рылѣва извинить его въ томъ, что онъ не можетъ исполнить даннаго ему порученія убить Его Императорское Величество» ¹⁾. Скорѣе всего, въ разговорѣ Бестужевъ и Каховскій вы-

¹⁾ Нужно принять во вниманіе основную тенденцію показаній А. Бестужева. Онъ рассказывалъ судьямъ, что онъ, не раздѣляя ни взглядовъ, ни цѣлей общества и не выходя изъ него наружно, своими дѣйствіями старался разстроить его, привести къ естественному концу: такъ, напримѣръ, въ этомъ случаѣ онъ искусно отклонилъ попытку на царевѣйство.

снили невозможность нападенія около Дворца и предоставили это случаю. Если бы Николай Павловичъ показался на Сенатской площади и подѣхалъ поближе въ возставшимъ, Каховскій сдѣлалъ бы свое дѣло. „Слава Богу—признался царю Каховскій 19 марта,—что ваше величество не повѣрили Якубовичу, не подѣхали къ каре мятежному; можетъ быть, въ изступленіи, я бы первый готовъ по васъ выстрѣлить“. Зная образъ дѣйствій Каховскаго на площади въ день 14 декабря, можно утвердительно сказать, что такъ бы оно и было.

П. Е. Щеголевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

Письмо Н. Г. Чернышевскаго къ А. А. Краевскому.

Извѣстный историкъ и профессоръ Казанскаго университета А. П. Шаповъ, за свой горячій протестъ противъ разстрѣла крестьянъ въ селѣ Безднѣ, Казанской губерніи, въ 1861 г. былъ арестованъ и подъ конвоемъ препровожденъ изъ Казани въ Петербургъ. Здѣсь, сидя въ тюрьмѣ, онъ написалъ письмо на имя императора Александра II, гдѣ требовалъ для Россіи полной политической свободы. Къ сожалѣнію, его письмо до сихъ поръ еще не опубликовано. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Шаповъ, по личному распоряженію императора, былъ освобожденъ и дѣло его прекращено, но реакціонеры на этомъ не успокоились. Еще въ концѣ 1861 же года они добились новаго указа императора, которымъ проф. А. П. Шаповъ... сосланъ въ монастырь!

Литераторы различныхъ лагерей начали агитировать въ защиту Шапова,—они обратились между прочимъ къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія Головнину. Шаповъ былъ спасенъ.

Въ 1863 г. реакціонерамъ, однако, отчасти удалось добиться своего: Шаповъ былъ снова арестованъ въ Петербургѣ и его сослали—«на родину»—въ Восточную Сибирь! Тамъ его въ 1865 г. привлекали къ дѣлу о «сибирскомъ сепаратизмѣ», долго держали въ тюрьмѣ, возили для разслѣдованія дѣла въ Омскъ и потомъ до самой смерти (въ 1876 г.) оставили въ Восточной Сибири.

Помѣщаемая ниже, никогда не бывавшія еще въ печати и воспроизводимыя нынѣ нами съ оригиналовъ письма Н. Г. Чернышевскаго къ А. А. Краевскому (редактору «Отечественныхъ Записокъ», а впоследствии и «Голоса») и записка къ тому же Краевскому министра народнаго просвѣщенія Головнина, какъ проливающія нѣкоторый свѣтъ на попытку самодержавнаго правительства Александра II расправиться со Шаповымъ по-николаевски, имѣютъ несомнѣнно историческій интересъ.

Ред.

I.

При свиданіи я перескажу Вамъ, Андрей Александровичъ, какіе толки идутъ объ участіи Головнина въ развязкѣ дѣла Шапова, если Вы не услышите объ этомъ раньше отъ другихъ. Липа, занимающіеся собираніемъ подписей, просятъ Васъ сдѣлать нѣсколько спи-

сковъ съ прилагаемой окончательной редакціи записки, назначенной для передачи Головинну, и раздать эти списки тѣмъ изъ Вашихъ знакомыхъ, которые захотятъ также собирать подписи.

Подписи будутъ собираться на отдельныхъ листахъ, которые всѣ будутъ собраны и сшиты вмѣстѣ. Кто и когда займется этимъ спиваньемъ, будетъ сообщено дня черезъ два-три. Время для собиранія подписей назначено до четверга 12 час. утра.

Вамъ Н. Чернышевскій.

II.

По порученію лицъ, сочувствующихъ г. Шапову, я заходилъ къ Вамъ, Андрей Александровичъ, просить Васъ участвовать въ депутаціи, которая должна отправиться къ Головинну для представленія прилагаемой мною записки. Къ запискѣ этой собираются подписи.

Прошу Васъ дать мнѣ отвѣтъ. Адресъ мой: у Владимірской, домъ Есауловой.

Р. С. Въ депутацію предполагается назначить Васъ, г. Некрасова, г. Тиблена и меня.

Вамъ Н. Чернышевскій.

III.

Лица, подписи которыхъ находятся на прилагаемыхъ листахъ, поручаютъ Вамъ, милостивые государи, отправиться къ министру народнаго просвѣщенія и передать ему извѣстный Вамъ взглядъ ихъ на дѣло г. Шапова. Для точнѣйшаго руководства Вамъ при объясненіи съ г. министромъ, здѣсь излагаются главные черты этого взгляда.

Г. Шаповъ былъ перемѣщенъ съ профессорской кафедры на гражданскую службу. Лишеніе кафедры было очень тяжелымъ наказаніемъ для человѣка, думавшаго посвятить себя ученой и преимущественно профессорской обязанности. Оно разстраивало всю его жизнь. Но, сравнительно съ обыкновенными рѣшеніями дѣлъ подобнаго рода, такое рѣшеніе дѣла г. Шапова было еще гуманно и потому произвело на общество впечатлѣніе, выгодное для правительства.

Теперь это впечатлѣніе разрушается рѣшеніемъ послать г. Шапова въ монастырь. Дѣло, считавшееся конченнымъ, переворачивается, одно Высочайшее распоряженіе уничтожается другимъ. Какое мнѣніе послѣ этого можно имѣть о вѣрности правительства самому себѣ? Одно наказаніе усугубляется другимъ;—какое понятіе надобно теперь имѣть о соблюденіи правительствомъ коренного принципа всего уголовного права, говорящаго, что одинъ преступникъ не можетъ подвергаться двумъ наказаніямъ.—Самый родъ второго наказанія,—ссылка въ монастырь,—показываетъ ли, что правительство чувствуетъ различіе между второю половиною XIX столѣтія и средними вѣками?

Это соображенія общія; переходя къ особеннымъ обстоятельствамъ наказываемаго лица, надобно сказать, что правительство не приняло во вниманіе послѣдствій, какія будутъ имѣть для него судьба, которой подвергается оно г. Шапова. Онъ страдаетъ болѣзью, которая, по свидѣтельству врачей, неминуемо убьетъ его въ назначеномъ для него мѣстѣ ссылки, гдѣ онъ будетъ лишенъ возможности лѣчиться надлежащимъ образомъ и соблюдать требуемыя лѣченіемъ гигиеническія предосторожности. Выгодно ли будетъ для правительства, когда общество станетъ говорить съ Шаповымъ сдѣлали то, что онъ долженъ былъ умереть?

Эти причины должны, по нашему мнѣнію, заставить г. министра народнаго просвѣщенія, какъ министра, употребить всѣ возможныя настоянія для избавленія правительства отъ столь сильныхъ нареканій.

Есть обстоятельство, облызывающее его, какъ человѣка, сильнѣйшимъ образомъ позаботиться о томъ же самомъ. Передайте г. министру то, что говорятъ въ обществѣ объ его, конечно, непреднамеренномъ участіи въ странной новой развязкѣ дѣла г. Шапова.

Вы передадите, милостивые государи, г. министру эти мысли съ надлежащими подробностями и оставьте у него эту данную Вамъ инструкцію съ надлежащими къ ней приложеніями.

Замѣчаніе для г.г. собирающихъ подписи.

Подписи надобно требовать у всѣхъ просвѣщенныхъ людей. Каждый желающій приглашается собирать эти подписи на особомъ листѣ.

Записка Головинна Краевскому.

11-го февраля 1862 г.

Послѣ того, что Вы мнѣ сказали о письмѣ насчетъ Шапова, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, я ничего не слыхалъ. Не знаете ли Вы чего-нибудь? Надобно поступить осторожно, чтобъ не испортить дѣло.

Покор. слуга Головиннъ.

Сѣверный Союзъ Русскихъ Рабочихъ.

(Страница изъ исторіи рабочаго движенія въ Россіи).

Въ 1877—1879 гг., главнымъ образомъ въ Петербургѣ, организовался *Сѣверный Союзъ Русскихъ Рабочихъ*. По задачамъ, которыя ставили себѣ его инициаторы, онъ долженъ былъ вылиться въ чисто рабочую организацію. Насколько осуществлена была эта цѣль и въ какихъ размѣрахъ,—объ этомъ мы будемъ увѣренно говорить только тогда, когда намъ удастся собрать о «Союзѣ» достаточно данныхъ, а пока намъ приходится довольствоваться о немъ очень скудными свѣдѣніями. Въ литературѣ о «Союзѣ» существуетъ очень немного,—мы можемъ указать лишь на статьи въ 4 и въ 5 №№ «Земли и Воли» (см. перепечатку этихъ номеровъ въ изданіи Базилевскаго «Революціонная журналистика семидесятыхъ годовъ». Paris, 1905 г.), брошюры г. Плеханова «Русскій рабочий въ революціонномъ движеніи». (Женева. 1903 г., 2-е изд.) и г. Мартова «Красное Знамя» и на 3 и 5 №№ журнала «Былое» (заграничное изданіе).

Несомнѣнно, «Союзъ» самымъ тѣснымъ образомъ связанъ со всей предыдущей исторіей революціоннаго движенія и развивался подъ непосредственнымъ вліяніемъ революціонеровъ изъ интеллигентной среды, которые въ 1872—74 гг. въ качествѣ пропагандистовъ и агитаторовъ отправились «въ народъ»—къ крестьянамъ и рабочимъ. Втянуть народныя массы въ борьбу за социалистическіе идеалы было всегда завѣтной мечтой всѣхъ русскихъ революціонеровъ. Это было центральной идеей и «чайковцевъ», и «впередовцевъ», и «бакунистовъ»,—надъ этимъ работали и «набатовцы». Кто читалъ воспоминанія Кропоткина, «Подпольную Россію» Степняка, политическіе процессы того времени и т. д., тотъ знаетъ, сколько энергіи, любви, вѣры вносили пропагандисты въ это дѣло. Среди тѣхъ рабочихъ-социалистовъ, надъ которыми работали пропагандисты въ 1872—74 гг., были и будущіе основатели «Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ» и его главные члены. Кромѣ вліянія революціонеровъ на рабочихъ, на нихъ сильно сказывалась и пропаганда лицъ, къ революціонной средѣ собственно не принадлежавшихъ. Такъ, напр., лекціи полковника Аркадія Николаевича Фалецкаго, читавшаго въ Петербургѣ въ 1873—74 гг. лекціи о нѣмецкой социаль-демократіи, несомнѣнно, отразились на взглядахъ многихъ изъ рабочихъ, впоследствии вошедшихъ въ «Союзъ».

Пропаганда среди рабочихъ въ 70-хъ годахъ была въ значительной степени связана съ пропагандой революціонеровъ 60-хъ гг., и среди тогдашнихъ распропагандированныхъ рабочихъ, по словамъ Л. Э. Шинко¹⁾, можно было встрѣтить и рабочихъ 60-хъ гг., а на каторгѣ и въ Сибири въ то время было не мало пропагандистовъ 60-хъ годовъ. Такимъ образомъ, пропаганда «Сѣвернаго Союза» въ концѣ 70-хъ гг. была связана съ пропагандой 60-хъ гг., какъ впоследствии пропаганда среди рабочихъ 90-хъ годовъ тѣсно была связана съ таковой же пропагандой 80-хъ гг.

Самимъ основателямъ «Союза» ихъ дѣятельность представлялась иначе. Имъ казалось, что они начинаютъ совершенно новое дѣло и притомъ на совершенно новыхъ началахъ; преемственной связи съ прошлымъ они почти не видали. Такъ же на дѣло смотрѣли и нѣкоторые изъ тѣхъ, кто впоследствии писалъ о «Союзѣ».

«Союзъ» рѣшилъ вести все дѣло усиліями однихъ рабочихъ и рѣзко отнесся къ революціонерамъ изъ интеллигенціи, какъ будто видѣлъ въ нихъ главныхъ виновниковъ слабаго развитія рабочихъ организацій въ Россіи. Рабочіе «Союза» хотѣли имѣть *свою* газету, но первымъ условіемъ ставили, чтобы она издавалась, составлялась и редактировалась самими рабочими. Глухая борьба была объявлена интеллигенціи на всѣхъ пунктахъ во имя самостоятельной рабочей пропаганды. Это привело «Союзъ», особенно въ началѣ, къ чисто экономической дѣятельности, а на практикѣ «Союзъ» почти никогда такъ и не выходилъ изъ рамокъ узкаго экономизма въ то время, когда виѣ его политическая борьба русскихъ революціонеровъ съ правительствомъ разгоралась съ каждымъ днемъ и потрясала его до основъ. Отрицательный взглядъ членовъ «Союза» на интеллигенцію очень часто затруднялъ дѣятельность «Союза», и его членамъ нѣрѣдко приходилось дѣлать отступленія отъ своихъ апріорныхъ рѣшеній и обращаться за содѣйствіемъ къ революціоннымъ организаціямъ.

«Союзъ» образовался еще въ концѣ 1877 г., когда въ Петербургѣ революціонная атмосфера была необыкновенно оживлена послѣ только что окончившагося процесса 50-ти и во время происходившаго процесса 193-хъ. Просуществовалъ «Союзъ» до половины 1879 г. или даже, можно сказать, до весны 1880 г. Главными его основателями были Викторъ Обнорскій и Степанъ Халтуринъ. Тотъ и другой еще въ началѣ 70 гг. успѣли побывать въ кружкахъ лучшихъ пропагандистовъ того времени, а Обнорскій кромѣ того долго жилъ за границей среди эмигрантовъ. Заграницей онъ былъ близокъ къ набатовцамъ, которые ярко подчеркивали необходимость политической борьбы съ правительствомъ и ихъ вліяніе на Обнорскаго можно впоследствии прослѣдить во время его участія въ «Союзѣ». За границей же Обнорскій хорошо познакомился съ редакціей «Работника», издаваемаго по инициативѣ пропаганди-

¹⁾ См. его статью о С. М. Кравчинскомъ въ «Вѣстникъ Русской Революціи» и отд. изданіе.

стовъ, въслѣдствіи судившихся по процессу 50-ти,—при немъ же набатовцы готовили свой специальный для рабочихъ органъ, который, впрочемъ, такъ и не появился. Въ Россію Обнорскій пріѣхалъ съ готовымъ планомъ организаціи „Союза“, и здѣсь онъ вскорѣ вмѣстѣ со своимъ единомышленникомъ Халтуринымъ принялся за организацію рабочихъ. Въ эту свою работу Обнорскій и Халтуринъ сразу внесли очень многое, что они усвоили во время своихъ сношеній съ революціонерами,—отъ нихъ же они взяли цѣлкомъ и то отрицательное отношеніе къ интеллигенціи и идеализированіе рабочаго, что составляло потомъ отличительную черту ихъ программы.

Въ Россіи Обнорскій скрывался нелегальнымъ около двухъ лѣтъ,—за это время онъ по дѣламъ Союза ѣздилъ за границу¹⁾. Въ рабочихъ кругахъ онъ повсюду оставлялъ глубокое впечатлѣніе,—рабочіе его любили и онъ умѣлъ ихъ привязывать къ себѣ. Онъ былъ арестованъ въ началѣ 1879 г., въ 1880 г. осужденъ на 10 л. каторжныхъ работъ. Въ настоящее время онъ живетъ еще въ Сибири, давно окончивши срокъ своей ссылки.

Халтуринъ и до ареста Обнорскаго и послѣ его ареста былъ душой „Союза“. Когда же онъ усомнился въ возможности при тогдашнихъ политическихъ условіяхъ организовать самостоятельную рабочую партію, онъ осенью 1879 г. примкнулъ къ партіи Народной Воли и выступилъ, какъ одинъ изъ самыхъ видныхъ террористовъ. Послѣ взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ 5 февраля 1880 г.²⁾ Халтуринъ, какъ членъ партіи Народной Воли, велъ пропаганду среди рабочихъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, участвовалъ въ устройствѣ побѣговъ ссыльныхъ, принялъ участіе въ убійствѣ Стрѣльникова, за что судился и былъ повѣшенъ въ мартѣ 1882 г.

Среди рабочихъ, принадлежавшихъ къ „Союзу“, мы можемъ указать на Алек. Ник. Петерсона, Дмитр. Ник. Смирнова, Сер. Виноградова, Мясникова, Бачина, Бамбина, Игнатія Гусева, Павлова, Чуркина, Гаврилова, Волкова и др. Нѣкоторые изъ нихъ до вступленія въ „Союзъ“ принадлежали къ кружкамъ пропагандистовъ 70-хъ гг., а потомъ въ 80—90-хъ гг. принимали участіе въ рабочемъ революціонномъ движеніи, а кой-кто изъ нихъ принимаетъ участіе еще до сихъ поръ. Петерсонъ въ первый разъ былъ арестованъ въ февралѣ 1878 г., сосланъ въ Архангельскую губ., бѣжалъ оттуда, тогда же снова арестованъ въ Петербургѣ, сосланъ въ Якутскую область, а въ 1902 г. былъ арестованъ по дѣлу социали-

¹⁾ Въ перепискѣ Степана Ширяева (извѣстнаго въслѣдствіи народолюбца) съ П. Л. Лавровымъ за 1878 г. мы встрѣтили два слѣдующихъ мѣста: „Вы, вѣроятно, знаете, что надвѣхъ сюда, въ Лондонъ, прибудетъ Обнорскій“ (письмо отъ 25 окт. и. ст. 78 г.), „Обнорскій въ понедѣльникъ уѣхалъ въ Парижъ и обѣщалъ побывать у Васъ. Я говорилъ съ нимъ, причѣмъ онъ излагалъ свои взгляды и планы очень подробно и серьезно. Такъ какъ времени теперь не имѣю то сообщу все при свиданіи“ (письмо отъ 6 ноября и. ст.).

²⁾ См. описаніе пребыванія Халтурина въ Зимнемъ Дворцѣ въ „Календарѣ Народной Воли“ и въ 5 № „Былое“ (заграничное изданіе), а также въ „Календарѣ социал-демократа“.

стовъ-революціонеровъ и, послѣ долгаго тюремнаго заключенія, сосланъ въ Вологодскую губернію. Бачинъ въ началѣ 80-хъ гг. сосланъ былъ въ Восточную Сибирь, оттуда за участіе въ устройствѣ побѣга Южаковой его перевели въ Якутскую область,—тамъ онъ въ 1883 году покончилъ самоубійствомъ. Бамбинъ, Гусевъ, Павловъ въ 1881 г. были высланы въ Сибирь, гдѣ за отказъ отъ присяги Александру III снова подверглись преслѣдованію.

Въ продолженіи перваго года дѣла „Союза“ развивались очень туго. Пришлось ограничиваться устройствомъ среди рабочихъ небольшихъ кружковъ самообразованія, организаціей кассъ взаимопомощи, агитаціонными собраніями въ 25—30 человекъ. „Союзъ“ принималъ нѣкоторое участіе и въ общей политической жизни Петербурга, гдѣ въ то время революціонная и оппозиціонная борьба сильно развивалась: тогда раздался выстрѣлъ В. И. Засуличъ, произошли демонстраціи по ея дѣлу, былъ убитъ Мезенцовъ, были стихійныя стачки рабочихъ, студенческія волненія и т. д. Члены „Союза“ съ самаго начала задались мыслью издавать газету, но осуществить эту свою старую мечту имъ пришлось—и то очень неуспѣшно—лишь въ 1880 г. Ихъ прокламаціонная дѣятельность была также неудачна, пока они не обратились къ редакціи „Земли и Воли“. Участіе „Союза“ въ стачкахъ и демонстраціяхъ постепенно усиливалось, но никогда не было доминирующимъ въ рабочей средѣ. Изъ частнаго письма Халтурина, помѣщеннаго въ 5 № заграничнаго „Былого“, видно, что онъ очень внимательно слѣдилъ за студенческимъ движеніемъ осенью 1878 г. и мечталъ поддержать студентовъ уличной демонстраціей рабочихъ, которая почему-то, однако, не состоялась. Къ декабрю 1878 г. число членовъ „Союза“ доходило до 200,—и 23 и 30-го декабря этого года они устроили два „генеральныхъ“ собранія, послѣ чего „Союзъ“ открыто заявилъ о своемъ существованіи.

Часто, ссылаясь на слова Халтурина, очень вѣроятно не разъ дѣйствительно, объяснявшаго неудачи „Союза“ тѣмъ, что красный терроръ революціонеровъ вызывалъ бѣлый терроръ правительства и тѣмъ разрушалъ рабочія организаціи, многія неудачи „Союза“ приписывали начинавшему тогда развиваться террористическому движенію. Такое объясненіе неудачъ „Союза“ очень поверхностное и невѣрное. Террористическое движеніе внесло тогда необыкновенное оживленіе во все слои общества, и рабочіе въ этомъ отношеніи не могли быть исключеніемъ. Причины неудачъ въ дѣятельности „Союза“ лежали въ нѣкоторыхъ особенностяхъ его организаціи, а также въ томъ, что въ „Союзъ“ съ конца 1877 г. все время очень близкими людьми для Обнорскаго и Халтурина, принимавшими участіе въ дѣлахъ „Союза“, были супруги Рейнштейны, провокаторы—агенты III Отдѣленія. Благодаря имъ жандармы знали очень многое о дѣлахъ „Союза“, и когда имъ только хотѣлось, разрушали его планы и арестовывали его членовъ. Въ 20-хъ числахъ февраля 1879 г. Рейнштейнъ, по постановленію Исполнительнаго Комитета, былъ убитъ наканунѣ подготовленныхъ имъ массовыхъ арестовъ.

Обнорского жандармы арестовали сейчас же послѣ опубликованія программы „Союза“, а Халтуринъ скрывался нелегальнымъ ¹⁾).

Жандармы, такимъ образомъ, благодаря внутренней провокаціи, могли близко познакомиться со всей организацией „Союза“ и потому послѣ даже исчезновенія супруговъ Ренштейновъ, они безъ особаго труда парализовывали дѣятельность „Союза“ всякій разъ, когда это имъ нужно было—напр., при постановкѣ рабочими типографіи, изданіи прокламацій, укрывательствѣ нелегальныхъ. Роль жандармской провокаціи за тѣ годы совершенно пока не выяснена, — но она болѣе значительна, чѣмъ это думалъ самъ Халтуринъ.

Рабочее движеніе въ 1877—79 гг. далеко не укладывалось въ рамки дѣятельности „Союза“. Стачки по большей части устраивались помимо „Союза“ и даже помимо инициативы революціонеровъ вообще и происходили нерѣдко неожиданно для нихъ самихъ. Такъ, были очень интересныя стачки въ 2000 чел. на бумагопрядильной фабрикѣ (по Обуховскому каналу) въ концѣ февраля 1878 г. ²⁾, въ концѣ 1878 г. на фабрикѣ Кенига ³⁾, въ январѣ 1879 г. на новой бумагопрядильнѣ и на фабрикѣ Шау, когда волненія охватили почти все фабричное населеніе Петербурга ⁴⁾. Когда происходили эти стачки, въ нихъ принимали участіе и тогдашніе революціонеры: Гобстъ, повѣщенный въ 1879 г., Александръ Михайловъ, Осинскій, Плехановъ, Петръ Поповъ и многіе другіе. Горячее отношеніе къ этимъ стачкамъ всегда проявлялъ и „Союзъ“.

Очень характерной, если не для всего „Союза“, то, по крайней мѣрѣ, для его вожаковъ, Обнорского и Халтурина, была полемика между „Союзомъ“ и редакціей журнала „Земля и Воля“. Не имѣя своей типографіи, „Союзъ“ обратился къ землевольцамъ съ просьбой напечатать въ „Петербургской вольной типографіи“ ихъ программу и кромѣ того прокламацію „Рабочимъ“. Землевольцы выполнили эту просьбу рабочихъ и въ ближайшемъ номерѣ своей газеты отвѣчали имъ. „Союзъ“ въ свою очередь отвѣчалъ землевольцамъ въ 5 № ихъ же газеты. „Программа“ „Союза“ была воспроизведена только въ 5 № заграничнаго „Былого“, а прокламація „Рабочимъ“ и три другія прокламаціи рабочихъ, изданныя въ то же время, ни разу не были перепечатаны съ 1879 г., а поэтому мы ихъ воспроизводимъ цѣликомъ съ подлинниковъ. Далѣе въ извлеченіи даемъ статьи изъ „Земли и Воли“, написанныя по поводу изданій „Союза“.

Вотъ программа „Союза“:

¹⁾ См. книгу Л. Тихомирова «Gonspirateurs et Policiens» Paris. 1886.

²⁾ См. газету «Начало» 1878 г. № 1.—тоже «Революціонная журналистика семидесятихъ годовъ», подъ ред. Базилевскаго, Paris, 1905 г., стр. 33.

³⁾ См. 3-й № «Земли и Воли» и «Революціонная журналистика семид. годовъ», стр. 289.

⁴⁾ См. 4-й № «Земли и Воли» и «Революціонная журналистика семид. годовъ», стр. 344.

Къ русскимъ рабочимъ!

Программа «Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ».

Сознавая крайне вредную сторону политическаго и экономическаго гнета, обрушивающагося на наши головы со всею силою своего неумолимаго каприза, сознавая всю невыносимую тяжесть нашего социальнаго положенія, лишающаго насъ всякой возможности и надежды на сколько-нибудь еносное существованіе, сознавая, наконецъ, болѣе невозможнымъ сносить этотъ порядокъ вещей, грозящій намъ полнѣйшимъ матеріальнымъ лишеніемъ и парализаціей духовныхъ силъ, мы, рабочіе Петербурга, на общемъ собраніи отъ 23 и 30 декабря 1878 г. пришли къ мысли объ организаціи обще-русскаго союза рабочихъ, который, сплачивая разрозненныя силы городского и сельскаго рабочаго населенія и выясняя ему его собственные интересы, цѣли и стремленія, — служилъ бы ему достаточнымъ оплотомъ въ борьбѣ съ социальнымъ безправіемъ и давалъ бы ему ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успѣшнаго веденія борьбы.

Организация *Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ* должна имѣть строго опредѣленный характеръ и преслѣдовать именно тѣ цѣли, какія поставлены въ ея программѣ.

Въ члены этого Союза избираются исключительно только рабочіе и черезъ лицъ болѣе или менѣе извѣстныхъ, числомъ не менѣе двухъ.

Всякій рабочий, желающій сдѣлаться членомъ Союза, обязанъ предварительно ознакомиться съ нижеслѣдующей программой и съ сущностью социальнаго ученія.

Всѣ члены Союза должны сохранять между собою полную солидарность, и нарушившій ее подвергается немедленному исключенію. Членъ же, навлекшій на себя подозрѣніе, изобличающее его въ измѣнѣ Союзу, подвергается особому суду выборныхъ.

Каждый членъ обязанъ вносить въ общую кассу Союза извѣстную сумму, опредѣляемую на общемъ собраніи членовъ.

Дѣлами Союза завѣдываетъ комитетъ выборныхъ, состоящій изъ 10 членовъ, на попеченіи котораго лежатъ также обязанности по кассѣ и библіотекѣ. Общія собранія членовъ происходятъ разъ въ мѣсяцъ, гдѣ контролируется дѣятельность комитета и обсуждаются вопросы союза.

Собраніе уполномочиваетъ комитетъ только въ дѣйствіяхъ, являющихся непосредственно въ интересахъ всего Союза.

На обязанности комитета лежитъ также право сношенія съ представителями провинціальныхъ кружковъ и фракцій рабочихъ Россіи, принявшихъ программу Сѣвернаго Союза.

Провинціальныя фракціи Союза удерживаютъ за собою автономное значеніе въ сферѣ дѣятельности, опредѣляемой общей программой, и подчиняются только рѣшеніямъ общихъ представительныхъ собраній.

Центральная касса предназначается исключительно на расходы, необходимые для выполнения планов Союза и на поддержку рабочих во время стачек.

Библиотека имѣетъ цѣлью бесплатно удовлетворять потребностямъ столичныхъ рабочихъ, даже и не принадлежащихъ къ Союзу.

Расходы на ея содержаніе и на выписку книгъ идутъ изъ кассы Союза и изъ суммъ, жертвуемыхъ рабочими.

Сѣверный Союзъ Русскихъ Рабочихъ, тѣсно примыкая по своимъ задачамъ къ социально-демократической партіи Запада, ставитъ своей программой:

1) Ниспроверженіе существующаго политическаго и экономическаго строя государства, какъ строя крайне несправедливаго.

2) Учрежденіе свободной народной федераціи общинъ, основанныхъ на полной политической равноправности и съ полнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ на началахъ русскаго обычнаго права.

3) Уничтоженіе поземельной собственности и замѣну ея общиннымъ землевладѣніемъ.

4) Правильную ассоціационную организацію труда, предоставляющую въ руки рабочихъ-производителей продукты и орудія производства.

Такъ какъ политическая свобода обезпечиваетъ за каждымъ человѣкомъ самостоятельность его убѣжденій и дѣйствій, и такъ какъ ею прежде всего обезпечивается рѣшеніе социальнаго вопроса, то непосредственными требованіями Союза должны быть:

1) Свобода слова, печати, право собраній и сходокъ.

2) Уничтоженіе сыскной полиціи и дѣлъ по политическимъ преступленіямъ.

3) Уничтоженіе сословныхъ правъ и преимуществъ.

4) Обязательное и бесплатное обученіе во всѣхъ школахъ и учебныхъ заведеніяхъ.

5) Уменьшеніе количества постоянныхъ войскъ или полная замѣна ихъ народнымъ вооруженіемъ.

6) Право сельской общины на рѣшеніе дѣлъ, касающихся ея, какъ-то: размѣра податей, надѣла земли и внутренняго самоуправления.

7) Уничтоженіе паспортной системы и свобода передвиженія.

8) Отмѣна косвенныхъ налоговъ и установленіе прямого, соразмерно доходу и наслѣдству.

9) Ограниченіе числа рабочихъ часовъ и запрещеніе дѣтскаго труда.

10) Учрежденіе производительныхъ ассоціаций, ссудныхъ кассъ и дарового кредита рабочимъ ассоціациямъ и крестьянскимъ общинамъ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ та программа, руководиться какою постановило себѣ задачею общее собраніе петербургскихъ рабочихъ отъ 23 и 30 декабря.

Путемъ неутомимой и дѣятельной пропаганды въ средѣ своихъ собратьевъ, Сѣверный Союзъ надѣется достигъ тѣхъ результатовъ,

которые выдвинуть и у насъ рабочее сословіе и заставить заговорить о себѣ, о своихъ правахъ; посему на обязанности каждаго члена этого Союза лежитъ священный долгъ вести посильную агитацию въ угнетаемой и отзывчивой на требованія справедливости рабочей массѣ. Услуга эта не останется забытой потомствомъ, и славное имя его, какъ апостола евангельской истины, занесется въ лѣтописи исторіи.

Рабочіе! васъ мы зовемъ теперь, къ вашему голосу совѣсти и сознанию обращаемся мы.

Великая социальная борьба уже началась—и намъ нечего ждать; наши западные братья уже подняли знамя освобожденія миллионовъ—и намъ остается только примкнуть къ нимъ. Рука объ руку съ ними пойдемъ мы впередъ и въ братскомъ единеніи сольемся въ одну грозную боевую силу.

На насъ, рабочіе, лежитъ великое дѣло—дѣло освобожденія себя и своихъ братьевъ, на насъ лежитъ обязанность обновленія міра, утопающаго въ роскоши и истощающаго наши силы—и мы должны дать его.

Вспомните, кто первый откликнулся на великія слова Христа, кто первый былъ носителемъ его ученія о любви и братствѣ, повернувшего весь старый міръ?—простые поселяне... Мы тоже зовемся къ проповѣди, мы тоже призываемся быть апостолами новаго, но въ сущности только непонятаго и позабытаго ученія Христа. Намъ будутъ гнать, какъ гнали первыхъ христіанъ, намъ будутъ бить и издѣваться надъ нами, но будемъ неустрашими и не постыдимся ихъ поруганій, такъ какъ одно это озлобленіе противъ насъ покажетъ намъ ихъ безсиліе въ борьбѣ съ нравственнымъ величіемъ идей, въ борьбѣ съ той силою, какую мы представимъ собою.

«Вы развращаете міръ, скажутъ намъ, вы разрушаете семью, вы попираете собственность и оскверняете религію».

Нѣтъ, будемъ отвѣчать имъ, не мы развращаемъ міръ, а вы, не мы причиною зла, а вы. Напротивъ, мы идемъ обновить міръ, возродить семью, установить собственность, какъ она должна быть, и воскресить великое ученіе Христа о братствѣ и равенствѣ...

Рабочіе! становитесь смѣло подъ наше знамя социальнаго переворота, сомкнитесь въ дружную, братскую семью и, опоясавшись духовнымъ мечемъ истины, идите проповѣдовать свое ученіе по городамъ и селамъ!

Ваше будущее лежитъ въ этой спасительной пропагандѣ, и вашъ успѣхъ зависитъ отъ нравственной силы вашей; съ нею мощны вы, съ нею вы покорите міръ. Знайте, что въ васъ заключается вся сила и значеніе страны, вы—плоть и кровь государства, и безъ васъ не существовало бы другихъ классовъ, сосущихъ теперь вашу кровь. Вы смутно сознаете это, но у васъ нѣтъ организаціи, нѣтъ идеи, которой бы вы руководились, нѣтъ, наконецъ нравственной поддержки, столь необходимой для дружнаго отпора врагу. Но мы, рабочіе-организаторы Сѣвернаго Союза, даемъ вамъ эту руководящую

идею, даемъ вамъ нравственную поддержку въ сплоченіи интересовъ и, наконецъ, даемъ ту организацію, въ какой нуждается вы.

Итакъ, за вами, рабочіе, последнее слово, отъ васъ зависитъ участь великаго Союза и успѣхъ соціальной революціи въ Россіи!

Эта программа «Союза» была написана и издана въ январѣ 1879 г., кажется, еще до ареста Обнорского, во всякомъ случаѣ все сдѣлано было съ его согласія и согласія Халтурина. Она помѣчена 11-мъ января 1879 года.

Приблизительно въ тоже время землевольцы по просьбѣ «Союза», напечатали слѣдующую прокламацію:

Рабочимъ отъ центрального комитета «Сѣвернаго Союза русскихъ рабочихъ».

Братья!

Вамъ уже извѣстно, что надняхъ въ Петербургѣ было двѣ стачки рабочихъ: на фабрикѣ Шау и на Новой Бумагопрядильнѣ. Эти стачки были вызваны тѣмъ бѣдственнымъ положеніемъ, которое испытываютъ рабочіе, при ничтожномъ вознагражденіи за трудъ. Но одна стачка скоро должна была прекратиться, потому что всѣ рабочіе были объявлены бунтовщиками и разсчитаны. 250 человѣкъ оказались совсѣмъ безъ работы, пищи и крова. Стачка на Новой Бумагопрядильнѣ продолжаетъ держаться; но неизвѣстно, какъ долго продлится, если мы не употребимъ со своей стороны всѣхъ усилій. Рабочіе ходили къ башибузуку Зурову ¹⁾ заявить о своихъ требованіяхъ, но по дорогѣ были разогнаны жандармами и жестоко избиты: 11 человѣкъ отправлены въ больницу; десятки нашихъ товарищей сидятъ по разнымъ частямъ и въ пересыльной тюрьмѣ.

Остается только надѣяться на себя и на своихъ братьевъ—рабочихъ.

Рабочіе! Наше одинаково бѣдственное положеніе требуетъ, чтобы мы стояли и, насколько можно, помогали другъ другу. Вы знаете, что у насъ, рабочихъ Сѣвернаго Союза, существуетъ касса, деньги изъ которой идутъ главнымъ образомъ на поддержку стачечниковъ. Наша цѣль—помогать всѣмъ безъ исключенія рабочимъ во время тяжкихъ невзгодъ. Наши интересы есть ваши, и нашъ успѣхъ въ борьбѣ съ кровопийцами-хозяевами зависитъ отъ дружнаго дѣйствія.

Окажемъ же посильную поддержку своимъ братьямъ и будемъ жертвовать всѣмъ, чѣмъ только можемъ, для праваго дѣла. Поэтому мы приглашаемъ всѣхъ сочувствующихъ доставлять пожертвованія въ нашу кассу, откуда они пойдутъ немедленно по назначенію.

Еще остается сказать намъ братское слово къ бывшимъ рабочимъ Шау и рабочимъ Новой Бумагопрядильни.

Братья, боритесь и стойте за свое дѣло, насколько хватитъ вашихъ и нашихъ силъ. Этимъ вы покажете свою силу, и наши при-

¹⁾ Петербургскій градоначальникъ того времени.

тѣснители побоятся потомъ поступать съ рабочими, какъ съ собаками.

Знайте, что мы, рабочіе Союза, готовы помочь вамъ всѣмъ, чѣмъ можемъ, и до послѣдней крайности. Вы не одни—мы съ вами и всегда за васъ, а насъ здѣсь теперь цѣлыя сотни. Кликните только кличь, и мы всегда первые отзовемся на ваши слова и первые встанемъ на вашу защиту.

Полнаго успѣха желаемъ вамъ отъ всѣхъ нашихъ братскихъ сердецъ.

Печ. въ „Петербургской Вольной типографіи“ 24 января 1879 г.

Та же типографія «Земли и Воли» приблизительно въ то же время напечатала три слѣдующія любопытныя прокламаціи:—онѣ, кажется, не принадлежатъ «Союзу», и, по словамъ одного изъ самыхъ крупныхъ землевольцевъ, Дм. А. Клеменца,—о томъ же говорить и г. Плехановъ въ своей книжкѣ «Русскій рабочий»,—были написаны какими-то рабочими по собственной инициативѣ,—поэтому онѣ представляютъ еще большій интересъ для характеристики настроенія рабочихъ того времени.

I.

Отъ ткачей Новой Бумагопрядильни, что на Новой Канавѣ, къ рабочимъ всѣхъ фабрикъ и заводовъ.

Братья!

У насъ, на Новой Канавѣ, назначили выгнать 44 человѣка.

Ихъ называютъ бунтовщиками, заводчиками во всѣхъ стачкахъ.

А мы такъ понимаемъ, что они стояли за наши права, не хотѣли покоряться фабричнымъ шпикамъ.

Мы бросили работу и не пойдѣмъ на фабрику, куда не согласятся оставить ихъ на мѣстѣ.

Разсудите вы сами, справедливы ли наши требованія.

Разсудите вы также сами—по правдѣ ли мы поступаемъ, требуя:

1) Чтобы не работать больше по 14 часовъ въ день, а чтобы начиналась работа въ 6 ч. утра и кончалась въ 7 ч. вечера; чтобы изъ этого былъ часъ на обѣдъ и полчаса на завтракъ.

2) Чтобы намъ прибавили по 5 коп. на кусокъ.

3) Чтобы прогнали съ фабрики не нашихъ товарищей, а тѣхъ мастеровъ и подмастерьевъ, которые фискалятъ за нами. Имена ихъ намъ извѣстны, мы составимъ ихъ списки и подадимъ начальству; пусть выгоняютъ или дадутъ расчетъ всѣмъ намъ,—а мы съ ними работать не согласны.

4) Чтобы при браковщинѣ были выборные изъ нашихъ же рабочихъ, тогда нельзя будетъ мошенничать и вымогать магарычи.

5) Чтобы не было больше штрафовъ, а больше всего за поломку вилокъ въ машинѣ—вѣдь безъ поломки работать нельзя.

6) Чтобы, когда случится не работать по хозяйской винѣ—материалу нѣтъ или съ хозяиномъ неудовольствіе—намъ платили какъ за полное рабочее время. И теперь, сколько бы ни прогуляли, должны онъ заплатить, какъ будто мы все время работали—самъ онъ виноватъ, что довелъ насъ до стачки.

Братья!

У насъ на Новой Канавѣ, стачка уже не первый разъ.

Недавно также стачка была у Кенига за Нарвской заставой—каждый разъ мы писали просьбы, обивали пороги у всякаго начальства—теперь мы видимъ, что начальство стоитъ за хозяевъ, а не за рабочихъ, и никогда хозяина на рабочихъ не смѣняетъ!

Что же намъ дѣлать? Неужели же позволять хозяевамъ мудрить надъ нами, какъ имъ вздумается? Оттого надъ нами и брали верхъ, что не дружно мы стояли. Не только съ разныхъ мастерскихъ, а съ разныхъ фабрикъ должны помогать другъ другу.

Многіе изъ насъ есть семейные: будетъ длиться долго стачка—не станутъ выдавать изъ лавокъ въ долгъ, имъ нельзя будетъ держаться.

Поддержите насъ—соберите у себя сборъ, кто что можетъ; мы назначимъ у себя выборныхъ и дадимъ кому побѣднѣ.

Если всѣ мы будемъ дружно держаться—хозяева должны будутъ уважить наши требованія: вѣдь, они отъ нашихъ трудовъ только и живутъ, нашей кровью богачеются, каждый день, что мы не работаемъ—имъ нѣсколько тысячъ убытку. Когда до васъ коснется, мы поддержимъ васъ—и ваши требованія будутъ уважены.

Такъ и будетъ всегда!

Всѣ за одного, одинъ за всѣхъ!

16 января 1879 года.

II.

Отъ рабочихъ фабрики Шау всѣмъ петербургскимъ рабочимъ.

Братья!

15 числа вышла забастовка на Новой Канавѣ.

Теперь мы, рабочіе отъ Шау, пристали къ нимъ и не пойдемъ на фабрику, покуда хозяинъ не уважитъ всѣхъ нашихъ требованій.

А требуемъ мы вотъ что:

1) Чтобы на каждый вытраванный кусокъ прибавили платы по 5 коп.

2) Чтобы прогульные дни не считались, если самъ хозяинъ виноватъ въ прогулѣ.

3) Чтобы основны выдавали хорошія, и чтобы матеріалъ выдавался при нашихъ выборныхъ.

4) Чтобы товаръ не браковали зря; чтобы за этимъ тоже наблюдали наши выборные.

5) Чтобы не штрафовали за поломъ инструмента, за отсутствіе изъ фабрики по болѣзни или надобности и пр.

6) Чтобы за харчи платить не въ конторѣ, какъ теперь, а въ лавкѣ по получкѣ денегъ на руки.

7) Чтобы на больницу платилось не по 1¼ коп. съ рубля, какъ теперь, а по 10 коп. съ человека въ мѣсяцъ.

8) Чтобы за кипятокъ на фабрикѣ рабочіе не платили.

9) Чтобы утромъ давалось время отъ 8½ до 9 час. на завтракъ.

10) Чтобы наканунѣ праздниковъ работа кончалась не въ 6 час. утра, какъ теперь, а въ 9 вечера.

11) Чтобы газовыя горѣлки расположить, какъ лучше для работы; мы сами укажемъ мѣсто для нихъ; а то теперь въ иныхъ мѣстахъ вовсе свѣту нѣтъ.

12) Чтобы прогнать съ фабрики подмастерьевъ: Никифора Арсентьева, Нефедя Ефимова, Николая Волкова и шпульника Кирилла Симонова. Намъ отъ нихъ житья нѣтъ, и мы съ ними не хотимъ работать.

13) За время стачки денегъ отъ насъ не вычитать, потому что мы не работаемъ не по своей винѣ, а по упорству хозяевъ.

14) Чтобы никого изъ насъ не брали въ полицію за то, что не работаемъ, а тѣхъ, что теперь забрали, пусть выпустятъ.

У каждого много неудовольствій на хозяина; много разъ пытались мы дѣйствовать по-одиночкѣ. Рѣдко когда выходило на нашу сторону, а чаще мы же кланялись хозяевамъ, чтобы опять приняли къ себѣ.

Да врозь намъ и тягаться нечего. У нихъ деньги, за нихъ начальство; каждый разъ, чуть что заговорятъ рабочіе—сейчасъ: «вы бунтовщики, васъ за это туда, сюда!»

Теперь надо попробовать дѣйствовать дружно, вмѣстѣ!

Вѣрьте, братья, такъ лучше будетъ. Вѣдь насъ здѣсь однихъ фабричныхъ—сила, пусть-ка они попробуютъ одолѣть насъ всѣхъ.

Теперь мы такъ и будемъ дѣлать. Какъ гдѣ бросили работу, другіе—чтобы помогать: самимъ нельзя пристать, такъ хоть деньгами помочь. Особенно теперь у насъ: лавочка хозяйская—не станеть давать въ долгъ, исхарчимъ деньги—что тутъ дѣлать?

Всѣхъ мы васъ просимъ: помогите намъ. Будетъ у васъ нужда—не оставимъ и мы васъ. Мы такъ съ новоканавскими и порѣшили: покуда будемъ вмѣстѣ страдать, а чей хозяинъ прежде уступить, тѣмъ помогать другимъ.

Поддержите насъ, не дайте въ обиду хозяевамъ.

Долго мы терпѣли всякія неправды, долго ждали, не заступится ли за насъ кто повыше. Теперь пускай отъ насъ потерпятъ: плохо придется имъ всѣмъ, когда мы возьмемся за умъ, когда всѣ будемъ стоять другъ за друга и отвѣчать:

Всѣ за одного—одинъ за всѣхъ.

17 января 1879 г.

III.

*Голосъ рабочаго народа, живущаго и работающаго у подлнца
Макселя.*

Полно намъ, друзья, спать; пора проснуться и за дѣло взяться!

Мы живемъ пятый годъ въ домѣ Макселя. Общались намъ хозяинъ всякихъ милостей, да не дождался намъ отъ него ничего, какъ отъ козла, ни шерсти, ни молока.

Вогнали насъ жить въ домъ Макселя, да заставили платить за уголь по 2 руб. 25 к. въ мѣсяцъ съ каждого человека. Теперь, братцы, насъ живетъ тутъ болѣе 900 человекъ, значитъ, за четыре-то съ лишнимъ года мы заплатили хозяину за одну квартиру болѣе 85 тысячъ. А онъ, свинья, не доволенъ нами, и если кто захочетъ по своей надобности выхъать изъ этого проклятаго гнѣзда, такъ сейчасъ даетъ расчетъ и говорить:

— А! Такъ ты хочешь получать жалованье, а не хочешь у хозяина въ домѣ жить! Хозяинъ тебя кормить,—значитъ, ты ему и свой заработокъ отдай; а не хочешь—ступай на всѣ четыре стороны! А нешто, братцы, кормить насъ онъ? Вишь, бѣдный, самъ голодомъ сидитъ!—видно оттого у него и пузо-то лопнуть хочетъ! Нѣтъ, братцы! онъ отъ насъ только и кормится! Мы ему каждый день зарабатываемъ не одну тысячу! Вспомните, братцы! когда онъ насъ насильно гналъ жить въ свой домъ, такъ говорилъ, что въ домѣ будетъ и училище, и родильная комната, и для свадебъ комната.

А теперь что есть?

Такъ будемъ, друзья, поумнѣй! Не будемъ больше платить по 2 р. 25 к. въ мѣсяцъ за квартиру, а будемъ давать только 1 р. 20 к. А то скоро, пожалуй хозяинъ совсѣмъ разжирѣетъ,—сидеть на насъ, да и поѣдетъ.

И безъ того мы ужъ вмѣсто 50 аршинъ работаемъ 55, а получаемъ всего 40 копѣекъ. Также и на мюльныхъ: вмѣсто 33-го номера, работаютъ на 35-мъ, а получаютъ за 33-й.

Вотъ какъ намъ хозяинъ заработокъ отдастъ!

Это, братцы, очень обидно!

Встанемъ же подружнѣй, надавимъ хозяина, подлнца, посильнѣй, да будемъ говорить посмѣльнѣй.

Братцы! всѣ за одного, одинъ за всѣхъ!

8 Февраля 1879 г.

Въ отвѣтъ на программу «Союза», а также имѣя въ виду и всѣ прокламаціи, выше нами перепечатанныя, редація «Земли и Воли» въ № 4, вышедшемъ 20 февраля 1879 г., помѣстила двѣ передовыя статьи. Авторъ первой статьи, г. Плехановъ, признаетъ, что до тѣхъ поръ революціонеры не достаточно обращали вниманіе на фабричныхъ рабочихъ, и говорить о крупной роли, которую рабочіе

должны будутъ играть въ дѣлѣ созданія боевой народно-революціонной организаціи подъ знаменемъ Земли и Воли. Онъ горячо привѣтствуетъ попытку организаціи рабочихъ въ «Сѣверный Союзъ».

Во второй статьѣ «Земли и Воли» принадлежащей Д. А. Клеменцу, находимъ обстоятельный разборъ программы «Союза». Авторъ статьи писалъ:

«Сдѣлается ли «Сѣверный Союзъ», какъ надѣются его основатели, «великимъ союзомъ», который сплотитъ воедино всѣ социально-революціонные элементы на Руси, или же онъ ограничится болѣе скромной ролью мѣстной группы, очагомъ революціоннаго движенія петербургскихъ рабочихъ и тяготеющихъ къ нему окрестностей,—во всякомъ случаѣ мы привѣтствуемъ этотъ первый опытъ самостоятельной социалистической организаціи русскихъ рабочихъ, гласно выступившихъ на борьбу съ эксплуататорами.

«Теперь мы можемъ уже сказать, что великая истина: «освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ»—отнынѣ становится для русскаго рабочаго не только теоретическимъ положеніемъ, но и лозунгомъ его практической революціонной дѣятельности.

«Движеніе петербургскихъ рабочихъ, выразившееся въ послѣднее время весьма недвусмысленно въ многочисленныхъ стачкахъ, общее критическое положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ—все это заставляетъ насъ сказать нашимъ дорогимъ товарищамъ, основателямъ и членамъ «Сѣв. Союза»:—вы выступаете теперь на политическое поприще какъ нельзя болѣе своевременно, какъ нельзя болѣе кстати.

«Недалекъ тотъ моментъ, когда русскому трудящемуся классу придется не только предъявлять свои права, но и коллективно ихъ отстаивать среди открытой политической и экономической борьбы.

«Признавая всю серьезность совершившагося на нашихъ глазахъ явленія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ себя обязанными и высказаться откровенно и серьезно по поводу него.

«За короткій періодъ своего существованія «Сѣв. Союзъ» не далъ намъ еще возможности судить его по дѣламъ его (этого, конечно, наши товарищи не примутъ за упрекъ имъ),—передъ нами только его программа и планъ организаціи, мы и остановимся на нихъ.

«Въ теоретической части программы «Сѣв. Союза» мы не видимъ, къ сожалѣнію, полной послѣдовательно развитой системы воззрѣній, а скорѣе смѣшеніе программъ различныхъ социалистическихъ партій.

«Отрицаніе государства и требованіе коммунальной автономіи зачисляетъ нашихъ товарищей въ лагерь социалистовъ-революціонеровъ, каковыми мы и сами желали бы видѣть членовъ «Сѣверн. Союза»,—а послѣдующіе параграфы программы прямо взяты изъ катехизиса нѣмецкихъ социаль-демократовъ.

«Вопросу о вліяніи политической свободы въ дѣлѣ борьбы эксплуатированныхъ съ эксплуататорами посвящается слишкомъ много времени и рѣшается онъ въ программѣ слишкомъ категорически въ

утвердительномъ смыслѣ, — а положенія революціонной программы о значеніи пропаганды фактами, объ активной борьбѣ, даже не дебатировались.

«О воззрѣніяхъ «Сѣв. Союза» на этотъ предметъ можно догадываться только потому, что онъ включилъ стачки въ число признанныхъ орудій борьбы и пропаганды.

«Статьи программы, касающіяся городскихъ рабочихъ, развиты весьма подробно (по программѣ нѣмецкихъ социаль-демократовъ); говорится и объ отиѣнѣ женскаго и дѣтскаго труда, и о нормальномъ рабочемъ днѣ—аграрные же вопросы оставлены втупе.

«Неизвѣстно, намѣренъ ли «Сѣв. Союзъ» требовать всеобщаго крестьянскаго передѣла земли или же онъ думаетъ подойти къ этому вопросу путемъ послѣдовательныхъ реформъ, въ родѣ отиѣны выкупныхъ платежей за землю, переразвертки надѣловъ и т. д.

«Впрочемъ, каковы бы ни были недостатки этой программы, никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что она—программа социалистовъ, активныхъ дѣятелей, а не пассивныхъ созерцателей гармоніи будущаго».

Далѣе авторъ находитъ ошибки «Союза» въ организаціонной части его программы, указываетъ на возможность провала, благодаря недостаточности конспиративности, говорить о недостаткахъ изложенія программы и т. д.

Свою статью авторъ кончаетъ такими словами:

«Обращаясь въ первый разъ къ собратьямъ съ печатнымъ словомъ, «Сѣв. Союзу» не грѣхъ-бы помянуть и тѣхъ изъ своихъ предшественниковъ рабочихъ, которые своими страданіями, жизнью и смертью положили первые камни социаль-революціоннаго движенія на Руси. Мы говоримъ о Крыловѣ, Малиновскомъ, Петрѣ Алексѣевѣ, Зарубаевѣ и др.

«Кто же будетъ помнить ихъ, когда ихъ не вспомнятъ рабочіе?

«Сдѣлавъ эти замѣчанія, намъ остается только снова приветствовать нашихъ товарищей въ ихъ благомъ начинаніи.

«Товарищи, не смущайтесь ни промахами, ни неудачами, ни опасностями, которыя стоятъ на нашемъ пути! Вы развернули знамя—держите его смѣло и крѣпко, не смущайтесь ничѣмъ, даже клеветой своихъ собратій, которые уже успѣли высунуть свое жало противъ васъ при самомъ началѣ вашей дѣятельности.

«Вы понимаете, о комъ и о чемъ мы говоримъ.

«Доведете ли вы свое дѣло до конца или сила злобы раздавитъ васъ на полпути, какъ раздавила вашихъ предшественниковъ—все равно: ваше дѣло, ваши жертвы не пропадутъ. Вамъ обезпечено почетное мѣсто на страницахъ исторіи и благодарная память потомства.

«Намъ нѣтъ надобности напоминать вамъ, что столбцы «Земли и Воли» открыты для вашихъ заявленій и для вашего сотрудничества».

На статью въ 4 № «Земли и Воли» о «Союзѣ» члены «Союза» отвѣчали редакціи открытымъ письмомъ, помѣщеннымъ въ 5 №

«Земли и Воли», перепечатаннымъ въ «Революціонной журналистикѣ семидесятыхъ годовъ», изд. подъ ред. Базилевскаго (стр. 434—440). Письмо это такъ характерно, что всѣ, кто заинтересуется изученіемъ вопроса, поднятаго въ настоящей статьѣ, прочтутъ это письмо цѣликомъ.—Мы же только дадимъ нѣсколько слѣдующихъ любопытныхъ отрывковъ изъ «Письма въ редакцію отъ рабочихъ «Сѣвернаго Союза».

«Съ выраженіемъ крайняго сочувствія и одобренія прочли мы ваши краткія, немногословныя, но искреннія и честныя замѣчанія, помѣщенные въ № 4 «Земли и Воли», по поводу нашей программы. Послѣ того, что многимъ изъ насъ пришлось слышать, эти замѣчанія, эта искренность тона, съ какою вы обращаетесь къ намъ, были, признаться, довольно неожиданны. Дѣйствительно, насъ называли выскочками, упрекали въ недомыслии, противорѣчіяхъ, упрекали за слогъ, а многіе даже прямо относились съ недоверіемъ, видя въ нашей программѣ произведеніе интеллигентныхъ рукъ, написанное больше для «острастки», и посему ничего не выражающее собою (до того еще не довѣряютъ нашимъ силамъ, до того еще привычка смотрѣть на насъ, какъ на неспособную скотину, вкоренена во многихъ)...

«Мы спланиваемся, организуемся, беремъ близкое нашему сердцу знамя социальнаго переворота и вступаемъ на путь борьбы. Но мы знаемъ также, что политическая свобода можетъ гарантировать насъ и нашу организацію отъ произвола властей, дозволить намъ правильнѣе развить свое міровоззрѣніе и успѣшнѣе вести дѣло пропаганды,—и вотъ мы, ради сбереженія своихъ силъ и скорѣйшаго успѣха, требуемъ этой свободы, требуемъ отиѣны различныхъ стѣснительныхъ «положеній» и «уложеній». Такое требованіе тѣмъ болѣе удобовыполнимо, что оно по вкусу говорунамъ—этимъ дѣятелямъ будущей всероссійской говорилки, слѣдовательно, на осуществленіе его разсчитывать не такъ трудно. Да не подумаютъ, чтобы и въ самомъ дѣлѣ политическая свобода входила въ наши особенныя планы и расчеты, и для нея мы отводили столь же почетное мѣсто, какъ и для основнаго нашего требованія. Нѣтъ, мы только говоримъ, что такъ бы лучше, что эта свобода всетаки очень важное условіе для желаннаго исхода революціи. Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что ради осмысленности социальнѣйшей революціи, мы желали бы ее оттянуть на безконечно-длинное время. Вовсе нѣтъ, мы только говоримъ, что нужно пользоваться всѣмъ, что можно достать, нужно обращать вниманіе на все, что окажетъ услугу въ нашемъ дѣлѣ.

«Гораздо важнѣе для насъ ваши замѣчанія относительно нашихъ недостатковъ и пробѣловъ по аграрному вопросу. Дѣйствительно, мы уже чересчуръ увлеклись разсмотрѣніемъ своего городского положенія, чересчуръ пропитались духомъ различныхъ программъ Запада,

и вот оказалось, что для нашей деревни въ своей программѣ мы отвели очень немного мѣста. Но да извинять насъ за этотъ промахъ, тѣмъ болѣе, что забывать деревню не есть дѣло нашего ума и чувства. Для насъ столько же дорогъ мужичекъ съ его родными лѣсами, какъ и фабричный, а улучшение быта перваго даже важнѣе, потому, что тогда ни одинъ кулакъ не вызвалъ бы насъ съ своихъ полей служить своему ненасытному брюху...

«Увеличеніе надѣловъ сообразно потребностямъ семьи, насчетъ незанятыхъ и помѣщичьихъ земель, узаконеніе только тѣхъ повинностей, которыя прямо идутъ на удовлетвореніе нуждъ и потребностей крестьянской общины и на устройство школъ и сельско-хозяйственныхъ училищъ,—вотъ что въ общихъ чертахъ можемъ добавить къ своей программѣ и выставить съ своей стороны необходимыми требованіями...

«При слабости еще организаціи, при недостаткѣ энергичныхъ боевыхъ силъ, наша дѣятельность въ массѣ будетъ носить на себѣ характеръ пропаганды и мирной агитаціи въ средѣ рабочаго и крестьянскаго люда. Но этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что болѣе или менѣе открытая борьба, какъ активное участіе и агитація во время стачекъ, исключается пока изъ нашей программы дѣйствій. Напротивъ, мы должны пользоваться всеми удобными моментами, всеми случаями, гдѣ бы могли открыто заявить свою силу, какъ единичную, такъ и массовую. Если вы понимаете насъ и если сознаете всю важность правильной постановки и рѣшенія вопросовъ въ дѣлѣ нашей организаціи, то и не будете слишкомъ требовательны къ намъ, какъ, повидимому, желалось бы многими».

Воззваніе «Союза» попало и въ Польшу. Какое оно произвело тамъ впечатлѣніе, мы объ этомъ можемъ отчасти судить по очень интересному имѣющемуся въ нашемъ распоряженіи, изданію, напечатанному всего въ 14 экз. въ типографіи Варшавскаго Жандармскаго Округа «исключительно для лицъ наблюдающихъ за производствомъ дознаній». Это изданіе озаглавлено: «Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Царствѣ Польскомъ съ 1877 г. по 1885 г.» (4 тома) и представляетъ собою «итоги разслѣдованій прокурора Варшавской Судебной Палаты по дѣламъ о революціонномъ (патріотическомъ и социалистическомъ) движеніи въ Царствѣ Польскомъ».

Въ 1-мъ томѣ, на стр. 31—33, между прочимъ, говорится слѣдующее о социалистическомъ движеніи въ Польшѣ въ 1879 г.:

«Изъ обнаруженныхъ при обыскахъ документовъ, имѣющихъ характеристическое значеніе для опредѣленія направленія и дѣйствій пропаганды, обращаютъ на себя вниманіе двѣ рукописи, на польскомъ языкѣ, отобранныя у слесаря Вѣлицкаго; первая изъ нихъ носитъ названіе «Программа Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ». Составляя какъ-бы результатъ какого-то постановленія Петербургскихъ рабочихъ на общемъ ихъ собраніи 23 и 30 дек. 1878 г.

программа эта говоритъ объ образовавшемся общероссійскомъ союзѣ рабочихъ, цѣли которыхъ тѣсно связаны съ цѣлями социально-революціонной партіи Запада и стремятся:

Во-1-хъ, къ уничтоженію существующаго политическаго и экономическаго государственнаго устройства.

Во-2-хъ, къ образованію свободной федераціи народныхъ общинъ, основанныхъ на принципѣ полной политической равноправности и внутренняго самоуправления, согласно принципамъ обычнаго русскаго права.

Въ-3-хъ, къ уничтоженію индивидуальной земельной собственности и замѣнѣ ея общиннымъ владѣніемъ.

Въ-4-хъ, къ правильной организаціи коллективной работы и правъ рабочихъ-производителей на продукты и орудія труда.

Далѣе идетъ разъясненіе въ подробностяхъ о способѣ достиженія этихъ цѣлей и воззваніе къ рабочимъ, приглашающее ихъ сплотиться для будущей борьбы»...

Изъ дознанія, по словамъ автора «Матеріаловъ», выяснилось, что программа эта была неоднократно читана на сходахъ с.-р. молодежи и рабочихъ и «раздавалась на руки нѣкоторыхъ рабочихъ, которые заслуживали особаго довѣрія и были достаточно подготовлены, чтобы организовывать самостоятельные кружки»... По этому дѣлу была заарестована преимущественно молодежь изъ бывшихъ и окончившихъ учениковъ Варш. III-ей гимназіи. Всего арестовали 14 интеллигентовъ и 9 рабочихъ. Инициаторами с.-р. кружковъ были студенты: Рогальскій, Каз. Плавинскій и Шпотанскій.

«На участниковъ дѣла сильное вліяніе оказала русская революціонная литература: «Земля и Воля», «Начало», «Впередъ» и др. «Программа Сѣвернаго Русскаго Рабочаго Союза» была доставлена въ Варшаву бывшимъ ученикомъ Варшавской III-ей гимназіи Бушкевичемъ».

Мы знаемъ, что на воззваніе «Союза» полки отвѣчали тоже воззваніемъ, но его, къ сожалѣнію, мы пока не нашли.

Дѣятельность «Союза» съ весны 1879 г. намъ почти что совершенно неизвѣстна. Мы знаемъ, что Халтуринъ и послѣ ареста Обворскаго упорно заняты были организаціей рабочихъ и созданіемъ типографіи для органа, но неудачи его преслѣдовали. Въ концѣ концовъ онъ пришелъ къ заключенію, что обширныя и вліятельныя рабочія организаціи были невозможны при тогдашнихъ политическихъ условіяхъ, и потому на первый планъ поставилъ борьбу за политическую свободу, борьбу противъ самодержавія и непосредственно противъ Александра II. Когда ему удалось, какъ хорошему слесарю, получить работу въ Зимнемъ Дворцѣ, онъ предложилъ Исполнительному Комитету партіи Народной Воли собственный планъ террористическаго акта,—и нѣсколько мѣсяцевъ посвятилъ на выполненіе этой задачи.

Какъ шли дѣла «Союза», когда Халтуринъ работалъ надъ приготовленіемъ взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ, мы не знаемъ. Кажется,

своихъ связей съ своими друзьями-рабочими онъ не прекращалъ и въ этотъ народовольческій періодъ своей дѣятельности, и во время пребыванія во дворцѣ,—подъ его руководствомъ продолжалась пропаганда и организація петербургскихъ рабочихъ и подготовлялся рабочій органъ. Въ февралѣ 1880 г., чрезъ нѣсколько дней послѣ взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ, друзьямъ Халтурина,—не знаю, выступали ли они тогда, какъ члены «Союза»,—удалось выпустить 1-й и единственный номеръ своего журнала «Заря Рабочаго». Этотъ № и набирался, и печатался, и составлялся, и редактировался самими рабочими. Намъ не удавалось пока приобрести этого органа. Судя по двумъ краткимъ замѣткамъ въ 1 и 2 №№ «Листка Народной Воли», типографія «Зари Рабочаго» вмѣстѣ съ очень многими рабочими была взята въ концѣ февраля 1880 г.; вскорѣ послѣ отпечатанія 1-го №—полиціи удалось захватить почти цѣлкомъ все изданіе, и спасено было очень небольшое число его экземпляровъ.

«Сѣверный Союзъ русскихъ рабочихъ» болѣе не возобновлялся. Какъ нѣчто аналогичное ¹⁾ ему, въ 1880 г. на югѣ возникъ «Южно-русскій рабочій союзъ» по инициативѣ Е. Н. Ковальской и Шедрина. На сѣверѣ дѣло пропаганды среди рабочихъ переходить въ руки народовольцевъ. Они еще въ 1880 г. съорганизовали рабочіе кружки въ Петербургѣ и въ провинціи. Въ концѣ 1880 г., главнымъ образомъ при участіи Желябова и Коковскаго (ум. въ 1881 г.), была выработана замѣчательная программа рабочихъ членовъ партіи Народной Воли и начала выходить «Рабочая Газета». Съ какой энергіей и съ какимъ увлеченіемъ велась народовольцами эта пропаганда, можно видѣть изъ воспоминаній о Коковскомъ («Вѣстникъ Народной Воли» 1885 г. № 4,—то же перепечатано въ 5 № «Былого» —загран. изданіи), изъ статьи о пропагандѣ въ Ростовѣ-на-Дону въ 1882—1884 гг. (5 № «Былого») и т. д. Среди распропагандированныхъ рабочихъ той эпохи можно указать на просидѣвшихъ впоследствии по 15—20 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости Мартынова, Панкратова, Антонова,—на повѣшеннаго Тим. Михайлова, на Моисеенко,—организатора стачки на Морозовской фабрикѣ въ январѣ 1885 г., одной изъ лучшихъ, историческихъ стачекъ,—на Коменко сосланнаго на Сахалинъ, и на цѣлый рядъ именъ другихъ рабочихъ.

Соціалъ-демократическія организаціи, возникшія съ конца 80-хъ гг., а потомъ организаціи социалистовъ-революціонеровъ въ половинѣ 90-хъ гг. нашли въ рабочей средѣ добрую почву, вспаханную ихъ предшественниками. Они взяли въ свои руки дѣло пропаганды и агитаціи среди рабочихъ, начатое въ 60-хъ и 70-хъ годахъ и продолженное въ началѣ 80-хъ гг. партіей Народной Воли.

Влад. Бурцевъ.

Засѣданіе Государственного Совѣта 8 марта 1881 года.

Помѣщаемъ доставленные намъ въ высшей степени интересныя страницы изъ дневника виднаго государственнаго дѣятеля, относящіяся до знаменитаго засѣданія Государственного Совѣта, обсуждавшаго проектъ представительства—весьма скромнаго,—предложенный гр. Лорисъ-Меликовымъ. Авторъ дневника по наброскамъ, сдѣланнымъ имъ въ засѣданіи, воспроизвелъ затѣмъ многочисленныя рѣчи, тамъ произнесенныя.

«Когда всѣ заняли мѣста, Его Величество Императоръ Александръ III, не безъ нѣкотораго смущенія, сказалъ:

«Господа! Я собралъ васъ, сегодня, несмотря на переживаемое нами крайне тяжелое время, для обсужденія одного вопроса, въ высшей степени важнаго. Графъ Лорисъ-Меликовъ, озабочиваясь возможно всестороннимъ разсмотрѣніемъ предположеній, которыя будутъ выработаны послѣ окончанія сенаторскихъ ревизій, а также для удовлетворенія общественнаго мнѣнія, докладывалъ покойному Государю о необходимости созвать представителей отъ земствъ городовъ. Мысль эта въ общихъ чертахъ была одобрена покойнымъ моимъ отцомъ, который приказалъ обсудить ее подробно въ особомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ графа Валуева, при участіи моего, великаго князя Константина Николаевича и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Журналъ совѣщанія, которое въ сущности согласилось съ проектомъ, былъ представленъ Его Величеству и имъ одобренъ. Покойный Государь сдѣлалъ, однако, нѣкоторыя замѣтки относительно частныхъ. Намъ предстоитъ обсудить эти замѣтки. Но прошу васъ быть вполне откровенными и говорить мнѣ ваше мнѣніе относительно всего дѣла, нисколько не стѣняясь. Предваряю васъ, что вопросъ не слѣдуетъ считать предрѣшеннымъ, такъ какъ покойный батюшка хотѣлъ, прежде окончательнаго утвержденія проекта, созвать для окончательнаго его разсмотрѣнія Совѣтъ Министровъ».

Слово было предоставлено членамъ засѣданія. За проектъ Лорисъ-Меликова высказывались Сольскій, Абаза, гр. Валуевъ, гр. Милютинъ, вел. кн. Константинъ Николаевичъ и нѣкоторые др. Гр. Валуевъ не преминулъ сообщить, что онъ еще въ 1866 году входилъ съ подобнымъ же представленіемъ къ имп. Александру II, но тогда оно было отложено. Рѣчи говорившихъ за проектъ Лорисъ-Меликова были вялы и слабы: въ нихъ не чувствовалось увѣренности лицъ, твердо убѣжденныхъ. Исключеніемъ была лишь рѣчь графа Милютина.

Графъ Милютинъ сказалъ: «Предлагаемая мѣра Вашему Императорскому Величеству, по моему мнѣнію, совершенно необходимо

¹⁾ Объ этомъ Ю.-Р. Р. Союзъ см. воспоминанія Е. Н. Ковальской въ № 6 «Былого» (заграничнаго).

и необходима именно теперь. Въ началѣ каждаго царствованія новый монархъ, для пользы дѣла, долженъ заявить народу свои намѣренія и виды относительно будущаго. По части внѣшней политики взгляды Вашего Величества нашли себѣ прекрасное выраженіе въ циркулярной депешѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Какъ видно изъ извѣстій, приходящихъ съ разныхъ концовъ Европы, депеша эта произвела повсюду наилучшее впечатлѣніе. Но она касается собственно международныхъ нашихъ отношеній, изъ нея не видно, какой внутренней политики будетъ держаться императоръ Александръ III. Между тѣмъ вопросъ этотъ естественно озабочиваетъ всю Россію. Безотлагательное разрѣшеніе его представляется мнѣ въ высшей степени необходимымъ. Покойный государь, по вступленіи на престолъ, предпринялъ цѣлый рядъ великихъ дѣлъ. Начатыя имъ преобразованія должны были обновить весь строй нашего отечества. Къ несчастью, выстрѣлъ Каракозова остановилъ исполненіе многихъ благихъ предначертаній великодушнаго монарха. Кромѣ святого дѣла освобожденія крестьянъ, которому покойный государь былъ преданъ всею душою, всѣ остальные преобразованія исполнялись вяло, съ недоумѣемъ къ пользѣ ихъ, причѣмъ нерѣдко принимались даже мѣры, несогласныя съ основною мыслью изданныхъ новыхъ законовъ. Понятно, что, при такомъ образѣ дѣйствій, нельзя было ожидать добрыхъ плодовъ отъ наилучшихъ даже предначертаній. И действительно, въ Россіи все затормозилось, почти замерзло, повсюду стало развиваться глухое недовольство... Въ самое послѣднее только время общество ожило, всѣмъ стало легче дышать, дѣйствія правительства стали напоминать первые, лучшіе годы минувшаго царствованія. Передъ самой кончиной императора Александра Николаевича, возникли предположенія, разсматриваемыя нами теперь. Слухъ о нихъ проникъ въ общество и всѣ благомыслящіе люди имъ отъ души сочувствовали. Вѣсть о предполагаемыхъ новыхъ мѣрахъ проникла и за границу»...

Здѣсь графа Милютина прервалъ *Александръ III*:

«Да, но императоръ Вильгельмъ, до котораго дошли слухи о томъ, будто бы батюшка хочетъ дать Россіи конституцію, умолялъ его въ собственноручномъ письмѣ—не дѣлать этого; на случай же, если бы дѣло зашло такъ далеко, что нельзя отступитъ и обойтись вовсе безъ народнаго представительства, императоръ германскій совѣтовалъ устроить его какъ можно скромнѣе, давъ представительству поменьше вліянія и сохранивъ власть за правительствомъ».

Графъ Милютинъ продолжаетъ:

«Ваше Величество, не о конституціи идетъ рѣчь. Итъ ея и тѣни. Предлагается устроить на правильномъ основаніи то, что въ сущности было и прежде. Когда разсматривались проекты крестьянскихъ положеній и другихъ важнѣйшихъ законовъ, всякій разъ, съ соизволенія покойнаго государя, приглашаемы были, для предварительнаго обсужденія этихъ проектовъ, люди практическіе, которые знаютъ дѣйствительную жизнь, потому что живутъ не въ столицѣ,

а въ уѣздахъ и деревняхъ, гдѣ многіе вопросы представляются совѣмъ въ иномъ свѣтѣ, нежели въ нашей средѣ.

Теперь предстоятъ важныя законодательныя труды по окончаніи сенаторскихъ ревизій. Естественно, что, для успѣха дѣла, необходимо сообразить ихъ всесторонне, т.-е. не съ канцелярской только, или бюрократической, точки зрѣнія. Въ виду этого, Ваше Величество, я позволяю себѣ горячо поддерживать предложеніе графа Лорисъ-Меликова».

Гораздо ярче и опредѣленнѣе были рѣчи противъ проекта Лорисъ-Меликова.

Графъ Строгановъ сказалъ: «Ваше Величество, предлагаемая мѣра, по моему мнѣнію, не только не своевременная при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, требующихъ особой энергіи со стороны правительства, но и вредная.

Мѣра эта вредна потому, что съ принятіемъ ея власть перейдетъ изъ рукъ самодержавнаго монарха, который теперь безусловно необходимъ, въ руки разныхъ шалопаявъ, думающихъ не о пользѣ общей, а только о своей личной выгодѣ. Въ послѣднее время и безъ предлагаемой новой мѣры власть значительно ослабла, въ журналахъ пишутъ Богъ знаетъ что и проповѣдуютъ невозможныя доктрины. Дошло до того, что, какъ я слышалъ, самъ министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ призвать къ себѣ журналистовъ, чтобы потребовать отъ нихъ нѣкоторой умѣренности. Но, Государь, подобная мѣра не будетъ уже возможна тогда, когда Вы вступите на путь Вамъ предлагаемый; путь этотъ ведетъ прямо къ конституціи, которой я не желаю ни для Васъ, ни для Россіи».

Александръ III. «Я то же опасаясь, что это первый шагъ къ конституціи».

Маковъ. „Ваше Императорское Величество, предложенія графа Лорисъ-Меликова мнѣ были вовсе не извѣстны; я ознакомился съ ними въ 1-й разъ въ настоящемъ засѣданіи и потому не могъ еще сообразить ихъ какъ бы слѣдовало. Насколько я могъ постичь изъ записки, прочитанной министромъ внутреннихъ дѣлъ, основная ея мысль—ограниченіе самодержавія. Доложу откровенно, что я, съ моей стороны, всѣми силами моей души и моего разумія, рѣшительно отвергаю эту мысль. Осуществленіе ея привело бы Россію къ гибели. Таковъ мой взглядъ на этотъ вопросъ вообще. Но, кромѣ того, по долгу совѣсти я считаю себя обязаннымъ высказать, что не въ такія минуты, какъ тѣ, которыя, къ несчастью, переживаемъ мы,—возможно заниматься проектами объ ослабленіи власти и объ измѣненіи формы правленія, благотвительной для отечества. Въ смутное нынѣшнее время, по глубокому убѣжденію моему, нужно думать только о томъ, чтобы укрѣпить власть и искоренить крамолу. Воля Вашего Императорскаго Величества, безъ сомнѣнія, священна. Если Вамъ, Государь, благоугодно будетъ утвердить, одобренныя въ Божіи почившимъ императоромъ, предложенія графа Лорисъ-Меликова, то всѣ мы должны преклониться, и всѣ возраженія должны смолкнуть. Тѣмъ не менѣе, я считаю священной обязанностью обратить все-

милостивѣйшее вниманіе Вашего Величества на то, что при обнародованіи постановленія по этому предмету нужно принять совершенно иную форму, нежели та, которая предлагается графомъ Лористъ-Меликовымъ. Нельзя говорить о важной этой мѣрѣ такъ, какъ будто бы она исходитъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Подобный правительственный актъ можетъ исходить исключительно отъ Васъ, по завѣту покойнаго Государя и силою собственной державной воли Вашего Императорскаго Величества, а не по мысли и представленію министра внутреннихъ дѣлъ. О немъ въ публикаціи не должно быть и рѣчи!"

Оберъ-Прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ (блѣдный, какъ полотно, нервно волнуется).

«Ваше Величество, по долгу присяги и совѣсти, я обязанъ высказать Вамъ все, что у меня на душѣ. Я нахожусь не только въ смущеніи, но и въ отчаяніи. Какъ въ прежнія времена передъ гибелью Польши говорили—«Finis Poloniae!», такъ теперь едва ли не приходится сказать и намъ: «Finis Russiae!» При соображеніи проекта, предлагаемаго на уваженіе Ваше, сжимается сердце! Въ этомъ проектѣ слышится фальшь, скажу болѣе: онъ дышетъ фальшью. Намъ говорятъ, что для лучшей разработки законодательныхъ проектовъ нужно приглашать людей, знающихъ народную жизнь, нужно выслушивать экспертовъ. Противъ этого я ничего не сказалъ бы, если-бы хотѣли сдѣлать это только. Эксперты вызывались и въ прежнія времена, но не такъ, какъ предлагается теперь. Нѣтъ! въ Россіи хотятъ ввести конституцію, и если не сразу, то по крайней мѣрѣ сдѣлать къ ней первый шагъ... А что такое конституція? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ Западная Европа. Конституція, тамъ существующія, есть орудія всякой неправды, источникъ всякихъ интригъ. Примѣровъ этому множество, и даже въ настоящее именно время мы видимъ во Франціи, охватившую все государство борьбу, имѣющую цѣлю не дѣйствительное благо народа или усовершенствованіе законовъ, а измѣненіе порядка выборовъ для доставленія торжества честолюбцу Гамбеттѣ, помышляющему сдѣлаться диктаторомъ государства. Вотъ къ чему можетъ вести конституція! Намъ говорятъ, что нужно справляться съ мнѣніемъ страны черезъ посредство ея представителей. Но развѣ тѣ люди, которые явятся сюда для соображенія законодательныхъ проектовъ, будутъ дѣйствительными выразителями мнѣнія народнаго? Я увѣрю, что нѣтъ. Они будутъ выражать только личные свои взгляды»...

Здѣсь прервалъ его *Александръ III*: «Я думаю то же. Въ Даніи мнѣ не разъ говорили министры, что депутаты, заседающіе въ палатѣ, не могутъ считаться выразителями дѣйствительныхъ народныхъ потребностей»...

«И эту фальшь,—продолжалъ Побѣдоносцевъ,—по иноземному образцу, для насъ не пригодному, хотятъ, къ нашему несчастью, къ нашей гибели, ввести и у насъ... Россія была сильна благодаря самодержавію, благодаря неограниченному взаимному довѣрію и тѣсной связи между народомъ и его царемъ. Такая связь русского

царя съ его народомъ есть неоцѣнимое благо. Народъ нашъ есть хранитель всѣхъ нашихъ доблестей и добрыхъ нашихъ качествъ, многому можно у него поучиться! Такъ называемые представители земства только разобщаютъ царя съ народомъ. Между тѣмъ, правительство должно радѣть о народѣ, оно должно познать дѣйствительныя его нужды, должно помогать ему справляться съ безысходною часто нуждою. Вотъ цѣль, къ достиженію которой нужно стремиться, вотъ истинныя задачи новаго царствованія. А вмѣсто того предлагаютъ устроить у насъ говорильню, въ родѣ французскихъ «états généraux». Мы и безъ того страдаемъ отъ говорилень, которыя, подъ влияніемъ негодныхъ, ничего не стоящихъ журналовъ, разжигаютъ только народные страсти. Благодаря пустымъ болтунамъ, что стало съ высокими предначертаніями покойнаго незабвеннаго Государя, пріавшаго подъ конецъ своего царствованія мученичeskій вѣнецъ? Къ чему привела великая святая мысль освобожденія крестьянъ?.. Къ тому, что дана имъ свобода, но не устроено надъ ними надлежащей власти, безъ которой не можетъ обойтись масса темныхъ людей. Мало того, открыты повсюду кабаки, блѣдный народъ, предоставленный самому себѣ и оставшійся безъ всякаго о немъ попеченія, сталъ пить и лѣниться къ работѣ, а потому сталъ несчастной жертвой цѣловальниковъ, кулаковъ, жидовъ и всякихъ ростовщиковъ. Затѣмъ открыты были земскія и городскія учрежденія,—говорильни, въ которыхъ не занимаются дѣйствительнымъ дѣломъ, а разглагольствуютъ вкривъ и вкосъ о самыхъ важныхъ государственныхъ вопросахъ, вовсе не подлежащихъ вѣдѣнію говорящихъ. И кто же разглагольствуетъ? Кто орудуетъ въ этихъ говорильняхъ? Люди негодные, безразличные, между которыми видное положеніе занимаютъ лица, не живущія съ своими семействами, предающіяся разврату, помышляющія лишь о личной выгодѣ, ищущія популярности и вносящія во все всякую смуту. Потомъ открылись новыя судебныя учрежденія,—новыя говорильни, говорильни адвокатовъ, благодаря которымъ самыя ужасныя преступленія, несомнѣнные убійства и другія тяжкія злодѣянія остаются безнаказанными. Дали, наконецъ, свободу печати, этой самой ужасной говорильнѣ, которая во всѣ концы необятной русской земли, на тысячи и десятки тысячъ верстъ, разноситъ хулу и порицаніе на власть, посягаетъ между людьми мирными и честными сѣмена раздора и неудовольствія, разжигаетъ страсти, побуждаетъ народъ къ самымъ вопіющимъ беззаконіямъ. И когда, Государь, предлагаютъ учредить по иноземному образцу новую верховную говорильню? Теперь, когда прошло лишь нѣсколько дней послѣ совершенія самаго ужасающаго злодѣянія, ни-когда не бывавшаго на Руси, когда по ту сторону Невы, рукою податъ отсюда, лежитъ въ Петропавловскомъ соборѣ непогребенный прахъ благодушнаго русского царя, который среди бѣлаго дня растерзанъ русскими же людьми. Я не буду говорить о винѣ злодѣевъ, совершившихъ это ужасающее, безпримѣрное въ исторіи преступленіе. Но и всѣ мы, отъ перваго до послѣдняго, должны каяться въ томъ, что такъ легко смотрѣли на совершавшееся вокругъ насъ, всѣ

мы виноваты въ томъ, что, несмотря на постоянно повторявшіеся покушенія на жизнь общаго нашего благодѣтеля, мы въ бездѣтельности и апатіи нашей не сумѣли охранить праведника! На насъ всѣхъ лежитъ клеймо несмываемаго позора, павшаго на русскую землю. Всѣ мы должны каяться!..»

Александръ III. «Сущая правда, всѣ мы виноваты, я первый обвиняю себя».

«Государь,—закончилъ Побѣдоносцевъ,—въ такое ужасное время надобно думать не объ учрежденіи новой говорильни, въ которой произносились бы новыя растлѣвающія рѣчи, а о дѣлѣ... Нужно дѣлать!»...

Въ заключеніе графъ Лорисъ-Меликовъ сказалъ: «Необходимо, чтобы на сторонѣ правительства были всѣ благомыслящіе люди. Предлагаемая теперь мѣра можетъ много этому способствовать. Въ настоящую минуту она вполнѣ удовлетворитъ и успокоитъ общество; но если мы будемъ медлить, то упустимъ время—черезъ три мѣсяца нынѣшнія, въ сущности, весьма скромныя предположенія наши окажутся, по всей вѣроятности, уже запоздалыми».

Послѣдствіемъ этого историческаго засѣданія явилась вся внутренняя политика Александра III...

Народное движеніе въ Петербургѣ 9-го января 1905 г.

Прошелъ годъ съ того дня, но кажется, что онъ уже давно отошелъ въ исторію: столько было пережито за это время русскимъ обществомъ и русскимъ народомъ. Текущіе событія, одно знаменательнѣе и ярче другого, захватываютъ общее вниманіе и многимъ кажется, что теперь не время оглядываться на недавнее прошлое и разбираться въ накапливающимся историческимъ матеріалахъ. Русское общество, не только въ провинціи, но и въ С.-Петербургѣ, гдѣ разыгралась народная драма 9-го января, не ознакомлено вполнѣ съ характерными и наиболѣе поучительными сторонами ея и не представляетъ себѣ всего ея значенія въ томъ историческомъ процессѣ, который перерабатываетъ старую Россію въ новую, будущую Россію. А между тѣмъ это значеніе событій 9-го января неизмѣримо велико. Въ этотъ день совершился мгновенный и великій переворотъ въ душѣ и понятіяхъ столичной рабочей массы. Съ этого дня не избранные борцы только, не вожаки, не партійные люди, но именно масса, до тѣхъ поръ наивная, поняла, что «добиться правды» въ Россіи можно только путемъ борьбы. Русская революція перестала быть достоинствомъ сознательныхъ верховъ и стала разливаться по всей странѣ, переходя въ глубокое стихійное движеніе.

Предлагаемый очеркъ является попыткой передать событія 9-го января въ связи съ подготовившимъ ихъ безпартійнымъ «гапоповскимъ» движеніемъ петербургскихъ рабочихъ. Документъ, по которому написанъ этотъ очеркъ,—около 300 записей, по опроснымъ листкамъ, участниковъ и свидѣтелей январскихъ событій,—собранны были трудами возникшей послѣ 9 января «анкетной комиссіи»—изъ представителей разныхъ профессій, вошедшихъ позднѣе въ «Союзъ Союзовъ». Матеріалы эти были отчасти дополнены и проверены авторомъ настоящаго очерка посредствомъ личнаго опроса нѣсколькихъ десятковъ свидѣтелей изъ интеллигенціи, а также рабочихъ, стоявшихъ въ центрѣ движенія. Нечего и говорить о томъ, что очеркъ этотъ далеко не полонъ, но за то въ немъ нѣтъ ни одной сочиненной строчки: все, не исключая красочныхъ подробностей, очеркнуто изъ означенныхъ источниковъ.

Еще не пришло время говорить о сложной личности главнаго героя и виновника январскихъ событій, Георгія Гапона, и разбираться въ планахъ и настроеніяхъ сплотившейся вокругъ него группы сознательныхъ рабочихъ. Но нѣкоторые факты, относящіеся къ подготовительному періоду движенія, твердо установлены и могутъ быть

преданы гласности уже теперь. Священник Пересыльной тюрьмы, Георгій Гапонъ, для начала своей дѣятельности воспользовался «зубатовскими» начинаніями русскаго правительства. Въ октябрѣ 1903 г. онъ былъ утвержденъ предсѣдателемъ только что основаннаго передъ тѣмъ «Общества русскихъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ» и почти до конца поддерживалъ сношенія съ Охраннымъ Отдѣленіемъ, ввѣрившимъ ему судьбу петербургскихъ рабочихъ. Первоначальные сотрудники Гапона не имѣли определенной политической окраски, а нѣкоторые изъ нихъ не безъ основанія могли считаться «зубатовцами». Дѣятельность первыхъ «отдѣловъ» открывавшихся въ разныхъ частяхъ города въ теченіе 1904 г., имѣла сначала вполне невинный характеръ: члены общества, допускавшіеся туда сначала по рекомендаціи двухъ членовъ, съ извѣстнымъ вступнымъ и затѣмъ ежемѣсячнымъ взносомъ, собирались въ «отдѣлы» для отдыха, для бесѣды о своихъ нуждахъ, для выясненія средствъ взаимопомощи. Въ отдѣлахъ были бібліотеки. Тамъ же устраивались, время отъ времени, платные музыкальные и танцевальные вечера, привлекавшіе въ собранія и женщинъ. Дѣлами собраній заведывали выборные изъ рабочихъ. Рабочіе, находившіеся подъ большимъ или меньшимъ влияніемъ революціонныхъ партій, относились къ гапоновскимъ начинаніямъ недоувѣрчиво, и наименованіе «зубатовщины» примѣнялось къ нимъ даже среди мало-сознательной массы. Мало-по-малу Гапонъ сталъ сближаться съ наиболее сознательными рабочими изъ отдѣловъ. Въ большинствѣ случаевъ это были люди, прошедшіе партійную школу, но по тѣмъ или другимъ причинамъ не примкнувшіе къ партіямъ. Осторожно, но чрезвычайно настойчиво, не жалѣя времени и вниманія, Гапонъ подбиралъ себѣ кружокъ такого рода приближенныхъ и товарищей, составившихъ для него, въ концѣ концовъ, вполне надежную опору и самоотверженно работавшихъ вмѣстѣ съ нимъ для осуществленія общаго плана.

Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы такъ или иначе расшевелить всю рабочую массу, не поддающуюся воздѣйствію конспиративныхъ дѣятелей, поднять ее на борьбу за свои человѣческія права, за свои экономическіе и политическіе интересы. Нѣкоторые изъ наиболее развитыхъ рабочихъ, приближенныхъ Гапона, почти до самаго конца не могли побѣдить въ себѣ какой-то опасливости, въ связи съ вопросомъ объ его отношеніи къ Охранному Отдѣленію, но онъ постепенно побуждалъ это недоувѣріе личнымъ обаяніемъ, искреннимъ товарищескимъ тономъ въ обращеніи и широтою тѣхъ плановъ, которые онъ довѣрялъ близкимъ и которые онъ выковывалъ совмѣстно съ ними иногда въ долгихъ разговорахъ съ глазу на глазъ. Иногда въ общихъ собраніяхъ кружка, разросшагося къ концу 1904 г. приблизительно до 80 человѣкъ. Среди этого кружка были восторженные, страстно преданные ему люди, готовые пойти за него въ огонь и въ воду.

Со второй половины 1904 г., когда, послѣ смерти Плеве, зашевелилось все русское общество, дѣятельность Гапона и его кружка въ отдѣлахъ приняла болѣе широкій характеръ. Руководители отдѣ-

ловъ стали затрогивать общіе политическіе вопросы, подходя къ нимъ со стороны, наиболее доступной для малосознательной массы. Одинъ изъ рабочихъ, участникъ январскаго движенія, пишетъ о характерѣ собраній за это время такъ: «Говорили все больше объ нуждахъ и интересахъ народа, еще говорили и о политической сторонѣ, какъ образованіе и пр., но очень мало. Ежели же находились люди, которые, не вытерпѣвъ, начинали говорить все поголовно, такихъ людей черезъ два дня забирали и сажали въ казематку». Дѣйствительно, въ собраніяхъ присутствовали полицейскіе — иногда «переодѣтые», и весьма возможно, что партійнымъ или вообще наиболее рѣзко выступавшимъ ораторамъ приходилось потомъ расплачиваться за горячія рѣчи. Но такіе случаи были, несомнѣнно, исключеніями: полиція, присутствуя въ этихъ разрѣшенныхъ собраніяхъ и, въ общемъ, будучи сама склонна считать ихъ «зубатовскими», недоумѣвала и бездѣйствовала.

Въ общемъ, однако, какъ уже сказано, пропаганда велась въ собраніяхъ сначала чрезвычайно сдержанно и осторожно. Самъ Гапонъ и дѣтели отдѣловъ читали вслухъ и объясняли легальныя газеты, замѣтно оживившіяся въ то время, — главнымъ образомъ «Наши Дни» и «Нашу Жизнь». Когда съ ноября начался періодъ общественныхъ резолюцій, въ собраніяхъ читались и обстоятельно истолковывались эти резолюціи. Собранія становились все болѣе популярны. «Рабочіе къ собранію относились съ любовью, — пишетъ одинъ изъ свидѣтелей — и говорили, что ежели они больше будутъ ходить и, наконецъ, соберется большая масса членовъ, то они могутъ что-нибудь сдѣлать въ свою пользу». О методѣ, какимъ руководители «отдѣловъ» подводили массу къ политическимъ вопросамъ, даютъ представленіе слѣдующія безхитростныя строки изъ анкетныхъ документовъ: «Многіе говорили раньше, что нужно сначала выхлопотать экономическую сторону, а ужъ потомъ и политическую; но когда имъ разъясняли, что имъ не дадутъ всего, а ежели дадутъ, то послѣ все равно отнимутъ, то всѣ большую часть соглашались на это. Гапонъ говорил все это могъ, чтобы уговорить и показать рабочему правую сторону, и за это народъ называлъ его: одинъ нашъ батюшка такой, а то всѣ негоди».

II

Къ концу ноября дѣятельность Гапона и его помощниковъ приобрѣла уже характеръ систематической пропаганды. Въ кружкѣ его исполволь вырабатывались резолюціи, обобщающія требованія рабочаго класса и связывающія ихъ съ общеполитическими требованіями, выставленными земскимъ съѣздомъ 6—9 ноября и интеллигенціей. Въ это время Гапонъ, несомнѣнно, искалъ связей съ интеллигенціей, поддержки и помощи съ ея стороны, обращался за совѣтами даже къ нѣкоторымъ представителямъ литературы и открывалъ двери своихъ маленькихъ домашнихъ собраній для заслуживающихъ довѣрія лицъ.

Вотъ записъ, сдѣланная нами въ свое время со словъ одного такого лица: «Въ послѣднихъ числахъ ноября я, съ четырьмя другими лицами, заинтересовавшись дѣятельностью Гапона въ обществѣ русскихъ фабричныхъ рабочихъ, была у него на дому на собраніи депутатовъ имѣвшихся тогда пяти отдѣловъ. Онъ жилъ въ маленькой скромной квартирѣ на Петербургской сторонѣ. Разсматривая уставъ общества, мы обратили вниманіе на сомнительные по духу параграфы его. Гапонъ сказалъ, что это только ширма, что настоящая программа общества иная, и попросилъ рабочаго принести выработанную ими резолюцію политическаго характера. Уже тогда было ясно, что эти резолюціи совпадаютъ съ резолюціями интеллигенціи. Гапонъ не только ничего не имѣлъ противъ участія въ его дѣлѣ интеллигенціи, но желалъ этого и подчеркивалъ тождественность требованій. Посѣтителы говорили, что уже пришло время рабочимъ выступить съ резолюціей. Гапонъ былъ другого мнѣнія. Онъ говорилъ: время еще не пришло; я долженъ еще расширить свою дѣятельность и кромѣ того нужно ждать какого-нибудь вишняго событія; пусть падетъ Портъ Артуръ»¹⁾. Отмѣтимъ, что Гапонъ, — по показаніямъ нѣкоторыхъ изъ его сотрудниковъ-рабочихъ, — проявлялъ эту осторожность и сдержанность желанія какъ слѣдуетъ подготовить массу, до самыхъ послѣднихъ дней декабря, и только настойчивые совѣты приближенныхъ не упускать благоприятнаго момента побудили его перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Что касается сношеній его съ интеллигенціей, то нужно сказать, что они почти ни къ чему не приводили и за отдѣльными, очень немногими исключеніями, скоро обрывались: интеллигенція — и партійная и виѣ-партійная, не могла разгадать сложной личности священника Гапона и превозмочь своихъ сомнѣній. Слова «зубатовщина», «провокація» оставались у всѣхъ на устахъ — вплоть до 9-го января. Отношеніе къ Гапону и къ «Обществу русскихъ ф.-з. рабочихъ» со стороны власти давало пищу этимъ сомнѣніямъ. Дѣйствительно, власти продолжали довѣрять Гапону и «поддерживали» его. Такъ, въ началѣ декабря, на открытіи VII отдѣла Общества, на Шлиссельбургскомъ трактѣ, присутствовалъ градоначальникъ Фулонъ, обратившійся къ рабочимъ съ сочувственною рѣчью. Рѣчь эта передается нами на основаніи нѣсколькихъ чрезвычайно сходныхъ между собою записей очевидцевъ — шлиссельбургскихъ рабочихъ. Одна изъ записей гласитъ такъ: «Первымъ долгомъ, какъ первое лицо, г. градоначальникъ сказалъ рѣчь, въ которой говорилъ такъ, что всегда радъ и будетъ помогать рабочимъ во всякое время и желаетъ, чтобы рабочіе могли бы всегда одерживать верхъ надъ капиталистами и всегда добиваться того, чего они желаютъ. А онъ всегда сторонникъ народа, всегда готовъ помочь имъ въ ихъ интересахъ и нуждахъ».

¹⁾ Намъ извѣстно, что съ другими лицами изъ виѣпартійной интеллигенціи Гапонъ держалъ себя иначе: онъ не только соглашался выступить немедленно съ опредѣленной политической резолюціей, но и назначилъ время для такого выступленія на 17 декабря.

Съ начала декабря дѣятельность Гапона идетъ ускореннымъ темпомъ. Отдѣлы открываются въ разныхъ частяхъ города одинъ за другимъ. Послѣднимъ, въ самомъ концѣ декабря, открывается отдѣлъ въ Гавани. Къ началу января имѣется, такимъ образомъ, 11 отдѣловъ общества: 10 въ С.-Петербургѣ и одинъ въ Колпинѣ. Наряду съ мужскими и смѣшанными собраніями въ нихъ устраиваются и специально женскія собранія, имѣющія цѣлью дать нѣкоторую общественную и политическую подготовку женщинамъ, сильно отстающимъ отъ мужчинъ въ этомъ отношеніи. «Если женщины не будутъ вовлечены въ движеніе, не будутъ помогать, то онѣ будутъ мѣшать ему», — такъ рассуждалъ Гапонъ и депутаты рабочіе. Гапонъ самъ открываетъ эти женскія собранія. Предсѣдательствуетъ на нихъ и ведетъ ихъ одна выдающаяся по уму и развитію женщина, К., жена рабочаго, бывшая ткачиха. Женскія собранія имѣютъ своихъ секретарей, тоже изъ женщинъ, которыя составляютъ протоколы бесѣдъ.

Однако, въ этотъ періодъ, предшествующій январскому взрыву, Общество, со всѣми его отдѣлами, насчитываетъ лишь нѣсколько тысячъ членовъ и носитъ закрытый характеръ. Широкія массы судятъ о немъ по наслышкѣ, по перекрещивающимся отзывамъ людей, близкихъ къ дѣлу, увлеченныхъ имъ съ одной стороны, и недо-вѣрчивыхъ, предостерегающихъ противъ Общества партійныхъ работниковъ, съ другой. Несомнѣнно, впрочемъ, что нѣкоторые рабочіе съ партійной окраской входили въ Общество, какъ члены, и со-дѣйствовали въ немъ политической пропагандѣ. Но общій характеръ движенія, развивающагося въ Обществѣ и постепенно переходящаго за его стѣны, былъ все-таки безпартійный. Широкая масса относилась къ представителямъ партій, и быть можетъ даже вообще къ интеллигенціи, съ нѣкоторымъ недо-вѣріемъ. Вотъ характерная простодушная записъ одного рабочаго съ Шлиссельбургскаго тракта въ отвѣтъ на вопросъ анкетнаго листа объ участіи въ движеніи интеллигентныхъ партійныхъ работниковъ: «Они говорили, что всѣ стараются, что всѣ они помогаютъ намъ, они люди ученые, знаютъ, что дѣлаютъ. Но какъ-то враждебно смотрѣли на нихъ, сами не зная, за что».

III.

Есть всѣ основанія думать, что «Собраніе русскихъ ф.-з. рабочихъ» сыграло очень существенную роль въ самомъ возникновеніи общей январской забастовки: оно подготовило въ довольно широкихъ кругахъ рабочаго класса сознательное недовольство существующимъ положеніемъ вещей и съ самаго начала поддержало первыхъ протестантовъ и самую мысль о забастовкѣ. Одинъ изъ рабочихъ Шлиссельбургскаго тракта говоритъ объ этомъ такъ: «Мысль о забастовкѣ явилась у рабочихъ благодаря рѣчамъ, которыя говорились

въ Собраніи, гдѣ стали открыто высказывать про всѣ злодѣянія существующаго порядка... Другой документъ анкеты, составленный на основаніи коллективнаго опроса 28 рабочихъ съ разныхъ фабрикъ и заводовъ Шлиссельбургскаго тракта, говоритъ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ: «Толчокъ къ забастовкѣ былъ данъ Собраніемъ, послѣднимъ же поводомъ была забастовка на Путиловскомъ заводѣ. 28 декабря въ городѣ было собраніе представителей отъ всѣхъ отдѣленій (280 человекъ), и Гапонъ предложилъ выступить на болѣе широкую арену дѣятельности». Какъ уже было сказано выше, рѣшимость эта созрѣла въ немъ благодаря настояніямъ кружка наиболѣе близкихъ ему рабочихъ.

29-го декабря къ директору Путиловскаго завода — Смирнову явилась депутація изъ 4 лицъ отъ «Собранія русскихъ ф.-з. рабочихъ», съ цѣлью указать ему на дѣйствія одного мастера, несправедливо уволившаго съ завода нѣсколькихъ рабочихъ. Такая же депутація и съ тою же самой цѣлью, была отправлена «Собраніемъ» къ градоначальнику и къ старшему фабричному инспектору. Ходатайства ихъ не имѣли успѣха, и 3-го января заводъ прекратилъ работу и приступилъ къ выработкѣ своихъ требованій. Требования эти, сводившіяся сначала къ приему неправильно уволенныхъ рабочихъ и удаленію ненавистнаго мастера, на слѣдующій день приняли уже общеоэкономическій характеръ: въ нихъ говорилось уже о 8 ч. рабочемъ днѣ, о постоянной комиссіи изъ выборныхъ рабочихъ для разсмотрѣнія совместно съ администраціей спорныхъ вопросовъ, объ отбѣгѣ сверхурочныхъ работъ, объ установленіи нормальной заработной платы для мужчинъ и женщинъ, объ улучшеніи санитарныхъ условій и т. п. Движеніе въ пользу всеобщей забастовки быстро разлилось по всѣмъ главнымъ заводамъ и фабрикамъ С.-Петербурга. 4-го января было экстренное собраніе за Невскою заставой и постановлено было бастовать. Однимъ изъ первыхъ сталъ Семяниновскій заводъ, имѣвшій наибольшее количество членовъ среди «Собранія», за нимъ стали другіе.

Группы наиболѣе энергичныхъ рабочихъ ходили по заводамъ и мастерскимъ, безъ труда снимая мастеровыхъ съ работы. Движеніе распространялось съ стихійной быстротой и въ три дня захватило до 140.000 рабочихъ. Къ нему примыкали сознательные и не-сознательные, подготовленные и неподготовленные элементы. Одинъ изъ свидѣтелей описываетъ приостановку работъ на своемъ заводѣ въ слѣдующихъ непосредственныхъ выраженіяхъ: «5-го января въ 7 ч. утра пришелъ въ мастерскую. Пропѣли смиренно молитву... Зажегъ свѣчу, зажаль масленку въ тиски и началъ уже пилить. Черезъ минуты 2—3 прошелъ нѣкій токарь Н. и сказалъ: одѣвай-тесь, товарищи! поидемъ съ путиловцами правды искать. Я выслушалъ его и предполагалъ, что онъ смѣется, и, не обращая вниманія, принялся работать. Вдругъ слышу звонокъ, второй, и думаю: что-то неладно. Посмотрѣлъ,—рабочіе одѣваются, въ томъ числѣ и я. Пошли въ слѣдующія мастерскія, предложили прикончить работу. Тамъ безъ всякихъ сопротивленій одѣлись и разошлись...»

Съ каждымъ днемъ агитація въ пользу забастовки встрѣчала все меньше сопротивленія даже въ консервативной части рабочихъ. «7-го января, остановить работы было очень легко,—пишетъ другой рабочий... Въ этотъ день, чувствовали всѣ, должно что-нибудь случиться. Вышли на работу въ 7 ч., народъ сталъ сходитья группами и даже переговаривались со встрѣчными: «Что не работаешь?» Онъ говоритъ: «Не охота». — «Если не хочешь, то ступай за ворота». Двадцать минутъ 8-го послышался трескъ стекла въ окнѣ, закричали: «Бросайте, выходите, бросайте работу!» Рабочіе были моментально одѣты и пошли...»

«Собраніе русскихъ ф.-з. рабочихъ» выступило съ дѣятельной поддержкой забастовочному движенію—не только моральной, но и матеріальной. Оно организовало стачечный комитетъ и фондъ. Нѣкоторые отдѣлы его, какъ напр. Нарвскій и Шлиссельбургскій, вызвали немедленно помогать бѣднѣйшимъ забастовщикамъ, выдавая имъ съѣстные продукты. Вместе съ тѣмъ, съ первыхъ же дней забастовки, двери отдѣловъ широко открылись для всѣхъ желающихъ членовъ и не членовъ, безъ всякой рекомендаціи. Помѣщенія отдѣловъ сразу сдѣлались притягательными центрами для всего взбужденнаго населенія рабочихъ окранныхъ. Началась открытая горячая пропаганда, формулировка—передъ лицомъ нетронутыхъ еще массъ—не только экономическихъ, но и политическихъ требованій всего рабочаго класса, всего трудящагося люда Россіи. Гапонъ ѣздилъ изъ одного отдѣла въ другой, произносилъ рѣчи, овладевалъ аудиторіей, заставлялъ ее высказывать согласіе или несогласіе съ своими заключеніями. Гапона смѣняли его помощники рабочіе. Цѣлый рядъ ораторовъ, умѣющихъ говорить сердцу рабочей толпы и завладѣвать аудиторіей, выдвинулся въ эти дни. Работа шла въ отдѣлахъ съ ранняго утра до ночи. Помѣщенія отдѣловъ, рассчитанныя на сотни посѣтителей, не могли вмѣстить всѣхъ стремящихся туда.

Огромныя толпы ждали очереди на улицѣ, одна аудиторія смѣняла другую. Въ эти первые дни, до выработки петиціи, въ толпѣ еще сталкивались противоположныя идеи, единство настроенія установилось не сразу. Вотъ страница изъ свидѣтельской записки, рисующая въ незамысловатыхъ выраженіяхъ тотъ идейный процессъ, черезъ который съ необычайной быстротой проходили неподготовленные массы. «7-го января пошелъ я на собраніе. Рабочихъ было много... и я не нашелъ нужнымъ идти въ помѣщеніе, а остался около собравшейся толпы. Они говорили относительно требованій; рабочіе высказались такъ: что необходимо намъ нужно, политическая свобода потому—что она будетъ гарантировать неприкосновенность законовъ и мы будемъ говорить, что для насъ полезно, а не такъ—у насъ существуютъ законы, а полицеймейстеръ, пристава издають свои постановленія, не касающіяся законовъ. А другой рабочий говорить, что мы тогда идемъ противъ Бога, Царя и воли его. На эту же тему говорить по нѣскольку разъ, и другой разъ ругаются, а если растолкуешь имъ, въ какомъ положеніи находишься, какіе законы у насъ существуютъ и какіе въ Зап. Европѣ, поне-

много начинают сознавать; и такъ были привлечены на эти требованія. Были такіе случаи, что ораторъ говоритъ относительно управления нашимъ государствомъ и показываетъ неправильность управления,—рабочіе кричатъ: долой этого оратора; то же говорить св. Гапонъ, кричатъ: браво»... Другая запись обрисовываетъ постепенную выработку петиціи: «Народъ приходилъ большими массами и вырабатывалъ свои условія насчетъ забастовки. Говорили о томъ, что нужно первымъ дѣломъ 8-час. рабочий день, потомъ о томъ, какъ они выражались, чтобы была бы допущена правда, т.-е. свобода печати, слова, сходовъ, стачекъ и т. п. Начиналъ кто-нибудь говорить, что нужно рабочимъ, и говорилъ, что проверить нужно: да или нѣтъ. Если нужно, то всѣ говорили—да; если нѣтъ, то подымался шумъ и всѣ кричали: не надо! Потомъ другой, третій и т. д. Говорилъ и св. Гапонъ и выяснялъ, что нужно, и если это было хорошо, то всѣ кричали: надо, пусть будетъ такъ, — и это отмѣчалось, и т. д.»

Такъ вырабатывались и проверялись—примѣнительно къ пониманію и требованіямъ массы — отдѣльные пункты петиціи, редактированной Гапономъ совместно съ 22 депутатами отдѣловъ 6-го января, слегка видоизмѣненной и кое въ чемъ дополненной къ вечеру 8-го января. Въ основу ея легли резолюція, исподволь вырабатываемыя кружкомъ близкихъ къ Гапону рабочихъ, и отчасти резолюція, составленная на Шлиссельбургскомъ трактѣ вечеромъ 5-го января при участіи социаль-демократовъ. Съ утра 7-го января повсюду въ отдѣлахъ произносятся рѣчи, призывающія рабочихъ идти въ воскресенье къ Зимнему Дворцу. Подъ петиціей тысячами, десятками тысячъ собираются подписи.

Въ это время на улицахъ предмѣстій появляются патрули... До приближенныхъ Гапона, несмотря на явное бездѣйствіе полиціи, присутствующей кое-гдѣ на собраніяхъ, доходятъ слухи объ угрожающей ему опасности со стороны властей. Руководители движенія и самъ Гапонъ не скрываютъ отъ себя и другихъ, что шествіе ко Дворцу можетъ принять трагическій оборотъ. Кое-гдѣ раздаются призывы къ оружію не противъ Царя, — на Царя возлагаются въ этотъ день всѣ надежды взволнованной, разгоряченной толпы, а противъ тѣхъ, которые не захотятъ допустить народъ до Царя. Но оружіе ни у кого не заготовлено, народъ пойдетъ къ Царю—черезъ всѣ опасности, безоружный и смиренный, на все готовый, чтобы «добыть правду Россіи». Въ этомъ духѣ написана обращенная къ Царю петиція, въ этомъ же духѣ говорятъ ораторы передъ толпою. Быть можетъ, никогда и нигдѣ еще революціонный подъемъ огромныхъ народныхъ массъ—готовность умереть за свободу и обновленіе жизни—не соединялся съ такимъ торжественнымъ, можно сказать, народно-религіознымъ настроеніемъ. Свидѣтели-рабочіе рассказывали намъ, что въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ, когда собраніе балотировало поднятіемъ рукъ тотъ или другой пунктъ петиціи, эти руки поднимались съ сложенными накрестъ пальцами: «дѣлали изъ пальцевъ крестикъ, чтобы показать, что эти требованія святы, и

кто за нихъ говорить, тотъ все равно, что присягаетъ постоять за правду».

IV.

7-го и 8-го января Гапонъ написалъ письма Царю и Святополькъ-Мирскому, съ предупрежденіемъ о готовящемся шествіи народа, и лично видѣлся съ министромъ юстиціи Муравьевымъ, убѣждая его принять всѣ мѣры къ тому, чтобы шествіе это не окончилось трагически. Нечего и говорить о томъ, что онъ не нашелъ у министра ни малѣйшей отзывчивости. Въ эти же дни онъ лично объѣхалъ всѣ отдѣлы. Онъ говорилъ съ возрастающимъ возбужденіемъ и страстью,—все болѣе и болѣе поднимая настроеніе толпы. Онъ надорвалъ себѣ голосъ, еле держался на ногахъ, но продолжалъ ѣздить и говорить до послѣдняго часа — до поздняго вечера 8 января. Повидимому, рѣчи его не вездѣ были одинаковы по тону—быть можетъ, въ зависимости отъ степени подготовки толпы. Въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ онъ говорилъ спокойно, сообщая толпѣ увѣренность въ успѣхъ. Въ другихъ онъ уже забрасывалъ слова о возможности неуспѣха, о предстоящихъ опасностяхъ, о томъ, что Царь можетъ отказаться принять и выслушать народъ свой. Эти рѣчи онъ кончаетъ словами: «и тогда нѣтъ у насъ царя»... «И тогда нѣтъ у насъ царя», какъ эхо откликалась толпа. «Всѣ умремъ. Клянемся стоять всѣ до одного. Батюшка, благословляемъ тебя на подвигъ, веди насъ». Всѣ были въ восторженномъ состояніи, рассказываютъ свидѣтели. «Многіе плакали, топали ногами, стучали стульями, колотили кулаками въ стѣны и, поднимая руки вверхъ, клаясь стоять до конца. На Шлиссельбургскомъ трактѣ, гдѣ Гапонъ говорилъ 8-го, онъ, повидимому, былъ сдержаннѣе и не высказывалъ опасеній, что Царь откажется выслушать народную петицію: быть можетъ, именно здѣсь, гдѣ было больше социаль-демократовъ, онъ боялся разбить сомнѣніями общее настроеніе и вызвать въ нѣкоторыхъ группахъ партійную постановку вопроса, которой онъ очень опасался въ эти дни. Здѣсь въ записяхъ свидѣтелей, даже прикосновенныхъ къ партіямъ, особенно бросается въ глаза восторженная, цѣльная вѣра въ Царя. Одинъ рабочий пишетъ: «Всѣ говорили: пойдемъ къ отцу и скажемъ ему, какъ мучаютъ насъ наши обдираны. Скажемъ ему: отецъ, прими насъ, мы пришли къ тебѣ, помоги намъ, т.-е. дѣтямъ твоимъ; мы знаемъ, ты радъ жизнь отдать за насъ и только живешь для насъ, но ты ничего не знаешь, какъ бьютъ и мучаютъ насъ, какъ мы голодаемъ, какъ всегда измучены и притомъ невѣжественны, подобны скотамъ, почти что всѣ неграмотны. Ожидали всѣ получить это все, что говорили, и притомъ, говоря такъ: вѣдь и въ Евангеліи сказано, что отецъ принялъ блуднаго сына, а вѣдь мы не блудные, мы всѣ стараемся, убиваемся и притомъ сидимъ голодные». Двѣ записи говорятъ о томъ, какъ пріѣхалъ 8-го января Гапонъ въ Шлиссельбургскій отдѣлъ. Толпа, обступившая помѣщеніе отдѣла, просила его выйти къ ней. Было темно.

Зажгли на дворѣ фонарь, и при свѣтѣ его председатель отдѣла, вставъ на бакъ, сталъ читать петицію, а Гапонъ стоя подлѣ него, разъяснялъ петицію. Гапонъ «приводилъ характеристику настоящаго и будущаго и рисуетъ картину тѣхъ безправій, которыя у насъ существуютъ. Много было такихъ, что слезы катились по лицу отъ невольныхъ потрясеній, которыя у насъ на глазахъ происходятъ. И такъ разсказалъ это и приглашалъ идти на площадь... И раздавались отчаянные крики: «Помремъ на площади».

Но не одинъ Гапонъ возбуждалъ и поддерживалъ это настроеніе толпы. Онъ уѣзжалъ, на смѣну ему выступали руководители отдѣловъ, ораторы изъ рабочихъ, охваченные единымъ настроеніемъ, вдохновенные, измученные и неутомимые. Къ отдѣламъ приливали новыя и новыя толпы. Вечеромъ, при свѣтѣ уходящихъ вдаль, тускло мерцающихъ фонарей, видѣлось у помѣщенія отдѣловъ море человѣческихъ головъ. На улицѣ, въ отдѣльныхъ группахъ, слышались разговоры о войнѣ, о тягостныхъ послѣдствіяхъ ея для народа, о всеобщей забастовкѣ. Иногда какой-нибудь вопросъ, связанный съ петиціей и обсуждавшійся въ залѣ отдѣла, выносился на улицу. Ораторы взбирались на какую-нибудь импровизированную трибуну, въ родѣ опрокинутой бочки, и говорили къ толпѣ. Въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ петиція читалась народу изъ открытаго окна собранія, и народъ слушалъ ее благоговѣнно, «какъ въ церкви». Многие, несмотря на морозъ, стояли безъ шапокъ. Недостаточно понятныя мѣста петиціи вновь и вновь толковались, каждый отдѣльный пунктъ ея вновь и вновь ставился на баллотировку. Толпа выражала свое сочувствіе криками и далеко уносящимся гуломъ голосовъ. Иногда она повторяла, въ знакъ сочувствія, послѣднія слова оратора, подхватывала ихъ, какъ хоръ подхватываетъ заповѣду... «Всѣ недоразумѣнія между фабрикантами и рабочими должны рѣшаться представителями отъ фабрикантовъ и отъ рабочихъ поровну», — говоритъ ораторъ, — и толпа откликается: «поровну, поровну». «Что такъ жить, не лучше ли намъ сойти въ могилу?» — заканчиваетъ свою рѣчь ораторъ, и толпа отвѣчаетъ ему: «Лучше въ могилу, въ могилу»... «Когда чтеніе петиціи было закончено, — пишетъ одинъ очевидецъ съ Васильевского Острова, — председатель задалъ рабочимъ вопросъ: «А что, товарищи, если Государь насъ не приметъ и не захочетъ прочесть нашей петиціи, — чѣмъ мы отвѣтимъ на это? — Тогда точно изъ одной груди вырвался могучій, потрясающій крикъ: Нѣтъ тогда у насъ Царя!.. — И какъ эхо повторилось со всѣхъ концовъ: — Нѣтъ Царя... Нѣтъ Царя... Въ этотъ моментъ послышались возгласы: «Долой самодержавіе!» — толпа не поддержала ихъ».

Это одно изъ многихъ указаній на то, что движеніе было чисто народнымъ и внѣпартийнымъ. Партийные ораторы, выступавшіе въ тѣ дни, имѣли успѣхъ только въ небольшихъ, захваченныхъ партией пропагандой, группахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр., въ Нарвскомъ отдѣлѣ, партийные возгласы и попытки призвать народъ подѣ красные флаги вызвали бурный гнѣвъ толпы, и руководители движенія, съ Гапономъ во главѣ, употребляли всѣ усилія

чтобы не допустить партийныхъ ораторовъ и толпу до явныхъ столкновеній и не разбить дѣльности народнаго настроенія. Въ Васильевостровскій отдѣлъ социаль-демократы проникли 6-го января, — пишетъ одинъ очевидецъ, — и одинъ изъ нихъ, послѣ рѣчи Гапона, сказалъ вступительную рѣчь, призывающую рабочихъ встать подѣ знамя социаль-демократіи. Гапонъ сказалъ въ отвѣтъ слѣдующее: «Господа социаль-демократы и социаль-революціонеры, я всегда васъ уважалъ и считалъ честными людьми. Низко кланяюсь вамъ, земно кланяюсь вамъ: не вносите раздора въ наше движеніе. Пойдемъ подѣ однимъ знаменемъ, общимъ и мирнымъ, къ нашей святой дѣли». Социаль-демократы упорствовали, и нѣкоторая часть аудиторіи кричала: «Да здравствуетъ социаль-демократія». На другой день, въ томъ же отдѣлѣ, передѣ началомъ собранія, ораторъ отдѣла сказалъ: «Господа члены партіи социаль-демократовъ и социалистовъ-революціонеровъ, присутствующіе на этомъ собраніи! Ваши товарищи на Петербургской сторонѣ дали честное слово не вносить ничего особаго въ наше движеніе, подчиниться волѣ народа и мирно идти вмѣстѣ съ нимъ. Даете ли вы такое слово? И изъ разныхъ концовъ послышались отвѣты: «Даемъ»...

Въ эти дни взволнованная народная стихія поглотила представителей партийной и непартийной интеллигенціи и увлекла многихъ въ своемъ потокѣ. Нѣкоторые изъ партийныхъ людей, не имѣя въ душѣ ни капли наивной вѣры въ благополучный исходъ шествія ко дворцу, шли тѣмъ не менѣе съ толпою, въ первыхъ сомкнутыхъ рядахъ ея, мужественно подставляя себя вмѣстѣ съ нею подѣ пули. Въ числѣ неслучайныхъ жертвъ 9-го января было и нѣсколько молодыхъ, полныхъ силы партийныхъ работниковъ.

Можно представить себѣ, что переживали эти люди наканунѣ кровавыхъ событій. Въ то время, какъ руководители движенія готовились къ подвигу и вдохновенная ими толпа съ восторгомъ и трепетомъ ожидала торжественнаго шествія народа къ дворцу, городъ и окранны были полны тревожныхъ предвѣстій готовившагося кровопролитія. Въ городѣ ходили слухи о приказѣ, отданномъ войскамъ, о передвиженіяхъ воинскихъ отрядовъ въ полной боевой готовности. Но всѣ признаки опасности, угрожающей народу, были такъ сбивчивы и противорѣчивы. Съ одной стороны — войска, съ другой стороны бездѣйствіе, а кое-гдѣ и благосклонное отношеніе къ собраніямъ полиціи. Казалось, что если власти хотятъ подавить движеніе, то онѣ должны прежде всего прекратить пропаганду, открыто ведущуюся передѣ десятками тысячъ бастующихъ рабочихъ. Но ни въ одномъ отдѣлѣ не было сдѣлано ни малѣйшей попытки воспрепятствовать стеченію народа. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полиція присутствовала на собраніяхъ и, повидимому, относилась къ нимъ вполне благосклонно. Объ этомъ свидѣлствуютъ безчисленные заявленія очевидцевъ. Одна изъ записей сообщаетъ слѣдующій характерный фактъ, относящійся къ вечеру 8-го января: «Въ толпѣ (на улицѣ, передѣ раскрытымъ окномъ собранія) стоялъ городской и, разиня ротъ, слушалъ. Когда одна курсистка указала на несо-

образность такого явления, рабочие заступились за него: «пускай стоит. Тоже ведь человек, — понимает». На Среднем проспекте городской сам разсуждал, обращаясь къ толпѣ, и хотя словъ его не было слышно, но по одобреніямъ рабочихъ можно было догадаться, что онъ выражаетъ ей свое сочувствіе». Но не одно только поведеніе отдѣльныхъ чиновъ полиціи давало многимъ надежду на какія-то благопріятныя для народа возможности. Вотъ характерные отрывки изъ подробнаго письменнаго показанія члена извѣстнаго своимъ реакціоннымъ направленіемъ «Русскаго Собранія», врача Алафузовской больницы Дьячкова, рисующіе общее положеніе вещей 8-го и утромъ 9-го января ¹⁾: «Что 9-го января будетъ крестный ходъ къ Зимнему Дворцу изъ-за Нарвскихъ воротъ, не составляло ни для кого секрета. Объ этомъ открыто говорили всѣ... Не помню, за день или за два дня до 9 января, было расклеено на улицахъ города объявленіе отъ градоначальника, чтобы на улицахъ не происходило скопленія народа, такъ какъ въ противномъ случаѣ будутъ приняты законныя мѣры. По дорогѣ въ больницу я видѣлъ нѣсколько такихъ экземпляровъ на заводахъ до Нарвскихъ воротъ и одинъ изъ нихъ прочелъ. За Нарвскими же воротами и до самой больницы Алафузовской я не встрѣтилъ ни одного расклееннаго на заборахъ объявленія отъ градоначальника, хотя старательно и нарочно искалъ глазами. Это меня удивило. Объявленіе не было расклеено тамъ, гдѣ наиболѣе его слѣдовало бы расклеить. Въ недоумѣніи остался я отъ этого объявленія также и въ томъ отношеніи, что въ немъ ни слова не было сказано о предстоящемъ крестномъ ходѣ, хотя, конечно, полиція была о немъ освѣдомлена, разъ о томъ говорила вся столица. Простыхъ и понятныхъ словъ для народа, что въ случаѣ скопленія народа будутъ стрѣлять, убивать, въ объявленіи сказано не было; въ объявленіи была приведена неопредѣленная фраза, что будутъ съ толпой поступать по закону... Намъ приходилось разспрашивать рабочихъ изъ-за Нарвской заставы, какъ понимали они въ тѣ дни предупрежденіе градоначальника. Отвѣтъ былъ такой: «не всѣ и видѣли это объявленіе. А кто видѣлъ, — говорили, что неизвѣстно еще, правда ли оно отъ градоначальника. Подписи на немъ не было. Толковали, что, можетъ быть, такъ кто расклеилъ, нарочно, чтобы народъ смутить». Одинъ свидѣтель сообщилъ намъ, что за Нарвскую заставу дошли 8-го января слухи о передвиженіяхъ войскъ въ городѣ, но народъ и это истолковалъ по своему: говорили, что 9 января готовится передъ Зимнимъ Дворцомъ большой парадъ и что это даже лучше: войска не помѣшаютъ народу предстать передъ Царемъ со своей петиціей. Другіе истолковывали передвиженіе войскъ иначе. Врачъ Дьячковъ, въ указанномъ уже показаніи, пишетъ на эту тему: «Основываясь на разныхъ слухахъ, слышанныхъ отъ разныхъ лицъ

¹⁾ Показаніе это почти полностью напечатано въ «Докладѣ комиссіи избранной общими собраніемъ присяжныхъ повѣренныхъ 16 января 1905 г. по поводу событій 9-11 января».

разговорахъ, я вывелъ мнѣніе, что народъ думалъ, если будутъ вызваны войска, то это на всякій случай, если бы кто сталъ безобразничать, хулиганить, выкидывать красные флаги и т. п. Но вѣрноподданному народу не приходило и на умъ заниматься такими преступными вещами и потому общее настроеніе, убѣжденіе, судя по слухамъ, у народа было таково, что стрѣлять не будутъ, къ Царю допустятъ. Я даже слышалъ такую версію, будто бы идущую изъ народа, что для выборныхъ изъ народа Царемъ будетъ приготовлено въ Зимнемъ Дворцѣ парадное угощеніе на 40 или на 60 человекъ». Поведеніе полиціи въ этомъ районѣ, какъ увидимъ, до самаго конца, до послѣдней роковой минуты, поддерживало въ народѣ надежду на благополучный исходъ. Г. Дьячковъ передаетъ слѣдующій разговоръ своего сослуживца, доктора К., съ помощникомъ пристава Жолткевичемъ, который, какой-нибудь часъ спустя, торжественно сопровождая крестный ходъ, былъ убитъ вмѣстѣ съ нѣсколькими десятками рабочихъ. «К. потомъ рассказывалъ мнѣ и другимъ врачамъ, что въ это время онъ имѣлъ разговоръ съ Ж. по поводу происходящаго. Ж. говорилъ ему, что теперь для полиціи тяжелое время, такъ много работы, больше чѣмъ врачамъ на холерѣ. К. сказалъ Ж.-чу: «почему же вы не остановите движеніе народа? Въдь могутъ быть несчастія, можетъ быть, будутъ стрѣлять въ народъ у воротъ». Ж. отвѣтилъ: «Намъ не приказано препятствовать движенію народа» ¹⁾.

Изъ всего рѣшительно явствуетъ, что полиціи не приказано было препятствовать движенію народа — одинаково во всѣхъ районахъ, во всѣхъ «отдѣлахъ» въ то самое время, какъ другое вѣдомство, военное, готовило приказами разстрѣль. Но нужно сказать, что руководители движенія и наиболѣе сознательные рабочие не были такъ спокойны, какъ врачъ Дьячковъ. Не была вполне спокойна и толпа. Къ вечеру 8-го января неуловимая тревога проникла въ души, и рѣшимость побѣдить эту безотчетную тревогу принимала все болѣе возвышенный, героическій характеръ. Полиція ничему не препятствовала, патрули, разбѣжавшіе по темнымъ улицамъ, и войска, поставленные на заводы, хранили загадочное молчаніе, но уже вокругъ Гапона увивались какія-то подозрительныя личности, и близкіе ему рабочіе за Нарвской заставой сплотились вокругъ него, какъ вѣрная стража, укрывали его на ночь у себя въ домахъ и принимали всѣ мѣры предосторожности противъ угрожающаго ему ареста. Въ 7 ч. вечера онъ долженъ былъ выступить въ послѣдній разъ въ Путиловскомъ отдѣлѣ. Кромѣ рабочихъ набралось не мало публики изъ города,

¹⁾ Подводя итогъ всѣмъ своимъ впечатлѣніямъ и сообщеніямъ другихъ лицъ относительно условій, при которыхъ началось утромъ 9-го января движеніе народа съ петиціей, г. Дьячковъ говоритъ: «Картина была такова, что у меня, какъ у человека православнаго, преданнаго Самодержавному Государю, любящаго родную исторію и преданія старины и единеніи Самодержавнаго Царя съ преданіемъ ему народомъ, не оставалось никакого сомнѣнія, что стрѣлять не будутъ, стрѣлять не посмѣютъ».

прѣхали нѣкоторые представители печати. Гапонъ не показывался, и близкіе ему заявили, что онъ не прѣдетъ.

Въ душной жаркой залѣ, набитой народомъ, поднималась тревога, то тутъ, то тамъ высказывались предположенія: «не арестованъ ли ужъ нашъ защитникъ? не забрали ли его черные вороны?» Народъ успокаиваютъ, говорятъ, что о. Гапонъ въ полной безопасности. Публика изъ города разбѣзжается. Но народъ ждетъ и тревожится. Гапонъ появился передъ путиловцами только поздно вечеромъ, измученный, охрипшій и взволнованный. Въ послѣдней рѣчи своей онъ сравнилъ эту ночь съ ночью на Свѣтлый праздникъ: завтрашній день будетъ для народа пробужденіемъ изъ мертвыхъ, зарею новой жизни... Народъ просилъ у него благословенія на завтра, и матери приносили къ нему подъ благословеніе своихъ спящихъ дѣтей.

Ночь была лунная, тихая, жутко-тревожная. Многие обратили вниманіе еще вечеромъ на огромную кроваво-красную луну надъ горизонтомъ. Мы спрашивали потомъ рабочихъ, участников движенія, и мужчинъ и женщинъ: «что дѣлалось въ эту ночь въ вашихъ семьяхъ?»... Намъ отвѣчали: «Спали немного. Ждали утра... Кто вѣруеть, молился».

Въ эту ночь Петербургъ былъ сердцемъ Россіи.

V.

Круги петербургской интеллигенціи съ 6-го января волновались слухами о быстро разрастающемся, небываломъ рабочемъ движеніи, которое за какую-нибудь недѣлю до того никто не считалъ возможнымъ. Слухи были сначала неясные, тревожные, сужденія сбивчивыя. Многие еще продолжали говорить о дѣятельности Гапона и его помощниковъ, какъ о страшной по своимъ послѣдствіямъ правительственной провокаціи. Передавались сообщенія о томъ, что градоначальникъ и другія власти по министерству внутреннихъ дѣлъ продолжаютъ считать Гапона «своимъ человекомъ». Между тѣмъ свидѣтели-очевидцы, побывавшіе въ отдѣлахъ, рассказывали невѣроятныя вещи о политическомъ подъѣмѣ народныхъ массъ. Казалось, на глазахъ у всѣхъ растетъ громадная, фантастическая и въ то же время чисто русская легенда.

8-го числа, когда характеръ движенія уже вполне опредѣлился, когда стало ясно, что народныя массы дѣйствительно пойдутъ ко Дворцу въ торжественномъ подъѣмѣ своихъ послѣднихъ упованій на Царя и въ рѣшимости принести самую жизнь «въ жертву для изстрадавшейся Россіи», небольшіе, вполне освѣдомленные круги интеллигенціи пришли въ неописуемое волненіе. Казалось необходимымъ что-то сдѣлать въ предупрежденіе кровопролитія, котораго всѣ ожидали, — хотя и не думали, что оно приметъ такіе размѣры.

Вечеромъ 8-го января представители литературы собрались въ редакціи «Сына Отечества». Среди мертвой тишины прочтена

была петиція рабочихъ къ Царю, только что передъ тѣмъ доставленная сюда вмѣстѣ съ письмомъ Гапона къ Святополкъ-Мирскому. Нѣсколько литераторовъ съ безпокойствомъ разспрашивали присутствовавшего въ собраніи рабочаго, приближеннаго Гапона, каковы дѣйствительныя намѣренія рабочихъ. «Если Царь почему-нибудь не сможетъ принять васъ завтра, — рабочие не предпримутъ чего-нибудь насильственнаго?» — спрашивали его. — «Нѣтъ, пусть только онъ выйдетъ сказать, чтобы мы пришли въ другой разъ.» — А если онъ вообще не захочетъ говорить съ такой большой толпой? — «Мы всѣ гарантировали ему неприкосновенность его личности. Объ этомъ сказано и въ письмѣ къ Святополкъ-Мирскому. Но въ крайнемъ случаѣ пусть онъ приметъ, хоть въ Царскомъ Селѣ, депутацію отъ насъ. Но только подлинную, нами выбранную, съ отцомъ Гапономъ, — и чтобы мы могли говорить съ нимъ лично, а не черезъ чиновниковъ.» — «Ну, а если онъ и этого не захочетъ?» — «Тогда... тогда онъ не Царь»...

Для нѣкоторыхъ оставалась еще капля надежды, что можно достигнуть чего-то, поручившись передъ властями въ мирномъ характерѣ движенія. Несмотря на позднее время — былъ уже 12-ый часъ ночи, — собраніе отрядило депутацію изъ 9 заслуженныхъ литераторовъ и общественныхъ дѣятелей¹⁾ къ кн. Святополкъ-Мирскому и Витте, чтобы откровенно указать имъ на ту огромную отвѣтственность, какую возьметъ на себя правительство, если встрѣтитъ мирное шествіе рабочихъ безпричиннымъ насиліемъ. Святополкъ-Мирскаго депутація не застала дома. Его товарищъ, генералъ Рязевскій, взялся только передать министру слова депутаціи, но сказалъ, что правительству извѣстны всѣ факты, и совѣтовалъ обратиться съ предупрежденіями не къ правительству, а къ рабочимъ. Витте принялъ депутацію, но отказался что-либо сдѣлать, говоря что это дѣло «не его вѣдомствъ», и что лично онъ безсиленъ. Депутація вернулась поздно ночью въ собраніе, чтобы сообщить о результатахъ своихъ переговоровъ. Ничего нельзя было болѣе предпринять въ этотъ поздній часъ въ виду неорганизованности интеллигенціи не сформированы были какъ слѣдуетъ, даже легкіе врачебные отряды. Вызваны были, только охотники пойти въ рабочіе кварталы на развѣдку.

Ночью городъ былъ фактически поставленъ на военное положеніе. Повсюду были размѣщены войска. Въ отдѣльных частяхъ города были устроены штабы съ походными кроватями, гдѣ офицеры, въ шинеляхъ, по военному, пили чай, курили, болтали, коротали ночь, какъ въ походѣ. Для военныхъ были снаряжены на всякій случай кареты Краснаго Креста. Г.г. офицерамъ было предоставлено высшимъ военнымъ начальствомъ дѣйствовать

¹⁾ К. К. Арсеньевъ, Н. Ф. Анненскій, А. В. Изъеконовъ, І. В. Гессенъ, В. А. Мякотинъ, В. И. Семеновъ, М. Горькій, Е. И. Кедринъ и Н. И. Карповъ; къ этой депутаціи былъ присоединенъ и рабочий Д. В. Кузнецъ. Черезъ 3 дня послѣ того всѣ эти лица, кромѣ К. К. Арсеньева, были заключены въ Петропавловскую крѣпость.

по усмотрѣнію. На всѣхъ мостахъ и переходахъ Невы съ ранняго утра расположились пикеты. Одинъ изъ развѣдчиковъ сообщать, какъ пьяные солдаты, грѣясь у костра, прыгали, хохотали, плясали польку. За нарвскими воротами расположены были войска, нарочно привезенныя въ эту ночь изъ Пскова. Ничего не подозревающимъ солдатамъ этихъ ротъ заранѣе дано было предписаніе стрѣлать по сигнальному рожку.

VI.

Шествіе должно было открыться изъ всѣхъ одиннадцати отдѣловъ, не исключая и Колпинскаго, съ такимъ расчетомъ, чтобы къ 2 ч. дня всѣ собрались на «царской площади», какъ говорится въ нѣкоторыхъ записяхъ. Впереди должны были идти депутаты отдѣловъ. Каждый отдѣлъ имѣлъ свой экземпляръ отпечатанной рабочими петиціи. Все это было выполнено съ изумительной строгостью, торжественностью и необыкновенно трогательной простотой.

Еще не наступилъ поздній январскій разсвѣтъ, а къ отдаленнымъ отъ центра отдѣламъ уже потянулись рабочіе. Колпинцы, которымъ предстояло пройти не мало верстъ, двинулись въ путь уже въ 6^{1/2} ч. утра. Другіе отдѣлы тоже открылись съ ранняго утра, но въ нихъ продолжалась подготовительная работа, велись тихіе, взволнованные разговоры, произносились рѣчи, вновь и вновь читалась и толковалась петиція — для тѣхъ, кто не достаточно усвоилъ ее, или для вновь прибывающихъ къ отдѣламъ толпъ. Надежда «дойти до Царя» повсюду сливалась съ предвѣднѣмъ угрожающей опасности.

На Шлиссельбургскомъ трактѣ ободряли другъ друга сообщеніями, что одинъ рабочій изъ вожakovъ, постигшій вечеромъ своего родственника жандарма, былъ встрѣченъ и другими жандармами съ распростертыми объятіями: «жандармы все знаютъ и не будутъ мѣшать». Хотѣли сначала въ первый рядъ поставить дѣтей, — ибо шли къ царю дѣйствительно, какъ говорится въ петиціи, со своими женами, дѣтьми и стариками-родителями. Говорили, что если бы солдаты и послали, то они не будутъ стрѣлать: «Мы возьмемъ ихъ за плечи, мы скажемъ: братцы, что вы! да развѣ можно въ своихъ?...» И, однако, одного изъ развѣдчиковъ попросили поѣхать за перевязочными средствами, а когда, послѣ напутственной рѣчи председателя отдѣла, двинулись въ путь, въ первые ряды поставили самыхъ сильныхъ и смѣлыхъ, которые двинулись, ведя за собою многочисленную толпу, сомкнувшись строемъ, крѣпко взявшись подъ руки.

Что происходило въ то утро въ отдѣлѣ на Васильевскомъ Островѣ, записано полностью, съ необычайной простотой и, — какъ показала провѣрка — съ великою правдивостью, — одной интеллигентной дѣвушкой. Мы приводимъ здѣсь этотъ документъ почти цѣликомъ:

«Въ воскресенье утромъ, въ 10-мъ часу, я отправилась на

4 линію В. О. На улицахъ еще было тихо. На одномъ углу стояла кучка дворниковъ или сыщиковъ, которые, когда я проходила, со смѣхомъ сказали: «ну, ихъ сегодня перебьютъ»... Толпа все прибывала. Къ 10 ч. двери собранія были открыты, и мы вошли. Настроеніе толпы было напряженно-спокойное, чувствовалась какая-то связь, какое-то дружеское взаимное отношеніе. Были и женщины, молодыя и старыя, хотя немного. Громадное помѣщеніе сплошь было заполнено народомъ. Стояли на скамьяхъ, на окнахъ. Разговора не слышно было... На эстрадѣ появился пожилой рабочій и обратился къ толпѣ: «товарищи! Вы знаете, зачѣмъ мы идемъ. Мы идемъ къ Царю за правдой. Невозможу намъ стало жить. Помните ли вы Минина, который обратился къ народу, чтобы спасти Русь. Но отъ кого? Отъ поляковъ. Теперь мы должны спасти Русь отъ чиновниковъ, подъ гнетомъ которыхъ мы страдаемъ. Изъ насъ выжимаютъ потъ и кровь. Вамъ ли описывать нашу жизнь рабочую. Мы живемъ въ одной комнатѣ по 10 семей, также и холостые. Такъ ли я говорю?» — «Вѣрно! Вѣрно!» раздалось со всѣхъ сторонъ... «И вотъ, товарищи, мы идемъ къ Царю. Если онъ намъ Царь, если онъ любить народъ свой, онъ долженъ насъ выслушать. Мы послали ему черезъ министра письмо, въ которомъ просили выйти къ намъ въ 2 ч. дня на Дворцовую площадь. Мы представимъ ему петицію, въ которой выражены всѣ наши требованія, извѣстныя вамъ. Не можетъ быть, чтобы онъ насъ не принялъ. Мы идемъ къ нему съ открытой душой. Мы гарантировали ему неприкосновенность его личности. Онъ долженъ насъ выслушать, онъ это сдѣлаетъ. Товарищи! Такъ идемъ же всѣ къ Царю. Я первый пойду, въ первыхъ рядахъ, и когда мы падѣмъ, вторые ряды за нами. Но не можетъ быть, чтобы онъ велѣлъ въ насъ стрѣлать»... Гдѣ-то въ толпѣ поднялся студентъ и хотѣлъ говорить, но толпа крикнула: «Намъ студентовъ не надо, не надо». Тогда выступилъ на трибуну ораторъ и сказалъ: «Отъ гнета правительства терпимъ не только мы, рабочіе; терпятъ многіе и студенты. Есть студенты изъ среды рабочихъ; терпятъ и дворяне. Не отталкивайте ихъ, товарищи. Пусть всѣ идутъ, кто страдаетъ отъ гнета правительства, съ нами...» Затѣмъ на трибуну стала женщина, по виду интеллигентная ¹⁾, уже не молодая. Она обратилась къ женщинамъ съ рѣчью: «Матери и жены! Не отговаривайте вашихъ мужей и братьевъ идти за правое дѣло. Идите вмѣстѣ съ нами. Если на насъ на падутъ, или будутъ стрѣлать, не кричите, не визжите, явитесь сестрами милосердія. Вотъ вамъ перевязки съ краснымъ крестомъ. Обвяжите эту повязку кругомъ рукава, но только тогда, не раньше, когда въ насъ начнутъ стрѣлать». «Идемъ! идемъ!» раздалось вокругъ меня, гдѣ стояло нѣсколько дѣвушекъ и нѣсколько пожилыхъ женщинъ. «Всѣ должны идти. Дайте кресты», потянулись со всѣхъ сторонъ женскія руки. А дѣвушка, стоявшая подлѣ

¹⁾ Это была упомянутая выше жена рабочаго, председательница женскихъ собраній въ отдѣлахъ, К.

меня, обратилась къ подругѣ въ сильномъ возбужденіи, говоря: «пойди, скажи мамѣ, я пойду. Все равно, убьютъ, такъ убьютъ. Что же это! Однихъ будутъ убивать, другіе воспользуются,—это нехорошо. Всѣ, всѣ должны идти». И опять, въ сильномъ возбужденіи, стала просить красный крестъ, такъ какъ на ея долю не хватило. Одна старуха съ заплаканными глазами сказала: «я только сбѣгаю домой, посмотрю, что тамъ дѣлается. Я приду. Я еще успѣю». И дѣйствительно, я ее потомъ видѣла въ толпѣ, направляющейся къ Дворцовой площади. Говорить еще одинъ молодой рабочій. Онъ указываетъ собранію, что тамъ, на улицѣ, мутятъ рабочихъ, говоря, что они идутъ просить царя окончить войну. «Мы идемъ просить не о войнѣ, мы идемъ просить собрать представителей народа, чтобы они рѣшили всѣ вопросы. Мы ничего не рѣшаемъ». Затѣмъ сталъ на эстраду одинъ изъ депутатовъ, невысокаго роста, блондинъ, съ очень нервнымъ, воспаленнымъ взглядомъ. Онъ прочелъ текстъ письма къ Мирскому и объяснилъ, что онъ одинъ изъ 11 рабочихъ, участвовавшихъ въ составленіи письма. Послѣ этого первый рабочій еще коснулся вопроса о церкви ¹⁾. «Чиновники не только поработили насъ,—они поработили и церковь. Теперь нельзя быть истинными христианами. Если я молюсь не по казенному, то каждый, кто это увидитъ, можетъ донести. У насъ есть церковь, но нѣтъ свободы вѣры. Если я скажу, что я не вѣрую въ Бога, меня за это будутъ наказывать, будутъ насиловать мою совѣсть. Церковь наша поработена правительствомъ. Нужно, чтобы она была свободна, чтобы каждый молился по своей совѣсти. Такъ ли я говорю?»—«Вѣрно! Такъ!» Затѣмъ онъ сказалъ: «А теперь помолимся Богу, прочтемъ Отче Нашъ». Вся толпа благоговѣнно, съ напряженной душой въ глазахъ, стройно, однимъ хоромъ, пропѣла молитву, истово крестясь. Одинъ старикъ и многія женщины плакали...

«Вошло другое собраніе. Снова пропѣли «Отче Нашъ», съ тѣмъ же благоговѣннымъ настроеніемъ, съ тайной душой о смерти. То и дѣло толпа заглядывала въ окна и съ сильнымъ возбужденіемъ говорила: «Мало народу, мало», боясь, что не соберется достаточное количество. Главный ораторъ снова выступилъ впередъ и сказалъ: «Товарищи, знаете, зачѣмъ мы идемъ?»—«Знаемъ! Знаемъ!» раздалась юные голоса. «Пойдемъ же твердымъ, сомкнутымъ строемъ, не отступая, не отставая. Безъ криковъ и шума. Не слушайте голосовъ изъ толпы. Слушайте только насъ, которые пойдемъ въ первомъ ряду... Знаменъ не надо. Но тѣхъ, кто носить знамена, не бить,—только знамя отнять. Мы не потому говоримъ, что не надо знаменъ, что въ нихъ есть что-нибудь дурное, а потому, что толпа привыкла, что полиція бросается на знамена, и можетъ приписать знаменамъ, въ случаѣ столкновенья, причину нападенія. Но помните, товарищи: тѣхъ, кто носить знамена, не бить! Листковъ не подби-

¹⁾ Въ петиции имѣется пунктъ о «свободѣ совѣсти въ дѣлѣ религіи», а въ послѣдней, менѣе известной публикѣ, редакціи ея,—и пунктъ объ отдѣленіи церкви отъ государства.
Прим. авт.

райте. Голосовъ изъ заднихъ рядовъ не слушайте. Идите мирно и благоговѣнно. Мы идемъ на великое дѣло и можемъ гордиться этимъ. Кто мы? Мы ничтожные рабочіе. Такъ зовите же всѣхъ, кто пойдетъ съ нами, никого не отталкивайте. Идемъ!..»

Всѣ вышли. На улицѣ дожидался уже Гаванскій отдѣлъ, пришедшій на соединеніе съ Василеостровскимъ. Образовалась громадная толпа, запрудившая всю линію отъ Малаго до Средняго. Она медленно двинулась впередъ, стараясь идти сомкнутымъ строемъ...

Путиловскій отдѣлъ оставался на попеченіи самого Гапона. Здѣсь рабочая толпа была менѣе сознательна, болѣе наивна, чѣмъ въ другихъ отдѣлахъ. Здѣсь былъ источникъ и очагъ стачечнаго движенія, въ которомъ Гапонъ съ самаго начала игралъ роль заступника и руководителя.

Здѣсь онъ проводилъ послѣднія тревожныя ночи. Здѣсь окружала его «вѣрная стража», группа восторженно любившихъ его рабочихъ. Одинъ изъ нихъ пишетъ: «8-го января, около 11 ч. вечера пришелъ ко мнѣ о. Георгій. Наружность его была измученная, голосъ хриплый, потерялъ его. Предложилъ я ему закусить, онъ отказался, только и было, что выпилъ полстакана чаю, но курилъ одну за другой папиросы. Говорить какъ будто ему не хотѣлось. Въ 12-мъ часу онъ былъ въ постели и спалъ очень крѣпко, ночью не просыпался. 9-го января проснулся въ 8 ч. утра и пилъ чай, но закусывать ничего не хотѣлъ»... Говорить передъ толпою въ это утро онъ уже не могъ или не хотѣлъ, сказавъ ей наканунѣ свое послѣднее напутственное слово. Какія-то подозрительныя личности навѣдывались въ квартиру, гдѣ онъ провелъ ночь... «...Черезъ нѣсколько минутъ приходитъ нѣкто К., — пишетъ хозяйинъ этой квартиры,—и обращается къ о. Гапону со словами: «О. Георгій, васъ г. приставъ проситъ къ себѣ въ петергофскій участокъ для переговора по телефону съ г. градоначальникомъ по очень важному дѣлу». О. Георгій ему отвѣтилъ: «теперь, товарищъ, поздно и не время. Надо было раньше переговаривать. Подите сами къ телефону и скажите, что я, священникъ Гапонъ, г. градоначальникъ, что вамъ угодно, а мнѣ сейчасъ некогда, я долженъ сейчасъ отправиться съ товарищами во Дворцу». Возможно, какъ полагаетъ пишущій приведенныя строки, что это были удочки тайной полиціи, старавшейся выманить Гапона и, арестовавъ тайно отъ толпы, разстрѣять шествіе. По сообщеніямъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, Гапонъ былъ чрезвычайно взволнованъ предвидѣніемъ того, что должно было случиться. Нѣкоторымъ женщинамъ, матерямъ семейства, подходившимъ въ послѣднюю минуту просить его напутственного благословленія, онъ совѣтовалъ лучше идти домой, потому что, можетъ быть, будутъ стрѣлять. Приближенные Гапона достали большой портретъ Царя и два небольшихъ портрета Царя и Царицы и сдѣлали большой бѣлый флагъ, на которомъ написали крупными буквами: «Солдаты! Не стрѣляйте въ народъ».

Толпы уже стекались къ отдѣлу, заполняя весь дворъ и часть

улицы. Утромъ въ помѣщеніи собранія раздавались пособия стачечникамъ и собирались послѣднія подписи подъ петиціей. «Въ 9 съ половиною часовъ утра, говорится въ цитированной уже записи, пришли нѣсколько человѣкъ съ предложеніемъ: О. Георгій! А можно намъ поднять иконы и крестъ, чтобы идти съ крестнымъ ходомъ?» О. Георгій имъ на это отвѣтилъ: — У насъ нѣтъ иконъ и негдѣ взять. — Народъ говорилъ: Мы, батюшка, можемъ достать, и намъ дадутъ. — Если можете достать, тѣмъ лучше». Черезъ 40 минутъ Гапону сообщили, что хоругви, крестъ и иконы принесены. Ихъ взяли въ часовнѣ Болдыревской дачи. Около 11 ч. утра Гапонъ, въ священнической рясе, вышелъ во дворъ, гдѣ ожидалъ крестный ходъ и многотысячная толпа рабочихъ. Здѣсь же было нѣсколько человѣкъ полиціи съ помощникомъ пристава. Около воротъ, по шоссе, проѣзжали конно-городовые и инженеръ Р. Онъ подошелъ къ Гапону и потомъ, обратившись къ толпѣ, сказалъ отъ его имени напутственное слово дѣлового характера. Шествіе стало строиться въ ряды. Впереди несли хоругви, иконы, крестъ, царскіе портреты и бѣлый флагъ. Въ первыхъ рядахъ, крѣпко взявшись подъ руки, шли, окружая Гапона, самые смѣлые, самые восторженные. Предшествуемый полиціей, крестный ходъ тронулся и растянулся по шоссе — чуть не на нѣсколько верстъ. На небѣ сіяло солнце. Залѣли «Спаси, Господи, люди Твоя». Всѣ шли съ обнаженными головами. Полицейскіе чины на пути снимали шапки.

Когда голова шествія приближалась уже къ Нарвскимъ воротамъ, изъ-за воротъ, прямо на толпу, карьеромъ понесся отрядъ конницы. Онъ прорвалъ шеренги первыхъ рядовъ, но быстро повернулъ назадъ и отбѣжалъ въ сторону, открывая стоявшую на мостикѣ — поперекъ его и по бокамъ — пѣхоту. Толпа пришла въ замѣшательство. Но первые ряды сейчасъ же сомкнулись, взяли за руки и съ пѣніемъ мужественно двинулись впередъ, къ мостику. Раздался сигнальный рожокъ, — обезумѣвшіе, ничего не понимающіе псковскіе солдаты дали залпъ. Помощникъ пристава крикнулъ: «что вы дѣлаете! Какъ можно стрѣлять въ крестный ходъ и портретъ Царя!» — но черезъ минуту упалъ мертвымъ. Солдаты продолжали стрѣльбу пачками, бѣглымъ огнемъ. Невобразимое смятеніе произошло въ эту минуту, когда повалились люди въ первыхъ рядахъ, роняя образа и хоругви. Убиты были старики, несшіе царскіе портреты, и мальчикъ несшій церковный фонарь. Ужасные крики неслись изъ толпы. Часть ея разбѣгалась, пряталась по соседнимъ дворамъ. Шальные пули догоняли ее и тамъ. Другая часть, вѣрная клятвѣ не отступать, въ безумномъ порывѣ напирала впередъ. Подкошенные пулями, падая, сшибали другихъ. Гапонъ тоже упалъ, сбитый съ ногъ однимъ изъ убитыхъ перваго ряда. «Вѣрная стража», среди общаго смятенія, подхватила его и быстро перебросила черезъ заборъ. Онъ скрылся, нигдѣмъ не замѣченный. Въ толпѣ проносился слухъ, что онъ убитъ. Спереди напирала теперь на толпу конница, топтала портреты и хоругви, тѣнила людей, живыхъ раненыхъ и убитыхъ. Здѣсь пало на мѣстѣ нѣсколько десятковъ, болѣе

сотни было ранено. Часть убитыхъ была скрыта полиціей, но многіе выставлены были потомъ, для опознанія, въ больничныхъ мертвецкихъ. Мѣсяцъ спустя жена одного рабочаго, сама не потерявшая въ этомъ дѣлѣ никого изъ близкихъ, рассказывала намъ дрожащими губами, какія у этихъ покойниковъ были «страшные и удивленные лица».

Въ другихъ окраинныхъ частяхъ города, кромѣ Петербургской стороны, ответственные офицеры дѣйствовали мягче и въ солдатахъ замѣтно было болѣе сознательности; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчалась даже нѣкоторая нерѣшительность. Нѣкоторые отдѣлы, шедшіе не такими компактными массами, добрались до Дворцовой площади безъ столкновений съ войсками. Колпинцы имѣли первое объясненіе съ войсками только на Мытнинской, подлѣ Невскаго. Офицеръ просилъ ихъ идти не толпою, а маленькими группами, что они и исполнили. Всѣ думали только о томъ, чтобы добраться до цѣли.

Толпа, шедшая изъ Невскаго отдѣла, безпрепятственно дошла до Шлиссельбургской части. Здѣсь путь была перерѣзанъ пѣхотой, за которой стояли казаки. Для объясненія съ толпою вышелъ приставъ и выѣхалъ казачій полковникъ. Толпа остановилась. Предсѣдатель отдѣла Петровъ, шедшій впереди съ другими депутатами, вступилъ въ переговоры съ полковникомъ. «Петровъ объясняетъ ему, — пишетъ одинъ рабочий, свидѣтель, — что мы идемъ смирно, не нарушая никакого порядка, намъ одна дорога — впередъ, назадъ намъ незачѣмъ идти. Послѣ недолгихъ разговоровъ слышимъ ружейный выстрѣлъ, но изъ холостыхъ, за нимъ другой, третій... Задніе ряды пришли въ смятеніе, побѣжали. Раздались крики: «Товарищи!.. Стой!.. Не измѣняйте». Первые ряды не отступали, многіе изъ бѣжавшихъ возвратились назадъ. Между тѣмъ пѣхота отошла, оставивъ впереди уральскихъ казаковъ. «Толпа подвинулась впередъ, — продолжаетъ тотъ же свидѣтель. — Стали ихъ просить, чтобы пропустили. Офицеръ говоритъ: — пропустите насъ я не могу, вы идете противъ Царя. — Рабочіе говорятъ: Нѣтъ, мы идемъ за Царя, мы только хотимъ вытащить его изъ сѣтей капиталистовъ и казнокрадовъ. — Сколько разъ онъ потомъ хотѣлъ разогнать толпу, но она крѣпко держалась своей заповѣди, которую далъ священникъ: «умремъ, товарищи! шагу нѣтъ назадъ». Казаки отчаянно махали шашками, нѣкоторыхъ били плашмя, а на другихъ замахивались остріемъ, даже ранили Петрова. Сколько разъ народъ становился на колѣни, и слышны были раздражающе крики: пощади! и озлобленные крики, съ укоромъ: «братоубійцы! опричники! креста на васъ нѣтъ!..» Казаки наѣзжали на толпу, которая продолжала рваться впередъ. Одинъ старикъ изъ первыхъ рядовъ бросился передъ ними на колѣни, умолялъ пощадить народъ. Его смяли лошадами и ранили шашкой... Но въ это время средняя часть толпы проломила ворота въ склады на Неву и, очищая дорогу, устремилась въ городъ по льду, небольшими кучками и вразсыпную, торопясь поспѣть на площадь къ условленному часу.

Съ Васильевского Острова почти никто не попалъ на площадь. Столкновение съ войскомъ произошло здѣсь скоро послѣ выхода изъ собранія. Неподалеку отъ набережной Невы 4—5 линия была пересѣчена войсками. Стройная, длинная колонна шествія медленно двигалась навстрѣчу имъ и шагахъ въ 25—30 остановилась. Депутаты вышли впередъ и, махая бѣлыми платками, пытались объяснить что-то, кричали убѣждающимъ, умоляющимъ голосомъ. Отрядъ конницы поскакалъ на толпу, оттѣсняя ее въ сторону. Пѣхотинцы уже взяли на прицѣлъ. Депутаты разстегнули пальто, подставляя груди. Что-то дрогнуло въ ряду солдатъ, поднявшихъ ружья. Офицеръ быстро распорядился выпустить изъ пѣхоты новый отрядъ казаковъ съ обнаженными шашками. Толпа была смята, отброшена назадъ, отиснута въ прилегающіе переулки. Пройтись впередъ было невозможно. Толпа разсѣивалась, уводя раненыхъ, часть пошла назадъ къ собранію, другая металась въ негодованіи по улицѣ между отрядами казаковъ. Раздались призывы къ оружію. Молодежь пошла громить оружейную мастерскую Шаффа. Группа рабочихъ подъ руководствомъ студента, завладѣла типографіей и стала наскоро печатать на ручномъ станкѣ здѣсь же составленную прокламацію. На углахъ ближайшихъ улицъ быстро собирались толпы народа. Въ одномъ мѣстѣ бросились на отрядъ полиціи и отобрали у нея шашки. Выступили ораторы изъ социаль-демократовъ. Ихъ слушали теперь: настроеніе необычайно рѣзко измѣнилось. Негодованіе кипѣло въ толпѣ, но руководители не знали, что дѣлать, какой выходъ дать этому негодованію. Послали развѣдчиковъ въ другія части города. На 4-ой линіи стали валить телефонные столбы и строить баррикады.

Выборгскій отдѣлъ шелъ къ Троицкому мосту на соединеніе съ отдѣломъ Петербургской стороны. На большой Дворянской онъ былъ встрѣченъ конницей, которая смяла его быстрымъ натискомъ, съ шашками наголо. Три раза конница прорѣзала его взадъ и впередъ, сшибая и рубя людей. Толпа въ смятеніи разсѣивалась, подбирая раненыхъ, но передняя часть ея быстро шла впередъ, на условленное соединеніе съ товарищами. Въ это время со стороны Троицкаго моста раздался сигнальный рожокъ и послышались выстрѣлы. Нѣкоторые побѣжали туда, на звукъ выстрѣловъ, и вновь попали подъ шашки. Другіе сѣшпили обходными путями ко дворцу.

Шествіе на Петербургской сторонѣ было чрезвычайно многолюдно и торжественно. Передніе ряды и здѣсь шли крѣпкими дѣтьми, взявшись подъ руки,—мужчины и дѣвушки, рабочіе и среди нихъ, вмѣстѣ съ ними, взволнованные движеніемъ интеллигенты. Въ толпѣ было нѣсколько гимназистовъ. Шагахъ въ 300 отъ Троицкаго моста, подлѣ парка, толпа завидѣла передъ собою перерѣзавшую ей дорогу пѣхоту. Командовавшій офицеръ пошелъ навстрѣчу и, крикнувъ что-то, замахалъ рукой. Отъ толпы отдѣлились депутаты съ свиткомъ петиціи. Они уже подходили къ нему, показывая знаками, что они безоружны, но вдругъ офицеръ повернулъ назадъ, отбѣжалъ въ сторону на тротуаръ и сдѣлалъ знакъ солда-

тамъ. Раздался рожокъ, и вслѣдъ за нимъ, быстро одинъ за другимъ, три залпа. Многие изъ бывшихъ въ толпѣ, не сразу поняли, что такое произошло. Падали окровавленные люди. Молодая дѣвушка,—рабочая, шедшая недалеко отъ стараго отца, истекая кровью, ползала по землѣ и кричала: «папа»... Нѣсколько десятковъ человекъ были убиты наповалъ. Удѣлѣвшіе подбирали раненыхъ, усаживая ихъ на извозничьи сани. Суетились, помогая, гимназисты. Публика останавливала для перевозки раненыхъ частные экипажи. Одну женщину повезли въ больницу съ прострѣленнымъ на смерть у нея на рукахъ годовалымъ ребенкомъ. Пули летѣли здѣсь очень далеко и настигли не мало случайныхъ жертвъ. Народъ въ ужасѣ сходилъ со всѣхъ сторонъ на звуки залповъ, а вслѣдъ убѣгающимъ изъ разстрѣлянной колонны неслась появившаяся съ Дворянской улицы конница, настигала ихъ шашечными ударами и наносила удары даже лежащимъ.

Отсюда, какъ и изъ-за Нарвскихъ воротъ, тоже почти никто не дошелъ до Дворца.

VII.

Во второмъ часу дня по тротуарамъ Невскаго, какъ это бываетъ обыкновенно въ ясные праздничные дни, двигалась огромная толпа народа. Но среди обычной городской публики сейчасъ же бросалась въ глаза масса рабочихъ. Они торопливо шли, кучками и вереницами, въ одномъ направленіи, къ площади Зимняго Дворца. По улицѣ развѣзжали отряды казаковъ. Чѣмъ ближе къ Адмиралтейству, тѣмъ гуще были толпы и тѣмъ больше было казаковъ. Въ концѣ Невскаго движеніе конокъ было прекращено. Улица была перерѣзана отрядомъ конницы. По Адмиралтейскому проспекту быстро развѣзжали, тѣсня народъ къ панелямъ, такіе же отряды и группы жандармовъ. На Дворцовой площади была масса войскъ, конницы и пѣхоты. Дворецъ былъ окруженъ пушками. Толпы народа тѣснились здѣсь къ рѣшеткѣ Александровскаго сада съ одной стороны, къ зданію Генеральнаго Штаба, вплоть до Арки, съ другой. Народъ все прибывалъ, разлѣщаясь по обѣимъ сторонамъ Адмиралтейскаго проспекта, и по угламъ Невскаго. Многие вошли въ садъ и изнутри тѣснились къ его рѣшеткѣ. На вѣткахъ деревьевъ сидѣли взобравшіеся туда уличные мальчуганы. Въ саду, пользуясь рѣдкимъ солнечнымъ днемъ, играли дѣти, каталась на конькахъ безпечная молодежь. Городской людъ шелъ по своимъ надобностямъ во всѣхъ направленіяхъ и задерживался въ саду или на площади необычайнымъ зрѣлищемъ. Учащался молодежь, интеллигенція, кое-кто изъ случайной публики смѣшивался съ рабочими.

Настроеніе было сдержанно-возбужденное. Народъ терпѣливо ждалъ появленія Царя. Между рабочими шли тихіе разговоры. Тутъ были лучшіе, самые мужественные изъ нихъ, добравшіеся сюда черезъ всѣ преграды. Иногда эскадронъ конницы пронесся съ шашками наголо по Адмиралтейскому проспекту или начиналъ на-

пирать на публику, тѣснившуюся у стѣн и рѣшетокъ сада. Тогда въ толпѣ раздавался громкій негодующій ропотъ, крики, похожіе издали на перебивающееся «ура». Около 2 часовъ жандармерія прошла по Александровскому саду и, небрежно приказавъ нѣкоторымъ группамъ расходиться, заперла всѣ входы и выходы сада, оставивъ тамъ публику. Толпа начинала между тѣмъ волноваться: съ окраинъ приходили извѣстія о разстрѣлахъ. Но рабочіе упорно ждали Царя. Кто-то сказалъ, что Царя нѣтъ въ С-Петербургѣ. Большинство не повѣрило. Изрѣдка въ толпѣ раздавались крики: «уберите войско! Въдь мы ничего дурного не дѣлаемъ». Въ одномъ мѣстѣ толстый офицеръ съ краснымъ лицомъ подошелъ къ толпѣ и сказалъ: «расходитесь! Будутъ стрѣлять». Слышавшіе это не повѣрили ему и продолжали говорить между собой: «за что же стрѣлять?»

Къ рабочимъ, стоявшимъ у Штаба,—это была группа колпинскихъ,—тоже подошелъ офицеръ съ предупрежденіемъ, что будутъ стрѣлять. Ему отвѣтили: «стрѣляйте! мы пришли искать правду». Вскорѣ изъ группы пѣвшихъ войскъ, занимавшихъ середину площади, выдѣлилась рота Преображенскаго полка съ офицеромъ и выстроилась въ двѣ шеренги противъ Александровскаго сада. Публика смотрѣла съ недоумѣніемъ. Заигралъ горнистъ. Наступила тишина. Всѣ переглядывались. Раздались ободряющіе голоса: «это такъ... Не можетъ быть»... Горнистъ проигралъ еще разъ, и послышалась команда: «цѣлься». Первый рядъ преображенцевъ опустился на колѣни и взялъ на прицѣлъ. Никто не тронулся съ мѣста, но лица поблѣднѣли, многіе стали креститься. Раздался залпъ—въ народъ, стоявшій у сада, и прямо въ садъ, въ любопытныхъ и въ играющихъ дѣтей. Толпа замерла. Нѣкоторые подумали, что залпъ холостой. Но кругомъ на площади и за рѣшеткой сада валялись убитые и раненые. Съ деревьевъ, какъ подстрѣленные воробьи, посыпались мальчуганы. Кто-то громко застоналъ. Часть толпы вдругъ скорчилась, согнулась и побѣжала въ сторону. Солдаты сдѣлали полуоборотъ право и дали залпъ по направленію къ Адмиралтейству и къ Дворцовому мосту. Потомъ полуоборотъ лѣво—и залпъ по направленію къ Штабу, въ убѣгающую толпу.

Народъ закричалъ, заволновался. Громкій ропотъ понесся по площади, по Адмиралтейскому проспекту, по Невскому. Шальные пули сваливали прохожихъ у самой набережной и за Александровскимъ садомъ у Исакиевскаго собора.

Съ необычайной быстротой распространился повсюду слухъ о происшествіи, и холодная толпа петербургскихъ улицъ вдругъ закипѣла гнѣвомъ, забыла всякій страхъ, забушевала. Въ то время, какъ на Дворцовой площади и поблизости отъ нея подбирали, уносили въ сосѣдніе дворы и увозили раненыхъ, а по Гороховой тянулись, одни за другими, извозчики сани съ трупами неизвѣстныхъ убитыхъ, народъ съ бѣшенствомъ набрасывался на случайно проходившихъ и проѣзжавшихъ по улицѣ офицеровъ, стаскивалъ ихъ съ извозчиковъ, рвалъ эполеты, вырывалъ шашки. Повсюду

раздавались крики: «Убийцы! Кровопійцы! Палачи! отъ японцевъ бѣжите, а въ своихъ стрѣляете». По Невскому, по улицѣ Гоголя, по Морской, по Гороховой снова толпы народа, разгоняемыя озвѣвшей конницей съ шашками наголо. Народъ бросаея бѣжать, прижимался къ стѣнамъ, но сейчасъ же снова смыкался. На всѣхъ перекресткахъ образовались кучки, среди которыхъ говорили случайные ораторы или раздавался громкій ропотъ, слышались озлобленные голоса: «Пулями угостили!»

По Невскому и Гороховой все еще везутъ раненыхъ и убитыхъ. Толпа отнимаетъ покойниковъ у полиціи и переноситъ ихъ къ Казанскому Собору съ криками: «Шашки долой», «На колѣни передъ мучениками!» Въ одномъ мѣстѣ Невскаго толпа, отнявъ три трупа у полицейскихъ, кладетъ ихъ на снѣгъ и, опустившись на колѣни, поетъ «Со святыми упокой». Конница карьеромъ несется на поющихъ и разбрасываетъ ихъ въ стороны, но они сейчасъ же опять собираются. Въ другомъ мѣстѣ несутъ группъ рабочаго съ пѣніемъ молитвы, смѣняющейся революціонной пѣсней. Два студента съ обнаженными головами везутъ убитаго товарища... А въ это время пѣхота уже даетъ залпъ по толпѣ у Полицейскаго моста. Околодочный на Гороховой, видя, какъ народъ избиваетъ офицера, стрѣляетъ куда попало изъ револьвера. На Морской, у Арки, и на Нѣвскомъ мосту кавалерія бросается впередъ и рубить народъ шашками, раскраиваетъ черепа, не шадя ни женщинъ ни случайныхъ прохожихъ. Стрѣляютъ недалеко отъ Думы...

Небывалое, невиданное зрѣлище представлялъ собою въ это время Петербургъ. И какъ бы въ довершеніе фантастической картины бунтующаго города, на затянувшемся блѣсоватой мглой небѣ мутнокрасное солнце давало въ туманѣ два отраженія около себя, и глазамъ казалось, что на небѣ три солнца. Потомъ, въ 3-емъ часу дня, необычная зимою яркая радуга засвѣтилась въ небѣ, а когда она потускнѣла и скрылась, поднялась снѣжная буря. И народъ, и войска были въ это время въ какомъ-то неистовствѣ. На Полицейскомъ мосту вновь и вновь раздавались залпы пѣхоты: влодь по Невскому, въ ту и другую сторону, въ обѣ стороны по набережной Мойки и даже на ледъ ей, куда прыгали, спасаясь отъ пуль, обезумѣвшіе люди. Стрѣляли и въ моментъ затишья, въ небольшую кучку людей, прижавшуюся къ дому Строганова, и въ толпу, бросающую камни вслѣдъ проѣзжающему офицеру. Народъ находился здѣсь въ это время въ состояніи какого-то трагическаго разгула. Шиканье, гоготанье, свистки, яростныя ругательства войскамъ неслись со всѣхъ сторонъ. На льду Мойки плясало нѣсколько подростковъ. Мальчишки кричали «Урра, побѣдители!.. Урра!..» и съ хохотомъ бѣжали вслѣдъ за проѣзжавшимъ въ это время коннымъ отрядомъ, осыпая его насмѣшками. Даже выстрѣлы встрѣчались теперь смѣхомъ, руганью и издѣвательствами. Нѣкоторые, распахивая пальто, подставляли грудь подъ дула ружей. «Я никогда не видѣлъ подобнаго настроенія толпы и не думалъ, что при такихъ условіяхъ

оно возможно, но въ то время я не находилъ въ этомъ ничего страннаго», пишетъ одинъ свидѣтель.

Становилось уже темно. Буйство толпы сосредоточилось въ центрѣ города. На окраинахъ было тихо, и кучки казаковъ и уланъ, шпионовъ и городскихъ набрасывались на студентовъ, избивали и топтали ихъ ногами; хватали, колотили шапками и тащили въ участокъ рабочихъ. На Васильевскомъ Островѣ, по Малому проспекту, сооружались искусныя баррикады. На 4-ой линіи баррикады были уже разобраны: отрядъ пѣхоты безъ труда справился съ ихъ защитниками, сбросивъ однимъ залпомъ оратора, говорившаго рѣчь къ солдатамъ, и знаменосца, высоко поднимавшаго красный флагъ социаль-демократіи. Борьба была здѣсь слишкомъ неравная. Маленькія кучки рабочихъ восторженно кричали: «товарищи! умремъ за свободу!» и мужественно подставляли себя подъ пули.

Положеніе наиболѣе сознательныхъ и, особенно, партійныхъ рабочихъ, также какъ и интеллигенціи, не сливавшейся съ бунтующей народной стихіей, было въ это время поистинѣ трагическимъ. Въ редакціи «Сына Отечества», куда словно по сговору, ежеминутно притекала съ Невскаго все новая публика и приходили изъ разныхъ частей города рабочіе за справками о томъ, что гдѣ происходитъ, видѣлись со всѣхъ сторонъ воспаленныя, измученныя лица, и всѣ говорили вполголоса. Вошедшій съ улицы хорошо одѣтый рабочий молча озирался нѣкоторое время, потомъ обратился къ группѣ литераторовъ: «Позвольте попросить у васъ совѣта—сказалъ онъ, — что дѣлать интеллигенціи?»—«Интеллигенціи? какъ?»—«Да, да, рабочихъ интеллигенціи, намъ. Всѣ измучились. По домамъ что-ли расходиться!»—Литераторы смущались и не нашли подходящаго отвѣта.

Вечеромъ было большое шумное собраніе интеллигенціи въ помѣщеніи Вольно-Экономическаго Общества. Читалось вслухъ воззваніе «къ офицерамъ, не принимавшимъ участія въ боинѣ 9-го января» и собирались подписи подъ нимъ. Читалось первое письмо Гапонна къ рабочимъ. Говорили о вооруженіи, о митингахъ, послали людей въ театры съ требованіемъ закрыть ихъ. Но и здѣсь чувствовалось душевное смятеніе, растерянность, отсутствіе объединяющаго лозунга, оторванность отъ толпы.

А толпа не спрашивала, что ей дѣлать. Рабочіе, пережившіе страшный день, уже разбрелись по своимъ окраинамъ, но на Невскомъ до поздняго вечера шумѣла городская толпа. Въ одномъ мѣстѣ зажгли кіоски, въ другомъ ломали фонари. Кое-гдѣ слышались революціонныя пѣсни. Во дворцѣ Сергія Александровича били камнями стекла. Кавалерія помчалась опять разгонять толпу, — карьеромъ взадъ и впередъ. Толпы ремесленниковъ, мастеровыхъ, мальчишекъ встрѣчали и провожали ее дружнымъ ревомъ, вылетающимъ словно изъ одной груди: «Братоубійцы! Братоубійцы!» Подростки гнались за ней и безстрашно ныряли подъ самыя лошади.

На Петербургской сторонѣ и Васильевскомъ Островѣ хулиганы безпрепятственно громили магазины. Разъѣзды гонялись на Островъ за маленькими кучками народа и одиноко идущими людьми, рубили

шапками, стрѣляли въ спину бѣгущимъ, избивали дѣтей, врывались въ частныя квартиры.

Ночью городъ производилъ впечатаніе завоеваннаго непріателемъ. На площадяхъ расположились пикеты. Пылали яркіе костры. На улицахъ царил мертвая тишина.

VIII.

Три дня продолжались въ городѣ безчинства казачьихъ и вообще кавалерійскихъ разъѣздовъ. Но на всѣхъ перекресткахъ, несмотря на постоянныя атаки кавалеріи, продолжали собираться толпы. Повсюду слышалась откровенная критика властей и порядковъ, юмористическія замѣчанія по адресу пробѣжающихъ войскъ: «Что, храбрый народъ! Хорошо съ безоружными сражаешься!» «Эй, псковичи! бейте москвичей». На Невскомъ, недалеко отъ Думы, подлѣ колоніальнаго магазина Романова, гдѣ на стѣнѣ и панели видѣлась еще запекшаяся кровь, слышались злые народныя шутки: «Вчера на этомъ мѣстѣ тутъ живою кровью торговали»... Въ пятомъ часу дня, 10-го, на Невскомъ и многихъ другихъ улицахъ внезапно потухло электричество и произошла паника. Прошелъ слухъ, что скоро закроютъ водопроводъ. Слухи—правдоподобные и неправдоподобные, совершенно фантастическіе,—продолжали расти, волнуя воображеніе. Магазины были закрыты, многіе забиты досками. Болѣе робкіе обыватели не рѣшались выходить изъ дому. Но улица и во мракѣ продолжала жить необычною, возбужденною жизнью, впервые взволнованная, словно пробужденная отъ вѣковой внутренней спячки. Во мракѣ словно еще громче, еще сильнѣе раздавались человѣческіе голоса. Приказчики, ремесленники, извозчики произносили уже не тѣ слова, съ которыми еще наканунѣ рабочіе двигались изъ отдѣловъ. Въ городѣ было шумно и жутко. Только передъ больницами, гдѣ съ утра до ночи толпился народъ, стояла гробовая тишина: люди пришли искать своихъ—ранеными или убитыми, но не могли ихъ доискаться. Часть труповъ тщательно скрывалась администраціей въ какихъ-то больничныхъ сараяхъ, куда можно проникнуть только за подкупомъ. Многимъ бѣднякамъ не удалось увидѣть своихъ покойниковъ: полиція вывезла и похоронила ихъ въ братскихъ могилахъ Преображенскаго и Успенскаго кладбища въ 3 ч. ночи, обманувъ публику, допытывавшуюся о времени похоронъ. На Смоленскомъ кладбищѣ приказано было похоронить убитыхъ до обѣдни. Только на Митрофаньевскомъ кладбищѣ похороны убитыхъ за Нарвской заставой происходили открыто, при стеченіи десяти-тысячной рабочей толпы, въ присутствіи полиціи и войскъ. Ораторы произносятъ надъ могилою рѣчи, призывая къ мести за невинно пролитую кровь. Изъ толпы кричатъ солдатамъ: «Шапки долой, палачи!» и угрюмые солдаты, въ присутствіи своего начальства, покорно исполняютъ это требованіе толпы. Многіе рабочіе просили

писать на могильных крестах родственниковъ: «невинно убитый 9-го января». Администрация приказывала стирать эти надписи.

Вѣшняя жизнь въ городѣ скоро стала входить въ обычную колею. Обыватели пережили бурю, въ нѣкоторыхъ душахъ остался слѣдъ отъ нея, но эта буря не затронула ихъ интересовъ. Тревоги интеллигенціи, аресты, производившіеся среди нея, не касались толпы и не волновали ея. Но на рабочихъ окраинахъ, создавшихъ движеніе, разыгрывалась въ тѣ дни настоящая глубокая драма. Гапона больше не было. Предсѣдатель отдѣловъ, молодой, всѣми любимый рабочій Васильевъ былъ убитъ. Другіе руководители отдѣловъ были арестованы. Массовые аресты производились по всѣмъ фабричнымъ районамъ. Не только тюрьмы, но и помѣщенія при полицейскихъ частяхъ были переполнены арестованными. Самые отдѣлы были закрыты, запечатаны; кассовыя книги, кое-гдѣ самыя кассы, бібліотеки отдѣловъ, куда рабочіе жертвовали свои годами собранныя книжки, были унесены полиціей. Рабочей массѣ негдѣ было больше собираться, не у кого спросить совѣта и разъясненія по многимъ вопросамъ, вставшимъ въ умѣ. Старыя вѣрованія были разбиты, и темнымъ, полусознательнымъ людямъ некуда было съ надеждою обратить взоры. Забастовка продолжалась еще нѣсколько дней, но становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Многія тысячи, собранныя въ эти дни интеллигенціей, раздробляясь на десятки тысячъ нуждающихся, превращались въ гроши. Въ семьяхъ начинался голодъ и гналъ на работу, на ненавистныя фабрики и заводы, гдѣ все еще стояли войска.

Негодование и злоба мучили всѣхъ, обращаясь временами, у болѣе темныхъ людей, не туда, куда слѣдовало. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ готовы были обвинять во всемъ студентовъ, интеллигенцію, которой и раньше не довѣряли, или вожаковъ движенія, «показателей пути истинной», какъ они называются въ одной записи. Другіе съ первыхъ же дней затаили въ душѣ великое возмущеніе противъ правителей, жажду мести и борьбы. Въ болѣе мягкихъ и вдумчивыхъ людяхъ происходилъ глубокій психологическій и умственный процессъ, заново пересматривались всѣ представленія о жизни. Вмѣстѣ съ чувствомъ горечи, разочарованія, обиды, главное—обиды, о которой говорятъ многія записи, въ душѣ шевелилась мысль о значеніи рабочей массы, сознаніе совершеннаго ею подвига, ея приобщенія къ мировой исторической борьбѣ. «Въ больницѣ, когда отнулся, душа кипѣла обидой, и была даже гордость, что мы значущіе люди, и думается мнѣ, что это только начало значенія», сообщаетъ одинъ рабочій. Другой пишетъ о настроеніяхъ массы нѣсколько дней спустя, уже послѣ объявленія отъ Св. Синода: «Правительство насильно заставило отцовъ смиренныхъ принять въ дѣлѣ участіе съ приравленіемъ, что Японія прислала 18 милліоновъ на забастовки. Отпечатаны книжки подъ изданіемъ Богдановича «Рус-

скимъ рабочимъ», но книжки вызвали смѣхъ и отвращеніе... Рабочіе твердо убѣждены, что все это не зря пройдетъ; хотя требованія не всѣ удовлетворяютъ, но день 9 января останется у всѣхъ въ памяти, даже будетъ историческимъ событіемъ». У многихъ была мысль, что нужно еще разъ «идти»: «сначала опять мирно, а потомъ уже на-проломъ». Никѣмъ не избранная депутація къ Царю тоже заставила рабочую массу о многомъ передумать. «Вотъ раздался всѣмъ неизвѣстный слухъ, что будто Царь потребовалъ какую-то депутацію,—пишетъ простодушнымъ языкомъ одинъ свидѣтель,—И они пошли, а когда пришли, то стали рассказывать, что видѣли и что слышали, и народъ удивляется и говоритъ: а можетъ, и будетъ что! Но черезъ нѣсколько времени они стали говорить: а кто выбиралъ ихъ, не знаемъ! Такъ это не наши рабочіе и мы знать не хотимъ, что они... Тутъ многіе разругались и не признавали ничего—ни депутатовъ, ни правительства». Болѣе того, рабочіе не признали помощью пожертвованныя свыше въ пользу семей пострадавшихъ 50.000 р. Они называли ихъ «дѣною за кровь» и считали грѣхомъ пользоваться ими. «И вотъ опять начинается озлобленіе противъ правительства,—пишетъ одинъ свидѣтель въ заключеніе своихъ замѣтокъ.—И услышавъ, что многіе опять забастовали, всѣ готовы снова забастовать и настроены такъ: лишь бы только пойти. Сказать «идемъ!» и всѣ бы пошли».

Таково было настроеніе петербургской рабочей массы въ половинѣ февраля. Она была уже безконечно далека отъ тѣхъ трогательныхъ и наивныхъ чувствъ, которыя привели ее на площадь Зимняго Дворца. Въ ней быстро крѣпло самосознаніе, развивалось критическое отношеніе ко всему происходящему и созрѣвала идея «идти на-проломъ».

Л. Гуревичъ.

За что арестовали Н. Г. Чернышевского.

Въ концѣ юня 1862 года въ Россію возвращался изъ-за границы мѣщанинъ Павелъ Ветошниковъ, о которомъ III Отдѣленіе знало, что онъ нѣсколько разъ былъ у Герцена, жившаго тогда въ Лондонѣ. Какой-то доносчикъ сообщалъ, что имѣетъ вѣрныя свѣдѣнія, что Ветошниковъ везетъ съ собой письма Герцена, Огарева, Бакунина и Кельсеева къ разнымъ лицамъ. Разумѣется, было отдано распоряженіе о задержаніи Ветошникова на границѣ и о препровожденіи его подъ сильнымъ конвоемъ въ III Отдѣленіе.

Такъ и было сдѣлано.

Дѣйствительно, при Ветошниковѣ были найдены письма заграничныхъ публицистовъ къ своимъ русскимъ друзьямъ и пріятелямъ. Между прочимъ оказался конвертъ съ надписью: «Н. А. Серно-Соловьевичу», въ который были вложены два слѣдующихъ письма Герцена ¹⁾.

I.

«Милостивый Государь,

Николай Александровичъ.

«На письмо ваше, въ которомъ вы спрашиваете мое согласіе на изданіе моихъ сочиненій, напечатанныхъ въ Россіи,—честь имѣю увѣдомить васъ, что я совершенно согласенъ на ваше предложеніе. Слѣдующія деньги, т. е. 10 процентовъ съ получаемой отъ продажи суммы предоставляю моимъ дочерямъ.

«Увѣдомляя васъ, Милостивый Государь, честь имѣю пребыть вашимъ покорнымъ слугою Александръ Герценъ.

8/20 юня 1862. Лондонъ. Орсетъ Гаусъ. Вестборнъ Террасъ. М. Г. Николаю Александровичу Серно-Соловьевичу въ С.-Петербургъ».

II.

«Давно не удавалось побесѣдовать съ вами, дорогой другъ. Въ минуту жизни трудную—мы какъ то разобщены и коротенькія вѣсти, недостаточно даютъ пищи для людей, жаждущихъ подробностей. Но ми-

¹⁾ Привожу ихъ съ буквальной точностью.

нута жизни трудная, покачаваясь изъ стороны въ сторону, пройдетъ къ осени. Чуть ли даже не такъ досконально пройдетъ, что и вовсе заглухнетъ безъ слѣда. Что же останется? Останется общій фондъ—не минуты, а години трудной. Мнѣ кажется, что уяснить необходимость земскаго собора становится дѣломъ обязательнымъ. Губернскія земскія думы, о которыхъ пророчать къ тысячелѣтію ¹⁾ успокоивъ умы на полгода, дадутъ новый элементъ удобства въ выборахъ и опять приведутъ къ необходимости земскаго собора. Состоится ли онъ? Будетъ ли онъ самъ тѣмъ то переходнымъ или дѣйствительно организуетъ—какъ знать! Но я думаю, что изъ всѣхъ послѣднихъ событій вы убѣдитесь, что мое озлобленіе на литературную дрязгу не было слишкомъ пусто; мое озлобленіе шло къ тому, что я вообще въ Петербургской суетѣ не вижу исхода. Тутъ нѣтъ живой жизни, нѣтъ построения будущаго и нѣтъ мѣста для коренного движенія и преобразованія. Опять прихожу къ моей темѣ, шепчу и кричу ее вамъ въ уши, чтобъ она неотступно васъ преслѣдовала: живая жизнь въ провинціяхъ; если у васъ нѣтъ корня въ провинціяхъ—ваша работа не пойдетъ въ ростъ. Я даже радъ, что Петербургъ не въ силахъ ничего сдѣлать, потому что все что онъ ни сдѣлаетъ будетъ имѣть результатъ только тотъ же—отметку провинціи. Уясните же ²⁾ провинціямъ, ищите друзей въ провинціяхъ. Вы только въ провинціяхъ встрѣтите народъ, а не мѣщанъ-извозчиковъ, для которыхъ всего менѣе понятна коренная цѣль—земской земли ³⁾.

«Мнѣ жаль молодежь, которой не обвиняю, потому что за молодость обвинять нельзя; это физиолого-патологическое явленіе, которое быстро проходитъ. Мнѣ жаль и вашихъ мѣщанъ-извозчиковъ—они не виноваты.

«Разнь верхушекъ ужъ слишкомъ велика, чтобы понять другъ друга и сближеніе ихъ всего меньше возможно на невской набережной и марсовомъ полѣ, оно возможно только при рѣкахъ черноморско-каспійскихъ.

«Оставьте мертвымъ погребать мертвыхъ. Работайте въ провинціяхъ.

«Крѣпко обнимаю ваше общество. Вѣстей побольше—ради бога. N ⁴⁾—золотая душа, преданная безкорыстно, преданная наивно до

¹⁾ Одно слово не могло быть прочтено, потому что испорчено шнуромъ скрывающимъ дѣло.

²⁾ Намекъ на столыцкихъ реформаторовъ, изучавшихъ народъ по петербургскимъ извозчикамъ.

³⁾ Рѣчь идетъ, конечно, объ обществѣ «Земля и Воля», которое было основано, между прочимъ, и Серно-Соловьевичемъ. Подробности изъ дѣятельности его можно найти въ книгѣ Л. Ф. Пантелѣева—«Изъ воспоминаній прошлаго», СПб., 1905 г., въ которой, однако, мнѣ кажется, общее освѣщеніе общества не совсѣмъ вѣрно. Герценъ и потомъ очень симпатизировалъ «Землѣ и Волѣ». Любопытно, что слѣдственная коммиссія, да еще подъ предсѣдательствомъ такого оберъ-гофъ-сыщика, какимъ былъ кн. Голицынъ, не обратила вниманія на это мѣсто письма Герцена.

⁴⁾ Кто скрытъ подъ этой буквой—неизвѣстно.

святости. Кажется рѣчь о нашемъ сѣбѣжавшемъ восточномъ пріятелѣ ¹⁾. Поклонитесь ему—это прѣблагороднѣйшій человѣкъ—скажите ему, что мы помнимъ и любимъ его.

«Прилагаю официальное письмо—если оно не такъ написано—готовъ написать и другое. 10% я поставилъ зря—уменьшайте и увеличивайте—дѣлайте какъ знаете.

«Чтобъ не забыть—прибавлю еще маленькую просьбу. Если вамъ нельзя—любезный другъ,—самимъ пріѣзжать съ письмами, то пишите ихъ такъ, чтобъ можно было хоть половину разобрать. Мы мучились день цѣлый и то не все поняли. Вѣсто воскресныхъ школъ я становлюсь ²⁾.

«Да вы не сердитесь.

«А какова Современ. лѣтоп.? Вотъ я вамъ вынулъ хризиды Кат. и Леонт. ³⁾.

«Если скоро будетъ оказіа, напишите. Знаете ли вы Г. Перетца ⁴⁾, онъ кажется очень хорошій и образованный человѣкъ.

«Дайте вашу руку. У меня очень болитъ голова—и потому написалъ одинъ вздоръ. Прощайте.

«Мы готовы издавать Совр. ⁵⁾ здѣсь съ Черныш. ⁶⁾ или въ Женева—печатать предложеніе объ этомъ.

«Какъ вы думаете?»

Какъ видитъ читатель, имя Чернышевскаго упомянуто лишь одинъ разъ. По тогдашнимъ порядкамъ этого было вполне достаточно, чтобы на другой же день послѣ ознакомленія съ корреспонденціей, взятой у Ветошниковъ, а именно 7 іюля арестовать и Серно-Соловьевича, и Чернышевскаго. Изъ отношенія главноуправляющаго III Отдѣленіемъ къ предсѣдателю экстренно высочайше учрежденной слѣдственной комиссіи, кн. А. О. Голицыну, отъ 9 іюля видно, что упоминаніе имени Чернышевскаго въ письмѣ Герцена и было причиной ареста перваго, а не анонимное письмо, о которомъ говорили потомъ и даже упоминалось въ сенатскомъ опредѣленіи.

Арестъ Чернышевскаго произошелъ совершенно для него неожиданно, въ присутствіи бывшихъ у него въ это время М. А. Антоновича и доктора Бокова.

Мих. Лемке

¹⁾ «Сѣбѣжавшій восточнымъ пріятелемъ» можно было назвать Бакунина, но врядъ ли о немъ идетъ рѣчь. Во-первыхъ, онъ прибылъ въ Лондонъ еще 27 декабря 1861 года, о чемъ уже въ январѣ русское общество узнало изъ «Колокола», во-вторыхъ, какъ могъ Герценъ передавать ему поклонъ черезъ Серно-Соловьевича?

²⁾ Одно слово не разобрано по указанной выше причинѣ.

³⁾ Рѣчь идетъ о «Современной Лѣтописи» Каткова и Леонтьева.

⁴⁾ Перетцъ былъ однимъ изъ русскихъ, довольно часто посѣщавшихъ Герцена лѣтомъ 1862 г.

⁵⁾ Рѣчь идетъ о «Современникѣ» Панаева и Некрасова, въ которомъ главная роль принадлежала Чернышевскому. 19 іюня, по высочайшему повелѣнію, были приостановлены на 8 мѣсяцевъ «Современникъ» и «Русское Слово», 8-го же Герценъ уже имѣлъ свѣдѣнія о возможности такой кары и потому сдѣлалъ свое предложеніе. Не получивъ отвѣта отъ Серно-Соловьевича, онъ печатно предложилъ издавать у себя «Современникъ».

⁶⁾ Конечно, Чернышевскій.

Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 г.

Этотъ процессъ принадлежитъ къ числу самыхъ малоизвѣстныхъ, чтобы не сказать совсѣмъ неизвѣстныхъ, широкимъ слоямъ русскаго общества. Если въ царствованіе Александра II (послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ) политическіе процессы, даже въ то время, когда дѣла этого рода разбирались преимущественно военно-окружными судами, все же печатались въ газетахъ, то въ слѣдующее царствованіе и такое правительственное «непустительство» было найдено совершенно излишнимъ. Обществу предоставлено было довольствоваться краткими по этому поводу «правительственными сообщеніями» да и то не всегда бывали случаи (дѣло повѣшеннаго въ Варшавѣ рабочаго Ковалевскаго, дѣло приговореннаго къ повѣшенію и затѣмъ заключеннаго въ Шлиссельбургъ Манучарова, дѣло сосланнаго на Сахалинъ офицера Перлашевича и мн. др.), когда не только судебныхъ отчетовъ, но даже хотя бы сообщеній о приговорахъ,—приговорахъ даже къ смерти—въ правительственныхъ изданіяхъ совсѣмъ не появлялось.

Относительно нижепечатаемаго процесса 20-ти народовольцевъ, несмотря на его огромное общественное значеніе и несомнѣнный историческій интересъ или, можетъ быть, правильнѣе, именно *вслѣдствіе* этихъ причинъ, въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» отъ 21 февраля 1882 года появились лишь самыя краткія выдержки изъ обвинительнаго акта, да приговоръ суда. И ничего больше!

Между тѣмъ, процессъ этотъ, повторяемъ, на ряду съ процессами Квятковскаго (1880 г.), Желябова (1881), Богдановича (1883), Фигнеръ (1884) и Лопатина (1887), составляя одно изъ крупнѣйшихъ общественно-политическихъ явленій своего времени, представляютъ для изученія исторіи партіи «Народной Воли» документы первостепенной важности.

Нижепомѣщаемый обвинительный актъ по процессу 20-ти *ни разу еще не появлялся въ печати ни въ Россіи, ни за границей*. Краткія свѣдѣнія о ходѣ процесса были напечатаны въ приложеніи къ № 8—9 «Народной Воли», откуда мы ихъ и воспроизводимъ. Затѣмъ мы даемъ еще приговоръ суда и нѣкоторыя свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ участниковъ процесса.

Судъ Особого Присутствія Правительствующаго Сената происходилъ съ 9-го по 15-е февраля. Предсѣдательствовалъ сенаторъ Дрейеръ. Членами суда были гг. Газенвинкель, Лего, Синицынъ,

Манасеинъ и Бѣлостоцкій. Сословными представителями: Моск. губ. предв. двор. гр. Бобринскій, уѣзд. предв. двор. Самаринъ, Яросл. гор. голова Вахрамѣевъ и волост. старшина Шалберовъ. Обвиняли: прокуроръ судебной палаты, впоследствии министр юстиціи, извѣстный Муравьевъ и г. Островскій. Защищали подсудимыхъ гг. Шнеуръ, Кедринъ, Рычковъ, Королевъ, Кишенскій, Чичаговъ, Спасовичъ, Соколовъ, Рихтеръ, Михайловъ, Гражданскій, Александровъ, Буймистровъ, кн. Кейкуатовъ, Турчаниновъ, Герардъ и Нечаевъ.

Ред.

Обвинительный актъ

которымъ предаются суду Особого Присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, съ участіемъ сословныхъ представителей, дворяне: Александръ Дмитріевъ Михайловъ, 25-ти лѣтъ, Николай Николаевъ Колодкевичъ, 31-го года, Михаилъ Николаевъ Тригопи, 30-ти лѣтъ, Александръ Ивановъ Баранниковъ, 23-хъ лѣтъ, отставной флота лейтенантъ Николай Евгеньевъ Сухановъ, 29-ти лѣтъ, отставной прапорщикъ Фердинандъ Осиповъ Люстигъ, 27-ми лѣтъ, отставной коллежскій Регистраторъ Николай Васильевъ Кляточниковъ, 34-хъ лѣтъ, сынъ фельдфебеля Михаилъ Федоровъ Фроленко, 33-хъ лѣтъ, сынъ почтагона Григорій Прокофьевъ Исаевъ, 24-хъ лѣтъ, сынъ псаломщика Иванъ Пантелеймоновъ Емельяновъ, 20-ти лѣтъ, сынъ діакона Петръ Васильевъ Тычининъ, 26-ти лѣтъ, купеческій сынъ Григорій Михайловъ Фриденсонъ, 26-ти лѣтъ, солдатскій сынъ Василій Аполлоновъ Меркуловъ, 21-го года, мѣщане: Левъ Соломоновъ Златопольскій, 33-хъ лѣтъ, Айзикъ Борисовъ Арончикъ, 22-хъ лѣтъ, Макаръ Васильевъ Тетерка, 28-ми лѣтъ, Николай Александровъ Морозовъ, 26-ти лѣтъ, Прусскій подданный Мартинъ Рудольфовъ Лангансъ, 29-ти лѣтъ, дворянка Елизавета Николаева Оловеникова, 23-хъ лѣтъ, дочь титулярнаго Совѣтника Людмила Дементьева Терентьева, 20-ти лѣтъ, дочь Коллежскаго Совѣтника Татьяна Иванова Лебедева, 29-ти лѣтъ и дочь священника Анна Васильева Якимова, 26-ти лѣтъ, обвиняемые въ государственныхъ преступленіяхъ,

Въ концѣ ноября 1880 г. въ С.-Петербургѣ возникло дознаніе о лицахъ, принадлежащихъ къ такъ называемой террористической фракціи тайнаго сообщества, именующаго себя «русской социально-революціонной партіей». Дознаніе это, оконченное въ октябрѣ 1881 года, обнаружило главнѣйшихъ преступныхъ дѣятелей озна-

ченной фракціи, не вошедшихъ въ число ея участниковъ, осужденныхъ въ октябрѣ 1880 года С.-Петербургскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ о 16-ти лицахъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ, и въ мартѣ 1881 года по дѣлу о злодѣянн 1 марта, жертвою котораго палъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ. При этомъ разслѣдованіемъ была выяснена виновность привлеченныхъ къ дознанію *двадцати двухъ* нижепоименованныхъ лицъ въ совершеніи, для достиженія цѣлей названнаго преступнаго сообщества, ряда посягательствъ на жизнь Священной Особы почившаго Монарха и другихъ преступленій революціоннаго характера, уже бывшихъ предметомъ судебного разсмотрѣнія по вышеупомянутымъ дѣламъ, а также и нѣкоторыхъ вновь раскрытыхъ преступныхъ дѣяній того же значенія.

Обстоятельства преступленій, совершенныхъ обвиняемыми, и данныя, служащія къ ихъ изобличенію, распределяются, по своему содержанию, въ нижеслѣдующихъ четырнадцати отдѣлахъ настоящаго обвинительнаго акта.

1.

Предметы обвиненій.—Послѣдовательное обнаруженіе обвиняемыхъ.

При изслѣдованіи названнаго выше дѣла о 16 лицахъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ, и дѣла о злодѣянн 1 марта 1881 года, оказалось, что до происходившаго лѣтомъ 1879 года въ гор. Липецкѣ, Тамбовской губерніи, общаго съѣзда членовъ такъ называемой «соціально-революціонной партіи», непосредственная политическая борьба съ правительствомъ, а въ частности покушенія на царубійство и террористическія дѣйствія, не составляла прямой и определенной задачи означеннаго сообщества которое, усвоивъ въ то время такъ называемую «народническую» организацию, поставило себя задачею постепенно готовить народъ къ социальному и, главнымъ образомъ, экономическому перевороту. Тѣмъ не менѣе, послѣдній періодъ преступной дѣятельности «народниковъ», относившійся къ 1878 году и первой половинѣ 1879 года, былъ отмѣченъ нѣкоторыми террористическими фактами, которые, однакоже, явились лишь результатомъ единичной рѣшимости отдѣльныхъ лицъ или кружковъ, принадлежавшихъ къ «городской» (въ отличіе отъ «деревенской») группѣ агитаторовъ, назвавшей себя «исполнительнымъ комитетомъ». Такое значеніе имѣли, между прочимъ, убійство 4-го августа 1878 года Шефа жандармовъ генералъ-адъютанта Мезенцова и совершенное 2 апрѣля 1879 года нымъ казеннымъ государственнымъ преступникомъ Александромъ Соловьевымъ покушеніе на жизнь Священной Особы въ Бозѣ почившаго Государя Императора. Появленіе въ средѣ членовъ преступнаго сообщества указаннаго террористическаго направленія, выдвигавшаго на первый планъ во-

просто о необходимости политической борьбы съ существующимъ государственнымъ строемъ, привело послѣ Липецкаго сѣзда къ выдѣленію изъ общества, т.-е. изъ прежней «народнической» его организации, особой «террористической» фракціи, участники которой, принявъ впоследствии наименование «партіи народной воли», согласились между собою стремиться къ совершению въ ближайшемъ будущемъ насильственного переворота. Главнымъ же средствомъ къ достиженію этой цѣли присутствовавшими на сѣздѣ злоумышленниками было признано систематическое повтореніе, съ помощью взрывчатыхъ веществъ, посягательства на царубійство, до тѣхъ поръ, пока этотъ злодѣйскій умыселъ не будетъ удачно приведенъ въ исполненіе.

Изъ объясненій нынѣ умершаго обвиняемаго Гольденберга, а отчасти и изъ показаній государственныхъ преступниковъ Степана Шпряева и нынѣ казненнаго Александра Квятковскаго видно, что на Липецкомъ сѣздѣ была проектирована и опредѣленная организациа террористической фракціи или «партіи народной воли». Во главѣ этой организации должны были стоять «распорядительная коммисія» и «исполнительный комитетъ». При нѣкоторомъ первенствѣ первой изъ этихъ двухъ группъ, между ними не предполагалось ни отношенія прямой подчиненности, ни строгаго разграниченія функций. «Распорядительная коммисія», имѣвшая значеніе центрального революціоннаго бюро, съ мѣстопробываніемъ въ С.-Петербургѣ, должна была знать все происходящее въ партіи и завѣдывать всѣми средствами для исполненія революціонныхъ предпріятій, которыя могли совершаться не иначе, какъ съ ея вѣдома и преимущественно по ея инициативѣ. Самое же совершеніе этихъ предпріятій и вообще все активная политическая борьба возлагалась на обязанность «исполнительнаго комитета», члены котораго должны были проживать тамъ, гдѣ укажетъ надобность. Кромѣ «коммисіи» и «комитета» въ организации состояла еще редакція издаваемаго обществомъ органа тайной печати подъ заглавіемъ «Народная Воля» и агенты для исполненія отдѣльныхъ порученій, раздѣлявшіеся на агентовъ 1 степени, съ «большимъ», и агентовъ 2 степени, съ «меньшимъ» довѣріемъ». По словамъ Гольденберга на Липецкомъ сѣздѣ были избраны, между прочимъ, въ число трехъ членовъ «распорядительной коммисіи» Александръ Михайловъ и Михаилъ Фроленко, редакторомъ періодическаго органа Николай Морозовъ, а въ составъ 30 членовъ «исполнительнаго комитета» вошли, между прочимъ: Николай Морозовъ, Николай Колодкевичъ и Анна Якимова, изъ которыхъ послѣдняя примкнула къ «комитету» уже послѣ Липецкаго сѣзда.

По даннымъ, обнаруженнымъ разслѣдованіемъ, произведеннымъ въ гор. Липецкѣ, въ томъ числѣ и допросами обывателей этого города, оказывается, что въ юнѣ 1879 г. въ Липецкѣ одновременно находились, между прочимъ, Желябовъ, подъ фамилію Чернявскаго, проживавшій вмѣстѣ съ нимъ на одномъ постояломъ дворѣ Але-

ксандръ Михайловъ, подъ фамилію Безмѣнова, и Баранниковъ, подъ фамилію Кошурникова.

Лѣтомъ того же 1879 года, нѣсколько раньше происходившаго въ Липецкѣ сѣзда многихъ членовъ общества, другіе члены его, съ цѣлью пріобрѣтенія необходимыхъ для преступной дѣятельности общества денегъ, похитили изъ Херсонскаго Губернскаго Казначейства, посредствомъ подкупа, около 1½ милліона рублей, большая часть которыхъ была вскорѣ разыскана, а главные виновники кражи осуждены Кіевскимъ и Одесскимъ Военно-Окружными Судами.

Осенью 1879 года, во исполненіе соглашенія, состоявшагося на Липецкомъ сѣздѣ, злоумышленники, въ виду ожидавшагося проѣзда въ Бозѣ почившаго Государя Императора съ Южнаго берега Крыма въ Петербургъ, предприняли приготовленія къ совершенію царубійства на линіи Одесской желѣзной дороги, близъ гор. Одессы, а затѣмъ совершили, при слѣдованіи Государя Императора, неудавшіеся покушенія на Священную жизнь Его Императорскаго Величества 18 ноября, на линіи Лозово-Севастопольской желѣзной дороги, близъ гор. Александровска, Екатеринославской губерніи, и 19 того же ноября, на линіи Московско-Курской желѣзной дороги, близъ гор. Москвы. 5 февраля 1880 года таковое же покушеніе было совершено въ С.-Петербургѣ, въ Зимнемъ Дворцѣ.—По надлежащемъ выясненіи упомянутыхъ событій, преимущественно съ помощью подробныхъ разоблаченій, сдѣланныхъ обвиняемымъ Гольденбергомъ, одни изъ участниковъ этихъ преступленій были осуждены, въ числѣ 16-ти лицъ, С.-Петербургскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ, другіе же до конца 1880 и начала 1881 г.г. оставались не разысканными.

При возникновеніи въ ноябрѣ 1880 года настоящаго дѣла по поводу задержанія въ С.-Петербургѣ Александра Михайлова, обстоятельства этого задержанія указали на продолжающіяся, преимущественно среди лицъ уже извѣстныхъ и разыскиваемыхъ по прежнимъ дѣламъ, приготовленія къ совершенію вновь посягательства на царубійство. Приготовленія эти завершились злодѣяніемъ 1 марта 1881 года, изслѣдованіе котораго обнаружило указанія на виновность въ означенномъ злодѣяніи, кромѣ ближайшихъ виновниковъ его, осужденныхъ Особымъ Присутствіемъ Правительствующаго Сената, еще другихъ лицъ, привлеченныхъ къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ. Изъ числа этихъ послѣднихъ нѣкоторые, участвовавшіе въ предварительномъ соглашеніи на злодѣяніе и въ приготовленіяхъ къ нему, были задержаны не задолго до 1-го марта, а остальные арестованы и изобличены впоследствии. Кромѣ того, разслѣдованіе преступной дѣятельности тѣхъ и другихъ выяснило такія ея проявленія, которыя еще не были раскрыты до этого времени, а именно приготовленія къ царубійству, совершенныя: въ Одессѣ весной 1880 года и въ С.-Петербургѣ лѣтомъ того же года и относящіяся къ концу 1880 года и началу 1881 года покушеніе на кражу изъ Кіиневскаго Губернскаго Казначейства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, то же разслѣдованіе обнаружило дѣятельное и, для цѣлей преступнаго революціоннаго общества, весьма существенное содѣй-

стве его предприятиямъ, оказанное лицами, хотя въ нихъ прямо не участвовавшими, но достаточно изобличенными въ принадлежности къ упомянутому сообществу. Такими лицами были обвиняемые Николай Кляточниковъ и Фердинандъ Люстигъ во время пребывания своего въ С.-Петербургѣ въ 1879 и 1880 годахъ.

Обнаруженіе и задержаніе привлеченныхъ къ настоящему дѣлу обвиняемыхъ послѣдовало при изложенныхъ ниже обстоятельствахъ:

28-го ноября 1880 г., въ С.-Петербургѣ, былъ задержанъ дворянинъ Александръ Дмитріевъ Михайловъ по выходѣ изъ фотографіи Александровскаго на Невскомъ проспектѣ, гдѣ онъ, также какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ фотографіяхъ, заказывалъ въ значительномъ количествѣ экземпляровъ фотографическіе снимки 16-ти государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ С.-Петербургскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ. По обыску у Михайлова, проживавшаго по подложному виду на имя отставного поручика Поливанова, было найдено около 2 пудовъ динамита, а также разныя революціонныя изданія тайнаго сообщества, называющаго себя «партіей народной воли».

Въ концѣ января 1881 года полицейскіе розыски обнаружили, что участниками этого сообщества были наняты въ С.-Петербургѣ двѣ такъ называемыя «конспиративныя» квартиры, изъ которыхъ въ одной, на Большой Подъяческой улицѣ, домъ № 37, кв. 27, происходило приготовленіе динамита для задуманнаго членами сообщества злодѣянія, а въ другой, на Подольской улицѣ, домъ № 11, кв. № 21, помѣщалась тайная типографія революціоннаго изданія «Народная Воля». При открытіи и осмотрѣ означенныхъ квартиръ оказалось, что онѣ уже оставлены своими жильцами.

24-го января 1881 года тѣми же розысками обнаружено, что по Базанской улицѣ, въ домъ № 38, кв. № 18, проживаетъ неизвѣстное лицо, подъ тою же фамиліею Агаческулова, подъ которою былъ записанъ жилецъ вышеупомянутой «конспиративной» квартиры № 21, въ домъ № 11, по Подольской улицѣ. По задержаніи этого неизвѣстнаго, съ производствомъ у него обыска, по которому найдены разныя противоправительственныя изданія, онъ оказался купеческимъ сыномъ Григоріемъ Михайловымъ Фриденсономъ.

Посредствомъ учрежденнаго за его квартирою особаго секретнаго наблюденія, 25-го января былъ арестованъ пришедшій къ Фриденсону неизвѣстный человѣкъ, назвавшій себя при задержаніи Алафузовымъ, а въ дѣйствительности оказавшійся дворяниномъ Александромъ Ивановымъ Баранниковымъ, который разыскивался по обвиненію въ участіи въ убійствѣ генералъ-адъютанта Мезенцова и другихъ преступленіяхъ.

Посредствомъ такого же секретнаго наблюденія за квартирою Баранникова, а затѣмъ и за всѣми другими квартирами, въ которыхъ производились послѣдовательные обыски и аресты, были задержаны: 26 января, въ квартирѣ Баранникова, дворянинъ Николай Николаевъ Колодкевичъ, а въ квартирѣ этого послѣдняго, 28 января—чиновникъ Департамента Государственной Полиціи Николай Ва-

сильевъ Кляточниковъ и 29 января мѣщанинъ Левъ Соломоновъ Златопольскій.

При производствѣ дальнѣйшихъ розысковъ были получены свѣдѣнія о томъ, что однимъ изъ наиболѣе выдающихся руководителей преступной дѣятельности общества является нынѣ казенный государственный преступникъ Андрей Желябовъ, въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ которымъ находится лицо, пользующееся большимъ вліяніемъ среди революціонеровъ, которое носитъ прозвища «Милорда» и «Намѣстника» и проживаетъ «легально», подъ своею настоящею фамиліею.

Означенные розыски, направленные къ задержанію Желябова и «Милорда», имѣли первоначальнымъ результатомъ арестъ 28-го января лица, котораго Желябовъ и его сообщники снабдили приобретенными на средства сообщества лошадью и санями и которое должно было въ качествѣ легковаго извозчика содѣйствовать исполненію ихъ преступнаго замысла; лицомъ этимъ оказался проживавшій въ С.-Петербургѣ подъ фамиліею Веселовскаго (онъ же Березовъ) мѣщанинъ Макарь Васильевъ Тетерка.

27-го февраля розыски «Милорда» и Желябова увѣнчались успѣхомъ. Первый, оказавшійся дворяниномъ Михаиломъ Николаевымъ Тригономъ, былъ арестованъ въ своей квартирѣ по Невскому проспекту, домъ № 66, кв. № 12, а въ тотъ же день задержанъ явившійся въ квартиру Тригона Андрей Желябовъ.

Того же 27-го февраля въ квартирѣ Тетерки былъ задержанъ, пришедшій къ нему его соучастникъ, солдатскій сынъ Василій Аполлоновъ Меркуловъ, проживавшій въ С.-Петербургѣ подъ фамиліею Яковенко.

Что же касается до задержанія остальныхъ обвиняемыхъ, то такое послѣдовало уже послѣ 1-го марта, преимущественно по указаніямъ, сдѣланнымъ казеннымъ государственнымъ преступникомъ Рысаковымъ въ его подробныхъ и согласныхъ съ обстоятельствами дѣла объясненіяхъ.

Такъ, показаніе Рысакова о томъ, что для успѣшнаго совершенія цареубійства въ С.-Петербургѣ былъ сформированъ небольшой кружокъ лицъ, которыхъ, подъ ближайшимъ руководствомъ казенной нынѣ государственной преступницы Софьи Перовской, постоянно наблюдали за выѣздами въ Бозѣ почившаго Государя Императора изъ Зимняго Дворца, имѣло послѣдствіемъ розыски и задержаніе означенныхъ лицъ, которыми оказались сынъ діакона Петръ Васильевъ Тычининъ, дворянка Елизавета Николаева Оловенникова и дворянинъ Аркадій Владиміровъ Тирковъ.

Затѣмъ основаніемъ для розысковъ послужили объясненія Рысакова о томъ, что между организаторами злодѣянія 1-го марта онъ встрѣчалъ человѣка, извѣстнаго ему подъ именемъ «Григорія», въ которомъ всегда предполагалъ техника и помощника казеннаго нынѣ государственнаго преступника Кибальчича по изготовленію метательныхъ снарядовъ. По словамъ Рысакова, онъ по порученію этого «Григорія», въ декабрѣ 1880 г., перевозилъ типографскій ста-

ночь съ вокзала Николаевской желѣзной дороги въ указанную ему квартиру по Большой Садовой ул., въ д. № 69.— По розысканіи и задержаніи «Григорія» и хозяина упомянутой квартиры, оказалось, что первый изъ нихъ—проживавшій подъ фамиліей Кохановскаго сынъ почтальона Григорій Прокофьевъ Исаевъ, а второй—отставной прапорщикъ Фердинандъ Осиповъ Люстигъ.

На ряду съ вышеуказанными результатами розысковъ было установлено, что неизвѣстный человекъ, задержанный подъ фамиліей Лакіера въ январѣ 1881 г. въ Сувалской губерніи — по переходѣ границы, есть принадлежащій къ террористической фракціи мѣшанинъ Николай Александровъ Морозовъ.

Далѣе, въ періодъ времени съ марта по іюнь 1881 года тѣ же розыски привели къ послѣдовательному задержанію участниковъ вышеозначенной фракціи: въ С.-Петербургѣ—сына псаломщика Ивана Пантелеймонова Емельянова, флота лейтенанта Николая Евгеньева Суханова и дворянки Людмилы Дементьевой Терентьевой, и въ Кіевѣ—дочери священника Анны Васильевой Якимовой и Прусскаго подданнаго Мартына Рудольфова Ланганса.

Наконецъ, 3 сентября 1881 г., рядъ обвиняемыхъ по настоящему дѣлу закончился арестомъ, на вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги, намѣревавшейся уѣхать въ Москву съ отходившимъ поѣздомъ дочери коллежскаго совѣтника Татьяны Ивановой Лебедевой, которая разскапывалась по обвиненію въ принадлежности къ террористической фракціи.

Исслѣдованіе обвиненій, предъявляемыхъ къ обнаруженнымъ, такимъ образомъ, обвиняемымъ, установило, что обвиненія эти, сверхъ факта принадлежности обвиняемыхъ къ террористическому сообществу, имѣютъ предметомъ еще отдѣльные, совершенныя для достиженія цѣлей означеннаго сообщества преступленія, событія которыхъ, въ ихъ хронологической послѣдовательности, относятся, какъ изложено ниже, къ періоду времени съ 4 августа 1878 года по 1-е марта 1881 года.

II.

Убийство Шефа Жандармовъ, Генераль-Адъютанта Мезенцова, 4 августа 1878 года.

4-го августа 1878 года, въ 9 часовъ 10 минутъ утра, бывший Шефъ Жандармовъ, генераль-адъютантъ Мезенцовъ, возвращаясь съ утренней прогулки, въ сопровожденіи подполковника Макарова, на Михайловской площади, близъ дома Кочкурова, былъ встрѣченъ неизвѣстнымъ, который нанесъ ему кинжаломъ рану въ полость живота. Истекая кровью, генераль Мезенцовъ былъ привезенъ домой и въ 5 часовъ 10 минутъ пополудни скончался. Нанесенная ему рана оказалась безусловно смертельною, проникавшею чрезъ печень и заднюю стѣнку желудка.

При преслѣдованіи подполковникомъ Макаровымъ убійцы, быстро

скрывшагося за угломъ площади и убѣгавшаго по Большой Итальянской улицѣ, другой неизвѣстный выстрѣлилъ въ подполковника Макарова изъ револьвера и хотя промахнулся, но вслѣдствіе происшедшаго отъ выстрѣла замѣшательства, оба злоумышленника успѣли вскочить въ дожидавшуюся ихъ у кондитерской Кочкурова пролетку на лежащихъ рессорахъ, запряженную вороною лошадыю, и скрылись по направленію къ Большой Садовой улицѣ, причемъ свидѣтель Платонъ Матвѣевъ, догоняя уѣзжавшихъ, прослѣдилъ ихъ до памятника Императрицы Екатерины II, а отставной унтеръ-офицеръ Сергѣй Самойловъ видѣлъ, какъ неизвѣстные повернули за Александровскій театр.

Скрывшіеся такимъ образомъ отъ преслѣдованія упомянутыхъ свидѣтелей, убійцы генерала Мезенцова не остались, однако, необнаруженными.

Въ октябрѣ мѣсяцъ того же года, въ Новомъ переулкѣ, въ рускомъ татарсалѣ, были разысканы вороная лошадь «Варваръ», дрожки на лежащихъ рессорахъ и кучерское платье, а затѣмъ задержанъ и кучеръ этой лошади, Адрианъ Михайловъ, проживавшій подъ непринадлежащею ему фамиліей Тугаринова. При этомъ было установлено, что «Варваръ» и дрожки, значившіеся въ татарсалѣ принадлежащими дворянину Тюрикову, имѣютъ полное сходство съ лошадыю и экипажемъ, стоявшимъ 4 августа у кондитерской Кочкурова, а Михайловъ признанъ за выдававшего себя кучеромъ Тюрикова, единственнымъ лицомъ, выѣзжавшимъ послѣ 14-го іюля на означенной лошади и имѣющимъ сходство съ кучеромъ, увозившимъ неизвѣстныхъ послѣ совершеннаго ими убійства генераль-адъютанта Мезенцова.

По показанію Баварскаго подданнаго Краха, «Варваръ» былъ помѣщенъ въ татарсалъ 29 января 1878 года самимъ Тюриковымъ, при участіи кучера, признаваемаго имъ въ задержанномъ Михайловѣ, и оставался до 7 мая, а затѣмъ былъ взятъ Тюриковымъ и вновь приведенъ его кучеромъ, т.-е. тѣмъ же Михайловымъ, 14 іюля, уже съ дрожками. Такимъ образомъ время первоначальнаго помѣщенія «Варвара» въ татарсалъ относится къ періоду проживательства Тюрикова и называвшагося его кучеромъ, нынѣ осужденнаго государственнаго преступника Адриана Михайлова, въ номерахъ Штутцера и при томъ, какъ видно изъ нижеслѣдующаго, по подложнымъ документамъ. Рядомъ произведенныхъ слѣдственныхъ дѣйствій выяснено, что лицо, именовавшееся дворяниномъ Тюриковымъ, въ январѣ 1878 г. поселилось въ меблированныхъ комнатахъ Штутцера, на углу Малой Подъяческой и Екатерининскаго канала, предупредивъ хозяйку, что ждетъ товарища, съ которымъ и будетъ жить вмѣстѣ. Спустя нѣсколько времени къ Тюрикову дѣйствительно прибылъ неизвѣстный человекъ и далъ для прописки паспортъ на имя дворянина Поплавскаго. На другой день вновь прибывшій унесъ неизвѣстно куда подушубокъ, въ которомъ прѣхалъ, и сталъ ходить въ пальто, а черезъ мѣсяцъ, въ февралѣ, Тюриковъ и Поплавскій оставили квартиру, при чемъ первый объяснилъ, что получилъ мѣсто въ Новгородѣ,

куда полагаетъ пристроить и Поплавскаго. Документы Тюрикова и Поплавскаго оказались подложными, а по предъявленіи названнагося при задержаніи Тугариновымъ, Адриана Михайлова, содержательницѣ означенныхъ мебелированныхъ комнатъ Штутцеръ и ея служанкѣ Тимофеевой, онѣ признали его за проживавшаго у нихъ въ одной комнатѣ съ Тюриковымъ подъ именемъ Поплавскаго.

Впоследствии на лицо, тождественное съ Тюриковымъ, были сдѣланы указанія умершимъ обвиняемымъ Гольденбергомъ, изъ объясненій котораго видно, что въ юні 1879 года, на Липецкомъ сѣздѣ, онъ встрѣтился съ Ипполитомъ Кошурниковымъ, настоящая фамилія котораго ему не была извѣстна, и изъ разговоровъ съ нимъ пришелъ къ заключенію объ участіи его въ убійствѣ Мезенцова. Такое заключеніе, по удостовѣренію Гольденберга, вполне подтвердилось, когда съ тѣмъ же Кошурниковымъ ему пришлось встрѣтиться, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, подъ Москвою, въ домѣ именовавшаго себя мѣщаниномъ Сухоруковымъ. При проведеніи подкопа подъ полотно Московско-Курской желѣзной дороги съ цѣлью посягнуть на жизнь почившаго Государя Императора, между участниками этого подкопа, какъ-то былъ возбужденъ вопросъ, кому слѣдуетъ сомкнуть цѣпь для взрыва, причемъ Кошурниковъ предлагалъ свои услуги, говоря, что ему всего удобнѣе взять это на себя, какъ участнику въ убійствѣ генерала Мезенцова, и, слѣдовательно, какъ лицу, которому уже угрожаетъ тяжкое наказаніе. Обвиняемый Александръ Баранниковъ призналъ себя виновнымъ въ участіи, вмѣстѣ съ двумя другими лицами, въ убійствѣ генерала Мезенцова и объяснилъ, что проживая въ 1878 году въ С.-Петербургѣ по Малой Подъяческой, у мѣщанина Штутцеръ, подъ именемъ Тюрикова, онъ, согласившись на убійство генерала Мезенцова, сперва выѣзжалъ лошадей, находившуюся вмѣстѣ съ дрожками въ русскомъ татарскѣ, а затѣмъ 4 августа, прибывъ на Михайловскую площадь на означенныхъ дрожкахъ, вмѣстѣ съ своими соучастниками, онъ, въ моментъ нанесенія генералу Мезенцову раны, находился тутъ же возлѣ и, по собственному его выраженію, «прикрывалъ убійцу». Когда же послѣдняго хотѣлъ задержать еопровождавшій генерала Мезенцова подполковникъ Макаровъ, то онъ Баранниковъ, выстрѣлилъ въ него изъ револьвера, чѣмъ и открылъ возможность какъ себѣ, такъ и убійцѣ, скрыться отъ преслѣдованія.

По предъявленіи Баранникова свидѣтельницамъ Штутцеръ и Христина Ритовой онѣ положительно признали въ немъ лицо, проживавшее у Штутцеръ въ январѣ 1878 года, подъ фамилію дворянина Тюрикова.

III.

Покушеніе на цареубійство въ С.-Петербургѣ 2-го апрѣля 1879 года.

При производствѣ слѣдствія о покушеніи 2-го апрѣля 1879 года на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора непосредствен-

ный виновникъ этого преступленія, казенный нынѣ государственный преступникъ Соловьевъ, между прочимъ, объяснилъ, что о замыслѣ своемъ онъ, Соловьевъ, никому не сообщалъ и сообщниковъ не имѣлъ. Но, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи преступной дѣятельности «соціально-революціонной партіи» въ 1879 и 1880 годахъ, это объясненіе было опровергнуто задержаніемъ нѣсколькихъ лицъ, участвовавшихъ въ сношеніяхъ и совѣщаніяхъ съ Соловьевымъ по предмету преступнаго покушенія.

Обнаруженные такимъ образомъ данныя указали, какъ на соучастниковъ Соловьева, еще на пять лицъ, изъ которыхъ государственные преступники Зунделевичъ, Квятковский и Кобылянский уже осуждены, Григорій Гольденбергъ умеръ, а Александръ Михайловъ до конца 1880 года оставался разысканнымъ.

Задержанный 28 ноября 1880 года обвиняемый Александръ Михайловъ, заявляя о своей принадлежности къ тайному сообществу, поставившему себѣ ближайшею задачею насильственное ниспроверженіе Правительства путемъ посягательства на жизнь Государя Императора, призналъ, между прочимъ, и свое участіе въ преступномъ покушеніи 2 апрѣля, выразившееся въ совѣщаніяхъ объ этомъ покушеніи съ другими лицами, какъ съ теоретической точки зрѣнія, такъ и со стороны практической, т.-е. по поводу выбора лица, времени и мѣста приведенія обдуманнаго замысла въ исполненіе.

Всѣ приведенныя обстоятельства, обнаруженные дознаніемъ, находятъ себѣ полное подтвержденіе въ разоблаченіяхъ, сдѣланныхъ по этому поводу вышеупомянутымъ умершимъ обвиняемымъ Григоріемъ Гольденбергомъ. По показанію его, съ 1878 года, подъ вліяніемъ удачныхъ политическихъ убійствъ и другихъ событій, мысли о цареубійствѣ, какъ средствѣ для достиженія цѣлей «соціально-революціонной партіи», лица принадлежавшія къ этой послѣдней, стали придавать особенное значеніе. Подъ вліяніемъ означенной мысли, въ мартѣ 1879 года, отправившись съ юга въ С.-Петербургъ, для возбужденія между революціонерами вопроса о цареубійствѣ, онъ встрѣтился съ своими знакомыми Зунделевичемъ и Александромъ Михайловымъ и, послѣ неудавшагося 13 марта покушенія на жизнь генералъ-адъютанта Дрентельна, нашелъ въ нихъ полное сочувствіе. Подъ вліяніемъ созрѣвшаго желанія осуществить свой планъ въ ближайшемъ будущемъ, они обсуждали этотъ вопросъ сперва втроемъ, а затѣмъ къ нимъ присоединились еще прибывшій тогда въ С.-Петербургъ Соловьевъ, Кобылянский и Квятковский. Для такого обсужденія они вшестеромъ имѣли нѣсколько совѣщаній въ трактирахъ, одинъ разъ въ «Сѣверномъ» на Офицерской улицѣ, другой разъ гдѣ-то въ трактирѣ на Большой Садовой и еще гдѣ-то въ трактирахъ, но гдѣ именно не помнитъ. При этомъ они говорили очень много и больше другихъ онъ, Гольденбергъ, Михайловъ и Соловьевъ, но вопросъ обсуждался только теоретически, т.-е. съ точки зрѣнія выгодъ отъ преступленія для революціонныхъ цѣлей. Результатомъ всѣхъ ихъ разсужденій было полное соглашеніе на цареубійство, при чемъ совершить его дол-

женъ былъ кто-нибудь изъ числа шести совѣщавшихся. Послѣ теоретическаго рѣшенія перешли къ обсужденію практической стороны дѣла, т.-е. къ выбору лица, средства и времени совершенія преступленія. Первымъ предложилъ свои услуги самъ Гольденбергъ, но предложеніе его не было принято, такъ какъ находили, что ему, какъ еврею, не слѣдуетъ брать этого дѣла на себя, ибо тогда для общества, а главное для народа, оно не будетъ имѣть должнаго значенія, почему и полагали, что преступленіе долженъ совершить непременно природный русскій. По такимъ же соображеніямъ не было принято и даже не обсуждалось предложеніе полка Кобылянскаго, который также заявилъ о своемъ желаніи совершить злодѣяніе. Затѣмъ заявилъ о своей готовности Соловьевъ и его признали совершенно годнымъ и совѣщающимъ въ себѣ всѣ нужныя для дѣла условія. Послѣ этого было рѣшено совершить посягательство какъ можно скорѣе и 31 марта стали предупреждать всѣхъ «незаконныхъ», чтобы они спѣшили выѣхать изъ столицы, въ виду могущихъ послѣдовать арестовъ. 31 марта онъ, Гольденбергъ, какъ нелегальный, и выѣхалъ изъ С.-Петербурга въ Харьковъ.

Осужденные Кобылянский и Квятковский также признали существованіе схода, описанныхъ Гольденбергомъ, а Зунделевичъ въ общихъ чертахъ далъ показаніе, вполне согласное съ вышеизложеннымъ.

IV.

Кража изъ Херсонскаго Губернскаго Казначейства.

3-го іюня 1879 года изъ херсонскаго губернскаго казначейства, чрезъ взломъ запоровъ у сундуковъ, стоявшихъ въ денежной кладовой, была совершена кража 1.579.688 руб. 75 коп., принадлежащихъ Государственному Банку, а также пачки бланковъ паспортовъ и патентовъ. По осмотру мѣстности оказалось, что для означенной кражи былъ произведенъ подкопъ изъ сѣдняго съ казначействомъ дома Камсина, начинавшійся отверстіемъ въ полу одной изъ комнатъ этого дома, а затѣмъ проходившій подъ землею подъ фундаментъ казначейства и кончавшійся пробойною, въ аршинъ діаметромъ, въ полу денежной кладовой. Въ двухъ комнатахъ дома Камсина и на чердакѣ оказалось около 25 возовъ свѣжей глины, вынута изъ упомянутой подземной галереи, имѣвшей въ длину 9 сажень, а въ ширину и въ высоту по 1-му аршину. Въ галлерей были найдены 1.000 р. кредитными билетами, разсыпанная мѣдная монета, желѣзный ломъ, буравъ, двѣ кирки, желѣзная лопата, жестяной ящикъ съ двумя веревками, ножъ и кусокъ свѣчи. Въ самой кладовой казначейства, какъ орудія взлома замковъ, остались ломъ и сломанный напильникъ.

Произведеннымъ по поводу этой кражи слѣдствіемъ обнаружено, что квартиру въ домѣ Камсина, изъ которой произведенъ подкопъ,

наняла передъ кражею неизвѣстная женщина, называвшаяся женою доктора Никитиною, и прислала въ эту квартиру, какъ бы для ея отдышки, неизвѣстнаго человѣка подъ видомъ штукатура. Дней за 10 до кражи Никитина сама переѣхала въ квартиру, а затѣмъ туда же прибыла женщина подъ именемъ Марьи, исполнявшая обязанности кухарки. 29 мая, черезъ два дня послѣ этого, въ квартиру пріѣхала еще молодая дѣвушка подъ именемъ «Соньки» и приняла на себя роль горничной.

При дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія и обнаруженіи нѣкоторыхъ изъ обвиняемыхъ, съ одной стороны, установлено, что означенная кража совершена лицами, принадлежащими къ тайному обществу, стремящемуся къ ниспроверженію существующаго въ Россіи государственнаго и общественнаго строя, съ цѣлью доставленія означенному сообществу средствъ для достиженія его преступныхъ стремленій, а съ другой стороны — опредѣлены лица, проживавшія въ домѣ Камсина передъ кражею и скрывшіяся ко времени ея обнаруженія.

Называвшая себя женою доктора Никитиною и отказавшаяся объявить о своемъ званіи и имени, оказалась дворянкою Еленою Россиковою; неизвѣстный, занимавшійся у нея штукатурными работами, — лишеннымъ за кражи всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ Яковомъ Погорьловымъ, а проживавшая у Россиковой подъ видомъ кухарки Марьи — одесскою мѣщанкою Татьяною Морозовою.

Поименованныя лица, въ числѣ другихъ, осуждены Одесскимъ военномъ-окружнымъ судомъ 10 января 1880 года.

Что же касается до обвиняемой, проживавшей у Россиковой въ качествѣ горничной подъ именемъ «Соньки», то хотя она первоначально и не была обнаружена, но участіе ея въ этой кражѣ было выяснено съ достаточною опредѣленностью.

По показанію Погорьлова, дѣвушка подъ именемъ «Соньки» оказывала ему весьма дѣятельное пособіе въ подземной работѣ, вытаскивая изъ подкопа жестянымъ ящикомъ глину, а когда проломъ въ самой кладовой былъ сдѣланъ и кража совершена, то «Сонька», получивъ изъ украденныхъ денегъ 10.000 руб., уѣхала изъ квартиры первая, еще въ то время, когда мѣшки съ деньгами не были увезены.

Подтверждая въ этихъ частяхъ объясненіе Погорьлова, Татьяна Морозова дополнила, что дѣвушка, выносившая изъ подкопа землю въ другую комнату и на чердакъ, была лѣтъ 16, блондинка, низенькаго роста и называлась «Нилкой».

2-го мая 1881 года, задержанная въ С.-Петербургѣ подъ фамиліей Трифоновой, дочь титулярнаго совѣтника Людмила Терентьева, объясняя, что она занимается «революционными дѣлами», а средства къ жизни получаетъ изъ фонда партіи, признала свое участіе въ кражѣ изъ Херсонскаго казначейства, совершенной 3 іюня 1879 г., и показала, что работала въ самомъ подкопѣ, а затѣмъ увезла изъ Херсона изъ числа украденныхъ изъ казначейства денегъ 10.000

рублей, каковыя и были употреблены «на борьбу за народное освобождение».

Впоследствии Терентьева добавила, что въ квартирѣ Россиковой ее называли иногда «Соней», а иногда «Лилей».

По предъявленіи Терентьевой вышеупомянутымъ Погорѣлову и Морозовой, они признали въ ней ту самую женщину, о которой показали, какъ о горничной Россиковой, извѣстной имъ подъ именами «Соньки» и «Нилки».

У.

Приготовление къ царевубійству близъ гор. Одессы осенью 1879 года.

Изъ показанія Григорія Гольденберга, между прочимъ, видно, что въ двадцатыхъ числахъ сентября 1879 года, когда онъ, Гольденбергъ, и Николай Колодkevичъ находились въ Харьковѣ и принимали участіе въ происходившихъ тамъ сходкахъ революціонеровъ и сочувствующихъ имъ лицъ, при чемъ на этихъ сходкахъ обсуждался, при участіи Желябова, планъ царевубійства, въ Харьковѣ прѣхалъ Кошурниковъ (Бараниковъ), вмѣстѣ съ нимъ казеннымъ государственнымъ преступникомъ Прѣсняковымъ, и привезли съ собою около трехъ пудовъ динамита. Тогда же было рѣшено предпринять приготовленія къ царевубійству, между прочимъ въ Одессѣ, на линіи Одесской желѣзной дороги, при обратномъ слѣдованіи въ Бозѣ почившаго Государя Императора изъ Крыма въ С.-Петербургъ. Для этой цѣли Колодkevичъ отправился изъ Харькова въ Одессу, гдѣ уже находился Михаилъ Фроленко, который и долженъ былъ принять на себя приведеніе означеннаго замысла въ исполненіе. Съ тою же цѣлію Гольденбергъ отделился изъ динамита, привезеннаго Кошурниковымъ и Прѣсняковымъ, около полутора пудовъ и послалъ его въ Одессу съ Татьяною Лебедевою, которая должна была остаться тамъ и помогать Фроленко. Затѣмъ онъ, Гольденбергъ, принялъ участіе въ приготовленіяхъ къ взрыву Императорскаго поѣзда, производимыхъ близъ Москвы на линіи Московско-Курской желѣзной дороги изъ дома Сухорукова (Гартмана). Въ ноябрѣ, собравшіеся здѣсь участники упомянутыхъ приготовленій, получивъ свѣдѣнія о томъ, что Государь Императоръ изволитъ на пути изъ Крыма прослѣдовать черезъ Москву, и въ то же время предположивъ, что вслѣдствіе дурной погоды поѣздка Его Императорскаго Величества въ Одессу моремъ не состоится, пришли къ рѣшенію о томъ, что начатыя въ Одессѣ приготовленія должны быть оставлены, а находящійся тамъ динамитъ перевезенъ въ Москву. За этимъ динамитомъ Гольденбергъ 9 ноября отправился въ Одессу и дорогой, въ Елисаветградѣ, встрѣтилъ нынѣ казеннаго государственнаго преступника Николая Кибальчича, который, сказавъ ему, что онъ везетъ изъ Одессы проволоку въ Александровскъ къ Желябову, добавилъ, что въ Одессѣ уже быть можетъ успѣли заложить

динамитъ подъ рельсы желѣзной дороги. Вслѣдствіе этого Гольденбергъ, по соглашенію съ Кибальчичемъ, послалъ въ Одессу Колодkevичу телеграмму съ подписью „Максимовъ“, предупреждающую о прибытіи его, Гольденберга. Подѣзжая къ Одессѣ, онъ видѣлъ Татьяну Лебедеву, стоявшую на линіи желѣзной дороги около одной изъ сторожевыхъ будокъ, изъ чего заключить, что сторожемъ въ этой будкѣ состоитъ Фроленко. Въ Одессѣ Гольденбергъ видѣлся съ этимъ послѣднимъ и съ Колодkevичемъ и, несмотря на видимое нежеланіе Фроленко оставлять начатыя въ Одессѣ приготовленія, требовалъ отъ нихъ динамитъ для доставленія въ Москву. Кромѣ названныхъ лицъ, Гольденбергъ видѣлъ еще въ Одессѣ Златопольскаго и какого-то молодого человѣка по имени Василія, который вмѣстѣ съ Колодkevичемъ, долженъ былъ перевезти динамитъ изъ будки Фроленко къ Гольденбергу. Этотъ послѣдній, получивъ динамитъ и взявъ его съ собою, 13 ноября выѣхалъ изъ Одессы, а 14-го ноября въ Елисаветградѣ былъ арестованъ.

Въ подтвержденіе приведеннаго показанія Гольденберга: 1) разслѣдованіемъ, произведеннымъ въ гор. Одессѣ, удостовѣрено, что съ 18 октября и до 8 декабря 1879 г. Фроленко, подъ именемъ курскаго мѣшанина Семена Александрова, дѣйствительно, служилъ сторожемъ на 14 верстѣ Одесской желѣзной дороги, причемъ проживалъ въ сторожевой будкѣ на 12 верстѣ вмѣстѣ съ Татьяною Лебедевою, которую выдавалъ за свою жену. Въ декабрѣ 1879 года Фроленко оставилъ желѣзнодорожную службу и, не дождавшись расчета, выѣхалъ изъ Одессы (показанія свидѣтелей: инженера Щегельскаго, дорожнаго мастера Корабельникова, жены сторожа Ивановой, Ковриги и проч.); 2) таковымъ же разслѣдованіемъ обнаружено, что съ октября и до половины декабря 1879 г. Колодkevичъ проживалъ въ г. Одессѣ подъ фамилією Сидоренко, на которую и была адресована телеграмма, посланная ему изъ Елисаветграда Гольденбергомъ и Кибальчичемъ.

Обвиняемые Николай Колодkevичъ, Михаилъ Фроленко, Василій Меркуловъ и Татьяна Лебедева признали всѣ вышеприведенныя обстоятельства и участіе свое въ предпринятыхъ на линіи Одесской желѣзной дороги приготовленіяхъ къ взрыву Императорскаго поѣзда, каковой взрывъ предполагалось произвести посредствомъ проведенія гальваническаго тока къ динамитному заряду, заложенному подъ полотно желѣзной дороги. При этомъ Меркуловъ показалъ, что по порученію Колодkevича онъ перевозилъ мебель изъ Одессы въ сторожевую будку на 12 верстѣ, гдѣ поселился Фроленко вмѣстѣ съ Лебедевою, которая, въ свою очередь, объяснила, что по распредѣленію участія въ предположенномъ преступленіи она должна была для производства взрыва Императорскаго поѣзда сомкнуть токъ гальванической батареи.

Покушение на цареубийство близъ гор. Александровска, Екатеринославской губ., 18 ноября 1879 года.

По показанію Григорія Гольденберга, на вышеупомянутыхъ революціонныхъ сходкахъ, происходившихъ въ гор. Харьковѣ въ сентябрѣ 1879 года, было, между прочимъ, рѣшено произвести взрывъ Императорскаго поѣзда на линіи Лозово-Севастопольской желѣзной дороги, близъ гор. Александровска, Екатеринославской губерніи. Для совершенія этого преступленія были избраны государственные преступники, нынѣ казенные Желябовъ и Прѣсняковъ, осужденные Яковъ Тихоновъ и Иванъ Окладскій и обвиняемая Анна Якимова (она же Баска). Въ октябрѣ Желябовъ, подъ фамиліею ярославскаго купца Черемисова, вмѣстѣ съ Якимовою, которую онъ выдавалъ за свою жену, поселился въ гор. Александровскѣ, въ домѣ мѣщанъ Бовенко, причѣмъ появленіе свое въ этомъ городѣ объяснилъ намѣреніемъ устроить кожевенный заводъ на отведенномъ ему мѣстною думою участкѣ городской земли, а затѣмъ занялся приготовленіями къ производству взрыва.

Изъ объясненій Прѣснякова, Тихонова и Окладскаго, подтвержденныхъ показаніями свидѣтелей Тимофея и Маріи Бовенко, а также результатами мѣстнаго осмотра и технической экспертизы, произведенной надъ найденными, по указанію Тихонова, вещественными доказательствами, оказывается, что во время проживанія Желябова и Якимовой въ домѣ Бовенко у нихъ жили или появлялись лишь на короткое время и другіе ихъ сообщники, принимавшіе участіе въ упомянутыхъ приготовленіяхъ. Во исполненіе общаго ихъ преступнаго дѣла, подъ полотномъ желѣзной дороги, на 4-й верстѣ, произведена была закладка мины изъ двухъ цилиндровъ съ магnezіальнымъ динамитомъ, а по полученіи 16 ноября отъ Прѣснякова, прѣбывающаго изъ Симферополя, свѣдѣній о предстоящемъ 18 ноября прѣздѣ Государя Императора, Желябовъ, Тихоновъ, Окладскій и Прѣсняковъ въ означенный день отправились въ телегѣ, въ которой помѣщалась гальваническая батарея, къ мѣсту, гдѣ была заложена мина; здѣсь Окладскій, вынувъ изъ земли спрятанные концы проводниковъ, идущихъ отъ заряда, передалъ ихъ Желябову, который, какъ только Императорскій поѣздъ сталъ проходить надъ миною, по сигналу Окладскаго «жаръ» сомкнуть цѣпь. По неизвѣстной причинѣ взрыва однако же не произошло и Императорскій поѣздъ благополучно прослѣдовалъ мимо злоумышленниковъ, которые вскорѣ послѣ этого разѣхались изъ Александровска.

По предъявленіи свидѣтелямъ Тимофею и Маріи Бовенко обвиняемыхъ Якимовой и Макара Тетерки, они признали: въ первой — женщину, проживавшую у нихъ въ домѣ, подъ именемъ жены Желябова-Черемисова, а въ послѣднемъ — человѣка, который въ то же самое время проживалъ у Черемисовыхъ подъ именемъ «Дмитрича».

Обвиняемый Макаръ Тетерка показалъ, что въ 1879 г., въ гор. Киевѣ, онъ познакомился съ Желябовымъ, который послѣ того, какъ лицо, доставлявшее ему, Тетеркѣ, столярную работу, было арестовано по обвиненію въ государственномъ преступленіи, сказалъ обвиняемому, что и его могутъ арестовать, и, снабдивъ его паспортомъ, убѣдилъ не проживать подъ своею настоящею фамиліею. Осенью 1879 года Тетерка, по приглашенію Желябова, отправился въ гор. Александровскъ, гдѣ и прожилъ у Желябова около мѣсяца, исполняя по его приказанію разныя столярныя и хозяйственныя работы.

Обвиняемая Анна Якимова созналась въ вышеуказанномъ участіи своемъ при покушеніи на цареубийство 18 ноября 1879 года.

Обвиняемый Григорій Исаевъ показалъ, что въ октябрѣ и ноябрѣ 1879 года онъ работалъ въ подконѣ изъ дома Сухорукова въ Москвѣ, откуда ѣздилъ на одинъ день съ проволокою для мины къ Желябову въ гор. Александровскъ, гдѣ при немъ были заложены подъ полотномъ желѣзной дороги проволоки и одинъ изъ цилиндровъ съ динамитомъ, при чемъ онъ, Исаевъ, принималъ участіе въ работахъ.

Приведенное показаніе Исаева подтвердилъ и Гольденбергъ, объяснивъ, что Исаевъ, работавшій подъ именемъ «Гришки» въ подконѣ подъ Московско-Курскую желѣзную дорогу, былъ посланъ изъ Москвы въ Александровскъ съ проволокою, въ видѣ отдыха, такъ какъ онъ болѣе другихъ участниковъ московскаго поджога былъ утомленъ работой.

Покушение на цареубийство близъ гор. Москвы 9 ноября 1879 года.

19 ноября 1879 года, въ 11-мъ часу вечера на 3-й верстѣ отъ Московской станціи Московско-Курской желѣзной дороги, во время слѣдованія въ Москву поѣзда съ Императорскою свитою былъ произведенъ взрывъ полотна желѣзной дороги, вслѣдствіе чего произошло крушеніе означеннаго поѣзда, въ которомъ злоумышленники, очевидно, предполагали присутствіе въ Бозѣ почившаго Государя Императора. При взрывѣ никто изъ лицъ, слѣдовавшихъ въ поѣздѣ или постороннихъ, не пострадалъ.

По осмотру мѣста взрыва оказалось, что онъ былъ произведенъ посредствомъ мины, заложеной подъ полотномъ желѣзной дороги и проведенной изъ нижняго этажа дома, расположеннаго близъ желѣзнодорожнаго пути и купленнаго незадолго передъ тѣмъ личною, именовавшеюся Саратовскимъ мѣщаниномъ Сухоруковымъ. Изъ этого дома была выведена подземная галлерея, обшитая внутри досками и оканчивавшаяся миной, заложеной на глубинѣ около 2 саж. подъ рельсами. Самый же взрывъ былъ произведенъ при посредствѣ спирали Румкорфа, помѣщенной въ сундукѣ, стоявшемъ въ верх-

немъ этажъ, и гальванической батареи, находившейся въ сараѣ, въ стѣнѣ котораго близъ батареи имѣлось отверстіе, повидимому, для наблюденія за желѣзнодорожнымъ путемъ. По заключенію экспертовъ на устройство означеннаго подкопа потребовалось не менѣе 20-ти дней и совмѣстная работа нѣсколькихъ лицъ; что же касается до взрыва, то онъ былъ произведенъ однимъ изъ взрывчатыхъ составовъ, содержащихъ въ себѣ нитроглицеринъ.

Показаніями допрошенныхъ при дознаніи свидѣтелей Анны Трофимовой, Василія Кононова, Екатерины Григорьевой, Прины Сѣдовой и другихъ удостовѣряется, что Сухоруковъ появился въ Москвѣ въ началѣ сентября 1879 г. съ женщиною, называвшеюся его женою; пріобрѣти покупоку у мѣщанина Кононова вышеупомянутый домъ, онъ 19 сентября перѣхалъ въ него и, удаливъ оттуда жильцовъ подъ предлогомъ необходимыхъ передѣлокъ, приступилъ къ вырытію въ нижнемъ этажѣ дома погребной ямы. Затѣмъ окна нижняго этажа были заколочены, двери заперты, а въ домъ доставлены доски и желѣзныя трубы, найденныя впослѣдствіи въ минной галлерей. Послѣ взрыва 19 ноября всѣ обитатели купленнаго Сухоруковымъ дома скрылись.

Исслѣдованіемъ описаннаго покушенія на цареубійство выяснено, что, изъ числа виновниковъ этого преступленія, фамилію Сухорукова назывался Левъ Николаевъ Гартманъ, скрывшійся за границу, а съ нимъ, подъ именемъ его жены, проживала нынѣ казенная государственная преступница Софья Перовская.

Умершій обвиняемый Гольденбергъ, излагая въ подробности всѣ обстоятельства своего участія въ устройствѣ подкопа подъ Московско-Курскую желѣзную дорогу, показалъ, что осенью 1879 г., въ бытность его въ Харьковѣ, туда 16 октября пріѣхалъ Степанъ Ширяевъ и сообщилъ, что въ Москвѣ уже купленъ домъ и изъ него ведется подкопъ, надъ которымъ работаютъ Гартманъ, подъ фамилію Сухорукова (по прозванію «Алхимикъ»), Перовская, подъ именемъ жены Сухорукова Марины Семеновой, Александръ Михайловъ, Арончикъ и студентъ медико-хирургической академіи «Гришка», оказавшійся впослѣдствіи Псаевымъ. При этомъ Ширяевъ заявилъ, что московскіе работники уже утомились, почему имъ и нужны свѣжія силы. По соглашенію съ Желябовымъ и Ширяевымъ, Гольденбергъ, взявъ съ собою оставшіеся у него 1½ пуда динамита, 18 октября выѣхалъ въ Москву, гдѣ засталъ Александра Михайлова, жившаго подъ чужимъ именемъ на Б. Лубянкѣ въ меблированныхъ комнатахъ Кузовлева, Арончика, занимавшаго вмѣстѣ съ Галиной Чернявской, подъ именемъ супруговъ Силантьевыхъ, конспиративную квартиру въ д. Карпинной, на Собачьей площадкѣ, а Гартмана, Перовскую и Гришку—проживавшими въ д. Сухорукова. Здѣсь же, разыскавъ этотъ домъ по указанію Михайлова, поселился и онъ, Гольденбергъ, и до самаго своего отъѣзда въ Одессу 9 ноября работалъ въ подкопъ, который при пріѣздѣ нашелъ уже доведеннымъ до половины. Черезъ недѣлю послѣ прибытія Гольденберга, къ участникамъ подкопа присоединился Баранниковъ, подъ именемъ Кошур-

никова, и Ширяевъ. До пріѣзда Гольденберга, въ числѣ работающихъ въ теченіе 3 дней былъ и Морозовъ, который уѣхалъ, потому что, по болѣзни, работать не могъ, и при отъѣздѣ захватилъ съ собою «на память» камень, вынутый изъ подкопа. Усерднѣе и успѣшнѣе всѣхъ работалъ Псаевъ, а хуже всѣхъ Арончикъ, котораго за лѣность даже устроили отъ работъ. При распредѣленіи участія въ самомъ производствѣ взрыва возникъ вопросъ о томъ, кому именно сомкнуть гальваническую цѣпь для взрыва. По мнѣнію Гольденберга, эту обязанность слѣдовало поручить ему или Кошурникову, такъ какъ за ними и безъ того уже были прежде совершенныя имъ тяжкія преступленія: за Гольденбергомъ—убійство харьковскаго губернатора, свиты Его Императорскаго Величества генераль-маіора князя Крапоткина, а за Кошурниковымъ (Баранниковымъ)—убійство шефа жандармовъ, генераль-адъютанта Мезенцова. Но такъ какъ они—ни тотъ, ни другой не умѣли обращаться съ гальваническимъ аппаратомъ, то и рѣшено было, что цѣпь сомкнетъ Ширяевъ, а Перовская будетъ наблюдать за приближеніемъ поѣзда и подастъ Ширяеву сигналъ. Наканунѣ взрыва всѣ должны были разъѣхаться, кромѣ Ширяева и Перовской, изъ которыхъ послѣдняя имѣла скрыться въ конспиративной квартирѣ Арончика и Чернявской.

По осмотру домовою книги дома Бѣлаева, въ Москвѣ, на Б. Лубянкѣ, гдѣ находились вышеупомянутые номера Кузовлева, и по предъявленіи Александра Михайлова свидѣтелямъ Петру Николаеву и Василию Егорову оказалось, что Михайловъ въ октябрѣ и ноябрѣ 1879 г. проживалъ въ означенныхъ номерахъ подъ именемъ крестьянина Плошкина.

Обвиняемые Александръ Михайловъ и Александръ Баранниковъ признали вышеуказанное участіе свое въ устройствѣ подкопа изъ дома Сухорукова подъ Московско-Курскую желѣзную дорогу. При этомъ Михайловъ показалъ, что, получивъ порученіе «исполнительнаго комитета» осмотрѣть и выбрать мѣсто на линіи Николаевской и Московско-Курской желѣзныхъ дорогъ, наиболѣе удобное для производства взрыва Императорскаго поѣзда, онъ осмотрѣлъ указанныя ему мѣстности и собранныя имъ свѣдѣнія передалъ «комитету», который и остановился вслѣдствіе этого на домѣ, впослѣдствіи купленномъ на имя Сухорукова. Что же касается до самого проведенія подкопа, то Михайловъ, съ большою подробностью и согласно съ объясненіями Гольденберга, описалъ весь ходъ работъ и всѣ вообще относящіеся сюда обстоятельства преступленія. Баранниковъ же, независимо отъ упомянутого своего сознанія, показалъ, что онъ пріѣхалъ въ Москву изъ Харькова, куда въ сентябрѣ вмѣстѣ съ Прѣсяновымъ перевозилъ динамитъ.

Обвиняемый Григорій Псаевъ, также сознавался въ участіи при устройствѣ подкопа изъ дома Сухорукова, объяснилъ, что въ работахъ по этому подкопу онъ, въ качествѣ техника, долженъ былъ замѣнять собою, въ случаѣ надобности, нынѣ осужденнаго государственнаго преступника Степана Ширяева. По словамъ Псаева, въ означенныхъ работахъ принималъ участіе и Николай Морозовъ, но

лишь въ теченіи одного дня; Арончикъ же вовсе не работалъ въ подпольѣ, а вмѣстѣ съ Чернявской содержалъ конспиративную квартиру.

Обвиняемый Николай Морозовъ, признавая себя «террористомъ», показалъ, что не считаетъ возможнымъ дать какія-либо объясненія по поводу обвиненія его въ участіи при покушеніи на цареубійство 19 ноября 1879 г., какъ и вообще по существу всѣхъ предъявленныхъ къ нему обвиненій, такъ какъ его объясненія могли бы повредить его друзьямъ и знакомымъ.

Обвиняемый Айзикъ Арончикъ, отрицая какъ принадлежность свою къ революціонной партіи, такъ и свое участіе въ покушеніи 19 ноября 1879 г., показалъ, что онъ въ это время въ Москвѣ вовсе не былъ. По объясненію Арончика, онъ, услышавъ о томъ, что его товарищъ Колтановскій высланъ изъ Одессы административнымъ порядкомъ, отправился въ іюлѣ 1879 г. его разыскивать въ Вологодскую и Архангельскую губерніи, но тамъ его не нашелъ, а въ августѣ того же года узналъ, что Колтановскій былъ осужденъ Одесскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ. Возвратившись затѣмъ въ С.-Петербургъ и проживъ здѣсь весь сентябрь подъ чужою фамиліею и паспортомъ Щербакова, онъ отправился въ началѣ октября въ Мценскъ для того, чтобы передать денежное пособие Колтановскому, содержавшемуся въ мѣстной тюрьмѣ. Дорогой онъ оставался въ Москвѣ подъ именемъ Щербакова, а въ концѣ октября жилъ въ Орлѣ подъ именемъ Сахарова. Въ концѣ ноября онъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ поселился подъ именемъ Бѣликова.

При проверкѣ приведенныхъ объясненій Арончика оказалось, что хотя въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Орлѣ, приблизительно въ указанное Арончикомъ время, и были прописаны паспорта на имя Щербакова, Сахарова и Бѣликова, но никто изъ допрошенныхъ по этому поводу свидѣтелей не призналъ въ Арончикѣ лицо, проживавшее подъ означенными паспортами и именами.

Независимо отъ этого по сопоставленіи изложенныхъ данныхъ съ показаніями Гольденберга и Исаева о томъ, что Арончикъ не принималъ дѣятельнаго участія въ проведеніи подполья и не жилъ въ домѣ Сухорукова, а былъ лишь хозяиномъ конспиративной квартиры въ Москвѣ подъ именемъ Силантьева, слѣдуетъ признать, что проживание его подъ вышеуказанными именами и при вышеуказанныхъ обстоятельствахъ, по времени, къ которому оно относится, отнюдь не исключаетъ приводимаго Гольденбергомъ и Исаевымъ содержанія Арончикомъ вмѣстѣ съ Чернявской конспиративной квартиры въ Москвѣ, какъ убѣжища для участниковъ покушенія 19 ноября 1879 года.

Въ подтвержденіе этого произведеннымъ въ Москвѣ дознаніемъ выяснено, что супруги Силантьевы проживали съ 23 октября по 10 декабря на Собачьей Площадкѣ, въ домѣ Корепиной, а по предъявленіи Арончика проживающей въ означенномъ домѣ свидѣтельницѣ Прасковѣ Никифоровой, она признала въ обвиняемомъ сходство съ Силантьевымъ.

VIII.

Покушеніе на цареубійство въ Зимнемъ Дворцѣ 5 февраля 1880 года.

5-го февраля 1880 г., въ седьмомъ часу вечера, когда въ Зимнемъ Дворцѣ, по случаю ожидавшагося прибытія въ С.-Петербургъ Его Высочества Принца Александра Гессенскаго, въ покояхъ, расположенныхъ надъ помѣщеніемъ главнаго караула, былъ приготовленъ столъ для семейнаго обѣда Членовъ Императорскаго Дома, а Его Императорское Величество, нынѣ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, изволилъ выйти на встрѣчу высокому гостю въ малый фельдмаршальскій залъ, изъ подвального этажа произошелъ взрывъ, разрушившій помѣщеніе главнаго караула и смежныя съ нимъ части зданія, а также нѣсколько повредившій полъ тѣхъ комнатъ, въ которыхъ предполагался обѣденный столъ. При означенномъ взрывѣ изъ числа нижнихъ чиновъ 1-го Финляндскаго полка, находившихся въ составѣ главнаго караула, было убито на мѣстѣ десять человекъ. Кромѣ того 33 человека тѣхъ же чиновъ и нѣкоторые лица изъ дворцовой прислуги получили болѣе или менѣе тяжкія поврежденія.

По осмотру мѣста взрыва и заключенію, высказанному экспертами на основаніи этого осмотра, оказалось, что взрывъ былъ произведенъ зарядомъ динамита, посредствомъ дѣйствія на него капсулы съ гремучекислою ртутью, воспламененнаго съ помощью огнепроводнаго шнура.

По изслѣдованіи описаннаго событія выяснилось, что обвиненіе въ производствѣ взрыва падаетъ на крестьянина Вятской губерніи, Орловскаго уѣзда, Степана Халтурина и нынѣ казеннаго государственнаго преступника Александра Квятковскаго. Изъ нихъ Халтуринъ въ сентябрѣ 1879 г., подъ именемъ и по паспорту крестьянина Олоонецкой губерніи, Каргопольскаго уѣзда, Степана Батышкова, поступилъ въ число столяровъ при Зимнемъ Дворцѣ, проживалъ въ томъ самомъ подвалѣ, изъ котораго былъ произведенъ взрывъ, и послѣ этого послѣдняго скрылся, оставшись до сего времени неразысканнымъ. Квятковскій же былъ задержанъ въ С.-Петербургѣ, 24-го ноября 1879 года, подъ именемъ Чернышева, въ домѣ № 13, по Лештукову переулку, при чемъ по обыску у него было, между прочимъ, найдено $\frac{1}{2}$ пуда магnezальнаго динамита, разныя приспособленія для устройства взрывныхъ минъ и планъ той части Зимняго Дворца, въ которой послѣдовалъ взрывъ 5-го февраля 1880 года. Приговоромъ С.-Петербургскаго Военно-Окружнаго Суда по дѣлу о 16 лицахъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ, Квятковскій былъ признанъ виновнымъ въ участіи при приготовленіяхъ къ упомянутому посягательству на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора.

Привлеченный къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемаго Григорій Исаевъ показалъ, между прочимъ, что зимою 1879—1880

годовъ и весною 1880 онъ, подъ именемъ Еремѣва, проживалъ въ С.-Петербургѣ, по Большой Подъяческой улицѣ, въ домѣ № 37, кв. № 27, вмѣстѣ съ двумя женщинами, изъ которыхъ одна называлась Анною Давыдовою, а другая Поликарповою, и занимался приготовленіемъ динамита для разныхъ террористическихъ предприятий своей «парти». При этомъ Исаевъ сознался въ томъ, что онъ же приготовлялъ динамитъ и запалы, употребленные при взрывѣ 5-го февраля 1880 года въ Зимнемъ Дворцѣ.

Свидѣтель Николай Казиміровъ, дворникъ дома № 37, по Большой Подъяческой, призналъ въ обвиняемой Аннѣ Якимовой Анну Давыдову, проживавшую въ означенномъ домѣ вмѣстѣ съ Еремѣвымъ-Исаевымъ, каковое обстоятельство не отвергается и обвиняемыми Исаевымъ и Якимовой.

Изъ показанія обвиняемой Татьяны Лебедевой видно, что она проживала съ Исаевымъ и Якимовой подъ именемъ Поликарповой въ домѣ № 37, по Большой Подъяческой улицѣ.

IX.

Приготовленія къ цареубійству, въ гор. Одессѣ весною 1880 года.

Изъ показаній обвиняемаго Василя Меркулова, между прочимъ, видно, что въ гор. Одессѣ, весною 1880 года, готовилось посягательство на жизнь нынѣ въ Божѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, посредствомъ мины, которую предполагалось подвести подъ Итальянскую улицу на пути слѣдованія Его Императорскаго Величества отъ вокзала желѣзной дороги къ парходной пристани.

Обстоятельства означеннаго преступленія представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Въ началѣ 1880 года, въ гор. Одессѣ, Меркуловъ, при посредствѣ нераззысканной до настоящаго времени Вѣры Филипповой, урожденной Фигнеръ, сошелся съ казенной государственной преступницей Софьей Перовской и съ обвиняемымъ по настоящему дѣлу Львомъ Златопольскимъ, а затѣмъ познакомился съ Григоріемъ Исаевымъ, извѣстнымъ ему въ то время подъ именемъ «Григорія», съ проживавшей съ нимъ, подъ видомъ жены, Анной Якимовой и съ лишившимъ себя жизни 3-го марта 1881 года въ конспиративной квартирѣ, по Телѣжной улицѣ, Николаемъ Саблинымъ. Весной того же года, Перовская и Саблинъ, подъ именемъ уманьскихъ мѣщанъ Петра и Марьи Прохоровскихъ, наняли въ домѣ № 47, по Итальянской улицѣ, лавку, въ которой и открыли торговлю бакалейнымъ товаромъ. Изъ этой лавки, при участіи посѣщавшихъ Саблина и Перовскую: Меркулова, Исаева, Златопольскаго, Якимовой и Филипповой, предполагалось было провести подкопъ подъ полотно Итальянской улицы, съ каковою цѣлью въ самомъ помѣщеніи, гдѣ производилась торговля, въ лѣвомъ углу, за прилавкомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ ветхія половицы, зачищенные новыми досками, могли быть

подняты безъ поврежденія пола, была выкопана яма, изъ которой участники преступленія намѣревались, съ помощью бурава, просверлить самый каналъ для мины. На этомъ однако и остановилось осуществленіе злодѣйскаго умысла, такъ какъ полученное извѣстіе о прибытіи Государя Императора въ Одессу черезъ три дня, заставило злоумышленниковъ прекратить работы, которыя не могли быть доведены до конца въ столь короткое время. Вслѣдствіе этого вырытый уже вертикальный колодезь былъ засыпанъ и затѣмъ 24-го мая Прохоровскіе оставили нанятое ими помѣщеніе, отъѣхавшіе выбывшими въ гор. Полтаву.

Между тѣмъ, по объясненію Меркулова, всѣ приспособленія для земляныхъ работъ были уже заготовлены. Такъ, Златопольскій, извѣстный въ лавкѣ Прохоровскихъ подъ именемъ «Механика», приобрѣлъ земляной буравъ и, для приданія діаметру канала достаточныхъ размѣровъ, самъ прибрѣлъ къ этому бураву рѣзцы, а для удлиненія его новыми колѣнами, по мѣрѣ хода работы, купилъ нѣсколько водопроводныхъ трубъ, разрѣзалъ ихъ на части, а затѣмъ отдалъ въ водопроводную мастерскую Виника для нарядки на концахъ ихъ винтовъ, при посредствѣ которыхъ эти отдѣльные куски могли бы скрѣпляться между собой. Далѣе Меркуловъ, указавъ домъ, въ которомъ во время работъ по подкопу проживали Исаевъ и Якимова подъ именемъ супруговъ Потаповыхъ, объяснилъ и объ обстоятельствахъ, при которыхъ эта квартира сдѣлалась ему извѣстна, а именно: во время производства Исаевымъ какихъ-то химическихъ работъ взрывомъ гремучаго вещества ему оторвало три пальца на рукѣ. Опасаясь, чтобы этотъ взрывъ не обратилъ вниманія сосѣдей и не повлекъ бы за собой полицейскаго осмотра квартиры, Якимова, удалившись въ лавку Прохоровскихъ, послала Меркулова удостовѣриться, не произвелъ ли взрывъ какого-либо волненія въ домѣ, объяснивъ ему при этомъ адресъ квартиры.

Сознаваясь въ приписываемомъ ему преступленіи, обвиняемый Григорій Исаевъ показалъ, что, проживая въ Одессѣ весною 1880 г., подъ именемъ Потапова, съ женщиной, именовавшейся его женой Варварой, онъ предполагалъ принять участіе въ готовившемся посягательствѣ на жизнь Священной Особы Государя Императора въ качествѣ техника по подкопу и взрыву. Для исполненія этого намѣренія были приготовлены: буравъ, динамитъ, цилиндры, батареи и прочія принадлежности взрыва, которыя и хранились частью въ лавкѣ Прохоровскихъ, частью же въ его, Исаева, квартирѣ.

По предъявленіи Исаеву фотографическаго снимка обвиняемаго Льва Златопольскаго онъ призналъ въ немъ изображеніе одного изъ участниковъ преступленія, извѣстнаго ему подъ именемъ «Льва», и въ дальнѣйшихъ своихъ объясненіяхъ подтвердилъ изложенныя Меркуловымъ обстоятельства потери имъ пальцевъ, добавивъ, что за медицинскою помощью онъ обращался въ Одесскую городскую больницу.

Осмотромъ книгъ на записъ жильцовъ въ домахъ № 47 по Итальянской улицѣ и № 3 по Троицкой, удостовѣрено, что въ пер-

вомъ изъ означенныхъ домовъ, съ 4-го апрѣля по 24 мая 1880 года, нанимали торговое помѣщеніе уманьскіе мѣщане Петръ и Марья Прохоровскіе, при чемъ паспортъ, по которому они жили, оказался подложнымъ, а во второмъ домѣ, съ 23-го апрѣля и по 14-е юля, проживали московскіе мѣщане Сергій и Варвара Потаповы.

Хозяинъ дома № 47 по Итальянской улицѣ Вильгельмъ Галка призналъ въ фотографическомъ снимкѣ Саблина нѣкоторое сходство съ Прохоровскимъ, открывшимъ въ его домѣ торговлю бакалейнымъ товаромъ.

По осмотру помѣщенія подъ № 7 въ вышеозначенномъ домѣ Галка № 47, по Итальянской улицѣ, которое по удостовѣренію домохозяина было занято весной 1880 года бакалейной торговлей Прохоровскихъ, оказалось, что въ лѣвомъ углу лавки старая половица, по распоряженію домохозяина, починены мѣстами новыми досками, каковая починка, по заявленію того же Галка, была произведена по его распоряженію.

Бывшій весной 1880 года дворникомъ дома № 3 по Троицкой улицѣ, отставной рядовой Костинъ призналъ въ фотографическомъ снимкѣ Анны Якимовой лицо, похожее на жену Потапова.

По предъявленіи служащимъ въ Одесской городской больницѣ: надзирателю Михайлову, фельдшерницѣ Симборской и служителю Малаховскому фотографическихъ карточекъ Исаева и Якимовой, первый изъ нихъ призналъ большое сходство Исаева съ больнымъ, лежавшимъ въ больницѣ лѣтомъ 1880 г., вторая—положительно признала въ Исаевѣ лежавшаго въ больницѣ весной 1880 года Сергѣя Потапова, у котораго были оторваны три пальца на одной изъ рукъ и къ которому ходила женщина, именовавшаяся его женой, а третій—найдя въ карточкѣ Исаева большое сходство съ человекомъ, лежавшимъ въ апрѣлѣ или маѣ 1880 г., съ тремя оторванными пальцами на рукѣ, положительно призналъ въ карточкѣ Якимовой женщину, посѣщавшую означеннаго больного и именовавшуюся его женой.

Осмотромъ книги дома № 81 по Старо-Портофранкской улицѣ удостовѣрено, что съ октября 1879 года по юль 1880 года въ означенномъ домѣ проживали Елисаветградскіе мѣщане Левъ Иогановъ и Сарра Соломонова Златопольскіе.

Мастеръ водопроводной мастерской Винника мѣщанинъ Лихтенштейнъ удостовѣрилъ, что лѣтомъ 1880 г., но въ какомъ мѣсяцѣ не помнитъ, въ мастерскую Винника были принесены неизвѣстнымъ лицомъ 12 свѣже-нарезанныхъ водопроводныхъ трубъ, которыя приказано было нарезать по концамъ винтами, такимъ образомъ, чтобы одинъ конецъ могъ ввинчиваться въ другой. Впослѣдствіи, какъ свидѣтель слышалъ отъ рабочихъ, заказчикъ, придя вторично, осматривалъ нарезъы и просилъ ихъ удлинить, и, наконецъ, взялъ трубы, оставшись доволенъ исполненіемъ работы. Лихтенштейнъ, присутствовавшій при полученіи заказчикомъ трубъ, въ предъявленной ему карточкѣ Льва Златопольскаго призналъ сходство съ выше-

упомянутымъ заказчикомъ, описавъ при этомъ примѣты его согласно съ дѣйствительными примѣтами Златопольскаго.

Спрошенный въ качествѣ обвиняемаго Левъ Златопольскій, отрицая всякое свое участіе въ какомъ-либо революціонномъ предпріятіи, а равно и знакомство съ Исаевымъ и Меркуловымъ, объяснилъ, что въ Одессѣ, весной 1880 года, онъ былъ раза два или три въ лавкѣ Перовской, съ которой познакомился въ С.-Петербургѣ въ 1878 году, во время производства въ Особомъ Присутствіи Правительствующаго Сената дѣла о преступной пропагандѣ въ Имперіи, и предполагалъ, что Перовская скрывается отъ преслѣдованія правительства, но ни о какихъ преступныхъ ея замыслахъ не зналъ и въ нихъ участія не принималъ.

Обвиняемая Анна Якимова отказалась дать какія-либо объясненія.

X.

Приготовленія къ цареубійству въ гор. С.-Петербургѣ лѣтомъ 1880 года.

Изъ дальнѣйшихъ объясненій обвиняемаго Василия Меркулова получены были нижеслѣдующія свѣдѣнія о приготовлявшемся въ г. С.-Петербургѣ, лѣтомъ 1880 года, посягательствѣ на жизнь нынѣ почившаго Государя Императора.

Катаясь, однажды, въ началѣ лѣта на лодкѣ вмѣстѣ съ Желябовымъ, Прѣсняковымъ, Грачевскимъ, Баранниковымъ (извѣстнымъ ему въ то время подъ именемъ «Порфирія»), Александромъ Михайловымъ, именовавшимся тогда «Иваномъ Петровымъ», и Тетеркой, Меркуловъ слышалъ происходившій между этими лицами разговоръ о необходимости заложить динамитъ подъ какой-то мостъ по Гороховой улицѣ, съ цѣлью посягнуть на жизнь Государя Императора, причемъ «Порфирій» (Баранниковъ) предлагалъ одновременно съ взрывомъ моста примѣнить и метательный снарядъ. Изъ содержанія разговора Меркуловъ заключилъ, что совершеніе этого преступленія было уже раньше рѣшено между соучастниками. Черезъ нѣкоторое время послѣ упомянутой прогулки, по отбытіи уже Государя Императора въ Ливадію, Меркуловъ, отправившись на свиданіе съ Желябовымъ на каналъ близъ Михайловскаго сада, встрѣтилъ тамъ Александра Михайлова и нѣкогого «Мартына», оказавшагося впослѣдствіи Лангансомъ, свѣдѣвшихъ за появленіемъ полиціи. Желябовъ прибылъ скоро на мѣсто свиданія въ лодкѣ, вмѣстѣ съ Тетеркой и Баранниковымъ, причемъ послѣдній отдалъ Меркулову на сохраненіе два желѣзныхъ пятиланыхъ якорька-кошки, а Тетерка объяснилъ ему, что они ѣздили извлекать динамитъ изъ-подъ какого-то моста по Гороховой улицѣ, но не могли его достать, такъ какъ кошки не захватывали достаточно глубоко. Упомянутыя кошки Меркуловъ оставилъ впослѣдствіи своему квартирному хозяину, въ домѣ № 16^{1/2} по Забалканскому проспекту, Никифору Дмитріеву.

Обвиняемый Макарь Тетерка, подтверждая въ общихъ чертахъ заявленіе Меркулова о готовившемся дѣломъ 1880 г. посягательствѣ на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора, посредствомъ взрыва одного изъ мостовъ, лежавшихъ на пути обычнаго слѣдованія Его Императорскаго Величества отъ вокзала Царскосельской желѣзной дороги къ Зимнему Дворцу, объяснилъ, что покушеніе это было рѣшено на сходкѣ, собравшейся въ какомъ-то трактирѣ, въ которой принимали участіе кромѣ него самого: Желябовъ, Прѣсняковъ, Меркуловъ, Баранниковъ и, кажется, еще двое неизвѣстныхъ ему лицъ. Черезъ нѣсколько дней Тетерка, по указанію Желябова, пріѣхалъ въ квартиру, помѣщавшуюся въ одной изъ улицъ, близъ Троицкаго переулка, и тамъ, спросивъ «подушку», получилъ отъ неизвѣстнаго ему человѣка корзину, въ которой лежала завернутая въ рогожу гуттаперчевая подушка, вѣсомъ около 2-хъ пудовъ, которую онъ, Тетерка, и привезъ въ Петровскій паркъ, гдѣ его уже ожидали Желябовъ и Прѣсняковъ. Усѣвшись втроемъ въ лодку, гдѣ уже находилась такая же подушка и проводки, соучастники вышли сначала на взморье и тамъ связали обѣ подушки веревками, а затѣмъ Фонтанкой и Крюковымъ каналомъ проѣхали въ Екатерининскій, гдѣ, подѣ Каменнымъ мостомъ, и погрузили подушки въ воду, прикрѣпивъ конецъ веревки и проводки проводниковъ къ находившемуся близъ моста, выше по теченію, плоту, на которомъ устроена прачешная. По состоявшемуся между участниками преступленія соглашенію, взрывъ долженъ былъ произвести Желябовъ, при содѣйствіи Тетерки, во время проѣзда Государя Императора черезъ мостъ. Въ назначенный день и часъ Тетерка, имѣя при себѣ корзину съ картофелемъ, долженъ былъ сойтись съ Желябовымъ у Чернышева моста и отправиться вмѣстѣ съ нимъ на плотъ, къ которому были прикрѣплены проводники, гдѣ, подѣ видомъ перемывки картофеля, соединить проводники съ батареей, которую взялся принести Желябовъ. Въ назначенное, однако, время Тетерка, по неизвѣстной причинѣ, не явился своевременно на мѣсто свиданія, а въ тотъ же самый день въ Бозѣ почившій Государь Императоръ прослѣдовалъ черезъ С.-Петербургъ на южный берегъ Крыма. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, ночью, тѣ же лица потѣхали поднимать подушки съ динамитомъ со дна канала, но не успѣли въ этомъ, такъ какъ имѣвшіеся у нихъ кошки не захватывали своими лапками подушекъ.

Свидѣтель, кузнечнаго цеха мастеръ Никифоръ Дмитріевъ, представилъ къ дѣлу двѣ кошки, подаренныя ему Меркуловымъ, нанимавшимъ у него комнату подѣ именемъ мѣщанина Сергѣя Лапина, по паспорту, данному ему въ Одессѣ Златопольскимъ.

По тщательномъ изслѣдованіи два Екатерининскаго канала, подѣ Каменнымъ мостомъ и близъ него, 4 мая и 6 іюня 1881 года были обнаружены 4 гуттаперчевыя подушки, наполненныя чернымъ динамитомъ, въ количествѣ 7 пудовъ. Первые двѣ подушки, лежавшія рядомъ, саженьяхъ въ 10 отъ моста, ниже по теченію, не имѣли при себѣ ни запальныхъ зарядовъ, ни проводниковъ, вторыя же,

найденныя впоследствии нѣсколько далѣе первыхъ, были спутаны проволоками и содержали въ себѣ запальные стаканы съ пропущенными въ нихъ проводниками, заряженные крошенымъ пироксилиномъ, смоченнымъ нитроглицериномъ.

Эксперты, произведшіе осмотръ и химическое изслѣдованіе вышеозначенныхъ минъ, пришли къ слѣдующимъ выводамъ:

1) внѣшній видъ гуттаперчевыхъ оболочекъ указываетъ на весьма продолжительное пребываніе ихъ въ водѣ, при чемъ, по имѣющимся на нихъ крестообразнымъ впадинамъ, можно заключить, что подушки эти были связаны между собой;

2) заключающійся въ подушкахъ черный динамитъ, частью подмоченный, по химическому своему составу близко подходитъ къ динамиту, вынутому изъ мины, подведенной подѣ М. Садовую улицу изъ лавки Кобозева, и

3) система запаловъ не представляетъ ничего новаго, укупорка же ихъ настолько удовлетворительна, что весь зарядъ сохранился сухимъ.

Указаніе обвиняемаго Тетерки на неизвѣстное лицо, передавшее ему подушку съ динамитомъ, повлекло за собой привлеченіе къ настоящему дѣлу Григорія Исаева, который, признавая свое участіе въ вышеизложенномъ преступномъ замыслѣ на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора, объяснилъ, что заключавшіеся въ подушкахъ динамитъ и запальные заряды приготовлены имъ съ цѣлью покушенія на царубійство, при чемъ онъ принималъ и непосредственное участіе въ самомъ заложении мины подѣ мостомъ.

Обвиняемый Александръ Баранниковъ сознался въ томъ, что дѣломъ 1880 года, съ цѣлью произвести взрывъ при проѣздѣ Его Императорскаго Величества, принималъ участіе въ заложении динамита подѣ мостомъ на Гороховой улицѣ, а затѣмъ, по отъѣздѣ Государя Императора въ Ливадію, пытался, вмѣстѣ съ другими лицами, вытащить заложенный динамитъ, но безуспѣшно.

Обвиняемый Александръ Михайловъ заявилъ, что не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о готовившемся покушеніи на царубійство вышеописаннымъ способомъ.

XI.

Покушеніе на кражу изъ Кишиневскаго Губернскаго Казначейства.

Въ декабрѣ 1880 года, въ городѣ Кишиневѣ, по Варфоломѣевскому переулку, во дворѣ Швейцарской гостиницы, во флигелѣ, рядомъ съ губернскимъ казначействомъ, поселились неизвѣстные мужчина и женщина подѣ именемъ супруговъ Мироненко.

Вскорѣ по пріѣздѣ они, своею крайне уединенною жизнью, обратили на себя вниманіе полиціи, а послѣ того, какъ паспорта ихъ были подробно осмотрѣны, они немедленно, въ январѣ 1881 года,

выѣхали изъ Кишинева, несмотря на то, что квартира была нанята ими на годъ.

Впослѣдствіи обнаружилось, что въ одной изъ комнатъ квартиры Мироненко былъ прорѣзанъ полъ и въ образовавшемся отверстіи, въ $1\frac{1}{2}$ аршина длиною и $\frac{3}{4}$ аршина шириною, начатъ подкопъ подъ казначейство, засыпанный ко времени его обнаруженія рыхлою землею, а самое отверстіе въ полу заложено отрѣзками половыхъ досокъ, причемъ образовавшіяся при этой работѣ щели оказались замазанными и покрашенными.

Задержанный въ С.-Петербургѣ, 27-го февраля 1881 года, обвиняемый Василій Меркуловъ, признавая себя принадлежащимъ къ «соціально-революціонной партіи», между прочимъ, показалъ, что въ декабрѣ 1880 года, получивъ отъ обвиняемаго Колодкевича деньги, онъ по порученію казеннаго государственнаго преступника Желябова, отправился, вмѣстѣ съ обвиняемыми Фроленко, Фриденсономъ и Лебедевою, въ Кишиневъ для совершения кражи изъ мѣстнаго казначейства и принималъ участіе въ подкопѣ, веденномъ изъ квартиры Фроленко и Лебедевой, проживавшихъ подъ именемъ супруговъ Мироненко, а затѣмъ ѣздивъ по порученію Фроленко въ Одессу, гдѣ черезъ рабочаго Попова вошелъ въ сношеніе съ обвиняемымъ Тригономъ и просилъ его приготовить въ Одессѣ квартиру, въ которой можно было бы скрыться въ случаѣ удачной кражи изъ казначейства. По объясненію Меркулова, Фриденсонъ оставался въ Кишиневѣ не долго и оттуда уѣхалъ, по порученію Фроленко, для того, чтобы найти другое казначейство, изъ котораго можно было бы удобнѣе совершить кражу.

Приведенное показаніе Меркулова въ соответствующихъ частяхъ вполне подтвердилось какъ отѣткою въ книгѣ лицъ, пріѣзжающихъ въ гор. Кишиневъ, о прибывшихъ въ концѣ 1880 года чиновникѣ Иванѣ Мироненко съ женою Елизаветою Александровою, такъ равно и показаніемъ свидѣтеля Берки Кровецъ, признавашаго въ Меркуловѣ лицо, бывшее въ Кишиневѣ зимою 1880 г.

Что же касается до упоминаемаго въ показаніи Меркулова—Попова, то послѣдній объяснилъ, что въ декабрѣ 1880 г. Меркуловъ дѣйствительно пріѣзжалъ изъ Кишинева въ Одессу для переговоровъ чрезъ его посредство съ Тригономъ.

Тригонъ, въ свою очередь, отрицая всякое отношеніе свое къ покушенію на кражу изъ кишиневскаго казначейства, вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ, что въ концѣ 1880 года онъ видѣлся въ Одессѣ съ пріѣзжавшимъ изъ Кишинева Меркуловымъ, который говорилъ ему, что въ Одессѣ нужна будетъ для кого-то квартира, но для чего и для кого именно, ему Меркуловъ не передавалъ, а онъ, Тригонъ, въ виду отсутствія этихъ указаній, не пожелалъ оказать Меркулову содѣйствія.

По задержаніи Фриденсона 25-го января 1881 года подъ фамиліей Агаческулова, при обыскѣ въ его квартирѣ, между прочимъ, былъ найденъ аттестатъ на имя служившаго въ Канцеляріи Ковенскаго Губернскаго Предводителя Дворянства, Андрея Иванова Коморскаго, оказавшійся, какъ и видѣ на имя Агаческулова, подложнымъ.

Отвергая справедливость оговора Меркулова, обвиняемый Фриденсонъ тѣмъ не менѣе призналъ, что въ декабрѣ 1880 года онъ дѣйствительно былъ въ Кишиневѣ, но съ какою цѣлью объяснить не желаетъ.

Осмотрѣвъ книгъ пріѣзжающихъ въ «Швейцарскую гостиницу» гор. Кишинева установлено, что въ декабрѣ 1880 года Фриденсонъ проживалъ въ означенной гостиницѣ по отобранному у него при обыскѣ подложному виду на имя Коморскаго.

По предъявленіи обвиняемаго Михаила Фроленко содержателю Швейцарской гостиницы въ гор. Кишиневѣ—Карлу Симодини, послѣдній призналъ въ немъ того самаго челевѣка, который въ концѣ 1880 года нанялъ у него во флигелѣ, съ неизвѣстною женщиною, подъ именемъ супруговъ Мироненко, квартиру, изъ которой впослѣдствіи былъ обнаруженъ начатый и затѣмъ оставленный подкопъ подъ казначейство.

Обвиняемый Фроленко, уклоняясь отъ подробныхъ объясненій, призналъ свое участіе въ покушеніи на кражу изъ Кишиневскаго казначейства, заявивъ, что показаніе Симодини онъ признаетъ справедливымъ.

По заарестованіи затѣмъ 4 сентября 1881 года обвиняемой Татьяны Лебедевой, она, признавая принадлежность свою къ террористической фракціи «соціально-революціонной партіи», показала, что съ конца 1880 года и до половины января 1881 года она проживала въ Кишиневѣ въ качествѣ квартирной хозяйки, подъ именемъ Елизаветы Александровны Мироненко, съ цѣлью совершить посредствомъ подкупа похищеніе денегъ изъ казначейства.

Свидѣтель Симодини призналъ въ Лебедевой лицо, проживавшее въ Кишиневѣ съ Мироненко въ качествѣ его жены.

XII.

Злодѣяніе 1-го Марта 1881 года.

1-го марта 1881 года, въ воскресенье, въ 3-мъ часу пополудни въ С.-Петербургѣ, на набережной Екатерининскаго канала, совершилось величайшее злодѣяніе, жертвою котораго палъ Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.

При изслѣдованіи этого горестнаго событія выяснилось и приговоромъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената по дѣлу о виновникахъ злодѣянія признано, что планъ его былъ составленъ злоумышленниками еще въ концѣ 1880 года, когда начаты были и всѣ приготовленія къ приведенію злодѣйскаго умысла въ исполненіе. Сущность означеннаго плана заключалась въ томъ, чтобы, изучивъ предварительно обычное направленіе и время протѣздовъ Государя Императора по улицамъ столицы, совершить затѣмъ посягательство на жизнь Его Императорскаго Величества, смотря по обстоятельствамъ, однимъ изъ слѣдующихъ двухъ, заранѣе подготовленныхъ, способовъ: посредствомъ взрыва мины, заложенной въ подкопѣ, про-

веденномъ изъ сырной лавки Кобозева, въ домѣ графа Менгдена, подъ М. Садовую улицу, или же посредствомъ метательныхъ снарядовъ, брошенныхъ во время проѣзда Государя Императора. Изъ этихъ двухъ способовъ первый оказался неисполнимымъ, такъ какъ въ день, избранный для совершения злодѣянія, Государь Императоръ не изволилъ прослѣдовать по Малой Садовой, вслѣдствіе чего былъ примененъ второй способъ,—дѣйствіе метательными снарядами, взрывъ которыхъ 1-го марта, на Екатерининскомъ каналѣ, причинилъ Его Императорскому Величеству тяжкія пораненія, повлекшія за собою того же числа мученическую кончину незабвеннаго Монарха и, сверхъ того, имѣлъ послѣдствіемъ причиненіе болѣе или менѣе опасныхъ поврежденій 9-ти лицамъ Императорской свиты и 10-ти постороннимъ, случайно находившимся на мѣстѣ злодѣянія.

Вышеупомянутымъ приговоромъ Особого Присутствія Правительствующаго Сената за злодѣяніе это осуждены и понесли наказаніе шесть лицъ, изъ числа которыхъ, какъ установлено приговоромъ, государственные преступники Андрей Желябовъ и Софья Перовская руководили преступнымъ замысломъ, а послѣдняя, кромѣ того, и его исполненіемъ, Николай Рысаковъ бросилъ первый метательный снарядъ подъ карету Государя Императора, Николай Кибальчичъ приготовлялъ въ качествѣ техника метательные снаряды, Тимофей Михайловъ былъ однимъ изъ участниковъ заговора и его осуществленія, а Геся Гельфманъ была хозяйкой конспиративной квартиры злоумышленниковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, при томъ же изслѣдованіи, а впоследствии и при судебномъ разсмотрѣніи дѣла о злодѣяніи 1-го марта, обнаружили указанія на виновность еще другихъ, кромѣ вышепоименованныхъ, лицъ, изъ числа которыхъ 13 привлечено къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ, а именно: Григорій Исаевъ, Николай Колодевичъ, Александръ Баранниковъ, Михаилъ Фроленко, Михаилъ Тригони, Николай Сухановъ, Иванъ Емельяновъ, Василій Меркуловъ, Петръ Тычининъ, Мартынъ Лангансъ, Анна Якимова, Татьяна Лебедева и Елизавета Оловенникова.

Первоначальными поводами къ обвиненію названныхъ лицъ въ участіи въ злодѣяніи 1-го марта послужили подробныя показанія нымъ казеннаго государственнаго преступника Николая Рысакова и обвиняемаго Василія Меркулова, имѣющія значеніе полного признанія по отношенію къ нимъ самимъ и согласнаго съ обстоятельствами дѣла оговора другихъ обвиняемыхъ.

По объясненію Рысакова, сойдяеъ, съ осени 1880 г., съ Желябовымъ и вступивъ подъ его вліяніемъ въ революціонную организацию рабочихъ, онъ сталъ встрѣчаться и съ другими революціонными дѣятелями, находившимися съ Желябовымъ въ болѣе или менѣе частыхъ сношеніяхъ. Такъ, онъ зналъ Баранникова подъ прозвищемъ «Порфирія», который однажды при немъ приходилъ на свиданіе съ Желябовымъ на Конногвардейскій бульваръ; Колодевича—подъ прозвищемъ «Коть-Мурлыка», который вмѣстѣ съ Баранниковымъ слѣдилъ за нимъ, Рысаковымъ, когда онъ по порученію Исаева

перевозилъ типографскій станокъ съ вокзала Николаевской желѣзной дороги, и Меркулова (онъ же Яковенко), называвшагося «Василіемъ» котораго онъ, Рысаковъ, видѣлъ въ конспиративной квартирѣ Саблина и Геси Гельфманъ, въ Телѣжной улицѣ, гдѣ Меркуловъ, по видимому, даже проживалъ. Во время приготовленій къ совершенію новаго посягательства на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора, онъ, Рысаковъ, принималъ участіе въ устроенныхъ подъ руководствомъ Перовской наблюденіями за выѣздами Его Величества. Наблюденія эти производили, кромѣ его, Рысакова, Аркадій Тирковъ, Петръ Тычининъ и Елизавета Оловенникова, которые обо всемъ, ими узнанномъ сообщали Перовской въ разныхъ мѣстахъ, между прочимъ, въ квартирѣ, хозяйкой которой была Оловенникова, известная Рысакову подъ именемъ «Лизы», а также и въ квартирѣ Тычинина. Въ декабрѣ 1880 года Рысаковъ познакомился съ членомъ сообщества, который назывался «Григоріемъ», и руки котораго, при встрѣчахъ его съ Рысаковымъ были всегда выпачканы во что-то черное, вслѣдствіе чего Рысаковъ первоначально предположилъ, что онъ занимается типографской работой, а впоследствии пришелъ къ заключенію, что «Григорій» приготовляетъ динамитъ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Кибальчича—техника, заведывавшаго изготовленіемъ метательныхъ снарядовъ, «Григорій» долженъ былъ 28 февраля придти на конспиративную квартиру на Телѣжной улицѣ, известную лишь немногимъ и при томъ главнѣйшимъ участникамъ преступныхъ приготовленій. Утромъ 1-го марта Рысаковъ видѣлъ «Григорія» въ числѣ своихъ знакомыхъ на Невскомъ проспектѣ, ожидающихъ проѣзда Государя Императора. На призывъ Желябова совершить цареубійство отозвались кромѣ его, Рысакова, Тимофея Михайлова, «Михайла Ивановича» по прозванію «Котикъ», убитаго при взрывѣ, еще человекъ, называвшійся «Михиломъ», съ которымъ незадолго передъ тѣмъ его, Рысакова, познакомилъ Желябовъ, какъ съ «товарищемъ по дѣлу». Человекъ этотъ, посившій также прозвище «Сугубаго», жилъ легально и имѣлъ знакомства въ обществѣ. Зная хорошо системы револьверовъ, онъ по выраженію Желябова, былъ оружейникомъ участниковъ преступленія. Рысаковъ видѣлъ его въ конспиративной квартирѣ по Телѣжной улицѣ, откуда «Михаилъ» или «Сугубый» получилъ 1-го марта метательный снарядъ и въ числѣ четырехъ метальщиковъ отправился ожидать проѣзда Государя Императора, при чемъ долженъ былъ стоять на назначенномъ ему мѣстѣ, на углу Невского проспекта и М. Садовой. Въ случаѣ же неудачи предполагаемаго взрыва на М. Садовой, «Сугубый» долженъ былъ, вмѣстѣ съ другими метальщиками, спѣшить на Екатерининскій каналъ и здѣсь ожидать возвращенія Государя въ Зимній Дворецъ.

Обвиняемый Меркуловъ, сознаваясь въ участіи при приготовленіяхъ къ злодѣянію 1 марта, показалъ, что въ 20 числахъ января 1881 года, по возвращеніи своемъ въ С.-Петербургъ изъ Кишинева послѣ неудавшагося тамъ покушенія на кражу изъ мѣстнаго казначейства, онъ узналъ отъ Исаева, что ему, Меркулову, нужно

поступить въ сырную лавку Кобозева на М. Садовой «за молодца». Исполнив это требованіе Исаева, обвиняемый, однакоже, прослужилъ у Кобозева не болѣе 3 дней, такъ какъ по росту оказался негоднымъ въ «молодцы», да къ тому же не умѣлъ рѣзать сыръ. Продолжая и послѣ того посѣщать лавку Кобозева, отъ котораго ему случалось получать деньги и сыръ, онъ, Меркуловъ, видѣлъ всѣхъ лицъ, посѣщавшихъ эту лавку. Женою Кобозева была Якимова; къ нимъ приходили Желябовъ, Кибальчичъ, Саблинъ, «Котикъ» или «Михаилъ Ивановичъ», Тригони, котораго онъ, Меркуловъ, зналъ подъ именемъ «Михаила Николаевича», Лангансъ, подъ именемъ «Мартына» или «нѣмца», недавно передъ тѣмъ прѣхавшій изъ-за границы, Фроленко—подъ именемъ Александрова и, наконецъ, флотскій лейтенантъ, оказавшійся впоследствии Сухановымъ. Изъ поименованныхъ лицъ, какъ извѣстно обвиняемому, Тригони, Лангансъ, Сухановъ и Фроленко работали въ подкопѣ, проведенномъ изъ лавки подъ улицу М. Садовую. Обвиняемый полагаетъ, что кромѣ этихъ лицъ въ томъ же подкопѣ работалъ и Баранниковъ, подъ именемъ «Порфирія», о чемъ онъ, Меркуловъ, заключаетъ изъ сожальствъ, высказаннаго по поводу ареста Баранникова Кобозевымъ, который, назвавъ при этомъ «Порфирія» хорошимъ работникомъ, добавилъ, что они вмѣстѣ съ нимъ ломали для подкопа стѣну, а предварительно, для размягченія цемента и кирпичей, обливали ее какою-то кислотой. 25 февраля Меркуловъ засталъ въ лавкѣ Кобозева Фроленко, Ланганса и Суханова, которые при немъ переодѣлись въ рабочее платье, очевидно намѣреваясь идти въ подкопъ; затѣмъ Сухановъ подошелъ къ окну, въ жиломъ помѣщеніи, и отодвинулъ доску, закрывавшую отверстіе подкопа, которое обвиняемый тогда увидѣлъ въ первый разъ. 26 февраля Меркуловъ былъ у Желябова, гдѣ засталъ Суханова, и по порученію Желябова отвезъ въ лавку Кобозева нѣсколько пустыхъ холщевыхъ мѣшковъ. 27 февраля, въ день своего ареста, обвиняемый, придя вновь къ Желябову, нашелъ у него Тригони, съ которымъ они пили чай; Тригони говорилъ Желябову, что въ подкопѣ работа тѣмъ-то затрудняется, и прибавилъ: «пожалуй, еще не успѣемъ». Въ это же послѣднее свое посѣщеніе Меркуловъ получилъ отъ Желябова для доставленія Кобозеву большую бутылъ, фунтомъ, завязанную въ мѣшокъ. Еще ранѣе этого, недѣли за двѣ до своего ареста, Меркуловъ ѣздилъ въ Парголово вмѣстѣ съ Желябовымъ, Кибальчичемъ, «Котикомъ», Рысаковымъ, Тимофѣемъ Михайловымъ и «Сугубымъ» пробовать метательные снаряды. Вышеозначеннаго «Михаила» или «Сугубаго», котораго Меркуловъ видѣлъ въ конспиративной квартирѣ по Тельжнѣй улицѣ, обвиняемый призналъ въ Емельяновѣ.

Дознаніемъ выяснено, что упоминаемый обвиняемыми Рысаковымъ и Меркуловымъ «Михаилъ Ивановичъ», онъ же «Котикъ», бросившій 1-го марта на Екатерининскомъ каналѣ второй, смертоносный для почившаго Монарха, снарядъ, проживалъ въ С.-Петербургѣ подъ именемъ Ельникова, а въ дѣйствительности былъ—

бывшій студентъ С.-Петербургскаго Практическаго Технологическаго института, дворянинъ Гродненской губерніи, Бѣльскаго уѣзда, Игнатій Іоахимовъ Гриневицкій.

На основаніи подробно описанныхъ Рысаковымъ примѣтъ «Михаила» или «Сугубаго», этотъ послѣдній былъ разысканъ и 14 апрѣля 1881 г. задержанъ въ С.-Петербургѣ въ своей квартирѣ, при чемъ оказался сыномъ псаломщика Иваномъ Пантелеймоновымъ Емельяновымъ, проживавшимъ подъ своими собственными фамиліею и именемъ на жительство.

Привлеченный къ дознанію въ качествѣ обвиняемаго, Емельяновъ показалъ, что, поступивъ въ концѣ 1880 года въ число членовъ «соціально-революціонной партіи», онъ, несмотря на свои усердныя занятія науками и литературой, находилъ время принимать активное участіе въ дѣлахъ «партіи», главнымъ же образомъ въ злодѣяніи 1 марта. Означенное участіе свое Емельяновъ изложилъ въ нижеслѣдующихъ собственноручно имъ написанныхъ словахъ: «въ качествѣ метальщика, вооруженнаго разрывнымъ снарядомъ, стоялъ на углу Невскаго и Малой Садовой, а затѣмъ у Театральнаго моста. Въ самый моментъ послѣдовавшихъ взрывовъ отъ снарядовъ, брошенныхъ Рысаковымъ и личною, мнѣ извѣстною подъ именемъ Михаила Ивановича, я находился шагахъ въ 20 отъ покойнаго Императора, и когда Государь Императоръ упалъ, то я совершенно инстинктивно, имѣя подъ лѣвой мышкой завернутый въ газетную бумагу снарядъ, бросился вмѣстѣ съ другими къ Государю Императору, чтобы подать ему помощь». Изъ дальнѣйшихъ затѣмъ объясненій Емельянова видно, что за недѣлю до 1-го марта онъ ѣздилъ въ Парголово вмѣстѣ съ другими лицами для испытанія снарядовъ. О подкопѣ въ Малой Садовой онъ узналъ впервые лишь утромъ 1-го марта, въ конспиративной квартирѣ по Тельжнѣй улицѣ, отъ Перовской, которая сообщила, что на Малой Садовой и долженъ сначала послѣдовать, какъ она выразилась, центральный ударъ. Кромѣ обвиняемаго, метальщиками были еще Рысаковъ, «Михаилъ Ивановичъ» и Тимофѣй Михайловъ. Послѣ злодѣянія онъ, Емельяновъ, отнесъ свой снарядъ обратно на Тельжнѣй улицу на конспиративную квартиру.

По обыску, произведенному въ означенной квартирѣ 3-го марта 1881 года, были между прочимъ найдены два вполне заряженные метательные снаряда.

При задержаніи 1 апрѣля въ С.-Петербургѣ обвиняемаго Григорія Исаева у него найдены были по обыску 2 экземпляра рукописи о приготовленіи динамита, нитроглицерина, гремучей ртуті и о способахъ взрыва.

Признавая свое участіе въ злодѣяніи 1-го марта, обвиняемый Исаевъ показалъ, что послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ покушеній на царевубійство «исполнительный комитетъ» сформировалъ группу техниковъ и предложилъ имъ выработать наилучшіе способы для достиженія цѣли. Въ исполненіе такого порученія упомянутые техники предложили нѣсколько способовъ, изъ которыхъ «комитетъ» выбралъ два: мину на М. Садовой и метательные снаряды. По отношенію къ

этимъ послѣднимъ вопросъ сводился къ тому, чтобы изобрѣсти такой способъ воспламененія, при которомъ взрывъ происходилъ бы моментально. Послѣ того какъ было признано неудобство нѣсколькихъ послѣдовательно проектированныхъ системъ, онъ, Исаевъ, предложилъ ту систему трубокъ, которая и была примѣнена въ метательныхъ снарядахъ, послужившихъ орудіями злодѣянія 1 марта. Означенная система была одобрена, проверена на опытахъ, объяснена участникамъ и затѣмъ приложена къ дѣлу. Бывая въ лавкѣ Кобозева, обвиняемый принималъ участіе въ земляныхъ работахъ по подкопу и присутствовалъ при окончательной закладкѣ заряда, наблюдая, въ качествѣ техника, чтобы все было въ исправности. Здѣсь онъ видѣлъ, между прочимъ, Якимову и Ланганса. Что же касается до найденной у него рукописи о взрывчатыхъ веществахъ, то одинъ экземпляръ ея писанъ рукою Кибальчича.

Изъ послѣднихъ показаній нынѣ казеннаго государственнаго преступника Кибальчича видно, что при изготовленіи метательныхъ снарядовъ, посредствомъ которыхъ было совершено злодѣяніе 1 марта, ему помогали два техника, участвовавшіе наравнѣ съ нимъ, какъ въ изобрѣтеніи упомянутыхъ снарядовъ, такъ и въ самомъ устройствѣ ихъ.

По предъявленіи обвиняемому Меркулову задержаннаго по розыскнымъ даннымъ обвиняемаго Николая Суханова, Меркуловъ призналъ въ немъ того самаго флотскаго офицера, котораго онъ видѣлъ въ квартирѣ Желябова, а затѣмъ въ лавкѣ Кобозева, готовившимся работать въ подкопѣ. По объясненію Меркулова Сухановъ являлся въ лавку Кобозева въ статскомъ черномъ пальто и круглой шляпѣ.

Это послѣднее указаніе подтвердилось результатомъ произведеннаго у Суханова обыска, при которомъ были найдены статское черное пальто и круглая поярковая шляпа.

Обвиняемый Сухановъ, признавая свое участіе въ злодѣяніи 1-го марта, показалъ, что, будучи знакомъ съ Желябовымъ, Перовскою, Кибальчичемъ и Колодкевичемъ еще съ зимы 1879 г., онъ лишь въ февралѣ 1881 г. приступилъ къ активной революціонной дѣятельности. По приглашенію и указаніямъ Желябова, въ 20 числѣ февраля обвиняемый явился въ лавку Кобозева, гдѣ и принялъ участіе въ работахъ по проведенію подкopa, который засталъ уже доведеннымъ до водосточной трубы. Затѣмъ на квартирѣ Желябова онъ снарядилъ мину для подкopa и, кромѣ того, на другой квартирѣ, указать которую не желаетъ, участвовалъ въ теоретической разработкѣ метательныхъ снарядовъ. Кромѣ того, 28-го февраля онъ помогалъ другому лицу чинить и собирать части этихъ снарядовъ. Изъ числа обвиняемыхъ, онъ, Сухановъ, зналъ Исаева, у котораго бывалъ на квартирѣ, по Вознесенскому проспекту, гдѣ Исаевъ жилъ съ Вѣрой Филипповой; Якимову, которую видѣлъ въ лавкѣ Кобозева въ качествѣ его жены, и Ланганса, котораго встрѣчалъ у Желябова.

Обвиняемая Анна Якимова, сознавшаяся въ злодѣяніи 1 марта,

была признана дворниками дома графа Менгдена, по М. Садовой, Никифоромъ Самойловымъ и Никифоромъ Ульяновымъ за женщину, проживавшую вмѣстѣ съ Кобозевымъ подъ видомъ его жены.

Обвиняемый Михаилъ Тригони, признавая свое знакомство съ Желябовымъ, Меркуловымъ, Кобозевымъ и Сухановымъ, первоначально объяснилъ, что о подкопѣ на М. Садовой онъ узналъ отъ своего университетскаго товарища Желябова, который 24 февраля привелъ его въ лавку Кобозева, гдѣ онъ, Тригони, въ теченіе одного вечера, работалъ въ подкопѣ. Впослѣдствіи же, въ нѣкоторое измѣненіе своего вышеприведеннаго объясненія, Тригони, показалъ, что хотя онъ и зналъ отъ Желябова о подкопѣ на М. Садовой, но въ лавкѣ Кобозева былъ случайно и участія въ работахъ по подкопу не принималъ.

Обвиняемый Николай Колодкевичъ сознался въ томъ, что въ половинѣ января 1881 года, незадолго до своего ареста, бывалъ въ лавкѣ Кобозева и принималъ участіе въ работахъ по разобранію стѣны, чрезъ которую предполагалось вести подкопъ, для совершенія новаго покушенія на цареубійство. При этомъ Колодкевичъ призналъ свое знакомство какъ съ лицами, уже осужденными за злодѣяніе 1 марта, такъ и съ обвиняемыми по настоящему дѣлу: Фроленко, Тригони, Оловенниковой и Арончикомъ.

По разсмотрѣніи, при участіи эксперта, миннаго офицера лейтенанта Смирнова, записей, сдѣланныхъ Колодкевичемъ въ записной книжкѣ, найденной у него по обыску при задержаніи его 26 января, оказалось, что въ записяхъ этихъ заключаются свидѣнія объ изготовленіи разныхъ веществъ для стопина, гремучаго студня, гремучей ртути, а также таблица удѣльнаго вѣса динамитовъ разнаго состава.

Обвиняемый Александръ Баранниковъ сознался въ томъ, что въ январѣ 1881 г., въ лавкѣ Кобозева, вмѣстѣ съ другими лицами, ломалъ наружную стѣну для проведенія подкopa подъ М. Садовую, при чемъ объяснилъ, что до его ареста (25 января), успѣли только разобрать стѣну, самый же подкопъ еще начать не былъ.

Обвиняемый Михаилъ Фроленко, не отрицая вообще своего участія въ террористическихъ предпріятіяхъ, уклонился отъ всякихъ объясненій по поводу отношенія своего къ злодѣянію 1 марта.

Обвиняемый Мартынъ Лангансъ, признавая себя принадлежащимъ «къ русской социальнo-революціонной партіи», не сознался въ приписываемомъ ему участіи въ устройствѣ подкopa изъ лавки Кобозева.

Обвиняемая Татьяна Лебедева показала, что, пріѣхавъ въ С.-Петербургъ въ январѣ 1881 г. и пребывая большею частью на квартирѣ Желябова и Перовской (по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, домъ № 37/13), она знала о томъ, что готовится покушеніе на цареубійство посредствомъ подкopa изъ лавки Кобозева и метательныхъ снарядовъ, вполнѣ сочувствовала дѣли этихъ приготовленій и принимала участіе въ наполненіи динамитомъ цилиндра, который имѣлъ быть заложенъ въ минѣ на М. Садовой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обвиняемая

признала свое знакомство какъ съ государственными преступниками уже осужденными за злодѣяніе 1 марта, такъ и съ лицами и нынѣ въ этомъ злодѣяніи обвиняемыми, при чемъ объяснила, что съ нѣкоторыми изъ нихъ она была близка, какъ съ товарищами по дѣлу.

Обвиняемый Петръ Тичининъ показалъ, что, принадлежа къ партіи «народной воли» и сочувствуя царевубійству, онъ въ декабрѣ 1880 г. и январѣ 1881 года наблюдалъ, вмѣстѣ съ другими лицами, за проѣздами въ гор. С.-Петербургѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора. Кромѣ того, тѣми же наблюдениями занимались Перовская, Рысаковъ, Оловенникова и Тырковъ, всего же наблюдающихъ было шесть человекъ. Всѣ они собирались въ квартирѣ обвиняемаго, по Б. Дворянской улицѣ, и здѣсь сообщали Перовской о результатахъ своихъ наблюдений.

Обвиняемая Елизавета Оловенникова объяснила, что съ ноября 1880 года и до конца января 1881 года она, вмѣстѣ съ Рысаковымъ и Тичининымъ, слѣдила за проѣздами въ Бозѣ почившаго Государя Императора, зная, что наблюдение это имѣетъ отношеніе къ готовившемуся покушенію на жизнь Священной Особы Его Величества. Тичининъ принялъ участіе въ означенномъ наблюдении по приглашенію обвиняемой, познакомившей его съ Перовской, которой всѣ они отдавали отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Самое наблюдение производилось по Дворцовой набережной, Невскому проспекту, Екатерининскому каналу, М. Садовой и около манежа.

Что же касается до Аркадія Тыркова, то, по привлеченіи его къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, у него обнаружались признаки разстройства умственныхъ способностей, вслѣдствіе чего дальнѣйшее производство дѣла о немъ было приостановлено.

XIII.

Вспомогательная преступная дѣятельность обвиняемыхъ Люстига и Клѣточникова.

Сверхъ вышеизложенныхъ преступныхъ дѣяній, дознаніемъ была обнаружена необходимая для ихъ совершенія вспомогательная преступная дѣятельность принадлежавшихъ также къ «партіи народной воли» обвиняемыхъ Фердинанда Люстига и Николая Клѣточникова, изъ которыхъ первый устраивалъ въ своей квартирѣ собранія членовъ означенной «партіи» и былъ посредникомъ при полученіи ими денежныхъ средствъ, а послѣдній доставлялъ руководителямъ «партіи» свѣдѣнія о предупредительныхъ мѣропріятіяхъ правительства и тѣмъ давалъ возможность своевременно уклоняться отъ ихъ дѣйствія. Собранныя при дознаніи данныя къ изобличенію Люстига и Клѣточникова представляются въ нижеслѣдующемъ общемъ видѣ.

1.

Государственный преступникъ Рысаковъ, какъ уже было упо-

мянуто выше, между прочимъ, объяснилъ, что въ декабрѣ 1880 года онъ, по порученію „Григорія“, т.-е. Исаева, перевозилъ съ вокзала Николаевской желѣзной дороги на домовомъ извозчикѣ два ящика съ типографскимъ станкомъ, который по указанію того же Исаева, доставилъ на Большую Садовую, гдѣ его встрѣтилъ самъ Исаевъ и передалъ ящики какой-то неизвѣстной Рысакову барышнѣ. Въ виду приведеннаго объясненія Рысакова и на основаніи указаній разысканнаго вслѣдствіе этого объясненія вышеупомянутаго домового извозчика, крестьянина Филиппа Тимошкина, была разыскана и квартира лица, принявшаго къ себѣ привезенные Рысаковымъ ящики. Лицомъ этимъ оказался обвиняемый Фердинандъ Люстигъ, жившій по Большой Садовой, въ домѣ № 69, вмѣстѣ съ мѣщанкою Татьяною Кузьминой, которая объяснила при дознаніи, что по доведеніи упомянутыхъ ящиковъ въ квартиру Люстига они были здѣсь раскупорены Исаевымъ и Кибальчинымъ. Принявъ лично эти ящики, Кузьмина затѣмъ видѣла, что въ нихъ находятся принадлежности типографскаго станка.

Обвиняемый Люстигъ, признавая себя принадлежащимъ къ числу лицъ, желающихъ социально-революціоннаго переворота, показалъ, что его революціонная дѣятельность выражалась въ тѣхъ услугахъ, которыя онъ оказывалъ «соціально-революціонной» партіи; съ участниками ея онъ познакомился въ апрѣлѣ 1879 года, при чемъ первымъ его знакомымъ былъ Александръ Михайловъ, а впослѣдствіи онъ, Люстигъ, вступилъ въ болѣе близкія и частыя сношенія съ Желябовымъ. Съ августа 1880 года и до января 1881, когда обвиняемый сталъ замѣчать наблюденія за собою полиціи, квартира его служила мѣстомъ сходакъ революціонныхъ дѣятелей, которые собирались у него для свиданія другъ съ другомъ и для переговоровъ о своихъ дѣлахъ. Въ этихъ переговорахъ обвиняемый участія не принималъ и о готовившихся террористическихъ событіяхъ, въ томъ числѣ и о злодѣяніи 1 марта, не зналъ; расположеніе его квартиры, состоявшей изъ 3 комнатъ, давало ему возможность не присутствовать при происходившихъ у него собраніяхъ, или участвовать лишь въ разговорахъ революціонеровъ объ общихъ вопросахъ. Изъ числа собиравшихся у него лицъ обвиняемый, кромѣ Михайлова и Желябова, указалъ Перовскую, Кибальчица, Гельфманъ, Саблина, Исаева, Колодзевича, Фриденсона, Морозова, Суханова, Тригоны и другихъ, еще не разысканныхъ участниковъ сообщества. По просьбѣ Желябова онъ, Люстигъ, получалъ по почтѣ и переводами черезъ государственный и международный банки деньги, жертвуемые разными лицами на усиленіе революціоннаго фонда, при чемъ передавалъ эти пожертвованія, составившія въ общей сложности до 3000 руб., частью Желябову, а частью Кибальчицу. Въ декабрѣ 1880 года, также по просьбѣ Желябова, обвиняемый принялъ къ себѣ на короткое время типографскій станокъ въ 2-хъ ящикахъ, которые затѣмъ были увезены изъ его квартиры, но куда именно—ему неизвѣстно. Кромѣ вышепоименованныхъ лицъ на упомянутыхъ сход-

кахъ въ его. Люстига, квартирѣ бывалъ Николай Богородскій, сынъ смотрителя Трубецкаго бастиона Петербургской крѣпости.

Привлекшіеся къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ и нынѣ высланные на жительство въ Сибирь, съ разрѣшеніемъ дѣла въ отношеніи ихъ, въ административномъ порядкѣ, мѣшанка Татьяна Кузьмина и оберъ офицерскій сынъ Николай Богородскій, подтверждая въ общихъ чертахъ приведенное показаніе Люстига, объяснили: Кузьмина—что, проживая вмѣстѣ съ Люстигомъ, она не присутствовала при сходкахъ, происходившихъ въ его квартирѣ, но слышала отъ Люстига, что на этихъ сходкахъ разсуждали о царевѣиствѣ; при этомъ Кузьмина указала тѣхъ вышепоименованныхъ участниковъ сходокъ, которые были названы и Люстигомъ: Богородскій—что, познакомившись въ половинѣ 1880 г. съ Люстигомъ, онъ сталъ посѣщать его квартиру и здѣсь встрѣчалъ многихъ революціонныхъ дѣятелей, изъ числа которыхъ помнитъ Кибальчича, Александра Михайлова, Колодкевича, Псаева, Тригони и женщину, известную ему подъ именемъ Елизаветы Александровны. По просьбѣ этой послѣдней, онъ принялъ на себя посредничество въ сношеніяхъ лицъ, принадлежащихъ къ преступному сообществу и находившихся на свободѣ, съ тѣми изъ нихъ, которыя въ то время содержались въ С.-Петербургской крѣпости, гдѣ Богородскій проживалъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ. Означенныя сношенія производились при помощи книгъ крѣпостной бібліотеки, которыя онъ, Богородскій, приносилъ на квартиру Люстига и здѣсь передавалъ вышеупомянутой Елизаветѣ, возвращавшей ему эти книги съ отмѣтками подъ буквами, для передачи, черезъ бібліотеку, заключеннымъ въ крѣпости. Зная имена этихъ послѣднихъ, онъ сообщалъ о нихъ Елизаветѣ, Александровнѣ и ея единомышленникамъ.

Осмотрѣнныя подлежащихъ книгъ С.-Петербургскаго Почтамта, а также банковъ государственнаго и коммерческаго международнаго установлено: 1) что въ 1880 г. на имя Фердинанда Люстига было прислано по почтѣ изъ Старой Руссы 25 руб., изъ Москвы 100 руб. и изъ Одессы 50 руб.; 2) что на его же имя было переведено: а) черезъ государственный банкъ, изъ Воронежа отъ Яковлева—600 руб. и отъ Самойлова—400 руб. и б) черезъ международный банкъ, изъ Москвы отъ Капустина 500 руб. и отъ Петрова 300 руб.

Названныя фамиліи оказались при дознаніи вымышленными, а личности отправителей денегъ на имя Люстига остались необнаруженными.

2.

28 января 1881 г. въ квартирѣ обвиняемаго Колодкевича, проживавшаго по подложному паспорту на имя Петрова, былъ задержанъ, какъ упомянуто выше, младшій помощникъ дѣлопроизводителя Департамента Государственной Полиціи, прежде служившій въ нынѣ упраздненномъ III Отдѣленіи Собственной Его Импера-

торскаго Величества Канцеляріи, Николай Васильевъ Клѣточниковъ, который первоначально объяснилъ свой приходъ къ Колодкевичу простою случайностью и не призналъ своего участія въ преступной дѣятельности названнаго обвиняемаго и его единомышленниковъ.

По заключеніи Клѣточникова подъ стражу, онъ представилъ подробныя объясненія по поводу своихъ сношеній съ членами «соціально-революціонной партіи». Изъ этихъ объясненій оказывается, что Клѣточниковъ, пріѣхавъ въ Петербургъ въ концѣ 1878 г. для присканія себѣ мѣста по государственной службѣ, случайно встрѣтился у одного изъ своихъ знакомыхъ съ Александромъ Михайловымъ, известнымъ ему тогда подъ именемъ Петра Ивановича, и послѣ нѣсколькихъ свиданій чрезвычайно съ нимъ сблизился. Сначала Михайловъ въ разговорахъ своихъ съ обвиняемымъ высказывалъ лишь общія сужденія о бѣдственномъ положеніи народа, а затѣмъ опредѣленно заявилъ, что онъ социалистъ и вмѣстѣ съ другими стремится подготовить народъ къ государственному и соціальному перевороту, что прежняя дѣятельность въ этомъ направленіи была неудачна, такъ какъ революціонеры дѣйствовали безъ единства, безъ правильной организаци и безъ охраны отъ шпионовъ, и что, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, онъ, Клѣточниковъ, какъ еще не навлекавшій на себя никакого подозрѣнія со стороны правительства, можетъ оказать большія услуги партіи. При этомъ Михайловъ обѣщалъ пристроить обвиняемаго на хорошее мѣсто и щедро снабжать его деньгами, а также дать ему возможность въ случаѣ какой-либо опасности скрыться за границу. Убѣждая такимъ образомъ его, Клѣточникова, служить революціонному дѣлу, Михайловъ предложилъ ему поселиться въ домѣ Яковлева, на углу Невскаго и Надеждинской, гдѣ, по словамъ Михайлова, проживали агенты III Отдѣленія, и сойтись съ ними для цѣлей «партіи». Обвиняемый согласился на предложеніе Михайлова, «раздѣляя со всѣмъ обществомъ нелюбовь къ шпионамъ и вѣря всѣмъ обѣщаніямъ Петра Ивановича, который, кромѣ того, за это время успѣлъ привязать его къ себѣ». Въ упомянутомъ домѣ Яковлева обвиняемый нанялъ комнату у жившей тамъ же Анны Кутузовой, которую сталъ посѣщать довольно часто, при чемъ своимъ тихимъ поведеніемъ, щедростью и проитриваніемъ въ карты успѣлъ такъ расположить ее въ свою пользу, что она рекомендовала его бывшему чиновнику особыхъ порученій III Отдѣленія, впоследствии завѣдывавшему 3-ею экспедиціею этого учрежденія, г. Кириллову, который въ январѣ 1879 г. принялъ Клѣточникова въ секретныя агенты, съ жалованьемъ по 30 руб. въ мѣсяцъ. Въ мартѣ того же года Кирилловъ перевелъ его для письменныхъ занятій въ такъ называемое, «агентурное отдѣленіе» при 3-й экспедиціи III Отдѣленія, гдѣ онъ скоро получилъ штатную должность помощника дѣлопроизводителя, а затѣмъ, съ упраздненіемъ III Отдѣленія, перешелъ въ Департаментъ Государственной Полиціи на

ту же должность, которую и занимал до самого своего ареста. Такое служебное положение Клѣточникова, свойство его занятій и особенное довѣріе его непосредственнаго начальства открыли ему свободный доступъ ко всѣмъ наиболее секретнымъ дѣламъ и распоряженіямъ по отношенію къ обнаруженію и преслѣдованію государственныхъ преступленій и лицъ, въ нихъ обвиняемыхъ. Такъ, онъ составлялъ или переписывалъ секретныя записки о результатахъ агентурныхъ наблюдений, шифровалъ и дешифровалъ секретныя телеграммы, велъ переписку о лицахъ, содержащихся въ С.-Петербургской крѣпости и проч. Поэтому обвиняемый былъ посвященъ во всѣ политическіе розыски, производившіеся не только въ С.-Петербургѣ, но и вообще во всей Имперіи. Всѣ полученныя такимъ образомъ свѣдѣнія онъ своевременно передавалъ Михайлову, сообщалъ ему, за кѣмъ именно учреждено секретное наблюдение, предупреждалъ заранѣе о предполагаемыхъ обыскахъ, объявлялъ имена всѣхъ агентовъ и вообще открывалъ Михайлову всѣ секретныя данныя, сосредоточенныя въ 3-й экспедиціи III Отдѣленія. Не переставая въ теченіе всего этого 2-хъ лѣтняго періода времени (1879 и 1880 года) находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ революционными дѣятелями, которые за его услуги платили ему деньги, хотя неаккуратно и въ небольшомъ количествѣ, онъ, Клѣточниковъ, первоначально имѣлъ дѣло только съ Михайловымъ; когда же этотъ послѣдній долженъ былъ на нѣкоторое время уѣхать изъ Петербурга, то познакомилъ обвиняемаго съ Арончикомъ, которому Клѣточниковъ и продолжалъ доставлять свѣдѣнія. Впослѣдствіи же онъ познакомился и вступилъ въ сношеніе съ Квятковскимъ, Баранниковымъ, Колодзевичемъ и еще однимъ, до настоящаго времени не разысканнымъ лицомъ. Всѣмъ этимъ лицамъ, носившимъ при сношеніи съ обвиняемымъ чужія фамиліи, онъ сообщалъ нужныя имъ свѣдѣнія, по мѣрѣ того, какъ таковыя дѣлались ему извѣстными или требовались отъ него революціонерами, съ которыми онъ сходился въ разныхъ трактирахъ и гостиницахъ, а также посѣщалъ ихъ квартиры; Михайловъ же и самъ бывалъ у обвиняемаго. Зная, что всѣ поименованныя лица принадлежатъ къ революціонной партіи, онъ узналъ о преступной дѣятельности каждаго изъ нихъ лишь изъ свѣдѣній, которыя сдѣлались ему извѣстными по службѣ, въ особенности же изъ разоблаченій Гольденберга. Пользуясь его услугами, революціонеры не были, однакоже, съ нимъ открытны, и, видимо ему не довѣряя, не открывали ему тайны своихъ предпріятій, такъ что только изъ общаго содержанія разговоровъ съ ними обвиняемый могъ заключить о принадлежности ихъ къ террористической фракціи и прямою участіемъ въ ея дѣйствіяхъ. Между прочимъ, онъ, Клѣточниковъ, зналъ въ общихъ чертахъ о ходѣ работъ по печатанію и изданію «Народной Воли». Отъ Алафова—Баранникова онъ слышалъ о количествѣ динамита, которымъ располагало преступное сообщество и которое въ концѣ 1880 г., по словамъ Баранникова, не было такъ велико, какъ обозначали его въ своихъ, сообщенныхъ ему Клѣточниковымъ, показаніяхъ

лица, привлеченныя къ дознаніямъ, а составляло не болѣе 5—6 пудовъ. Послѣ ареста Михайлова, обвиняемый продолжалъ вести сношенія съ Баранниковымъ, хотя, съ передачею розыскной части по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ въ столицѣ въ вѣдѣніе С.-Петербургскаго Градоначальника, онъ уже не могъ доставлять прежнихъ важныхъ свѣдѣній, и сносившіяся съ нимъ лица стали говорить о необходимости провести своего человека, или подкупить кого-либо въ новомъ розыскомъ вѣдомствѣ. Что же касается до побудительныхъ причинъ сближенія своего съ членами революціонной «партіи» и того содѣйствія, которое обвиняемый имъ оказывалъ сообщеніемъ разныхъ нужныхъ имъ свѣдѣній, то въ объясненіе этихъ причинъ Клѣточниковъ, отрицая свою принадлежность къ означенной «партіи», въ собственноручно написанныхъ имъ показаніяхъ, между прочимъ, заявилъ слѣдующее: «не сдѣлавшись социалистомъ, я не могу не сознаться, что началъ сочувствовать нѣкоторымъ ихъ идеямъ и сталъ считать ихъ дѣломъ своимъ», и далѣе... «я руководился, главнымъ образомъ, корыстными цѣлями и желаніемъ болѣе разнообразной жизни въ столицѣ, а также сочувствіемъ къ высказаннымъ Александромъ Михайловымъ идеямъ о развитіи и обогащеніи народа, къ идеямъ, которымъ будто бы служить онъ и его сподвижники». Когда же онъ, Клѣточниковъ, узналъ изъ показаній Гольденберга объ истинныхъ цѣляхъ дѣятельности знакомыхъ ему социалистовъ, то уже не могъ оставить сношеній съ ними и продолжалъ служить ихъ интересамъ, такъ какъ боялся, въ противномъ случаѣ, быть убитымъ.

Вдова полковника Анна Бутузова подтвердила фактъ поступленія Клѣточникова на службу къ завѣдывавшему 3-й экспедиціей III Отдѣленія, Кириллову, по ея, Кутузовой, рекомендаціи.

Изъ показаній свидѣтелей, начальниковъ и сослуживцевъ Клѣточникова по службѣ его въ бывшемъ III Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, статскихъ совѣтниковъ Кириллова и Гусева, коллежскаго совѣтника Вольфа, Коллежскаго ассесора Цвѣткова и титулярнаго совѣтника Чернышева, оказывается, что Клѣточниковъ въ продолженіе всей своей службы отличался особеннымъ усердіемъ и пользовался полнымъ довѣріемъ начальства. Черезъ его руки проходили всѣ секретныя свѣдѣнія о политическихъ розыскахъ, и онъ всегда имѣлъ возможность заранѣе знать о всѣхъ предполагаемыхъ въ этомъ отношеніи мѣропріятіяхъ. Въ мартѣ 1879 года, при производствѣ обыска у лицъ, проживавшихъ въ домѣ князя Мурузи, по Литейному проспекту, кв. № 54, обнаружилось, что объ этомъ обыскѣ хозяева квартиры были своевременно предупреждены. По поводу возникшаго вслѣдствіе этого подозрѣнія противъ служащихъ въ 3-й экспедиціи III Отдѣленія, коллежскому ассессору Цвѣткову было поручено произвести негласное дознаніе, по которому, однакоже, виновный остался необнаруженнымъ.

По осмотру относящейся къ означенному дознанію переписки

оказалось и обвиняемымъ Кляточниковымъ было признано, что составленная въ агентурномъ отдѣленіи при 3 экспедиціи записка о лицахъ, у которыхъ предполагалось произвести обыскъ, между прочимъ, и о проживавшихъ въ кв. № 54, въ домѣ князя Мурузи, написана рукою Кляточникова. По его объясненію онъ, составивъ упомянутую записку, сообщилъ о содержаніи ея Александру Михайлову, который и предупредилъ кого слѣдовало.

29 января 1881 года, т.-е. на другой день послѣ ареста Кляточникова, въ квартиру его было доставлено по городской почтѣ письмо отъ 28 января, въ которомъ Кляточниковъ приглашался въ 5 часовъ пополудни на Невскій проспектъ для свиданія съ анонимнымъ авторомъ письма. По сличенію почерка этого письма съ почеркомъ казеннаго государственнаго преступника Желябова, знакомство и сношенія съ которымъ Кляточниковымъ отрицаются, экспертъ пришелъ къ заключенію, что упомянутое письмо написано Желябовымъ.

XIV.

Принадлежность обвиняемыхъ къ преступному сообществу.— Свѣдѣнія о личности каждаго изъ нихъ

Независимо отъ всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ принадлежность обвиняемыхъ къ тайному сообществу, поставившему себя задачею стремиться къ ниспроверженію въ ближайшемъ будущемъ, посредствомъ ряда насильственныхъ дѣйствій и насильственного переворота, существующаго въ Имперіи государственнаго и общественнаго строя, доказывается еще нижеслѣдующими обстоятельствами, частью имѣющими общій характеръ и значеніе, а частью относящимися до каждаго изъ обвиняемыхъ въ отдѣльности.

1.

Изъ приложенныхъ къ дѣлу, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, многочисленныхъ печатныхъ изданій преступнаго содержанія, которыя были составлены, напечатаны и выпущены въ обращеніе тайнымъ сообществомъ, именующимъ себя «русскою социально-революціонной партіей», въ періодъ времени съ 1878 г. по мартъ 1881 года включительно, причемъ почти всѣ эти изданія найдены по обыскамъ у обвиняемыхъ и, главнымъ образомъ, въ обнаруженной 5-го мая 1881 г. конспиративной квартирѣ по Подольской улицѣ, въ домѣ № 14/а, кв. № 31, гдѣ, повидимому, помѣщалась въ послѣднее время тайная типографія газеты «Народная Воля», оказывается, что до послѣдовавшаго лѣтомъ 1879 г. выдѣленія террористической фракціи изъ прежней организаціи революціонеровъ «народниковъ», органомъ тайной печати у этихъ послѣднихъ была газета «Земля и Воля» и дополнявшій или замѣнявшій ее «Листокъ Земли и Воли». Кромѣ этихъ изданій, послѣ каждаго

совершеннаго революціонерами преступнаго дѣянія террористическаго характера, появлялись печатныя прокламаціи, въ которыхъ заявлялось о совершении означенныхъ дѣяній отъ имени и въ интересахъ «соціально-революціонной партіи». Такія прокламаціи появились, между прочимъ, и послѣ убійства генералъ-адъютанта Мезенцова и покушенія на царубійство 2 апрѣля 1879 года. Упомянутыя періодическія изданія и прокламаціи издавались за подписью «исполнительнаго комитета русской соціально-революціонной партіи» — наименованіе, которое, какъ видно изъ показаній Гольденберга и другихъ обвиняемыхъ, присвоила себѣ городская группа членовъ «партіи». Послѣ Липецкаго съѣзда произошло раздѣленіе «партіи» и ея органа: «народники», оставшіеся при прежнихъ своихъ взглядахъ и задачахъ, предприняли изданіе газеты подъ заглавіемъ «Черный Передѣлъ», террористы же, выдѣлившись съ особою фракцію, основали изданіе «Народной Воли» и, въ видѣ прибавленія къ ней, «Листка Народной Воли». Съ осени 1879 и до февраля 1881 года, появилось пять №№ «Народной Воли» и нѣсколько №№ «Листка»; вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовательное совершеніе посягательства на жизнь въ Божѣ почившаго Государя Императора 19-го ноября 1879 года, 5-го февраля 1880 года и злодѣянія 1-го марта 1881 г. сопровождалось, подобно прежнему времени, появленіемъ воззваній отъ имени «исполнительнаго комитета», въ составъ котораго вошли наиболѣе выдающіеся дѣятели преступнаго сообщества, принимавшіе болѣе или менѣе непосредственное участіе въ послѣдующихъ террористическихъ предпріятіяхъ. Въ № 3 «Народной Воли», отъ 1-го января 1880 г., помѣщена, между прочимъ, «программа исполнительнаго комитета», которая ставитъ ближайшею цѣлью «комитета» отнятіе власти у существующаго правительства и передачу ея народу (п. А—В) для декретированія новаго государственнаго и общественнаго строя на социалистическихъ началахъ (п. Г); къ достиженію означенныхъ цѣлей предполагается стремиться посредствомъ: 1) дѣятельности пропагаторской и агитационной; 2) дѣятельности разрушительной и террористической, состоящей «въ уничтоженіи наиболѣе вредныхъ лицъ правительства»; 3) организаціи тайныхъ обществъ и сплоченія ихъ вокругъ одного центра; 4) пріобрѣтенія вліятельнаго положенія и связей въ администраціи, войскѣ, обществѣ и народѣ; 5) организаціи и совершенія переворота и 6) послѣдующей затѣмъ избирательной агитаціи (п. Д). При этомъ руководящимъ принципомъ дѣйствія «исполнительнаго комитета» признается положеніе о томъ, что по отношенію къ правительству, какъ къ врагу, цѣль оправдываетъ средства, т.-е. всякое средство, ведущее къ цѣли, считается дозволительнымъ, а лица и общественныя группы, сознательно и дѣятельно помогающія правительству въ борьбѣ съ «соціально-революціонной партіей», «какъ вышедшія изъ нейтралитета, принимаются за врага» (п. Е). Въ такомъ же приблизительно смыслѣ, составлена «программа рабочихъ, членовъ партіи народной воли», изданная въ концѣ 1880 г. и, какъ сказано въ ней, редакціей «Народной Воли». Тѣ же пре-

ступные взгляды въ примѣненіи къ пониманію простолюдиновъ проводятся и въ «Рабочей Газетѣ», которую члены «партіи» стали издавать съ декабря 1880 г. для распространенія въ рабочей средѣ. Далѣе, въ вышеупомянутыхъ изданіяхъ тайной печати и, кромѣ того, въ изданной за границей брошюрѣ обвиняемаго Морозова, подъ заглавіемъ «Террористическая борьба», доказывается необходимость направить всѣ усилія «соціально-революціонной партіи» на совершение систематическаго ряда террористическихъ дѣяній и, какъ высшаго выраженія такого образа дѣйствій, царубійства. Наконецъ, въ появившихся, по поводу злодѣянія 1-го марта 1881 г., листовкахъ отъ имени «партіи народной воли» подъ заглавіемъ: 1) «отъ исполнительнаго комитета» 1 марта 1881 г.; 2) «отъ рабочихъ членовъ партіи народной воли» отъ 2 марта 1881 г.; 3) «Честнымъ мірянамъ, православнымъ крестьянамъ и всему народу русскому объявленіе» отъ 2 марта 1881 г.; 4) «Исполнительный Комитетъ Императору Александру III» отъ 12 марта 1881 г.; и 5) «отъ Исполнительнаго Комитета» отъ 4 апрѣля 1881 г., по поводу казни государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ за злодѣяніе 1 марта, — заявляется, что злодѣяніе это совершено лицами, принадлежащими къ «партіи народной воли», для достиженія ближайшихъ цѣлей этого преступнаго сообщества и согласно съ общими, поставленными имъ для себя задачами.

2.

По задержаніи въ С.-Петербургѣ, 28 ноября 1880 года, обвиняемаго Александра Дмитріева Михайлова, у него произведенъ былъ обыскъ, по которому въ его квартирѣ, по Орловскому переулку, въ д. № 2 найденъ былъ динамитъ въ двухъ жестякахъ, разныя прокламаціи отъ «исполнительнаго комитета», въ значительномъ числѣ экземпляровъ, палка съ сокрытымъ въ ней книжалою, мѣдный кастетъ, большое число фотографическихъ снимковъ 16 государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ С.-Петербургскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ, въ ноябрѣ 1880 г., и разныя замѣтки загадочнаго или условнаго содержанія.

По изслѣдованіи динамита, найденнаго у Михайлова въ количествѣ около пуда, экспертъ, генералъ-маіоръ Федоровъ, нашелъ, что динамитъ этотъ весьма неоднороденъ и, вѣроятно, не фабричнаго приготовленія.

Изъ показаній Александра Михайлова и другихъ данныхъ, собранныхъ при дознаніи, видно, что онъ дворянинъ Путивльскаго уѣзда, Курской губерніи, обучался въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, а затѣмъ держалъ окончательный экзаменъ при Неврольской гимназіи (Брацлавскаго уѣзда, Подольской губерніи); въ концѣ 1873 г. онъ, будучи уволенъ изъ технологическаго института по поводу безпорядковъ между студентами, отправился въ Кіевъ, гдѣ познакомился, по его словамъ, съ «радикалами» и съ этого времени сталъ заниматься революціонной пропагандой. Съ марта 1877 г. и

до половины 1878 г. онъ прожилъ въ приволжскихъ губерніяхъ, не переставая распространять революціонныя идеи, преимущественно среди старообрядцевъ. Лѣтомъ 1878 г. и затѣмъ въ 1879 г. онъ велъ дѣятельные переговоры съ управляющимъ имѣніями казеннаго государственнаго преступника Лизогуба, дворяниномъ Дриго (осужденнымъ по дѣлу о 16 лицахъ), о мѣрахъ къ переводу имущества Лизогуба въ собственность лицъ, принадлежащихъ къ «соціально-революціонной партіи». Возвратившись въ С.-Петербургъ и, по временамъ, уѣзжая изъ него по дѣламъ «революціонной партіи», онъ занимался такъ называемою «конспиративною дѣятельностью» и принималъ участіе въ разныхъ проявленіяхъ революціоннаго движенія. Проживая въ теченіи 1880 года въ С.-Петербургѣ подъ именемъ и по подложному паспорту отставнаго поручика Поливанова, сначала въ гостинницѣ «Москва», затѣмъ по Троицкому переулку, въ домѣ Лихачева и, наконецъ, по Орловскому переулку, въ домѣ № 2, Михайловъ въ октябрѣ 1880 г. сталъ заказывать въ фотографіяхъ Таубе, Александровскаго и Кошутко многочисленныя снимки государственныхъ преступниковъ, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе полиціи.

Обвиняемый дворянинъ Черниговской губерніи Николай Николаевъ Колодкевичъ, по окончаніи курса въ Черниговской гимназіи, поступилъ сначала въ Нѣжинскій лицей, а затѣмъ былъ студентомъ университетовъ Новороссійскаго и Св. Владиміра, изъ которыхъ послѣдній долженъ былъ оставить вслѣдствіе привлеченія къ дознанію по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Таковыя дознанія возбуждались противъ Колодкевича: въ 1875 г. — въ Черниговской губерніи; въ 1876 г. — за распространеніе революціонныхъ изданій въ гор. Харьковѣ; въ 1877 г. — за организацію тайнаго общества среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи; въ 1878 г. — за участіе въ освобожденіи изъ Харьковскаго тюремнаго замка арестанта Фомина и въ 1879 г. — за участіе въ революціонномъ кружкѣ, образовавшемся въ Харьковѣ, при чемъ всѣ эти дознанія были приостановлены въ отношеніи Колодкевича за нерыскомъ его. По задержаніи Колодкевича, 26 января 1881 г., по обыску, произведенному въ его квартирѣ по Фонтанкѣ, въ д. № 47, гдѣ онъ проживалъ подъ именемъ и по подложному паспорту на имя Петрова, были найдены разныя изданія и рукописи преступнаго содержанія. Колодкевичъ призналъ себя принадлежащимъ къ революціонной партіи «народной воли».

Обвиняемый дворянинъ Таврической губерніи Михаилъ Николаевъ Тригони, по окончаніи въ 1874 г. курса юридическихъ наукъ въ Новороссійскомъ университетѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента, опредѣленныхъ занятій не имѣлъ и проживалъ то въ южныхъ губерніяхъ, то въ С.-Петербургѣ. Здѣсь въ 1879 г. онъ, по его объясненію, встрѣтился съ Желябовымъ и, при его посредствѣ, сошелся со многими лицами, принадлежащими къ «соціально-революціонной партіи народной воли», программу которой и онъ, Тригони, вполне раздѣляетъ.

По обыску, произведенному въ квартирѣ Тригопи 27 февраля 1881 г., между прочимъ, найдено: 1) 168 экземпляровъ № 5 «Народная Воля» отъ 5 февраля 1881 г., еще влажныхъ и повидимому только что отпечатанныхъ, съ приложенными къ нимъ отчетами о суммахъ, поступившихъ, какъ сказано въ заглавіи, на борьбу «за народное освобожденіе съ 1 по 20 января 1881 г.»; 2) анонимное рекомендательное письмо къ неизвѣстному лицу, предлагающее относиться къ Тригопи съ полнымъ довѣріемъ, и 3) программы организациі революціонныхъ кружковъ и дѣятельности таковыхъ же центральныхъ.

Привлекавшійся къ дознанію по настоящему дѣлу и нынѣ подлежащій высылкѣ въ административномъ порядкѣ въ Сибирь, турецкій подданный Моисей Поповъ показалъ, что въ 1879 г. онъ познакомился въ Одессѣ съ Колодзевичемъ, Фроленко и Тригопи, изъ которыхъ послѣдніе двое снабжали его запрещенными изданіями для распространенія среди рабочихъ. Въ декабрѣ 1880 г. Поповъ по просьбѣ Меркулова, пріѣзжавшаго въ Одессу изъ Кишинева, познакомилъ его съ Тригопи, съ которымъ Меркуловъ и вступилъ въ какіе-то переговоры.

Обвиняемый дворянинъ Курской губерніи, Путивльскаго уѣзда, Александръ Ивановъ Бараниковъ, по окончаніи курса въ Орловской Бахтина военной гимназіи, поступилъ въ 1-е военное Павловское училище, которое оставилъ въ 1876 г. Въ слѣдующемъ 1877 г., рѣшившись заняться революціонной пропагандой среди народа, онъ появился подъ именемъ Семена Яковлева въ с. Хрипуновѣ, Ардатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, въ кузницѣ, открытой тамъ для цѣлей преступной пропаганды дворяниномъ Линевымъ, проживавшимъ подъ именемъ Американскаго гражданина Филиппа. При возникновеніи по этому поводу дознанія въ мѣстномъ губернскомъ жандармскомъ управленіи, Бараниковъ скрылся и продолжалъ жить «нелегально», начавъ съ весны 1879 г. именовать себя Ипполитомъ Копуриновымъ, и вступилъ подъ этимъ именемъ въ бракъ съ сестрой обвиняемой Оловенниковой, вдовой Марьей Ошаниной.

Обвиняемый отставной флота лейтенантъ Николай Евгеньевъ Сухановъ, сынъ лекаря, уроженецъ гор. Риги, сначала воспитывался въ частномъ пансіонѣ и реальномъ училищѣ, а затѣмъ поступилъ въ морское училище, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1872 г. съ производствомъ въ гардемарины. Произведенный въ 1873 г. въ мичманы, а въ 1879 г. въ лейтенанты, Сухановъ былъ слушателемъ миннаго офицерскаго класса, а затѣмъ состоялъ миннымъ офицеромъ на разныхъ судахъ Балтійскаго флота и Сибирской флотиліи; въ 1880 г. онъ былъ прикомандированъ къ гвардейскому экипажу для слушанія лекцій въ С.-Петербургскомъ университетѣ, а въ маѣ 1881 г. уволенъ отъ службы вслѣдствіе привлеченія къ настоящему дѣлу.

Обвиняемый отставной прапорщикъ Кронштадтской крѣпостной артиллеріи Фердинандъ Осиповъ Люстигъ, сынъ колониста Тавриче-

ской губерніи, уроженецъ гор. Симферополя, по окончаніи курса въ Симферопольской гимназіи, поступилъ въ Технологическій институтъ, гдѣ курса не окончилъ, послѣ чего служилъ въ военной службѣ, въ Кронштадтской крѣпостной артиллеріи, откуда вышелъ въ отставку съ чиномъ прапорщика, и въ послѣднее время состоялъ кассиромъ на фабрикѣ «Товарищества русско-американской паровой пекарни» въ С.-Петербургѣ.

Обвиняемый отставной коллежскій регистраторъ Николай Васильевъ Клѣточниковъ, какъ видно изъ собственныхъ его объясненій, уроженецъ гор. Пензы, по окончаніи курса въ Пензенской гимназіи, сначала слушалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ, въ качествѣ вольнослушателя, а затѣмъ поступилъ въ число студентовъ С.-Петербургскаго университета, который оставилъ по разстроенному здоровью, и уѣхалъ на родину въ гор. Пензу. Въ 1870 г., пріѣхавъ въ Крымъ для леченія, онъ остался тамъ на службѣ и занималъ должности письмоводителя Ялтинскаго Уѣзднаго Предводителя Дворянства и секретаря Ялтинскаго Съѣзда Мировыхъ Судей. Въ 1873 г. Клѣточниковъ, получивъ небольшое наслѣдство отъ родителей, ѣздивъ за границу, на Вѣнскую всемірную выставку. Въ 1876 г., соскучившись, по его словамъ, въ гор. Ялтѣ, онъ перешелъ въ Симферополь на должность кассира мѣстнаго общества взаимнаго кредита съ жалованьемъ 1000 руб. въ годъ. Въ сентябрѣ 1877 г., желая снова пожить столичною жизнью и окончить курсъ высшаго учебнаго заведенія, онъ перѣѣхалъ въ С.-Петербургъ и здѣсь поступилъ вольнослушателемъ въ Медико-Хирургическую Академію, но, отвыкнувъ отъ учебныхъ занятій, долженъ былъ оставить Академію и отправился въ Пензу къ роднымъ, откуда снова возвратился въ С.-Петербургъ въ октябрѣ 1878 г. для присканія себѣ мѣста, каковое и нашелъ, при вышеуказанныхъ обстоятельствахъ, въ агентурномъ отдѣленіи при 3-й экспедиціи нынѣ упраздненнаго III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Обвиняемый сынъ фельдфебеля Михаилъ Федоровъ Фроленко, уроженецъ гор. Ставрополя Кавказскаго, по окончаніи курса въ мѣстной гимназіи, поступилъ въ Петровскую Земледѣльческую Академію, но въ 1874 г. скрылся изъ Москвы, вслѣдствіе привлеченія его къ дознанію о тайномъ революціонномъ сообществѣ.

При разслѣдованіи прежней революціонной дѣятельности Фроленко выяснилось—и самимъ обвиняемымъ не отрицается—что въ январѣ 1878 г., во время содержанія въ Кіевскомъ тюремномъ замкѣ обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ Дейча, Стефановича и Бохановскаго, Фроленко, подъ именемъ Екатеринодарскаго мѣщанина Сергѣя Тихонова, поступилъ въ означенный тюремный замокъ ключникомъ на мѣсто отставнаго фейерверкера Пономарева, котораго единомышленники Фроленко предварительно переманили съ должности ключника подъ вымышленнымъ предлогомъ доставленія ему должности приказчика на винокуренномъ заводѣ въ гор. Брацлавѣ, Подольской губерніи. Воспользовавшись

положеніем ключника и успѣвъ своимъ усердіемъ къ службѣ приобрести довѣріе начальства, Фроленко, 26 мая, вывелъ арестантовъ Дейча, Стефановича и Бохановскаго изъ тюрьмы и вмѣстѣ съ ними скрылся.

17 марта 1881 г., Фроленко былъ арестованъ въ С.-Петербургѣ, въ домѣ № 83, по Лиговкѣ, черезъ нѣсколько часовъ по задержаніи проживавшаго въ томъ же домѣ казеннаго государственнаго преступника Кибальчича, въ квартиру котораго явился Фроленко. Назвавъ себя сначала мѣщаниномъ Капустинымъ и предъявивъ подложный паспортъ на это имя, обвиняемый отказался указать свою квартиру, которая и осталась не обнаруженной.

Обвиняемый сынъ почтальона Григорій Прокофьевъ Исаевъ, уроженецъ гор. Могилева, въ 1875 г. былъ исключенъ изъ 5 класса мѣстной гимназіи за распространеніе запрещенныхъ изданій среди своихъ товарищей, съ правомъ поступленія въ другія учебныя заведенія. По окончаніи гимназическаго курса Исаевъ поступилъ сначала въ С.-Петербургскій университетъ, а затѣмъ перешелъ въ Медико-Хирургическую Академію. Въ 1877 г., во время временнаго нахожденія его въ Горькомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи, на него пало обвиненіе въ распространеніи преступной пропаганды, вслѣдствіе чего онъ подлежалъ привлеченію къ дознанію, но скрылся и оставался неразсысканнымъ до самаго задержанія своего въ С.-Петербургѣ 1-го апрѣля 1881 года.

Въ началѣ 1880 года Исаевъ, какъ уже было упомянуто выше, проживалъ въ С.-Петербургѣ, подъ именемъ Еремѣева, вмѣстѣ съ Якимовой и Лебедевой и занимался приготовленіемъ динамита. Съ февраля же 1881 года и по день ареста онъ проживалъ по Вознесенскому проспекту, въ домѣ № 23/76, вмѣстѣ съ Вѣрой Филипповой, по подложному паспорту на имя губернскаго секретаря Кохановскаго. При задержаніи его на улицѣ, 1-го апрѣля, у него были, между прочимъ, найдены рукописи подъ заглавіемъ «Подготовительная работа партіи», трактующая о средствахъ подготовленія въ Россіи всеобщаго возстанія, и рукописный же проектъ организаціи революціонныхъ кружковъ. Что же касается до его квартиры, обнаруженной 3-го апрѣля и повидимому незадолго передъ тѣмъ оставленной скрывшеюся Вѣрой Филипповой, то въ квартирѣ этой оказались склянки, мѣдная трубка, ножницы для рѣзки листового желѣза и другія тому подобныя техническія принадлежности.

Обвиняемый сынъ псаломщика Иванъ Пантелеймоновъ Емельяновъ, уроженецъ Измаильскаго уѣзда, Бессарабской губерніи, представилъ относительно своего прошедшаго слѣдующее объясненіе: въ 9-ти-лѣтнемъ возрастѣ онъ былъ взятъ изъ дома своихъ весьма недостаточныхъ родителей и помѣщенъ къ своему дядѣ, служившему тогда при Императорскомъ Россійскомъ посольствѣ въ Константинополѣ. Здѣсь и вслѣдствіемъ при перѣздахъ съ мѣста на мѣсто, вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ, онъ, очутившись въ совершенно новой и чуждой ему обстановкѣ, среди людей высшаго круга, сталъ съ свойственною ему, по его словамъ, любознательностью и впечат-

лительностью, присматриваться къ окружающему и въ результатѣ этихъ наблюденій, уже 11—12 лѣтъ отъ роду, «совершенно самостоятельно попалъ на мысль и идею, которая принято теперь называть социализмомъ». Такого рода мысли къ немъ незамѣтно развивались и окрѣпли, когда, по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ, онъ проходилъ учебный курсъ сначала въ 1-мъ реальномъ училищѣ, а затѣмъ въ ремесленномъ училищѣ Цесаревича Николая. Принявшись за чтеніе, онъ убѣдился, что социализмъ есть «плодъ не однихъ его размышленій». Слѣдя за періодическою прессой, онъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на рядѣ политическихъ процессовъ и пришелъ къ заключенію, что его взгляды и убѣжденія въ значительной степени солидарны съ социально-революціонными тенденціями, съ которыми онъ могъ еще ближе познакомиться изъ чтенія выходившей тогда «Земли и Воли». Далѣе, во время поѣздокъ по внутренней и южной Россіи, онъ былъ, по его объясненію, пораженъ политическимъ и экономическимъ положеніемъ русскаго крестьянина. Когда же, послѣ весьма успѣшнаго окончанія курса въ ремесленномъ училищѣ, онъ, Емельяновъ, былъ посланъ на казенный счетъ за границу, то увидѣлъ «превосходство экономическаго и культурнаго положенія западно-европейскаго крестьянина и рабочаго передъ положеніемъ русскаго простолюдина». За границей обвиняемый слѣдилъ за процессомъ 16 лицъ въ С.-Петербургскомъ Военно-Окружномъ Судѣ и нашелъ, что программа «Народной Воли» согласна съ его убѣжденіями, почему, по возвращеніи въ Россію, онъ не считалъ себя въ правѣ остаться индифферентнымъ и вступилъ въ число членовъ «социально-революціонной партіи».

Обвиняемые: сынъ дьякона Петръ Васильевичъ Тычининъ и дворянка Орловской губерніи, Малоархангельскаго уѣзда, дочь губернскаго секретаря Елизавета Николаева Оловенникова состояли, какъ видно изъ дѣла, первый—студентомъ 3 курса Медико-Хирургической Академіи, а послѣдняя—слушательницей женскихъ врачебныхъ курсовъ при Покровской общинѣ.

По обыску, произведенному въ ночь на 25 января 1881 г. въ квартирѣ задержаннаго, подъ именемъ Агаческулова, обвиняемаго Григорія Михайлова Фриденсона (Казанская улица, домъ № 38), у него найдено два экземпляра № 4 «Народной Воли» за 1880 г., не бывшіе еще, судя по ихъ наружному виду, въ обращеніи, рукописи, представляющая повидимому революціонную программу, и аттестатъ на имя чиновника Коморскаго.

Изъ дознанія о государственномъ преступникѣ Кибальчичѣ видно, что лѣтомъ 1880 г. онъ проживалъ по тому же паспорту на имя Агаческулова, по которому проживалъ Фриденсонъ при его задержаніи и который, по проверкѣ, оказался подложнымъ.

Отрицая свое участіе въ преступныхъ дѣяніяхъ террористическаго характера, Фриденсонъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, призналъ какъ принадлежность свою къ партіи «народной воли», такъ и знакомство свое съ Желябовымъ, отъ котораго онъ получалъ газету «Народная Воля».

необходимую ему для революционной пропаганды среди С.-Петербургской молодежи в духе означенной партии.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свидѣній о Фриденсонѣ и собственныхъ его объясненій видно, что онъ, по происхожденію Бѣлостокскій купеческій сынъ, по окончаніи курса въ Бѣлостокскомъ реальномъ училищѣ былъ вольнослушателемъ въ Московскомъ техническомъ училищѣ, откуда уволенъ вслѣдствіе привлеченія его къ дознанію, возникшему въ Москвѣ по поводу убійства мѣщанина Рейнштейна; дознаніе это въ отношеніи Фриденсона было прекращено безъ всякихъ для него послѣдствій.

Обвиняемый солдатскій сынъ Василій Аполлоновъ Меркуловъ, оставшійся, по его объясненію, съ дѣтства безъ всякаго призора и надзора, 9-ти лѣтъ отъ роду былъ отданъ матерью въ столярную мастерскую въ Одессѣ и, изучивъ столярное ремесло, сталъ добывать имъ себѣ средства къ жизни. На 18 году онъ встрѣтился въ Одессѣ съ Иваномъ Пивичевымъ, убитымъ впослѣдствіи, въ февралѣ 1879 г., въ гор. Кіевѣ при вооруженномъ сопротивленіи полиціи, черезъ него познакомился съ Желябовымъ и вошелъ въ кружокъ лицъ, занимавшихся революціонной пропагандой среди рабочихъ.

Изъ дѣла видно, что, по возвращеніи изъ Одессы лѣтомъ 1880 г., Меркуловъ проживалъ въ С.-Петербургѣ по подложному паспорту на имя мѣщанина Сергѣя Лапина, по которому впослѣдствіи проживалъ въ Петербургѣ государственный преступникъ Тимофей Михайловъ.

При обыскѣ, произведенномъ у Меркулова при задержаніи его въ Петербургѣ 27 февраля 1881 года, подъ именемъ Яковенко, въ то время, когда онъ явился къ обвиняемому Тетеркѣ, у него, Меркулова, и затѣмъ въ квартирѣ его были найдены экземпляры газеты «Народной Воли», разныя революціонныя воззванія, оттиски печатей разныхъ правительственныхъ учреждений, нѣсколько такихъ же печатей, вырѣзанныхъ на грифельной доскѣ, столярный инструментъ и такъ называемый финскій матросскій ножъ, подобный тому, который былъ при государственномъ преступникѣ Рысаковѣ во время совершенія злодѣянія 1 марта.

При обыскѣ у обвиняемаго Льва Соломонова Златопольскаго, арестованнаго въ г. Петербургѣ 29-го января 1881 года, въ квартирѣ Колодkevича, у него, Златопольскаго, были найдены разныя орудія и приспособленія для механическихъ работъ.

Не сознаваясь во взводимомъ на него преступленіи и отрицая всякое участіе свое въ революціонной дѣятельности, Златопольскій объяснилъ, что, занимаясь механикой и въ частности изобрѣтеніемъ аппарата для нефтянаго отопленія, онъ нуждался въ денежныхъ средствахъ для осуществленія означеннаго предпріятія. Съ этою цѣлью онъ искалъ знакомства съ лицами, которые могли бы оказать ему такого рода помощь и, познакомившись случайно съ Колодkevичемъ, рассчитывалъ получить отъ него содѣйствіе въ указанномъ отношеніи. По объясненію обвиняемаго, всѣ предметы, найденные при обыскѣ, составляютъ принадлежности устраиваемой имъ нефтяной печи.

Изъ показаній Григорія Гольденберга, между прочимъ, видно, что

онъ сынъ Елисаветградскаго мѣщанина, воспитывался въ С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ, изъ котораго вышелъ въ 1875 году, не окончивъ курса.

Въ 1876 г. онъ появился въ с. Шенцовѣ, Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи, у проживавшаго тамъ и привлекавшагося къ дознанію о государственномъ преступленіи Соломона Желѣзняка, а затѣмъ въ с. Мартыновѣ, Вологодскаго уѣзда. Вслѣдствіе полученныхъ мѣстными властями свидѣній о томъ, что Златопольскій прибылъ въ вышеозначенную мѣстность для преступной пропаганды, по этому поводу было возбуждено дознаніе, при возникновеніи котораго обвиняемый скрылся.

Обвиняемый Гомельскій мѣщанинъ Айзикъ Борисовъ Арончикъ, по окончаніи Одесскаго реальнаго училища, поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, откуда вышелъ, не окончивъ курса въ 1879 году.

Изъ показанія Григорія Гольденберга, между прочимъ, видно, что когда на Липецкомъ съѣздѣ возникъ вопросъ о посылкѣ кого-либо въ гор. Повѣнецъ для освобожденія находившихся тамъ въ административной ссылкѣ Самарской и Воскресенской и онъ, Гольденбергъ, предложилъ для этого свои услуги, то участники съѣзда, признавъ его присутствіе необходимымъ для болѣе серьезныхъ дѣлъ, рѣшили поручить освобожденіе Самарской и Воскресенской Арончику, съ которымъ Гольденбергъ познакомился въ Кіевѣ еще въ 1878 г.

По задержаніи Арончика въ С.-Петербургѣ 17-го марта 1881 г., по подложному паспорту Золотницкаго, у него былъ, между прочимъ, найденъ печатный листокъ подъ заглавіемъ «Отъ исполнительнаго комитета Императору Александру III» отъ 3 марта 1881 г.

Осмотромъ надлежащихъ домовыхъ книгъ и показаніями свидѣтелей Кузмы Стуликова и Семена Михайлова удостовѣряется, что Арончикъ, подъ именемъ Золотницкаго, проживалъ съ 13 по 26 февраля 1881 г. въ гостинницѣ «Москва», на углу Невскаго и Владимирскаго проспектовъ, при чемъ въ той же гостинницѣ въ одинъ день съ Арончикомъ поселился и въ одинъ день съ нимъ выбылъ Николай Саблинъ, проживавшій подъ именемъ Фесенко-Навроцкаго и застрѣлившійся 3-го марта въ конспиративной квартирѣ по Телѣжной улицѣ. Затѣмъ съ 3 марта и по день ареста Арончикъ проживалъ подъ тѣмъ же именемъ Золотницкаго по М. Итальянской улицѣ въ д. № 32, кв. № 11, и значился прибывшимъ въ эту квартиру изъ Царскаго Села.

Обвиняемый Одесскій мѣщанинъ Макаръ Васильевъ Тетерка, по ремеслу столяръ, не получившій никакого образованія, еще въ 1877 г. принималъ участіе въ происходившихъ въ Одессѣ противозаконныхъ сходкахъ рабочихъ; въ 1879 г. онъ проживалъ въ Кіевѣ, при чемъ по обыску, произведенному 6 мая того же года у сожителей его по квартирѣ, Предтеченскаго и Красовскаго, найдены были проксилины и разрывные снаряды. Здѣсь же въ Кіевѣ Тетерка встрѣтился съ Желябовымъ, который и побудилъ его принять непосредственное участіе въ революціонной дѣятельности.

Дознаніемъ по настоящему дѣлу обнаружено и обвиняемымъ Тетеркой не отвергается, что въ теченіе 1880 г. и въ январь 1881 г. Тетерка проживала въ С.-Петербургѣ, послѣдовательно подъ фамиліями Березина, Николаева и Веселовскаго. При этомъ, называясь Николаевымъ, съ сентября 1880 г. по январь 1881 г., онъ жилъ вмѣстѣ съ государственною преступницею Гессею Гельфманъ по Троицкому переулку, въ д. № 27, въ нанятой имъ, по указанію Желябова, конспиративной квартирѣ, гдѣ помѣщалась типографія „Рабочей Газеты“. Отсюда Гельфманъ перѣехала, вмѣстѣ съ Саблиннымъ, на конспиративную квартиру въ Телѣжной улицѣ, а Тетерка приобрѣла лошадь и сани для занятія извознымъ промысломъ, поселился у мѣщанина Якова Михайлова, на Васильевскомъ Островѣ, по 17 линіи, д. № 46.

Обвиняемый прусскій подданный Мартынъ Рудольфовъ Лангансъ, уроженецъ гор. Херсона, по окончаніи курса въ Херсонской гимназіи, поступилъ въ С.-Петербургскій технологическій институтъ изъ котораго, не окончивъ курса, вышелъ въ 1872 г., а въ 1874 г. былъ привлеченъ къ дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи, но по суду оправданъ; въ 1879 г. онъ былъ задержанъ въ гор. Кіевѣ, подъ именемъ Петрова, въ квартирѣ, гдѣ, по обыску, были найдены разные запрещенныя изданія; посланный послѣ этого за границу, онъ, по его собственному объясненію, лѣтомъ 1880 г. вернулся въ Россію и съ тѣхъ поръ жилъ подъ разными фамиліями.

21 апрѣля 1881 г. Лангансъ былъ задержанъ въ Кіевѣ, послѣ того какъ, вмѣстѣ съ обвиняемой Якимовой, явился въ квартиру разыскиваемой по обвиненію въ государственномъ преступленіи мѣщанинъ Фейги Морейнисъ, при чемъ назвался при арестѣ однодворцемъ Кишиневскаго уѣзда Матвѣемъ Гужо.

Обвиняемый Николай Александровъ Морозовъ, незаконнорожденный сынъ помѣщика Ярославской губерніи, воспитывался на счетъ своего отца во 2-й Московской гимназіи, изъ 6 го класса которой былъ уволенъ вслѣдствіе привлеченія его къ дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи, по каковому дѣлу былъ судимъ Особымъ Присутствіемъ Правительствующаго Сената, въ числѣ 193 подсудимыхъ, и признанъ виновнымъ въ принадлежности къ противоправительственному тайному сообществу, но въ виду смягчающихъ его вину обстоятельствъ, ему, по Высочайшему соизволенію, было выдѣлено въ наказаніе содержаніе подъ стражею до суда. Въ ноябрѣ 1879 года Морозовъ проживалъ въ С.-Петербургѣ вмѣстѣ съ государственной преступницей Ольгой Любатовичъ, бѣжавшей съ мѣста ссылки, подъ именемъ супруговъ Хитрово. Заподозрѣнные полиціей, они были, впредь до обнаруженія ихъ личности, подвергнуты домашнему аресту, но, въ ночь на 26 ноября, успѣли скрыться, при чемъ, по объясненію Морозова, отправились за границу.

Въ январѣ 1881 г., Морозовъ, подъ именемъ Лакіера, былъ задержанъ въ дер. Стошки, Сувалкской губерніи, куда незадолго передъ тѣмъ прибылъ изъ-за границы вмѣстѣ съ другими лицами, такъ же, какъ и Морозовъ, разыскивавшимися по обвиненію въ госу-

дарственныхъ преступленіяхъ. По обыску въ помѣщеніи, гдѣ проживалъ Морозовъ, были найдены въ значительномъ количествѣ экземпляровъ заграничныя изданія противоправительственнаго содержанія, въ томъ числѣ и написанныя самимъ Морозовымъ брошюра подъ заглавіемъ „Террористическая Борьба“ и революціонныя стихотворенія.

Обвиняемая дочь титулярнаго совѣтника (учителя народнаго училища) Людмила Дементьева Терентьева, уроженка Херсонской губерніи, воспитывалась на казенный счетъ въ Одесской Маріинской женской гимназіи и, по окончаніи въ 1878 г. курса, 16 лѣтъ отъ роду, по собственному ея объясненію, вступила въ „соціально-революціонную партію“, отдѣльныя порученія членовъ которой она исполняла, еще обучаясь въ гимназіи. Признавая свои принадлежности къ террористической фракціи, обвиняемая заявила, что занятія ея—работа въ тайной типографіи и средства къ жизни—революціонный фондъ.

Осмотрами надлежащихъ домовыхъ книгъ и показаніями свидѣтелей Андрея Якимова, Елизаветы Фохтъ и Прокофія Яковлева, а также показаніями самой Терентьевой удостовѣрено, что она жила въ Петербургѣ: а) съ 11 апрѣля по 3 мая 1880 г.—по Малой Итальянской, д. № 33, подъ именемъ Евгеніи Климовичъ; б) отсюда перѣехала въ д. № 11, кв. 21, по Подольской улицѣ, гдѣ подъ тѣмъ же именемъ проживала вмѣстѣ съ Кибальничемъ, который назывался Агаческуловымъ, и в) затѣмъ съ 6 ноября 1880 г. до дня своего ареста. 2 мая 1881 г., Терентьева подъ именемъ Авдотьи Трифоновой жила на углу Подольской ул. и Мал. Царскосельскаго проспекта, д. № 14/42, кв. 31, въ квартирѣ супруговъ Пришибинныхъ.

Послѣ того какъ, 2 мая 1881 г., Терентьева была арестована на улицѣ подъ именемъ Маріи Кастенкой, 5 мая послѣдовало обнаруженіе вышеупомянутой квартиры, на углу Подольской ул., въ д. № 14/42, изъ которой хозяева ея, проживавшіе подъ именемъ Верейскихъ мѣщанъ Григорія и жены его Надежды Пришибинныхъ, успѣли скрыться и до настоящаго времени остались разысканными. Квартира оказалась, такъ называемою, конспиративною и, повидимому, представляла собою помѣщеніе тайной типографіи „Народной Воли“ и сборный пунктъ участниковъ преступнаго сообщества, послѣ злодѣянія 1 марта. Поводомъ къ обнаруженію означенной квартиры послужило то обстоятельство, что Прокофій Яковлевъ, дворникъ дома № 14/42 на углу Подольской улицы, вызванный въ секретное отдѣленіе при управленіи С.-Петербургскаго градоначальства, для предъявленія ему, въ числѣ другихъ дворниковъ, арестованной наканунѣ Кастенкой-Терентьевой, заподозрилъ въ ней сожительницу Пришибинныхъ, Трифонову, вслѣдствіе чего полицейскіе розыски и были направлены на упомянутую квартиру.

По осмотру квартиры Пришибинныхъ въ ней оказалась вся обстановка типографскихъ работъ, типографскія принадлежности въ полномъ составѣ, разные изданія преступнаго содержанія въ зна-

чительномъ количествѣ экземпляровъ, носящія слѣды свѣжей отпечатки, и множество вещественныхъ доказательствъ преступной террористической дѣятельности, изъ числа которыхъ обращаютъ на себя особенное вниманіе: 1) девять стеклянныхъ банокъ, наполненныхъ чернымъ динамитомъ, количествомъ всего до 4 пудовъ 15 фунтовъ, совершенно сходнымъ съ тѣмъ, который былъ заложенъ въ минѣ, выведенной изъ лавки Кобозева; 2) готовый метательный снарядъ, устроенный по той же системѣ, какъ и снаряды, употребленные при злодѣяніи 1 марта; 3) граната заряженная порохомъ и картечью, съ проведеннымъ къ ней стопиномъ; 4) яды—опій, стрихнинъ и цианистый кали; 5) два книжала, четырехугольный стилетъ и 9 такъ называемыхъ финскихъ матросскихъ ножей; 6) два револьвера, револьверные патроны и большое количество дробі; 7) бланки для писемныхъ видовъ и 8) разныя шифрованные письма и записки.

Изъ показанія свидѣтельницы Маріи Миссюро, между прочимъ, видно, что Терентьева приходила къ Тригони, проживавшему, до своего ареста, въ содержимыхъ свидѣтельницею мебелированныхъ комнатахъ въ домѣ № 66, по Невскому проспекту, и при этомъ принесла съ собою какой-то узелъ.

По заключенію экспертовъ вышеупомянутыя найденныя у обвиняемаго Псаева записки о приготовленіи нитроглицерина и динамита писаны Терентьевою.

Обвиняемая дочь коллежскаго совѣтника Татьяна Иванова Лебедева, уроженка гор. Богородска, Московской губерніи, окончила курсъ въ Московскомъ Николаевскомъ Институтѣ, гдѣ воспитывалась на казенный счетъ; была осуждена по дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи, но, въ виду смягчающихъ вину ея обстоятельствъ, ей, съ Высочайшаго соизволенія, вмѣнено было въ наказаніе предварительное содержаніе подъ стражею. По объясненію Лебедевой, находившейся въ Москвѣ, въ мартѣ 1879 года, и вращаясь среди революціонныхъ дѣятелей, она знала о замыслѣ ихъ совершить убійство сыскаго агента Рейнштейна. Обвиняемая начала проживать нелегально со времени своего двухдневнаго содержанія подъ стражею, при розыскахъ, производившихся въ Петербургѣ въ августѣ 1878 года послѣ убійства генералъ-адъютанта Мезенцова.

По осмотру подлежащихъ домовыхъ книгъ оказалось, что Лебедева съ 17-го іюня 1881 г. и до дня ареста (3-го сентября) проживала въ С.-Петербургѣ на разныхъ квартирахъ подъ именемъ Лидіи Рошиной. При задержаніи же ея, у нея, кромѣ паспорта на имя Рошиной, оказался еще и другой видъ на жительство на имя Софьи Котоминой.

Обвиняемая дочь священника Анна Васильева Якимова, уроженка Уржумскаго уѣзда, Вятской губерніи, по окончаніи курса въ Вятскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ, была учительницей сельской школы въ селѣ Камышинцевѣ, Орловскаго уѣзда, Вятской губерніи, послѣ чего была привлечена, судима и оправдана по дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи.

21 марта 1881 года Якимова была задержана вмѣстѣ съ обви-

няемымъ Лангансомъ въ г. Киевѣ, при вышеуказанныхъ обстоятельствахъ въ квартирѣ Фейги Морейнисъ.

На основаніи всего вышеизложеннаго:

I. Дворяне: Александръ Дмитріевъ Михайловъ, 25 лѣтъ; Николай Николаевъ Колодкевичъ, 31 года; Михаилъ Николаевъ Тригони, 30 лѣтъ; Александръ Ивановъ Бараниковъ, 23 лѣтъ; отставной флота лейтенантъ Николай Евгеньевъ Сухановъ, 29 лѣтъ; отставной прапорщикъ Фердинандъ Осиповъ Лвстигъ, 27 лѣтъ; отставной коллежскій регистраторъ Николай Васильевъ Клѣточниковъ, 34 лѣтъ; сынъ фельдфебеля Михаилъ Федоровъ Фроленко, 33 лѣтъ; сынъ почтальона Григорій Прокофьевъ Псаевъ, 24 лѣтъ; сынъ псаломщика Иванъ Пантелеймоновъ Емельяновъ, 20 лѣтъ; сынъ дьякона Петръ Васильевъ Тычининъ, 26 лѣтъ; купеческій сынъ Григорій Михайловъ Фриденсонъ, 26 лѣтъ; солдатскій сынъ Василій Аполлоновъ Меркуловъ, 21 года; мѣщане: Левъ Соломоновъ Златопольскій, 33 лѣтъ; Айзикъ Борисовъ Арончикъ, 22 лѣтъ; Макаръ Васильевъ Тетерка, 28 лѣтъ; Николай Александровъ Морозовъ, 26 лѣтъ; прусскій подданный Мартинъ Рудольфовъ Лангансъ, 29 лѣтъ; дворянка Елизавета Николаева Оловенникова, 23 лѣтъ; дочь титулярнаго совѣтника Людмила Деметьева Терентьева, 20 лѣтъ; дочь коллежскаго совѣтника Татьяна Иванова Лебедева, 29 лѣтъ; и дочь священника Анна Васильева Якимова, 26 лѣтъ, обвиняются въ томъ, что вступили въ тайное сообщество, именующее себя «русской социально-революціонной партіею», имѣющее цѣлью ниспровергнуть, посредствомъ насильственнаго переворота, существующій въ Имперіи государственный и общественный строй, при чемъ преступная дѣятельность этого сообщества проявилась въ рядѣ посягательствъ на жизнь Священной Особы въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, въ убійствахъ и покушеніяхъ на убійство должностныхъ лицъ и вооруженныхъ сопротивленіяхъ властямъ.

II. Изъ числа вышепоименованныхъ лицъ, нижеслѣдующія обвиняются въ томъ, что, дѣйствуя для достиженія вышеуказанной преступной цѣли упомянутого сообщества:

1) Михайловъ—въ мартѣ 1879 года, въ С.-Петербургѣ, участвовалъ съ другими лицами въ соглашеніи посягнуть на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора и въ обсужденіи плана означеннаго злодѣянія, во исполненіе какового плана, 2 апрѣля 1879 года, послѣдовало, завѣдомо для Михайлова, покушеніе на царубійство, совершенное нынѣ казеннымъ государственнымъ преступникомъ Соловьевымъ.

2) Фроленко, Лебедева, Колодкевичъ и Меркуловъ—въ октябрѣ и ноябрѣ 1879 года, намѣреваясь, съ цѣлью посягательства на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора, заложить мину на 14-й верстѣ Одесской желѣзной дороги для взрыва динамитомъ поѣзда, въ которомъ имѣлъ слѣдовать Его Императорское Величество, сдѣлали всѣ необходимыя къ тому приготовленія.

3) Якимова, Тетерка и Псаевъ—въ ноябрѣ 1879 года, близъ города Александровска, Екатеринбургской губерніи, съ тою

же преступной цѣлью, вмѣстѣ съ другими лицами, заложили подъ полотномъ Лозово-Севастопольской желѣзной дороги мину, для взорванія динамитомъ поѣзда, въ которомъ имѣлъ слѣдовать въ Бозѣ почившій Государь Императоръ, послѣ чего, 18-го того же ноября, при проходѣ означеннаго поѣзда, соучастниками ихъ была сомкнута проведенная къ минѣ гальваническая цѣпь, при чемъ, однакоже, по обстоятельствамъ, отъ нихъ не зависѣвшимъ, взрыва не послѣдовало.

4) Михайловъ, Арончикъ, Псаевъ, Баранниковъ и Морозовъ—съ тою же преступною цѣлью, принимали, вмѣстѣ съ другими лицами, участіе въ устройствѣ подкопа и мины, для взорванія динамитомъ полотна Московско-Курской желѣзной дороги, близъ города Москвы, при слѣдованіи императорскаго поѣзда, во время какового слѣдованія, 19 ноября 1879 года, и былъ произведенъ предположенный взрывъ, не причинившій, однакоже, по обстоятельствамъ, отъ обвиняемыхъ не зависѣвшимъ, никакого вреда лицамъ, находившимся въ упомянутомъ поѣздѣ.

5) Псаевъ—съ тою же преступною цѣлью изготовилъ мину, которою, завѣдомо для него, 5-го февраля 1880 года, былъ произведенъ взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ въ то время пребывалъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ, каковой взрывъ не достигъ, однакоже, по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ обвиняемаго, вышеуказанной цѣли.

6) Псаевъ, Якимовъ, Златопольскій и Меркуловъ—для той же преступной цѣли, весной 1880 года, въ гор. Одессѣ, умысливъ, вмѣстѣ съ другими лицами, произвести взрывъ при слѣдованіи въ Бозѣ почившаго Государя Императора, по Итальянской улицѣ, сдѣлали всѣ необходимыя къ этому приготовления.

7) Псаевъ, Михайловъ, Баранниковъ, Тетерка и Меркуловъ—для той же преступной цѣли, лѣтомъ 1880 года, въ гор. С. Петербургѣ, заложили подъ каменнымъ мостомъ, въ Екатерининскомъ каналѣ, мину, для производства динамитомъ взрыва при слѣдованіи въ Бозѣ почившаго Государя Императора чрезъ означенный мостъ.

8) Псаевъ, Колодkevичъ, Баранниковъ, Фроленко, Тригони, Сухановъ, Емельяновъ, Меркуловъ, Лангансъ, Тычининъ, Якимовъ и Оловенникова—согласившись между собою и съ другими лицами посягнуть на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, во исполненіе такого умысла, во 2-й половинѣ 1880 и въ 1-й половинѣ 1881 года: а) учредили постоянное наблюдение за проѣздами Его Императорскаго Величества по улицамъ города С.-Петербурга, послѣ чего: б) изъ подвальной лавки въ домѣ графа Менгдена, по Малой Садовой, былъ проведенъ подкопъ подъ означенную улицу, съ устроеною въ немъ миною, для производства взрыва при слѣдованіи Его Величества, и в) 1 марта 1881 года при проѣздѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора по набережной Екатерининскаго канала, были брошены два метательныхъ взрывчатыхъ снаряда, изъ которыхъ взрывъ второго причинилъ Государю Императору тяжкія пораненія, повлекшія за собой кончину Его Императорскаго Величества, причѣмъ изъ поименованныхъ обвиняемыхъ:

Тычининъ и Оловенникова участвовали, подъ руководствомъ нынѣ казненной государственной преступницы Софьи Перовской, въ вышеупомянутомъ наблюдении за проѣздами Его Величества;

Якимовъ, подъ именемъ Кобозевой, была хозяйкой сырной лавки, изъ которой былъ проведенъ вышеозначенный подкопъ подъ улицу Малую Садовую;

Меркуловъ—служилъ въ этой лавкѣ въ качествѣ приказчика, а также переносилъ въ нее разныя приспособленія для проведенія подкопа и устройства мины;

Колодkevичъ, Баранниковъ, Тригони, Фроленко, Сухановъ и Лангансъ работали при проведеніи означеннаго подкопа, а Сухановъ, кромѣ того, изготовилъ зарядъ для взрыва устроенной въ томъ подкопѣ мины;

Лебедева участвовала въ снаряженіи упомянутого заряда;

Сухановъ и Псаевъ участвовали въ изготовленіи вышеупомянутыхъ метательныхъ снарядовъ, послужившихъ орудіями царевубійства и, наконецъ,

Емельяновъ, вооруженный однимъ изъ такихъ метательныхъ снарядовъ, находился на Екатерининскомъ каналѣ, на мѣстѣ совершения этого злодѣянія, для принятія въ немъ непосредственнаго участія.

Означенныя преступленія предусмотрены ст. 241, 242, 243 и 249 улож. о наказ. угол. и испр. изд. 1866 года.

III. Сверхъ перечисленныхъ обвиненій, нижепоименованныя лица обвиняются еще въ томъ, что, для способствованія достиженію вышеуказанной преступной цѣли тайнаго общества, именующаго себя «русской соціально-революціонной партіей»:

1) Баранниковъ—по предварительному соглашенію съ другими лицами, участвовалъ 4 августа 1878 года въ лишеніи жизни Шефа Жандармовъ, генералъ-адъютанта Мезенцова, при чемъ, находясь на мѣстѣ совершения этого преступленія, произвелъ изъ револьвера выстрѣлъ въ сопровождавшаго покойнаго генерала Мезенцова отставнаго подполковника Макарова;

2) Терентьева—для доставленія названному преступному сообществу денежныхъ средствъ, въ іюнь 1879 года, въ городѣ Херсонѣ, принимала участіе, вмѣстѣ съ другими лицами, въ тайномъ похищеніи изъ Херсонскаго губернскаго казначейства казенныхъ денегъ на сумму болѣе полутора милліона рублей, при чемъ, для совершения означенной кражи, были произведены проломъ каменной стѣны, подкопъ подъ зданіе казначейства и взломъ запертыхъ у сундуковъ, въ которыхъ хранились деньги, и, наконецъ,

3) Фроленко, Лебедева, Фриденсонъ и Меркуловъ—для той же указанной въ предыдущемъ пунктѣ цѣли, умысливъ, вмѣстѣ съ другими лицами, похитить казенныя деньги изъ Кишиневскаго губернскаго казначейства, въ декабрь 1880 и въ январь 1881 г. начали проводить подкопъ подъ зданіе означеннаго казначейства, но намѣренія своего, по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, не успѣли привести въ исполненіе.

Означенныя преступления предусмотрены ст. 9, 13, 1454 и 1647 улож. о нак. угол. и испр. изд. 1866 года.

По вышеозначенным обвиненіямъ, согласно Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 9-й день декабря 1881 г., и на основаніи ст. 1032 и 1052 уст. угол. суд. 2-й ч. XV т. Св. Зак. изд. 1876 года, по продолж. 1879 года, поименованные выше: Александръ Михайловъ, Николай Колодзевичъ, Михаилъ Тригони, Александръ Баранниковъ, Николай Сухановъ, Фердинандъ Люстигъ, Николай Клѣточниковъ, Михаилъ Фроленко, Григорій Исаевъ, Иванъ Емельяновъ, Петръ Тычининъ, Григорій Фриденсонъ, Василій Меркуловъ, Левъ Златопольскій, Аизимъ Арончикъ, Макаръ Тетерка, Николай Морозовъ, Мартынъ Лангансъ, Елизавета Оловенникова, Людмила Терентьева, Татьяна Лебедева и Анна Якимова предаются суду Особого Присутствія Правительствующаго Сената, съ участіемъ сословныхъ представителей.

Составленъ декабря 30-го дня 1881 года, въ городѣ С.-Петербурѣ.

Подлинный подписалъ: Исполняющій обязанности Прокурора при Особомъ Присутствіи Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ *Н. Муравьевъ*.

Замѣтки о процессѣ двадцати ¹⁾.

Вводить подсудимыхъ, каждаго между двумя жандармами. Кромѣ того, въ залѣ ихъ ожидаетъ еще внушительный караулъ, полиція, жандармы, даже казаки! Недостаётъ только артиллеріи. Стражи больше, чѣмъ публики. Такъ и кажется, что она приготовлена для какихъ-то страшныхъ силачей—разбойниковъ, которые, того и гляди, растерзаютъ г.г. сенаторовъ. Что касается публики, то она вся состоитъ изъ чиновниковъ М. В. Д. и военныхъ. Изъ судебного вѣдомства никого. Члены и даже предсѣдатели судовъ настолько заражены крамолой, что ихъ нежелательно вовсе видѣть въ залѣ. Нечего и говорить объ адвокатахъ: они, какъ люди независимые, не получающіе жалованія отъ начальства, а работающіе по личному найму, настолько пропитаны зловредными идеями, что о допущеніи ихъ въ засѣданіе не можетъ быть и рѣчи. Положимъ, по закону имъ болѣе другихъ слѣдовало бы быть, чтобы знакомиться съ судебными порядками, но, вѣдь, по времени и закону перемѣна бываетъ. Ходя на хоры Муравьевъ собственноручно заперъ, положилъ ключъ къ себѣ въ карманъ и поставилъ тутъ же городского, но, впрочемъ, не забылъ спрятать на хоры, за колонну, свою супругу. Она, вѣроятно, какъ жена прокурора, лицо официальное и можетъ присутствовать въ засѣданіи, происходящемъ при закрытыхъ дверяхъ. Разсаживаютъ подсудимыхъ въ два ряда. Въ 1-мъ—7 чело-

¹⁾ Изъ приложений къ № 8—9 „Н. В.“.

вѣкъ, ближе всѣхъ къ судьямъ услужливый предатель Меркуловъ. Говорить, когда онъ былъ взятъ, то ему обѣщали прощеніе, если онъ выдастъ своихъ. Онъ на это согласился и ходилъ по улицамъ, незамѣтно сопровождаемый шпионами. Встрѣчаясь съ тѣми, кого могъ выдать, онъ только раскланивался съ ними, и отъ него каждый разъ отбѣлялся шпионъ, который и слѣдилъ за послѣднимъ. По размѣщеніи подсудимые встаютъ и объявляютъ, что имѣютъ сдѣлать заявленіе суду. «Послѣ!» кричитъ Дрейеръ: «теперь не время!»—«Мы относительно самого суда», заявляютъ подсудимые. «Никакихъ заявленій относительно суда», кричитъ Дрейеръ. *Этотъ Дрейеръ тотъ самый, который предсѣдательствовалъ въ Москвѣ на процессѣ Нечаева и въ заключительномъ словѣ къ присяжнымъ произнесъ обвинительную рѣчь.* Михайловъ, во избѣжаніе шума, хочеть сдѣлать заявленіе одинъ отъ имени всѣхъ. Предсѣдатель. Вы не уполномоченный, не имѣете права заявлять отъ имени всѣхъ! Михайловъ. Я отъ себя желаю заявить. Предсѣдатель. И отъ себя нельзя. Еще разъ повторяю, никакихъ заявленій. Подсудимые протестуютъ противъ такого обращенія. Стража бряцаетъ оружіемъ, съ напряженнымъ вниманіемъ ожидая отъ предсѣдателя знака, чтобы ринуться въ атаку противъ злодѣевъ, горя благороднымъ желаніемъ сразиться съ непріателемъ. Наконецъ, все нѣсколько успокоилось, подсудимые, едва сдерживая негодованіе, рѣшили выказать болѣе самообладанія, чѣмъ самъ безпристрастный судъ, и прекратили перепалку. По опросѣ ихъ о званіи и проч., началось чтеніе обвинительнаго акта. Оно прошло бы совершенно спокойно, но тутъ предсѣдатель опять сталъ безобразничать. Подсудимые, которымъ содержаніе акта давно ужъ хорошо извѣстно, долго не выдержавъ другъ съ другомъ, стали очень тихо разговаривать между собою и передавать далеко сидящимъ записки. Все это нѣсколько не могло помѣшать чтенію, такъ какъ шума почти не было. Но тутъ предсѣдатель сталъ кричать и такъ какъ подсудимые все не переставали, то чтеніе все время прерывалось криками предсѣдателя, поминутно сыпались такіе возгласы: «Молчать! Не умѣете себя держать! Вы не дома!» Угрозамъ удалить изъ залы не было конца. Баранниковъ получилъ нагоняй даже за то, что, сидя далеко отъ защитника, сдѣлалъ знакъ, чтобы онъ передалъ ему обвинительный актъ.—«Подсудимый!» закричалъ предсѣдатель: «никакихъ знаковъ дѣлать я не позволю! Если это еще разъ повторится, то вы будете удалены изъ залы!» Итакъ, значитъ, относиться со вниманіемъ къ чтенію акта (что гораздо удобнѣе, если онъ предъ глазами) тоже нельзя. Наконецъ, кончилось чтеніе злополучнаго акта. Перерывъ. Подсудимыхъ вводятъ въ тюрьму, и послѣ перерыва вводятъ по одиночкѣ или группами для предложенія вопроса о виновности. Опредѣленіе объ этомъ предсѣдатель не позаботился объявить въ засѣданіи. Вообще, нарушеніе формъ судопроизводства на каждомъ шагѣ. Такъ, прежде всего, предсѣдатель не объявилъ, что засѣданіе происходитъ при закрытыхъ дверяхъ. Затѣмъ, на всякую просьбу Муравьева предсѣдатель, даже для виду не посовѣтовав-

шись съ членами, предупредительно отвѣчаетъ: «Особое присутствіе находить вполне возможнымъ согласиться на просьбу прокурора». Но это все пустяки. Нарушеніе закона доведено было до поразительной наглости въ первый день вечеромъ. Дѣло было такъ: когда послѣ чтенія акта подсудимыхъ стали вводить по одиночкѣ, то защитники тѣхъ изъ нихъ, которые оставались пока въ тюрьмѣ, извѣщали ихъ и, по всей вѣроятности, рассказывали, что происходило на судѣ въ ихъ отсутствіе. Вдругъ во время одного перерыва состоялось распоряженіе предсѣдателя, запрещающее защитникамъ видаться съ ихъ кліентами во время судебного слѣдствія. По открытіи засѣданія защитники заявляютъ объ этомъ предсѣдателю. Тотъ вооружается судебными уставами и провозглашаетъ: «Да, я сдѣлалъ это распоряженіе (прибавимъ, *необъявленное въ засѣданіи*), основываясь на 569 ст. уст. уг. судопр.». *Чтобы лучше видѣть всю логику предсѣдателя, выписываемъ эту статью дословно: «Вмѣстѣ съ распоряженіемъ о допущеніи защитниковъ къ исполненію ихъ обязанностей, предсѣдатель суда разрѣшаетъ имъ объясняться наединѣ съ подсудимыми, содержащимися подъ стражей».* «Такъ какъ эта статья помѣщена въ главѣ, говорящей о приготовительныхъ къ суду распоряженіяхъ», говоритъ далѣе предсѣдатель: «то тѣмъ самымъ она допускаетъ свиданіе защитника съ подсудимыми во время только таковыхъ распоряженій и отнюдь не во время судебного слѣдствія. Наша практика толковала до сихъ поръ эту статью такъ, что она допускаетъ свиданіе и во время судебного слѣдствія. Но Особ. Присут. въ данномъ случаѣ, нашло необходимымъ толковать ее именно такъ, какъ я толковалъ выше. Если же г.г. защитники желаютъ знать мотивы, вызвавшіе мое распоряженіе, то вотъ они: я руководствовался желаніемъ поддержать честь адвокатуры, такъ какъ до свѣдѣнія моего дошло, что нѣкоторые г.г. защитники (имена я не называю) позволили, себѣ во время свиданій съ подсудимыми, сообщать имъ то, что происходитъ въ ихъ отсутствіе».

Герардъ. Что касается поддержанія чести адвокатуры, то мы просили бы позволенія намъ самимъ заботиться объ этомъ. Что же касается до того, что мы сообщаемъ подсудимымъ, то прежде всего я позволю себѣ выразить удивленіе, какимъ образомъ г. первоприс. стало извѣстно содержаніе нашихъ разговоровъ съ подсудимыми, происходившихъ съ глазу на глазъ. — *Предсѣдатель.* Это все равно, откуда я узналъ. Эгого могло и не быть. Я только говорю, что это нежелательно. *Герардъ.* Затѣмъ, я позволю себѣ обратить вниманіе г. первоприсутствующаго на то, что законъ обязываетъ самого г. предсѣдателя суда сообщать подсудимому все, что происходило въ его отсутствіе. Тѣмъ болѣе эта обязанность лежитъ на защитникѣ, и если мы это дѣлали, то только исполняли законъ. *Предсѣдатель.* что-то сталъ бормотать въ отвѣтъ на это, но невозможно было уловить ни одной мысли (вѣрнѣе мысли и не было). Въ заключеніе онъ сказалъ: «Во всякомъ случаѣ распоряженіе, основанное на 569 ст. Уст. Уг. Судопр., остается въ силѣ». *Спасовичъ.*

Въ такомъ случаѣ я просилъ бы позволенія видѣться съ моимъ кліентомъ по поводу вещественныхъ доказательствъ, иначе я не буду въ состояніи поставить, какъ должно, свою защиту. *Предсѣдатель.* Я вамъ разрѣшаю.

Затѣмъ еще нѣсколько защитниковъ высказали мотивированныя требованія свиданій. Предсѣдатель ихъ удовлетворилъ, такъ что распоряженіе стало падать само собою. На другой день распоряженіе было отменено, такъ какъ накануне большинство защитниковъ дѣлали намеки на то, что они откажутся отъ защиты въ виду такихъ стѣсненій ея. Муравьевъ при этомъ либеральничалъ, что онъ противъ всякихъ стѣсненій защиты. Муравьевъ, вообще, царить. Предсѣдатель передъ нимъ — какъ почтительная дочка передъ строгой маменькой, наблюдающей за поведеніемъ и успѣхами ея въ свѣтѣ. Самъ Набоковъ ¹⁾ сидитъ очень близко къ нему и смотритъ на него, какъ на божество, обѣщающее разразить крамольниковъ; онъ своей позой и благоговѣйными взглядами на Муравьева очень напоминаетъ бабу, которая наняла въ мировомъ судѣ «аблакату», и все время съ надеждой и упованіемъ смотритъ на его ротъ, вполне увѣренная, что изъ него посылаются неопровержимые доводы въ ея пользу. Набоковъ, вообще, внимательно слѣдитъ за ходомъ дѣла и волнуется: онъ очень боится скандала, и вотъ почему! всякій разъ, какъ возникалъ политическій процессъ, передъ царемъ старались восторжествовать одно передъ другимъ два мнѣнія: одни доказывали, что слѣдуетъ судить военнымъ судомъ, потому что онъ скорый и строгій, и скандала никакого не будетъ; Набоковъ же старался поддержать «достоинство» гражданскаго суда, доказывая, что онъ учтетъ еще строже, чѣмъ военный, а скандала на немъ скорѣе не будетъ, такъ какъ военные люди своею рѣзкостью болѣе способны раздражить подсудимыхъ. Вотъ почему онъ на каждомъ процессѣ боится, чтобы чего не произошло. На процессѣ по дѣлу 1 марта во время рѣчи Желязова, онъ подбѣжалъ сзади къ предсѣдателю и сталъ ему что-то нашептывать. Выходило просто неприлично. Но, однако, довольно объ этомъ; перейдемъ къ подсудимымъ. Начинаются вопросы о виновности. Для полноты впечатлѣнія, производимаго отвѣтами подсудимыхъ, мнѣ надо сказать нѣсколько словъ объ ихъ вѣншиности. Одѣты они всѣ прилично, Баранниковъ даже изысканно. Держать себя съ достоинствомъ и тактомъ (изъ подсудимыхъ только Меркуловъ отличается отвратительною наглостью и развязностью); отвѣчаютъ о себѣ откровенно, о другихъ отказываются говорить (разумеется, исключая Меркулова, который выдаетъ всѣхъ, кого можетъ и не можетъ). Самое выразительное лицо у Колодзевича. Ему, очевидно, очень трудно сдерживать негодованіе, но сила воли преодолеваетъ: онъ сдержанъ, спокоенъ. Самообладаніе въ немъ замѣчательное. Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе Баранниковъ: слова его дышатъ такой правдивостью, что кажется дерзостью усомниться

1) Министръ Юстиціи.

въ нихъ. Онъ просто объясняетъ свою роль, говорить, что дѣлалъ, чего не дѣлалъ, и все это такъ убѣдительно, что только изогавшійся человѣкъ могъ бы потребовать доказательствъ. Но, разумѣется, на судѣ ему приходится все доказывать. На вопросы же, могущіе служить противъ другихъ, онъ прямо отказывается отвѣчать. Что касается Михайлова, то это основательный теоретикъ: все у него выходитъ такъ логично, что просто подавляетъ противника или человека предубѣжденного; замѣчательнъ отвѣтъ его на вопросъ о виновности. Въ немъ онъ выясняетъ причины, приведшія ихъ къ террору. Мысли его, собственно говоря, ничего новаго не представляли, но все было такъ обосновано, такъ логично вытекало одно изъ другого, выводы дѣлались такъ строго, что даже всякій предубѣжденный человѣкъ какъ-то невольно чувствовалъ всю ихъ неизбежность, неотразимость. Даже самъ Дрейеръ до того былъ ошеломленъ, что не только не прерывалъ Михайлова, но, напротивъ, утвердительно кивалъ головой. Только въ концѣ рѣчи председатель остановилъ его, а именно, когда онъ сталъ говорить о частностяхъ, приведшихъ ихъ къ царевубійству. Изъ такихъ частныхъ Михайловъ успѣлъ упомянуть о двухъ: 1) «Приговоръ по дѣлу 193», сказалъ онъ, «былъ довольно мягокъ; многихъ даже оправдали. Но по Высочайшему повелѣнію оправданные ссылались административно, а для остальныхъ приговоръ былъ усиленъ. 2) Когда мы затѣмъ стали преслѣдовать должностныхъ лицъ, то увидѣли, что убійство ихъ не оказывало существеннаго вліянія на переѣну политики, а лица, на которыхъ дѣлались неудачныя покушенія, возвышались по службѣ опять по Высочайшему повелѣнію»... Тутъ председатель остановилъ его. Что касается до отвѣтовъ другихъ, то я особенно останавливаюсь на Сухановѣ и Клѣточниковѣ. Въ Сухановѣ сразу виденъ честный, добрый, прямодушный морякъ. «Я никогда бы не сталъ террористомъ», сказалъ онъ, «если бы самыя условія русской жизни не вынудили меня къ этому. Прежде всего ненормальное положеніе народа, доведеннаго тяжкими поборами до самаго ужаснаго состоянія, фактическая недоступность для него какого бы то ни было образованія, безправіе слабыхъ привело меня къ той мысли, что такъ жить далѣе невозможно, что такой порядокъ вещей непременно долженъ быть измѣненъ. Я-то лично не могу пожаловаться на судьбу, мнѣ по службѣ везло, и, будь я карьеристъ, я остался бы вполне доволенъ существующимъ. Но на каждомъ шагѣ я видѣлъ, что порядочный человѣкъ не можетъ только спокойно служить, хотя бы и безъ взятокъ, и не обращать вниманія на злоупотребленія другихъ. Когда я служилъ во флотѣ, то однажды начальство обратило мое вниманіе на мелкія воровства подчиненныхъ мнѣ матросовъ и требовало строгаго преслѣдованія. Горько мнѣ было выслушивать подобныя приказанія и тяжело ихъ исполнять. Дѣйствительные воры, беззастѣнчиво расхищавшіе громадныя суммы и до того свыкшіеся съ этимъ, что считали себя вполне честными людьми, оставались вполнѣ безнаказанными и пользовались почетомъ, а мелкій воришка, укравшій на какой-нибудь грошъ, и то по нуждѣ, сейчасъ же по-

Николай Евгеньевичъ
СУХАНОВЪ.

лучать возмездіе. Мысль эта производила на меня удручающее впечатлѣніе. Во время моихъ поѣздокъ по Сибири видѣлъ я, кого у насъ наказываютъ; особенно поразили меня административно ссыльные. Я видѣлъ этихъ оборванныхъ, голодныхъ и холодныхъ, тяжело переносящихъ отсутствие всякой умственной дѣятельности людей. Каждый разъ я спрашивалъ себя: за что? Разбойники это, воры, казнокрады, убійцы? Нѣтъ, все это большею частью участники разныхъ студенческихъ исторій, люди не умѣвшіе дѣлать карьеру, люди, въ которыхъ были стремленія къ лучшему!.. Пробовалъ я бороться съ злоупотребленіями, но только заслужилъ репутацію безпокойнаго чловѣка. Это ужъ окончательно убило во мнѣ вѣру въ легальный путь, г.г. судьи! Я чувствовалъ, что дышать нечѣмъ, что воздуху нѣтъ! Я сталъ искать выхода изъ такого положенія, сталъ искать пути къ борьбѣ и, отыскавши его, весь отдался ему».

Вотъ въ блѣдныхъ чертахъ рѣчь Суханова. Въ ней вылилась вся душа честнаго чловѣка, искренняго патріота. Нельзя было безъ волненія слышать эти слова, вылившіяся прямо изъ сердца. Камень, и тотъ не выдержалъ бы. Самъ Дрейеръ прослезился. Островскій, видимо, былъ смущенъ. Одинъ Муравьевъ остался неуязвимымъ: онъ все время смѣялся.

Скажу теперь о Клѣточниковѣ. Онъ съ виду производитъ впечатлѣніе самаго обыкновеннаго мелкаго чиновника, говоритъ онъ тихо, едва слышно, потому что находится въ послѣднихъ градусахъ чахотки. Предсѣдатель обращается съ нимъ мягче, чѣмъ съ другими. О причинахъ, побудившихъ его совершить преступленіе, онъ разсказалъ такъ: «До 30 лѣтъ я жилъ въ глухой провинціи, среди чиновниковъ, занимавшихся дрязгами, попойками, вообще, ведшихъ самую пустую, безсодержательную жизнь. Среди такой жизни я чувствовалъ какую-то неудовлетворенность, мнѣ хотѣлось чего-то лучшаго. Наконецъ, я попалъ въ Петербургъ, но и здѣсь нравственный уровень общества не былъ выше. Я сталъ искать причины такого нравственного упадка и нашелъ, что есть одно отвратительное учрежденіе, которое развращаетъ общество, которое заглушаетъ всѣ лучшія стороны чловѣческой натуры и вызываетъ къ жизни всѣ ея пошлыя, темныя черты. Такимъ учрежденіемъ было III Отдѣленіе. Тогда, г.г. судьи, я рѣшился проникнуть въ это отвратительное учрежденіе, чтобы парализовать его дѣятельность. Наконецъ, мнѣ удалось поступить туда на службу». *Предсѣдатель* (съ ироніей). Кому же вы служили? Этому отвратительному учрежденію? (Набоковъ въ волненіи встаетъ), т.е. по вашимъ словамъ отвратительному, или кому-нибудь другому?—*Клѣточниковъ*. Я служилъ обществу. *Предсѣдатель* (съ ироніей). Бакому-же такому обществу? Тайному или явному? *Клѣточниковъ*. Я служилъ русскому обществу, всей благомыслящей Россіи. *Предсѣдатель*. Вы получали жалованье въ III Отдѣленіи?—*Клѣточниковъ*. Да, получалъ. *Предсѣдатель* (съ ироніей). И вы находили возможнымъ брать деньги изъ этого отвратительнаго учрежденія, какъ вы его называете? *Клѣточниковъ*. Если бы я не бралъ, то это показалось бы страннымъ, и я навѣкъ

бы на себя подозрѣніе. — И такъ, я очутился въ III Отдѣленіи, среди шпионовъ. Вы не можете себѣ представить, что это за люди! Они готовы за деньги отпа родного продать, выдумать на человека какую угодно небылицу, лишь бы написать доносъ и получить награду. Меня просто поразило громадное число ложныхъ доносовъ. Я возьму громадный процентъ, если скажу, что изъ ста доносовъ одинъ оказывается вѣрнымъ. А между тѣмъ почти всѣ эти доносы влекли за собою аресты, а потомъ и ссылку. Такъ напримѣръ, однажды былъ сдѣланъ доносъ на двухъ студентовъ, живущихъ въ домѣ Мурузи. Хозяйка квартирная была предупреждена, и когда пришли съ обыскомъ, то она прямо сказала, что она уже предупреждена и не понимаетъ, зачѣмъ къ ней пришли. У студентовъ былъ произведенъ тщательный обыскъ, и хотя ничего не нашли, обѣ онѣ были высланы. Такихъ случаевъ была масса. Я возненавидѣлъ это отвратительное учрежденіе и сталъ подрывать его дѣятельность: предупреждалъ, кого только могъ, объ обыскѣ, а потомъ, когда познакомился съ революционерами, то передавалъ имъ самыя подробныя свѣдѣнія. *Председатель.* Сколько Вамъ платили за это? — *Клѣточниковъ.* Нисколько. *Председатель.* На дознаніи вы показали, что брали отъ революционеровъ деньги. — *Клѣточниковъ.* На дознаніи я находился совсѣмъ въ исключительныхъ условіяхъ, не такихъ, въ какихъ обыкновенно находятся обвиняемые, хотя бы и въ политическихъ преступленіяхъ. Я находился подъ тяжелымъ давленіемъ. Я былъ весь въ рукахъ своего начальства, всемогущаго, озлобленнаго за то, что я такъ жестоко его обманулъ. Въ такомъ положеніи можно было и не то наговорить, на самомъ же дѣлѣ я дѣйствовалъ, глубоко убѣжденный въ томъ, что все общество, вся благомыслящая Россія будутъ мнѣ благодарны за то, что я подрывалъ дѣятельность III Отдѣленія. Я былъ увѣренъ, что само правительство будетъ мнѣ благодарно впослѣдствіи и, кажется, я не ошибся, потому что само правительство сознало, наконецъ, вредъ этого отвратительнаго учрежденія и упразднило его. *Председатель.* Ну, положимъ, вы не можете сказать, что оно сознало.

Затѣмъ на слѣдствіи о Клѣточниковѣ стали проверять то, что онъ говорилъ. Между прочимъ свидѣтелями вызваны бывшій управляющій экспедиціи III Отдѣленія Кирилловъ и жена жандармскаго полковника Кутузова. Кириллова спросили о фактѣ, бывшемъ въ домѣ Мурузи. Тотъ подтвердилъ, что студентки были высланы. *Председатель.* Хотя и ничего не нашли? *Кирилловъ.* Да, но доносъ былъ такъ важенъ, что никакъ нельзя было оставить его безъ послѣдствій. Но зато потомъ, когда возникъ вопросъ о возвращеніи лицъ административно-ссылныхъ, онѣ въ числѣ первыхъ были возвращены. Полковница Кутузова показала, что Клѣточниковъ жилъ у нея въ комнатѣ, и что она рекомендовала его Кириллову.

Прибавлю еще нѣсколько словъ для характеристики суда. Псаевъ, между прочимъ, сказалъ, что его у градоначальника били. Прокуроръ смѣется. Председатель отвѣчаетъ Псаеву, что до этого суда дѣла нѣтъ. — Тетерка, на вопросъ о его занятіяхъ, сказалъ, что онъ

былъ рабочій. *Председатель.* Какой же работой ты занимался? — *Тетерка.* Всякой работой, какой придется. *Председатель.* А убивать можешь? — Затѣмъ председатель сталъ разспрашивать его о террорѣ. Тетерка, разумеется, не могъ дать дѣльныхъ отвѣтовъ, потому что онъ человекъ совсѣмъ не интеллигентный. Якимова, рассказывая о своей дѣятельности, между прочимъ, сказала, что тогда-то она поѣхала къ родителямъ. *Председатель* (съ удивленіемъ). Къ родителямъ? зачѣмъ? — *Якимова.* Какъ зачѣмъ? Чтобы повидаться. — *Председатель* (съ ироніей). Повидаться? И вы сохранили къ нимъ чувства?..

Объясненія Александра Михайлова.

Предъ объясненіями по дѣлу 2-го апрѣля, Михайловъ заявилъ, что защищаться не намѣренъ, такъ какъ судъ лишентъ гласности, а приметъ участіе въ судебномъ слѣдствіи лишь для того, чтобы по мѣрѣ силъ способствовать возстановленію исторической истины. Прежде объясненія потребовалъ прочтенія уличающихъ оговоровъ Гольденберга и другихъ уже осужденныхъ въ процессѣ 16-ти лицъ. Ему сначала отказали, предложивъ изложить, какъ было дѣло, довольствуясь выдержками изъ показаній, приведенныхъ въ обвинительномъ актѣ. Но Михайловъ далъ объясненія отказався, прибавивъ, что извлеченія каждый дѣлаетъ съ своей точки зрѣнія и сообразно съ своими интересами. Такъ какъ передъ этимъ Терентьева совсѣмъ отказалась давать показанія въ отсутствіе товарищей и Михайловъ склоненъ былъ къ тому же, то судьи, поговоривъ между собою, уступили и прочли для него одного всѣ показанія, относящіяся къ дѣлу 2-го апрѣля. Михайловъ не отказался участвовать по группамъ въ судебномъ слѣдствіи по слѣдующимъ причинамъ: во-1-хъ Баранниковъ раньше, по дѣлу 4-го августа, тоже одинъ давалъ объясненія, во-2-хъ судебное слѣдствіе по группамъ начато было совершенно неожиданно, и не было никакой возможности регулировать общаго повѣденія. По прочтеніи Михайлову показаній, онъ спросилъ судъ, не было ли сдѣлано относительно веденія судебного слѣдствія какихъ-либо постановленій, и, получивъ отрицательный отвѣтъ: «Не было никакихъ» (судъ имѣетъ право, по закону, дѣлить на группы), началъ свой рассказъ о Соловьевскомъ дѣлѣ. Сущность состояла въ слѣдующемъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1879 г. онъ встрѣтился съ Соловьевымъ, возвратившимся изъ народа съ самыми радужными воспоминаніями о немъ и съ жаждой принести для него великую жертву. Онъ задумалъ царевубійство. До 79 г. Соціалъ-Революціонная Партія стремилась проводить свои идеи въ народѣ и уклонялась отъ всякой борьбы съ правительствомъ, даже и тогда, когда встрѣчала его на своемъ пути, какъ врага. Но постепенно репрессаліи правительства обостряли враждебность отношеній къ нему партіи и довели, наконецъ, до рѣшительныхъ столкновений. Особенно въ этомъ отношеніи повліяла гибель 70 человекъ въ тюрьмахъ, во время до-

знания по дѣлу 193, по которому было арестовано болѣе 700 человекъ, а потомъ отменено ходатайство суда по этому же дѣлу для 12 человекъ. Главнымъ виновникомъ считался Мезенцовъ, за что онъ и погибъ. Послѣ него дѣятельность Дрентельна, выразившаяся въ самыхъ широкихъ погромахъ, высылкахъ, преслѣдованіяхъ молодежи и т. д., обрушившихся на тѣ сферы, откуда партія черпаетъ новыя силы, побудила послѣднюю помѣряться съ новымъ шефомъ.

Такъ завязалась борьба съ правительствомъ, которая, въ силу централизованности правительственной машины и единого санкционирующаго начала—неограниченной власти царя,—неминуемо привела къ столкновенію съ этимъ началомъ. Такъ, въ 79 г. революціонная мысль единица уже работала въ этомъ направленіи, и однимъ изъ такихъ былъ Соловьевъ—натура чрезвычайно глубокая, ищущая великаго дѣла, дѣла, которое за разъ подвинуло бы значительно впередъ къ счастью судьбу народа. Онъ видѣлъ возможность такого шага впередъ въ царевѣиствѣ. По приѣздѣ, не найдя въ С.-Петербургѣ никого изъ своихъ близкихъ знакомыхъ, кромѣ меня, и зная, что я близко стою къ органу партіи «Земля и Воля», онъ открылъ мнѣ свою душу. Я въ то время не составилъ еще себѣ положительнаго мнѣнія по этому вопросу, но и моя мысль уже работала въ этомъ направленіи. Поэтому я не сталъ его разубѣждать, имѣя въ виду, кромѣ того, что разъ составившееся его рѣшеніе поколебать невозможно. Мало того, я считалъ себя обязаннымъ помочь ему, если это будетъ нужно. Черезъ нѣсколько дней послѣ откровенной бесѣды Александръ Константиновичъ¹⁾ попросилъ достать ему яду, я обѣщалъ это сдѣлать, но многочисленныя занятія помѣшали мнѣ исполнить его просьбу. Своего намѣренія совершить покушеніе Соловьевъ въ то время не приурочивалъ къ определенному моменту, а потому, будучи свободенъ, помогалъ мнѣ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ. Такъ прошло болѣе мѣсяца: совершилось удачное Крапоткинское дѣло²⁾ и неудачное покушеніе на Дрентельна, и страсти враждебныхъ лагерей достигли наибольшаго напряженія. Въ срединѣ марта приѣхалъ въ С.-Петербургъ Гольденбергъ, нашелъ меня и Зунделевича³⁾ и сообщилъ намъ о своемъ намѣреніи также идти на единоборство съ Александромъ II. Я видѣлъ, что Гольденбергъ сильно агитированъ своимъ успѣхомъ въ Харьковѣ, но что, несмотря на это, онъ нуждается въ нѣкоторомъ давленіи, одобреніи со стороны товарищей. Узнавъ отъ него о цѣли приѣзда, я не сталъ распространяться съ нимъ о подробностяхъ и при первомъ же случаѣ сообщилъ о немъ Соловьеву. Соловьевъ пожелалъ съ нимъ видѣться и говорить. Бесѣда должна была быть, сообразно съ важностью дѣла, въ высшей степени интимна, а они одинъ другого не

¹⁾ Соловьевъ.

Гед.

²⁾ Т.-е. убійство Харьковскаго губернатора кн. Крапоткина. Ред.

³⁾ Зунделевичъ въ это время уже былъ осужденъ за участіе въ Соловьевскомъ покушеніи и др. дѣла въ безсрочныя каторжныя работы (по процессу 16-ти 1880 года).

Ред.

знали. Поэтому я, Зунделевичъ и Квятковскій¹⁾ сочли своимъ долгомъ быть посредниками между ними, своею близостью къ обоимъ придать встрѣчѣ характеръ задумчивости и выстѣ съ тѣмъ высказывать наши мнѣнія, которыя были далеко не безынтересны тому и другому. И, дѣйствительно, вскорѣ состоялось нѣсколько сходовъ въ трактирахъ. Разговоры на нихъ были оживленные, теоретически вопросъ обсуждался всѣми нами; но мы — посредники—старались избѣгать давленія на тѣхъ, для кого это было вопросомъ жизни и смерти. Мы трое въ то время еще не были приготовлены къ самопожертвованію и чувствовали это. Сознаніе такого нашего положенія между двумя обрекавшими себя отнимало у насъ всякую нравственную возможность принять участіе въ выборѣ того или другого. Мы предоставили вполнѣ избраніе ихъ свободному соглашенію. Я не могу не сознаться, однако, что нѣсколько не довѣрялъ рѣшимости Гольденберга и глубинѣ его мотивовъ. Александру Константиновичу же я безотчетно вѣрилъ и считалъ, что только такой человекъ можетъ возложить на свои плечи подобный подвигъ. Выяснены были совместно свойства и условія, необходимыя для исполнителя. Поставлено было на видъ, что необходимо избѣгать возможности дать поводъ правительству обрушиться своими репрессіями на какое-либо сословіе или національность. Обыкновенно правительство послѣ такихъ событій ищетъ солидарности между виновникомъ и средой, изъ которой онъ вышелъ. Съ еврея и поляка перенесли бы обвиненіе на національную вражду, и на голову цѣлыхъ милліоновъ упали бы новыя тяжести.

Соловьевъ особенно принялъ къ сердцу это соображеніе. Оно побудило его покончить безповоротнымъ рѣшеніемъ, навсегда памятными словами: «Нѣтъ, только я удовлетворяю всѣмъ условіямъ. Мнѣ необходимо идти. Это мое дѣло. Александръ II мой, и я его никому не уступлю». И Гольденбергъ и мы не сказали ни слова; Гольденбергъ, очевидно, почувствовалъ силу нравственнаго превосходства и уступилъ безъ спора; онъ только просилъ, чтобы Соловьевъ взялъ его, какъ помощника. Но условія единоборства, при которыхъ возможно было дѣйствовать только моментально, и всякое лишнее лицо могло возбудить подозрѣніе, побудили Александра Константиновича отвергнуть это предложеніе. Время, мѣсто и способъ совершенія покушенія помогли Соловьеву обойтись безъ всякой серьезной нашей помощи.

По дѣлу 19 ноября Михайловъ, признавъ свое участіе, далъ объясненія, мало разняшіяся отъ показаній Гольденберга и другихъ, но указавъ признаки субъективности и забывчивости перваго. Такъ, Гольденбергъ говорить, что онъ привезъ полтора пуда динамита изъ Харькова въ Москву, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ этого не было: въ Москву былъ доставленъ динамитъ изъ С.-Петербурга. Далѣе, Гольденбергъ утверждаетъ, что предполагали провести кромѣ

¹⁾ Квятковскій былъ повѣшенъ въ 1880 году.

Ред.

перпендикулярной галлерей еще параллельную рельсамъ подъ полотномъ дороги. Это, очевидно, его собственное предположеніе, такъ какъ проведеніе такой галлерей было немыслимо; при 20 саженьяхъ длины первой галлерей, во вторую, расположенную подъ прямымъ угломъ къ первой, не могъ бы свободно проникать воздухъ, даже при существованіи вентиляціи. Такое обстоятельство легко предвидѣть заранѣе всякому, сколько-нибудь знакомому съ техникой работы. Михайловъ заявилъ, что онъ принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ по распоряженію Исполнительнаго Комитета, какъ о томъ сказано въ актѣ.

17 февраля.—О мостовомъ предпріятіи Михайловъ сдѣлалъ объясненіе въ такомъ смыслѣ, что непосредственнаго участія въ закладкѣ мины и техническихъ работахъ не принималъ. Далѣе опровергалъ показанія Меркулова допросомъ Тетерки и другихъ товарищей и сопоставленіемъ противорѣчивыхъ объясненій самого Меркулова. Въ концѣ слѣдствія по этому дѣлу, когда первоприсутствующій хотѣлъ уже удалить подсудимыхъ, Михайловъ заявилъ, что онъ опровергалъ Меркулова, не желая приписывать себѣ чужого риска и чужихъ усилій, но считаетъ долгомъ объявить, что о приготовленіи покушенія онъ зналъ. Не смотря на такое заявленіе, судъ по этому дѣлу его оправдалъ.

Судебное слѣдствіе о сообществѣ началось съ Михайлова, такъ что его объясненія невольно дали тонъ остальнымъ подсудимымъ. Михайловъ полагаетъ, что очертилъ вѣрно съ программой цѣли, задачи и средства партіи и организаци «Народной Воли». Вообще, онъ говорилъ, руководясь предварительно намѣченнымъ планомъ.

О сообществѣ онъ сказалъ приблизительно слѣдующее:

Я членъ партіи и организаци «Н. В.». Формулу, въ которую заключилъ г. обвинитель нашу партію, считаю невѣрной, что и постараюсь доказать своими объясненіями.

Къ лѣту 79 г. многіе отдѣльные члены русской соц.-революционной партіи, подъ вліяніемъ условій русской жизни и репрессивнаго давленія правительства, приведены были къ мысли о необходимости нѣкоторыхъ измѣненій въ программахъ, до того времени руководившихъ практической дѣятельностью партіи. Вліяніе дѣйствительности было такъ характерно и однообразно, что скоро стала чувствоваться потребность объединенія выдвигаемаго жизнью новаго направленія. Единомысліе отдѣльныхъ членовъ различныхъ кружковъ, разбросанныхъ по всей Россіи, вслѣдствіе ихъ постоянного общенія между собою тотчасъ же обнаружилось и привело въ іюні 79 г. многихъ изъ нихъ въ Липецкъ, гдѣ и состоялся такимъ образомъ съѣздъ известнаго числа членовъ социальна-революционной партіи. Его нельзя считать общимъ съѣздомъ всей партіи, какъ то дѣлаетъ обвинительный актъ. Результаты его были также не тѣ, которые приводитъ обвинитель, основываясь на показаніяхъ Гольденберга. На засѣданіяхъ липецкаго съѣзда, продолжавшихся отъ 17 до 21 іюня, была выработана, во-первыхъ, программа новаго направленія; во-вторыхъ, были установлены принципы и средства дѣятель-

ности; въ-третьихъ, самый фактъ съѣзда санкціонировать первый моментъ существованія партіи «Н. В.» и выдѣленіе ея изъ соц.-рев. партій. Программа, начертанная здѣсь, опредѣляла слѣдующее: общая цѣль была поставлена—Народоправленіе, переходъ верховной власти въ руки народа. Задача партіи—способствовать переходу и упрощенію верховной власти въ рукахъ народа. Что касается средствъ, то всѣ собравшіеся единодушно высказались за предпочтительность мирной идейной борьбы; но тѣсно напиргали они свои умственные силы, чтобы найти при существующемъ строѣ какую-либо возможность легальной дѣятельности, направленной къ вышеозначенной цѣли. Такихъ путей не оказалось. Тогда, въ силу неизбежной необходимости, избранъ былъ революціонный путь, намѣчены революціонныя средства. Рѣшено было начать борьбу съ правительствомъ, отрицающимъ идею Народоправленія безусловно и всецѣло. Борьба должна была вестись силами партіи «Н. В.» и ея организаци, при желательномъ содѣйствіи народа и общества. Въ главные средства включено было и цареубійство, но не какъ личная месть тому или другому императору, а непременно въ связи съ другими главными средствами. Другія главные средства опредѣлены слѣдующія: (перечислены по пунктамъ всѣ средства прогр. П. К.); революціонный путь постановлено было оставить, какъ только откроется возможность приблизиться къ цѣли посредствомъ свободной проповѣди, свободныхъ собраній, свободной печати. Практически вопросъ о цареубійствѣ, какъ то утверждаетъ Гольденбергъ, на липецкомъ съѣздѣ не обсуждался, а также не было общихъ разговоровъ о ближайшихъ предпріятіяхъ противъ Александра II. Гольденбергъ придавалъ совершенно невѣрную окраску всему съѣзду. Онъ выдвигаетъ на первый планъ цареубійство. На обсужденіи практическихъ средствъ ведущихъ къ нему, по его показаніямъ, сосредоточивалось все вниманіе собравшихся. Причина этой характеристики опять же постоянное субъективизмъ этого умершаго свидѣтеля, усиленный въ данномъ случаѣ еще тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвела на него неудача 2 апрѣля и смерть Соловьева. Онъ былъ поглощенъ мыслью о необходимости послѣдовательнаго повторенія покушеній, для него не было другихъ цѣлей, другихъ средствъ. Вообще, надо имѣть въ виду, что мы всѣ смотрѣли на Гольденберга, какъ на преданнаго дѣлу человека и хорошаго исполнителя, но считали его недостаточно образованнымъ и подготовленнымъ для обсужденія общихъ программныхъ вопросовъ. Попалъ онъ на съѣздъ случайно, по ошибкѣ, столь возможной при первыхъ шагахъ выделяющейся партіи.

Какъ доказательство, могу привести слѣдующій фактъ. Послѣ липецкаго съѣзда, какъ вамъ извѣстно, черезъ нѣсколько дней въ Воронежѣ было общее собраніе членовъ общества «Земля и Воля». Организационныя правила этого общества дали возможность земля-вольцамъ, присутствовавшимъ въ Липецкѣ, провести многихъ изъ бывшихъ съ ними тамъ въ члены Общества и на воронежскій съѣздъ, гдѣ также долженъ былъ обсуждаться дальнѣйшій путь дѣятельности

Общества. Былъ проведенъ Желябовъ, Ширяевъ¹⁾ и др., но по отношению къ Гольденбергу не считали нужнымъ этого сдѣлать и такимъ образомъ спасли десятки людей отъ его оговоровъ. Переданный Гольденбергомъ такъ подробно организационный проектъ есть отчасти его собственныя соображенія, а съ другой стороны—соображенія кого-либо изъ бывшихъ на сѣздѣ, высказанныя ему въ частныхъ, личныхъ съ нимъ объясненіяхъ. На самомъ же дѣлѣ организация «Н. В.» была результатомъ дѣятельности конца 79 и начала 80 годовъ. Объ Исполнительномъ Комитетѣ же, руководителѣ и центрѣ организации «Народной Воли», я не могу ничего сказать, кромѣ того, что это учрежденіе *неуловимое, недостижимое*.

Первоприсутствующій. «Значить, вы отрицаете то, что вы были избраны въ распорядительную комиссію?»

Михайловъ. «Безусловно отрицаю и утверждаю, что я только агентъ П. К. Такимъ образомъ послѣдствіемъ липецкаго сѣзда было выдѣленіе изъ социально-революционной партіи—какъ совокупности всѣхъ социалистическихъ группъ—«Народной Воли»,—съ опредѣленной практической программой.

Понятіе о социально-революционной партіи невозможно смѣшивать, какъ то дѣлаетъ г. прокуроръ въ своей формулѣ сообщества, съ партіей, а, тѣмъ болѣе, съ организацией «Н. В.» На социально-революционную партію ни въ какомъ случаѣ не могутъ падать правительственныя обвиненія въ стремленіи ея къ царубійству, такъ какъ оно допускается, какъ средство, партіей «Народной Воли», въ которую, долженъ, впрочемъ, замѣтить, вошла большая часть социально-революционной партіи. Поэтому ко всей социально-революционной партіи въ широкомъ смыслѣ нѣтъ никакихъ основаній примѣнять 241 и 242 ст. ул. о нак. Кромѣ того, необходимо различать понятіе о партіи отъ понятія объ организации. Партія—это неопредѣленная группа людей единомыслящихъ, не связанныхъ между собою никакими взаимными обязательствами. Организация же, кромѣ неперемѣннаго условія единомыслія, предполагаетъ уже извѣстную замкнутость, тѣсную сплоченность и полную обязательность отношеній. Партія заключаетъ въ себѣ организацию, но послѣдняя опредѣленно ограничена въ себѣ самой.

Партія—это солидарность мысли, организация—солидарность дѣйствія. Я утверждаю, что формулу сообщества, приведенную въ обвинительномъ актѣ, и соответствующія ей статьи о смертной казни можно примѣнять только къ тѣмъ, по отношенію къ которымъ будетъ доказана или ими самими признана принадлежность къ организации «Народной Воли». Вотъ все, что я могу сказать вамъ, г.г. судьи, о партіи и организации, къ которой принадлежу съ 18 февраля. Я считаю нужнымъ возстановить истину относительно послѣдствій задержанія меня 28 ноября 1880 г. и дознанія по этому

¹⁾ Приговоренъ къ смерти въ 1880 г., затѣмъ былъ заточенъ въ Алексѣевскій рavelинъ Петропавловской крѣпости, гдѣ и скончался.

поводу. Обвинительный актъ говоритъ, что уже это дознаніе обнаружало приготовленіе къ новому покушенію, выразившемуся потомъ въ дѣлѣ 1-го марта. Это совершенно невѣрно. Ни обыскъ ни мои показанія не дали такихъ указаній. Правда, у меня былъ найденъ динамитъ, но динамитъ организация имѣетъ постоянно, какъ одно изъ орудіи оборонительной и наступательной борьбы, точно такъ же, какъ револьверы и другое оружіе. Притомъ же динамитъ найденъ у меня въ свободной формѣ, въ банкахъ, а не въ какихъ-либо нужныхъ техническихъ приспособленіяхъ. Что же касается моихъ показаній, то какъ теперь передъ вами, такъ и при дознаніи,—я давалъ объясненія о себѣ лично и о партіи вообще, личность же товарищей и организационныя тайны я обходилъ глубокимъ молчаніемъ. Между прочимъ замѣчу, что товарищъ прокурора Добржинскій въ личныхъ бесѣдахъ со мною очень интересовался вопросомъ, приготовляетъ ли партія что-либо противъ Александра II и въ какихъ формахъ. Но я могъ удовлетворить его любопытству ужъ въ слишкомъ общемъ смыслѣ. Я ему отвѣтилъ, что гибель отдельныхъ лицъ не можетъ измѣнить направленія партіи. Только новыя условія государственной и общественной жизни создадутъ и новое направленіе ея. А приемы и способы борьбы неперемѣнны въ той же мѣрѣ, какъ и безгранична изобрѣтательность человеческого ума».

Далѣе, на вопросъ первоприсутствующаго о сношеніяхъ съ Дриго¹⁾ Михайловъ разсказалъ слѣдующее:

«Дмитрій Андреевичъ Лизогубъ²⁾ былъ членомъ общества „Земли и Воля“, въ которомъ съ конца 76 года до лѣта 79 года дѣйствовалъ и я. Лизогубъ имѣлъ большое состояніе, простиравшееся до 150 тысячъ. Оно состояло изъ различныхъ цѣнностей: земли, лѣсовъ, крѣпостныхъ на братьевъ актовъ, векселей и другихъ бумагъ. Свободныхъ же денегъ у Лизогуба почти не было. Будучи принятъ въ члены дѣйствующаго революціоннаго общества и желая лично участвовать въ различныхъ предпріятіяхъ, онъ, чтобы освободиться отъ связывающаго его состоянія, совершилъ рядъ операцій, долженствующихъ все перевести на наличныя деньги, но такое большое и разнообразное состояніе сразу ликвидировать было невозможно. Самый короткий срокъ, необходимый для этого, растянулся на 4 года, отъ 78 до 81 г. включительно. Первый годъ поступленія чистыхъ суммъ имѣли быть небольшія, приблизительно тысячъ 20, но съ каждымъ годомъ они увеличивались, и въ послѣдній 81 г. должно было получиться 50 тысячъ. Но судьба погубила Лизогуба. Въ сентябрѣ 78 г. онъ былъ арестованъ въ Одессѣ. На него палъ оговоръ Веледницкаго, состоящій въ томъ, что Лизогубъ даетъ деньги на революціонныя предпріятія и, кромѣ того, взялъ отъ Веледницкаго вексель въ 3 тысячи, который послѣдній обѣщался пожертвовать на дѣло социально-революционной партіи. Находясь въ заключеніи, Ли-

¹⁾ Осужденъ по процессу 16-ти 1880 г.

²⁾ Повѣшенъ въ Одессѣ въ 1879 г.

зогубъ далъ полную довѣренность преданному ему человѣку, знающему вѣстѣ съ тѣмъ положеніе хозяйственныхъ дѣлъ Лизогуба съ тѣмъ, чтобы повѣренный посѣщалъ ликвидировать его состояніе. Этотъ повѣренный былъ Дриго. Весной 79 г., когда надо было спѣшить приведеніемъ къ концу, или, по крайней мѣрѣ, обезпеченіемъ денежныхъ операций, я встрѣтился съ Дриго, какъ рекомендованный самимъ Лизогубомъ и Зунделевичемъ представитель общества „Земля и Воля“. Я видѣлъ, что онъ совершенно игнорируетъ наши интересы, и его самого мало беспокоитъ положеніе Лизогуба, тогда уже грозившее серьезными послѣдствіями. Онъ на словахъ старался меня успокоить, говоря, что все, сообразно завѣту Лизогуба, будетъ сдѣлано черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Дѣлъ же и мѣропріятій его я не видѣлъ, и онъ ихъ старался скрыть. Я его посѣтилъ въ продолженіе мая и іюня нѣсколько разъ, но никакого движенія операций не замѣчалъ и денегъ отъ него не могъ добиться, кромѣ ничтожныхъ сотенъ. А между тѣмъ, свѣдѣнія, собранныя мною въ Черниговской губерніи отъ постороннихъ лицъ, разоблачали то, что онъ тщательно скрывалъ. Я узналъ, что Дриго вошелъ въ стачку съ старшимъ братомъ Лизогуба, враждебно къ послѣднему настроеннымъ, и обращаетъ вѣстѣ съ нимъ состояніе Дмитрія Андреевича въ личную ихъ собственность. Такъ, Дриго купилъ на свое имя у старшаго брата имѣніе Довжикъ, стоимостью въ 40 тысячъ, не заплативъ ни копейки, но уничтоживъ многіе акты Дмитрія Лизогуба на брата. Я немедленно отправился въ Одессу, снесся съ заключеннымъ Лизогубомъ и получилъ отъ него письмо къ Дриго, уполномочивающее меня получить все состояніе. Въ письмѣ Лизогубъ настойчиво требовалъ отъ Дриго передачи мнѣ всѣхъ денежныхъ суммъ и, кромѣ того, обязывалъ его неуклонно дѣйствовать по моимъ указаніямъ. «Въ противномъ случаѣ,—писалъ онъ,—я сочту васъ вѣроломно злоупотребившимъ моею дружбой и присвоившимъ чужую собственность, на которую вы не имѣли никакого права». Съ этимъ письмомъ я отправился въ послѣдній разъ къ Дриго, но на этотъ разъ онъ понималъ, что для его собственнаго обезпеченія ему нужно отдѣлаться отъ меня. Съ послѣднимъ моимъ къ нему пріѣздомъ совпала (20 іюня 79 г.) какая-то не вполне разъясненная исторія. На слѣдующій день моего пріѣзда въ Черниговъ, послѣ того, какъ я побывалъ въ городской квартирѣ Дриго и не засталъ его тамъ, онъ былъ арестованъ въ своемъ новомъ имѣніи Довжикъ, привезенъ въ городъ и сейчасъ же выпущенъ. Съ нѣкоторыми предосторожностями я успѣлъ съ нимъ увидаться, передать ему на словахъ содержаніе письма Лизогуба, а онъ мнѣ разказалъ, что поводомъ къ его аресту послужила телеграмма Тотлебена ¹⁾ о выясненіи отношеній Лизогуба къ повѣренному Дриго. При этой встрѣчѣ на улицѣ мы не могли долго бесѣдовать, а потому онъ назначилъ мнѣ вечеромъ придти къ его одному знакомому, что я и исполнилъ. Мнѣ пришлось ждать его тамъ долго. Наконецъ, явился Дриго, взволнованный, и объявилъ,

¹⁾ Одесскій генералъ-губернаторъ того времени.

что къ нему пріѣзжалъ полицеймейстеръ и, войдя въ комнату, прямо обратился къ нему съ вопросомъ: «Кто у Васъ былъ сейчасъ?» На что онъ отвѣтилъ: «Никто!» Передавъ мнѣ этотъ случай, Дриго прибавилъ, что вопросъ относился, очевидно, ко мнѣ, и что я долженъ уѣхать. Я согласился, но попросилъ Дриго предварительно придти вечеромъ на площадь противъ почтовой станціи, гдѣ я остановился, для окончательныхъ объясненій. Назначеніе этого свиданія спасло меня отъ предательства: въ то время, когда я подъ покровомъ прекрасной лѣтней ночи, незамѣтно для постороннихъ, гулялъ на пустынной загородной площади, мое вниманіе было привлечено неожиданнымъ пріѣздомъ на станцію многочисленной полицейской своры. Черезъ нѣсколько минутъ все скрылось въ зданіи, и экипажи были спрятаны въ отдаленіи, въ сумракѣ ночи. Это быстро пронесшесся видѣніе открыло мнѣ глаза: я видѣлъ, что я преданъ и обнаруженъ. Оставшись среди ночи безъ квартиры и знакомыхъ, въ мало извѣстномъ мнѣ городѣ, я успѣлъ разыскать одного еврея-извозчика и выѣхалъ къ ближайшей станціи желѣзной дороги. Предательство Дриго на этотъ разъ не удалось. Онъ пошелъ дальше. Онъ заключилъ, какъ я узналъ впоследствии, съ III Отдѣленіемъ условіе, по которому онъ обязался способствовать розысканію извѣстныхъ ему социалистовъ, а III Отдѣленіе обѣщало оставить ему состояніе Лизогуба. Дриго старательно выполнялъ свое обязательство, какъ агентъ III Отдѣленія, но III Отдѣленіе измѣнило ему такъ же вѣроломно, какъ онъ измѣнилъ Лизогубу, и отдало его, по минованіи въ немъ надобности, въ руки военнаго суда, продержавъ предварительно болѣе полугода подъ арестомъ“.

Отъ защитительной рѣчи Михайловъ воздержался и ограничился заявленіемъ Особому Присутствію, гдѣ объясняетъ мотивы, дѣлающіе по его мнѣнію, бесполезною всякую защиту. Вотъ это заявленіе:

«Мы, члены партіи и организаціи «Народной Воли». Дѣятельность нашу—вы, г. г. судьи, призваны разсмотрѣть. Борьба сдѣлала насъ личными врагами Государя Императора. Воля Государя, воля оскорбленнаго сына, вручила своимъ довѣреннымъ слугамъ, вамъ, г. г. сенаторы,—мечъ Немезиды. Гдѣ же залогъ безпристрастнаго правосудія? Гдѣ посредникъ, къ которому мы могли бы апеллировать? Гдѣ общество, гдѣ гласность, которая могла бы выяснитъ отношенія враждующихъ? Ихъ нѣтъ, и двери закрыты!! И мы съ вами, г. г. судьи, наединѣ!! Какъ бы почтительно я ни относился къ вамъ, г. г. сенаторы, но передъ судомъ Особого Присутствія я чувствую себя плѣнникомъ, связаннымъ по рукамъ и ногамъ».

Приговоръ суда: Сухановъ, Михайловъ, Колодкевичъ, Псаевъ, Фроленко, Емельяновъ, Тетерка, Клѣтчиковъ, Лебедева и Якимова—къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Морозовъ, Баранниковъ, Арончикъ, Лангансъ и Меркуловъ—въ каторжныя работы безъ срока

Тригони, Терентьева, Люстигъ, Златопольскій и Фриденсонъ — въ каторжныя работы на 20 лѣтъ, при чемъ судъ постановилъ ходатайствовать о смягченіи для Фриденсона — на 10 л. для Люстига — на 4 г.

Александръ III, уваживши ходатайство суда относительно Фриденсона и Люстига, замѣнилъ смертную казнь для всѣхъ къ ней приговоренныхъ, за исключеніемъ Суханова, ссылкой въ каторжныя работы безъ срока. Суханову повѣшеніе было замѣнено разстрѣлианіемъ, и 19 марта онъ былъ разстрѣлянъ въ Кронштадтѣ. Михайловъ, Колодкевичъ, Исаевъ, Фроленко, Тетерка, Клычичниковъ, Морозовъ, Баранниковъ, Арончикъ и Лангансъ, вмѣсто каторжныхъ работъ, были заточены въ казематы сначала Алексѣевского рavelина, а потомъ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ, за исключеніемъ М. Ф. Фроленко, Н. А. Морозова и М. Н. Тригони, *все они* и окончили дни свои. М. Н. Тригони, послѣ 20-лѣтняго заключенія въ Шлиссельбургѣ, былъ сосланъ на Сахалинъ; М. Ф. Фроленко и Н. А. Морозовъ освобождены изъ Шлиссельбурга лишь послѣ 17 октября 1905 года. Емельяновъ, Лебедева, Якимовъ, Златопольскій, Люстигъ и Фриденсонъ были отправлены въ карійскую каторгу, гдѣ Лебедева умерла, а остальные переведены въ разное время на поселеніе въ Сибирь. Люстигъ потомъ возвратился въ Россію. Терентьева скончалась въ тюрьмѣ еще до отправленія ея въ каторгу.

Меркуловъ... этотъ, конечно, не пошелъ на каторгу... Будучи освобожденъ отъ всякаго наказанія (если не считать пощичины, полученной имъ во время суда отъ М. В. Тетерки), онъ сталъ «вѣрою и правдою» служить... департаменту полиціи.

По этому же дѣлу суду должны были быть переданы П. Е. Тычининъ и Е. Н. Оловенникова, но незадолго до суда Тычининъ покончилъ самоубійствомъ, бросившись съ верхней галереи Дома предварительнаго заключенія, а Оловенникова впала въ Петропавловской крѣпости въ душевное разстройство, была переведена въ Казанскую лечебницу для психическихъ больныхъ, тамъ пробыла много лѣтъ и въ безнадежномъ состояніи была отдана роднымъ въ Орловской губерніи.

Наконецъ, упоминаемый въ обвинительномъ актѣ, какъ тоже впавшій въ душевное разстройство, А. В. Тырковъ былъ, по выздоровленіи, *сосланъ административно въ Восточную Сибирь безъ срока*, прожилъ тамъ 20 лѣтъ и лишь два года тому назадъ возвратился въ Россію.

Ред.

Отъ группы русскихъ конституціоналистовъ.

Воззваніе ¹⁾.

Въ виду того, что цѣли и способы дѣйствія нынѣшняго правительства вполне выяснились, и не остается никакихъ сомнѣній въ крайне пагубномъ значеніи для общественнаго развитія этихъ цѣлей и этихъ способовъ, группа русскихъ конституціоналистовъ считаетъ своею обязанностью обратиться съ воззваніемъ къ тому значительному числу людей, которые стремятся, или, по крайней мѣрѣ, сочувствуютъ уничтоженію у насъ политическаго крѣпостнаго права. До настоящаго времени была организована и систематически боролась съ деспотическимъ правительствомъ только социально-революціонная партія.

По нѣкоторымъ существеннымъ вопросамъ мы не раздѣляемъ воззрѣній, которыя такъ настойчиво, съ такимъ удивительнымъ самоотверженіемъ защищаетъ эта партія. Но мы не изъясняемъ никакихъ притязаній на непогрѣшимость, допускаемъ возможность ошибки и съ нашей стороны, и потому требуемъ для социалистической партіи такого же права на существованіе, какъ и для себя. При свободномъ обсужденіи вопросовъ и нуждъ, которыми изоболѣлся русскій народъ, возможно устраненіе крайностей и скороспѣлыхъ требованій, возможно соглашеніе всѣхъ людей, на самомъ дѣлѣ любящихъ родину и посильно работающихъ ради торжества справедливости.

Мы не сочувствуемъ средствамъ, къ которымъ прибѣгаетъ террористическая группа русской социально-революціонной партіи, и выступаемъ на борьбу съ правительствомъ только путемъ пропаганды нашихъ убѣжденій; но мы не можемъ, по совѣсти, осуждать рядъ насилій и преступленій, вызванныхъ дикимъ, безжалостнымъ, вѣковымъ насиліемъ самого правительства. Это правительство употребляетъ подкупъ, тюрьму, кандалы и висѣлицу, чтобы отстоять свое существованіе, чтобы задушить свободную мысль, чтобы не дать отчета обществу въ невольномъ грабежѣ народнаго имущества. А террористы совершаютъ преступленія ради излюбленной идеи и при этомъ гибнутъ сами. Отъ глубины души мы желаемъ наступленія такого порядка вещей, когда убѣжденія не будутъ преслѣдоваться, когда за ихъ распространеніе не будутъ ссылать на каторгу или сажать въ вѣчную кѣтку, въ свинцовые погреба Петропавловской крѣпости. И до тѣхъ поръ у насъ не поднимется рука бросить ка-

¹⁾ Въ своей дѣятельности въ 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годахъ русскіе конституціоналисты рѣдко прибѣгали къ тайнымъ типографіямъ, но все-таки прибѣгали. Помѣщаемое воззваніе воспроизводится нами съ ставшаго чрезвычайною библиографическою рѣдкостью печатнаго подлинника. Воззваніе это выпущено конституціоналистами въ 1883 году.

Ред.

мень въ людей, преступленіемъ добывающихся свободы для совѣсти протора для ума и блага для народа. Къ измѣненію государственнаго строя, которое положило бы предѣлъ полицейскому произволу нашего правительства, и должны стремиться русскіе конституціоналисты, а для этого намъ необходима организація.

Правительство стѣснило печать до послѣднихъ предѣловъ возможнаго. Оно запретило намъ говорить о малоземельи, о переселенческомъ движеніи, объ измѣненіи политическаго строя, о воровствѣ и беззаконіи министровъ, оно зажимаетъ ротъ каждому честному человѣку.

Мы вынуждены поэтому прибѣгнуть къ подпольному печатанію, къ тайной пропагандѣ своихъ убѣжденій и не откажемся отъ борьбы съ ненавистнымъ и безсмысленнымъ правительствомъ, покуда не рухнетъ эта развратная система, покуда не вздохнетъ свободно русское общество.

Правительство все больше и больше разоряетъ народъ, оно все позоритъ и позоритъ держитъ себя и въ вопросахъ международной политики, падая ницъ передъ Бисмаркомъ, заискивая расположенія испытаннаго врага свободы и просвѣщенія—напскаго престола. Славянскія племена, для освобожденія которыхъ было пролито столько русской крови, потрачено столько русскихъ средствъ, отворачиваются отъ насъ, благодаря политикѣ нашего правительства, вездѣ отстаивающаго «священныя основы» деспотизма, хищничества и «тихаго и безмолвнаго житія».

Пора проснуться русскому обществу, пора выступить съ открытымъ протестомъ противъ мрачнаго и безсовѣстнаго произвола, который обратилъ въ гнусную казарму русскую школу, уродуя нашихъ дѣтей, сызмала загнушая у нихъ всякій проблескъ самостоятельной мысли и твердаго убѣжденія.

Наша программа проста и ясна. Она заключается въ слѣдующемъ:

1)—Созваніе представителей русской земли въ особое совѣщательное учрежденіе, въ которомъ должны гласно обсуждаться всѣ законы, проекты и ежегодная сѣмьта приходовъ и расходовъ.

Императоръ можетъ согласоваться съ мнѣніемъ большинства или меньшинства, выбранное имъ мнѣніе получаетъ силу закона.

2)—Свобода вѣроисповѣданія и уничтоженіе предварительной и карательной цензуры.

Преступленія и проступки, совершенные путемъ печати, должны судиться присяжными.

3)—Амнистія по всѣмъ государственнымъ преступленіямъ.

Мы считаемъ названныя три задачи самыми неотложными и на ихъ благопріятное разрѣшеніе будутъ направлены всѣ наши усилія.

Мы признаемъ необходимость и широкихъ экономическихъ преобразованій въ интересахъ рабочихъ массъ, и реформы мѣстнаго самоуправленія, въ смыслѣ расширенія крестьянскаго представи-

тельства, но эти сложныя и великой важности задачи могутъ быть разрѣшены удовлетворительнымъ образомъ лишь при участіи общества, то-есть послѣ того, какъ будетъ осуществлено преобразованіе нашего политическаго строя.

Историческая библіографія.

Записки декабриста Д. И. Завалишина. München 1904. Verlag Dr. Marchelewsky & Co. 2 тома.

Эта книга, изданная за границей, появилась въ настоящее время и на книжномъ рынкѣ въ самой Россіи. Мы тогда же (въ 1904 году) отмѣтили появленіе записокъ Завалишина рецензіей, напечатанной подъ псевдонимомъ «Любитель» во второй книжкѣ издававшегося въ Парижѣ неперіодическаго журнала «Освобожденіе». Такъ какъ съ того времени нашъ взглядъ на «Записки» нисколько не измѣнился, то мы позволяемъ себѣ привести свою рецензію на нихъ почти дословно и на страницахъ «Былого».

А писали мы вотъ что:

Въ литературѣ, касающейся общественнаго движенія въ царствованіе императора Александра I, имя Д. И. Завалишина встрѣчается вѣрѣдко, но въ большинствѣ случаевъ въ весьма непривлекательной окраскѣ. Мы давно составили себѣ представленіе о Завалишинѣ, какъ человѣкѣ, безусловно способномъ и даровитомъ, но несомнѣнно ненормальномъ. Большей степени самовлюбленности, самовлюбленности, переходящей въ ту форму психической болѣзни, которая называется *mania grandiosa*, трудно себѣ даже представить. Этотъ взглядъ на Завалишина, по прочтеніи двухъ томовъ его собственныхъ записокъ, у насъ окончательно укрѣпился. Его записки могли бы быть названы даже цѣнными, если бы не тотъ болѣзненный субъективизмъ, черезъ который преломились всѣ событія, свидѣлемъ которыхъ былъ Завалишинъ въ теченіе своей почти 90-лѣтней жизни, и если бы, благодаря именно этой причинѣ, у читателей не оставалось постоянно сомнѣнія въ объективной вѣрности разсказываемыхъ Завалишинымъ событій. Мы отнюдь не заподозриваемъ искренности Завалишина, совѣмъ нѣтъ, мы лишь указываемъ на то обстоятельство, что примѣшивающійся къ описанію всѣхъ событій чрезмѣрный субъективизмъ автора крайне обезпѣиваетъ ихъ историческое значеніе. Вездѣ и всюду Завалишинъ становится на непомерно высокія ходули, съ высоты которыхъ и повѣствуетъ о многихъ и многихъ революціонныхъ дѣятеляхъ двадцатыхъ годовъ, какъ о такихъ маленькихъ, такихъ ничтожныхъ... Именно это обстоятельство повлекло за собою прекращеніе покойнымъ М. И. Семевскимъ печатанія статьи Завалишина: «Пребываніе декабристовъ въ тюремномъ заключеніи въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ», начало которой появилось въ октябрьской книжкѣ «Русской Старины» за

1881 годъ. Послѣ этого Завалишинъ и укрылся подъ сѣнь Батковскаго «Русскаго Вѣстника», гдѣ и появилась его статья «Декабристы» (1884 года, февраль).

Вотъ какъ, напримѣръ, рассказываетъ Завалишинъ о тѣхъ отношеніяхъ, которыя существовали между нимъ и директорами Сѣвернаго Общества.

«И Пестель, и Рыльцевъ, стоявшіе во главѣ Общества Южнаго и Сѣвернаго, были слишкомъ властолюбивы, чтобы не только согласиться подчиниться одинъ другому, но и сносить соперничество каждый—въ своемъ обществѣ. Поэтому и тотъ, и другой старались на мѣсто другихъ директоровъ поставить людей себѣ сподручныхъ, уступавшихъ имъ по способностямъ или по характеру, и никакъ не допустить людей, въ которыхъ боялись найти себѣ соперниковъ. И если Пестель, не имѣя возможности не допустить выбора Сергія Муравьева-Апостола, согласился на выборъ его въ директоры потому только, что тотъ, не находясь въ центрѣ дѣйствія, поневолѣ былъ номинальнымъ только директоромъ, то Рыльцевъ всячески искалъ подавить возрастающее мое вліяніе, какъ удаленіемъ меня, хотя подъ почетнымъ предлогомъ, изъ центра дѣйствій, такъ и захватомъ въ свое распоряженіе во время моего отсутствія тѣхъ членовъ общества, которые были приготовлены мною.

«Принявъ либеральное и революціонное начало, я былъ искрененъ въ исполненіи его, и ни страхъ ни эгоистическіе расчеты не удерживали меня. Я былъ неутомимъ и отваженъ, дѣйствовалъ всесторонне, по всемъ направленіямъ, во всехъ сферахъ, дѣйствовалъ настойчиво, дѣйствовалъ для самого дѣла, мало заботясь о себѣ ни со стороны опасности ни со стороны похвалы. Но какъ ни мало искалъ я высказывать свои дѣйствія и добиваться, подобно пинимъ, сознательнаго (?) освидѣтельствованія моихъ дѣйствій членами общества, вліяніе мое быстро возрастало. Но не однѣ дѣятельность и энергія мои, которыя называли безпримѣрными и грозили людямъ, имѣвшимъ въ рукахъ свою власть, что она перейдетъ ко мнѣ, возбуждали зависть. Было нѣчто такое, что внушало еще болѣе страхъ имъ. Явился у многихъ какъ бы предчувствіе, что именно во мнѣ зарождались и готовы были проявиться тѣ начала, которыя способны уничтожить противорѣчіе и борьбу не только между отдѣльными тайными обществами, но и, вообще, между властью и свободой,—а тогда люди, завидовавшіе мнѣ, должны были лишиться не только распорядительной власти дѣлами общества, но и нравственной,—какъ представители извѣстнаго рода идей, изъ которыхъ они хотѣли сдѣлать монополію себѣ, а такая потеря была неминуемо сопряжена съ лишеніемъ значенія самихъ идей, по ихъ односторонности и ошибочности ихъ основаній, въ случаѣ проявленія идеи высшей и всесторонней. Грустно сказать, до чего увлекало людей желаніе «сбить меня съ поля», какъ выражались они. Вѣрные люди, изъ числа членовъ, негодующихъ на подобный образъ дѣйствій, сообщили мнѣ, что Рыльцевъ предлагалъ даже донести на меня Милорадовичу съ тѣмъ, чтобы меня куда-нибудь «запрятали», а донесеніи пріобрѣлъ бы въ глазахъ правительства

болѣе довѣрія. Они рассчитывали прямо на благородство мое, что я ничего не открою; а если бы даже и открылъ что, то согласились утверждать, что они, видя мою пылкость и увлеченіе, просто мистифицировали меня, что никакихъ обществъ, кромѣ того, которое я самъ учреждать, не существуетъ и пр. Думали также сдѣлать доносъ на меня анонимный или, наконецъ, просто заставить меня удалиться изъ общества, возбуждая противъ меня непріятности»¹⁾.

Этотъ рассказъ Завалишина слѣдуетъ сравнить съ его же показаніемъ на допросѣ, опубликованнымъ въ извѣстномъ «Донесеніи слѣдственной комиссіи».

Завалишинъ утверждаетъ, что большая часть его поступковъ и словъ была, по крайней мѣрѣ въ началѣ, не что иное, какъ благонамѣренная хитрость; что онъ, еще въ малолѣтствѣ, читая священное писаніе, имѣлъ таинственные откровенія, назначавшія его для возстановленія истины, и что онъ тогда же вздумалъ учредить Орденъ Возстановленія. «Сперва,—говоритъ онъ,—я полагалъ цѣлью одно торжество истинъ вѣры; послѣ, бывъ въ Англіи и Калифорніи, присоединилъ къ сему и виды политическіе; хотѣлъ произвести въ Испаніи контръ-революцію безъ войны; хотѣлъ также, будто бы для основанія республиканскихъ правительствъ въ Европѣ, стараться вывести изъ сей части свѣта тѣхъ людей безпокойнаго ума, которые желаютъ переменъ и смѣненій. Написанные мною статуты Ордена, на подобіе Мальтійскихъ, я представлялъ Императору Александру. Онъ похвалилъ мое усердіе, но не принялъ плана, что крайне меня огорчило. Вслѣдъ за тѣмъ, имѣвъ несчастіе войти въ связь съ симъ коварнымъ злодѣемъ Рыльцевымъ, я узналъ, что есть тайное общество, враждебное правительству, и рѣшился было довести о томъ; но Государь былъ въ Варшавѣ, а я, по глупой гордости, хотѣлъ все открыть ему безъ посредниковъ. Между тѣмъ старался извѣдать болѣе о тайномъ обществѣ черезъ другихъ и для сего дозволилъ себѣ несогласныя съ моими чувствами и видами слова, обратившія нынѣ къ моей гибели» и т. д.²⁾.

Такъ писалъ Завалишинъ въ своихъ показаніяхъ, но не такъ рассказываетъ онъ о своемъ поведеніи на допросахъ въ лежащихъ передъ нами его «Запискахъ».

«Надо сказать,—пишетъ онъ,—что я обращался съ членами слѣдственнаго комитета вовсе не такъ, какъ человѣкъ, ищущій своего спасенія. Я не могъ скрывать своего презрѣнія къ нимъ и высказывалъ имъ такіа горькія истины, какихъ, конечно, имъ ни прежде, ни послѣ не приходилось слышать. Я говорилъ «грубо и дерзко», какъ выражались они, называлъ вещи и дѣла своими именами и безпощадно разбивалъ ихъ софизмы. Я доказывалъ имъ прямо, что они-то и есть главные виновники революціи и что поступаютъ совершенно по тѣмъ же правиламъ, въ которыхъ насъ

¹⁾ Томъ I, стр. 249—250.

²⁾ См. «Государственные преступленія въ Россіи въ XIX в.» Сборникъ подъ редакціей В. Базилевскаго Т. I, стр. 57—58.

обвиняютъ, съ тою разницею, что мы допускали эти правила для блага общаго и жертвуя собою и своимъ, а они допускаютъ ихъ для личныхъ цѣлей, жертвуя не собою, а общимъ благомъ; что въ этомъ отношеніи смерть Петра III и Павла такія улики противъ нихъ, которыхъ никакими софизмами ни устранить, ни смягчить имъ нельзя, потому что они дѣйствовали тутъ противъ лицъ, признаваемыхъ ими за царей, и съ совѣстью, признающей значеніе царскаго достоинства, тогда какъ тѣ, которыхъ обыкновенно называютъ революціонерами, видятъ въ нихъ простыхъ людей и хотя, положимъ, по заблужденію, но видѣли притомъ и людей, враждебныхъ отечеству. Въ одной изъ подобныхъ сценъ дѣло дошло до того, что многіе вскочили, другіе заткнули свои уши; председатель комитета, военный министръ Татищевъ, испугался и, схвативъ меня за руку, увлекъ въ другую комнату. «Что ты дѣлаешь, другъ,—вскричалъ онъ, поднимая руки кверху,—зачѣмъ ты такъ раздражаешь ихъ, зачѣмъ ты говоришь съ ними съ такою запальчивостію?»—«Напротивъ, вы сами видѣли, что я говорилъ очень хладнокровно и спокойно, я даже не возвышалъ тона противъ обыкновенной рѣчи».—«Да развѣ ты не видишь, что это-то спокойствіе и увѣренность обеситъ ихъ. Запальчивость твоя не въ тонѣ, а въ содержаніи твоихъ словъ. Ты, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ говоришь такъ, какъ будто ты надъ ними производишь слѣдствіе, а не они надъ тобой; какъ будто ты ихъ обвинитель, а не они». Можетъ быть исторія такъ и скажетъ?»¹⁾

Къ сожалѣнію, «исторія» про Завалишина именно этого-то сказать и не можетъ. Она уже воздала должное и тѣмъ заплечныхъ дѣлъ мастерамъ, которые составляли «слѣдственный комитетъ» по дѣлу декабристовъ, и тѣмъ великимъ борцамъ за свободу, которые, поднявши знамя возстанія противъ деспотизма, понесли и на эшафотъ и на каторгу свои безупречно-честны имена, но имя Завалишина не въ ихъ числѣ... Герой «Записокъ» не былъ героемъ въ «слѣдственномъ комитетѣ». О томъ неизгладимо начертано въ его собственныхъ показаніяхъ. Такъ зачѣмъ же было и писать про то, чего, видимо, не было? Но такова уже психика всѣхъ маньяковъ. Мы нисколько не сомнѣваемся, что въ ту минуту, когда Завалишинъ разписывалъ въ своихъ «Запискахъ» собственное поведеніе столь героическими чертами, онъ былъ глубочайшимъ образомъ убѣжденъ, что все происходило именно такъ, какъ онъ описываетъ въ «Запискахъ». Тутъ не столько вина его, сколько бѣда его. Надо думать, что, конечно, не изъ «зависти» къ Завалишину, а именно изъ убѣжденія, что имѣютъ дѣло съ больнымъ человѣкомъ, и хотѣли директора Сѣвернаго Общества какъ-нибудь отъ него отдѣлаться и съ этою цѣлью, «подъ почетнымъ предлогомъ» изслѣдованія состоянія умовъ въ провинціи, выпроводили его незадолго до роковыхъ событій 14-го декабря въ приволжскія губерніи. Проѣз-

¹⁾ Завалишинъ, т. II, стр. 37—38.

домъ туда, Завалишинъ побывалъ въ Москвѣ, пребываніе въ которой, по обыкновенію, расписываетъ необыкновенными чертами.

Хотя графъ Остерманъ-Толстой, у котораго въ домѣ я жилъ въ Петербургѣ вмѣстѣ съ Леонидомъ Голицынымъ и другими племянниками его, и который особенно любилъ меня, и находился въ то время въ Москвѣ, однако, я не остановился у него, чтобы не быть стѣсненнымъ въ пріемѣ пріѣзжавшихъ ко мнѣ, и помѣстился въ домѣ Тютчевыхъ, въ Армянскомъ переулкѣ. Я занималъ тамъ почти весь верхній этажъ и ко мнѣ былъ особый ходъ, такъ что члены общества могли безпрепятственно посѣщать меня. Ноября 22-го и былъ на балу у Остермана и проходилъ черезъ гостинную; князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, сидѣвшій въ ней съ Иваномъ Ивановичемъ Дмитриевымъ, поэтомъ и бывшимъ министромъ юстиціи, и Евгениемъ Ивановичемъ Марковымъ, бывшимъ посланникомъ нашимъ въ Парижѣ, сказалъ мнѣ: «садись-ка съ нами, молодой человѣкъ, послушай насъ, стариковъ, поучись-ка уму разуму». Остерманъ, который шелъ за мною, сказалъ Голицыну шутя: «Вотъ ужъ нашли кого учить. Да у него въ одномъ мизинцѣ больше ума, чѣмъ во всѣхъ нашихъ головахъ». Разумѣется, Завалишинъ былъ героемъ бала и т. д. и т. д. Черезъ два дня, возвратясь снова съ бала, Завалишинъ поздно ночью сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Вдругъ онъ слышитъ бряцаніе сабель и шумъ многихъ шаговъ. «Рука инстинктивно схватила только что написанное важное письмо; я зажегъ его и бросилъ въ каминъ, а самъ бросился навстрѣчу идущимъ, чтобы не дать имъ войти въ кабинетъ и увидать горящее письмо; но едва только я приподнялъ портьеру, какъ Алексѣй Шереметевъ, шедшій впереди, увидавъ меня, закричалъ: „Государь умеръ! Скажи, что должны мы дѣлать“. Съ нимъ вмѣстѣ пріѣхали дѣти гр. Толстого, Бахметьевъ и Ладыженскій, адъютанты его, Раичъ и другіе». На другой день Завалишинъ отправился къ Остерману, къ которому скоро пріѣхалъ главнокомандующій князь Голицынъ. Съ первыхъ же словъ Голицынъ сказалъ: «Вообрази себѣ, что всѣ прапорщики взбѣленились и задумали скакать въ Петербургъ. Чтобы это значило? Я велѣлъ не выдавать безъ меня никому подорожныхъ. Жаль только, что мнѣ поздно сказали, а то кое-кто успѣлъ уже улизнуть въ Петербургъ». Остерманъ отвѣчалъ: «Вотъ и мои племянники бросились было туда же, только я позволилъ виѣзжать въ ихъ дѣла, а сейчасъ о томъ и хлопоталъ, чтобы вотъ этого будущаго адмирала и министра (т.-е. Завалишина) отправить понадежнѣе въ Казань...»

Голицынъ улыбнулся и посмотрѣлъ на меня внимательно. «А знаешь ли, Остерманъ,—сказалъ онъ,—право, мнѣ какъ-то сдается, что будущій министръ лучше всѣхъ могъ бы, если бы захотѣлъ, объяснить, отчего прапорщики хотятъ скакать въ Петербургъ. Право, я очень боюсь за такіа горячія головы» и пр. и пр.

Все это было бы не лишено извѣстнаго интереса, такъ какъ характеризуетъ настроеніе военныхъ сферъ и въ Москвѣ въ тѣ историческіе дни, когда въ Петербургѣ и на югѣ Россіи члены тайныхъ обществъ рѣшили приступить къ совершенію государственнаго пе-

реворота, но завалишинская манера изображать изъ себя вездѣ и всюду чуть не центръ мірозданія, сильно ослабляетъ достовѣрность всего имъ рассказываемаго. Читаешь эти, какъ и многія другія, строки его „Записокъ“ съ интересомъ, но тутъ же шевелится мысль: да такъ ли это было на самомъ дѣлѣ и не стоитъ ли передъ нами одинъ изъ яркихъ прототиповъ безсмертнаго Ивана Александровича Хлестакова?

А жалъ! Ибо нѣкоторыя изъ сообщеній Завалишина, будь они написаны кѣмъ-либо изъ болѣе достовѣрныхъ свидѣтелей той эпохи, представляли бы несомнѣнный историческій интересъ.

Такъ, онъ рассказываетъ, что утромъ 14-го декабря члены Тайнаго Общества послали къ Сперанскому Корниловича сообщить ему о предстоящемъ переворотѣ и спросить его согласіе на назначеніе его въ число членовъ временнаго правительства и что Сперанскій будто бы на это отвѣтилъ посланному:

«Съ ума вы сошли! Развѣ дѣлаютъ такія предложенія прежде-временно? Одержите сначала верхъ, тогда всѣ будутъ на вашей сторонѣ».

Это сообщеніе появляется въ литературѣ въ первый разъ, и судя по нѣкоторымъ даннымъ, едва ли достовѣрно.

Поведеніе императора Николая по отношенію къ обезоруженнымъ врагамъ, какъ это засвидѣтельствовано очень многими декабристами, было въ высшей степени неприлично. Ни сабѣ благородства, ни тѣни великодушія къ побѣжденному врагу. Достаточно вспомнить, что многихъ арестованныхъ декабристовъ приводили къ Николаю, по его приказанію, не иначе, какъ со связанными назадъ руками, а онъ, самодержецъ всероссійскій, осыпалъ ихъ при этомъ самыми площадными ругательствами... Характерную въ этомъ отношеніи сцену рассказываетъ и Завалишинъ.

«Василій Сергѣевичъ Норовъ, братъ Норова (Авраама), бывшаго впоследствии министромъ просвѣщенія, былъ извѣстенъ, какъ храбрѣйшій офицеръ. У него была непріятная исторія съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, когда онъ былъ еще въ полку, а великій князь командовалъ бригадою. Разъ великій князь, разгорячась, забылся до того, что взялъ Норова за пуговицу. Норовъ оттолкнулъ руку, сказавъ: „Не трогайте, Ваше Высочество, я очень щекотливъ“. Поэтому, когда Норова послѣ 14-го декабря арестовали и привезли во дворецъ, то Николай Павловичъ до того разгорячился, что сказалъ: „Я зналъ напередъ, что ты, разбойникъ, тутъ будешь“, и началъ осыпать его бравью... Когда же у него отъ ругательства пересѣкъся голосъ, а Норовъ сказалъ: „Прекрасно, что же вы стали? Ну-ка еще!“ то Николай закричалъ: „Веревокъ! Связать его!“ Сцена дошла, наконецъ, до того неприличія, что присутствовавшій при ней командиръ гвардейскаго корпуса, Войновъ, не выдержалъ и вскричалъ: „Помилуйте, да вѣдь здѣсь не съезжая...»

И много другихъ любопытныхъ эпизодовъ, характеризующихъ влательцевъ Россіи, приведено въ книгѣ Завалишина.

Второй томъ «Записокъ» Завалишина посвященъ, главнымъ об-

разомъ, исторіи пребыванія декабристовъ въ Читѣ и Петровскѣ, но этотъ эпилогъ политическихъ замысловъ дѣятелей 20-хъ годовъ XIX вѣка представляетъ въ значительной степени повтореніе того, что уже извѣстно, читателямъ изъ многочисленныхъ воспоминаній другихъ декабристовъ. На послѣднихъ страницахъ «Записокъ» читатель найдетъ нѣсколько новыхъ подробностей объ отношеніяхъ между авторомъ «Записокъ» и генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, гр. Муравьевымъ-Амурскимъ, но цѣнныя сами по себѣ, и эти подробности сильно обезцѣнены тѣмъ «завалишинскимъ» соусомъ, подъ которымъ они поднесены читателю.

Итоги: книга Завалишина войдетъ, конечно, въ число пособій для изученія заговора декабристовъ, но пособіе это явится далеко не изъ первоклассныхъ. Поэтому и приветствовать появленіе „Записокъ“ Завалишина на книжномъ рынкѣ особенно не приходится.

Къ книгѣ приложено четыре портрета Завалишина въ разныя эпохи его жизни.

Кстати: въ Россіи ходитъ по рукамъ во многихъ экземплярахъ коллекція фотографическихъ снимковъ съ нѣсколькихъ декабристовъ, домовъ, въ которыхъ они жили въ Сибири, ихъ могилъ и т. д. Въ числѣ такихъ портретовъ (вмѣстѣ съ Лунинымъ, Волконскимъ, Трубецкимъ, Бобриневымъ-Пушкинымъ и др.) находится портретъ съ подписью: „Теребенева“. Между тѣмъ, такого декабриста никогда не существовало. Не бесполезно будетъ разъяснить, въ чемъ тутъ очевидное недоразумѣніе. Портретъ этотъ, въ дѣйствительности, не Теребенева, а Завалишина въ молодости. Онъ и приложенъ теперь въ числѣ другихъ къ „Запискамъ“ Завалишина. Переснять же онъ съ портрета Завалишина, написаннаго съ натуры художникомъ Теребевымъ. На портретѣ сохранилась подпись художника—и вотъ въ чемъ влечетъ къ недоразумѣнію, благодаря которому сталъ гулять по Россіи портретъ никогда не существовавшаго декабриста.

В. Богучарскій.

Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. А. Н. Радищева. Изданіе П. Е. Щеголева и Н. П. Павлова-Сильванскаго. Спб. 1905. То же. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1905. Наконецъ-то, послѣ 115 лѣтъ запрета, знаменитая многострадальная книга А. Н. Радищева появилась въ свѣтъ почти одновременно въ двухъ изданіяхъ: г. Суворинъ ограничился только перепечаткой текста изданія 1790 года и по внѣшности далъ очень недурную книжку для широкихъ слоевъ публики, гг. Павловъ-Сильванскій и Щеголевъ поставили себѣ цѣлью научное изданіе сочиненія Радищева, могущее имѣть цѣнность и для специалистовъ, изучающихъ исторію нашей литературы. Въ этомъ послѣднемъ изданіи воспроизведенъ также первоначальный текстъ 1790 года, но указаны въ примѣчаніяхъ всѣ особенности (весьма любопытныя) текста сочиненія по рукописи,

хранящейся въ Государственномъ Архивѣ. Кромѣ того, въ началѣ книги помѣщены двѣ вступительныя статьи редакторовъ, представляющія собою весьма цѣнный вкладъ въ обширную, хотя качественно и не особенно богатую, литературу о Радищевѣ: въ первой, принадлежащей Н. П. Павлову-Сильванскому, весьма обстоятельно изложена біографія Радищева и исторія тѣхъ мытарствъ, которымъ подвергалась его книга до нашего времени, причемъ г. Сильванскій выдвигаетъ новую точку зрѣнія на значеніе литературной дѣятельности Радищева; во второй статьѣ, написанной П. Е. Щеголевымъ, въ связи съ обзоромъ рукописи выяснена исторія текста книги; наконецъ, весьма полезной представляется и полная бібліографія статей и книгъ, такъ или иначе затрогивающихъ Радищева, помѣщенная послѣ текста «Путешествія». По внѣшности изданіе выполнено прекрасно, къ нему приложены портретъ Радищева (гелиография съ портрета, находящагося въ Радищевскомъ музее въ Саратовѣ) и фототипическое воспроизведеніе заглавнаго листа и первыхъ страницъ изданія 1790 года. Всѣ эти особенности изданія гг. Сильванскаго и Щеголева, конечно, весьма цѣнны для людей, изучающихъ нашу литературную старину; однако, нельзя сказать, чтобы онѣ были излишними и для широкой публики: чтобы понять писателя, работавшаго болѣе ста лѣтъ тому назадъ, еще мало ознакомиться съ текстомъ его произведенія, а нужно и перенестись въ ту эпоху и къ тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ явилось произведеніе. Біографія Радищева уясняетъ читателю связь знаменитаго «Путешествія» съ энциклопедизмомъ XVIII вѣка и съ сентиментальнымъ направленіемъ въ литературѣ. Исторія процесса, возбужденнаго противъ книги и ея автора, цензурныя гоненія, которымъ подвергалась книга до настоящаго времени, раскрываютъ общественное значеніе, которое состояло не только въ томъ, что Радищевъ протестовалъ противъ крѣпостного права, а главнымъ образомъ въ томъ, что онъ обнаружилъ коренныя причины нашего общественно-политическаго нестроенія, указалъ на зло, причиняемое всему русскому народу безправіемъ и произволомъ, проникавшимъ всѣ наши гражданскія отношенія сверху до низу. Въ рабствѣ находились не только крестьяне, но и всѣ русскіе обыватели, и понятно, почему книга Радищева оказалась запретною и послѣ 19 февраля 1861 года: вѣдь это было только началомъ раскрытія русскаго общества, и полицейско-бюрократическій произволъ ничего еще не уступалъ тогда изъ своихъ прерогативъ. Теперь, когда старый порядокъ находится уже при послѣднемъ издыханіи, «Путешествіе» могло появиться въ свѣтъ и стать достояніемъ всѣхъ грамотныхъ людей. Знакомая съ этой книгой впервые, современные борцы за свободу встрѣчаютъ въ авторѣ ея своего могучаго союзника, который въ мрачную пору гнета осмѣлился, по выраженію Пушкина, «возславить свободу».

А. Б.

Тюрьмы въ Россіи. Очеркъ Д. Кенана. «Общедоступная бібліотека для всѣхъ». № 1. Цѣна 20 коп. С.-Петербургъ. 1906 г.

Историкъ революціоннаго движенія въ Россіи съ благодарностью вспомнить имя Джоржа Кенана, блестящая и правдивая книга котораго «Сибирь и ссылка» произвела въ началѣ 90-хъ годовъ потрясающее впечатлѣніе во всемъ культурномъ мірѣ. Она появилась въ моментъ полного расцвѣта у насъ правительственной реакціи, когда, казалось, и русская революція и русская оппозиція были безслѣдно и окончательно раздавлены. И когда первыя впечатлѣнія ужаса, навѣяныя этой книгой, прошли, прежде всего стало ясно для европейскаго общества, что въ странѣ, гдѣ парятъ описанные Кенаномъ порядки, гдѣ жили, работали и страдали истинные герои и борцы за свободу, гдѣ нечеловѣческія муки не уничтожили твердыхъ и беззапятныхъ стремленій къ обновленію родины, въ такой странѣ не могъ быть умерщвленъ духъ свободы и не могло умереть великое къ ней тяготѣніе. Официальная ложь о всеобщемъ благополучіи въ Россіи получила тогда первый рѣзкій ударъ, а ближайшія событія уже готовили новую эру возрожденія революціоннаго движенія.

Брошюра «Тюрьмы въ Россіи», изданная «Библіотекой для всѣхъ», включаетъ четыре хорошо переведенныхъ отрывка изъ упомянутой книги Кенана. Въ этихъ отрывкахъ характеризуется «жизнь русскихъ революціонеровъ въ тюрьмахъ», среди которыхъ авторъ удѣляетъ особое вниманіе Петропавловской крѣпости и провинціальнымъ тюрьмамъ. Въ послѣдней главѣ дается общая характеристика «государственныхъ преступниковъ» въ Россіи.

Даже въ этихъ небольшихъ отрывкахъ выступаютъ ярко достоинства мастерскаго кенановскаго изложенія. Сжато, мѣтко, то съ художественной простотой и изяществомъ, то академически-объективно, съ научными и статистическими аргументами, авторъ раскрываетъ предъ нами всю подноготную правительственной борьбы съ политическими «преступниками», все безуміе этой системы гоненій и нравственныхъ пытокъ, весь произволъ казеннаго механизма, развивающаго свою энергію въ сторону одного сплошнаго беззаконія. Серьезный и осторожный изслѣдователь, Кенанъ щепетильно относился къ правдѣ и, не допуская никакихъ уклоненій или преувеличеній, стремился воспроизвести картины русской дѣйствительности исключительно реальными красками, что дѣлаетъ его изслѣдованія особенно цѣннымъ. Взгляды Кенана, его субъективная оцѣнка и выводы не всегда вѣрны. Въ отмѣченныхъ и вошедшихъ въ брошюру четырехъ главахъ можно отмѣтить, напримѣръ, его совершенно невѣрное объясненіе системы террора партіи «Народной Воли»—одною меею за тюремный режимъ и жестокость жандармскихъ дознаній. Но независимо отъ этого Кенанъ собралъ массу такого цѣннаго матеріала, особенно путемъ непосредственнаго опроса политическихъ «преступниковъ», который, можно почти съ увѣренностью сказать,—почти погибъ бы для исторіи, за смертью участниковъ движенія или по другимъ причинамъ, и въ этомъ его глав-

нѣйшая заслуга. Какъ матеріалъ для исторіи революціоннаго движенія, книга Кенана, обѣщаннаго полнаго перевода которой мы будемъ ждать съ нетерпѣніемъ, — имѣетъ громадную цѣну. Теперь мы вступили въ другой періодъ революціонной жизни, который несетъ намъ новый крутой переломъ, но все же страницы книги Кенана полны еще современности. То, что было двадцать лѣтъ назадъ, повторяется и теперь. Декабрьская и январская реакція 1906 года только сгущаютъ кенановскія краски въ картинѣ политическаго режима настоящей минуты. Тюремный строй и жандармщина вѣсто суда царятъ и теперь въ ихъ старой неприкосновенности, и многія страницы книги Кенана точно выхвачены изъ текущей газетной прессы и текущихъ событий. И устарѣвшая будто бы книга друга русской свободы опять оживаетъ, напоминая о суровомъ долгѣ продолжать борьбу...

Нин. Аш.

13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Записки Людмилы Александровны Волкенштейнъ. Спб. Изданіе Балашева. 1906 г. Цѣна 20 коп.

Воспоминанія Л. А. Волкенштейнъ впервые были изданы въ Лондонѣ въ 1900 г. Чертковымъ съ примѣчаніями В. Л. Бурцева. Это были одни изъ первыхъ извѣстій о томъ, что цѣлыхъ 15 лѣтъ до того происходило за стѣнами той страшной крѣпости, въ которой было замуровано столько дорогихъ для русскаго общества политическихъ дѣятелей. Впослѣдствіи появились воспоминанія и нѣкоторыхъ другихъ шлиссельбургцевъ. Воспоминанія Л. А. Волкенштейнъ будутъ всегда занимать одно изъ видныхъ мѣстъ въ литературѣ и исторіи Шлиссельбургской крѣпости, какъ талантливый яркій рассказъ лица, пережившаго всѣ ужасы долгой, мучительной тюремной жизни.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Л. А. Волкенштейнъ говоритъ между прочимъ, что многихъ сторонъ жизни въ тюрьмѣ «она не считала удобнымъ касаться, какъ по внѣшнимъ, такъ и по внутреннимъ причинамъ». Ея воспоминанія писались и печатались во времена Сипягина и Плеве. Въ настоящее время эти затрудненія въ значительной степени, кажется, устранены, и русскіе читатели будутъ ждать отъ Л. А. Волкенштейнъ въ новыхъ изданіяхъ ея воспоминаній рассказовъ о томъ, что раньше она вынуждена была выпустить. Надѣемся, что, кромѣ описанія своего пребыванія въ Шлиссельбургской крѣпости, она расскажетъ также о своемъ участіи въ дѣлѣ Крапоткина въ 1879 г., послѣ чего ей пришлось эмигрировать до 1883 г., объ арестѣ въ 1883 г., судѣ, и записать все, что ея память сохранила о встрѣчахъ съ различными замѣчательными дѣятелями русскаго освободительнаго движенія ¹⁾. Такимъ револю-

¹⁾ Увы, эти строки обращены уже къ мертвой, но гдѣ большую обязанность налагаетъ это обстоятельство на лицъ, знавшихъ коротко покойную, рассказать подробно объ ея жизни, борьбѣ и страданіяхъ. Ред.

ціоннымъ дѣятелямъ, какъ шлиссельбургцамъ, слѣдуетъ подробно записать свои воспоминанія:

*«Молодымъ людямъ—на поученіе,
Старымъ людямъ—на послушеніе».*

Не можемъ не отмѣтить, къ сожалѣнію, той небрежности—если не сказать болѣе,—съ какой нѣкоторые издатели относятся даже и къ такимъ произведеніямъ, какъ воспоминанія Л. А. Волкенштейнъ. Редакція «Всемирнаго Вѣстника», а за ней и г. Балашевъ, не только не потрудились снестись съ авторомъ воспоминаній относительно ихъ изданія, но даже не сочли обязательнымъ для себя внимательно отнестись къ самой перепечаткѣ этихъ воспоминаній и издали ихъ не по лондонскому изданію, а по изданію берлинскихъ спекулянтовъ-книгопродавцевъ.

Редакція журнала «Былое» проситъ гг. книгоиздателей присылать ей для рецензій выходящія новыя книги историческаго содержанія.

Отъ Шлиссельбургскаго Комитета.

8-го января 1906 года Шлиссельбургская государственная тюрьма перестала существовать. Неизвѣстно, правда, какая судьба ожидаетъ пятерыхъ еще томившихся тамъ заключенныхъ (Карповича, Гершуни, Мельникова, Сазонова и Сикорскаго), но страшный призракъ мрачнаго застѣнка отходитъ, во всякомъ случаѣ, въ исторію, вмѣстѣ съ такъ долго губившимъ Россію принципомъ народнаго безправія и правительственнаго самовластия.

Конечно, забыть Шлиссельбургъ Россія не можетъ и не должна. Какъ въ фокусѣ, въ немъ сосредоточились всѣ ужасы, всѣ муки, всѣ жертвы, какими отмѣчено русское освободительное движеніе, начиная съ Новикова и декабристовъ и кончая героями послѣднихъ дней. Шлиссельбургъ былъ мѣстомъ заточенія, пытокъ и казней лучшихъ, энергичнѣйшихъ борцовъ за счастье народа. Могучая угроза въ рукахъ самодержавія, — въ глазахъ тѣхъ, кому дороги честь и свобода родины, — онъ всегда былъ эмблемой великой душевной красоты, великаго гражданскаго подвига. Это былъ какъ бы почетный боевой постъ, на которомъ, въ ожиданіи вѣрной гибели, безтрепетно стоялъ авангардъ революціи...

Увидимъ ли мы, живущее поколѣніе, тотъ грандіозный національный памятникъ, какимъ Россія почтитъ *всѣхъ* своихъ героевъ-мучениковъ, страдавшихъ и погибшихъ на эшафотахъ, въ тюрьмахъ, въ рудникахъ и тундрахъ Сибири, въ мрачныхъ тайникахъ Петропавловки и Шлиссельбурга? Какъ бы то ни было, нѣкоторые изъ этихъ страдальцевъ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшіе послѣ двухъ десятковъ лѣтъ пребыванія въ ужасной шлиссельбургской могилѣ, еще живутъ среди насъ (ихъ 23 человекъ¹⁾), не считая упомянутыхъ выше пятерыхъ), и чувство благоговѣйнаго удивленія, которое они намъ внушаютъ, не находятъ себѣ достаточнаго удовлетворенія въ болѣе или менѣе далекой мечтѣ... Такъ страстно хочется теперь же, сейчасъ же дать ему сильное выраженіе! Вѣдь это не мертвыя имена, въ честь которыхъ потомки воздвигаютъ обыкновенно монументы, — это живые, дорогіе всѣмъ намъ люди! Не отвлеченный долгъ, а требованіе непосредственнаго чувства побуждаетъ сдѣлать все возможное для того, чтобы, по крайней мѣрѣ, оградить этихъ пострадавшихъ людей отъ новыхъ житейскихъ невзгодъ и ударовъ.

Такова идея, легшая въ основаніе Шлиссельбургскаго Комитета.

Одна изъ первыхъ предстоящихъ ему задачъ — озаботиться сборомъ денежныхъ средствъ для составленія постоянного шлиссельбургскаго фонда. Съ этой дѣлю Комитетомъ намѣчены слѣдующія

¹⁾ Теперь уже только 22...

мѣры: 1) пожертвованія, въ сборѣ которыхъ желательно участіе самыхъ широкихъ круговъ населенія; 2) спеціальныя изданія портретныхъ галлерей, книгъ и брошюръ; 3) литературные вечера и концерты.

Избранный первоначально «Союзомъ Союзовъ» Шлиссельбургскій Комитетъ состоитъ въ настоящее время изъ слѣдующихъ лицъ:

Предсѣдатель—В. И. Семевскій (Вас. Остр., 2 л., д. 11).

Товарищъ Предсѣдателя—П. Ф. Якубовичъ (Л. Мельшинъ, Ст. Удѣльная, Финл. ж. д.).

Секретарь—В. Я. Яковлевъ-Богучарскій (Ямская ул., д. 25, кв. 8).

Казначей—Н. Ф. Анненскій (Троицкая ул., д. 11, кв. 22).

Члены: Ф. Д. Батюшковъ, В. Л. Бурцевъ, П. П. Вейнбергъ, С. А. Венгеровъ, В. В. Водовозовъ, Е. Н. Водовозова-Семевская, А. С. Зарудный, В. П. Засуличъ, Д. А. Клеменцъ, В. Ф. Коммисаржевская, В. Г. Короленко, Л. П. Купріянова, П. Н. Милуковъ, Б. А. Мякотинъ, Л. Ф. Пантелѣевъ, В. А. де-Плансонъ, А. С. Пругавинъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ, П. Е. Рѣпинъ, М. П. Сажинъ, кн. Г. Д. Сидановъ-Эристовъ, Л. Н. Стахевичъ, О. Н. Флоровская, Л. Э. Шишко, П. Е. Щеголевъ, С. А. Щепотьевъ.

Пожертвованія просятъ направлять на имя казначея, а всякаго рода сообщенія и запросы — посылать на имя предсѣдателя Комитета, его товарища или секретаря по вышеуказаннымъ ихъ адресамъ.

Къ читателямъ.

Одною изъ своихъ очередныхъ задачъ Шлиссельбургскій Комитетъ поставилъ изданіе альбома, по возможности, *всѣхъ* лицъ, когда либо томившихся въ Шлиссельбургской крѣпости, отъ Новикова до Сазонова и Сикорскаго. Портреты эти будутъ снабжены краткими біографіями узниковъ. Комитетъ собралъ уже значительное количество необходимыхъ для этой цѣли портретовъ, но многихъ еще недостаетъ. Труднѣе всего, конечно, достать портреты узниковъ, томившихся въ Шлиссельбургѣ въ царствованіе Николая Перваго (Тюринъ, Поповъ, Вас. Критскій, Олейничукъ, Соколовскій, Ибаевъ, и др.), но недостаетъ также и значительнаго количества портретовъ шлиссельбуржцевъ эпохи 1884—1905 года. (Грачевскій, Арончикъ, Псаевъ, Савелій Златопольскій, Малавскій, Щедринъ, Кобыляевскій, Минаковъ, Клименко, Тихоновичъ, Немоловскій, Манучаровъ, Игнатъ Ивановъ, Вас. Ивановъ. Лаговской, Ник. Рогачевъ, Осипановъ, Генераловъ, Андреюшкинъ, Шевыревъ, Чепегинъ, Васильевъ и Гершковичъ). Комитетъ проситъ лицъ, владѣющихъ портретами перечисленныхъ узниковъ, доставить ему ихъ для воспроизведенія, послѣ чего, по желанію владѣльцевъ, портреты будутъ немедленно возвращены по принадлежности. Комитетъ проситъ также доставить ему біографическія свѣдѣнія не только о перечисленныхъ узникахъ, но и обо всѣхъ

шлиссельбуржцахъ,—при чемъ тѣмъ полнѣе—тѣмъ лучше. Всѣ эти предметы могутъ быть направляемы секретарю Комитета, по адресу: *Петербургъ, Редакція журнала „Былое“, Спасская улица, 25, кв. 20, Василию Яковлевичу Яковлеву-Богучарскому. (Проситъ посылать заказными.)* Само собой разумѣется, что весь сборъ отъ продажи сборника-альбома поступить всецѣло въ пользу шлиссельбуржцевъ.

Предсѣдатель Комитета В. Семевскій.

Секретарь В. Богучарскій.

Въ № 328 газеты «Наша Жизнь» за 1905 г. помѣшена статья В. Я. Богучарскаго «Къ увѣковѣченію памяти славныхъ», которую мы воспроизводимъ здѣсь полностью:

«Въ № 313 «Нашей Жизни» помѣшено письмо въ редакцію подполковника Маркова, которое съ величайшимъ удовольствіемъ мы процитируемъ полностью еще разъ, дабы тѣ изъ читателей газеты, которые, по какой-либо случайности, его не прочли, имѣли бы возможность ознакомиться съ идеей почтеннаго г. Маркова. Письмо его гласитъ:

«Я вѣрно не ошибусь, сказавъ, что ни одна страна не дала столько мучениковъ за политическое освобожденіе своего народа, какъ наша многострадальная Россія.

«Теперь, когда свобода уже не уйдетъ отъ насъ,—священный долгъ освобожденныхъ увѣковѣчить память освободителей. Можетъ быть, самымъ достойнымъ памятникомъ былъ бы обширный мавзолей, увѣнчанный статуей свободы, внутри котораго были бы сосредоточены всѣ предметы, говорящіе объ этихъ народныхъ герояхъ: портреты, вещи, вся литература о нихъ, а стѣны были бы увѣшаны мраморными досками съ золотыми именами погибшихъ. Пусть грядущія поколѣнія черпаютъ здѣсь примѣры истинной любви къ родинѣ и гражданскаго долга.

«Какъ починъ въ дѣлѣ, прилагаю скромную лепту въ 25 руб.». «Мы глубоко вѣримъ, что идея г-на Маркова будетъ осуществлена, и обновленная Россія созиждетъ достойный памятникъ борцамъ за ея свободу, но это дѣло, во всякомъ случаѣ, хотя и близкаго, но все-таки будущаго. а необходимо было бы предпринять что-либо для увѣковѣченія памяти погибшихъ въ борьбѣ за свободу въ настоящее же время. Однимъ изъ первыхъ шаговъ въ этомъ направленіи могло бы явиться изданіе всѣхъ политическихъ процессовъ, начиная съ процесса декабристовъ, а можетъ быть и ранѣе. Подобное многотомное изданіе, въ особенности, если его снабдить надлежащими комментаріями и указаніями, явилось бы однимъ изъ первоисточниковъ для изученія исторіи русскаго освободительнаго движенія и тѣмъ положило бы начало «увѣковѣченію памяти славныхъ». Разумѣется, одними политическими процессами дѣло не могло бы быть исчерпано. Параллельно съ такимъ основнымъ изданіемъ слѣдовало бы издавать и сборники относящихся къ соответствующимъ періодамъ освободительнаго движенія всякаго рода матеріаловъ, документовъ и проч., а можетъ быть и создать специальный историческій журналъ. Тутъ же могъ бы образоваться и такой складъ подлинныхъ мемуаровъ, писемъ, документовъ, фотографій, автографовъ, разнаго рода вещей и проч., который современемъ и долженъ былъ бы поступить—непремѣнно, какъ собственность всего народа,—во всенародный памятникъ-музей русской революціи. Я пишу эти строки не для того только, чтобы бросить предлагаемую идею въ

общество, какъ нѣчто такое, къ чему совершенно еще не приступлено, а имѣя въ виду и указать по этому поводу на одно обстоятельство конкретнаго характера. Дѣло въ томъ, что излагаемая мною здѣсь идея уже возникла нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ небольшомъ кружкѣ лицъ, который, собравъ для этой цѣли нѣкоторые пожертвованія, приступилъ тогда же къ ея осуществленію. Было рѣшено начать выпускать въ хронологическомъ порядкѣ рядъ сборниковъ политическихъ процессовъ подъ скромнымъ названіемъ «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ». Собираніе и концентрація для этой цѣли матеріаловъ, составленіе самихъ сборниковъ, ихъ редактированіе, снабженіе вступительными статьями и примѣчаніями было поручено мнѣ, что я и началъ исполнять подъ псевдонимомъ *В. Базилевскаго*. Пріисканіе издателя взяло на себя другое лицо. Времена стояли тяжелыя, и о такого рода изданіи въ самой Россіи нечего было и думать. Для перваго тома испробованъ былъ поэтому такой приемъ: этотъ томъ былъ изданъ за границею, но въ него включены матеріалы по исторіи «государственныхъ преступленій въ Россіи» исключительно лишь официальные, опубликованные во всеобщее свѣдѣніе въ собственныхъ изданіяхъ самимъ русскимъ правительствомъ. Такихъ матеріаловъ, обнимающихъ царствованіе Николая Перваго, а также 60-ые и первую половину 70-хъ годовъ истекшаго вѣка, набралось на книгу въ *сорокъ* печатныхъ листовъ мелкаго шрифта. Кое-кому казалось, что составленная такимъ способомъ книга могла свободно быть допущена въ Россію, но это, какъ вскорѣ и доказалъ сдѣланный опытъ, могло казаться лишь тѣмъ, кто наблюдалъ за дѣйствіями русскаго правительства изъ того или иного «прекраснаго далека», а не инициаторамъ изданія, слишкомъ близко знакомымъ съ тѣмъ безграничнымъ произволомъ, который составлялъ самое существо русскаго самодержавнаго строя. Экспериментъ рѣшено было произвести въ такой формѣ: нѣмецкій издатель перваго тома, извѣстный социаль-демократъ и депутатъ германскаго рейхстага Дитцъ подаль *отъ себя* Главному управленію по дѣламъ печати прошеніе, въ которомъ, ссылаясь на то, что книга содержитъ въ себѣ *исключительно* матеріалы, опубликованные самимъ правительствомъ, просилъ о разрѣшеніи свободнаго пропуску ея въ Россію для продажи въ магазинахъ. На это Дитцъ получилъ слѣдующій, опубликованный въ № 59 «Освобожденія», отвѣтъ:

«М. в. д. Центральный комитетъ иностранной цензуры. С.-Петербургъ, 9 октября 1904 года № 3392. Въ книгоиздательское Товарищество І. Г. В. Дитца въ Штутгартѣ. Въслѣдствіе представленнаго 8 іюня н. ст. сего года въ Главное управленіе по дѣламъ печати прошенія о допущеніи къ распространенію въ Россіи изданной книгоиздательскимъ Товариществомъ І. Г. В. Дитца книги: «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ. Сборникъ извлеченныхъ изъ официальныхъ изданій правительственныхъ сообщеній. Составленъ подъ редакціей В. Базилевскаго. Томъ первый. 1825—1876 годъ. Stuttgart 1903 года»,—центральный комитетъ иностранной

цензуры имѣть честь увѣдомить Товарищество, что означенная книга, постановленіемъ с.-петербургскаго цензурнаго комитета 30 сентября сего года, признана подлежащей *запрещенію* ко ввозу въ Россію. Предсѣдатель центр. ком. иностр. цензуры *г. А. Муравьевъ*. Завѣдывающій канцелярією старшій цензоръ (фамилія написана неразборчиво).

«Русское правительство расписалось... въ чемъ, — для каждаго ясно, а ультралегальная книга, представлявшая къ тому же продуктъ громаднаго труда (нужно было пересмотрѣть въ Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ, начиная съ 1825 г. изъ номера въ номеръ всѣ «Сенатскія Вѣдомости», «Русскій Инвалидъ», «Сѣверную Почту» (официальный органъ министерства внутреннихъ дѣлъ съ 1862 по 1868 г.) и проч., дабы гомеопатическими дозами добывать и списывать оттуда все относящееся къ «государственнымъ преступленіямъ»), стала появляться въ Россіи лишь путемъ нелегальныхъ «транспортовъ». Само собою разумѣется, что убѣдившись окончательно въ томъ, въ чемъ нашъ кружокъ былъ, въ сущности, убѣжденъ и безъ того, и опубликовавши о такомъ подвигѣ русскаго правительства въ иностранной прессѣ, мы принялись за изданіе слѣдующихъ томовъ нашихъ сборниковъ, уже рѣшительно не имѣя въ виду надежды на легальный пропускъ ихъ въ Россію, и потому я сталъ помѣщать въ сборникахъ рядомъ въ официальныхъ сообщеніяхъ о «государственныхъ преступленіяхъ» и все то, къ нимъ дополнительно, о чемъ правительство умалчивало, но что тѣмъ не менѣе, появлялось въ русской нелегальной печати. Задача значительно расширилась и вскорѣ пришлось подумать о томъ, чтобы, наряду съ основными томами, которые продолжали выходить подъ прежнимъ названіемъ «Государственныя преступленія въ Россіи», издавать томы, къ нимъ дополнительные, заключающіе въ себѣ сборники документовъ, характеризующихъ революціонное и оппозиціонное движеніе разныхъ эпохъ. Для полноты такихъ дополнительныхъ томовъ потребовалось исполнить новую задачу: необходимо стало заняться розыскомъ множества ставшихъ чрезвычайно библиографическою рѣдкостью журналовъ, листовъ, прокламацій и проч., относящихся къ 60-мъ и 70-мъ годамъ, и хотя въ этомъ дѣлѣ мнѣ оказалъ цѣнную помощь извѣстный эмигрантъ-библіографъ В. Л. Бурцевъ, хотя для этой цѣли и были пересмотрѣны мною многія русскія бібліотеки за границею, русскій отдѣлъ Британскаго Музея въ Лондонѣ и, съ любезнаго разрѣшенія многихъ извѣстныхъ русскіхъ эмигрантовъ, ихъ личные архивы, тѣмъ не менѣе, многого, очень многого не хватало. Но тутъ помогли двѣ замѣчательныя случайности, благодаря которымъ въ мое распоряженіе были переданы двѣ очень цѣнныя коллекціи старыхъ нелегальныхъ изданій,—одна П. Н. Милюковымъ, другая—А. В. Пѣшехоновымъ. Въ этихъ коллекціяхъ оказалось многое изъ того, что тщетно разыскивалъ я до того времени и въ Россіи, и въ Германіи, и въ Швейцаріи, и во Франціи, и въ Англіи. Изъ совокупности такихъ-то матеріаловъ мною, на ряду съ тремя томами «Государственныхъ преступленій

въ Россіи» (доведено до знаменитаго процесса 193-хъ включительно), и издано еще три дополнительныхъ къ нимъ тома («Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ», «Революціонная журналистика 70-хъ годовъ» и «Литература партіи Народной Воли»), всего, слѣдовательно, пока шесть томовъ, заключающихъ въ себѣ болѣе двухсотъ печатныхъ листовъ. Томъ 7-й начать печатаніемъ за границу, но теперь приостановленъ. Въ настоящее время я намѣренъ при первой возможности переиздать всѣ эти тома въ Россіи и затѣмъ продолжать ихъ дальнѣйшіе выпуски, для чего у меня собрано весьма значительное количество матеріаловъ. Лицъ, интересующихся этимъ дѣломъ и желающихъ войти со мною по этому поводу въ сношенія, я прошу писать мнѣ по такому адресу: *Петербургъ. Редакція газеты „Наша Жизнь“, В. Я. Богучарскому.* Что же касается собранныхъ мною разнаго рода изданій и документовъ по исторіи революціоннаго движенія въ Россіи, между которыми находятся и чрезвычайно рѣдкіе, то, само собою разумѣется, что я сочту своимъ долгомъ передать ихъ всѣ въ общественную собственность, какъ только возникнетъ такое или подобное такому, учрежденіе, создать которое въ память борцовъ за свободу призываетъ русское общество г. Марковъ».

Редакторы { В. Я. Богучарскій.
П. Е. Щеголевъ. Издатель Н. Е. Парамоновъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я:

Книгоиздательство „Донская Рѣчь“

Н. Парамонова. Петербургское Отдѣленіе: Спаскій переулокъ, д. № 5, кв. 1.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

изданныя за границу, подъ редакціей В. Базилевскаго (В. Я. Богучарскаго) три тома сборниковъ «Государственные преступленія въ Россіи» и три тома приложений къ этимъ сборникамъ. Во всѣхъ шести томахъ болѣе 200 печатныхъ листовъ.

Содержаніе сборниковъ:

Томъ первый.—Предисловіе.—1825 г. Первое правительственное сообщеніе о событіи 14 декабря. Высочайшій манифестъ о томъ же. Подробное описаніе происшествія 14 декабря.—1826 г. Прибавленіе къ подробному описанію. Первое сообщеніе о возстаніи войскъ Муравьева-Апостола. Дальнѣйшія сообщенія о томъ же. Первое сообщеніе о ходѣ слѣдствія надъ декабристами. Высочайшій манифестъ о волненіяхъ среди крестьянъ. Высочайшій манифестъ объ учрежденіи Верховнаго Уголовнаго Суда надъ декабристами. Донесеніе слѣдственной комиссіи. Списокъ лицъ, преданныхъ Вер-

ховному Суду. Высочайшій манифестъ о дѣлѣ декабристовъ. Высочайшая благодарность Дибичу. Верховный Уголовный Судъ. Роспись государственнымъ преступникамъ. Указъ Верховному Суду. Выписка изъ протокола Верховнаго Суда. Высочайшій приказъ объ исключеніи осужденныхъ изъ списковъ войскъ. Приговоръ надъ соучастниками Сергія Муравьева-Апостола. Высочайшій приказъ российскимъ войскамъ. Высочайшій приказъ о наказаніяхъ офицерамъ, замѣшаннымъ въ заговоръ, но не преданнымъ суду.—1827 г. Приговоръ надъ поручикомъ Усовскимъ. Приговоръ надъ офицеромъ Вегелинымъ и др. Донесеніе Варшавскаго слѣдственнаго комитета. Приговоръ надъ офицерами Старковымъ и Таптыковымъ. Приговоръ надъ маоромъ Раевскимъ.—1830 г. Приговоръ надъ кн. С. С. Оболенскимъ. Приговоръ надъ Дороховымъ. Высочайшій манифестъ о возстаніи въ Польшѣ.—1831 г. Указъ Сенату о мѣрахъ къ подавленію возстанія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Западнаго Края. Высочайшій манифестъ объ окончаніи польскаго возстанія. Указъ главнокомандующему дѣйствующей арміей. Указъ объ облегченіяхъ наказаній нѣкоторымъ изъ декабристовъ. Указъ о наказаніяхъ виновнымъ въ польскомъ возстаніи.—1837 г. Приговоръ надъ Масловскимъ.—1839 г. Приговоръ надъ Вейсомъ и др.—1840 г. Указъ о лицахъ, замѣшанныхъ въ заговоръ Канарскаго.—1848 г. Приговоръ по дѣлу Холмскаго.—1849 г. Приговоръ по дѣлу Петрашевскаго и петрашевцевъ.—1856 г. Амнистія декабристовъ.—1861 г. Приговоръ надъ М. П. Михайловымъ.—1862 г. Арестъ тверскихъ мировыхъ посредниковъ. Высылка профессора Павлова. Приговоръ надъ офицеромъ Обручевымъ. Запрещеніе двухъ воскресныхъ школъ. Увольненіе отъ службы братьевъ гр. Ростовцевыхъ. Закрытіе народныхъ читаленъ и шахматнаго клуба. Закрытіе всѣхъ воскресныхъ школъ въ войскахъ. Закрытіе повсемѣстно воскресныхъ школъ и читаленъ. Закрытіе общества для пособія учащимся. Приговоръ надъ офицеромъ Янковскимъ. Казнь офицеровъ Аригольда, Сливичаго и Ростковскаго. Преданіе суду офицера Григорьева. Приговоръ надъ тверскими мировыми посредниками. Преданіе суду офицеровъ Даниловича и друг. и приговоръ надъ ними. Приговоръ надъ юнкеромъ Кудрявымъ. Приговоръ надъ офицеромъ Григорьевымъ. Приговоръ надъ подполковникомъ Красовскимъ. Приговоръ надъ учителемъ Викторовымъ. Приговоръ надъ офицерами Постниковымъ и Еллинымъ.—1863 г. Приговоръ надъ студентомъ Яковлевымъ. Приговоръ надъ студентомъ Беневольскимъ и др. Приговоръ надъ студентомъ Вороновымъ и др. Приговоръ надъ офицеромъ Ушаковымъ. Приговоръ надъ юнкеромъ Шукшта. Приговоръ надъ офицеромъ Крушевскимъ. Приговоръ надъ мѣшаниномъ Мартыновымъ. Приговоръ надъ дворяниномъ Муравскимъ. Приговоръ надъ лекаремъ Павловскимъ. Приговоръ надъ студентомъ Сунгуровымъ. Приговоръ надъ студентами Фрязиновскимъ и др.—1864 г. Приговоръ надъ студентами Стахевичемъ и Цвѣтковымъ. Приговоръ надъ врачомъ Стрижевскимъ. Приговоръ надъ Н. Г. Чернышевскимъ. Публичное объявленіе приговора Чернышевскому. Приговоръ надъ учителемъ

Курбатовскимъ. Дѣло о заговорѣ въ Казани. Приговоръ надъ Д. Н. Писаревымъ и др. Казнь офицеровъ Иванецкаго, Мротча и Станкевича въ Казани.—1865 г. Высочайшій рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ о московскомъ дворянскомъ собраніи. Приговоръ надъ студентомъ Самаринымъ и гимназистомъ Бекеневымъ. Приговоръ надъ Н. А. Серно-Соловьевичемъ и др. Публичное объявление имъ приговора. Приговоръ надъ инженеромъ Дейхманомъ. Казнь офицера Черняка.—1866 г. Дѣло о послабленіяхъ властей, оказанныхъ М. И. Михайлову въ Тобольскѣ. Правительственное сообщеніе о покушеніи Каракозова на жизнь Государя. Назначеніе Муравьева председателемъ слѣдственной комиссіи. Пожалованіе дворянства Коммиссарову. Свѣдѣнія о Каракозовѣ. Публичное объявление приговора Мосолову и др. Указъ объ учрежденіи Верховнаго Уголовнаго Суда. Свѣдѣнія о сообщникахъ Каракозова. Извѣстіе о возмущеніи сельскихъ поляковъ въ Сибири. Приговоръ надъ Каракозовымъ. Казнь Каракозова. Приговоръ надъ докторомъ Кобылинымъ. Приговоръ надъ солдатомъ Невѣдомскимъ. Дѣло Каракозовцевъ. Приговоръ надъ офицеромъ Кузнецовымъ.—1867 г. Высочайшее повелѣніе о закрытіи петербургскаго земства. Приговоръ надъ офицеромъ Нечмировымъ. Рѣшеніе Сената по дѣлу петербургскаго земства. Телеграмма о покушеніи Березовскаго на жизнь Государя въ Парижѣ. Показанія Березовскаго. Свѣдѣнія о Березовскомъ. Процессъ Березовскаго.—1871 г. Процессъ Нечаевцевъ.—1872 г. Процессъ Гончарова.—1873 г. Процессъ Нечаева. Правительственное сообщеніе объ учащихъ въ Цюрихѣ русскихъ женщинахъ. 1874 г. Правительственное сообщеніе о 19 эмигрантахъ. Процессъ Долгушина и др.—1875 г. Процессъ Дьякова и др.—1876 г. Правительственное сообщеніе о демонстраціи на Казанской площади.

Томъ второй.—1877 г. Предисловіе.—Дѣло о демонстраціи на Казанской площади. Сенатское рѣшеніе по этому дѣлу. Дѣло о «противозаконномъ сообществѣ», или такъ называемый «процессъ пятидесяти». Рѣчь С. Н. Вардиной. Рѣчь П. А. Алексѣева. Рѣчь Г. Ф. Здановича. Рѣчь С. Н. Аганова. Дѣло «Южно-Русскаго Рабочаго Союза». Дѣло студента Сергѣева и др. Дѣло доктора Покрышкина и др.

Томъ третій (вторая половина 1877 года). Предисловіе.—Засѣданіе Особого Присутствія 18-го, 20, 21 и 22 октября (чтеніе обвинительнаго акта). Засѣданіе Особого Присутствія 24, 25, 26, 27, 29 октября, 2, 3, 4, 7 ноября. Рѣчь Н. Н. Мышкина. Приговоръ. Конфирмація. Завѣщаніе осужденныхъ. Свѣдѣнія о процессѣ Кибальчича и др.

Первое приложение къ сборникамъ.—*Революціонная журналистика семидесятихъ годовъ*.—Предисловіе. «Начало» № 1, 2, 3, 4, «Летучій Листокъ» № 1. «Земля и Воля» №№ 1, 2, 3, 4. «Листокъ «Земли и Воли» № 1. «Земля и Воля» № 5. «Листокъ Земли и Воли» №№ 2—3, 4 и 5.

Второе приложение къ сборникамъ.—*Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ гг.*—Предисловіе.—1861 г. I. Къ дѣлу М. И. Михайлова: а) Отъ редакціи, б) Про-

кламація къ молодому поколѣнію, в) Огрывки изъ записокъ Михайлова, г) Стихотвореніе «Узнику», д) Отвѣтъ Михайлова студентамъ. II. Нѣсколько словъ о дѣлахъ Костомарова, Зайчневскаго и другихъ.—1862 г. I. Листокъ «Великорусь»: а) Отъ редакціи, б) «Великорусь» № 1, в) «Великорусь» № 2, г) «Великорусь» № 3, д) Проектъ адреса Государю, е) Отвѣтъ «Великорусу». II. Къ дѣлу Аргольда и его товарищей: а) Отъ редакціи, б) Статья Герцена «Русскіе мученики въ Польшѣ». III. Къ дѣлу подполковника Красовскаго, Корзона, Дьяконова и другихъ. IV. Къ дѣлу подпоручика Григорьева. V. Къ дѣламъ Хмѣленскаго, Корзона, Дьяконова и другихъ. VI. Рѣшеніе Государственнаго Совѣта по дѣлу Н. П. Огарева. VII. Прокламація 1862 года: а) Отъ редакціи, б) «Молодая Россія», в) Статья Герцена «Молодая и старая Россія», г) Прокламація «Земская Дума», д) Прокламація «Къ офицерамъ», е) Прокламація «Къ образованнымъ классамъ», ж) Прокламація «Русское правительство подъ покровительствомъ Шедо-Ферротти». VIII. Рѣчь профессора Павлова. IX. Письмо Г. В. Берви къ предводителямъ дворянства.—1863 г. I. Къ дѣлу П. А. Мартыанова: а) Отъ редакціи, б) Изъ статьи Герцена «П. А. Мартыановъ и земскій царь», в) Письмо Мартыанова къ Александру II.—II. Прокламація 1863 г.: а) Отъ редакціи, б) «Свобода» № 1, в) Офицерамъ всѣхъ войскъ отъ общества «Земля и Воля». —1864 г. Къ дѣлу Н. Г. Чернышевскаго: а) Отъ редакціи, б) Сенатская записка по дѣлу Чернышевскаго, в) Секретный циркуляръ о Чернышевскомъ, г) Статья Герцена о Чернышевскомъ въ № 186 «Колокола», д) Статья Z о Чернышевскомъ въ № 189 «Колокола». —1865 г. Отъ редакціи. Дѣло Андрущенко и др. Казанскій заговоръ.—1867 г. Отъ редакціи. Рѣчь Н. В. Соколова на судѣ.—*Конекъ шестидесятихъ годовъ*. Къ дѣламъ Карпова и другихъ. Ралли.—Очеркъ Славянской секціи Интернаціонала. Зарубежныя періодическія изданія и сборники 50-хъ и 60-хъ годовъ (полный перечень содержанія «Полярной Звѣзды», «Голосовъ изъ Россіи», «Историческихъ Сборниковъ», «Колокола», «Будущности», «Свободнаго Слова», «Подпольнаго Слова», «Народнаго Дѣла» и другихъ).

Третье приложение къ сборникамъ. *Литература партіи «Народной Воли»*.—Предисловіе. «Народная воля» №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8—9, 10, 11—12. «Листки Народной Воли» за 1880, и 1881—1883 г.г. Прибавленіе къ «Листку» за 1883 г. Приложение къ № 8—9 «Народной Воли». «Рабочая Газета» №№ 1 и 2. Документы партіи «Народной Воли». Прокламаціи партіи «Народной Воли» (нѣкоторые изъ нихъ воспроизводятся съ подлинниковъ въ первый разъ). Матеріалы для исторіи партіи «Народной Воли».

Цѣна по подпискѣ за шесть томовъ съ пересылкою въ Европейской Россіи для подписавшихся до 15 февраля текущаго года—4 рубля. По выходѣ изданія, цѣна его будетъ значительно повышена.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1906 г.
(ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

на большую, ежедневную политическую, экономическую и литературную газету

ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

выходящую въ г. ОДЕССѢ, въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Редакторъ-издатель Г. М. Бейленсонъ.

Въ газетѣ помѣщаются телеграммы «С.-Петербургскаго агентства» и собственныхъ корреспондентовъ.

ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ газета выходитъ въ увеличенномъ объемѣ: прилагается

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПОЛУЛИСТЪ

съ оригинальными и переводными рассказами, рисунками и статьями популярно-научнаго содержания.

Въ дни выдающихся событий выпускаются телеграммы.

Подписная цѣна на газету «ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»:

ВЪ ОДЕССѢ:

НА ГОРОДА:

съ доставкой на годъ 6 р. — к.	съ пересылкой на годъ 8 р. — к.
» » 6 мѣс. 3 » — »	» » 6 мѣс. 4 » — »
» » 3 » 1 » 80 »	» » 3 » 2 » — »
» » 1 » — » 60 »	» » 1 » — » 70 »

Отдѣльные номера въ розничной продажѣ по 3 коп.

При годовой подпискѣ допускается **разсрочка платежа.**

Подписка принимается въ Одессѣ въ главной конторѣ газеты «ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» (При типографіи Исаковичъ и Бейленсонъ, Гаванная № 20).

Телефонъ конторы № 107.

Телефонъ редакціи № 125.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 годъ

НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО

(XIV-ый годъ изданія).

Редакторъ-издатель Вл. Короленко.

На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р.; безъ доставки въ Петербургъ, Москвѣ и Кіевѣ 8 р., за границу 12 р. Адресъ: *Петербургъ*, Баскова ул., 9; *Москва*, Никитския Ворота, д. Гагарина; *Кіевъ*, Крещатикъ, д. 14. При непосредственномъ обращеніи по этимъ адресамъ допускается **разсрочка**: при подпискѣ 5 р. и къ 1-му юли 4 р., или при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля 3 р. и къ 1-му юли 3 р.—Книжные магазины, библіотеки, земскіе склады и потребительныя общества могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ каждаго годового экземпляра. Подписка въ разсрочку отъ нихъ не принимается.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1906 ГОДЪ

на ежедневную политическую газету

ВѢКЪ.

„Вѣкъ“—независимый органъ печати. Девизъ газеты—прогрессивное развитіе силъ общественныхъ на основѣ конституціонной свободы.

Условия подписки съ доставкой и пересылкой:

на 1 годъ	на ½ года	на 3 мѣсяца	на 1 мѣсяцъ
10 р.	5 р.	2 р. 50 к.	1 р.

Для преподавателей всѣхъ учебныхъ заведеній и студентовъ:

на 1 годъ	на ½ года	на 1 мѣсяцъ
7 р.	3 р. 50 к.	60 к.

Редакція и контора: Москва, Столешниковъ пер., домъ О-ва «Якорь».

Контора открыта въ будни съ 10 до 5 ч., въ праздники отъ 1 до 3 ч.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ

въ 1906-мъ году.

(ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

«Нижегородскій Листокъ» ставитъ своей задачей разработку вопросовъ нижегородской и волжской жизни, отводя въ то же время широкое мѣсто интересамъ государственной и общественной жизни всей Россіи.

Составъ сотрудниковъ остается прежній.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

1 м. 1 р. — к.	1 м. 1 р. 25 к.
2 » 1 » 50 »	2 » 1 » 75 »
3 » 2 » — »	3 » 2 » 50 »
4 » 2 » 50 »	4 » 3 » — »
5 » 3 » 25 »	5 » 4 » — »
6 » 4 » — »	6 » 4 » 55 »
7 » 4 » 50 »	7 » 5 » — »
8 » 5 » — »	8 » 5 » 50 »
9 » 5 » 50 »	9 » 6 » 25 »
10 » 6 » — »	10 » 7 » — »
11 » 6 » 50 »	11 » 7 » 50 »
12 » 7 » — »	12 » 8 » — »

За доставку „Ниж. Листка“ за границу уплачивается сверхъ стоимости газеты по иногородней таксѣ еще по 60 коп. въ мѣсяцъ.

Подписка принимается съ 1-го и 15 числа каждаго мѣсяца:

- 1) Въ **Нижнемъ-Новгородѣ**, въ Главной Конторѣ „Нижегородскаго Листка“, Большая Покровка, домъ Приспѣшниковъ.
- 2) Въ **Москвѣ**, въ отдѣленіи Конторы „Нижегородскаго Листка“ при конторѣ Н. Печковской—Петровскія линія.
- 3) Въ **Москвѣ и Петербургѣ**, въ конторахъ объявленій Торговаго Дома Л. и Э. Метиль и К^о.

Продолжается подписка на 1906 годъ
на большую ежедневную газету

„НАША ЖИЗНЬ“

(2-й годъ изданія)

Редакторъ-издатель профессоръ Л. В. Ходскій.

Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, 19.

Условія подписки на «Народное Хозяйство» тѣ же.

Подписная цѣна съ дост. и пересылкою:

На годъ	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
12 р.	6 р.	5 р.	4 р.	3 р.	2 р. 30 к.	1 р. 30 к.

Подписка считается не иначе, какъ съ 1-го числа по 1-ое. При высылкѣ денегъ просить, во избѣжаніе недоразумѣній, упоминать названіе мѣсяца, съ котораго хотятъ получать газету, а также внимательно писать названіе газеты, не смѣшивая его съ другими, похожими. Чтобы не произошло задержки въ высылкѣ, не слѣдуетъ откладывать подписку до послѣднихъ дней. Лица, подписавшіяся въ разсрочку и вообще на льготныхъ условіяхъ (подписчики-основатели), благоволятъ адресовать подписныя деньги непосредственно въ контору, а не черезъ книжные магазины. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: 1-й взносъ 3 р., а затѣмъ по 1 р. въ мѣсяцъ или по 2 р. каждыя два мѣсяца, до погашенія годовой платы. Для студентовъ, сельскихъ учителей и др., затрудняющихся обычной разсрочкою, допускается: по 1 руб. ежемесячно въ теченіе первыхъ 10 мѣсяцевъ, за годъ. За границу—прибавляется за каждый мѣсяцъ по 1 руб. За перемѣну адреса городского на городской 10 коп., во всѣхъ остальныхъ случаяхъ 30 коп.

Съ 1906 года, кромѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго приложенія

«Иллюстрированная Недѣля», подписчики будутъ получать

еженедѣльное литературно-научное приложеніе.

Въ первомъ году изданія въ „Нашей Жизни“ и „Народномъ Хозяйствѣ“ помѣщались статьи слѣдующихъ авторовъ:

В. К. Агафоновъ, А. В. Амстердамскій, Н. И. Алексѣевъ, Е. В. Аничковъ, В. И. Анофриевъ, М. Ю. Ашенбреннеръ, Н. П. Ашеровъ, Д. Айманъ, В. В. Башкинъ, А. Н. Берединовъ, Л. Д. Брюхатовъ, П. Д. Боборыкинъ, А. И. Богдановичъ, М. И. Богдановъ, проф. Н. А. Бодуанъ-де-Куртена, В. Я. Богучарскій, В. В. Брусилъ, проф. С. Н. Булгаковъ, С. Н. Бувицъ, А. Ф. Быкова, А. Н. Быковъ, А. И. Бычковъ, А. С. Бѣлевскій, И. М. Василевскій, Л. М. Василевскій, К. В. Веселовскій, В. В. Веселовскій, В. В.—, В. А. Витмеръ, В. В. Водовозовъ, Г. А. Вяткинъ, Ф. Ф. Воронцовъ, Г. А. Гагина, А. В. Гизетти, П. Головачевъ, В. С. Голубевъ, П. А. Голубевъ, проф. Д. Гольдгаммеръ, проф. Г. М. Гольдштейнъ, К. А. Горбуновъ, В. Н. Гордианъ, Л. Я. Гуревичъ, Я. Я. Гуревичъ, К. Б. Гранхагенъ, С. И. Гусевъ-Орелбургскій, К. И. Диксонъ, П. И. Добротворскій, кн. Н. П. Долгоруковъ, А. А. Дрошневскій, Н. П. Дружининъ, В. В. Дурасовъ, С. Елевскій, В. Жаботинскій, И. В. Жиликинъ, П. В. Засодимскій, П. Звѣздичъ, Е. А. Звягинцевъ, А. С. Изгоевъ, В. К. Измайловъ, Н. М. Иорданскій, А. В. Югансонъ, Г. В. Каррикъ, Н. Н. Ковалевскій, А. Ковровъ, К. Я. Кожухаръ, А. А. Корниловъ, Н. И. Коробка, А. Н. Котельниковъ, А. И. Кузринъ, Е. Д. Кускова, Д. А.

Левина, М. К. Лемке, М. А. Лихаревъ, А. Е. Лосицкій, Н. О. Лосскій, А. А. Лукьяновъ, Л. М. Львовъ, Малиновскій, К. Д. Мазяревскій, В. И. Манонковъ, К. А. Мадтевичъ, Д. С. Мережковский, П. Г. Мизуевъ, М. М. Могиланскій, В. Д. Набоковъ, М. П. Невѣдомскій, Л. М. Немановъ, А. И. Никольскій, Д. П. Никольскій, А. Н. Новиковъ, проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, А. Ф. Одарченко, Н. П. Павловъ-Сильванскій, Л. Ф. Пантелеевъ, проф. Л. И. Петражицкій, М. П. Петрункевичъ, Л. Полонскій, П. И. Поповъ, И. А. Порошинъ, В. В. Португаловъ, А. А. Прессъ, С. Н. Прокоповичъ, В. К. Прокшинскій, С. Д. Протопоповъ, А. С. Пругавинъ, А. А. Раппагъ, М. Б. Ратнеръ, П. И. Рачинскій, А. М. Ремизовъ, Е. В. Де-Роберти, А. А. Русовъ, А. М. Рыкачевъ, проф. С. С. Салазкинъ, Д. Сатуринъ, Е. В. Свѣтловскій, Д. Д. Семеновъ, А. В. Смирновъ, проф. М. Н. Соболевъ, О. Соллогубъ, С. И. Соляцевъ, А. А. Стаховичъ, П. Б. Струве, В. Г. Тапъ, Е. В. Тарле, гр. П. М. Толстой, В. Ф. Тотоміанъ, Н. И. Фалѣевъ, Д. В. Философовъ, В. В. Хижняковъ, В. М. Хижняковъ, А. Н. Ходолей, проф. Л. В. Ходскій, проф. Н. А. Холодковский, Д. М. Цензоръ Г. И. Чулковъ, О. Н. Чюмина, В. И. Шарый, Л. И. Шестовъ, проф. В. М. Шимкевичъ, А. Н. Шипицынъ, Н. П. Штейнфельдъ, Г. Штильманъ, Н. Е. Щеголевъ, М. Энгельгардтъ, С. С. Юшкевичъ, А. М. Оедоровъ, Д. О. Ярошевичъ и мн. другіе.

Временно подписчикамъ «Нашей Жизни» высылается газета «Народное Хозяйство», издаваемая проф. Л. В. Ходскимъ при участіи сотрудниковъ «Нашей Жизни».

Предполагавшееся съ января 2-е удешевленное изданіе „Нашей Жизни“ подъ названіемъ „Товарищъ“, вслѣдствіе встрѣтившихся затрудненій съ оборудованіемъ типографіи и проч., откладывается впредь до особой публикаціи. Внесшіе уже подписную плату будутъ удовлетворены высылкою „Нашей Жизни“. Пока подписка на „Товарищъ“ прекращена.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 годъ

НА НОВОЕ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКОЕ

ИЗДАНІЕ

М. В. Пирожкова.

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

подъ редакціей Петра Струве

и при ближайшемъ участіи: В. И. Вернадскаго, И. М. Гревса, Д. Е. Жуковскаго, Б. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, П. И. Новгородцева, И. И. Петрункевича, Ф. И. Родичева и С. Д. Франка.

КРОМѢ ТОГО, СОТРУДНИЧЕСТВО СВОЕ ОБЪЯВИЛИ СЛѢДУЮЩІЯ ЛИЦА:

И. А. Бердяевъ, Н. Н. Баженовъ, О. Е. Бужанскій, С. Н. Булгаковъ, А. А. Васильевъ, М. Я. Герценштейнъ, В. М. Гессенъ, Э. Д. Гриммъ, В. Э. Денъ,

В. Б. Ельмашевъ, Г. Б. Юлосъ, А. А. Кауфманъ, А. А. Кизеветтеръ, А. С. Ломшаковъ, Н. О. Лосскій, Н. Н. Львовъ, А. А. Мануиловъ, Д. С. Мережковский, М. М. Могилевскій, В. Д. Набоковъ, В. М. Нечаевъ, Д. Н. Овсянко-Куликовский, С. О. Ольденбургъ, Л. О. Петражицкій, Г. А. Покровскій, А. Е. Пръняковъ, В. В. Струве, кн. Е. Н. Трубецкой, кн. Г. Н. Трубецкой, Д. В. Философовъ, М. И. Фридманъ, А. А. Чупровъ, Г. Н. Штильманъ и др.

Полярная звезда будетъ отстаивать идеи личности, культуры, свободы, демократіи и социальной справедливости, исходя изъ цѣльнаго культурно-философскаго міросозерцанія. Вся явленія текущей жизни она будетъ освѣщать и оцѣнивать съ широкой философской точки зрѣнія. Огромный переворотъ, который совершается на нашей родинѣ, долженъ быть обсуждаемъ съ строгой принципиальностью и полной независимостью мысли. Ставя во главу угла нашего міросозерцанія начало свободы и своеобразія личности, мы будемъ давать въ нашемъ органѣ мѣсто всякому искреннему и оригинальному слову въ защиту свободы и культуры.

Условія подписки: съ дост. и перес. на годъ 5 р., на полгода 3 р.; за границу на годъ 7 р. на полгода 4 р.

Въ отдѣльной продажѣ книжки будутъ стоить по 15 к.

Адресъ Редакціи: Вознесенскій просп. 31, кв. 8. Контора помѣщается въ квартирѣ книгоиздательства М. В. ПИРОЖКОВА. (Спб., Вас. О., 2 лин., д. 13).

Подписка принимается, кромѣ конторы, въ магазинѣ «ТРУДЪ» Спб., Невскій, 60), а также и въ другихъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

Пріемъ объявленій исключительно въ конторѣ (Спб. Вас. О., 2 лин., д. 13).

О ПОДПИСКѢ НА „ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ВЪ 1906 ГОДУ

(ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ).

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ будетъ издаваться въ 1906 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія двадцать шесть лѣтъ (1880—1905).

Свобода печати снимаетъ запретъ со многихъ событій отечественной исторіи и даетъ намъ возможность разрабатывать и освѣщать ихъ съ правдивой стороны. Поэтому, въ теченіе 1906 года, въ „ИСТОРИЧЕСКОМЪ ВѢСТНИКѢ“ будутъ напечатаны статьи и воспоминанія, касающіяся не только прошлой, но и современной исторіи, которыя, по существовавшимъ цензурнымъ условіямъ, не могли до сихъ поръ появиться на страницахъ нашего журнала.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ДВѢНАДЦАТЬ КНИЖЕКЪ ВЪ ГОДЪ (со всѣми приложеніями) ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ НА ДОМЪ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“ въ ПЕТЕРБУРГѢ при книжномъ магазинѣ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ МОСКВѢ, ХАРЬКОВѢ, ОДЕССѢ, САРАТОВѢ и РОСТОВѢ-НА-ДОНУ, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „НОВАГО ВРЕМЕНИ“.